UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00295472 5

Gor

I - IV , VIII

1891 - 1948

4 vol. hcalf, 1 pap.

f 350.-

I: XIX, 503 p., ptr. 1891
II: XIII, 427 p., ptr. 1893.
III: XI, 569 p., ptr. 1895.
IV: X, 375 p., pl. 1898. i.a. Rossijskaj
VIII: XII, 472 p. 1948. Perepisk L

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

СОЧИНЕНІЯ

М. В. ЛОМОНОСОВА

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

АКАДЕМИКА

М. И. СУХОМЛИНОВА.

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1891.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1891 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *А. Штраухъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первое собраніе сочиненій Ломоносова издано самимъ авторомъ, въ 1751 году. Представляя свою рукопись въ академію, Ломоносовъ заявилъ: „Намѣренъ я всѣ мои оды и другія мои сочиненія отдать въ печать, для того что весьма много охотниковъ которые ихъ спрашиваютъ“. Что спросъ на сочиненія Ломоносова былъ весьма значителенъ, видно уже изъ того, что число экземпляровъ увеличено вдвое: вмѣсто обычныхъ въ то время 725 напечатано 1450. Изъ собственныхъ словъ Ломоносова о поводѣ къ изданію сочиненій, можно заключить, что и при выборѣ ихъ авторъ имѣлъ въ виду литературный вкусъ и требованія тогдашнихъ читателей. Въ этомъ отношеніи любопытенъ составъ первой книги, вышедшей подъ заглавіемъ: „Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова“. Въ ней помѣщены: десять духовныхъ одъ, десять одъ похвальныхъ, девятнадцать надписей и одно похвальное слово — императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

По счастію, сохранилась рукопись, по которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова. Она заключаетъ въ себѣ одни только стихотворенія, именно

*

всѣ тѣ оды и надписи, которыя напечатаны въ изданіи 1751 года, за исключеньемъ оды шестой — благодарственной за милость, оказанную автору въ Царскомъ Селѣ. Изъ одъ духовныхъ писаны Ломоносовымъ собственноручно четыре: переложенія псалмовъ: 26, 34 и 70, и ода, выбранная изъ Іова; всѣ остальныя писаны чужою рукою. Изъ похвальныхъ одъ писана рукою Ломоносова только одна: „На взятіе Хотина". Сверхъ того написаны рукою Ломоносова двѣ строфы изъ оды 1746 года, на день рожденія императрицы Елисаветы Петровны *). Всѣ надписи писаны рукою Ломоносова. Рукопись хранится въ Библіотекѣ Академіи наукъ.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ перваго Собранія сочиненій Ломоносова вышло второе, съ многочисленными дополненіями и съ измѣненіями, сдѣланными самимъ Ломоносовымъ. Оно начинается „Предисловіемъ о пользѣ книгъ церьковныхъ въ Россїйскомъ языкѣ". За предисловіемъ слѣдуютъ тѣ же самыя стихотворенія и въ томъ же порядкѣ, какъ и въ первомъ Собраніи; прибавлены: двѣ оды, двадцать пять надписей, и т. д.

По смерти Ломоносова, изданіе его сочиненій принимали на себя: Академія наукъ, Россійская академія и частныя лица, во главѣ которыхъ долженъ быть названъ архимандритъ Дамаскинъ, бывшій питомецъ геттингенскаго университета, одинъ изъ выдающихся русскихъ ученыхъ своего времени.

Въ 1771 году учреждено было при московскомъ университетѣ Вольное Россійское Собраніе „для исправ-

---

*) Сравнительно со второю редакціею оды, въ рукописи Ломоносова слѣдующіе варіанты:

Ст. 38. Цвѣтами пестру расширяя,
Ст. 47. И щастливой избрала знакъ

ленія и обогащенія россійскаго языка чрезъ изданіе полезныхъ, а особливо къ наставленію юношества потребныхъ сочиненій и переводовъ, стихами и прозою". Самымъ вѣрнымъ средствомъ для достиженія желаемой цѣли признано изданіе сочиненій Ломоносова, которое и принялъ на себя членъ Вольнаго Россійскаго Собранія архимандритъ Дамаскинъ. Въ 1778 году вышло въ свѣтъ изданное имъ Собраніе разныхъ сочиненій Ломоносова. Ученый издатель говоритъ: „Между писателями, которые отъ всего просвѣщеннаго общества искуснѣйшими въ словѣ россійскомъ почитаются, Ломоносовъ по справедливости первое занимаетъ мѣсто. Чего ради, чтобы какъ переводчики и сочинители наши, такъ и обучающіеся въ школахъ юноши, могли удобнѣе достать и для подражанія въ правописаніи и красотѣ слога всегда предъ очами имѣть самаго лучшаго россійскаго писателя, предпріялъ я выдать на свѣтъ всѣ покойнаго Михайлы Васильевича Ломоносова сочиненія" и т. д. Изданіе Дамаскина—безспорно самое замѣчательное изъ посмертныхъ изданій сочиненій Ломоносова. Научные пріемы выразились и въ расположеніи произведеній въ хронологическомъ порядкѣ, и въ приведеніи варіантовъ. Дамаскинъ держался текста перваго Собранія, изданнаго Ломоносовымъ, и приводилъ варіанты изъ втораго Собранія, вышедшаго также при жизни автора.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія (1784—1787) Академія наукъ издала Полное собраніе сочиненій Ломоносова. Оно въ сущности было повтореніемъ изданія Дамаскина; но въ немъ помѣщено нѣсколько писемъ и стихотвореній Ломоносова, нигдѣ до того времени ненапечатанныхъ. Важный недостатокъ академическаго изданія заключается въ неточности текста нѣкоторыхъ изъ произведеній Ломоносова, впер-

вые появившихся въ печати. Это искаженіе рукописнаго текста послужило поводомъ къ эпиграммѣ, которую мы и приводимъ въ своемъ мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе изданіе повторялось нѣсколько разъ, и къ нему постоянно обращались въ литературныхъ работахъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ Ломоносову.

Въ 1840 году сочиненія Ломоносова изданы Россійскою академіею. Принимая на себя этотъ трудъ, она надѣялась принести большую пользу современной русской литературѣ: „Россійская Академія, издавая снова всѣ стихотворенія, избранныя рѣчи и риторику Ломоносова, желаетъ и надѣется доставить, и юношеству и всѣмъ любителямъ россійской словесности, образцы и правила поэзіи и витійства, и тѣмъ способствовать къ распространенію истиннаго вкуса и просвѣщенія“.

То обстоятельство, что изданіе сочиненій Ломоносова принимали на себя ученыя учрежденія и литературныя общества, а равно и цѣль, съ которою издавались его сочиненія втеченіе почти цѣлаго столѣтія, показываютъ силу и живучесть литературнаго авторитета Ломоносова. Но движеніе литературы и науки выдвигаетъ и другія цѣли и требованія, видоизмѣняющія и усложняющія задачу издателя. Въ литературѣ нашей неоднократно высказывалась мысль о необходимости новаго изданія произведеній Ломоносова.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ признало нужнымъ предпринять изданіе сочиненій Ломоносова. Возложивъ на насъ исполненіе этого труда, Отдѣленіе одобрило представленный нами планъ изданія.

Существенное условіе изданія литературнаго памятника заключается въ точномъ сохраненіи первоначальнаго текста, съ указаніемъ тѣхъ измѣненій, которыя дѣлались самимъ авторомъ. Разысканіе перваго изданія (editio princeps) многихъ изъ произведеній Ломоносова сопряжено было съ большими трудностями. А между тѣмъ именно въ этихъ изданіяхъ стихотворенія являются въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вышли изъ-подъ пера автора и въ какомъ читали ихъ и восхищались ими его современники. Текстъ, принятый у Дамаскина, удерживался, и отчасти искажался, послѣдующими изданіями, да и въ превосходномъ изданіи Дамаскина многое и весьма многое напечатано не въ первой редакціи, а во второй, значительно уклоняющейся отъ первоначальной.

Въ настоящемъ изданіи особенное вниманіе обращено на собственноручныя рукописи Ломоносова.

Въ Библіотекѣ Академіи наукъ хранится, какъ мы сказали, драгоцѣнная рукопись Ломоносова, съ которой печаталось первое Собраніе его сочиненій. Рукопись въ листъ, въ бумажномъ переплетѣ; на внутренней сторонѣ его, внизу, надпись стариннымъ почеркомъ: „Изъ типографіи 1756 декабря 3“.

Въ академической библіотекѣ также находятся:

Рукопись № 112, заключающая въ себѣ черновыя бумаги Ломоносова, преимущественно матеріалы для грамматики.

Сборникъ, извѣстный подъ именемъ Свиньинскаго, потому что принадлежалъ издателю Отечественныхъ Записокъ Свиньину и описанъ имъ въ „Извѣстіи о вновь открытыхъ рукописяхъ Ломоносова“, помѣщенномъ въ Отечественныхъ Запискахъ. 1827. Ч. XXXI. стр. 489—494.

Въ Архивѣ Академіи наукъ, именно въ такъ называемомъ Архивѣ Академической Канцеляріи, въ массѣ фоліантовъ, разсѣяны рукописи Ломоносова, и въ числѣ ихъ стихотворенія.

При каждомъ произведеніи обозначены въ нашемъ изданіи какъ текстъ, по которому оно печатается, такъ и соотвѣтствующіе варіанты. Въ литературной исторіи произведеній Ломоносова варіанты имѣютъ важное значеніе. Они знакомятъ съ авторскими пріемами вообще; ими же опредѣляется, въ иныхъ случаяхъ, отношеніе произведенія къ современной имъ дѣйствительности. Изученіе рукописей Ломоносова показываетъ, что онъ много работалъ надъ своимъ стихомъ. Независимо отъ многочисленныхъ поправокъ въ рукописи и въ корректурѣ, Ломоносовъ, приводя свои стихи въ томъ или въ другомъ прозаическомъ сочиненіи, обыкновенно дѣлалъ въ нихъ бо́льшія или меньшія измѣненія. При новомъ изданіи стихотвореній онъ почти никогда не оставлялъ ихъ въ прежнемъ видѣ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ измѣненія были такъ велики, что являлась новая редакція издаваемаго произведенія.

Вслѣдъ за варіантами помѣщены объяснительныя примѣчанія и приложенія. Общее свойство и самый объемъ примѣчаній опредѣляются историко-литературными соображеніями. Особенно подробны примѣчанія наши къ первымъ по времени стихотвореніямъ Ломоносова; при этомъ мы имѣли въ виду значеніе ихъ въ литературной дѣятельности Ломоносова вообще. Начало ея находится въ связи съ дѣятельностью Тредьяковскаго, и двѣ первыя оды Ломоносова служатъ доказательствомъ побѣды богато одареннаго ученика надъ заслуживающимъ всякаго уваженія учителемъ. Вторая ода Ломоносова, ярко обнаруживая его сильный талантъ, опредѣлила тотъ путь, которымъ пошелъ въ

литературѣ и самъ Ломоносовъ и его многочисленные подражатели. Спорные вопросы, возникавшіе по поводу знаменитой оды, не могли быть оставлены безъ разъясненія.

Къ переводамъ и подражаніямъ Ломоносова мы прилагаемъ и подлинники; способъ перевода, удержаніе тѣхъ или другихъ чертъ подлинника, и самый выборъ произведеній, представляютъ несомнѣнный интересъ въ литературномъ отношеніи.

Изданіе сочиненій Ломоносова мы начинаемъ съ его стихотвореній: такой порядокъ опредѣляется значеніемъ ихъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка, и находитъ подтвержденіе въ примѣрѣ какъ самого Ломоносова, такъ и всѣхъ послѣдующихъ издателей его сочиненій.

Стихотворенія Ломоносова расположены нами въ хронологической послѣдовательности. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣтъ никакой возможности опредѣлить ихъ съ несомнѣнною точностью. Приходится поневолѣ ограничиваться приблизительнымъ опредѣленіемъ времени, когда они написаны.

Портретъ, приложенный къ первому тому, снятъ съ портрета-оригинала, бывшаго въ семействѣ Ломоносова и принадлежащаго въ настоящее время потомку Ломоносова, графу Григорію Ивановичу Постицу. Считаемъ долгомъ выразить благодарность графу И. Г. Постицу и графу Г. И. Постицу за участіе въ изготовленіи портрета Ломоносова для нашего изданія.

Собираніе источниковъ—рукописей и первыхъ изданій сопряжено съ чрезвычайными трудностями. Нѣкоторые изъ нихъ исчезли, повидимому, навсегда; другіе находятся въ рукахъ любителей, живущихъ въ различныхъ краяхъ Россіи. Иногда то, чего долго и напрасно искали въ богатыхъ библіотекахъ, общественныхъ и частныхъ, Петербурга и Москвы, неожиданно открывалось въ Красноярскѣ, и т. п. На приглашеніе Академіи сообщать матеріалы отозвались немногіе, но сообщенное ими заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Съ живѣйшею признательностью называемъ имена: А. Ѳ. Бычкова, И. И. Толстаго, В. М. Юзефовича и Г. В. Юдина, обязательно подѣлившихся съ нами своими литературными драгоцѣнностями.

Приносимъ искреннюю благодарность за содѣйствіе намъ въ работахъ нашихъ по изданію сочиненій Ломоносова: Л. Н. Майкову, В. И. Саитову, Н. С. Тихонравову и В. Н. Шеміоту.

М. И. Сухомлиновъ.

Оглавленіе.

1742.

1743.

1748.

1749.

1750.

1751.

Опечатки.

Страница.	*Стихъ.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
17	157	злится	злился
27	82	Недерскъ	Не дерскъ
29	169	воискъ	войскъ
75	159	сь ней	съ ней
89	102	странъ.	странъ,
160	40	съ тономъ	съ стономъ
178	5	Прохожїй	Прохожей
179	1	зданіе	зданїе
—	2	веселію	веселїю
213	21	со мнѣньемъ	сомнѣньемъ
217	143	Твои	Твой
253	766	съ тобою	съ тобой

(ПРИМѢЧАНІЯ).

	Строка.		
13	16	*вѣшьми*	*вѣтьвми*
43	19	la tonnerre	le tonnerre
182	40—41	созсателя	создателя
—	43	двоею	своею

I.

ОДА ФЕНЕЛОНА

ПЕРЕВЕДЕННАЯ

ЛОМОНОСОВЫМЪ

И ПРИСЛАННАЯ ИМЪ ВЪ АКАДЕМІЮ НАУКЪ

ВЪ 1738 ГОДУ.

ODE

Composée par Messire François de Salignac, de la Motte Fenelon, Archeveque-Duc de Cambray Prince du st. Empire.

1.

Montagnes de qui l'audace
Va porter jusques aux Cieux
Un front d'éternelle glace,
Soutien du sejour des Dieux:
Dessous vos têtes chenues
Je cueille au dessus des nues
Toutes les fleurs du Printems;
A mes pieds contre la terre
J'entends gronder le tonnerre
Et tomber mille torrens.

2.

Semblables aux monts de Thrace.
Qu'un Geant audacieux
Sur les autres monts entasse
Pour escalader les Cieux,
Vos sommets sont des Campagnes
Qui portent d'autres montagnes
Et s'élevans par degrez,
De leurs orgueilleuses têtes
Vont affronter les tempêtes
De tous les vents conjurez.

ОДА

Которую сочинилъ Господинъ Францїскъ де Салїньнякъ деля Мотта Фенелонъ, Архїепїскопъ Дюкъ Камбрейскїй, Священныя Рїмскїя Імперіи Прїнцъ.

1.

Горы толь что дерзновенно
Взносите верьхи къ звѣздамъ
Льдомъ покрыты беспремѣнно,
Нерушимъ столпъ небесамъ:
Вашими подъ сѣдинами
Рву цвѣты надъ облаками
Чемъ пестритъ васъ взоръ весны;
Тучи подо мной гремящы
Слышу, и дожди шумящы,
Какъ ручьевъ падучихъ тьмы.

2.

Вы горамъ Ѳракїйскимъ равны
Клалъ одну что на другу
Исполинъ отвагой славный
Что бъ взотти небесъ къ верьху.
Зрю на васъ поля широки,
Гдѣ съ уступами высоки
Горы, выше облаковъ
Гордыя главы вздымаютъ,
Бурей ярость посрамляютъ
Всѣхъ бунтуюшихъ вѣтровъ.

3.

Dès que la vermeille Aurore
De ses feux étincelans
Ces vertes montagnes dore
Les tendres agneaux bèlans
Errent dans les pâturage;
Bientôt les sombres bocages
Plantes le long des ruiseaux
Et que les Zephirs agitent,
Bergers et troupeaux invitent
A dormir au bruit des eaux.

4.

Mais dans ce rude païsage
Où tout est capricieux
Et d'une beauté sauvage
Rien ne rapelle à mes yeux
Les bords que mon fleuve arrose
Fleuve, où jamais le vent n'ose
Les moindres flots soulever:
Où le Ciel serain nous donne
Le Printems après l'Automne
Sans laisser place à l'Hiver.

5.

Solitude où la riviere
Ne laisse entendre aucun bruit
Que celui d'une onde claire,
Qui tombe, écume et s'enfuit:
Où deux Iles fortunées
Des rameaux verds couronnées,
Font pour le charme des yeux
Tout ce que le coeur desire:
Que ne puis-je avec ma Lyre
Te chanter du chant des Dieux!

3.

Какъ на сихъ горахъ червленой
Начинаетъ видъ зари
Сыпать по травѣ зеленой
Злато, искры и огни,
Скачютъ на лугахъ ягнята,
То гдѣ лыва кустовата
По истокамъ вдоль ростј͡отъ,
Зе́фірь древъ верьхи качаетъ
Съ пастухами призываетъ
Спать стада при шумѣ водъ.

4.

Но съ пригожствомъ на угрюмой
Нѣтъ тово на сей земли,
Что бъ я зрилъ очми и думой
Бреги какъ моей рѣки
Тихимъ токомъ орошенны,
Гдѣ не смѣютъ устремленны
Вѣтры волнъ когда́ взбудить.
Гдѣ всегда погода ясна,
Съ осенью весна прекрасна
Не пускаютъ зиму жить.

5.

Пу́стыня, гдѣ быстриною
Стрј͡ожъ моей рѣки шумитъ
Чистой только лишъ водою,
Спѣшно пѣнючись бѣжитъ.
Гдѣ два острова прекрасны
Какъ щастливы вѣтьвми рясны
Зраку могутъ радость дать
Серце каковой желаетъ:
Лѵ́ра что моя незнаетъ
Пѣснь тебѣ Боговъ вспѣвать!

6.

Du Zephir la douce haleine,
Qui reveroit nos buissons,
Fait sur le dos de la plaine
Flotter les jaunes moissons,
Dont Cerès remplit nos granges.
Bacchus lui-même aux vendanges
Vient empourprer le raisin,
Et du panchant des collines
Sur les campagnes voisines
Verse des fleuves de vin.

7.

Je voi au bout des campagnes,
Pleines de sillons dorez,
S'enfuit vallons et montagnes
Dans des lointains azurez,
Dont la bizarre figure
Est un jeu de la nature.
Sur les rive du canal,
Comme en un miroir fidele
L'Horizon se renouvelle
Et se peint dans ce cristal.

8.

Avec les fruits de l'Automne
Sont les parfums du Printems,
Et la vigne se couronne
De mille festons pendans.
Le fleuves aimant les prairies,
Qui dans les Iles fleuries
Ornent ses caneaux divers
Par des eaux ici dormantes
Là rapides et bruiantes
En baigne les tapis verds.

6.

Вѣтръ отъ Запада прïятно
Въ нашихъ вѣетъ тихъ лѣсахъ,
И волнуетъ многократно
Желты класы на поляхъ
Полнитъ чемъ Церéса гумна.
Сила Бáкхусова шумна
Обагряетъ вïноградъ,
Со пригоровъ, что высоки,
Многи льȣтъ вïна потоки,
На поля тѣ въ низъ бѣжатъ.

7.

За полями гдѣ ужъ спѣетъ
Даръ Цересы золотой
Горъ порядокъ чють синѣетъ
Долы скрыты далиной,
Дивны этихъ всѣ фïгуры
Только лишъ игра натуры
При своихъ брегахъ каналъ
Такъ какъ зерькало правдиво
Горïзонтъ являетъ живо
Чистой тотъ въ себѣ крïсталъ.

8.

Вдругъ съ осенными плодами
Сладокъ духъ даетъ весна,
Тьмою вïноградъ кистями
Краситъ увѣнчавъ себя.
Тутъ луга рѣкѣ прïятны
Въ островахъ цвѣтами знатны
Дѣлаютъ различны рвы;
Тихо идутъ тѣ здѣсь спящцы,
Скоро тамъ текутъ шумящцы,
Мочатъ злачныя ковры.

9.

Dansant sur les violette
Le Berger mêle sa voix
Avec le son des musette
Des flutes et des haut-bois:
Oiseaux par votre ramage
Tous soucis dans ce bocage
De tous coeurs sont éfacez.
Colombes et tourterelles
Tendres, plaintives, fideles,
Vous seules y gemisser.

10.

Une herbe tendre et fleurie
M'ofre des lits de gazon,
Une douce reverie
Tien mes sens et ma raison.
A ces charmes je me livre,
De ce Nectar je m'enivre,
Et les Dieux en sont jaloux;
De la Cour flateurs mensonges
Vous ressemblez à mes songes
Trompeurs comme eux, mais moins doux.

11.

A l'abri des noirs orage,
Qui vont foudroier les Grands,
Je trouve sous ces feuillage
Un azile en tous les tems.
Là pour commencer à vivre
Je puise seul et sans livre
La profonde verité.
Puis la fable avec l'histoire
Viennent peindre à ma mémoire
L'ingenuë Antiquité.

9.

На фіялкахъ и былинкахъ
Съ пляской Пастухи поютъ,
И играютъ на волынькахъ,
Посвистомъ флейтъ воздухъ бьютъ:
Вашъ серца тонъ услаждаетъ,
Птицы, скуку прогоняетъ
Звонокъ въ рощѣ сей густой.
Горлицы со голубями
Жалкими вы голосами
Восхищаете духъ мой.

10.

Мяхкой вмѣсто мнѣ перины
Нѣжна, зелена трава
Сладкой думой бесъ кручины
Веселится голова.
Сей забавой наслаждаюсь,
Нектаремъ симъ упиваюсь,
Боги въ томъ завидятъ мнѣ;
Лжы что при Дворахъ частыя
Вы какъ сны мои пустыя,
Васъ пріятнѣ только тѣ.

11.

Грозныхъ тучь не опасаюсь
Гордость что владыкъ разятъ,
Подъ листами покрываюсь
Тѣ всегда меня хранятъ.
Что бы жить мнѣ здѣсь начати
И бесъ книги почерьпати
Саму Истину могу.
А потомъ мнѣ повѣсть знатна
Пишетъ, Ба́сня и пріятна
Въ память умну Старину.

12.

Des Grecs je voi le plus sage
Joüet d'un indigne sort,
Tranquille dans son naufrage
Et circomspect dans le port.
Vainqueur des vents en furie
Pour sa sauvage patrie,
Des Grands il fuit les plaisirs:
O combien de mon bocage
Le calme, le frais, l'ombrage
Bornent mieux tous mes desirs.

13.

Je goute loin des allarmes
Des Muses l'heureux loisir:
Rien n'expose aux bruit des armes
Mon silence et mon plaisir.
Mon coeur content de ma Lyre
A nul autre honeur n'aspire
Qu'à chanter un si doux bien.
Loin, loin trompeuse fortune,
Et toi faveur importune,
Le monde entier ne m'est rien.

14.

En quelque climat que j'erre,
Plus que tous les aûtres lieux,
Cet heureux coin de la terre
Me plâit et rit à mes yeux.
Là pour couronner ma vie
La main d'une Parque amie
Filera mon dernier jour.
Là reposera ma cendre
Là Tyrsis viendra repandre
Les pleurs dûs à notre amour.

Fin.

12.

Былъ изъ Еллїновъ мудрѣйшїй
Лжывыя фортуны смѣхъ,
Въ портахъ разумомъ острѣйшїй,
Въ буряхъ непужливый всѣхъ.
Пылкихъ вихрей побѣдитель
Отчизны своей любитель
Роскошей чюжался сей.
О мои коль могутъ кусты
Хладны, тихи, дать, и густы
Похоти предѣлъ моей.

13.

Здѣсь при Музахъ во щастливой
Слатко тишинѣ живу:
Отъ войны всегда бурливой
Мóлча веселъ не дрожу.
Серце радостно при лѷрѣ
Не желая чести въ мїрѣ
Щастье лишъ свое поетъ.
Прочь фортуна прочь спесива,
И твоя вся милость лжива,
Ни во что вмѣняю свѣтъ.

14.

Гдѣбъ мнѣ толь забавно было,
Мѣста я сыскать немогъ,
Мысль мою бъ такъ взвеселило,
Сей земли какъ уголокъ.
Парка жизнь мою скончаетъ
Мирно здѣсь, и увѣнчаетъ,
День послѣдней допрядȣ̑тъ;
Прахъ мой будетъ почивати.
Тѷрсъ любви чтобъ долгъ воздати
Надо мной слезъ токъ прольȣ̑тъ.

M. Lomonosoff.

КОНЕЦЪ.

II.

ОДА,

Блаженныя памяти Государынѣ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ на побѣду надъ Турками и Татарами и на взятїе Хотина 1739 года.

1.

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верьхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключь молчитъ,
Которой завсегда журчитъ
И съ шумомъ въ низъ съ холмовъ стремится.
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

2.

Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ Музыку!
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.
Врачебной дали мнѣ воды:
Испей и всѣ забудь труды;
Умой росой Кастильской очи,
Чрезъ степь и го́ры взоръ простри.
И духъ свой къ тѣмъ странамъ впери,
Гдѣ всходитъ день по темной ночи.

3.

Корабль какъ ярыхъ волнъ среди,
Которыя хотятъ покрыти,
Бѣжитъ, срывая съ нихъ верьхи,
Претитъ съ пути себя склонити;
Сѣдая пѣна вкругъ шумитъ;
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Къ Россїйской силѣ такъ стремятся,
Кругомъ объѣхавъ тьмы Татаръ;
Скрываетъ небо конской паръ!
Чтожъ въ томъ? стремглавъ безъ душъ валятся.

4.

Крѣпитъ отечества любовь
Сыновъ Россїйскихъ духъ и руку;
Желаетъ всякъ пролить всю кровь,
Отъ грознаго бодрится звуку.
Какъ сильный левъ стадà волкóвъ,
Что кажутъ острыхъ ядъ зубовъ,
Очей горящихъ гонитъ страхомъ?
Отъ реву лѣсъ и брегъ дрожитъ,
И хвостъ песокъ и пыль мутитъ,
Разитъ извившись сильнымъ махомъ.

5.

Не мѣдь ли въ чревѣ Етны ржетъ,
И съ сѣрою кипя, клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?
То родъ отверженной рабы,
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ,
Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
Среди враговъ среди болотъ
Чрезъ быстрой токъ на огнь дерзаетъ.

6.

За холмы, гдѣ паляща хлябь
Дымъ, пепелъ, пламень, смерть рыгаетъ,
За Тигръ, Стамбулъ, своихъ заграбь,
Что камни съ береговъ здираетъ;
Но чтобъ орловъ здержать полѣтъ,
Такихъ препонъ на свѣтѣ нѣтъ.
Имъ воды, лѣсъ, бугры, стремнины,
Глухїя степи равенъ путь.
Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ тамъ полки́ орлины.

7.

Пускай земля какъ Понтъ трясетъ,
Пускай вездѣ громады стонутъ,
Премрачный дымъ покроетъ свѣтъ,
Въ крови Молдавски горы тонутъ;
Но вамъ не можетъ то вредить,
О Россы, васъ самъ рокъ покрыть
Желаетъ для щастливой Анны.
Уже вашъ къ Ней усердный жаръ
Быстро проходитъ сквозь Татаръ
И путь отворенъ вамъ пространный.

8.

Скрываетъ лучь свой въ волны день,
Оставивъ бой ночнымъ пожарамъ;
Мурза упалъ на долгу тѣнь;
Взятъ купно свѣтъ и духъ Татарамъ.
Изъ лывъ густыхъ выходитъ волкъ
На блѣдный трупъ въ Турецкїй полкъ.
Иной въ послѣдни видя зо́рю:
Закрой, кричитъ, багряной видъ,
И купно съ нимъ Магметовъ стыдъ;
Спустись поспѣшно съ солнцемъ къ морю.

9.

Что такъ тѣснитъ боязнь мой духъ?
Хладнѣютъ жилы, сердце ноетъ!
Что бьетъ за странной шумъ въ мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
Небесная отверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился;
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ;
Умытымъ кровїю мечемъ
Гоня враговъ, Герой открылся.

10.

Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Рассыпалъ вредны Россамъ стѣны?
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?
Онъ такъ къ своимъ взиралъ врагамъ,
Какъ къ Готѳскимъ приплывалъ брегамъ,
Такъ сильну возносилъ десницу;
Такъ быстрой конь Его скакалъ,
Когда Онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

11.

Кругомъ Его изъ облаковъ
Гремящїе перуны блещутъ,
И чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ Смиритель странъ Казанскихъ?
Каспїйски воды, Сей при васъ
Селима гордаго потрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ.

12.

Герою молвилъ тутъ Герой:
Нетщетно я съ тобой трудился,
Нетщетенъ подвигъ мой и твой
Чтобъ Россовъ цѣлой свѣтъ страшился.
Чрезъ насъ предѣлъ нашъ сталъ широкъ
На сѣверъ, западъ и востокъ.
На югѣ Анна торжествуетъ,
Покрывъ своихъ побѣдой сей.
Свилася мгла, Герои въ ней;
Не зритъ ихъ око, слухъ нечуетъ.

13.

Крутитъ рѣка Татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смѣя въ бой пуститься вновь,
Мѣстами врагъ бѣжитъ пустыми,
Забывъ и мечь и станъ и стыдъ,
И представляетъ страшный видъ
Въ крови друговъ своихъ лежащихъ.
Ужѐ тряхнувшись легкїй листъ
Страшитъ его какъ ярый свистъ
Быстро сквозь воздухъ ядръ летящихъ.

14.

Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушолъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
Коль Росская ужасна сила.

15.

Вливаясь въ Понтъ Дунай реветъ,
И Россовъ плеску отвѣщаетъ;
Ярясь волнами Турка льетъ,
Что стыдъ свой за него скрываетъ.
Онъ рыщетъ какъ пронзенный звѣрь,
И чаетъ что ужѐ теперь
Въ послѣдней разъ заноситъ ногу.
И что земля его носить
Не хочетъ, что не могъ покрыть.
Смущаетъ мракъ и страхъ дорогу.

16.

Гдѣ нынѣ похвальба твоя?
Гдѣ дерзость? гдѣ въ бою упорство?
Гдѣ злость на сѣверны края?
Стамбулъ, гдѣ нашихъ войскъ презорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ ступить,
Насъ тотъ часъ чаялъ побѣдить;
Янычаръ твой свирѣпо злится,
Какъ Тигръ на Росскїй полкъ скакалъ.
Но что? внезапно мертвъ упалъ,
Въ крови своей пронзенъ залился.

17.

Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
Что васъ, Агаряне, попрала,
Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
Мечемъ кровавымъ показала.
Великой Анны грозной взоръ
Отраду дать просящимъ скоръ;
По страшной тучи воссїяетъ,
Къ себѣ повинность вашу зря.
Къ своимъ любовїю горя,
Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.

18.

Златой ужѐ денницы перстъ
Завѣсу свѣта вскрылъ съ звѣздами;
Отъ встока скачетъ посту верстъ,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицемъ сїяетъ Фебъ на томъ.
Онъ пламеннымъ потрясъ верхомъ;
Преславно дѣло зря, дивится:
Я мало таковыхъ видалъ
Побѣдъ, коль долго я блисталъ
Коль долго кругъ вѣковъ катится.

19.

Какъ въ клубъ змїя себя крутитъ,
Шипитъ, подъ камень жало кроетъ,
Орелъ когда шумя летитъ,
И тамъ паритъ, гдѣ вѣтръ не воетъ;
Превыше молнїй, бурь, снѣговъ,
Звѣрей онъ видитъ, рыбъ, гадо́въ.
Предъ Росской такъ дрожитъ Орлицей,
Стѣсняетъ внутрь Хотинъ своихъ.
Но что? въ стѣнахъ ли можетъ сихъ
Предъ сильной устоять Царицей.

20.

Кто скоро толь тебя, Калчакъ,
Учитъ Россїйской вдаться власти,
Ключи вручить въ подданства знакъ,
И большей избѣжать напасти?
Правдивой Аннинъ гнѣвъ велитъ,
Что падшихъ передъ ней щадитъ.
Ея взошли и тамъ оливы,
Гдѣ Вислы токъ, гдѣ славный Ренъ,
Мечемъ противникъ гдѣ смиренъ,
Извергли духъ серца кичливы.

21.

О какъ красуются мѣста,
Что иго лютое зconsoleросили,
И что на Туркахъ тягота,
Которую отъ нихъ носили;
И варварскія руки тѣ,
Что ихъ держали въ тѣснотѣ,
Въ полонъ ужѐ несутъ оковы;
Что ноги узами звучатъ,
Которы для отгнанья стадъ
Чужи поля топтать готовы.

22.

Не вся твоя тутъ, Порта, казнь,
Не такъ тебя смирять достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить намъ недала спокойно.
Еще высокихъ мыслей страсть
Претитъ тебѣ предъ Анной пасть?
Гдѣ можешь ты отъ ней укрыться?
Дамаскъ, Каиръ, Алеппъ згоритъ;
Обставятъ Росскимъ флотомъ Критъ;
Евфратъ въ твоей крови смутится.

23.

Чинитъ премѣну что во всемъ?
Что очи блескомъ проницаетъ?
Чистѣйшимъ съ неба что лучемъ
И дневну ясность превышаетъ?
Героевъ слышу веселъ кликъ!
Одѣянъ въ славу Аннинъ ликъ
Надъ звѣздны вѣчность взноситъ круги;
И правда взявъ перо златό,
Въ нетлѣнной книгѣ пишетъ то,
Велики коль Ея заслуги.

24.

Витїйство, Пиндаръ, устъ твоихъ
Тяжчаебъ Ѳивы обвинили;
За тѣмъ что о побѣдахъ сихъ
Онибъ громчае возгласили,
Какъ прежде о красѣ Аѳинъ:
Россїя какъ прекрасный кринъ
Цвѣтетъ подъ Анниной державой.
Въ Китайскихъ чтутъ Ее стѣнахъ,
И свѣтъ во всѣхъ своихъ концахъ
Исполненъ храбрыхъ Россовъ славой.

25.

Россїя, коль щастлива ты
Подъ сильнымъ Аннинымъ Покровомъ!
Какїя видишь красоты
При семъ торжестованьи новомъ!
Военныхъ нестрашися бѣдъ:
Бѣжитъ оттуду бранный вредъ,
Народъ гдѣ Анну прославляетъ.
Пусть злобна зависть ядъ свой льетъ,
Пусть свой языкъ, ярясь, грызетъ;
То наша радость презираетъ.

26.

Козацкихъ поль заднѣстрской тать,
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ,
Несмѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницой гдѣ покой насѣянъ.
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ,
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Ни гдѣ незналъ плывя, препятства.
Красуется великъ и малъ;
Житъ хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желалъ:
Влекутъ къ тому торжествъ изрядства.

27.

Пастухъ стада̀ гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ;
Пришедъ, овецъ пасетъ гдѣ другъ,
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ.
Салдатску храбрость хвалитъ въ ней,
И жизни часть блажитъ своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спитъ;
И Ту, что отъ враговъ хранитъ,
Простымъ усердьемъ прославляетъ.

28.

Любовь Россіи, страхъ враговъ,
Страны полночной Героиня,
Седми пространныхъ морь бреговъ
Надежда, радость и Богиня,
Велика Анна, Ты добротъ
Сіяешь свѣтомъ и щедротъ:
Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ,
Звучитъ что крѣпость силъ Твоихъ,
Придать дерзнулъ не красной стихъ
Въ подданства знакъ Твоей державѣ.

III.

Тетраметры, изъ Анапестовъ и Ямбовъ сложенные:

На восходѣ солнце какъ зардится,
Вылетаетъ вспыльчиво хищный Встокъ,
Глаза̀ кровавы, самъ вертится;
Удара не сноситъ Сѣверъ въ бокъ,
Господство даетъ своему побѣдителю,
Пресильному водъ морскихъ возбудителю.
Свои тотъ зыби на прежни возводитъ,
Являетъ полность силы своей,
Что южной страной владѣетъ всей,
Індійски быстро острова̀ проходитъ.

Вольные вставающіе Тетраметры:

Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина,
Однако съ нимъ любовь моя̀.
Хоть я не самъ тоя причина,
Люблю Миртиллу, какъ себя.

Вольные падающіе Тетраметры:

Нимфы околъ насъ кругами
Танцовали поючи,
Всплескиваючи руками,
Нашей искренной любви
Веселяся привѣчали,
И цвѣтами насъ вѣнчали.

Ямбическіе Триметры:

Весна тепло веді͡отъ,
Пріятной Западъ вѣетъ,
Всю землю солнце грѣетъ;
Въ моемъ лишь сердцѣ лі͡одъ,
Грусть прочь забавы бы͡отъ.

IV.

ÓДА

которую въ торжественный праздникъ высокаго рожденія Всепресвѣтлѣйшаго Державнѣйшаго Великаго Государя Іоанна Третіяго, Императора и Самодержца Всероссійскаго 1741 года Августа 12 дня веселящаяся Россія произноситъ.

1.

Нагрѣты нѣжнымъ во́ды югомъ,
Струи полденныхъ теплы рѣкъ,
Ликуйте свѣтло другъ предъ другомъ:
Златой начался снова вѣкъ.
Всегдашнимъ льдомъ покрыты во́лны,
Скачите нынь веселья полны,
Въ берегахъ чините веселъ шумъ.
Повсюду вѣйте вѣтры радость,
Въ Невѣ пролейся меда сладость:
Іоанновъ нектаръ пьетъ мой умъ.

2.

Однако нѣтъ, мои̓ предѣлы,
Смущать не смѣйте младой Слухъ.
Холмовъ верхи полночныхъ бѣлы,
Откуду вѣетъ хладной духъ,
Въ любви со страхомъ тихо тайте,
Покой Моей Надеждѣ дайте.
Вздержите быстрой рѣки̓ токъ,
Тихонько внизъ теча молчите,
Подъ мой лишъ ниской стихъ журчите.
Умолкни западъ, сѣверъ, встокъ.

3.

Породы Царской Вѣтвь прекрасна,
Моя Надежда, Радость, Свѣтъ,
Щастливыхъ дней Аврора ясна,
Монархъ, Младенецъ райской Цвѣтъ,
Позволь Твоей рабѣ нижайшей
Въ Твой новой годъ пѣть стихъ тишайшей.
Чѣмъ больше я росой кроплюсь
Съ Парнасскихъ что верьховъ стекаетъ;
Жарчаѣ тѣмъ любовь пылаетъ.
Къ Тебѣ сильняѣ той палюсь.

4.

Цѣлую Васъ Вы щедры Очи,
Небесной въ коихъ блещетъ лучь.
Какъ дни при Васъ свѣтлы̀ мнѣ но́чи,
Чистъ воздухъ мнѣ во время тучь.
Послушны Вамъ стихїи сами.
Пресѣкся вихрей бѣгъ съ громами.
[Коль щастливъ сихъ восходъ Планетъ.]
Отъ Васъ мои нагрѣты груди,
И Ваши всѣ подданны люди,
Что просятъ Вамъ нещетныхъ лѣтъ.

5.

Цѣлую Ручки, что къ державѣ,
Природа мудра въ свѣтъ дала,
Которы будутъ въ громкой славѣ
Мечемъ страшить и гнать врага.
Отъ теплыхъ ужъ бреговъ Азїйскихъ
Вселенной часть до водъ Балтїйскихъ
Въ объятїи Вашемъ вся лежитъ.
Лишъ только Перстикъ Вашъ погнется,
Народъ бесчисленъ вдругъ зберется,
Готовъ итти куда велитъ.

6.

Вы Ножки, что лобзать желаютъ
Давно уста высокихъ лицъ:
Подданства знаки Вамъ являютъ
Языки многи, павши ницъ.
Въ Петровъ и Аннинъ слѣдъ вступите,
Противныхъ дерзость всѣхъ стопчите;
Прямой покажетъ правда путь;
Васъ храбрость надъ луной поставитъ.
И въ тѣхъ земляхъ меня прославитъ,
О коихъ нынь нигдѣ нечуть.

7.

Земля пусти таки цвѣточки,
Здивиться Флорѣ чтобъ самой;
Жемчюгабъ чище ихъ листочки,
И златобъ ни́же тѣхъ цѣной.
Прїятной духъ дай имъ Цейлоновъ,
Натура выше встань законовъ,
Роди́, что выше силъ твоихъ.
Съ веселїемъ Нимфы тѣ щиплите,
И съ лавромъ ихъ въ вѣнцы сплѣтите,
Во знакъ побѣдъ, утѣхъ драгихъ.

8.

Господствуй радость ты едина
Надъ Властью толь широкихъ странъ.
Но мышлю, придетъ лишъ година,
Познаешъ какъ что врагъ попранъ
Твоихъ удачьми славныхъ Дѣдовъ,
Что страшны тѣ у всѣхъ сосѣдовъ;
Заплачешъ какъ Филиппов сынъ,
Ревнивы слéзы будутъ литься.
Но Твой веселїемъ плачь скончится,
Монархъ: то было лишъ починъ.

9.

Что сердце такъ мое пронзаетъ?
Недерскъ ли то Гигантъ шумитъ?
Не гóрыль съ мѣстъ своихъ толкаетъ?
Холмы сорвавши въ твердь разитъ?
Края̀ небесъ ужѐ трясутся!
Путѝ обычны звѣздъ мятутся!
Никакъ ярится А́нтей злой!
Не Пиндъ ли онъ на О́ссу ставитъ?
А Этна верьхъ Кавкасской давитъ?
Не Солнце ль хочетъ снять рукой?

10.

Проклята гордость, злоба, дерзость,
Въ чюдовище одно срослись;
Высоко имя скрыло мерзость,
Слѣпой талантъ пустилъ взнестись!
Велитъ себя въ неволю славить,
Престолъ себѣ надъ звѣзды ставить,
Превысить хочетъ вышню Власть,
На мой животъ ужъ зубы скалитъ;
Злодѣйства кто его не хвалитъ,
Погрязнетъ скоро въ мрачну пасть.

11.

Но зрю съ весельемъ чудо славно,
Дивняе нежъ Алцидъ чинилъ;
Какъ онъ лишъ былъ рожденъ недавно,
Скрутивъ змїямъ главы̀ сломилъ.
Мой Императоръ громъ примаетъ,
На гордость Свой перунъ бросаетъ;
Внезапно пала та стремглавъ,
Съ небесъ какъ древня въ адъ денница:
За рай ужъ держитъ ту темница.
Ну, гдѣ же твой кичливой нравъ?

12.

Исчезли всѣ затѣи лишны,
Ужасныхъ нѣтъ во мнѣ премѣнъ:
Вездѣ веселы клики слышны:
Монархъ Нашъ сильныхъ двухъ колѣнъ.
Одно мое, чемъ я толь славна;
Россïанъ храбрость гдѣ не явна?
Друго Германско, съ коимъ Римъ
Войну̑ едва дерзалъ начати,
Весь свѣтъ побивъ, не могъ стоя́ти
Въ бою, Тейтонъ, съ полкомъ твоимъ.

13.

Разумной Гостомыслъ при смерти
Крѣпилъ Князей совѣтомъ зборъ:
Противныхъ чтобъ вамъ силу стерти,
Живите въ дружбѣ, бойтесь ссоръ.
Къ брегамъ Варяжскихъ водъ сходите,
Мужей премудрыхъ тамъ просите,
Моглибъ которы править васъ.
Послы мои туда сходили,
Откуда Рурикъ, Труворъ были,
Съ Синавомъ три Князья у насъ.

14.

Не славныль стали ихъ потомки?
Великъ былъ Игорь, хоть и младъ;
Дѣла̀ его при Понтѣ звонки,
Дрожалъ предъ нимъ и самъ Царьградъ.
Устроилъ внукъ меня красняе,
Открылъ мнѣ полдня свѣтъ ясняе,
Кумировъ мерскихъ мракъ прогналъ.
Ревнивъ Донской что Дмитрей дѣетъ?
Татарска кровь въ Дону багрѣетъ;
Мамай, кудабъ уйти, не зналъ.

15.

Молчу заслуги, что недавно
Чинила Царска мнѣ любовь,
Твое коль Рурикъ, племя славно!
Коль мнѣ твоя полезна кровь!
Оттудужъ нынь взошло Свѣтило,
Откуду прежне щастье было.
Спѣшите скоро тѣ лѣтà,
Когда увижу что желаю.
О младомъ Свѣтѣ больше чаю,
Нежъ предковъ слава мнѣ дала.

16.

Съ желаньемъ радость чювства долитъ;
Пронзаетъ очи страненъ лучь!
Незнаемъ шумъ мой слухъ неволитъ;
Вручаетъ вѣчность мнѣ свой ключь.
Отмкнулась дверь, полѧ̀ открылись,
Предѣловъ нѣтъ, гдѣбъ тѣ кончились.
Полковъ лишъ нашихъ слышенъ плескъ.
Отъ устья быстрыхъ струй Дунайскихъ
До самыхъ ускихъ мѣстъ Ахайскихъ
Меча Россїйска виденъ блескъ.

17.

Боязнь трясетъ Хинейски стѣ́ны;
Геонъ и Тигръ теряютъ путь,
Подъ гòры льются полны пѣны.
Всегдашней встокъ не смѣетъ дуть.
Индїйскихъ трубятъ водъ Тритоны
Предъ тѣмъ, что имъ даетъ законы.
Онъ скиптръ склонилъ среди валовъ,
Упалъ предъ младымъ ницъ Героемъ,
Что молвилъ, воискъ идя предъ строемъ:
Сколь много есть впреди свѣтовъ?

18.

Что я пою воински звуки,
Которы быть хотятъ потóмъ?
Пора воздѣть на небо рýки,
Просить о здравьѣ то драгомъ,
Чего Іоанну я желаю.
Твои щедроты, Боже знаю,
Что пролилъ ты во мнѣ предъ симъ.
Твоей Главу покрой рукою,
Котору ты мнѣ далъ къ покою,
Къ веселью людямъ всѣмъ твоимъ.

19.

Надежда, Свѣтъ, Покровъ, Богиня
Надъ пятой частью всей землѝ,
Велика сѣвера Княгиня,
Языковъ больше дватцати
Премудрой правишъ Что рукою,
Монарха тѣхъ держишъ другою,
Любовь моихъ, противныхъ Страхъ,
Возри на то прещедрымъ окомъ,
Въ подданствѣ ревность что глубокомъ
Воспѣть дерзнула въ сихъ стопахъ.

20.

Хотябъ Гомеръ стихомъ парящїй
Что древнихъ Еллинъ мочь хвалилъ,
Ахиллъ въ бою какъ огнь палящїй
Искусствомъ чьѣмъ описанъ былъ,
Моихъ увидѣлъ дней изрядство,
На Пиндъ взойтибъ нашолъ препятство;
Бесловенъ былъ егобъ языкъ
Къ хвалѣ Твоихъ добротъ прехвальныхъ,
И къ славѣ, что въ предѣлахъ дальныхъ
Гремитъ, коль разумъ Твой великъ.

21.

Торжественъ шумъ мой гласъ скрываетъ,
Скончать некрасной стихъ пора.
Однако мысль Тебѣ желаетъ
Нещетныхъ благъ отъ всѣхъ Творца
Съ Твоимъ Свѣтлѣйшимъ въ вѣкъ Супругомъ.
Всего Которой свѣта кругомъ
Достоинъ толь, какъ Ты, владѣть.
Дай Богъ! драго чтобъ Ваше племя
Во мнѣ простерлось въ вѣчно время,
И Вамъ Сыновнихъ Внуковъ зрѣть.

Л.

V.

Первые Трофеи Его Величества Іоанна III. Императора и Самодержца Всероссійскаго чрезъ преславную надъ Шведами побѣду Августа 23 дня 1741 года въ Финляндіи поставленные, и въ высокій день тезоименитства Его Императорскаго Величества Августа 29 дня 1741 года въ торжественной одѣ изображенные отъ всеподданнѣйшаго раба Михайла Ломоносова.

Печатано въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ, 1741 года.

ОДА

.... Vivite Fortes,
Fortiaque adversis exponite pectora rebus.
Horatius.

1.

Россійскихъ войскъ хвала ростетъ,
Сердцà продерсски страхъ трясетъ,
Младой Орелъ ужъ льва терзаетъ;
Прежъ нежель ждали, слышимъ вдругъ
Побѣды знакъ, палящій звукъ.
Россія вновь трофей вздымаетъ
Въ другой на Финскихъ разъ поляхъ.
Свой ядъ премерску зависть травитъ,
Въ неволю тая храбрость славитъ,
Въ Россійскихъ зрила что полкáхъ.

2.

Оставивъ шумъ войны*) Градивъ,
Израненъ весь, избитъ, чуть живъ,
Къ полночнымъ съ южныхъ странъ склонился,
Искалъ къ покою горъ, пещеръ,
У Финскихъ спать залегъ озеръ,
Тростникъ подславъ, травой покрылся:
Теперь ужъ, молвилъ, я вздохну:
Изойдутъ язвы толь глубоки.
Бѣжите брани прочь жестоки,
Ищите вамъ мою**) сестру.

3.

Кровавы очи лишъ сомкнулъ,
Внезапно тихъ къ себѣ почулъ
Приходъ Венеры и Дїаны.
Лилѣи стали въ раны класть,
Впустили въ нихъ врачебну масть,
Смѣшавши ту съ водой Секваны:
Ахъ встань, прехраброй воинъ, встань,
О старой нашей вспомни дружбѣ,
Вступи къ твоей некосно службѣ,
Внеси въ Россїю тяшку брань.

4.

Вскочилъ какъ яръ изъ ложа левъ,
Колеблетъ странъ предѣлы ревъ.
Не такъ на верьхъ высокой Эты
Поднявшись***) братъ его шумѣлъ,
Какъ ядъ внутри его кипѣлъ.
Ужъ дѣйства есть его примѣты.

---

*) Марсъ.
**) Беллону.
***) Геркулесъ.

Мутятся смежны намъ брегà.
Стокгольмъ подобнымъ пьянствомъ шуменъ,
Уязвленъ злобой, сталъ безуменъ,
Отмкнуть велитъ войны̀ врата.

5.

Но что за вѣтръ съ вечернихъ странъ
Пронырства васъ закрылъ въ туманъ?
Не зрила чтобъ того Россïя,
Что вашихъ войскъ приходъ значи́тъ?
За чемъ вашъ зборъ у насъ стои́тъ?
Въ закрытьѣ видны мысли злыя,
Въ шерсти овечьей знатенъ волкъ.
Хоть Аннинъ зракъ отъ насъ высо́ко:
Вторая есть, Которой око
Зритъ, твой къ чему намѣренъ полкъ.

6.

Къ предѣламъ нашимъ чтожъ пришли?
Надежда кажетъ что впреди?
Надежда нынѣ вамъ не лжива!
Къ себѣ васъ та земля влечетъ,
Въ которой медъ съ млекомъ течетъ?
Нужъ впредь; пройдите! нѣтъ и дива!
Веть вы почти ужъ такъ въ Раю.
Коль близко наша къ вамъ столица!
Но ближе тѣмъ паритъ Орлица,
Что правитъ Свой поле́тъ ко льву.

7.

Не самъ ли съ вами есть Нимвродъ,
Собрался весь гдѣ вашъ народъ?
Что землю онъ прилѣжно роетъ?
Воздвигнуть хочетъ столпъ и градъ?
Рушить прямой натуры рядъ?
Ужасну въ свѣтѣ вещь откроетъ!

Всѣ ждутъ, чего не знаютъ ждать.
Да чтожъ увидимъ мы за диво?
Колѣно хочетъ то кичливо
Другу̑ Полтаву тутъ создать.

8.

Смотри тяшка коль Шведовъ страсть,
Коль имъ страшна Россїйска власть.
Куда хотятъ, того не знаютъ.
То тянутъ, то втыкаютъ мечь,
То нашъ грозятся миръ пресѣчь,
То оной въ вѣкъ хранить желаютъ.
Чинятъ то умыслъ намъ жесто́къ.
Хотятъ намъ желчи быть горчае,
То воску сердце ихъ мяхчае;
Однако васъ сыскалъ свой рокъ.

9.

Противу вѣтровъ сильныхъ плыть,
Среди несносныхъ бурь вступить,
Отважны ихъ сердца̀ дерзнули.
Колючей тернъ, сухой тростникъ,
Таился въ коихъ зной великъ,
Теперь ужъ явно всѣмъ вспыхнули.
Войну̀ открыли Шведы намъ:
Горятъ сердца ихъ къ бою жарко;
Гремитъ Стокгольмъ трубами ярко,
Значитъ въ свѣту̑ свой блискїй срамъ.

10.

Однако топчутъ, рѣжутъ, рвутъ,
Губятъ, терзаютъ, грабятъ, жгутъ,
Склоняютъ насъ враги подъ но́ги;
Россїйску силу взяли въ плѣнъ,
Шурмуютъ близко нашихъ стѣнъ,
Щитаютъ вотъ добычи многи,

Да гдѣжъ? въ спѣсивомъ ихъ мозгу.
А въ дѣлѣ ужасъ по́томъ мочитъ,
И явно въ сердцѣ дрожь пророчитъ,
Что будетъ имъ лежать въ низу.

11.

Подобно быстрой какъ соколъ
Съ руки̇ ловцовой въ верьхъ и въ долъ
Бодро̇ взираетъ скорымъ окомъ,
На всякой часъ взлетѣть готовъ,
Похитить, гдѣ увидитъ ловъ
Въ воздушномъ царствѣ свой широкомъ.
Враговъ такъ смотритъ нашъ солдатъ,
Враговъ, что вѣчной миръ попрали,
Враговъ, что нашъ покой смущали,
Враговъ, что насъ пожрать хотятъ.

12.

Уже̇ ступаетъ въ свой походъ
Къ трудамъ избранной нашъ народъ,
Нагимъ мечемъ на западъ блещетъ,
Которой скраситъ Шведска кровь,
Что брань начать дерзнула вновь.
Противныхъ ближней край трепещетъ.
На Финскомъ небѣ чорной дымъ,
Россїйска ревность гдѣ кипѣла.
Сквозь сле́зы видитъ житель се́ла,
Зажгла что место огнемъ своимъ.

13.

Вспятить не можетъ ихъ гора,
Металлъ и пламень что съ верьха
Жарчае Геклы къ нимъ рыгаетъ.
Хоть купно Вилманстрандъ на нихъ
Ретиво толь со стѣнъ своихъ
Подобной блескъ и громъ пускаетъ.

Но искрамъ и огню претятъ
Полки́ силнѣйши горъ палящихъ
И ярко смертью имъ грозящихъ,
Стрѣламъ подобно сквозь летятъ.

14.

Въ моряхъ какъ южныхъ вѣчной встокъ
Отъ горъ Атлантскихъ валъ высокъ
Крутитъ къ берегамъ четвертой ча́сти,
Съ кореньемъ вырвавъ лѣсъ валитъ;
Пустыня, лугъ и брегъ дрожитъ,
Хотятъ подмыты го́ры па́сти.
Россїйскїй воинъ такъ врагамъ
Спѣшитъ отмстить свирѣпъ грозою,
Збиваетъ сильной ихъ рукою.
Течетъ ручьями кровь къ ногамъ.

15.

Вдается въ бѣгъ побитый Шведъ,
Бѣжитъ Россїйской конникъ въ слѣдъ
Чрезъ Шведскихъ труповъ кучи блѣдны
До самыхъ Вилманстрандскихъ рвовъ,
Безъ щету топчетъ тѣхъ головъ,
Что быть у насъ желали вредны.
Стигїйскихъ****) водъ шумятъ брегà,
Гребутъ по нимъ побитыхъ ду́ши,
Кричатъ тѣмъ, что стоя́тъ на су́ши,
Горька опять коль имъ бѣда.

16.

За нами пушки, весь припасъ,
Прислалъ что самъ Стокгольмъ про насъ:
Даетъ подарокъ намъ въ неволю.
При Вильманстрандѣ слышенъ трескъ
Мечей кровавыхъ видѣнъ блескъ.

****) Адскихъ.

Ты будешъ скоро равенъ по́лю,
Дерзнешъ въ упрямствѣ ежель стать.
Подумать было кратко время,
Въ моментъ Славенско храбро племя,
Успѣло твой отпоръ попрать.

17.

Послѣдней конникъ вспять бѣжитъ,
Оставшей трупъ и стыдъ смердитъ.
Къ себѣ скоряе въ домъ спѣшите,
Скажите тамъ прїятну вѣсть,
Какую здѣсь достали честь,
Добычи часть друзьямъ дарите.
Не Карлъ ли тутъ же съ вами былъ?
Въ Москву опять желалъ пробиться?
Никакъ вамъ это въ правду снится.
Скачите въ слѣдъ; онъ кажетъ тылъ.

18.

Не толи вашъ во́инской цвѣтъ,
Всходилъ которой дватцать лѣтъ,
Что долго въ нѣгѣ жилъ спокойной.
Васъ тѣшилъ миръ, насъ Марсъ трудилъ;
Солдатъ вашъ спалъ, нашъ въ брани былъ,
Терпѣлъ Беллоны шумъ нестройной
Забыли что вы такъ щитать?
Что десять Рускихъ Шведъ прогонитъ?
Предъ нами что колѣни клонитъ
Хвасливъ толь нашей славы тать?

19.

На вотъ вамъ вашихъ бѣдъ починъ:
Сосѣда въ гнѣвъ ввели безъ винъ,
Давайте въ томъ другимъ примѣры.
Избранной воинъ вашъ попранъ.
Гдѣ вашъ снарядъ, запасы, станъ?

Никакъ тому неймéте вѣры.
Хотя и младъ Монархъ у насъ.
Но славны Онъ чинитъ побѣды,
Въ Своихъ ступаетъ Предковъ слѣды,
Недавно что карали васъ.

20.

Высокой крови Царской Дщерь.
Сильнѣйшей Что рукою дверь
Отверзла къ славнѣйшимъ побѣдамъ.
Тобою нашъ Россiйской свѣтъ
Во всѣхъ земляхъ какъ кринъ цвѣтетъ,
Наводитъ бóльшiй страхъ сосѣдамъ.
Твоя десница въ первой годъ
Поля̀ багритъ чрезъ кровь противныхъ,
Являетъ намъ въ признакахъ дивныхъ,
Созрѣетъ коль преславенъ плодъ.

21.

Добротъ чистѣйшiй ликъ вознесъ
Велику Анну въ дверь небесъ.
Откуда зритъ въ Россiи ясно
Монарха въ лавровыхъ вѣнцахъ,
На матернихъ Твоихъ рукахъ,
Низводитъ веселъ взоръ всечасно.
Къ Героямъ держитъ рѣчь сiю:
Вотъ всѣхъ Моя громчайша слава!
Сильна во младыхъ дняхъ держава;
Взмужавъ до звѣздъ прославитъ ту.

22.

Отца отечества Отецъ!
Вручилъ Кому небесъ Творецъ
Храбрѣйшу въ свѣтѣ силу править.
Твоихъ премного сколь похвалъ,
Самъ нашъ завистливъ врагъ позналъ,

Не можетъ самъ Тебя не славить.
Въ бою Россїйской всякъ солдатъ,
Лишъ толькобъ для Іоанна было,
Твоей для славы лишъ бы слыло,
Желаетъ смерть снести сто кратъ.

23.

Прекрѣпкїй Боже, сильный Царь,
Что всю рукою держишъ тварь,
Зришъ, что враги встаютъ напрасно,
Жезломъ карай ихъ мéсти самъ,
Подай всегда побѣды намъ,
Твое что имя славимъ гласно.
Не хочутъ естьли брань пресѣчь.
Подай чтобъ также въ нихъ вонзился,
И новой кровью ихъ багрился
Нагрѣтой въ ней Іоанновъ мечь.

VI.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНІЕ

ДЛЯ

ВОСШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЯ ДЕРЖАВНѢЙШІЯ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИКЪ

И

ВЫСОКІЙ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

ДЕКАБРЯ 18. 1741.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕ ПРЕДСТАВЛЕНО

ОТЪ

Императорской Академіи Наукъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Печатано при Императорской Академіи Наукъ.

ALLERUNTERTHÄNIGSTER GLÜCKWUNSCH

ZUM ANTRITT DER ERWÜNSCHTEN REGIERUNG

JHRO MAJESTÄT

DER ALLERDURCHLAUCHTIGSTEN UND GROSZMÄCHTIGSTEN

KAYSERIN

ELISABETH PETROWNA

BEHERRSCHERIN ALLER REUSSEN N. N. N.

AM FROHEN

GEDÄCHTNISZ-FEST DER HOHEN GEBURTH

JHRO KAYSERL. MAJEST.

DEN 18. DECEMBER 1741.

DEMÜTHIGST ABGESTATTET

VON

DER KAYSERL. ACADEMIE DER WISSENSCHAFFTEN.

ST. PETERSBURG,

GEDRUCKT BEY DER KAYSERL. ACADEMIE DER WISSENSCHAFFTEN.

ODE.

1.

Welch allgemeiner Freuden-Strahl
Läszt sich in Ruszland Gräntzen nieder!
Welch munters Licht erhellt einmal
Das Chor der schüchtern Musen wieder!
Es sieht, und weisz vor Lust nicht was:
Warum? dem schattichten Parnasz
Macht ein entzückend Licht die Mine,
Als ob sein Stiffter ihm erschiene.

2.

Doch die erfüllte Hoffnung rufft:
Nein, Kinder, laszt den Schein nicht trügen,
Ich bin es in verklährter Lufft,
Um euch, um Ruszland zu vergnügen:
Ich bin es die im Glantze steigt,
Und euch des Tages Schimmer zeigt,
Den sich zu Ruszlands Wohlergehen
Die Vorsicht ehmahls ausersehen.

3.

Die Vorsicht, die die Zukunft sieht
Und ihren Lauff weisz zu regieren,
War diesen Tag ehmahls bemüht
Den Grund des Glückes aufzuführen.

ОДА

1.

Какой утѣхи общей лучь
Въ Россiйски свѣтитъ къ намъ предѣлы!
Которой свѣтъ прогналъ тьму тучь?
По страхѣ Музы толь веселы
Не знаютъ, что за ясность зрятъ.
Чей толь прiятной свѣтитъ взглядъ,
Парнасской верьхъ въ восторгъ приводитъ,
Не Основатель ли того приходитъ?

2.

Но къ нимъ надежда такъ гласитъ:
Недайте тѣмъ себя прельстити,
Мой видъ такой зарей покрытъ,
Чтобъ васъ съ Россiей взвеселити.
Здѣсь въ ясномъ я стою свѣту,
И вамъ тотъ свѣтлой день кажу,
Опасность къ щастью что сыскала,
Россiябъ въ коемъ процвѣтала.

3.

Опасность можетъ впредь прозрить,
И тое все управить знаетъ,
Въ сей день старалась то чинить,
Въ чемъ щастья верхъ себя являетъ,

Das unsrer Zeit bestimmet war.
Sie sah die ferneste Gefahr,
Sie schaffte Rath, und liesz auf Erden
Elisabeth gebohren werden.

4.

Erhaltnes Pfand vor Ruszlands Heil!
Wie hat die Allmacht Dich geschmücket!
Die Schönheit, Dein geringstes Theil
Wird mit Bewundrung zwar erblicket,
Allein der Tugend schönes Heer
In Deinem grossen Geist, noch mehr:
Da sich so viel Vollkommenheiten
Wie milde Strahlen von Dir breiten.

5.

Wer kont das Wort der Majestät
Aus Bildung, Gang, Gesicht und Wesen
Der gnädigsten Elisabeth
Bisher nicht klar und deutlich lesen?
Ihr Zeiten, wollt ihr Peters Geist
Und was ihr an Cathrinen preist,
Huld, Klugheit, Gnad und Güte mahlen;
So seht Petrownens Augen-Strahlen.

6.

Geh wo Du wilt! verbirg auch Dich,
Die Anmuth ist Dir doch zur Seiten,
Die Gnad und Huld verrathen sich,
Dasz sie Dich überall begleiten.
Wer dringt sich nicht, Dich nur zu sehn?
Wen läst Du trostlosz von Dir gehn?
Verkleide Dich! lasz Dich nicht nennen!
Nichts kommt Dir gleich: man wird Dich kennen.

Готово что для Нашихъ лѣтъ,
Чтобъ намъ уйти отъ дальнихъ бѣдъ,
Въ одномъ лишь только томъ трудилась,
Чтобы Елисаветъ родилась.

4.

Надежда Свѣтъ Россіи всей,
Въ Тебѣ щедрота Божія зрится,
Хоть внѣшней красотѣ Твоей
Довольно всякъ, кто зритъ, дивится,
Душевныхъ ликъ Твоихъ добротъ
Краснѣе внѣшнихъ всѣхъ красотъ,
Гдѣ всяки совершенства явны,
Любезны всѣмъ во всемъ преславны.

5.

Величество являлось всѣмъ
Въ особѣ и во всякомъ дѣлѣ
На полномъ благъ лицѣ Твоемъ
И велелѣпомъ купно тѣлѣ.
Желаетъ кто Петра смотрить
Или Екатерину чтить
И ихъ добротъ дивиться цвѣту,
Возритъ пусь на Елисавету.

6.

Изволь хоть гдѣ Себя прикрыть,
Пріятство будетъ тамъ съ Тобою,
И милость въ слѣдъ Тебя ходить.
Откроютъ намъ Тебя собою.
Тебя смотрить теснится всякъ,
Ты всѣмъ твой щедро кажешь зракъ,
Хоть имябъ Ты Твое таила,
Но нашабъ то любовь открыла.

7.

Wie hat die stille Hoffnung nicht
Mit Sehnsucht Dich so lang betrachtet,
Und Dein liebreiches Angesicht
Als ihren lichten Stern geachtet,
Der, wenn auch Mast und Ancker brach,
Ihr stets noch hellen Trost versprach,
Aus dunckelm Unbestand der Wellen
Ihr Schiff in Sicherheit zu stellen.

8.

Wie lange seufztzt und schreyt zugleich
Die Treu und Vaterlandes-Liebe,
Ach rette Dich! auf, hilf dem Reich,
Und schütz den Eifer unsrer Triebe!
Besteige, Würdigste, den Thron!
Wunsch, Danck, und Eid-Schwur warten schon
Des Himmels, Volcks, und Erb-Rechts Willen
Durch Dein Erheben zu erfüllen.

9.

Nun zeigt ELISABETHENS Muth,
Woher Ihr Helden-Hertze stammet,
Da in Ihr Peters Helden-Blut
Aus Vaterlandes-Lieb' entflammet.
Sie faszt das Kreutz, und geht voran
Wie ehmals Constantin gethan:
Ihr Muth macht Muth; Ihr Blick begeistert;
Kaum komt Sie; alles ist bemeistert.

10.

Geschichte, zeiget eine That,
Die dieser That an Grösse gleiche!
Sagt, wer ein Reich erlöset hat,
Ohn' iemands Blut, ohn' einge Leiche!

7.

Надежда долго въ тишинѣ
Съ желаньемъ на Тебя взирала,
Любезное Твое лице
Какъ ясно солнце почитала,
Которо въ грозныхъ бѣдъ волнахъ
Несносной утоляло страхъ.
Хотѣло изъ погодъ ужасныхъ
Въ мѣстахъ поставить безопасныхъ.

8.

Отеческой землѝ любовь
Коль долго по Тебѣ вздыхала
Избавь избавь Россїйску кровь,
Отъ злаго скорбныхъ дней начáла,
Достойна на престолъ вступи,
Къ присягѣ мы готовы вси.
Отдай красу Россїйску трону
По крови, правамъ и закону.

9.

Геройска мысль въ Тебѣ тогда
Чрезъ дивно дѣло всѣмъ открылась,
Въ любовь Петрова кровь когда
Къ Твоимъ подданнымъ воспалилась.
Прежъ всѣхъ пошла съ крестомъ Своимъ
Чинилъ что прежде Константинъ,
Твоимъ всѣхъ духомъ ободрила,
Лишъ чуть пришла, всѣхъ покорила.

10.

Никто такихъ не знаетъ дѣлъ
Твоихъ чтобъ славой превсходили,
Спасенъ чтобъ былъ какой предѣлъ,
Гдѣбъ крови струй мечи не лили,

Wer hat, Elisabethen gleich,
Ein vorenthaltnes Kayser-Reich
Kaum in drey gantzen Viertelstunden
Gesucht, erobert und gefunden?

11.

So hoch ist noch kein Jubel-Chor
Mit seinem Freuden-Schall gedrungen
Als Ruszlands Vivat sich empor
Für seine Kayserin geschwungen.
Ja, Heldin, manche Million
Getreuer Zungen stimt den Ton,
Und läst, den tiefsten Danck zu zeigen,
Den Glückwunsch noch gen Himmel steigen.

12.

So jauchzt auch Wissenschafft und Kunst
Die von der Einsicht Peters rühret,
Und Catharinens höchste Gunst
Vom Grundstein völlig aufgeführet.
Sie weisz, was Peter aufgericht
Verläszt Petrownens Groszmuth nicht.
Elisabethens langes Leben
Musz Peters Wunsch Erfüllung geben.

Кто равно какъ Елисаветъ
Отъ бѣдъ избавилъ цѣлой Свѣтъ,
Въ единъ часъ сильныхъ побѣдила
Къ Себѣ взяла, на Тронъ вступила.

11.

Которой такъ веселой часъ
Прïятенъ людямъ быть казался,
Сердецъ Тебѣ какъ вѣрныхъ гласъ
И Виватъ къ верьху звѣздъ промчался.
Твоихъ подданныхъ милïонъ
Имѣли вдругъ согласной тонъ
Благодарить Твоимъ щедротамъ
И дивнымъ всѣмъ Твоимъ добротамъ.

12.

Ликуй же свѣтло хоръ наукъ,
Открылъ что Петръ съ Екатериной.
Чтобъ слышенъ былъ веселой звукъ.
Сей день вамъ щастïя причиной.
Великïй Петръ что зачалъ самъ,
Елисаветъ восставитъ намъ:
Елисаветы долги лѣта
Прибавятъ Отчей славѣ свѣта.

VII.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ

ГОСУДАРЫНѢ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНІЕ

ДЛЯ БЛАГОПОЛУЧНАГО И РАДОСТНАГО ПРИБЫТІЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ЕГО КОРОЛЕВСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

ГОСУДАРЯ ПЕТРА

ВЛАДѢТЕЛЬНАГО ГЕРЦОГА ШЛЕЗВИГЪ-ГОЛШТИНСКАГО

ВНУКА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ВЪ ВЫСОКІЙ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ

ЕГО ВЫСОЧЕСТВА

ФЕВРАЛЯ 10 ДНЯ 1742 ГОДА

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОДѢ ПРЕДСТАВЛЕННОЕ

ОТЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО РАБА

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЬЮНКТА.

ПЕЧАТАНО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(ПЕРВАЯ РЕДАКЦІЯ).

ОДА

1.

Дивится нынѣ вся вселенна
Премудрымъ вышняго судьбамъ,
Россїя что отъ зла спасенна,
И зритъ конецъ своимъ бѣдамъ,
Которы нутрь ея терзали,
И всю въ конецъ пожрать желали,
Что вмѣсто терну зритъ Едемъ,
Тебя, подданныхъ всѣхъ утѣха,
И во младомъ Петрѣ Твоемъ
Своей фортуны ждетъ успѣха.

2.

Въ сїе благопрїятно время,
Въ которо щедрый нашъ Творецъ
Восставилъ намъ Петрово племя
И нашей скорьби далъ конецъ,
Не можетъ искренняя ревность
Своей любви таити древность:
Всего народа веселъ шумъ,
Какъ гласъ водъ многихъ въ верьхъ восходитъ,
И мой отрады полной умъ
Восхитивъ тѣмъ въ восторгъ приводитъ.

3.

Воинской звукъ покинь, Беллона,
И жажду крови, Марсъ, оставь,
Спокойно слушай Аполлона,
И тѣмъ веселья намъ прибавь:
Чтобы Елисаветы радость,
Свою лила повсюду сладость,
Чтобъ воздухъ, море и земля
Съ Петромъ блажили Ту едину:
Подданна хочетъ мысль моя
Воспѣть довольствъ драгихъ причину.

4.

Богиня странъ широкихъ, сильныхъ,
Державы Коей седмь морей
Премного поль и рѣкъ обильныхъ
Кругомъ обнять не могутъ всей,
Ты паки зришъ любезну Анну
Въ лицѣ Петровомъ свыше данну,
Ты зришъ Великаго Петра
Какъ Феникса рожденна снова.
Россїя долго что ждала,
Себѣ имѣетъ для покрова.

5.

Добротъ Его дивимся лику,
Ему которой предстоитъ,
Любовь раждаетъ въ насъ велику,
Что купно съ ревностью горитъ,
Для общаго Твоихъ блаженства
Цвѣтутъ въ Немъ всяки совершенства.
Чрезъ тѣ какъ цѣпью щастья кругъ
Привязанъ въ вѣкъ ко днямъ щастливымъ;
И ради всѣхъ Твоихъ заслугъ
Не можетъ быти больше лживымъ.

6.

Петровой крови плодъ прекрасной;
День Твоего прихода къ намъ
Безъ вѣтра и тумана ясной
Представилъ знакъ талану самъ.
Стихїи сами то являютъ,
Въ Тебѣ сердцà что наши чаютъ.
Со снѣгомъ таялъ купно ледъ
Съ любовью всѣхъ людей согласно;
Казалъ весны прїятной слѣдъ,
Какъ ждали мы Тебя всечасно.

7.

Санктпетербургъ съ какимъ желаньемъ
Тебя надежду зритъ свою,
Не можетъ и пространнымъ зданьемъ
Вмѣстить въ себѣ утѣху всю;
Но мещетъ вверьхъ огни горящи,
И въ самыхъ облакахъ свѣтящи.
Ахъ естьлибъ жарка мысль къ Тебѣ
Россїянъ всѣхъ могла открыться,
Тобъ солнце и свѣти́ла всѣ
За свѣтомъ тѣмъ не стали зриться.

8.

Намѣстница всевышней власти,
Что родомъ, духомъ и лицемъ
Восходишь выше смертныхъ части,
Прехвальна совершенна всѣмъ,
Въ Которой всѣхъ даровъ изрядство;
Съ Величествомъ цвѣтетъ прїятство;
Кто можетъ точно описать
Твои доброты всѣ подробну?
Какъ развѣ только указать
Петра Особу въ томъ подобну.

9.

Но спѣшно толь куда восходитъ
Внезапно мой плѣненный взоръ?
Пророческъ духъ на мысль наводитъ,
Паритъ Тессальскихъ выше горъ:
Я Дѣву въ солнцѣ зрю стоящу
Рукою Отрока держащу
И купно всю Россїю съ Нимъ.
Украшенна вездѣ звѣздами,
Разитъ перуномъ въ низъ Своимъ
Гоня противности съ бѣдами.

10.

И вѣчность предстоитъ предъ Нею,
И въ книгѣ кажетъ то своей,
Кленущись небомъ и землею,
Что послѣ первыхъ свѣта дней
Такого щастья не бывало,
Что намъ чрезъ Тую небо дало.
Отверзлась дверь, не видѣнъ край,
Сыскать конца не можетъ око;
Цвѣтетъ въ Россїи красной рай
Простертъ во всѣ страны широко.

11.

Текутъ млекомъ и медомъ рѣки,
Собой земля плоды раститъ,
Златы приспѣли снова вѣки,
Изъ облакъ манна къ намъ роситъ,
Лишь Зефиръ вѣетъ теплъ, смиренный
Чрезъ плодъ полей благословенный,
Утихъ свирѣпой вихрь въ моряхъ,
Владѣетъ тишина водами,
Спокойство царствуетъ въ брегахъ,
Забавы всѣ ликуютъ съ нами.

12.

Гласитъ стоя̀ предъ Ней Россїя,
Склонившись къ Той верьхомъ своимъ:
Тебѣ я дамъ плоды земныя
И купно людямъ всѣмъ Твоимъ;
Тебѣ подданныхъ кровь питаю,
Горячесть въ ихъ сердца̀ вливаю,
Чтобъ ту за Вашу честь пролить,
И цѣлаго къ веселью свѣта,
Желаю въ радости прожить
Тебѣ съ Петромъ чрезъ многи лѣ́та.

VIII.

ОДА

На прибытїе изъ Голстинїи и на день рожденїя Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Θеодоровича 1742 года Февраля 10 дня.

(вторая редакція).

1.

Дивится нынѣ вся вселенна
Премудрымъ вышняго судьбамъ,
Что отъ напастей злыхъ спасенна
Россїя зритъ конецъ бѣдамъ.
И что ужѐ Елисавета
Златыя въ ону вводитъ лѣта,
Избавивъ отъ насильныхъ рукъ.
Красуются Петровы стѣны,
Что къ нимъ Его приходитъ внукъ
Прекрасной Анной днесь рожденный.

2.

Въ сїе благопрїятно время,
Когда всещедрый нашъ Творецъ
Восставилъ намъ Петрово племя,
И нашей скорби далъ конецъ,

Ужъ съ радостью любовь согласно
Вездѣ ликуютъ безопасно.
Всего народа веселъ шумъ
Какъ гласъ водъ многихъ въ верьхъ восходитъ,
И мой отрады полный умъ
Восхитивъ тѣмъ, въ восторгъ приводитъ.

3.

Воинскїй звукъ оставь Беллона,
И Марсъ вложи свой шумный мечь,
Чтобъ стройность праздничнаго тона
И Музъ поющихъ нынѣ рѣчь
Едина громко разносилась
И нашей радости сравнилась;
Чтобъ воздухъ, море, и земля
Елисавету возглашали,
И купно съ Ней Петра хваля,
Моей бы лирѣ подражали.

4.

Богиня, коея державу
Обнять не могутъ седмь морей,
И громкую повсюду славу
Едва вмѣстить вселенной всей!
Твоя надежда совершилась,
И радость паки обновилась:
Ты зришь Великаго Петра
Какъ феникса воскресша нынѣ;
Дражайшая Твоя Сестра
Жива въ своемъ любезномъ сынѣ.

5.

О коль велика добродѣтель
Въ Петровыхъ нѣжныхъ дняхъ цвѣтетъ!

Коль славенъ сѣвера владѣтель
Въ тебѣ, Россія, возрастетъ!
Онъ ради твоего блаженства
Даровъ достигнетъ совершенства.
И щастье бѣгъ остановитъ
Любовью оныхъ восхищенно,
Союзъ съ тобою утвердитъ,
И вѣчно будетъ непремѣнно.

6.

О плодъ отъ корене преславна,
Дражайшая Петрова кровь,
Къ тебѣ горитъ ужѐ издавна
Россïянъ искрення любовь!
Петрополь по Тебѣ терзался,
Когда съ Тобою разлучался
Еще въ зачатïи Твоемъ.
Сердцà жалѣньемъ закипѣли,
Когда подъ дерскимъ кораблемъ
Балтïйски волны побѣлѣли.

7.

Какъ мать стенаньемъ и слезами
Крушится ó сынѣ своемъ,
Что онъ противными вѣтрами
Отгнанъ живетъ въ краю чужемъ.
Она минуты всѣ щитаетъ,
На брегъ по всякой часъ взираетъ,
И проситъ щедры небеса;
Россïя такъ Тебя желала,
И чрезъ пучину и лѣсà
Усердны мысли простирала.

8.

Но нынѣ радость умножаетъ
Желанный нами Твой приходъ;
И кротость неба обѣщаетъ
Возвысить тѣмъ Россїйскїй родъ.
Стихїи сами предъявляютъ,
Чего всѣ Россы ожидаютъ.
Здѣсь теплый воздухъ повѣвалъ
Съ любовью нашею согласно,
Весну прїятну предвѣщалъ,
Какъ ждали мы Тебя всечасно.

9.

Коликой славой днесь блистаетъ
Сей градъ въ прибытїи Твоемъ!
Онъ всѣхъ веселїй не вмѣщаетъ
Въ пространномъ зданїи своемъ;
Но воздухъ наполняетъ плескомъ,
И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.
Ахъ естьлибъ нынѣ Россовъ всѣхъ
Къ Тебѣ горяща мысль открылась;
Тобъ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
На вѣчной день перемѣнилась.

10.

Намѣстница всевышней власти
Что родомъ, духомъ и лицемъ
Восходишь выше смертныхъ части,
Прехвальна, совершенна всѣмъ,
Въ которой всѣхъ даровъ изрядство,
Съ величествомъ цвѣтетъ прїятство!

Кому возможно описать
Твой доброты всѣ подробну?
Какъ развѣ только указать
Въ Петрѣ природу въ томъ подобну.

11.

Но спѣшно толь куда восходитъ
Внезапно мой плѣненный взоръ?
Видѣнїе мой духъ возводитъ
Превыше Ѳессалїйскихъ горъ!
Я Дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
Рукою Отрока держащу
И всѣ страны полночны съ нимъ.
Украшенна кругомъ звѣздами
Разитъ перуномъ внизъ своимъ,
Гоня противности съ бѣдами.

12.

И вѣчность предстоитъ предъ Нею,
Разгнувши книгу всѣхъ вѣковъ,
Кленется небомъ и землею
О щастьѣ будущихъ родовъ,
Что Россамъ будетъ непремѣнно
Петровой кровью утвержденно.
Отверзлась дверь, не видѣнъ край,
Въ пространствѣ заблуждаетъ око;
Цвѣтетъ въ Россїи красной рай
Простертъ во всѣ страны широко.

13.

Млекомъ и медомъ напоенны
Тучнѣютъ влажны берега,
И яснымъ солнцемъ освѣщенны
Смѣются злачные луга.

Съ полудни вѣетъ духъ смиренный,
Чрезъ плодъ земли благословенный.
Утихъ свирѣпый вихрь въ моряхъ;
Владѣетъ тишина полями;
Спокойство царствуетъ въ градахъ
И миръ простерся надъ водами.

14.

Увидѣвъ времена златыя
Среди градовъ своихъ и селъ,
Гласитъ спасенная Россїя
Къ Защитницѣ своихъ предѣлъ:
Тебѣ я подданныхъ питаю
И храбру кровь ихъ ободряю,
Чтобъ тую за Тебя пролить.
Ахъ что бы къ удивленью свѣта
Изволилъ вышнїй утвердить
Престолъ Петровъ чрезъ вѣчны лѣта.

IX.

DIE GEKRÖNTE HOFFNUNG
DES RUSZISCHEN KAYSERTHUMS
WURDE
IN
DEM FESTE
DER
HOHEN KRÖNUNG
DER
ALLERDURCHLAUCHTIGSTEN GROSZMÄCHTIGSTEN FÜRSTIN
UND GROSZEN FRAUEN
FRAUEN
ELISABETH PETROWNA
KAYSERIN UND SELBSTHERRSCHERIN ALLER REUSSEN
BEY
EINER ÖFFENTLICHEN ZUSAMMENKUNFFT DER ACADEMIE DER WISSENSCHAFFTEN
ZU ST. PETERSBURG
DEN 29. APRIL 1742.
IN
EINER GEBUNDENEN
REDE
ALLERFREUDIGST UND EHRERBIETHIGST ERKLÄRET
VON
GOTTLOB FRIEDRICH WILHELM JUNCKER
IHRO KAYSERL. MAYST. HOF-KAMMER-RATH, INTENDANT DER SALTZ-WERCKE,
UND MIT-GLIED DER ACADEMIE DER WISSENSCHAFFTEN.

ST. PETERSBURG GEDRUCKT BEY DER ACADEMIE DER WISSENSCHAFFTEN 1742.

1.

Welch ein vergnügter Geist nimmt dich, o Ruszland! ein?
Da gantz Europa seufftzt, wie kanst du frölich seyn?
Da dir die Zwietracht droht, die Arglist Stricke leget;
Da sich ein hitzig Heer auf Land und See beweget,
Das in Gedancken schon in deine Länder dringt,
Sich in den Raub vertheilt, und unser Gut verschlingt.
Wie kann ein Lust-Geschrey von Adlern noch erschallen,
Die Tyger ausgespührt, und Löwen angefallen.

IX.

ВѢНЧАННАЯ НАДЕЖДА РОССІЙСКІЯ ИМПЕРІИ
ВЪ ВЫСОКІЙ ПРАЗДНИКЪ
КОРОНОВАНІЯ
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЯ ДЕРЖАВНѢЙШІЯ
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССІЙСКІЯ
ПРИ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ
САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ
ВСЕРАДОСТНО И ВСЕПОДДАННѢЙШЕ
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ АПРѢЛЯ 29 ДНЯ 1742 ГОДА
СТИХАМИ ПРЕДСТАВЛЕННАЯ
ОТЪ
ГОТЛОБА ФРИДРИХА ВИЛГЕЛЬМА ЮНКЕРА
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
НАДВОРНАГО КАММЕРНАГО СОВѢТНИКА
ИНТЕНДАНТА СОЛЯНЫХЪ ДѢЛЪ И
ЧЛЕНА АКАДЕМІИ НАУКЪ.
СЪ НѢМЕЦКИХЪ РОССІЙСКИМИ СТИХАМИ ПЕРЕВЕЛЪ
МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЬЮНКТЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ. 1742 ГОДА.

1.

Россія, что тебя за веселъ духъ живитъ?
Какъ можешь рада быть? Европа вся скорбитъ:
Тебѣ грозитъ раздоръ, лукавство сѣти ставитъ,
Продерсскій полкъ землей и моремъ бѣгъ свой правитъ,
Что мыслью въ твой предѣлъ уже давно вступилъ,
Пограбилъ всѣ мѣста, твое добро зглотилъ.
Орлы, какъ вы еще веселой гласъ послали?
Подкрались Тигры къ вамъ, внезапно львы напали.

2.

Die Freude bleibt gerecht, die Welt erkennt es schon;
Denn Du, ELISABETH, besteigest PETRUS THRON,
Mit seinem Helden-Muth, zu unsrer Feinde Schrecken;
Der wird sein Sieges-Mahl, dem Schild sein Erbe, decken.
Du trittst mit freyem Fusz auf seine schwehre Bahn;
Wo ihn der Todt gestöhrt, da fängst Du wieder an;
Du willst und wirst, wie Er, die Lieb und Lust der Erden,
Der Fürsten Muster-Bild, der Trost der Deinen, werden.

3.

Der Vorsatz ist nicht klein, und Deiner Seele gleich:
So, wie Er Vater war, sey Mutter für das Reich.
Dergleichen Kayser hat der Himmel nie gegeben;
Die Welt, so ihn verehrt, wird ihn nicht mehr erleben;
Durch alle Wiedrigkeit trug Er sein Haupt empor;
Da drang der wahre Fürst, und dort der Vater, vor.
Welch Stück der Herrschungs-Kunst kan kluger Witz erlesen,
Das er nicht selbst bewirckt, wo nicht sein Geist gewesen.

4.

Die Hoffnung seines Reichs wird heut in Dir gekrönt:
Weil sich ein jeder Stand nach Deiner Hülffe sehnt.
Du, Du, MONARCHIN! sollst, durch heylsames verbessern,
Sein unvollbrachtes Werck vollenden und vergrössern.
Du nimmst den Scepter an: die Boszheit fürchte sich;
Und ist sein Gold gleich schwehr: die Liebe stütze Dich.
So wirst Du glücklich seyn, und alles wird verschmertzen;
Bist Kayserin des Staats, und Königin der Hertzen.

5.

So, wie der Sonnen-Glantz, bey heitrer Morgen-Zeit,
Geht und Dein Anseln auf, mit sanffter Freudigkeit:

2.

Но радость истинна; уже призналъ весь свѣтъ:
Какъ Ты на тронъ Петровъ взошла, Елисаветъ,
Чрезъ сильной духъ Его въ противныхъ страхъ вложити;
Онъ будетъ свой трофей, Твой щитъ наслѣдство крыти.
Вступила вольной Ты въ стезю Его ногой,
Гдѣ рокъ Его вспятилъ, тутъ путь начался Твой.
Ты будешь, такъ какъ Онъ, любовь во всей вселенной,
Князей примѣръ, покровъ земли Тебѣ врученной.

3.

Велико дѣло въ семъ, равно душѣ Твоей:
Какъ Онъ отецъ нашъ былъ, Ты Мать Россiи всей.
Когда Олимпъ давалъ такихъ Монарховъ славныхъ?
Весь свѣтъ, что чтитъ Его, Ему не узритъ равныхъ.
Сквозь всѣ препятства Онъ главу свою вознесъ,
Монархъ здѣсь, тамъ Отецъ, хвалой къ верьху небесъ.
Пристойны скажетъ кто къ правленью странъ науки,
Гдѣ не былъ духъ Его и храбры купно руки?

4.

Надежда странъ Его вѣнчанна днесь въ Тебѣ:
Понеже всякой чинъ пособы ждетъ себѣ.
Ты, Ты Монархиня на пользу все исправишь,
Неполной трудъ Его со всѣмъ скончишь, прославишь.
Ты скиптръ рукой берешь, коварно злость дрожитъ,
Хоть тяжко злато въ немъ, любовь Тебя крѣпитъ.
Щастлива будешь тѣмъ, земель Императрица,
Печаль прогонишь всю, сердецъ людскихъ Царица.

5.

Какъ ясной солнца лучь въ немрачной утра часъ,
Такъ Твой прiятной взоръ отрадой свѣтитъ въ насъ.

Es blickt die Majestät, mit angebohrner Milde,
Aus Deinem himmlischen der Welt geschenckten Bilde.
Zur Ehrfurcht zwinget uns der Schönheit Gnaden-Blick;
In Dir bewundern wir des Schöpffers Meister-Stück
Von menschlicher Gestallt, und Kronen-werthe Gaben,
Die, eh Du noch geherrscht, uns schon gefesselt haben.

6.

Dein grosz gesinntes Hertz bewährt sein Purpur-Blut;
Dasz Du von Helden stammst, beweiszt Dein Geist und Muth,
Und Dein sinnreicher Trieb, die Treue zu belohnen,
Der Nothdurfft beyzustehn, der Unschuld zu verschonen.
O! welch ein Inbegriff von Tugend seltner Krafft,
Von rühmlicher Begier, von edler Leydenschafft,
Ist Deine Seele nicht? die so mit Eifer strebet,
Wie sie dem Thron gemäsz, des Ursprungs würdig, lebet.

7.

Das Göttliche Geschick, das Dich hervor gesucht,
Treibt Deinen Lebens-Baum bey voller Blüth zur Frucht:
Izt giebst Du Neigung kund, die Du vordem verborgen,
Durch Deine Wachsamkeit, durch Deine klugen Sorgen.
Von Dir wird alles das, was unser Wohl berührt,
Mit Weiszheit überlegt, mit Nachdruck ausgeführt;
Dein mächtiger Verstand wirckt schnell in allen Dingen;
Ihm musz sein wichtig Ziel, und uns der Wunsch, gelingen.

8.

Der Zustand unsres Heils ist nun voraus zu schaun.
Es wird die Geistlichkeit mit lehren und erbaun,
Bey dem unsträflichen, den Worten gleichem, Leben,
Der Weiszheit, Wissenschafft, und Demuth, sich ergeben,

Въ Тебѣ съ величествомъ сїяетъ къ намъ прїятство,
Съ небесъ влїянной даръ добротъ Твоихъ изрядство.
Къ почтенью насъ ведетъ прекрасной зракъ лица,
Въ Тебѣ дивимся мы премудрости Творца,
Въ талантахъ что Твоихъ вѣнца достойныхъ зрится,
Чрезъ кои мы давно желали въ вѣкъ плѣниться.

6.

Твоя высока мысль Цесарску кровь значитъ,
Что Ты Геройска Дщерь, Твой бодрой духъ гласитъ,
И склонность вѣрности чинить всегда награду,
Невинныхъ брать подъ кровъ и бѣднымъ дать отраду.
Коль сильныхъ сихъ добротъ въ Тебѣ велика власть?
Хвалы достойна мысль, и славой полна страсть
Животъ души Твоей, что тщится толь ревниво
Прилично трону жить, являть породы диво.

7.

Тебя къ сему избрать Творецъ изволилъ самъ,
И древо дней Твоихъ растить въ цвѣтахъ къ плодамъ.
Являешь склонность къ намъ, что прежде Ты таила,
Котору съ бодростью стараньемъ ты открыла.
Твоя десница что на пользу намъ чинитъ,
То правитъ зрѣлъ совѣтъ, и добръ успѣхъ скоритъ.
Пресильной разумъ Твой поспѣшно все пронзаетъ,
Намѣренье Твое съ желаньемъ всѣхъ кончаетъ.

8.

Мы можемъ нашъ таланъ уже впередъ прозрить:
Духовной будетъ чинъ ученьемъ насъ крѣпить,
И чисту жизнь блюсти, съ словами оныхъ сходну,
Съ наукой кроткой нравъ и съ тѣмъ премудрость сродну,

Im Herrn gelassen seyn, niemahl im Eifer ruhn
Der wilden Regung weh, den Armen guts, zu thun,
Und mit Verträglichkeit, durch ihr Bezeigen, sagen,
Dasz der die Liebe sey, des Bild sie an sich tragen.

9.

Du schaffst dasz diesem Amt, das zwiefach Ehre werth,
Nach seiner Würdigkeit die Achtung wiederfährt:
Damit das rohe Volck sich von den Lastern lencke,
Und mit Erkentlichkeit an das, was heilig, dencke.
So tritt die Priesterschafft in Andachts-voller Gluth
Vor den Altar des Herrn, mit Reinigkeit und Muth:
Es rüstet sich ihr Geist, den Himmel zu bewegen,
Und zieht das Hertz zu GOTT, und auf das Land den Seegen.

10.

Von Deinem frommen Sinn kommt alles wohlergehn,
Zumahl da Licht und Recht Dir stets zur Seiten stehn,
Die Du mit Einigkeit in Deinem Rath verbindest,
Und manches Hindernis durch Nachsicht überwindest.
Du hälst so Eigen-Nutz, als Neid und Hasz, im Zaum,
Ziehst den Verstand hervor, und machst der Wahrheit Raum,
Wie treuer Redlichkeit, und freyem Muth im rathen,
Den Quellen reicher Art zu heylsam grossen Thaten.

11.

So unumschränckt die Macht von Deiner Hoheit ist,
So spührt man dasz Du doch so selbbeherrschend bist,
Und die Gedancken lenckst, so bald Du nur kanst finden,
Dasz andre Meynungen sich auf das Beszre gründen.
Ein Lob! ein ewig Lob, das Dein Gedächtnis schmückt,
Dich über alles hebt, und Deinen Staat beglückt,
Das Fürsten offt verschmähn, und Könige versäumen,
Wenn, aus Verhängnis, sie von falscher Grösse träumen.

И мирно въ Бозѣ жить и ревность въ томъ казать,
Чтобъ бѣднымъ помощь дать страстей набѣгъ попрать.
Они покажутъ всѣмъ промежъ собой согласно,
Что то сама любовь, что зримъ во оныхъ ясно.

9.

Тобою будетъ сей почтенье чинъ имѣть,
Чего достоинъ онъ, всегда то будетъ зрѣть:
Что бы простой народъ пороковъ впредь чужался
И свято въ мирѣ жить по ихъ словамъ старался.
Священство въ ревности предъ Божїй станетъ тронъ,
Имѣя чисту мысль, хранивъ его законъ,
И духъ его готовъ небесну власть склонити,
Его чтобъ сердце взять, и миръ благословити.

10.

Твой вѣры полной умъ умножитъ щастье въ насъ:
Понеже правда, свѣтъ съ Тобой на всякой часъ,
Что Ты чрезъ Твой совѣтъ въ единъ союзъ приводишь.
Чрезъ умно слѣдство всѣ препятства превосходишь.
Ты держишь зависть злу и ненависть въ броздахъ,
И правду съ разумомъ всегда въ Твоихъ очахъ,
И вѣрность истинну и вольну мысль въ совѣтѣ,
Источникъ толь богатъ къ дѣламъ преславнымъ въ свѣтѣ!

11.

Хотя велика толь Монаршска власть Твоя;
Но видимъ правишь какъ самую Ты Себя.
Ты мысль Твою тогда на инной путь склоняешь,
Когда другихъ совѣтъ правдивѣ быть познаешь.
Тебѣ сїя хвала пребудетъ въ вѣкъ красой,
Возвысишь Твой народъ на щастья верьхъ съ собой,
Не зная что Цари съ Князями мимо ходятъ,
Когда тѣ ложну власть какъ сонъ на мысль наводятъ.

12.

Dir bleibt doch allezeit der Auszug von dem Ruhm:
Denn fremdes Einsehn wird zuletzt Dein Eigenthum,
Wenn Deine Scharffsicht wirckt, durch kluges
unterscheiden
Das gründliche zu thun, das scheinbare zu meiden.
Du nimmst des Monden-Schein für keinen Sonnen-Strahl.
Die höchste Fürsten-Kunst besteht in einer Wahl
Verschiedner Neigungen, der Diener und der Sachen,
Die Ansehn ihrem Stuhl, die Länder glücklich, machen.

13.

So reifflich du erwegst, so bald vollstreckest du,
Giebst hier den Ausschlag selbst, und dort Befehl dazu,
Mit einem munteren anständigen Bezeigen,
Das die Gebuhrt verräth, und nur Monarchen eigen.
Dir stehet stets bevor, dasz Unentschlossenheit
Offt schlimmre Frucht gebührt, als Unbedachtsamkeit,
Und auch ein Augenblick, den man zu viel verdichtet,
Ein weis erwognes Werck, von dem vollziehn,
vernichtet.

14.

Dein Reich ist ohnedem ein grosser Theil der Welt,
Den kluge Tapferkeit, mit Neid, beysammen hält,
Und ihr erworbner Ruhm, der sonst zum Sporn soll
taugen,
Ein Dorn in fremdem Fusz, ein Stachel in den Augen;
Wir sind der Miszgunst Ziel; wo die Gewalt nicht kann,
Da greiffet es die List mit falscher Freundschafft an.
Allein, Groszmächtigste, Sie musz Dich noch nicht
kennen:
Denn wer kann so, wie Du, dergleichen Netze trennen.

12.

Тебѣ единой данъ высокой верьхъ хвалы,
Твоими должно звать потомъ другихъ труды:
Чтоострой разумъ Твой въ вещахъ отмѣну знаетъ,
Извѣстное чинитъ, не то что только чаетъ.
За ясной солнца свѣтъ луны не чтишь лучей;
Князей искусство все совѣтъ разборъ вещей,
Различныхъ склонностей въ слугахъ и всей державѣ,
Для щастья ихъ земель и къ большей трона славѣ.

13.

Коль здраво мыслишь Ты, толь скоро все кончишь,
Въ чемъ здѣсь совѣтъ даешь, то дѣломъ тамъ велишь
Съ пристойной бодростью во всѣхъ дѣлахъ свободно,
Что Царску кажетъ кровь, Монархамъ что природно.
Ты зришь всегда умомъ, что долга мысль въ дѣлахъ
Дастъ часто худшїй плодъ, нежъ жаръ въ крытыхъ сердцахъ
И чрезъ единъ моментъ, излишно что пробавленъ,
Разумной замыслъ прочь бываетъ такъ отставленъ.

14.

Твоя страна и такъ большая свѣта часть,
Разумна храбрость гдѣ надъ злобой держитъ власть.
И звукъ ея хвалы взбуждать что долженъ къ чести
Какъ тернъ въ чужихъ ногахъ и ось въ очахъ у лести.
И зависть мѣтитъ въ насъ, гдѣ не льзя силой взять,
Тутъ ложной дружбой ковъ желаетъ насъ прельщать.
Державнѣйша! Твоихъ совѣтовъ онъ не знаетъ,
Коль скоро разумъ Твой такую сѣть терзаетъ.

15.

Es sieht die Eifersucht, mit einem gifftgen Blick,
Und hämscher Schlangen-Art, in jene Nacht zurück,
Als Ioch und Finsternis die Roxolanen drückten,
Die vor dem wilden Bild des strengen Batt sich bückten,
Und nimmt ein Muster an von künfftiger Figur
Verdorbener Gestalt. Allein sie träumt sie nur,
Und wird nicht, wie vordem, mit uns in Schlachten spielen,
Wo gegen hundert Mann gleich so viel tausend fielen.

16.

Nein, nein, O Heldin! nein, da steht Dein Muth davor.
Auf! schwinge Petrus Schwerd mit gleicher Krafft empor,
Das Ubermuth gereitzt, und kecker Stoltz bewogen,
So wie sie es gefühlt, so bald es nur gezogen
Aus seiner Scheide fuhr. Verfolge Feind und Sieg,
Und zwing den Frieden ab, durch einen kurtzen Krieg,
Den Undanck, Bundes-Bruch, und Lästerung, erzwungen,
Und die gedungne Faust der Groszmuth abgedrungen.

17.

Setz Dir Dein Helm nur auf, Du Pallas unsrer Zeit,
Und pflantze Dein Panier. Dein Heer steht schon bereit,
Der Stamm von Pultava, die Siegsgewohnten Kinder
Der harten Dreistigkeit, der alten Uberwinder,
Die jüngst am Meliboc, so wie am Caucasus,
Am Faul-und Schwartzen Meer, und an dem Weichsel-Flusz,
Den Frieden ausgepreszt, den stoltzen Feind geschlagen,
Und mit gehäufftem Arm die Palmen weggetragen.

15.

Нынь зависть какъ змїя ведетъ лукавой взглядъ
И ядомъ полну мысль на ону ночь назадъ,
Когда Россїйскїй родъ подъ игомъ въ тмѣ держался
И злаго Батїя кумиру ницъ склонялся.
Та мыслитъ паки впредь томуже быть у насъ;
Однако все сїе лишь снится ей на часъ.
Не будетъ съ нами такъ въ бою опять глумиться,
Что бы противу ста и тысячѣ склониться.

16.

Нѣтъ, о Монархиня, въ томъ разумъ Твой во всемъ.
Блещи Петровымъ въ верьхъ чрезъ равну мочь мечемъ,
Что дерсска гордость вновь себя казнить взбудила;
Онъ вышелъ самъ наружъ, лишь та себя явила.
Постигни сихъ враговъ, побѣду съ ними всю,
Принуди къ миру ихъ чрезъ краткую войну,
Неблагодарность что воздвигнула съ хулою
И мздой завистливъ родъ подкупленный чужою.

17.

Покрой Твой шлемомъ верьхъ, Минерва нашихъ лѣтъ,
Воткни копье Твое, Твой полкъ готовъ идетъ,
Полтавскихъ сѣмя поль, къ побѣдамъ склонны дѣти,
Попранна что врага въ ногахъ обыкли зрѣти,
Отъ коихъ Мелибокъ и Кавказъ самъ дрожалъ
И съ Вислой чорной понтъ, какъ сильныхъ бурь бѣжалъ.
Побитыхъ что враговъ принудили къ покою,
И пальмъ снопы несли Геройскою рукою.

18.

Ihr Muth verkühlet nicht an unserm kalten Belth.
Besteigt erfreut den Bord, so wie das rauhe Feld.
Und wird auf Berg und Thal, und wilden Fluth und Wellen,
Die dort verbrannte Brust auch hier entgegen stellen.
Dein Schiffs-Volck tackelt schon, erhebt sein froh Geschrey,
Die Zeit war noch nicht da; nunmehr kommt sie herbey;
Die Kammern sind gefüllt, das Deck bepflantzt mit Stücken,
Und alles ausgerüst in freye See zu rücken.

19.

Zieh Deine Flaggen auf, lasz Deine Wimpel wehn.
Und einen furchtbarn Wald von Masten schwimmen sehn.
Zieh Deine Flotten vor aus den beeiszten Meeren,
Vereine sie der Macht der schleichenden Galeeren,
Die in die Scheeren-Bucht schon mehrmahls Furcht gebracht,
Und an dem Hellespont das Schrecken grosz gemacht.
Lasz nach befreyter Fahrt vor Dir die Seegel streichen:
Dein Vater war Neptun, Du kanst der Thetis gleichen.

20.

Gieb Losung und Befehl: die Waffen sind geschärfft.
Und Deiner Krieger Arm mit Treubegier benerfft.
Ja, rückt nur freudig aus, ihr Adler-Legionen:
Sucht Hütt und Klippen auf, wo unsre Spötter wohnen.
Kehrt ihre Nester um. Die Beute wird zwar klein.
Doch, eurer That gemäsz, der Ruhm weit grösser seyn.
So wie der reiche Stoff für unsre Sieges-Lieder:
Bringt ihr nicht Schätze mit, bringt uns den Frieden wieder.

18.

Въ хладу Балтїйскихъ водъ ихъ храброй духъ горитъ,
Съ весельемъ какъ на бортъ такъ въ полѣ быть
спѣшитъ.
Въ долинахъ и въ горахъ и гдѣ свирѣпы волны
Поставятъ грудь свою отважныхъ мыслей полны.
Морской народъ спѣшитъ, возноситъ веселъ гласъ:
Что долго ждали толь, уже проходитъ часъ.
Каморы полны всѣ, палубы пушки кроютъ,
Готовы въ путь со всѣмъ, вотъ въ море вдругъ
пороютъ.

19.

Вели Твой флагъ поднять и вимпелъ въ вѣтръ пустить,
И страшной лѣсъ въ волнахъ, Россїйскихъ маштъ
открыть.
Пресильной вывесть флотъ изъ ледныхъ устїй въ море,
И мочь Твоихъ галеръ къ пособѣ оныхъ вскорѣ.
Вогнали что великъ въ морски заливы страхъ,
Мутила чемъ боязнь Евксинской понтъ въ брегахъ.
Судамъ на брань бѣжать вели въ ужасномъ видѣ:
Отецъ Твой былъ Нептунъ, Ты равна будь Фетидѣ.

20.

Дай имъ указъ къ тому; ружье уже востро
И вѣрность силу дастъ въ салдатъ Твоихъ плечо.
Съ весельемъ правьте путь въ поля, полки орлины.
Гдѣ вашъ насмѣшливъ врагъ, пройдите всѣ долины.
Разройте гнѣзда ихъ: добыча хоть мала;
Однако будетъ въ томъ велика вамъ хвала,
И съ ней довольство намъ чемъ вашу храбрость
пѣти.
Не возмемъ хоть багатствъ, но будемъ миръ имѣти.

21.

Lasz sie, Groszmächtigste, lasz sie dahin nur ziehn,
Wo sie die Lust hinträgt, wo ihre Palmen blühn.
Wir stehn hier ausser Furcht, die Gott dem Feind erwecket,
Der sein Verhängnis merckt. Die Gräntzen sind bedecket,
Die Vesten reich versorgt, ihr Schutz durch Kunst vermehrt,
Ihr Wall mit Volck besetzt, und mit Metall beschwehrt,
Das der Verwegenheit, aus seinen hohlen Schlünden,
Den Donner Deines Ernsts zu strafen läst empfinden.

22.

So harnischt sich Dein Recht, und fühlt und braucht die Macht,
Die Dir von Gott verliehn: da sonst Dein Auge wacht,
Und Deine Groszmuth sorgt, durch ungleich stärckre Waffen,
Der Liebe, Gnad, und Huld, Dir den Triumph zu schaffen.
Ja, Dich verherrlichet Dein mildreich übersehn
Des Unrechts, das vorbey, der Fehler, die geschehn:
Zwar ist die Ahndung süsz; doch nicht in grossen Geistern,
Und Deiner Helden-Art Dich selbst zu übermeistern.

23.

Es scheint, es hat der Feind der Tugend abgemerckt,
Dasz sie beweglich sey, ob sie sich gleich verstärckt.
Er mustert zwar sein Heer, doch zehlt er auch die Todten:
Itzt sucht er Stillestand, nun schickt er Friedens-Bothen.
Wohlan! Groszmüthigste, Du hast vorher gezeigt,
Dasz Du mehr gütig bist, als zum Verderb geneigt.
Es steht in Deiner Hand, läst sich der Antrag hören:
Du willst ohndem Dein Reich nicht mit Provinzen mehren.

21.

Пущай, Державнѣйша, пущай туда пойдутъ,
Куда собой хотятъ, гдѣ пальмы ихъ цвѣтутъ.
Безъ страху мы живемъ, чемъ Богъ врага смущаетъ,
Онъ рокъ примѣтилъ свой, къ намъ ближе не дерзаетъ.
Границы съ крѣпостьми имѣютъ твердъ покровъ
Твой храброй полкъ и съ нимъ снарядъ по верьхъ валовъ,
На гору дерзость что, рыгая огнь жерлами,
Твой грозной мещетъ громъ и смерть между врагами.

22.

По праву должно такъ ихъ силою смирять,
Что Богъ изволилъ самъ Тебѣ для насъ послать,
Твой бодрой духъ спѣшитъ любви щедроту дати,
И сильнѣйшимъ ружьемъ Тебѣ трїумфъ сыскати.
Тебя прославитъ то, не помнишь что обидъ,
И щедро презрила проступокъ гнусной видъ:
Хотя прїятна месть; но быть въ Тебѣ не смѣетъ:
Что Твой высокой духъ собою самъ владѣетъ.

23.

Я мышлю, что нашъ врагъ въ Твоей добротѣ зритъ,
Что склонна къ милости, хотя полки крѣпитъ.
Онъ ставитъ войско въ строй, притомъ и мертвыхъ числитъ,
То перемирныхъ дней, проситъ то миру мыслитъ.
Изволь, Державнѣйша: явила Ты предъ симъ.
Что хочешь миловать, нежъ вредна быти имъ.
Вся власть въ Твоихъ рукахъ, когда ихъ прозьба нравна,
Твоя земля и такъ своимъ пространствомъ славна.

24.

Was giebst Du nicht dem Nord, wenn Du ihm Ruhe schenckst?
Du denckst Dir selbst gemäsz, seit Du das Ruder lenckst,
Und wie ELISABETH, das Wunder-Bild der Britten,
Die mit den Waffen auch, doch mehr mit Witz, bestritten,
Der Künstler Fleisz gelockt, ihr Reich in Flor gebracht,
Ihr emsigs Volck geschickt, reich, und berühmt, gemacht,
Durch Pracht und Sparsamkeit sich Ehr und Schätz erworben,
Als Königin gelebt, als Siegrin spät gestorben.

25.

Du siehst nicht weniger den Grund des Besten ein;
Wirst aller Wissenschafft Schutz und Ergötzen seyn;
Durch sie erhält der Mensch den Vorzug, und das Wesen,
Wozu ihn die Natur, wozu ihn GOTT, erlesen.
Sie edlen unsern Leib, Sie schärffen den Verstand,
Und ohne sie sind wir ein roher Diamant,
Der in der Finsternis der eignen Schaale stecket
Die seinen Glantz umhüllt, die seinen Werth verdecket.

26.

Mit Danck erwiedern sie, was ihnen guts geschicht,
Mit Wirckung äussert sich ihr still-durchdringend Licht,
Und ihre Fruchtbarkeit in Millionen Künsten,
In nützlichem Gewerb, in rühmlichen Gewinnsten.
Tyrannen hassen sie, weil sie sich selber feind;
Ein Fürst, der Tugend liebt, ist so, wie Du, ihr Freund,
Aus Neigung wie mit Grund; und wo sie sicher wohnen,
Sind sie der Länder Glück, sind sie die Zier der Kronen.

24.

Какъ Норду миръ подашь, имѣть все будетъ онъ.
Премудру кажешь мысль на Твой восшедши тронъ.
Подобна Ты во всемъ Британъ Елисаветѣ,
Славнѣ что разумомъ была нежъ бранью въ свѣтѣ.
Ввела науки всѣ, Британъ хвалу взнесла,
Богатства и ума довольно имъ дала,
Въ воздержныхъ торжествахъ казну и честь достала,
По Царски вѣкъ жила, въ побѣдахъ жизнь скончала.

25.

Ты видишь равно ей къ талану путь прямой,
Извѣстны будутъ намъ науки всѣ Тобой.
Чрезъ оны человѣкъ приходитъ къ совершенству,
Къ сему насъ Богъ избралъ съ натурою блаженству.
Тѣ красятъ нашу плоть острятъ и разумъ въ насъ;
Безъ нихъ мы мрачны какъ нечищеной алмазъ,
Что въ дикомъ камнѣ скрытъ очей людскихъ таится,
Гдѣ свѣтлость и цѣна въ всегдашной тмѣ не зрится.

26.

Кто имъ добро чинитъ воздать тѣ могутъ все
И дѣломъ кажетъ намъ ихъ свѣтъ лице свое.
Художествъ разныхъ плодъ обильный въ тьмахъ являютъ
Чрезъ прибыль славную своихъ обогащаютъ.
Тираннамъ мерсски тѣ: они враги себѣ.
Монархи любятъ ихъ подобные Тебѣ.
Когда спокойно ихъ хранитъ кака держава,
Бываютъ щастье странъ, коронъ краса и слава.

27.

Dein Reich ist recht für sie ein weiter Sammel-Platz:
Dort ist noch viel zu thun. da liegt noch mancher Schatz.
Das jene Zeit versäumt. den die Natur verborgen;
Du ziehest beydes vor durch wirthschafftliches Sorgen:
Giebst Vorschub mit Bedacht. wie ihn Dein Vater gab:
Was hier der Fleisz gewinnt. geht unsern Feinden ab.
Wird ihre letzte Krafft durch ein Verzehren schwächen.
Und ihren Trotz viel ehr, als Stahl der Waffen, brechen.

28.

Gönn unsrer Kauffmannschafft den billigen Genusz.
Bey Sicherheit und Ruh. von Deinem Uberflusz;
Verbeszre Fahrt und Weg. vermehre Schiff und Waaren,
Durch Deine Lindigkeit und mildestes Verfahren;
Ein Staat ist wie ein Mensch: wenn dem sein Hertz nichts preszt.
Und seinem Blute frey den Umlauff nehmen läszt.
So kan es jedem Glied die Nahrungs-Säffte geben,
Und Handlung ist im Staat das, was im Leib das Leben.

29.

Verhilff dasz Wort und Schrift in gleichem Werthe stehn.
Und Treu und Glauben sich durch Richtigkeit erhöhn:
Dasz andre Völcker nicht an ihrem Umtausch leiden.
Betrug und Schaden fliehn. und unsre Häfen meiden.
Zieh sie durch Freyheit an, die Wohlfarth nach sich zieht;
Und. weil doch jedes Volck auf seinen Vortheil sieht,
So schencke denen mehr. die sich nach uns bequemen.
Und unsre Güter so. wie wir die ihren, nehmen.

30.

In Deiner Weisheit ligt dis Heiligthum verwahrt:
Schaff uns Gerechtigkeit durch Ordnung mancher Art.

27.

Имперїя Твоя пространной домъ для нихъ.
Коль много скрытыхъ есть богатствъ въ горахъ Твоихъ!
Что прошлой вѣкъ не зналъ, натура что таила,
То все откроетъ намъ Твоихъ старанїй сила.
Ты помощь въ томъ даешь, какъ самъ Родитель Твой.
Что намъ прилѣжность дастъ, то тратитъ врагъ собой.
Послѣдню мочь его голодна скудость склонитъ,
И горду мысль его сильнѣ огня прогонитъ.

28.

Позволь купечеству торгомъ довольну быть
Въ излишествѣ Твоемъ, и безопасно жить,
Позволь свободной путь, умножь суда, товары
Чрезъ кроткїе Твои добротъ душевныхъ дары:
Страна какъ человѣкъ, какъ сердце бьется въ немъ,
Содержитъ кровь всегда въ прямомъ бѣгу своемъ;
То можетъ каждой членъ напитанъ быть удобно:
Какъ тѣло духъ живитъ, такъ земли торгъ подобно.

29.

Въ дѣлахъ съ рѣчьми людей согласїя прибавь,
Съ надеждой вѣрну мысль на равной вѣсъ поставь:
Что бы въ торгу своемъ никто не зналъ урону;
Гони отъ портовъ прочь обманъ, утрату, спону;
Чрезъ вольность къ намъ введи таланъ земель чужихъ.
И для того что всякъ прибытковъ ждетъ своихъ,
Дай большу вольность тѣмъ, что намъ живутъ согласно,
И нашъ товаръ берутъ, какъ мы отъ оныхъ власно.

30.

Въ Твоей премудрости высокой даръ сей скрытъ.
Поставь правдивой судъ откуду ложь бѣжитъ,

List, Gunst, und Vorurtheil, verbann aus den Gerichten,
Lasz, wie Du selber thust, nach Recht und Wahrheit schlichten,
Und sonder Auffenthalt. Heb die Bedrängten auf,
Und hemme, nach Verdienst, der Boszheit frechen Lauf,
So wie, durch schnellen Trost, der Unschuld bittre Thränen,
Reisz der bedrückten Gut den Räubern aus den Zähnen.

31.

Geseegnet sey der Tag, den Du dazu erwehlt,
Dasz Deine Güte sich mit unsrer Treu vermählt.
O! welch unschätzbar Pfand sind so erhabne Triebe?
Und welche Süszigkeit steckt in der Völcker Liebe?
Was reget sich in Dir, was fühlen wir für Lust,
Die uns auf ewig bindt? Dir bebt die Helden-Brust
Von edler Ruhmbegier die Deinen zu ergözen:
Und unser Hertz für Furcht, Dich nicht genung zu schätzen.

32.

Wohl! leb und herrsche so mit Freyheit, Macht, und Glück,
Der Höchste füge Dir das günstigste Geschick,
Dasz mit Bewundrung noch die spaten Enckel schauen
Dich unsrer Zeiten Schmuck, Dich Krone grosser Frauen.
Dis ist der Wunsch vom Belth bisz zum Iapaner-Meer,
Von der Hyrcaner-See bisz, wo der weisse Bär
Den Eiszberg übersteigt, am äussersten der Erden,
Wo so viel Thiere grosz, die Menschen kleiner, werden.

33.

Der Auf- und Niedergang, der Erde gröstes Stück,
Merckt Deiner Vorsicht auf, erfordert Deinen Blick,
Die innerliche Macht, Dein Ansehn bey den Thronen,
Und die Verbindungen so vieler Nationen.

Лукавство, ковъ и лесть низринь изъ мѣстъ судебныхъ,
Вели на правду зрить, какъ Ты, въ дѣлахъ враждебныхъ
Безъ траты времени въ обидахъ помощь дай,
Коварну зависть, злость по ихъ дѣламъ карай.
Невинныхъ току слезъ посли Твою утѣху.
Избавь отъ хищныхъ рукъ Твоихъ людей къ успѣху.

31.

Благословенъ будь день, что избранъ былъ къ тому,
Когда склонилась Ты къ народу Твоему.
О коль предрагъ залогъ отъ сей высокой страсти!
И коль пресладокъ плодъ любовь подданныхъ къ власти!
Колика радость намъ Тебѣ врученнымъ быть!
Велика сладость коль себя любиму зрить!
Геройска бьется грудь смотря Твоихъ забаву,
А наша, чтобъ Твою почтить довольно славу.

32.

Господствуй и имѣй надъ щастьемъ полну власть,
Всевышнїй дастъ Тебѣ въ таланѣ лучшу часть:
Что бы познать могли въ грядущїй вѣкъ потомки,
Что Ты всѣхъ женъ краса, Твои дѣла коль громки.
Желая то гласятъ брега Балтїйскихъ водъ,
До толь гдѣ кажетъ свой Яппонцамъ солнце всходъ;
И отъ Каспїйскихъ волнъ до горъ, гдѣ мразъ насильный,
Гдѣ малъ народъ большихъ звѣрей стада обильны.

33.

Востокъ и западъ весь большая часть земли
На промыслъ смотритъ Твой и чтитъ дѣла твои.
И сила войскъ Твоихъ и честь отъ многихъ троновъ,
И оныхъ странъ союзъ и твердь Твоихъ законовъ

Sey wie das Mittel-Licht im weiten Bau der Welt,
Das rüstig sich bewegt, aus eigner Krafft sich hält,
Und so viel Cörper noch um sich mit Ordnung treibet,
Dasz jeder in dem Creysz der ewgen Vorschrifft bleibet.

34.

Du bist uns recht zum Schutz auf eine Zeit verspahrt
Von gantz verworrener, von unerlebter, Art,
Bey deren Unbestand die Weisen schweigen müszen;
Was nicht der Todt getrennt, hat die Gewalt zerrissen,
Und alles untermengt; kein Bündnis hat mehr Krafft;
Die Staats-Kunst sieht zwar weit, doch denckt sie zweifelhafft.
Was wird ihr gantzer Bau noch für Erschüttrung leiden?
Das weisz kein sterblicher; die Schickung musz entscheiden.

35.

Ia Himmel! gnüge dich an so viel Thränen-Fluth;
Sey mit uns ausgesöhnt durch das vergoszne Blut;
Stürtz die verdammte List die Völcker zu erbittern;
Schenck den Geschöpfen Ruh nach so viel Ungewittern.
So seufftzt die Redlichkeit, so wünscht das Vaterland,
So hofft die halbe Welt, so krönt der Allmacht Hand
Mit Lorbern ohne Schuld, mit Perlen sonder Mängel,
Dich, HÖCHSTE KAYSERIN, Dich, schönsten Friedens-Engel.

Будь какъ начальной лучь въ срединѣ всѣхъ планетъ,
Что самъ собой стоитъ и кругъ себя течетъ
И столько тяжкихъ тѣлъ пространнымъ вихремъ водитъ,
Что каждое изъ нихъ чрезъ вѣчный путь свой ходитъ.

34.

Тебя Творецъ для насъ до времени скрывалъ,
Когда премѣнный рокъ бѣдами насъ смущалъ.
Въ мятежны тѣ часы и мудры всѣ молчали;
Что рокъ отнять не могъ, то злы насильно взяли,
Смутили все въ одно; въ союзѣ силы нѣтъ!
Политика зритъ въ даль; но слабъ ея совѣтъ.
Ужасна будетъ коль ея потомъ кончина?
Того намъ не льзя знать, покажетъ впредь година.

35.

Довольно, небо, будь потокомъ слезъ людскихъ;
Поставь ужъ съ нами миръ за кровь рабовъ твоихъ.
Низвергни мерсской ковъ, что вводитъ брань въ народы,
Подай спокойной вѣкъ, згони отъ насъ погоды.
Вздыхаетъ вѣрность такъ того Россїя ждетъ.
Тебѣ Всесильнаго рука вѣнецъ даетъ,
Гдѣ непорочной лавръ, гдѣ чистъ жемчугъ и ясный,
Тебѣ, Монархиня, нашъ Ангелъ мира красный.

X.

ОДА

На прибытїе Ея Величества великїя Государыни Императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Санктпетербургъ 1742 года по коронацїи.

1.

Какой прїятной Зефиръ вѣетъ,
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ?
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу Дщери зримъ Петровой
Зарей торжествъ свѣтящу новой.
Чѣмъ ближе та сїяетъ къ намъ,
Мрачнѣе ночь грозитъ врагамъ.
Брегà Невы руками плещутъ,
Брегà Ботнїйскихъ водъ трепещутъ.

2.

Взнесись превыше молнїй, Муза,
Какъ быстрый съ Пиндаромъ орелъ;
Гремящихъ Арфъ ищи союза,
И въ верьхъ пари скоряе стрѣлъ;
Сладчайшїй Нектаръ лей съ Назономъ;
Превысь Парнассъ высóкимъ тономъ;
Съ Гомеромъ какъ рѣка шуми,
И какъ Орфей съ собой веди
Въ торжественъ ликъ древà и вóды,
И всѣхъ звѣрей пустынныхъ роды.

3.

Дерзай ступить на сильны плечи
Атлантскихъ къ небу смежныхъ горъ;
Внушай свой вселенной рѣчи;
Блюдись спустить свой въ долы взоръ;
Надъ тучи онымъ простирайся,
И выше облакъ возвышайся,
Спѣши звучащей славѣ въ слѣдъ.
Но ею весь пространный свѣтъ
Наполненный страшась чудится:
Какъ въ стихъ возможно ей вмѣститься?

4.

Однако ты и тѣмъ щастлива,
Что тщишься похвалы вспѣвать
Всея землѝ красы и дива,
И тѣмъ красу себѣ снискать.
Ты твердь оставь, о древня Лира,
Взнесенна басньми къ верьху мїра:
Моя число умножитъ звѣздъ,
Возвысившись до горнихъ мѣстъ
Парящей славою Орлицы,
Прїявъ отъ Росской свѣтъ Денницы.

5.

Священный ужасъ мысль объемлетъ!
Отверзъ Олимпъ всесильный дверь.
Вся тварь со многимъ страхомъ внемлетъ,
Великихъ зря Монарховъ Дщерь,
Отъ вѣрныхъ всѣхъ сердецъ избранну,
Рукою Вышняго вѣнчанну,
Стоящу предъ Его лицемъ,
Котору въ свѣтѣ Онъ Своемъ
Прославивъ, щедро къ Ней взираетъ,
Завѣтъ крѣпитъ и утѣшаетъ.

6.

Благословенна вѣчно буди:
Вѣщаетъ Ветхїй деньми къ Ней,
И всѣ твои съ тобою люди,
Что ввѣрилъ власти Я Твоей.
Твои любезныя доброты
Влекутъ къ себѣ Мои щедроты.
Я въ гнѣвѣ Россамъ былъ Творецъ,
Но нынѣ паки имъ Отецъ:
Души Твоей кротчайшей сила
Мой гнѣвъ на кротость преложила.

7.

Утѣшилъ Я въ печали Ноя,
Когда потопомъ мїръ казнилъ,
Дугу поставилъ въ знакъ покоя,
И тою съ нимъ завѣтъ чинилъ.
Хотѣлъ Россїю бѣдъ водою
И гнѣвною казнить грозою;
Однако для заслугъ Твоихъ
Пробавилъ милость въ людяхъ сихъ,
Тебя поставилъ въ знакъ завѣта
Надъ знатнѣйшею частью свѣта.

8.

Мой образъ чтятъ въ Тебѣ народы,
И отъ Меня влїянный духъ;
Въ бесчисленны промчется роды
Добротъ Твоихъ неложный слухъ.
Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердцà кичливы,
Тобой Я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить;
Господствуй утвержденна Мною,
Я буду завсегда съ Тобою.

9.

Но что страны вечерни тмятся,
И дождь кровавыхъ каплей льютъ?
Что Финскихъ рѣкъ струи дымятся,
И долы съ влагой пламень пьютъ?
Тамъ видя выше горизонта
Входяща Готѳска Фаетонта
Противъ теченїя небесъ,
И вкругъ себя горящїй лѣсъ,
Тюмень въ брегахъ своихъ мутится
И во́ды скрыть подъ землю тщится.

10.

Претящимъ окомъ Вседержитель
Воззрѣвъ на полкъ вечернїй, рекъ:
О дерсскїй мира нарушитель,
Ты мечь противъ Меня извлекъ;
Я правлю солнце, землю, море,
Кто можетъ стать со мною въ спорѣ?
Моя десница мещетъ громъ,
Я въ пропасть свергъ за грѣхъ Содомъ,
Я небо мракомъ покрываю;
Я Самъ Россїю защищаю.

11.

Но Вышнїй зракъ свой отвращаетъ
Отъ Готѳскихъ ослѣпленныхъ странъ.
И тѣмъ продерзость ихъ смущаетъ,
Трясетъ полкѝ ихъ, флотъ и станъ;
Какъ сильный вихрь съ полей прахъ гонитъ,
И древъ верьхи высоки клонитъ.
Богинѣ Росской громъ вручилъ,
Чѣмъ злость разить противныхъ силъ:
Прими разженны къ мести стрѣ́лы,
Разсыпь враговъ своихъ предѣлы.

12.

Стокголмъ глубокимъ сномъ покрытый,
Проснись, познай Петрову кровь;
Не жди льстецовъ своихъ защиты,
Отринь коварну ихъ любовь;
Ты всуе Солнце почитаешъ,
И предъ Луной себя склоняешъ;
Цѣлуй Елисаветинъ мечь,
Что ты принудилъ самъ извлечь:
Его мягчитъ одна покорность,
Остритъ кичливая упорность.

13.

Примѣры храбрости Россїйской
Представь теперь въ умѣ своемъ;
Воззри на Донъ и край Понтїйской
Смиренный мстительнымъ огнемъ.
Тамъ степи кровью напоенны
Взрастили лавры намъ зелены.
Багрова тамъ земля тряслась,
И къ небу съ дымомъ пыль вилась;
Россїянъ твердо грудь стояла,
И слава ихъ во мглѣ блистала.

14.

Свою Полтавску вспомни рану,
Что знать еще въ груди твоей,
И гордость при Днепрѣ попранну
И многїй плѣнъ твоихъ людей,
За Обскїя брега вселенны,
Хребтомъ Рифейскимъ заключенны,
За коимъ сильна Росска власть
Велику держитъ встока часть,
Гдѣ орды ей сбираютъ дани,
По ней всегда готовы къ брани.

15.

Какъ нéльзя лить рѣкамъ къ вершинѣ
Противъ крутизны водъ своихъ,
И силы взять огню въ пучинѣ;
Такъ къ намъ ввести людей твоихъ.
Орлы на тое не взираютъ,
Что львовы челюсти зїяютъ.
Вотще твой хитрый былъ совѣтъ:
Россїю самъ Господь блюдетъ;
Рукою Онъ Елисаветы
Противныхъ разрушитъ навѣты.

16.

Ужѐ и моремъ и землею
Россїйско воинство течетъ,
И сильной крѣпостью своею
За лѣсъ и рѣки Готѳовъ жметъ.
Огня ревущаго удары
И свистъ отъ ядръ лѣтящихъ ярый
Згущенный дымомъ воздухъ рвутъ,
И тяжкихъ горъ сердцà трясутъ,
Ужѐ мрачится свѣтъ полдневный,
Повсюду видъ и слухъ плачевный.

17.

Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ густой,
Тамъ смерть межъ Готѳскими полкáми
Бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ строй,
И алчну челюсть отверзаетъ,
И хладны рýки простираетъ,
Ихъ гордый исторгая духъ,
Тамъ тысящи валятся вдругъ.
Но естьли хочешь видѣть ясно,
Коль Росско воинство ужасно;

18.

Взойди на брегъ крутой высоко,
Гдѣ кончится землею понтъ;
Простри свое чрезъ вóды око,
Коль много обнялъ Горизонтъ;
Внимай, какъ Югъ пучину давитъ,
Съ пескомъ мутитъ, зыбь на зыбь ставитъ,
Касается морскому дну,
На сушу гонитъ глубину,
И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ;
Такъ Россъ противныхъ низлагаетъ.

19.

Какъ ежели на Римлянъ злился
Плутонъ, являя гнѣвъ и власть,
И естьли Градъ тому чудился,
Что Курцїй, видя мрачну пасть,
Презрѣлъ и младость и породу,
Погибъ за Римскую свободу
Съ разъѣзду въ оную скочивъ;
То ей! Квириты, Маркъ вашъ живъ
Во всякомъ Россѣ, что безъ страху
Чрезъ огнь и рвы течетъ съ размаху.

20.

Всякъ мнитъ, что равенъ онъ Алкиду,
И что Немейскимъ львомъ покрытъ,
Или ужасную Егиду
Нося враговъ своихъ страшитъ;
Пронзаетъ, рветъ и разсѣкаетъ;
Противныхъ силу презираетъ.
Смѣсившись съ прахомъ кровь кипитъ;
Здѣсь шлемъ съ главой, тамъ трупъ лежитъ;
Тамъ мечь съ рукой отбитъ валится.
Коль злоба жестоко казнится!

21.

Народы нынѣ научитесь,
Смотря на страшну гордыхъ казнь,
Союзы разрушать блюдитесь,
Храните искренню прïязнь;
На множество не уповайте
И тѣмъ небесъ не раздражайте:
Мечи, щиты и крѣпость стѣнъ,
Предъ Божьимъ гнѣвомъ гниль и тлѣнъ:
Предъ нимъ и го́ры изчезаютъ,
Предъ нимъ пучины изсыхаютъ.

22.

Бѣжитъ въ свой путь съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный Исполинъ,
Ступаетъ по вершинамъ строгимъ,
Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
Подъ сильною его пятою
Кремнистые бугры трещатъ,
И слѣдомъ дерева́ лежатъ,
Что множество вѣковъ стояли,
И бурей ярость презирали.

23.

Такъ флотъ Россïйскïй въ понтъ дерзаетъ,
Такъ роетъ онъ поверьхъ валовъ;
Надменна бездна уступаетъ,
Стеня отъ тягости судовъ.
Во слѣдъ за скорыми кормами
Спѣшитъ сѣдая пѣна рвами.
Весельный шумъ, гребущихъ крикъ
Наносятъ Готѳамъ страхъ великъ;
Ужѐ надежду отверьгаютъ
И въ мглѣ свой флотъ и стыдъ скрываютъ.

24.

Не Шведъ ли мнилъ, что онъ главою
Какъ А́тласъ держитъ цѣлой свѣтъ,
И море сильною рукою
И полной властью въ узахъ жметъ;
Что твердь съ собой въ союзѣ свяжетъ
И вспять итти Лунѣ укажетъ,
Однако родъ Россїйскїй зналъ
И мысленно тогда взиралъ,
Когда онъ сталъ на насъ грозиться,
Какъ онъ бѣжитъ, какъ насъ страшится!

25.

На нивахъ жатву оставляетъ,
Отъ мести устрашенный Финъ
И съ горъ оцѣпенѣвъ взираетъ
На дымъ всходящїй изъ долинъ,
На мечь на Готѳовъ обнаженный,
На пламень въ селахъ возпаленный;
Тамъ ночью отъ пожаровъ день,
Тамъ днемъ въ пыли ночная тѣнь;
Багровый облакъ въ небѣ рдѣетъ,
Земля подъ нимъ въ крови краснѣетъ.

26.

Но холмы и древа̀ скачите,
Ликуйте множества озеръ,
Руками рѣки восплещите,
Петрополь буди вамъ примѣръ:
Е л и с а в е т а къ вамъ приходитъ,
Отраду съ тишиной приводитъ:
Любя вселенныя покой,
Ужѐ простертой вамъ рукой
Даруетъ мирныя оливы,
Щадить велитъ луга́ и нивы.

27.

Хоть съ вамибъ, Готөы, къ намъ достигли
Поящи западъ быстрины,
Хотя бы вы на насъ воздвигли
Союзны ваши всѣ страны;
Но тщетны былибъ всѣ походы:
Незнаемые вамъ народы,
Что далѣ сѣвера живутъ,
Того по вся минуты ждутъ,
Что имъ велитъ Елисавета,
Готовы стать противу свѣта.

28.

О слава женъ во свѣтѣ славныхъ,
Россїи радость, страхъ враговъ,
Краса Владѣтельницъ державныхъ!
Всякъ кровь свою пролить готовъ,
За многїя твои доброты
И къ подданнымъ твоимъ щедроты.
Твой слухъ плѣнилъ и тѣхъ людей,
Что странствуютъ среди звѣрей;
Что съ лютыми пасутся львами,
За честь Твою восстанутъ съ нами.

29.

Твое прехвально имя пишетъ
Неложна слава въ вѣчномъ льдѣ,
Всегда гдѣ хладный сѣверъ дышетъ,
И только вѣрой теплъ къ Тебѣ;
И сте́пи въ зноѣ отдаленны
Къ Тебѣ любовїю возженны
Еще усерднѣе горятъ.
Къ Тебѣ отъ всточныхъ странъ спѣшатъ
Ужѐ Американски во́лны
Въ Камчатской портъ веселья полны.

30.

Въ шумящихъ берегахъ Балтїйскихъ
Веселья больше нежель водъ,
Что видѣли судовъ Россїйскихъ
Противъ враговъ щастливый ходъ.
Коль радостенъ женихъ въ убранствѣ,
Толь Финскїй понтъ въ Твоемъ подданствѣ.
Въ проливахъ, въ устьяхъ рѣкъ, въ губа́хъ
Играя, Нимфы вьютъ въ рукахъ,
Монархиня, вѣнцы лавровы,
Тебѣ вспѣвая пѣсни новы.

31.

О чистый Невскїй токъ и ясный
Щастливѣйшїй всѣхъ водъ земныхъ!
Что сей богини ликъ прекрасный
Кропишь теперь отъ струй своихъ,
Стремись, шуми, теки обильно,
И быстриной твоей насильно
Промчись до Шведскихъ береговъ,
И больше устраши враговъ,
Имъ громкимъ шумомъ возвѣщая,
Что здѣсь зимой весна златая.

32.

Какъ лютый мразъ она прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля̀ цвѣтами краситъ вновь:
Такъ нынѣ милость и любовь,
И свѣтлый Дщери взоръ Петровой
Насъ жизнью оживляетъ новой.

33.

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сонъ?
Еще горитъ во мнѣ охота
Торжественный возвысить тонъ.
Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
И купно ясный день сїяетъ!
То сердце сильна власть страшитъ,
То кротость оное живитъ;
То бодрость страхъ, то страхъ ту клонитъ,
Противна страсть противну гонитъ!

34.

На западъ смотритъ грознымъ окомъ
Сквозь дверь небесну Духъ Петровъ,
Во гнѣвѣ сильномъ и жестокомъ
Преступныхъ онъ мятетъ враговъ.
Богиня кротко съ нимъ взираетъ
На Невскїй брегъ и простираетъ
Свой перстъ на Дщерь свою съ высотъ:
Воззри на образъ твой и плодъ,
Что всѣ дѣла твои восставитъ,
И въ свѣтѣ тѣмъ себя прославитъ.

35.

Исполненъ я веселья нынѣ,
Что вновь дѣлà мои растутъ:
Вѣщаетъ Петръ къ Екатеринѣ;
Твои совѣты всѣ цвѣтутъ.
Блаженны Дщерью мы своею;
Рука Господня буди съ Нею,
Блаженъ тотъ годъ, тотъ день и часъ,
Когда Господь ущедрилъ насъ,
Подавъ Ее намъ на утѣху,
И всѣхъ трудовъ моихъ къ успѣху.

36.

Но рѣчь ихъ шумный вопль скрываетъ:
Война при Шведскихъ берегахъ
Съ ужаснымъ стономъ возрыдаетъ,
Въ угрюмыхъ кроется лѣсахъ.
Союзъ приходитъ вожделѣнный,
И гласъ возноситъ къ ней смиренный:
Престань прекрасный вѣкъ мрачить,
И Фински го́ры кровавить:
Се царствуетъ Елисавета,
Да миръ подастъ предѣламъ свѣта.

37.

Хотя твои махины грозны,
Но сплавлю ихъ въ зваянный видъ:
Чтобъ знали впредь потомки позны,
Что нынѣ свѣтъ въ Россїи зритъ.
Я вящши учиню премѣны,
Когда градовъ пространны стѣны
Безъ пагубы людской сотру,
Въ огромные столпы сберу;
Превыше будутъ тѣ Мемфїйскихъ
Монарховъ славою Россїйскихъ.

38.

Мечи твои и ко́пья вредны
Я въ плуги и въ серьпы скую;
Пребудутъ всѣ поля безбѣдны,
Отвергнувъ люту власть твою.
На мѣстѣ брани и раздора
Цвѣты свои рассыплетъ Флора.
Разить не будетъ сѣрный прахъ
Сквозь воздухъ, огнь и смерть въ полка́хъ,
Но озаривъ веселы ночи,
Восхититъ зрящихъ духъ и очи.

39.

Еще плѣненна мысль мутится!
Я слышу стихотворцевъ шумъ,
Которыхъ жаръ не погасится,
И будетъ чтущихъ двигать умъ;
Завистно на меня взирая
И съ жалостїю воздыхая,
Ко мнѣ возносятъ скорбный гласъ:
О коль ты щастливѣе насъ!
Нашъ слогъ исполненъ басней лживыхъ.
Твой сложенъ изъ похвалъ правдивыхъ.

40.

На чтобы вымышлять намъ ложно
Безъ вещи имена однѣ,
Когда бы было намъ возможно
Рожденнымъ въ Росской быть странѣ,
Въ сїе благословенно время
Въ которое Петрово сѣмя,
Всѣхъ жёнъ хвала Елисаветъ
Сладчайшїй Музамъ вѣкъ даетъ.
Въ ней зрятся истинны доброты,
Геройство, красота, щедроты.

41.

Что толь прїятный сонъ смущаетъ,
Восторгъ пресладкїй гонитъ прочь,
И что спокойну брань скрываетъ,
И отвращаетъ ясну ночь?
Возноситъ встокъ и западъ клики!
Согласно разные языки
Гласятъ къ Монархинѣ своей:
Господь ущербомъ нашихъ дней
Умножь Твои дражайши лѣта
Къ отрадѣ и защитѣ свѣта!

*

42.

Когда бы древни вѣки знали
Твою щедроту съ красотой,
Тогда бы жертвой почитали
Прекрасный въ храмѣ образъ Твой.
Чтожъ будущїе скажутъ роды?
Покрыты кораблями вóды
И грады, гдѣ былъ прежде лѣсъ,
Возвысятъ гласъ свой до небесъ:
Великїй Петръ намъ далъ блаженство,
Елисавета совершенство.

43.

Цѣлуй Петрополь ту десницу,
Которой долго ты желалъ:
Ты паки зришь Императрицу,
Что въ сердцѣ завсегда держалъ.
Не такъ поля̀ росы̀ желаютъ,
И въ зной цвѣты отъ жажды таютъ,
Не такъ способныхъ вѣтровъ ждетъ
Корабль, что въ тихїй портъ плыветъ:
Какъ сердце наше къ Ней пылало,
Чтобъ къ намъ лице Ея сїяло.

44.

Красуйся духъ мой восхищенный,
И не завидуй тѣмъ творцамъ,
Что носятъ лавръ похвалъ зеленый;
Доволенъ будь собою самъ:
Твою усерднѣйшую ревность
Ни гнѣвъ стихїй, ни мрачна древность
Въ забвенїи не могутъ скрыть,
Котору будутъ вѣкъ хранить
Дѣла Петровой Дщери громки,
Что станутъ позны честь потомки.

XI.

ОДА

На день Тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Θеодоровича, 1743 года.

1.

Ужѐ врата отверзло лѣто;
Натура ставитъ общїй пиръ;
Земля и сердце въ насъ нагрѣто;
Колеблетъ вѣтви тихъ зефиръ;
Обьемлетъ мягкїй лугъ крилами;
Крутится чистый токъ полями;
Брега питаетъ тучный илъ;
Древа и цвѣтъ покрылись медомъ;
Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
Поспѣшно ясный вождь свѣтилъ.

2.

Но о небесъ пресвѣтло око,
Веселыхъ дней прекрасный Царь!
Какъ наша радость, встань высоко,
Пролей чистѣйшїй лучь на тварь,
Въ прекрасну облекись порфиру,
Явись великолѣпенъ миру
И въ новомъ блескѣ вознесись
Въ златую сѣдши колесницу,
Въ зенитъ вступи, прешедъ границу,
Позднѣе въ Океанъ спустись.

3.

И тѣмъ почти Петрова внука,
Сїяй, какъ нашъ веселый духъ
Горитъ отъ радостнаго звука,
Который въ нашъ внушаетъ слухъ
Младаго шумъ Орла паряща
И предкамъ въ слѣдъ взлѣтѣть спѣшаща;
На миръ возрѣть, искать побѣдъ.
Онъ выше бурь и тучь промчится,
Противъ перуновъ ополчится,
Однимъ обозритъ взглядомъ свѣтъ.

4.

Какой веселый ликъ приходитъ?
Се вѣчность отъ пространныхъ нѣдръ
Великїй рядъ вѣковъ приводитъ,
Въ нихъ будетъ жить Великїй Петръ,
Тобой, Великїй Князь Россїйскїй.
Въ Тебѣ весь Нордъ и край Азїйскїй
Воскресшу прежню чтитъ любовь.
Какъ въ гробъ лице Петрово скрылось,
Въ сей день веселья солнце тмилось;
Но днесь Тобою свѣтитъ вновь.

5.

Тебѣ Россїя вся открыла,
Кленущись Вышняго рукой:
Я въ сердцѣ много лѣтъ таила,
Что мнѣ достоитъ жить Тобой
Мнѣ полдень съ утромъ вдругъ вступаетъ,
Весна цвѣты и плодъ являетъ
Въ возлюбленной душѣ Твоей.
Но грудь пронзитъ народовъ льстивныхъ,
Ужасный лучь въ полки противныхъ
Блистая изъ Твоихъ очей.

6.

Возвысится какъ кедръ высокїй
Надъ сильныхъ всѣхъ Твоя глава;
Ты какъ змїю попрешь пороки,
Пятóй наступишъ Ты на Льва.
Твоими самъ Господь устами
Завѣтъ во вѣкъ поставитъ съ нами;
И крѣпче Мавританскихъ горъ
Твои плещи Петромъ скрѣпленны
И силой свыше облеченны
Надежный будутъ намъ подпоръ.

7.

Простреш Свои державны длани
Ко Вышнему за насъ въ церквахъ,
Покажешь мечь и страхъ въ день брани
Подобно какъ Твой Дѣдъ въ полкáхъ.
Премудрость сядетъ въ судъ съ Тобою,
Изгонитъ лесть и ковъ съ хулою.
И мужество Твои чресла
Скрѣпитъ для общей нашей чести,
Защититъ насъ, къ противныхъ мести,
Дабы исторгнуть корень зла.

8.

Подъ инну Трою вновь приступитъ
Россїйскїй храбрый Ахиллесъ,
Продерсскїй мечь враговъ притупитъ,
Хвалой взойдетъ къ верьху небесъ.
Отрада пойдетъ въ слѣдъ отрадѣ
Въ Петровомъ свѣту страшномъ градѣ,
И плески плескамъ вѣсть дадутъ:
Господь щедроты въ насъ пробавитъ,
И больше насъ Тобой прославитъ,
Какъ съ трепетомъ враги падутъ.

9.

Мой духъ течетъ къ предѣламъ свѣта,
Охотой храбрыхъ дѣлъ плѣненъ,
Въ восторгѣ зритъ грядущи лѣта
И грозный древнихъ видъ временъ:
Холмовъ Ливанскихъ верьхъ дымится!
Тамъ Наввинъ, иль Сампсонъ стремится!
Текутъ струи Евфратски вспять!
Онъ Тигровъ челюсти терзаетъ,
Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,
Велитъ лунѣ и солнцу стать.

10.

Фиссонъ шумитъ, Багдадъ пылаетъ,
Тамъ вопль и звуки въ воздухъ бьютъ,
Ассирски стѣны огнь терзаетъ,
И Тавръ и Кавказъ въ понтъ бѣгутъ.
Единъ трясетъ свирѣпымъ югомъ
И дальнымъ всточныхъ странъ округомъ
Сильнѣйшїй горъ, огня, вѣтровъ,
Отмститель храбръ враговъ сварливыхъ,
Каратель странъ въ союзѣ лживыхъ
Россїйскїй родъ и Плодъ Петровъ.

11.

Однако естьли врагъ оставитъ
Коварну зависть самъ собой,
То насъ желанный миръ прославитъ
И тѣмъ возвыситъ насъ Герой.
Стихїи ярость укрочайте,
Туманы въ ясны дни растайте,
Являй веселый небо зракъ;
Цѣлуйтесь громы съ тишиною;
Упейся молнїя росою;
Стань рядъ планетъ въ щастливый знакъ.

12.

Въ брегахъ да льются тихо рѣки,
Не смѣя чрезъ предѣлъ ступить;
Да придутъ всѣ страны далеки
Съ концевъ земныхъ Тебѣ служить.
Возри на свѣта шаръ пространный,
Возри на понтъ Тебѣ подстланный,
Возри въ безмѣрный кругъ небесъ:
Онъ зыблется и помаваетъ
И славу зрѣть Твою желаетъ
Свѣтящихъ тьмами въ немъ очесъ.

13.

Возри на трудъ и громку славу
Что свѣтъ въ Петрѣ неложно чтитъ;
Нептунъ позналъ Его державу,
Съ Минервой сильный Марсъ гласитъ:
Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россïя,
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскiя,
Сошедъ къ тебѣ отъ горьнихъ мѣстъ;
Онъ нынѣ въ вѣчности сïяетъ,
На Внука весело взираетъ,
Среди Героевъ, выше звѣздъ.

14.

Творецъ и Царь небесъ безмѣрныхъ,
Источникъ лѣтъ, вѣковъ Отецъ,
Услыши гласъ Россïянъ вѣрныхъ,
И чисту искренность сердецъ!
Какъ естьли сей предѣлъ положенъ,
Что выше степень не возможенъ,
Куда дѣлами Петръ возшелъ;
Яви сïю щедроту съ нами,
Да превзойдетъ Его лѣтами
Наслѣдникъ имени и дѣлъ.

XII.

(Псал. 143.)

1.

Благословенъ Господь мой Богъ
Моюѝ десницу укрѣпивый,
И персты въ брани научивый,
Сотрѣть враговъ взнесенный рогъ.

2.

Заступникъ и Спаситель мой,
Покровъ и Милость и Отрада,
Надежда въ брани и Ограда,
Подъ власть мнѣ далъ народъ святой.

3.

О Боже! что есть человѣкъ?
Что Ты ему Себя являешь,
Отъ твари бо́льша быть вмѣняешь,
Котораго толь кратокъ вѣкъ.

4.

Онъ утро, вечеръ, нощь и день
Во тщетныхъ помыслахъ проводитъ;
И такъ вся жизнь его преходитъ,
Подобно какъ ночная тѣнь.

5.

Склони, Владыко, небеса,
Коснись горамъ, и воздымятся;
Пусть паки на землѣ явятся
Твои ужасны чудеса.

6.

И молнію Твою блесни;
Бросай отъ странъ гремящихъ стрѣлы;
Рассыпь враговъ Твоихъ предѣлы,
Какъ плевы бурей разжени.

7.

Меня объялъ чужой народъ,
Въ пучинѣ я погрязъ глубокой:
Ты съ тверди длань простри высокой,
Избавь меня отъ многихъ водъ.

8.

Вѣщаетъ ложь языкъ враговъ,
Уста обильны суетою,
Десница ихъ полна враждою,
Скрываютъ въ сердцѣ лесть и ковъ.

9.

Но я, о Боже, возглашу
Тебѣ пѣснь нову повсечасно:
Я въ десять струнъ Тебѣ согласно
Псалмы и пѣсни приношу.

10.

Тебѣ Спасителю Царей
Давіда въ храбрости прославльшу,
Отъ лютаго меча избавльшу,
Что врагъ взмахнулъ рукой своей.

11.

Избавь меня отъ хищныхъ рукъ,
И отъ чужихъ народовъ власти:
Ихъ рѣчь полна тщеты, напасти;
Рука ихъ въ насъ наводитъ лукъ.

12.

Подобно масличнымъ древамъ
Сыновъ ихъ лѣта процвѣтаютъ;
Одеждой дщери ихъ блистаютъ,
Какъ златомъ испещренный храмъ.

13.

Пшеницы полны гу́мна ихъ,
Нещетно овцы ихъ плодятся,
На тучныхъ пажитяхъ хранятся
Стада̀ въ травѣ воловъ толстыхъ.

14.

Цѣла обширность крѣпкихъ стѣнъ
Вездѣ столпами утвержденныхъ;
Тамъ вопля въ стогнахъ нѣтъ стѣсненныхъ,
Не знаютъ скорбныхъ тамъ временъ.

15.

Щастлива жизнь моихъ враговъ!
Но тѣ свѣтляе веселятся,
Ни бурь, ни громовъ не боятся,
Которымъ Вышній Самъ Покровъ.

XIII.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ

О БОЖІЕМЪ ВЕЛИЧЕСТВѢ,

ПРИ СЛУЧАѢ ВЕЛИКАГО СѢВЕРНАГО СІЯНІЯ.

1.

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла влажна ночь,
Взошла на горы чорна тѣнь,
Лучи отъ насъ прогнала прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

2.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкїй прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Какъ персть между высокихъ горъ,
Такъ гибнетъ въ ней мой умъ и взоръ.

3.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ,
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы божества
Тамъ таже сила естества.

4.

Но гдѣжъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

5.

О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ,
Вы знаете пути планетъ,
Скажите, что нашъ умъ мятетъ?

6.

Что зыблетъ ясный ночью лучь?
Что тонкїй пламень въ тверд разитъ?
Какъ молнїя безъ грозныхъ тучь
Стремится отъ земли въ Зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлой паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?

7.

Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ горъ верьхи горятъ;
Иль въ морѣ дуть престалъ Зефиръ,
И гладки волны бьютъ въ Еѳиръ.

8.

Сомнѣнїй полонъ вашъ отвѣтъ,
О томъ что окрестъ ближнихъ мѣстъ.
Скажитежь, коль пространенъ свѣтъ?

И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ?
Ктожъ знаетъ, коль великъ Творецъ?

XIV.

Утреннее размышленіе о Божіемъ Величествѣ.

1.

Ужѐ прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по землѝ,
И Божїя дѣлà открыло:
Мой духъ, съ веселїемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

2.

Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приближившись возрѣть;
Тогдабъ со всѣхъ открылся странъ
Горящїй вѣчно Океанъ.

3.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

4.

Сїя ужасная громада
Какъ искра предъ тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада,
Тобою, Боже, возжжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ!

5.

Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись
Исполненны твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

6.

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости твоихъ очей
Лїется радость твари всей.

7.

Творецъ, покрытому мнѣ тмою
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою
Всегда творити научи.
И на Твою взирая тварь
Хвалить тебя, безсмертный Царь.

XV.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

И САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ

И

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВАМЪ

ПРЕСВѢТЛѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПЕТРУ ѲЕОДОРОВИЧУ

И ПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ

НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ

БРАЧНАГО СОЧЕТАНІЯ

ИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ

ПРИНОСИТСЯ

ВЪ ЗНАКЪ ИСКРЕННЯГО УСЕРДІЯ, БЛАГОГОВѢНІЯ И РАДОСТИ

ОТЪ

ВСЕПОДДАННѢЙШАГО РАБА

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

ХИМІИ ПРОФЕССОРА.

ПЕЧАТАНА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

MDCCXLV.

1.

Не садъ ли вижу я священный
Въ Едемѣ Вышнимъ насажденный,
Гдѣ первый узаконенъ бракъ?
Въ чертогъ Богиня въ славѣ входитъ,
Прекраснѣйшихъ Супруговъ вводитъ
Плѣняющихъ сердца̀ и зракъ.
Въ одномъ геройской духъ и сила
Цвѣтутъ въ лѣтахъ ужѐ младыхъ,
Въ другой натура истощила
Богатство всѣхъ красотъ своихъ.

2.

Исполнилъ Богъ свои̇ совѣты
Съ желанїемъ Елисаветы:
Красуйся свѣтло Россїй родъ.
Се паки Петръ съ Екатериной
Веселья общаго причиной:
Ликуйте сонмы многихъ водъ.
Рифейскихъ горъ верьхи неплодны,
Одѣйтесь въ нѣжный цвѣтъ лилей;
Пустыни и поля̀ безводны,
Излейте чистый токъ ключей.

3.

На встокѣ, западѣ и югѣ,
Во всемъ пространномъ свѣта кругѣ
Ужасны Россїе полки̇,
Мечи и шлемы отложите
И въ храбры ру́ки днесь возмите
Зелены вѣтви и цвѣтки.
Союзны царства утверждайте
Въ предѣлахъ вашихъ тишину,
Вы бурны вихри не дерзайте
Подвигнуть нынѣ глубину.

4.

Дѣвицъ и юношъ красныхъ лики,
Взносите радостные клики
По мягкимъ тихихъ рѣкъ брегамъ:
Пусть гласъ веселый раздается,
Пусть сей веселый гласъ промчется,
По холмамъ, рощамъ и лугамъ.
„Къ утѣхѣ Росскаго народа
„Петра съ Екатериной вновь
„Счетаетъ щастье и порода,
„Пригожство, младость и любовь.

5.

Какъ сладкїй сонъ вливаетъ въ члены
Во дни трудами изнуренны
Отраду, легкость и покой,
Такъ мысль въ весельи утопаетъ.
О коль прекрасенъ свѣтъ блистаетъ!
Являя видъ страны̀ иной.
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей нѣтъ ни шумныхъ бурь,
Межъ бисерными облаками
Сїяетъ злато и лазурь.

6.

Кристальны горы окружаютъ,
Струи прохладны обтекаютъ
Усыпанной цвѣтами лугъ.
Плоды карминомъ испещренны
И вѣтьви медомъ орошенны
Весну являютъ съ лѣтомъ вдругъ.
Восторгъ всѣ чувства восхищаетъ!
Какая сладость льется въ кровь?
Въ прїятномъ жарѣ сердце таетъ!
Не тамъ ли царствуетъ любовь!

*

7.

И горлицъ нѣжное вздыханье,
И чистыхъ голубицъ лобзанье
Любви являютъ тамо власть.
Древа листами помаваютъ,
Другъ друга вѣтвьми обнимаютъ,
Въ бездушныхъ тамъ любовна страсть!
Ручьи во слѣдъ ручьямъ крутятся,
То гонятъ, то себя манятъ,
То прямо другъ къ другу стремятся,
И слившись межъ собой журчатъ.

8.

Нарциссъ надъ ясною водою
Плѣненъ своею красотою
Стои́тъ любуясь самъ собой.
Зефиръ, какъ ты по брегу дуешь,
Сто кратъ листки его цѣлуешь
И сладкой тѣ кропишь росой,
Зефиръ сихъ нѣжныхъ мѣстъ хранитель,
Куда свой правишь съ нихъ полетъ?
Зефиръ кустовъ и рощь любитель,
Что прочь отъ нихъ тебя влечетъ?

9.

Онъ легкими шумитъ крилами,
Взвивается подъ небесами
И льетъ на воздухъ ароматъ;
Царицу мѣстъ любовь срѣтаетъ,
Порфиру и власы взвѣваетъ;
Она спѣшитъ въ свой свѣтлый градъ.
Индiйскихъ рѣкъ брега̀ веселы,
Хоть вѣчна васъ весна пестритъ,
Не чудны ваши мнѣ предѣлы,
Мой духъ красу любови зритъ.

10.

Какъ утренння заря сїяетъ,
Когда день ясный обѣщаетъ,
Румянитъ синїй горизонтъ;
Лице любови толь прекрасно.
Въ ночи горятъ коль звѣзды ясно,
И проницаютъ тихой понтъ;
Подобно сей царицы взгляды
Сквозь ду́ши и сердца̀ идутъ,
Съ надеждой смѣшанны отрады
Въ объяты страстью мысли льютъ.

11.

Бѣлѣйшей мрамора рукою
Любовь несетъ передъ собою
Младыхъ Супруговъ свѣтлый ликъ.
Натура оному дивится,
Воззрѣть земля и море тщится,
И звѣздный кругъ къ тому приникъ.
Кругомъ его умильны смѣхи
Взирающихъ плѣняютъ грудь,
Прїятности и всѣ утѣхи
Цвѣтами устилаютъ путь.

12.

Усердна вѣрность принимаетъ
Носимый ликъ и поставляетъ
На крѣпкихъ мраморныхъ столпахъ
Сребромъ чистѣйшимъ обведенныхъ,
И такъ отъ вѣка утвержденныхъ,
Какъ въ тяжкихъ Таврскихъ нутрь горахъ,
Перуновъ грозныхъ не боится
И презираетъ молнїй блескъ,
Отъ мрачныхъ тучь бѣжать не тщится,
Въ ничто вмѣняетъ громовъ трескъ.

13.

Не самъ ли въ гарфу ударяетъ
Орфей, и камни оживляетъ,
И слѣдомъ водитъ хоръ древесъ?
Любовь, и съ нею восклицаютъ
Лѣсà, и громко возвышаютъ
Младыхъ Супруговъ до небесъ.
Въ пригоркахъ бьютъ ключи прозрачны,
Сверькая въ солнечныхъ лучахъ,
И сыплютъ чрезъ долины злачны,
Чемъ блещетъ Ормъ въ своихъ краяхъ.

14.

Касталски Нимфы ликовствуютъ,
Съ любовью купно торжествуютъ,
И движутъ плесками Парнассъ;
Надежда оныхъ ободряетъ,
Надежда тверда возбуждаетъ
Возвысить громко брачный гласъ.
Надежда обѣщаетъ явно;
Онѣ себѣ съ весельемъ ждутъ
Имѣть въ Россïи имя славно
И мздою ободренный трудъ.

15.

О Вѣтвь отъ корене Петрова!
Для всѣхъ полночныхъ странъ покрова,
Благополучно израстай.
О щедрая Екатерина,
Ты процвѣтай краснѣйши крина,
И сладки намъ плоды подай.
Отъ Васъ Россïя ожидаетъ
Щастливыхъ и спокойныхъ лѣтъ,
На Васъ по всякой часъ взираетъ
Какъ на прекрасный дневный свѣтъ.

16.

Теперь во всѣхъ градахъ Россїйскихъ
По селамъ и въ степяхъ Азїйскихъ
Единогласно говорятъ:
Какъ Богъ продлитъ чрезъ вѣчно время
Дражайшее Петрово племя;
Щастлива жизнь и нашихъ чадъ:
Небудетъ страшной ужъ премѣны,
И отъ Россїйскихъ храбрыхъ рукъ
Рассыплются противныхъ стѣны
И сильныхъ изнеможетъ лукъ.

17.

Петръ силою Своей десницы
Россїйски распростретъ границы
И въ нихъ спокойство утвердитъ.
Дражайшїя Его Супруги
Вездѣ прославятся заслуги
И свѣтъ щедрота удивитъ.
Онъ добродѣтель чрезъ награду
Въ народѣ будетъ умножать;
Она предстательствомъ отраду
Потщится бѣднымъ подавать.

18.

Отъ Иберовъ до водъ Курильскихъ,
Отъ вѣчныхъ льдовъ до то́ковъ Нильскихъ,
По всѣмъ народамъ и странамъ
Именъ слухъ Вашихъ протекаетъ,
Языки многи услаждаетъ,
Какъ благовонный ѳимїамъ.
Коль сладко путникъ почиваетъ
Въ густой травѣ, гдѣ ключь течетъ,
Свое такъ серце утѣшаетъ,
Смотря на Васъ, Елисаветъ.

19.

Съ горящей, солнце, колесницы,
Низведъ пресвѣтлыя зѣницы,
Пространной видишь шаръ земной,
Въ Россïйской ты державѣ всходишь,
Надъ нею дневный путь преводишь
И въ вóлны кроешь пламень свой.
Ты нашей радости свидѣтель,
Ты зришь усердïй нашихъ знакъ,
Что нынѣ намъ послалъ содѣтель
Чрезъ сей благополучный бракъ.

20.

О Боже, крѣпкïй вседержитель!
Подаждь, да Россовъ Обновитель
Въ потомкахъ будетъ живъ Своихъ
Воспомяни Его заслуги,
И преклонивъ небесны круги
Благослови Супруговъ сихъ.
Съ высотъ твоихъ Елисаветѣ
Посли святую благодать,
Сподоби Ту въ грядущемъ лѣтѣ
Петрова Первенца лобзать.

XVI.

ОДА

НА ПРЕСВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ
ВОСШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЯ ДЕРЖАВНѢЙШІЯ
ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

ИМПЕРАТРИЦЫ
И
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ,
КОТОРОЮ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕУСЕРДНѢЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНІЕ ПРИНОСИТЪ
ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ РАБЪ
МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВЪ
1746.
НОЯБРЯ 25 ДНЯ.
Печатана при Императорской Академіи Наукъ.

1.

На верьхъ Парнасскихъ горъ прекрасный
Стремится мысленный мой взоръ,
Гдѣ во́ды протекаютъ ясны,
И прохлаждаютъ Музъ соборъ.
Меня не жажда струй прозрачныхъ,
Но шумъ прїятный въ рощахъ злачныхъ
Поспѣшно радостна влечетъ:
Тамъ холмы и древа̀ взываютъ,
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
До самыхъ звѣздъ Елисаветъ.

2.

И се ужѐ рукой багряной
Врата отверзла въ мїръ заря̀,
Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяной
Въ поля̀, въ лѣса̀, во градъ, въ моря̀,
Велитъ ночнымъ лучамъ склониться
Предъ свѣтлымъ днемъ, и въ тверди скрыться,
И тѣмъ почтить его приходъ.
Онъ блескъ и радость изливаетъ,
И въ красны лики созываетъ
Спасенный днесь Россїйскїй родъ.

3.

Взирая на дѣла̀ Петровы,
На градъ, на флотъ и на полкѝ,
И купно на свои̂ оковы
На сильну власть чужой рукѝ,
Россїя ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякой часъ взывала
Къ Тебѣ Защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,
Воздвигни намъ Петрово Племя,
Утѣшь печаль Твоихъ людей.

4.

Покрой Отечески законы,
Полкѝ противныхъ отжени,
И святости Твоей Короны
Чужимъ коснуться возбрани,
Отъ церькви отврати налоги:
Тебя Монарши ждутъ чертоги,
Порфира, Скипетръ и Престолъ;
Всевышнїй пойдетъ предъ Тобою,
И крѣпкою своей рукою
Отъ всѣхъ Тебя защититъ золъ.

5.

Какую чувствуетъ премѣну
Желанїемъ вперенный духъ?
Се мысль внезапно восхищенну
Веселый ободряетъ слухъ!
Ужѐ со многими народы
Гласитъ ееиръ, земля и вóды,
И камни вопїютъ теперь!
Къ намъ щедро небо преклонилось,
И щастье наше обновилось:
На тронъ взошла Петрова Дщерь.

6.

О утра часъ благословенный
Дражайшїй намъ златыхъ вѣковъ!
О вѣстникъ щастья вождѣлѣнный
Для насъ и будущихъ родовъ!
Ты коль велику далъ отраду,
Когда открылъ Петрову граду
Избавльшїя Богини зракъ!
Мы въ скорбной темнотѣ заснули,
Но въ радости отъ сна воспрянули,
Какъ ты нощный рассыпалъ мракъ.

7.

Ужѐ народъ нашъ оскорбленный
Въ плачевнѣйшей нощи сидѣлъ.
Но Богъ смотря въ концы вселенны,
Въ полночный край свой взоръ возвелъ,
Взглянулъ въ Россїю кроткимъ окомъ,
И видя въ мракѣ ту глубокомъ,
Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ.
И бысть. О твари Обладатель!
Ты паки свѣта намъ Создатель,
Что взвелъ на тронъ Елисаветъ.

8.

О день блаженный, день избранный
Для щастія полночныхъ странъ!
Тобой сугубо осіянный
Востокъ и льдистый Океанъ
Свой колѣна преклаияютъ,
И жертву нынѣ возжигаютъ
Усердну въ радостныхъ сердцахъ
Предъ Солнцемъ на землѝ свѣтящимъ,
Что намъ въ печальной тмѣ сѣдящимъ
Проливши свѣтъ, отгнало страхъ.

9.

Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стенала отъ зыбей,
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ,
И что надуты водъ громады
Текли покрыть пространны грады,
Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

10.

Я духомъ зрю минувше время,
Тамъ грозный злится исполинъ
Рассыпать земнородныхъ племя,
И разрушить натуры чинъ!
Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,
Лѣсисты съ мѣстъ бугры хватаетъ,
И въ твердь сквозь облака̀ разитъ.
Сиканской какъ Вулканъ дымится,
Такъ мгла изъ челюстей курится
И помрачаетъ солнца видъ.

11.

Но о прекрасная планета,
Любезное свѣтило дней!
Ты нынѣ чрезъ предѣлы свѣта
Простерши блескъ твоихъ лучей,
Спасенный сѣверъ освѣщаешь,
И къ намъ веселый видъ склоняешь,
Взирая на Елисаветъ
И купно на Ея доброты:
Отъ Ней текутъ на всѣхъ щедроты,
Какъ твой повсюду ясный свѣтъ.

12.

О вы недремлющїе очи
Стрегущїе небесный градъ!
Вы бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спятъ,
Взираете сквозь тѣнь густую
На цѣлу широту земную.
Но чаю, что вы въ оный часъ,
Впротивъ естественному чину,
Петрову зрѣли Дщерь едину,
Когда пошла избавить насъ.

13.

Сладка плодамъ во время зноя
Прохлада влажныя росы,
И сонъ подъ тѣнью древъ густою
Прїятенъ въ жаркїе часы;
Но вящшу радость ощущаетъ
Мой духъ, когда воспоминаетъ
Россїйскїя отрады день.
Еще приходитъ плескъ во уши!
Плѣняюща сердцà и дýши
Тогдашней нощи зрится тѣнь!

14.

По стогнамъ шумный гласъ несется
Елисаветиныхъ похвалъ
Въ полка́хъ стократно раздается:
Великїй Петръ изъ мертвыхъ всталъ!
Мы пройдемъ съ Нимъ сквозь огнь и во́ды,
Предолимъ бури и погоды,
Поставимъ грады на рѣкахъ,
Мы дерзскїй взоръ враговъ потупимъ,
На горды выи ихъ наступимъ,
На грозныхъ станемъ мы валахъ.

15.

Коль наша радость справедлива!
Насъ краситъ сладостный покой;
О коль, Россїя, ты щастлива
Елисаветиной рукой!
Противны силъ Ея страшатся,
И купно милости чудятся.
Таковъ Екатерининъ ликъ
Былъ щедръ и кротокъ и прекрасенъ;
Таковъ былъ Петръ врагамъ ужасенъ,
Своимъ Отецъ, вездѣ великъ.

16.

Что вы, о позные потомки,
Помыслите о нашихъ дняхъ?
Дѣла̀ Петровой Дщери громки
Представивъ въ мысленныхъ очахъ,
И видя зракъ изображенный
Среди Героевъ вознесенный,
Что молвите между собой?
Не всякъ ли скажетъ быть чудесно,
Увидѣвъ мужество совмѣсно
Съ толикой купно красотой?

17.

Велико дѣло есть и знатно
Сердца̀ народовъ привлещи,
И странно всѣмъ и непонятно
Полъ свѣта взять въ одной нощи!
Но кое сердце толь жестоко,
Которобъ Сей Богини око
Не сильно было умягчить?
И кая можетъ власть земная
На Дщерь и духъ Петровъ взирая
Себя противу ополчить?

18.

Пять кратъ подъ щастливой державой
Цвѣтами красилась земля,
Стократной облеклися славой
Россійски грады и поля̀:
Трофеи въ оныхъ вознесенны,
Съ оливой пальмы насажденны
Елисаветиной рукой.
Америки Та досязаетъ,
Отъ Той Европа ожидаетъ,
Чтобъ въ ней возставленъ былъ покой.

19.

Хотя отъ смертныхъ сокровенно
Грядущихъ бытіе вещей;
Однако сердце просвѣщенно
Величествомъ Богини Сей
На будущіе дни взираетъ,
И больше щастье предвѣщаетъ.
Конецъ увидимъ оныхъ дѣлъ,
Что ради нашего блаженства
На верьхъ поставить совершенства
Всходящій въ небо Петръ велѣлъ.

20.

Кто можетъ всѣ хвалы достойно
Сея Монархини сказать?
Чья Муза толь красно и стройно
Предъ Нею можетъ возъиграть?
Я Лиру нынѣ подверьгаю,
Стопамъ Ея, и возглашаю:
Подаждь, о сильно Божество!
Да узрятъ многихъ лѣтъ округи
Ея къ отечеству заслуги,
И свѣтло днешне торжество.

21.

Да возрастетъ Ея держава,
Богатство, щастье и полкѝ,
И купно дѣлъ Геройскихъ слава,
Какъ токъ великїя рѣкѝ
Чемъ далѣ бѣгъ свой простираетъ,
Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ.
И множество градовъ поитъ,
Разлившись на полѧ̀ восходитъ,
Обильный тукъ на нихъ наводитъ,
И жатвы щедро богатитъ.

XVII.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ

ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

И

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ

КОТОРОЮ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИКЪ

РОЖДЕНІЯ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

ДЕКАБРЯ 18. ДНЯ

1746.

ИСКРЕННЇЯ И ВСЕУСЕРДНѢЙШЇЯ СВОЙ ЖЕЛАНЇЯ

ПРИНОСИТЪ

ВСЕПОДДАННѢЙШАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

ПЕЧАТАНА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМЇИ НАУКЪ.

1.

Въ сей день, блаженная Россія,
Любезна небесамъ страна,
Въ сей день отъ высоты святыя
Елисаветъ тебѣ дана,
Воздвигнути Петра по смерти,
Гордыню сопостатовъ стерти
И въ ужасъ оныхъ привести,
Отъ грозныхъ бѣдъ тебя избавить,
Судьей надъ царствами поставить
И выше облакъ вознести.

2.

О дщерь гремящаго надъ нами,
О мати всѣхъ племенъ земныхъ,
Натура чудная дѣлами,
Какъ естьли таинъ ты своихъ
Меня достойнымъ быть судила,
И естьли слаба мыслей сила
Проникнуть можетъ въ твой чертогъ,
Представь мнѣ оную годину
И купно бѣгъ свѣти́лъ по чину,
Какъ вышній далъ намъ сей залогъ.

3.

Сквозь тучи бывшія печали,
Что лютый рокъ на насъ навелъ,
Какъ го́ры о Петрѣ рыдали
И Понтъ въ брегахъ своихъ ревѣлъ,
Сквозь страшны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ война́ми возмущенный
Я вижу тотъ пресвѣтлый часъ:
Тамъ вкругъ младой Елисаветы
Сіяютъ щастливы планеты,
И озаряютъ Ту для насъ.

4.

Тамъ солнце бѣгъ свой премѣняетъ,
И къ намъ течетъ умножить день,
На сѣверъ взоръ свой обращаетъ
И онымъ прогоняетъ тѣнь,
Являя что Елисавета
Въ Россіи усугубитъ свѣта
Державой и вѣнцемъ своимъ.
Ермій *) наукамъ предводитель
И Марсъ на брани побѣдитель
Блистаютъ совокупно съ нимъ.

5.

Тамъ мужъ звѣздами испещренный
Свой свѣтлый напрягаетъ лукъ,
Діана **) стрѣлы позлащенны
Съ нимъ мещетъ изъ прекрасныхъ рукъ.
Се небо показуетъ ясно,
Коль то съ добротами согласно
Рожденной днесь Богини сей:
Та духомъ мужескимъ пронзаетъ
Враговъ и купно уязвляетъ
Щедротой и красой Своей.

6.

Сіи признаки вожделѣнны
Хотя представили тогда
Твои дары благословенны,
О главъ вѣнчанныхъ Красота!
Но вящша радость восхищала,

*) Во время рожденія Ея Императорскаго Величества планеты Меркурій и Марсъ стояли въ одномъ знакѣ съ солнцемъ.

**) Луна тогда стояла въ созвѣздіи Стрѣльца.

Взирающихъ и оживляла,
Когда надежнѣйшїй признакъ
Въ младенческомъ лицѣ открылся,
Что точно въ немъ изобразился
Родителей дражайшихъ зракъ.

7.

Въ Тебѣ прекрасный домъ создали
Душѣ великой небеса,
Свое блистанье излїяли
Въ Твои пресвѣтлы очеса,
Лице всходящїя денницы,
И бодрость быстрыя орлицы
Въ младенческихъ являлись дняхъ,
Ужѐ и нѣжнѣйшїе взгляды
Предвозвѣщали тѣ отрады,
Что бѣднымъ нынь отъемлютъ страхъ.

8.

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
Такъ Нилъ смиренно протекаетъ,
Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше прочихъ рѣкъ:
Своею сладкою водою
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою
Златой даетъ Египту вѣкъ.

9.

Какъ ясно солнце возсїяло
Свой блескъ впервые на Тебя,
Ужъ щастье руку простирало
Твои прїятности любя,
Вѣнецъ держало надъ главою,

И возвышало предъ Тобою,
Трофеи отческихъ побѣдъ
Преславныхъ чрезъ концы земныя.
Коль щастлива была Россїя,
Когда воззрѣла Ты на свѣтъ!

10.

Тогда отъ радостной Полтавы
Побѣды Росской звукъ гремѣлъ,
Тогда не могъ Петровой славы
Вмѣстить вселенныя предѣлъ,
Тогда Вандалы низложенны
Главы имѣли преклоненны
Еще при пеленахъ Твоихъ;
Тогда предъявлено судьбою,
Что съ трепетомъ передъ Тобою
Падутъ полкѝ потомковъ ихъ.

11.

О сладкой нѣжности обитель!
О вы блаженныя мѣста̀!
Гдѣ храбрый Го́товъ Побѣдитель
Лобзалъ и въ очи и въ уста
Впервые Плодъ Свой вожделѣнный,
Свой Плодъ межъ ла́врами рожденный,
Васъ оныхъ радостныхъ временъ
Любезна память услаждаетъ,
И оный день вамъ пребываетъ
Въ безсмертны вѣки не забвенъ.

12.

Но се различные языки
Отъ рѣкъ великихъ и морей
Согласные возносятъ клики;
Къ Тебѣ Монархинѣ своей
Сердца̀ и ру́ки простираютъ,

И многократно повторяютъ:
Да здравствуетъ Елисаветъ
Для Росской славы днесь рожденна,
Да будетъ свыше укрѣпленна
Чрезъ множество щастливыхъ лѣтъ.

13.

Сїе гласитъ Тебѣ Россїя
И купно съ ней наукъ соборъ.
Предвѣдущая Уранїя *)
Возводитъ къ верьху острый взоръ,
Небесны бѣги наблюдаетъ,
И съ радостїю составляетъ
Вѣнецъ Тебѣ изъ новыхъ звѣздъ.
Тебѣ искусство землемѣрно
Пространство показать безмѣрно
Незнаемыхъ желаетъ мѣстъ.

14.

Паряща Стихотворства ревность
До звѣздъ Тебя превознесетъ,
Ни гнѣвъ стихїй ни ветха древность
Похвалъ Твоихъ не пресѣчетъ,
Къ Тебѣ усердной музы пламень,
Вѣчняе нежель твердый камень.
Но все художество свое
Тебѣ Иппократъ **) посвящаетъ,
И усугубить тѣмъ желаетъ
Дражайше здравїе Твое.

---

*) Астрономїа.
**) Изобрѣтатель Медицины.

15.

Да будетъ тое невредимо,
Какъ верьхъ высокія горы
Взираетъ непоколебимо
На мракъ и вредные пары;
Не можетъ вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть,
Взнесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами тучи попираетъ,
Угрюмы бури презираетъ,
Смѣется скачущимъ волнамъ.

XVIII.

ОДА

на день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія,

1746 года.

(Вторая редакція)

1.

Въ сей день, блаженная Россія,
Любезна небесамъ страна,
Въ сей день отъ высоты святыя
Елисаветъ тебѣ дана
Воздвигнути Петра по смерти,
Гордыню сопостатовъ стерти
И въ ужасъ оныхъ привести,
Отъ грозныхъ бѣдъ тебя избавить,
Судьей надъ царствами поставить
И выше облакъ вознести.

2.

О Дщерь Гремящаго надъ нами,
О мати всѣхъ племенъ земныхъ,
Натура чудная дѣлами,
Какъ естьли таинъ ты своихъ
Меня достойнымъ быть судила,
И естьли слаба мыслей сила
Проникнуть можетъ въ твой чертогъ;
Представь мнѣ оную годину,
И купно бѣгъ свѣтилъ по чину,
Какъ вышнїй далъ намъ сей залогъ.

3.

Сквозь тучи бывшїя печали,
Что лютый рокъ на насъ навелъ,
Какъ горы о Петрѣ рыдали
И понтъ въ брегахъ своихъ ревѣлъ,
Сквозь страшны Россамъ перемѣны,
Сквозь прахъ войнами возмущенный
Я вижу тотъ пресвѣтлый часъ:
Тамъ вкругъ младой Елисаветы
Сїяютъ щастливы планеты,
Я слышу тамъ натуры гласъ.

4.

Сѣдя на блещущемъ престолѣ
Составленномъ изъ твердыхъ горъ,
Въ пространномъ всѣхъ творенїй полѣ
Между стихїй смиряетъ споръ;
Сосцами всяку плоть питаетъ;
Отъ чрева рѣки проливаетъ.
Зелену ризу по лугамъ
И по долинамъ расширяя,
Изъ устъ Зефирами дыхая,
Съ веселїемъ вѣщаетъ къ намъ.

5.

Я съ вами нынѣ торжествую,
Мнѣ сихъ часовъ краснѣе нѣтъ,
Что Героиню таковую
Въ сей день произвела я въ свѣтъ.
Въ Ней хитрость вся моя и сила
Возможность крайню положила;
Я избрала щастливой знакъ
Надежду показать нелесну:
Въ пространну высоту небесну
Прилѣжно возведите зракъ.

6.

Се солнце бѣгъ свой премѣняетъ,
И къ вамъ течетъ умножить день;
На сѣверъ взоръ свой обращаетъ,
И онымъ прогоняетъ тѣнь,
Являя, что Елисавета
Въ Россiи усугубитъ свѣта
Державой и вѣнцемъ своимъ.
Ермiй наукамъ предводитель
И Марсъ на брани побѣдитель
Блистаютъ совокупно съ нимъ.

7.

Тамъ мужъ звѣздами испещренный
Свой свѣтлый напрягаетъ лукъ,
Дiана стрѣлы позлащенны
Съ нимъ мещетъ изъ прекрасныхъ рукъ.
Се небо показуетъ ясно,
Коль то съ добротами согласно
Рожденныя въ признакахъ сихъ:
Отъ ней Геройство съ красотою
По всюду миромъ и войною
Лучи пускаютъ дней златыхъ.

8.

Сїе предвѣстїе природы
Хотя представило тогда,
Что ты возвеселишь народы,
О главъ вѣнчанныхъ красота!
Но вящша радость восхищала,
Взирающихъ и оживляла,
Когда даровъ Твоихъ признакъ
Надежнѣе въ лицѣ открылся,
Что точно въ немъ изобразился
Родителей великихъ зракъ.

9.

Въ Тебѣ прекрасный домъ создали
Душѣ великой небеса,
Свое блистанье излїяли
Въ твои пресвѣтлы очеса,
Лице всходящїя денницы,
И бодрость быстрыя Орлицы
И въ нѣжнѣйшихъ являлись дняхъ;
Ужѐ младенческїе взгляды
Предвозвѣщали тѣ отрады,
Что бѣднымъ нынь отъемлютъ страхъ.

10.

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.
Такъ Нилъ смиренно протекаетъ:
Бреговъ своихъ онъ не терзаетъ,
Но пользой выше протчихъ рѣкъ:
Своею сладкою водою
Въ лугахъ зеленыхъ пролитою
Златой даетъ Египту вѣкъ.

11.

Какъ ясно солнце возсїяло
Свой блескъ впервые на Тебя,
Ужъ щастье руку простирало
Твои прїятности любя,
Вѣнецъ держало надъ главою,
И возвышало предъ Тобою,
Трофеи отческихъ побѣдъ
Преславныхъ чрезъ концы земныя:
Коль щастлива была Россїя,
Когда воззрѣла Ты на свѣтъ!

12.

Тогда отъ радостной Полтавы
Побѣды Росской звукъ гремѣлъ;
Тогда не могъ Петровой славы
Вмѣстить вселенныя предѣлъ;
Тогда Вандалы побѣжденны
Главы имѣли преклоненны
Еще при пеленахъ твоихъ;
Тогда предъявлено судьбою,
Что съ трепетомъ передъ Тобою
Падутъ полки потомковъ ихъ.

13.

О сладкой нѣжности обитель!
О вы блаженныя мѣстà!
Гдѣ храбрый Гóтѳовъ Побѣдитель
Лобзалъ и въ очи и въ уста
Впервые плодъ свой вожделѣнный,
Свой плодъ межъ лаврами рожденный:
Васъ оныхъ радостныхъ временъ
Любезна память услаждаетъ,
И оный день вамъ пребываетъ
Въ безсмертны вѣки незабвенъ.

*

14.

Но се различные языки
Отъ рѣкъ великихъ и морей
Согласные возносятъ клики;
Къ Тебѣ Монархинѣ своей
Сердца и руки простираютъ,
И многократно повторяютъ:
Да здравствуетъ Елисаветъ
Для Росской славы днесь рожденна,
Да будетъ свыше укрѣпленна
Чрезъ множество щастливыхъ лѣтъ.

15.

Сїе гласитъ тебѣ Россїя
И купно съ ней наукъ соборъ.
Предвѣдущая Уранїя
Возводитъ къ верьху быстрый взоръ,
Небесны бѣги наблюдаетъ,
И съ радостїю составляетъ
Вѣнецъ Тебѣ изъ новыхъ звѣздъ.
Тебѣ искусство землемѣрно
Пространство показать безмѣрно
Незнаемыхъ желаетъ мѣстъ.

16.

Парящей Поезїи ревность
Дѣла твои превознесетъ;
Ни гнѣвъ стихїй, ни ветха древность
Похвалъ Твоихъ не пресѣчетъ.
Открыты естества уставы
Твоей умножатъ громкость славы.
Но все художество свое
Тебѣ Иппократъ посвящаетъ,
И усугубить тѣмъ желаетъ
И вѣкъ и здравїе Твое.

17.

Да будетъ тое не вредимо,
Какъ верьхъ высокїя горы
Взираетъ не поколебимо
На мракъ и вредные пары;
Не можетъ вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть,
Взнесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами тучи попираетъ,
Угрюмы бури презираетъ,
Смѣется скачущимъ волнамъ.

XIX.

НАДПИСЬ

На иллуминацію представленную передъ лѣтнимъ домомъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны въ торжественный день тезоименитства Ея, 1747 году, гдѣ изображена была Минерва въ храмѣ, значащая премудрость Ея Величества, по сторонамъ символическія изображенія мира и войны и протчая.

Ты миромъ и войной въ подсолнечной сіяешь,
И тѣмъ людей своихъ веселье умножаешь.
Тебѣ съ усердіемъ Минервѣ мы своей
Приносимъ радостныхъ сіяніе огней.
Но естьлибъ съ нашею любовью то сравнилось,
Тобъ солнце передъ нимъ въ полудни устыдилось.

XX.

НАДПИСЬ

На иллуминацію представленную въ торжественный день Восшествія на Всероссійскій Престолъ Ея Величества 1747 года, передъ зимнимъ домомъ, на которой изображена была Кристальная гора, а на ней Императорской престолъ съ около стоящими Императорскими на столпахъ признаками, а надъ трономъ вензловое имя Ея Величества.

Какъ вѣчная гора стоитъ блаженство наше,
Крѣпчае мрамора, рубина много краше.
И Твой, Монархиня, престолъ благословенъ,
На нашей вѣрности недвижно утвержденъ.
Пусть мнимая другихъ свобода угнѣтаетъ,
Насъ рабство подъ Твоей державой возвышаетъ.

XXI.

РАДОСТНЫЯ И БЛАГОДАРСТВЕННЫЯ ВОСКЛИЦАНІЯ

МУЗЪ РОССІЙСКИХЪ,

ПРОЗОРЛИВОСТІЮ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ОСНОВАННЫХЪ,

ТЩАНІЕМЪ

ЩЕДРЫЯ ЕКАТЕРИНЫ

УТВЕРЖДЕННЫХЪ

И НЕСКАЗАННЫМЪ ВЕЛИКОДУШІЕМЪ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЯ ДЕРЖАВНѢЙШІЯ

ВЕЛИКІЯ ГОСУДАРЫНИ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ

ОБОГАЩЕННЫХЪ, ОЖИВЛЕННЫХЪ И ВОССТАВЛЕННЫХЪ,

КОТОРЫЯ

НА ПРЕСВѢТЛЫЙ И ВСЕРАДОСТНЫЙ ПРАЗДНИКЪ

ВОСШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА

НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1747 ГОДА

ПРИНОСИТЪ

ВСЕПОДДАННѢЙШАЯ

АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОДА.

1.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.

2.

Великое свѣтило миру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ Той всего превыше;
Но духъ Ея Зефира тише
И зракъ прїятнѣе Рая.

3.

Когда на тронъ Она вступила,
Какъ Вышнїй подалъ Ей вѣнецъ,
Тебя въ Россїю возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;

Тебя прїявъ облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ щастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

4.

Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткїй гласъ.
О коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканїе и кликъ!
Когда Ты Крестъ несла рукою
И на престолъ взвела съ Собою
Добротъ Твоихъ прекрасный ликъ!

5.

Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнїя Твоихъ похвалъ:
Твои́ щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры во́лны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ,
Лѣтитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

6.

Молчите пламенные звуки
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки
Изволила Елисаветъ.

Вы наглы вихри не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай вселенна:
Се хощетъ Лира восхищенна
Гласить велики имена.

7.

Ужасный чудными дѣлами
Зиждитель мира искони,
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россїю Человѣка,
Каковъ неслыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства Онъ вознесъ
Главу побѣдами вѣнчанну,
Россїю варварствомъ попранну
Съ Собой возвысилъ до небесъ.

8.

Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечь въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чюдился,
Взирая на Россїйскїй флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданїями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?

9.

Тогда божественны науки,
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россїю простирали руки,
Къ сему Монарху говоря:

*

Мы съ крайнимъ тщанїемъ готовы
Пода́ть въ Россїйскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ Себѣ ихъ призываетъ;
Ужѐ Россїя ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

10.

Но ахъ! жестокая судьбина!
Бессмертїя достойный Мужъ,
Блаженства нашего Причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданїй нашихъ слухъ,
Верьхи Парнасски восстенали,
И Музы воплемъ провождали,
Въ небесну дверь пресвѣтлый Духъ.

11.

Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ шатался путь,
И токмо шествуя желали
На гробъ и на дѣла̀ взглянуть.
Но кроткая Екатерина
Отрада по Петрѣ едина
Прїемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ естьлибъ жизнь Ея продлилась,
Давнобъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой.

12.

Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О коль согласно тамъ бряцаетъ
Прїятныхъ струнъ сладчайшїй гласъ!

Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова Дщерь.
Щедроты Отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усугубляетъ,
И къ щастью отверзаетъ дверь.

13.

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкàхъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.

14.

Сїя Тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ,
Пространная Твоя держава
О какъ Тебѣ благодаритъ!
Воззри на гóры превысоки,
Воззри въ поля̀ Твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью Твоей цвѣтетъ.

15.

Толикое земель пространство
Когда Всевышнїй поручилъ
Тебѣ въ щастливое подданство,
Тогда сокровища открылъ,

Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату́ очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой восставленныхъ наукъ.

16.

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми борей крилами
Твои̂ взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой
Какъ Нилъ народы напаяетъ
И бре́ги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю широтой.

17.

Коль многи смертнымъ неизвѣстны
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоя́тъ глубокіе лѣса̂
Гдѣ въ роскошѣ прохладныхъ тѣней
На пасствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ,
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ.

18.

Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ бѣгъ свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?

Мы даръ Твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ Твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манжуръ.

19.

Се мрачной вѣчности запо́ну
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни пра́вилъ ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ!
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ.
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На встокъ пловущихъ кораблей:
Колумбъ Россійскій черезъ во́ды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости Твоей.

20.

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ Океанъ;
Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ.
Тамъ тучи разныхъ птицъ лѣтаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны,
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ,
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.

21.

И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи Рифейски копіемъ,
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи Твоемъ.

Плутонъ въ рассѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Которой тамъ натура скрыла;
Отъ блеску дневнаго свѣтила
Свирѣпой отвращаетъ взоръ.

22.

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россїйская земля раждать.

23.

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ,
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

24.

Тебѣ, о милости Источникъ,
О Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышнїй на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,

Завидя нашему покою
Противъ Тебя восстать войною;
Тебя Зиждитель сохранитъ
Во всѣхъ путяхъ беспреткновенну
И жизнь Твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ.

XXII.

1.

Хвалу всевышнему владыкѣ
Потщися духъ мой возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дыхать.

2.

Никто не уповай вовѣки
На тщетну власть Князей земныхъ:
Ихъ тѣжь родили человѣки,
И нѣтъ спасенїя отъ нихъ.

3.

Когда съ душею разлучатся
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падетъ;
Высоки мысли разрушатся
И гордость ихъ и власть минетъ.

4.

Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ
Всесильному во всѣхъ дѣлахъ,
И токмо въ помощь призываетъ
Живущаго на небесахъ.

5.

Несчетно многими звѣздами
Наполнившаго высоту,

И непостижными дѣлами
Земли и моря широту.

6.

Творящаго на сильныхъ нищу
По истиннѣ въ обидахъ судъ,
Даящаго голоднымъ пищу,
Когда къ нему возопїютъ.

7.

Господь оковы разрѣшаетъ
И умудряетъ онъ слѣпцовъ,
Господь упадшихъ возвышаетъ
И любитъ праведныхъ рабовъ.

8.

Господь пришельцовъ сохраняетъ,
И вдовъ прїемлетъ и сиротъ.
Онъ грѣшныхъ дерскїй путь скончаетъ,
Въ Сїонѣ будетъ въ родъ и родъ.

XXII[a].

Хвалите Господа всея земли языки,
Воспойте вышняго вси малы и велики:
Что милость онъ свою вовѣкъ поставилъ въ насъ,
И истинна его пребудетъ всякой часъ.

XXIII.

1.

Господи кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ тобою населяетъ
Верьхъ священный горнихъ мѣстъ?

2.

Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду завсегда хранитъ,
И нелестнымъ сердцемъ точно
Какъ устами говоритъ.

3.

Кто языкомъ льстить не знаетъ,
Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

4.

Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ вышняго рабовъ
И предъ нимъ душею правыхъ,
Держится присяжныхъ словъ.

5.

Въ лихву дать сребро стыдится,
Мзды съ невинныхъ не беретъ.
Кто такъ жить на свѣтѣ тщится,
Тотъ во вѣки не падетъ.

XXIV.

(Изъ Гомера)

За здравïе твое. Мы какъ бы у Атрида
Твоею Ахиллесъ здѣсь пищею довольны.
Ты насъ столомъ своимъ довольно угостилъ.
Не ради пиршества къ тебѣ мы нынь пришли;
Насъ Греческихъ полковъ погибель устрашаетъ;
И наши корабли едва ли уцѣлѣютъ.
Ужѐ тебѣ пора во крѣпость облещись:
*

Трояна близъ судовъ поставили свой станъ,
И ихъ союзники зажгли въ полка́хъ огни,
Грозятся купно всѣ, что съ брегу не отступятъ,
Пока до кораблей Ахейскихъ не достигнутъ,
И грянувъ самъ Зевесъ, даетъ имъ добрый знакъ.
Надѣясь на него Прїямовъ храбрый сынъ
Въ ужасной ярости всѣхъ Грековъ презираетъ
И въ бѣшенствѣ своемъ боговъ не почитаетъ.
Желаетъ, чтобъ заря скорѣе началась
И хвастаетъ отсѣчь всѣ носы у судовъ,
И флотъ весь истребить, возжегши хищный пламень,
И Грековъ всѣхъ убить смятенныхъ въ мрачномъ дымѣ.
Сего весьма страшусь, и чтобъ сему Зевесъ
Такъ быть не попустилъ и не судилъ бы рокъ
Подъ Троей умереть далече отъ Еллады.
Какъ естьли хочешь ты, то стань за насъ, хоть позно
И Греческихъ сыновъ избавь отъ сей бѣды.
Ты будешь самъ тужить какъ намъ случится зло,
И радъ бы пособить, да способовъ не будетъ.
Подумай, чтобы нынь избыть отъ злой годины.
Прїятель, вспомни, что родитель приказалъ,
Въ которой день тебя къ Атриду посылалъ:
Дадутъ тебѣ, сказалъ, Юнона и Минерва
Побѣду на враговъ, ты будь великодушенъ.
Всего похвальнѣе добросердечнымъ быть.
Блюдись всегда вражды и ссоры начинать,
То будутъ тебя чтить и стары и младые.
Онъ такъ тебя училъ, а ты позабываешь.
Покинь свой лютый гнѣвъ и будь спокоенъ духомъ,
За то Агамемнонъ почтитъ тебя дарами.

* *
*

Пустила по землѝ заря червленну ризу:
Тогда созвавъ Боговъ Зевесъ громодержитель

На высочайшїй верьхъ холмистаго Олимпа,
Отверзъ уста свои, они прилѣжно внемлютъ:
Послушайте меня вси Боги и Богини,
Когда вамъ объявлю, что въ сердцѣ я имѣю.
Ни мужескъ полъ Боговъ нижѐ Богинь полъ женскїй
Законъ мой преступить отнюдь да не дерзаетъ;
Дабы скорѣе мнѣ къ концу привесть все дѣло.
Когда увижу я изъ васъ кого снисшедша
Во брани помощь дать Троянамъ либо Грекамъ,
Тотъ раненъ на Олимпъ со срамомъ возвратится:
Или хвативъ его повергну въ мрачный тартаръ,
Далече отъ небесъ въ преглубочайшу пропасть,
Гдѣ мѣдяный помостъ, и гдѣ врата желѣзны....

* * *

Внезапно всталъ Нептунъ съ высокїя горы
Пошолъ, и тѣмъ потрясъ и лѣсы и бугры.
Трикраты онъ ступилъ, четвертый шагъ достигнулъ
До мѣста въ кое гнѣвъ и духъ его подвигнулъ.

XXV.

(Изъ Анакреона)

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидонъ,
Прїятной перервался
Въ началѣ самомъ сонъ.
Кто такъ стучится смѣло?
Со гнѣвомъ я вскричалъ;

Согрѣй обмерзло тѣло:
Сквозь дверь онъ отвѣчалъ.
Чего ты устрашился?
Я мальчикъ, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмокъ и весь дрожу.
Тогда мнѣ жалко стало,
Я свѣчку засвѣтилъ,
Немедливши ни мало
Къ себѣ его пустилъ.
Увидѣлъ что крилами
Онъ машетъ за спиной,
Колчанъ набитъ стрѣлами,
Лукъ стянутъ тетивой.
Жалѣя о нещастьѣ
Огонь я разложилъ
И при такомъ ненастьѣ
Къ камину посадилъ.
Я теплыми руками
Холодны руки мялъ,
Я крылья и съ кудрями
До суха выжималъ.
Онъ чуть лишъ ободрился
Каковъ то, молвилъ, лукъ,
Въ дожжѣ чать повредился;
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.
Тутъ грудь мою пронзила
Преострая стрѣла,
И сильно уязвила
Какъ злобная пчела.
Онъ громко рассмѣялся
И тотъ часъ заплясалъ:
Чего ты испугался?
Съ насмѣшкою сказалъ;

Мой лукъ еще годится
И цѣлъ и съ тетивой;
Ты будешь вѣкъ крушиться
Отнынь, хозяинъ мой.

XXVI.

(Изъ Виргилія)

Вы небо безъ меня и землю возмутили
И на морѣ бугры поднять дерзнули, вѣтры;
То я васъ! ** только дай мнѣ волны успокоить.

* * *

Какое бѣшенство, Трояна, васъ объемлетъ?
Или вы вѣрите, что Греки отдалились?
И что безъ хитрости даютъ они подарки?
Иль такъ вы мало знать Уликса научились?

* * *

„Я мщенїемъ грозилъ, и огорчилъ словами,
„Отсюду вся бѣда; онъ сталъ искать мнѣ смерти,
„Сомнительны словà въ народѣ разглашалъ,
„И злиться не престалъ, пока ему Калхантъ.
„Но что ужъ сказывать случай вамъ непрїятной,
„Что медлить, естьли вамъ всѣ Греки ненавистны.
„Довольно слышали, пора меня казнить.
„Атриды и Уликсъ весьма того хотятъ.
Мы жадно спрашивать причинъ нещастья стали,
Не зная хитрости и Греческихъ обмановъ.
Онъ снова свой притворъ съ боязнью нáчалъ такъ:
„Отъ Трои отступить хотѣли часто Греки,
„И трудную войну не окончавъ оставить.

* * *

Какъ ниву лютый огнь снѣдаетъ въ бурный вихрь,
Или когда съ горы стремлясь рѣка течетъ,
Терзаетъ жатвы съ поль весенный трудъ воловъ,
И лѣсъ стремглавъ валитъ; стоящій на бугрѣ
Оцѣпенѣвъ пастухъ не знаетъ что шумитъ.

* * *

Избавившись отъ бурь, пришли мы къ островамъ,
Стоящимъ посредѣ Іоническихъ водъ,
Что Греческій народъ Строфадами зоветъ.
Со злой Целеною въ нихъ Гарпіи живутъ.

* * *

Противнѣе нигдѣ чудовищъ оныхъ нѣтъ,
Ни злѣйшей язвы адъ на свѣтъ не испускалъ.
Имѣютъ женскій зракъ ужасныя тѣ птицы,
И ногти острые, и смрадно гноемъ чрево,
Отъ гладу за всегда блѣднѣетъ ихъ лице.

* * *

Онъ чуть сказать успѣлъ, уже съ верьху горы
Спускается къ водамъ великая громада,
Ужасный Полифемъ идетъ между овцами,
Лишенный зрѣнія и скверный изувѣръ
Несетъ рукою дубъ, и тѣмъ дороги ищетъ.

* * *

Зубами заскрыпѣлъ и съ тономъ въ море вшолъ,
Едва во глубинѣ до бедръ достали волны.

* * *

Ужъ слава по градамъ быстро течетъ Ливійскимъ;
Во всей подсолнечной сего зла злѣе нѣтъ.
Проворна и бодра, растетъ въ пути своемъ.
Хоть сперьва и мала, и ходитъ боязливо;
Но вскорѣ до небесъ главу свою возноситъ.

Подъ каждымъ та перомъ имѣетъ быстры очи
И уши и уста гласящи беспрестанно.

* * *

Что дѣлать мнѣ теперь? презрѣнной отъ Троянъ?
Или ужъ мнѣ просить Нумидскихъ жениховъ,
Которыхъ столько кратъ супружество отвергала?
Или итти во слѣдъ за флотомъ Илїонскимъ?
И взять себѣ въ законъ измѣнниковъ приказъ,
Которой всѣ мои услуги позабылъ?
Но естьли погонюсь за Дарданскимъ пришельцемъ,
То кто на гордый флотъ меня Троянскїй приметъ?
Ещель не чувствуешь коль лживъ есть сей народъ?
И что? или одной итти за онымъ въ слѣдъ?
Или Пуническимъ мнѣ войскомъ ополчиться,
И паки изнурять въ волнахъ народъ Сидонскїй,
Которой чрезъ моря̀ недавно привела?
Не лутчель умереть и жизнь мечемъ пресѣчь?

* * *

Уже всходя заря на землю сыплетъ блескъ
Воставъ съ багрянаго Тритонова одра.
Дидона на свѣту съ высокаго чертога
Узрѣла, что ужь флотъ отходитъ парусами
И что на берегу матрозовъ больше нѣтъ;
Ударила рукой въ свою̀ прекрасну грудь,
И волосы свои терзая, говоритъ:
О боже мой! уйдетъ пришлецъ сей насмѣявшись?
Или не хочетъ градъ за нимъ бѣжать въ погоню?
И Карѳагенской флотъ ограбить ихъ судовъ?
Расправьте парусы, съ огнемъ гребите вслѣдъ.
Но что я говорю? гдѣ я? и гдѣ мой разумъ?
Тебя нынь рокъ постигъ, нещастлива Дидона!

Тогдабъ то говорить, когда давала скиптръ.
Таковъ мнѣ вѣренъ тотъ, что отческихъ боговъ
И въ старости отца изъ пламени исхитилъ.
Не можноль было мнѣ терзать его на части?
Убить товарищей и сына умертвить
И члены бы его отцу поставить съ снѣдь?
Но щастье на бою сомнительно. Да пусть бы.
Хотящей умереть, кого ужѐ бояться?
Зажглабъ всѣ корабли и съ сыномъ бы отца
Истнила и сама поверглась бы на нихъ.
О солнце что на всю вселенную взираешь;
И знающая всю тоску мою Юнона,
Прозерпина, и вы о мстящїя фурїи
И боги, умереть желающей Дидоны!
Внемлите и мою̀ услышьте днесь мольбу:
Когда Зевесъ судилъ, чтобъ лютый сей злодѣй
Достигнулъ до землѝ и до бреговъ Гесперскихъ,
Что рокъ такъ положилъ и премѣнить неможно;
То пусть хотя его жестока мучитъ брань;
Изгнанъ, и отлученъ отъ сына своего
Пусть проситъ помощи, зря злую смерть друговъ.
И какъ ужь заключитъ поносный миръ съ врагами;
То пусть тогда своимъ не насладився царствомъ,
Не видѣвъ радости безвременно падетъ,
И будетъ посреди песку непогребенъ.
Сего прошу, и духъ мой съ кровью проливаю.

* * *

Иные на горы катаютъ тяжки камни,
Иные къ колесу привязаны висятъ.
Тезей сидитъ къ горѣ прикованъ раскаленной,
И будетъ вѣкъ сидѣть. Флегей въ Геенскомъ мракѣ
Реветъ, и жалостно другихъ увѣщеваетъ:

„Вы сильны на землѝ, на казнь мою̀ взирайте,
„Судите праведно и Бога почитайте.

* * *

Что? развѣ ты понесъ о Турнъ труды вотще?
Уступишь ты свой скиптръ Троянскимъ бѣглецамъ?
Латинъ ужъ не тебѣ, но имъ отдать намѣренъ
Лавинїю свою придано и наслѣдство,
Что все ты заслужилъ самъ кровїю своей.

* * *

Не стыдно ли ужъ вамъ сидѣть въ осадѣ снова
И смерти ждать въ стѣнахъ? вы дважды взяты въ Троѣ.
Улисса нѣтъ у насъ, у насъ Атридовъ нѣтъ.
Жестокой нашъ народъ отъ роскоши бѣжитъ:
Мы хладною водой младенцовъ укрѣпляемъ,
Подрослые въ лѣсахъ всегда звѣрей гоняютъ.

* * *

Но васъ багряная одежда украшаетъ,
Вы любите плясать и въ роскошь отдаваться.

* * *

Подите по горамъ Диндимскимъ за свирѣльми:
Венера васъ зоветъ тимпаномъ и трубами;
Оружїе свое мущинамъ намъ отдайте.

* * *

Печальную любовь на лирѣ услаждая,
Тебя, сладчайшїй мужъ, тебя единъ на брегѣ,
Тебя въ началѣ дня, тебя пѣлъ въ позный вечеръ.

XXVII.

(Изъ Горація)

Я знакъ бессмертїя себѣ воздвигнулъ
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди,
Что бурный Аквилонъ сотрѣть не можетъ,
Ни множество вѣковъ, ни ѣдка древность.
Не вовсе я умру; но смерть оставитъ
Велику часть мою, какъ жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великїй Римъ владѣетъ свѣтомъ.
Гдѣ быстрыми шумитъ струями Авѳидъ,
Гдѣ Давнусъ царствовалъ въ простомъ народѣ,
Отечество мое молчать не будетъ,
Что мнѣ беззнатной родъ препятствомъ не былъ,
Чтобъ внесть въ Италїю стихи Еольски,
И перьвому звѣнѣть Алцейской Лирой.
Взгордися праведной заслугой муза,
И увѣнчай главу Дельѳїйскимъ лавромъ.

XXVIII.

(Изъ Овидія)

Ужѐ югъ влажными крилами вылѣтаетъ,
Вода съ сѣдыхъ власовъ и дождь съ брады стекаетъ,
Туманы на лицѣ, въ росѣ перната грудь.
Онъ облаки рукой едва успѣлъ давнуть,
Внезапно дождь густой повсюду зашумѣлъ.

* * *

Изъ рукъ мускихъ назадъ поверженные камни
Прїяли мужескъ видъ, изъ женскихъ рукъ видъ женскїй:
Оттуду родъ нашъ твердъ, и сноситъ трудъ великїй,
И тѣмъ, откуду взятъ, довольно доказуетъ.

* * *

Едва она свою̀ молитву окончала,
Корой покрылась грудь, оцѣпенѣли члены,
И ру́ки отрасльми и вѣтвями власы,
Глава вершиною и ноги корень стали.
Однако Фебъ любя, къ стеблу рукой коснулся,
Почулъ, какъ бьется грудь подъ новою корою.

* * *

Поставленъ на столпахъ высокихъ солнцевъ домъ,
Блистаетъ златомъ вкругъ и въ яхонтахъ горитъ,
Слоновый чистый зубъ верьхи его покрылъ,
У вратъ на вереяхъ сїяетъ серебро.
Но выше мастерство матерїи самой:
Тамъ море изваялъ кругомъ земли Вулканъ,
И землю и надъ ней пространны небеса.

* * *

И какъ туда пришла военная Минерва,
И стала у дверей: что въ домъ вступить не можно;
Толкнула въ нихъ копьемъ, отверзся скоро входъ,
Увидѣла внутри, какъ зависть ѣстъ змїевъ,
И оныхъ кровїю злобу свою питаетъ;
Узрѣла, и свой взоръ Богиня отвратила.
Она встаетъ съ земли, оставивъ полъ змїя,
Лѣнивою ногой къ Богинѣ подошла,
И видя, что она красно вооруженна,
Вздохнула, и лице нахмуривъ восстенала.
Всегда блѣднѣетъ зракъ, и кожа на костяхъ.
Глядитъ изъ подъ бровей, и ржа всегда въ зубахъ,
Желта отъ желчи грудь, и ядъ течетъ отъ языка.

* * *

Въ одну погибнетъ ночь съ любовницей любовникъ!
Достойна ты была прожить должайшїй вѣкъ.
Но я повиненъ въ томъ, я твой губитель сталъ,
Что въ полночь приказалъ притти въ мѣста опасны,
И самъ не упредилъ своимъ тебя приходомъ.
О вы ужасны львы збѣгайтесь изъ пещеръ
И рвите челюстьми мою повинну плоть.
Но знакъ боязни есть желать лишь только смерти.

Старается во снѣ свой голодъ утолить,
Но движетъ лишь уста и зубъ на зубѣ третъ,
Онъ думаетъ, что ѣстъ, но токмо льстится тѣмъ,
И вмѣсто пищи вѣтръ глотаетъ лишь пустой.
Но какъ уже алчба отгнала сонъ его,
Почувствовалъ огонь на тощемъ животѣ,
И тотчасъ проситъ все, что воздухъ и земля
И что родятъ моря; но голоденъ при всемъ.
Ужь полные столы не полны передъ нимъ,
Чемъ градъ доволенъ весь, онъ тѣмъ одинъ несытъ.

* * *

Онъ гнѣвомъ воспаленъ возвелъ свирѣпый взоръ
На Илїонскїй брегъ, гдѣ Гречески суда,
И руки протянувъ, вскричалъ: О сильный Боже!
Предъ флотомъ я въ судѣ, и мнѣ Уликсъ соперникъ!

* * *

Устами движетъ Богъ; я съ нимъ начну вѣщать.
Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидѣнїя ума священнаго открою.
Я дѣло стану пѣть несвѣдомое прежнимъ;
Ходить превыше звѣздъ влечетъ меня охота;
И облакомъ нестись, презрѣвъ земную нискость.

* * *

Ахъ когдабъ погрязнулъ въ морѣ чужеложникъ
Прежде нежель приплылъ къ Греческому брегу;
Тобъ одна я въ хладной не спала постели,
Дни бы не казались долги мнѣ и скучны.

* * *

Ужь Илїонъ лежитъ, Гречанкамъ ненавистный.
Едва того Прїямъ и Троя стоитъ вся.
Други вожди пришли, дымятся олтари,
Ужь отческимъ богамъ Симойски жгутъ добычи,
Жены приносятъ даръ, что здравы ихъ супруги.

* * *

Чрезъ пространно море ру́ки простираю,
Кои о печальну грудь свою̀ разбила,
И кажу остатки я власовъ издранныхъ.
Ради слезъ помилуй, кои ты мнѣ пролилъ,
И къ сему пустому мѣсту возвратися.
Естьли мертву найдешь, то збери хоть кости.

XXIX.

(Изъ Марціала)

Дивишься, что не дамъ тебѣ стиховъ моихъ?
Боюсь, чтобы ты мнѣ не подарилъ своихъ.

* * *

Когда себя хранилъ отъ яду Митридатъ,
По вся дни принималъ въ своей онъ пищѣ ядъ;
Ты Цинна, у себя всегда не доѣдаешь,
И тѣмъ предостеречь себя отъ гладу чаешь.

* * *

Въ тополовой тѣни гуляя муравей;
Въ прилипчивой смолѣ увязъ ногой своей.
Хотя онъ у людей былъ въ жизнь свою презрѣнный;
По смерти въ ентарѣ у нихъ сталъ драгоцѣнный.

* * *

Зачемъ я на женѣ богатой не женюсь?
Я вытти за жену богатую боюсь.
Всегда мужъ долженъ быть женѣ своей главою,
То будутъ завсегда равны между собою.

* * *

О имя купно съ розами рожденно!
Тобой зовется лѣта часть прекрасна,
Ты сладко какъ цвѣты и медъ Иблейскїй,
И какъ блаженный Нектаръ на Олимпѣ.
Тобою бы желалъ назваться отрокъ
Зевесовъ виночерпецъ.

* * *

На бѣлыхъ волосахъ у Аппїя зима
И лѣто на глазахъ горящихъ отъ вина;
Какъ пьетъ, то по носу фїялки расцвѣтаютъ
И точно тѣмъ весны средину представляютъ;
Какъ въ осень щоки всѣ брусники полны зрѣлой.
Не всякъ ли видитъ годъ изображенъ тутъ цѣлой?

XXX.

(Изъ Сенеки)

Гекуба.

Рыдайте жалостно руками бейте въ груди
Парисовымъ судомъ несчастливые люди.

Хоръ.

Привыкли мы къ слезамъ, мы плачемъ десять лѣтъ
Когда Прїямовъ сынъ начало нашихъ бѣдъ
Изъ древъ сея горы суда себѣ построилъ
И Грековъ грабежемъ и насъ обеспокоилъ.
Десятью видѣли мы снѣгъ поверхъ бугровъ
Что лѣсу лишены побитыхъ для {гробовъ. / костровъ.}
Десятью въ робости хлѣбъ сѣялъ сельскїй житель,
По вся дни имъ и намъ былъ страшенъ побѣдитель.
Теперь намъ новой плачь несчастнымъ настаетъ
Рыдайте, идучи царицѣ вашей в'слѣдъ.

Гекуба.

Сообщницы моей напасти и печали,
Что горесть мнѣ нести въ несчастьѣ помогали
Насыпьте, бѣдные, коль горестны часы!

Троянской с'кровью прахъ въ растрепанны власы
Спустивши платье с плечь всѣ руки обнажайте
И до утробы плоть ударамъ подвергайте
Какой остался намъ уже плѣненнымъ стыдъ
Не къ браку намъ беречь покрытой тѣла видъ
Терзайте грудь лице в'отчаяньи терза(йте)
Пріятенъ мнѣ сей видъ; Царицѣ подражайт(е)
Всѣ плачи прежнїе старайтесь превы(шать)
Рыдайте какъ есть долгъ о Гекторѣ рыда(ть).

Хоръ.

Растрепаны власы, и узлы всѣ разбиты
Горячимъ пепеломъ главы у всѣхъ покрыты.

Гекуба.

Возмите в'горсти прахъ. Вамъ только можно взять
Что вамъ оставила десятилѣтня рать.
Ударьте нынѣ всѣ в'нагїя сильно плечи
Печаль произнеси прегорестныя рѣчи.
Ретейски берега распространяйте вой
Ты ехо скучное въ пещерахъ подъ горой
Не только повторяй слова рѣчей послѣдни
Но цѣлой бѣдныхъ вопль стенанїя передни.
О море небеса вамъ должно здѣсь внимать
Мы нынѣ начали о Гекторѣ рыдать.

Хоръ.

Тебя, тебя въ слезахъ о Гекторъ поминаемъ
И плечи язвами покрытыя терзаемъ
Тебя родившая багровы груди рветъ
Изъ поврежденныхъ вновь ранъ прежнихъ кровь течетъ
О столпъ отечества о рока воспятитель
Плечами былъ ты намъ своими покровитель.

* * *

Расторгни смертны узы, Гекторъ,
Раздвинь земное нѣдро,
Карай Уликса;
Одна твоя къ тому довольна тѣнь.
Оружїемъ гремитъ,
И на Ахейскїй флотъ бросаетъ хищный пламень!

* * *

Умножь теперь свой гнѣвъ и будь бодра какъ прежде,
И стары злы дѣла̀ почти за добродѣтель.
Медея ны́нѣ я, и дерзость въ злѣ растетъ,
Весьма полезно мнѣ, что мной убитъ мой братъ,
Что мной растерзанъ былъ и на пути разметанъ.
Полезно что отецъ лишенъ руна златаго.
Не знаю что теперь злый духъ мой умышляетъ
И самъ себѣ едва представить ясно смѣетъ.

* * *

Къ неслыха̀нному злу рука моя готова.
Примите дѣти казнь за отческу невѣрность.
Трепещетъ грудь моя, и члены цѣпенѣютъ!
Отходитъ лютость прочь: я стала снова мать.
Ахъ! какъ мнѣ кровь пролить драгихъ своихъ дѣтей?
Однако не мои̇̀, пускай ужѐ погибнутъ.
Ахъ нѣтъ они мои! и ничему невинны!
Но равно какъ они и братъ невиненъ былъ.
Что зыблешься мой духъ? и слезы что текутъ?
Любовь влечетъ въ страну а гнѣвъ влечетъ въ другую.

* * *

Ко мнѣ дражайшїй плодъ въ объятїя бѣгите:
Единыхъ видитъ васъ сей скорбный домъ отраду.

* * *

Но ненависть кипитъ болѣзнь воспламенилась
И прежней гнѣвъ бодритъ мой къ убїйству ру́ки.
Я слѣдую тебѣ, куда ни поведешь.

* *
*

Зевесъ боговъ отецъ, егоже сильный громъ
Страшитъ востокъ и югъ и дальный солнцевъ домъ,
Я миръ тебѣ принесъ, ты царствуй безопасно:
Что было на земли и въ тартарѣ ужасно,
То все я сокрушилъ Геройской сей рукой
И свѣту показалъ, что я рожденъ тобой.
Ужъ некуда тебѣ бросать гремящи стрѣлы:
Я спасъ отъ лютыхъ бѣдъ вселенныя предѣлы.

XXXI.

Лишъ только дневной шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ,
И взялъ пастушей посохъ въ лапу,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
На уши вздѣлъ широку шляпу,
И крался тихо сквозь лѣсокъ,
На ужинъ для добычи къ стаду.
Увидѣлъ тамъ, что Жучко спитъ,
Обнявъ пастушку Ѳирсъ храпитъ,
И овцы всѣ лежали сряду.
Онъ могъ изъ нихъ любую взять;
Но не довольствуясь уборомъ,
Хотѣлъ прикрасить разговоромъ
И именемъ овецъ назвать.
Однако чуть лишь пасть разинулъ,
Раздался въ рощѣ волчей вой.
Пастухъ свой сладкой сонъ покинулъ,
И Жучко съ нимъ бросился въ бой;
Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ,
Другой за горло ухватилъ;
Тутъ поздно бѣдной волкъ примѣтилъ,
Что черезъ чуръ перемудрилъ,

Въ полахъ и въ рукавахъ связался,
И волчьимъ голосомъ сказался.
Но Ѳирсъ недолго размышлялъ,
Уборъ съ него и кожу снялъ.
Я притчу всю короткимъ толкомъ
Могу вамъ, господа, сказать:
Кто въ свѣтѣ семъ родился волкомъ,
Тому лисицой не бывать.

XXXII.

Жениться хорошо, да много и досады.
Я сло́ва не скажу про женскїе наряды:
Кто милъ, на томъ всегда прїятенъ и уборъ;
Хоть правда что при томъ и кошелекъ неспоръ.
Всего несноснѣе противные совѣты,
Упрямыя словà, и спорные отвѣты.
Примѣръ намъ показалъ недавно мужичокъ,
Котораго жену въ водѣ постигнулъ рокъ.
Онъ къ берегу пришедъ, увидѣлъ тамъ сосѣда,
Не усмотрѣлъ ли онъ, спросилъ, утопшей слѣда.
Сосѣдъ совѣтовалъ въ низъ берегомъ итти:
Что быстрина туда должна ее снести.
Но онъ отвѣтствовалъ: я, братецъ, признаваюсь,
Что вѣкъ она жила со мною вопреки:
То истинно теперь о томъ не сумнѣваюсь,
Что потонувъ она плыла противъ рѣки.

XXXIII.

Послушайте прошу, что старому случилось,
Когда ему гулять заблаго рассудилось.
Онъ ѣхалъ на ослѣ, а слѣдомъ парень шолъ;
И только лишь съ горы они спустились въ долъ,
Прохожїй осудилъ тотчасъ его на встрѣчѣ:
Ахъ, какъ ты малому даешь брести толь далече?
Старикъ сошолъ съ осла и сына посадилъ,
И только лишь за нимъ десятокъ разъ ступилъ;
То люди начали указывать перстами:
Такими, вотъ, весь свѣтъ наполненъ дураками:
Не можноль на ослѣ имъ ѣхать обоимъ?
Старикъ къ ребенку сѣлъ и ѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ.
Однако чуть минулъ мѣстечка половину,
Весь рынокъ закричалъ: что мучишь такъ скотину?
Тогда старикъ осла домой поворотилъ,
И скуки не стерпя, себѣ проговорилъ:
Какъ стану я смотрѣть на всѣ людскїя рѣчи,
То будетъ и осла взвалить къ себѣ на плечи.

XXXIV.

Твоей короны зданїе, *Монархиня*, пускай стоитъ
Тебѣ къ веселїю и намъ къ блаженству твердо
Какъ наша вѣрность ожидать отъ неба намъ того велитъ
И ревность уповать всегда Тебѣ усердо.

XXXV.

НАДПИСЬ

На иллуминацїю представленную въ торжественный день Коронованїя Ея Величества 1748 года, передъ зимнимъ домомъ, гдѣ представленъ былъ въ храмѣ олтарь изъ сердецъ сложенной, на верьху Императорской вѣнецъ, по сторонамъ галлереи къ восходящему и заходящему солнцу.

Во храмѣ ревности на олтарѣ сердецъ
Къ подавшему Тебѣ съ высотъ своихъ вѣнецъ
Отъ подданныхъ Твоихъ чистѣйшїй огнь пылаетъ,
Да щастїемъ Твоимъ Россїю увѣнчаетъ,
Да солнце восходя и заходя дивится,
Что всюду красота Твоихъ трїумфовъ зрится.

---

*

XXXVI.

НАДПИСЬ

На иллуминацію представленную въ торжественный день Тезоименитства Ея Величества, 1748 года, Сентября 5 дня, передъ лѣтнимъ домомъ, на которой изображенъ былъ фонтанъ, а по сторонамъ храмы мира и войны.

Богиня красотой, породой Ты богиня,
Повсюду громкими дѣлами Героиня,
Ты Мать щедротами, Ты именемъ покой:
Смущенный бранью миръ миритъ Господь Тобой.
Россійска тишина предѣлы превосходитъ
И льетъ избытокъ свой въ окрестныя страны:
Воюетъ воинство Твое противъ войны;
Оружїе Твое Европѣ миръ приводитъ.

XXXVII.

Явивъ щастливую премѣну,
Чего желалъ Россійскій свѣтъ,
Прешла препятствій многихъ стѣну
Восшедъ на тронъ Елисаветъ.
На память дня того и оной ночи въ честь
Мы тщимся праздничны сіи огни принесть.

XXXVIII.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ, ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ
ИМПЕРАТРИЦѢ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ
САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ
НА ПРЕСВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ
ВОСШЕСТВІЯ НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПРЕСТОЛЪ
ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА
ПРИНОСИТСЯ
ОТЪ ВСЕПОДДАННѢЙШЕЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ,
НОЯБРЯ 25 ДНЯ 1748 ГОДА.

ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1.

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, Богиня, воссіяло.
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ Вышняго пылаетъ,
Да щастіемъ Твоимъ вѣнчаетъ
Его средину и конецъ.

2.

Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Въ Тебѣ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злость да истребится,
И огнь и мечь да удалится
Отъ странъ Твоихъ и всякїй вредъ;
Весна да рассмѣется нѣжно,
И ратай въ нивахъ безмятежно
Сторичный плодъ да соберетъ.

3.

Съ способными вѣтрами споря,
Терзать да не дерзнетъ Борей,
Покрытаго судами мо́ря
Пловущими къ землѝ Твоей.
Да всѣхъ глубокїй миръ питаетъ;
Желѣзо браней да не знаетъ,
Служа въ трудѣ безмолвныхъ селъ.
Да злобна зависть постыдится,
И славѣ свѣтъ да удивится
Твоихъ великодушныхъ дѣлъ.

4.

Священны да хранятъ уставы
И правду на судѣ судьи,
И время Твоея державы
Да ублажатъ раби Твои.
Сосѣды да блюдутъ союзы;
И вамъ, возлюбленныя Музы,
За горьки слѐзы и за страхъ,
За грозно время и плачевно,
Да будетъ радость повсядневно,
При Невскихъ обновясь струяхъ.

5.

Годину ту воспоминая,
Среди утѣхъ мятется умъ!
Еще крутится мгла густая,
Еще наноситъ страшный шумъ!
Тамъ буря искры завиваетъ,
И алчный пламень пожираетъ
Минервинъ съ громкимъ трескомъ храмъ!
Какъ мѣдь въ горнилѣ, небо рдится!
Богатство разума стремится
На низъ къ трепещущимъ ногамъ!

6.

Дражайши Музы, отложите
Взводить на мысль печали тѣнь;
Веселымъ гласо́мъ возгремите,
И пойте сей великїй день,
Когда въ Отеческой коронѣ
Блеснула на Россїйскомъ тронѣ
Яснѣе дня Елисаветъ;
Какъ ночь на полдень премѣнилась,
Какъ осень намъ съ весной сравнилась
И тьма произвела намъ свѣтъ.

7.

Въ луга усыпанны цвѣтами
Царица трудолюбныхъ пчелъ,
Блестящими шумя крилами
Летитъ между прохладныхъ селъ;
Стекается оставивъ розы
И сотомъ напоенны лозы
Со тщанїемъ отвсюду рой,
Свою̀ Царицу окружаетъ
И тѣсно въ слѣдъ ея лѣтаетъ
Усердїемъ вперенный строй.

8.

Подобнымъ жаромъ воспаленный
Стекался здѣсь Россїйскїй родъ,
И радостїю восхищенный
Тѣснясь взиралъ на Твой приходъ.
Младенцы купно съ сѣдинóю
Спѣшили слѣдомъ за Тобою.
Тогда великїй градъ Петровъ
Въ едину стогну умѣстился,
Тогда и вѣтръ остановился
И плескъ взносилъ до облаковъ.

9.

Тогда во всѣ предѣлы Свѣта
Какъ молнїя достигнулъ слухъ,
Что царствуетъ Елисавета,
Петровъ въ Себѣ имѣя духъ.
Тогда нестройные сосѣды
Отчаялись своей побѣды,
И въ мысли отступили вспять.
Монархиня, кто Россовъ знаетъ,
И ревность ихъ къ Тебѣ внимаетъ,
Помыслитъ ли противу стать?

10.

Что Марсъ кровавый не дерзаетъ
Рукѝ своей простерти къ намъ,
Твои онъ силы почитаетъ
И власть подобну небесамъ.
Левъ нынѣ токмо зритъ ограду,
Чемъ путь ему пресѣченъ къ стаду.
Но море нашей тишины
Ужѐ предѣлы превосходитъ,
Своимъ избыткомъ миръ наводитъ,
Разлившись въ западны странѝ.

11.

Европа утомленна въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ Тебѣ свой простерла длани
Сквозь дымъ куренїе и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чемъ для блаженства смертныхъ рода,
Всевышнїй нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечь Твой лаврами обвитый
Необнаженъ войну пресѣкъ.

12.

Европа и весь миръ свидѣтель,
Народовъ разныхъ милїонъ,
Колика нынѣ Добродѣтель
Россїйскїй украшаетъ тронъ.
О какъ сїе насъ услаждаетъ,
Что вся вселенна возвышаетъ
Монархиня, Твои дѣлà!
Народовъ Твоея державы
Различна рѣчь, одежда, нравы,
Но всѣхъ согласна похвала.

13.

Единымъ гласомъ всѣ взываемъ,
Что Ты Защитница и Мать,
Твои доброты исчисляемъ;
Но всѣхъ не можемъ описать.
Когда щедроты пѣть стремимся,
Безгласны красотѣ чудимся.
Побѣдыль славить мысль течетъ,
Какъ пали Готѳы предъ Тобою?
Но больше мирной Ты рукою
Пространный удивила свѣтъ.

14.

Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кто дарами цвѣлъ:
Тотъ крѣпкое имѣетъ тѣло;
Но слабъ въ немъ духъ и умъ не зрѣлъ.
Въ другомъ блистаетъ умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣетъ тѣсный,
И духу силъ не достаетъ.
Иной прославился войною;
Но жизнью миръ порочитъ злою,
И самъ съ собой войну ведетъ.

15.

Тебя, Богиня, возвышаютъ
Души̑ и тѣла красоты,
Что въ многихъ раздѣлясь блистаютъ,
Едина всѣ имѣешь Ты.
Мы видимъ, что въ Тебѣ единой
Великiй Петръ съ Екатериной
Къ блаженству нашему живетъ.
Похвалъ пучина отворилась,
Смущенна мысль остановилась,
И словъ къ тому достатка нѣтъ.

16.

Однако духъ еще стремится,
Еще кипитъ сердечный жаръ,
И ревность умолчать стыдится:
О Муза, усугубь твой даръ,
Гласи со мной въ концы земныя,
Коль нынѣ радостна Россiя!
Она коснувшись облаковъ.
Конца не зритъ своей державы
Гремящей насыщенна славы
Покоится среди луговъ.

17.

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и нóги простираетъ
На степь, гдѣ Хиновъ отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ
И вкругъ довольства исчисляетъ,
Возлегши лактемъ на Кавкасъ.

18.

Се нашею, рекла, рукою
Лежитъ поверженный Азовъ;
Рушитель нашего покою
Огнемъ казненъ среди валовъ.
Се знойные Иркански бреги,
Гдѣ варварски презрѣвъ набѣги,
Сквозь степь и блата Петръ прошелъ,
Въ средину Азїи достигнулъ,
Свой знамéна тамъ воздвигнулъ,
Гдѣ день скрывали тучи стрѣлъ.

19.

Въ моей послушности крутятся
Тамъ Лена, Обь и Енисей,
Гдѣ многїе народы тщатся
Драгихъ мнѣ въ даръ ловить звѣрей;
Едва покровъ себѣ имѣя,
Смѣются лютости Борея,
Чудовищамъ дерзаютъ въ слѣдъ,
Гдѣ верьхъ до облакъ простираетъ,
Угрюмы тучи раздираетъ
Поднявшись съ дна морскаго ледъ.

20.

Здѣсь Днѣпръ хранитъ мои̇ границы,
Гдѣ Левъ гордящїйся упалъ
Съ торжественныя колесницы,
При коей въ узахъ онъ держалъ
Сарматовъ и Саксоновъ плѣнныхъ,
И двигалъ въ мысляхъ вознесенныхъ
Одной вселенную рукой.
Но палъ; и токмо звукъ достигнулъ
Ѳракїйскихъ горъ, и ихъ подвигнулъ,
Дунай, съ твоею быстриной.

21.

Въ стѣнахъ Петровыхъ протекаетъ
Полна̀ веселья тамъ Нева,
Златой порфирою блистаетъ,
Покрыта ла́врами глава.
Тамъ равнымъ жаромъ воспаленны
Сердца̀, какъ храмы освѣщенны
Въ исполненной утѣхъ ночи̇.
О сладкїй вѣкъ! о жизнь драгая!
Петрополь небу подражая
Подобны облисталъ лучи.

22.

Сїе Россїя восхищенна
Въ веселїи своемъ гласитъ;
Москва едина на колѣна
Упавъ передъ Тобой стои́тъ,
Власы сѣдыя простираетъ,
Тебя, Богиня, ожидаетъ,
Къ Тебѣ единой вопїя:
Возри на храмы опаленны
Возри на стѣны разрушенны;
Я жду щедроты Твоея.

23.

Гряди, Краснѣйшая Денницы,
Гряди, и свѣтлостью лица
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердца̀,
И время возврати златое.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ трудамъ.
Отсудствуя Ты будешъ съ нами.
Покрытымъ Орлими крилами
Кто можетъ прикоснуться намъ?

24.

Но естьли гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верьхъ небесъ къ Тебѣ преклонитъ,
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ Твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предъидетъ ужасъ предъ Тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

XXXIX.

Взираетъ вѣрность на тебя
Во храмѣ полнаго блаженства,
Пространная Твоя земля
Тогожь достигнетъ совершенства.

XL.

Такъ нынѣ новый годъ къ намъ щастїе приводитъ.
Съ Твоею славою таланъ нашъ въ верьхъ восходитъ.

XLI.

Тѝ во́йско, ты совѣтъ
Даешь своимъ сосѣдамъ
Твоимъ дивится свѣтъ
Безпагубнымъ побѣдамъ.

XLII.

1.

Да хвалитъ Духъ мой и языкъ
Всесильнаго Творца Державу
Великолѣпіе и славу.
О Боже мой, коль Ты великъ!

2.

Одѣянъ чудной красотой,
Зарей божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ бессчета
Шатру подобно предъ Тобой

3.

Покрывъ водами высоты,
На легкихъ облакахъ восходишь,
Крилами вѣтровъ шумъ наводишь,
Когда на нихъ летаешь ты.

4.

И воли Твоея послы
Какъ устремленія воздушны
Всесильнымъ маніямъ послушны
Текутъ, горятъ не зная мглы.

5.

Ты землю твердо основалъ
И для надежныя окрѣпы
Недвижны положилъ заклепы
И вѣчну непреклонность далъ.

6.

Ты бездною ея облекъ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходить, сгущаяся надъ нами,
Гдѣ дождь рождается и снѣгъ.

7.

Ихъ воля Твой единый взглядъ,
Отъ запрещенія мутятся,
И въ тучи устрашась тѣснятся;
Лишь грянетъ громъ Твой, внизъ шумятъ.

8.

Восходятъ горы въ высоту;
Крутыя ставишь Ты стремнины
И стелешь злачныя долины,
Угрюмствомъ множа красоту.

9.

Предѣлъ верхамъ ихъ положилъ,
Чтобъ землю скрыть не обратились,
Ничемъ бы въ низъ не преклонились,
Кромѣ Твоихъ безмѣрныхъ силъ.

10.

Изъ горъ въ долины льешь ключи
И прохлаждаешь тѣмъ отъ зноя:
Журчатъ для сладкаго покоя,
Между горами текучи.

11.

И напояютъ всѣхъ звѣрей,
Что окрестъ селъ себя питаютъ;
И ждутъ ослы, какъ въ жаждѣ таютъ,
Отрады отъ руки Твоей.

12.

Слетаясь тамо птицы въ тѣнь,
Возносятъ пѣнїе и свисты,
Живятъ вертепы каменисты,
И тѣмъ проводятъ жаркой день.

13.

Ты свыше влагу льешь горамъ,
Плодами землю насаждаешь,
И всѣ народы насыщаешь,
Свидѣтелей Твоимъ дѣламъ.

14.

Растишь въ поляхъ траву для стадъ
Намъ разны зелїя въ потребу
Обильно прилагаешь къ хлѣбу
Щедротою ко всѣмъ богатъ.

15.

Хлѣбъ силой нашу грудь крѣпитъ,
Намъ масло члены умягчаетъ;
Вино въ печали утѣшаетъ
И серце радостью . . . . живитъ.

16.

Древамъ даешь обильный тукъ;
Поля вѣнчаешь ими, щедрый.
Насаждены въ Ливанѣ кедры
Могуществомъ всесильныхъ рукъ.

XLIII.

Коль много за Тебя сердецъ пылаетъ къ Богу;
И радость чувствуютъ въ сей свѣтлый день толь многу.
Гласятъ чтобъ съ тою онъ стократно возвратился
Какъ красный Амаранοъ твой вѣкъ бы процвѣталъ
Морозы лютые и бури презиралъ
Чтобъ Росскій родъ Твоимъ плодомъ возвеселился.

XLIV.

Коль счастлива земля, коль счастливы вѣнцы
Что подъ Твоимъ вѣнцемъ прославлены въ покое.
Въ семъ щастіи гласитъ усердіе святое,
Да Росски въ вѣкъ Тобой утѣшитъ Богъ концы.

XLV.

НАДПИСЬ

На спускъ корабля имянуемаго Святаго Александра Невскаго 1749 года.

Гора, что Горизонтъ на сушѣ закрывала,
Внезапно съ берегу на быстрину збѣжала,
Между палатъ стоитъ, гдѣ былъ недавно лѣсъ
Мы веселимся здѣсь въ срединѣ тѣхъ чудесъ.
Но мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чуть сидѣли,
Когдабъ великаго Петра мы не имѣли.

XLVI.

Россїя посмотри на ту щастливу ночь
Что радость привела, печаль отгнала прочь.
Когда по ревности и истинному праву
Изволила принять Петрова дщерь державу
Съ Собою и тебя до облакъ вознесла.
Добротъ прекрасный ликъ ко трону привела,
Которыя его всечасно окружаютъ
И щастїе твое во вѣки сохраняютъ.

XLVII.

НАДПИСЬ

На прибытїе Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Санктпетербургъ, 1749 года.

Поднявшись солнце въ верхъ, возводитъ взоръ по свѣту,
Спѣшащу зритъ во градъ Петровъ Елисавету,
Дивится что зима покорна Ей и снѣгъ,
И что по оному толь быстрой видитъ бѣгъ;
На коней пламенныхъ зардѣвшись негодуетъ
И огненнымъ бичемъ за лѣность наказуетъ.
О солнце, не стыдись: краснѣйшая луны
Богиня къ намъ грядетъ Россїйскїя страны:
Мы блеску твоего не столько ожидаемъ,
Какъ видѣть свѣтлое лице Ея желаемъ.

XLVIII.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

МАЛОРОССІЙСКОМУ,

ОБОИХЪ СТОРОНЪ ДНѢПРА И ВОЙСКЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ

ГЕТМАНУ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ КАММЕРГЕРУ

АКАДЕМІИ НАУКЪ ПРЕЗИДЕНТУ

ЛЕЙБГВАРДЇИ ИЗМАЙЛОВСКАГО ПОЛКУ

ПОДПОЛКОВНИКУ

И РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ

КАВАЛЕРУ

СІЯТЕЛЬНѢЙШЕМУ ГРАФУ

КИРИЛУ ГРИГОРЬЕВИЧУ

РАЗУМОВСКОМУ

ИДИЛЛІЯ,

КОТОРОЮ

УСЕРДНОЕ СВОЕ ПОЧТЕНЇЕ ЗАСВИДѢТЕЛЬСТВУЕТЪ

АКАДЕМЇИ НАУКЪ ПРОФЕССОРЪ

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВЪ.

ПЕЧАТАНА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМЇИ НАУКЪ 1750. ГОДА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

ПОЛИДОРЪ,

ИДИЛЛІЯ,

ВЪ КОТОРОЙ РАЗГОВАРИВАЮТЪ,

Калліопа Муза.
Левкія Днѣпрская Нимфа.
Дафнисъ Тамошней пастухъ.

* * *

Каллїопа.

Между прохладными Днѣпровыми струями,
Между зелеными и мягкими кустами
Тебя я посѣтить пришла съ Кастальскихъ горъ,
Чтобъ радость мнѣ свою соединить съ твоею;
Едино щастїе съ тобою я имѣю:
Единъ у насъ теперь предстатель Полидоръ.
Богиня, что поля пространны управляетъ
И щедрою Парнассъ рукою украшаетъ,
Ему вручила жезлъ, чтобъ въ сихъ лугахъ пасти.

Левкїя.

Доколѣ будетъ Днѣпръ въ брегахъ своихъ крутиться,
Дотолѣ олтари здѣсь будутъ Ей куриться,
И лавры завсегда торжественны цвѣсти.
Здѣсь плески на лугахъ повсюду раздаются,
И съ шумомъ радостнымъ въ порогахъ во́ды льются,

Избыточно цвѣты даютъ свой нѣжной духъ,
И вѣтьвьми дерева̀ красуяся качаютъ,
И го́ры и лѣса̀ Богиню возвышаютъ,
Что къ ихъ желанїю склонила щедрый слухъ.
Тебя здѣсь, Полидоръ, желали рощи злачны,
Долины тучныя, источники прозрачны,
Тебя желали здѣсь обильныя поля̀.

Каллїопа.

Тебя мы, Полидоръ, имѣемъ тамъ ограду;
И чрезъ тебя Парнассъ почувствовалъ отраду
Какъ влагу получивъ иссохшая земля.

Левкїя.

Ты, Муза, прохладись подъ тѣнїю густою.

Каллїопа.

Ты, Нимфа, уклонись со мной сюда отъ зною;
Мы сядемъ при водѣ на мягкую траву.
Теперь пристоенъ часъ сплетать вѣнки прекрасны,
И Полидору пѣть здѣсь пѣсни намъ согласны.

Левкїя.

Я вѣтьвей и цвѣтковъ, Каллїопа! нарву.
Смотри, какъ зеленью вездѣ покрылись нивы,
И тихой Днѣпръ въ себѣ изображаетъ ивы,
Что густо по крутымъ краямъ его растутъ.
Играютъ Зефиры кудрявыхъ древъ листами,
И нѣжатъ теплыми душистой цвѣтъ крилами,
Съ котораго шумя свой пчелы медъ несутъ.

Каллїопа.

Прїятной день теперь намъ радость умножаетъ,
Подъ вѣтьвьми соловей свой свистъ усугбляетъ,
Завидуя въ лугахъ поющимъ пастухамъ.

И ѡ́вцы ужъ траву съ ручьями позабыли,
И слухъ къ веселой ихъ игрѣ поворотили,
И ко́зы прыгаютъ по звонкимъ ихъ струнамъ.
Иной кладетъ пучки, иной въ свирѣлку свищетъ,
Иной любезныя межъ деревами ищетъ,
Иной самъ прячется отъ ней въ зеленой кустъ.

Левкїя.

Хотя довольно насъ прїятность услаждаетъ;
Однако больше всѣхъ меня увеселяетъ
О Полидорѣ пѣснь изъ Дафнисовыхъ устъ.
Я вижу, онъ идетъ украшенъ весь цвѣтами,
Цвѣты на головѣ, цвѣты между перстами,
Цвѣтами ѹ́витъ вкругъ и посохъ и свирѣль.
Не такъ любезно мнѣ по камнямъ водъ журчанье,
Не столько голубицъ мнѣ мило воркотанье,
И сладкихъ соловьевъ не такъ прїятна трѣль,
Какъ голосъ Дафнисовъ здѣсь рощи оживляетъ,
И имя, Полидоръ, стократно повторяетъ.
Ахъ, Дафнисъ! пѣнїемъ своимъ насъ услади.

Каллїопа.

Хотя Геройскихъ Лиръ мнѣ больше шумъ угоденъ:
Однако Сельскихъ струнъ мнѣ сладокъ звонъ и сроденъ,
Ты, Дафнисъ, звонкихъ птицъ въ лугахъ здѣсь постыди.

Дафнисъ.

Ты, Муза, мнѣ вдохни, что нынѣ пѣть пристойно,
Что слуху вашего, и что сихъ дней достойно.
Ты Нимфа, ласковымъ мнѣ взглядомъ силу дай,

Каллїопа.

Зачни великїя Богини добродѣтель,
Которой я сама и весь Парнассъ свидѣтель;
Пото́мъ и сихъ долинъ довольства воспѣвай.

Левкія.

Запой, что видѣлъ ты, какъ былъ въ великомъ градѣ.
И что при Нимфахъ пѣлъ въ Палéмоновомъ стадѣ.
Мы станемъ пестрые вѣночки завивать,
И въ голосъ къ твоему напѣву приставать.

* * *

Дафнисъ.

Молчите шумные пороги
И слушайте мой новой стихъ;
Усыпьте, Нимфы, здѣсь дорóги
Лилѣями изъ рукъ своихъ;
Вездѣ вѣнками украшайте
Пригорки, дóлы и ручьѝ.

Каллїопа.

Верьхи Парнасски рассцвѣтайте;

Левкія.

Красуйтесь днѣпрскія струи.

* * *

Дафнисъ.

Великой будетъ пусть Богинѣ
Вездѣ прилична красота.
О какъ я веселюся нынѣ
Что видѣлъ очи и уста,
Отъ коихъ радость почерьпаютъ
Широки сѣверны поля,

Каллїопа.

Верьхи Парнасски рассцвѣтаютъ,

Левкїя.

Красуется сїя земля.

* * *

Дафнисъ.

При Ней я видѣлъ Полидора,
Онъ предъ лицемъ Ея стоялъ,
Среди Геройскаго собора
И ласково ко мнѣ взиралъ
О тихи вѣтры, развѣвайте
По всѣмъ лугамъ слова̀ мои̇.

Каллїопа.

Верьхи Парнасски рассцвѣтайте;

Левкїя.

Красуйтесь Днѣпрскїя струи.

* * *

Дафнисъ.

Вчерась меня кругомъ обстали
Пастушки съ красныхъ нашихъ горъ,
И съ жадностїю понуждали:
Каковъ, скажи намъ, Полидоръ?
Я далъ отвѣтъ: онъ превышаетъ
Собой всѣхъ здѣшнихъ пастуховъ;

Каллїопа.

Верьхи Парнасски украшаетъ;

Левкїя.

Онъ здѣшнихъ будетъ честь луговъ.

* * *

Дафнисъ.

Онѣ одна передъ другою:
Скажи, скажи о Нимфѣ намъ,
Которой Полидоръ красою
Плѣнившись торжествуетъ самъ.
Я имъ сказалъ: вы заплетите
Нарвавши съ розами лилей;

Каллїопа и Левкїя.

На нихъ любуясь поглядите,
И думайте притомъ объ ней.

* * *

Дафнисъ.

Лозѣ подобно плодовитой
Она возлюбленнымъ плодомъ
Благословенїемъ покрытой
Наполнитъ Полидоровъ домъ.
Пребудетъ радость въ вѣкъ отнынѣ
На каждой умножаясь часъ.

Каллїопа и Левкїя.

Хвала бессмертная Богинѣ
Украсившей его и насъ.

* * *

Дафнисъ.

Ему поспѣшно наливайтесь
Прїятной сладостью плоды,
Сторично о́вцы размножайтесь
И лѣтнїе воловъ труды.
Вы сладку росу поспѣшайте
Збирать, прилѣжные рои̂.

Каллїопа.

Верхи Парнасски рассцвѣтайте,

Левкїя.

Красуйтесь Днѣпрскїя струи.

XLIX.

НАДПИСЬ 1,

Къ статуѣ Петра Великаго.

* * *

Се образъ изваянъ премудраго Героя,
Что ради подданныхъ лишивъ себя покоя,
Послѣднїй принялъ чинъ и царствуя служилъ,
Свои законы самъ примѣромъ утвердилъ,
Рожденны къ Скипетру простеръ въ работу руки,
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки.
Когда Онъ строилъ градъ, сносилъ труды въ война́хъ,
Въ земляхъ далекихъ былъ и странствовалъ въ моряхъ,
Художниковъ збиралъ и обучалъ солдатовъ,
Домашнихъ побѣждалъ и внѣшнихъ сопостатовъ;
И словомъ се есть Петръ отечества Отецъ;
Земное божество Россїя почитаетъ,
И столько олтарей предъ зракомъ симъ пылаетъ,
Коль много есть Ему обязанныхъ сердецъ.

НАДПИСЬ 2,

къ тойже.

* * *

Елисавета здѣсь воздвигла зракъ Петровъ
Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ: но кто онъ былъ таковъ;

Гласитъ сей градъ и флотъ, художества и войски,
Гражданскїе труды и подвиги Геройски.

НАДПИСЬ 3,

къ тойже.

* * *

Металлъ, что пламенемъ на брани устрашаетъ,
Въ Петровомъ градѣ се Россїянъ утѣшаетъ,
Изобразивъ въ себѣ лица Его черты;
Но естьлибы его душевны красоты
Изобразить могло притомъ раченье наше,
То былъ бы образъ сей всего на свѣтѣ краше.

НАДПИСЬ 4,

къ тойже.

* * *

Зваяннымъ образа́мъ, что въ древни времена
Героямъ ставили за славные походы,
Невѣжествомъ вѣковъ честь божеска дана,
И чтили жертвой ихъ послѣдовавши роды,
Что вѣра правая творить всегда претитъ.
Но вамъ простительно, о поздые потомки,
Когда услышавъ вы дѣла Петровы громки,
Поставите олтарь предъ сей Геройскїй видъ:
Мы васъ давно своимъ примѣромъ оправдали:
Чудясь дѣламъ Его превышшимъ смертныхъ силъ,
Не вѣрили что Онъ единъ отъ смертныхъ былъ,
Но въ жизнь Его уже за Бога почитали.

НАДПИСЬ 5,

къ тойже.

* * *

Гремящія по всѣмъ концамъ земнымъ побѣды,
И Россовъ чрезъ весь свѣтъ торжествовавшихъ слѣды.
Собраніе наукъ, исправленны суды,
Премѣнное въ рѣкахъ теченіе воды,
Покрытый флотомъ понтъ, среди волнъ грады новы,
И протчія дѣла увидѣвъ смерть Петровы,
Рекла, сей человѣкъ предѣлъ мой нарушилъ
И долѣ въ мирѣ семъ Маѳусаила жилъ.
Такъ лѣта по дѣламъ щитая, возгласила,
И въ гробъ великаго сего Героя скрыла.
Но образомъ Его красуется сей градъ.
Взирая на Него Персъ, Турокъ, Готѳъ, Сарматъ,
Величеству лица Геройскаго чудится,
И мертваго въ мѣди бесчувственной страшится.

L.

НАДПИСЬ,

Которая изображена на великолѣпной серебряной ракѣ святому, благовѣрному и великому Князю Александру Невскому, построенной высочайшимъ повелѣнїемъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, въ Троицкомъ Александроневскомъ Монастырѣ.

* * *

Святый и храбрый Князь здѣсь тѣломъ почиваетъ;
Но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираетъ,
И на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ,
И гдѣ невидимо Петру споспѣшствовалъ.
Являя Дщерь Его усердїе святое,
Сему Защитнику воздвигла ра́ку въ честь
Отъ перваго сребра, что нѣдро Ей земное
Открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть.

LI.

НАДПИСЬ

На иллуминацію представленную Ея Императорскому Величеству отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Ораніенбаумѣ 1750 года, Іюля 31 дня; гдѣ изображены были два соединенныя сердца пылающія на Олтарѣ къ сіяющему надъ ними солнцу, по сторонамъ младой мѣсяцъ и восходящая денница.

* * *

Какъ Солнце съ высоты, Богиня, къ намъ сіяешь,
И въ нашихъ жаръ сердцахъ усерднѣйшій раждаешь.
Мы оба чувствуя любовь Твою къ себѣ,
Приносимъ ревности взаимно жаръ Тебѣ.
Монархиня, ты всѣмъ единъ источникъ свѣта,
Россійскій Горизонтъ Тобою освѣщенъ,
Тобою нашъ восходъ на ономъ озаренъ.
Мы свѣтъ заимствуемъ, даетъ Елисавета.

LII.

Прекрасны лѣтни дни сїяя на исходѣ,
Богатство съ красотой обильно сыплютъ въ мїръ;
Надежда радостью кончается въ народѣ;
Натура смертнымъ всѣмъ открыла общїй пиръ;
Созрѣлые плоды древа отягощаютъ
И кажутъ солнечнымъ румянецъ свой лучамъ!
И руку жадную пригожствомъ привлекаютъ;
Что снятъ своей рукой, тотъ слаще плодъ устамъ.
Сїе довольствїе и красота всемѣстна
Не токмо жителямъ обильнѣйшихъ полей
Полезной роскошью является прелестна,
Богинь влечетъ она прїятностью своей.
Чертоги свѣтлые, блистанїе металловъ
Оставивъ, на поля спѣшитъ Елисаветъ;
Ты слѣдуешь за ней, любезный мой Шуваловъ,
Туда, гдѣ ей Цейлонъ и въ сѣверѣ цвѣтетъ,
Гдѣ хитрость мастерства преодолѣвъ природу,
Осеннимъ днямъ даетъ весны прекрасной видъ,
И принуждаетъ въ верьхъ скакать высоко воду,
Хотя ей тягость въ низъ и жидкость течь велитъ.
Толь многи радости, толь разныя утѣхи
Не могутъ отъ тебя Парнасскихъ горъ закрыть.

Тебѣ прïятны коль Россïйскихъ музъ успѣхи,
То можно изъ твоей любви къ нимъ заключить.
Ты будучи въ мѣстахъ, гдѣ нѣжность обитаетъ,
Какъ взглянешь на поля, какъ взглянешь на плоды,
Воспомяни, что мой покоя духъ не знаетъ,
Воспомяни мое раченье и труды.
Межъ стѣнъ и при огнѣ лишь только обращаюсь;
Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечтанïи ищу.
Однако лѣто мнѣ съ весною возвратится,
Я оныхъ красотой и въ зиму наслаждусь,
Когда мой духъ твоимъ прïятствомъ ободрится,
Которое взнести я на Парнасъ потщусь.

LIII.

Съ младыми пальмами спокойныхъ нашихъ дней
Возвышено Твое преславно имя въ свѣтѣ.
Россïя, и прïявъ покой Европа съ ней,
Похвалъ вѣнцы за то плетутъ Елисаветѣ.

---

*

LIV.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ
ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ
ИМПЕРАТРИЦѢ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ
САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,
КОТОРОЮ
ЗА ВЫСОЧАЙШУЮ МОНАРШЕСКУЮ МИЛОСТЬ
ОКАЗАННУЮ
ВЪ САРСКОМЪ СЕЛѢ
ВСЕУСЕРДНѢЙШЕЕ БЛАГОДАРЕНІЕ ПРИНОСИТЪ
ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ РАБЪ
МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВЪ.

ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
СЕНТЯБРЯ 10 ДНЯ 1750 ГОДА.

ОДА.

1.

Какую радость ощущаю?
Куда я нынѣ восхищенъ?
Небесну пищу я вкушаю,
На верьхъ Олимпа вознесенъ!

Божественно лице сїяетъ
Ко мнѣ, и сердце озаряетъ
Блистающимъ лучемъ щедротъ!
Коль нѣжно Флоры здѣсь богатство!
Коль сродно воздуха прїятство
Богинѣ красныхъ сихъ высотъ!

2.

Чтожъ се? Дїанѣ я прекрасной
Ужѐ послѣдую въ лѣсахъ,
Отъ коей хитростью напрасной
Укрыться хочетъ звѣрь въ кустахъ!
Ужѐ и купно со Денницей
Великолѣпной колесницей
Въ безоблачныхъ странахъ несусь!
Блаженство мыслямъ непонятно!
Благополученъ многократно,
Когда нещетнымъ сномъ я льщусь!

3.

Престань со мнѣньемъ колебаться,
Смятенный духъ мой, и повѣрь;
Неложны то мечтанья зрятся,
Но истинно Петрова Дщерь
Къ наукамъ матерски снисходитъ,
Щедротою въ восторгъ приводитъ.
Ты Муза, лиру прїими,
И чтобъ услышала вселенна,
Коль жизнь наукамъ здѣсь блаженна,
Возникни, вознесись, греми.

4.

Гдѣ древнимъ именемъ Славéна
Гордяся пролились струи,
Тамъ видя Нимфа изумленна
Украшенны луга свои,

Златые кровы окомъ мѣритъ.
И въ ужасѣ себѣ не вѣритъ.
Но кажду обозрѣвши часть,
Съ веселїемъ сїе вѣщаетъ:
То само небо созидаетъ,
Или Петровои Дщери власть.

5.

Рекла, и влагу рассѣкая
Пустилась тщательно къ Невѣ;
Волна во бреги ударяя
Клубится пѣною въ травѣ.
Во храмъ сїяющїй металломъ,
Предъ тронъ украшенный кристалломъ
Поспѣшно простираетъ ходъ;
Вѣнцемъ зеленымъ увязенной
И въ виссъ, вѣщаетъ, облеченной
Владычицѣ Россїйскихъ водъ.

6.

Рѣка, которой проливаютъ
Великїя озе́ра дань,
И кою громко прославляютъ
Во всей вселенной миръ и брань!
Ты щастлива трудомъ Петровымъ;
Тебя и нынѣ краситъ новымъ
Раченїемъ Елисаветъ.
Но малые мой потоки
Прими въ себя какъ Нилъ широкїй,
Который изъ рая течетъ.

7.

Мой источники вѣнчаетъ
Едемской равна красота,
Гдѣ садъ Богиня насаждаетъ,
Прохладны возлюбивъ мѣста̀;

Поля гдѣ небу подражаютъ,
Себя цвѣтами испещряютъ.
Не токмо нѣжная весна,
Но осень тамо юность года;
Всегда роскошствуетъ природа
Искусствомъ рукъ побуждена.

8.

Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ,
Тогда на вѣтьвїи высокомъ
И посредѣ зеленыхъ лозъ
Со свистомъ птицы воспѣваютъ
Отъ сна къ веселью возбуждаютъ,
Что царствуетъ въ моихъ лугахъ.
И солнце восходя дивится,
Увидѣвъ то, чемъ Индъ пестрится,
Обильно при моихъ ключахъ.

9.

Въ срединѣ жаждущаго лѣта,
Когда томитъ протяжный день,
Отъ знойной теплоты и свѣта
Прохладна покрываетъ тѣнь,
Гдѣ вѣтьви преклонясь зелены
Въ союзъ взаимной сопряженны,
Отводятъ жаркїе лучи.
Но коль великая отрада
И томнымъ чувствамъ тутъ прохлада
Какъ росу пьютъ цвѣты въ ночи!

10.

Елисаветинымъ добротамъ
Вездѣ подобна красота;
Примѣра многимъ лишъ щедротамъ
Не смѣетъ скудна дать вода

И орошать скаканьемъ по́ля;
Однако ежель Оной воля
Охоту ободритъ мою̀,
Великой въ похвалу Богинѣ
Я во́ды обращу къ вершинѣ,
Речетъ, и къ небу устремлю.

11.

Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда Богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ,
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтьвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ броздами,
И топчетъ бурными ногами
Прекрасной Всадницей гордясь!

12.

Какъ естьли зданїемъ прекраснымъ
Умножить должно звѣздъ число,
Созвѣздїемъ являться яснымъ
Достойно Сарское село.
Чудовища, что легковѣрнымъ
Стремленьемъ древность и безмѣрнымъ
Поднявъ на твердь, вмѣстила тамъ,
Укройтесь за предѣлы свѣта:
Се зиждетъ здѣсь Елисавета
Красу приличну небесамъ.

13.

Великїя Семирамиды
Рассыпанна окружность стѣнъ,
И вы, о горды пирамиды,
Чемъ Нильскїй брегъ отягощенъ,

Хотя бы чувства вы имѣли
И чудный трудъ лѣтъ малыхъ зрѣли,
Вамъ не былобы тяжко то,
Что строены вы цѣлы вѣки:
Васъ созидали человѣки,
Здѣсь зиждетъ само Божество.

14.

Великолѣпными верьхами
Восходятъ храмы къ небесамъ,
Изъ нихъ пресвѣтлыми Очами
Елисаветъ сіяетъ къ намъ,
Изъ нихъ во всѣ страны взираетъ,
И на единѣ представляетъ
Врученный свѣтъ подъ скипетръ Свой,
Подобно какъ орелъ парящій
Отъ самыхъ облакъ зритъ лежащи
Поля и грады подъ собой.

15.

О коль правдиво возвышаетъ,
Монархиня, сей Нимфа гласъ!
Коль взоръ Твои далеко блистаетъ,
То чувствовалъ и нынь Парнассъ,
Какъ Ты отъ мѣстъ преукрашенныхъ
И лѣтней нѣгѣ посвященныхъ
Воззрѣла матерски къ нему.
Являя такову щедроту,
Колику къ знаніямъ охоту
Даешь народу Твоему.

16.

Что дымъ и пепелъ отрыгая
Мрачилъ вселенну Енцеладъ,
Реветъ подъ Етною рыдая
И тѣломъ наполняетъ адъ;

Пронзенъ Зевесовымъ ударомъ,
Въ отчаяньи трясется яромъ
Безсиленъ тяготу поднять,
Великою покрытъ горою
Безъ пользы движется подъ тою
И тщетно силится восстать.

17.

Такъ Варварство Твоимъ Перуномъ
Ужѐ повержено лежитъ,
Когда при шумѣ сладкострунномъ
Поющихъ Музъ Твой слухъ звучитъ,
Востокъ и Западъ наполняетъ
Хвалой Твоей, и возвышаетъ
Твои щедроты выше звѣздъ.
О вы щастливыя науки!
Прилѣжны простирайте рýки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.

18.

Пройдúте землю и пучину
И стéпи и глубокїй лѣсъ
И нутръ Рифейскїй и вершину
И саму высоту небесъ.
Вездѣ изслѣдуйте всечасно
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
Трудами вѣки удивите,
И сколько можетъ, покажите,
Щедротою Елисаветъ.

19.

Изъ горъ иссѣченны колоссы,
Механика, ты въ честь возвысь
Монархамъ, отъ которыхъ Россы
Подъ солнцемъ славой вознеслись;

Наполни во́ды кораблями,
Моря́ соедини рѣками,
И рвами блата иссуши,
Военны облегчи громады,
Петромъ основанные грады
Подъ скиптромъ Дщери соверши.

20.

Въ земное нѣдро ты Химїя
Проникни взора остротой,
И что содержитъ въ немъ Россїя
Драги сокровища открой.
Отечества умножить славу
И вящше укрѣпить державу
Спѣши за хитрымъ естествомъ,
Подобнымъ облекаясь цвѣтомъ;
И что прекрасно токмо лѣтомъ,
Ты здѣлай вѣчно мастерствомъ.

21.

Въ небесны уранїя круги
Возвыси посредѣ лучей
Елисаветины заслуги,
Чтобъ тамо въ вѣчну славу Ей
Сїяла новая планета.
Россїйскаго пространство свѣта
Собравъ на малы чертежи,
И грады Оною спасенны
И се́ла Ею же блаженны
Географїя покажи.

22.

Наука легкихъ метеоровъ
Премѣны неба предвѣщай,
И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
Чрезъ вѣрны знаки предъявляй:

Чтобъ ратай могъ избрати время,
Когда землѝ повѣрить сѣмя,
И дать когда покой браздамъ,
И чтобы небоясь погоды
Съ богатствомъ дальны шли народы
Къ Елисаветинымъ брегамъ.

23.

А ты возлюбленная Лира,
Правдивымъ щастьемъ веселись,
Къ блистающимъ предѣламъ мира
Шумящимъ звономъ вознесись,
И возгласи, что нѣтъ на свѣтѣ,
Ктобъ равенъ былъ Елисаветѣ
Такимъ блистанїемъ хвалы.
Но что за громы ударяютъ?
Се гласъ мой звучно повторяютъ
Земля и вѣтры и валы!

LV.

ТАМИРА и СЕЛИМЪ

ТРАГЕ́ДІЯ,

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1750 года.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Въ сей Трагедіи изображается стихотворческимъ вымысломъ позорная погибель гордаго Мамая Царя Татарскаго, о которомъ изъ Россійской исторіи извѣстно, что онъ будучи побѣжденъ храбростію Московскаго Государя, Великаго Князя Димитрія Іоанновича на Дону, убѣжалъ съ четырьмя Князьми своими въ Крымъ, въ городъ Кафу, и тамъ убитъ отъ своихъ. Въ дополненіе сего представляется здѣсь, что въ нашествіе Мамаево на Россію Муметъ Царь Крымскій обѣщавъ дочь свою Тамиру въ супружество Мамаю, послалъ сына своего Нарсима съ нѣкоторымъ числомъ войска на вспоможеніе оному. Въ его отсутствіе Селимъ Царевичъ Багдатскій по повелѣнію отца своего перешедъ черезъ Натолію, посадилъ войско на суда, чтобы очистить Черное море отъ Крымскихъ морскихъ разбойниковъ, грабившихъ Багдатское купечество. Сіе учинивъ, приступилъ подъ Кафу, въ которой Муметъ будучи осаженъ, и неимѣя довольныя силы къ сопротивленію, выпросилъ у Селима на нѣкоторое время перемирія, въ томъ намѣреніи, чтобы между тѣмъ дождаться обратно съ войскомъ сына своего Нарсима. По́слѣ сего перемирія въ перьвый день слѣдующее происходитъ въ Кафѣ, знатнѣйшемъ приморскомъ городѣ Крымскомъ, въ Царскомъ домѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Муметъ Царь Крымскій.
Мамай Царь Татарскій.
Тамира Царевна Крымская, дочь Муметова.
Селимъ Царевичь Багдатскій.
Нарсимъ Царевичь Крымскій, братъ Тамиринъ.
Надиръ братъ Муметовъ.
Заисанъ Визиръ Муметовъ.
Клеона мамка Тамирина.
Два вѣстника.
Воины.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

Тамира.

Насталъ ужасной день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи;
Даетъ печальной знакъ къ военной непогодѣ
Любезна тишина минула въ сей ночѝ.
Отецъ мой воинству готовиться къ отпору,
И на стѣнахъ стоять ужѐ вчера велѣлъ.
Селимъ полкѝ свои возвелъ на ближню гору,
Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
На гору какъ орелъ всходя онъ возносился,
Которой съ высоты на агньца хочетъ пасть;
И быстрой конь подъ нимъ какъ бурной вихрь крутился,
Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть.
Онъ ѣздилъ по полкáмъ, пока тѣнь мрачной ночи
Закрыла отъ меня полѧ̀, его и строй.
Потóмъ и томныя хотя сомкнулись очи,
Однако видѣла его передъ собой;
Во снѣ ли было то, или то было въ явѣ:
Смущался мысльми сонъ, смущались мысли сномъ;
Селимъ казался мнѣ великолѣпенъ въ славѣ,

Таковъ осанкою, Клеона, и лицомъ,
Какъ въ перемирны дни скакалъ передъ стѣнами,
Искусствомъ всѣхъ другихъ и взоромъ превышалъ,
И стрѣлы пущенны ужѐ подъ облаками
Направленными въ слѣдъ стрѣлами рассѣкалъ.

Клеона.

Багдатско воинство умножилось безъ счота!
При всходѣ свѣтлыя я видѣла луны,
Что мосты и пути и городски ворóта
Противныхъ силою вездѣ осажены.
Ночно молчанїе боязнь усугубляло,
И слéзы по лицу блѣднѣющихъ лились.

Тамира.

Теперь сраженїе конечно ужъ настало;
Клеона, посмотри, и скоро возвратись.

* *
*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамира одна.

О какъ смущенъ мой духъ! я знаю и заочно,
Селимъ противу стѣнъ стоитъ напереди.
Боюсь, чтобъ кто его не ранилъ ненарочно,
И не вонзилъ стрѣлы отъ насъ въ его груди̇!
Я ей не чаю быть такого кровопивца,
Ктобъ съ умыслу хотѣлъ направить лукъ въ него!
О небо, отврати свирѣпаго убивца,
И сокрушить недай тѣмъ сéрдца моего!
Ахъ что я дѣлаю? что въ мысли я имѣю?
Я тѣмъ родителя и Бога прогнѣвлю,

Что общаго врага отечеству жалѣю!
Никакъ Селимомъ я плѣнилась и люблю?
Однакъ и безъ любви ему ль желать мнѣ року?
Тотъ злою львицею въ пустыхъ горахъ рожденъ,
Кто видя съ младостью природу въ немъ высоку,
Къ жалѣнію по немъ не будетъ побужденъ.
Что онъ противу насъ вооружился въ полѣ,
Сыновняя любовь и должности велятъ.
И какъ родительской не согласиться волѣ?
Отецъ его, отецъ, не онъ намъ сопостатъ.
Онъ щастливъ, что ему есть въ старости замѣна.
Благополучна мать, что въ свѣтъ произвела!
И ежель есть сестра, то коль она блаженна,
Что съ лѣтъ младенческихъ съ нимъ купно возрасла!
Но коль родилась та на свѣтъ благополучно,
Которой щедрая устроила судьба,
Чтобы съ Селимомъ жить до смерти неразлучно!
О какъ волнуюсь я! какая внутрь борьба!
Теперь я признаю, что нѣкотора сила
Неосторожной духъ ужѐ взяла во власть,
И сердце нѣжное къ Селиму преклонила:
Къ нему я чувствую въ себѣ любовну страсть!
Любовь меня влечетъ его смотрѣть на стѣны.
Куда? и какъ? или на стрѣлы устремлюсь,
Что нынѣ противъ насъ шумятъ какъ градъ сгущенный?
Но я уязвлена, и стрѣлъ ужъ не боюсь.
Ахъ что терзаюсь я безщастная, незная;
Селиму можетъ быть въ отечествѣ своемъ
Любима и любви залогъ взяла иная;
О чемъ крушуся я нерассудя о чемъ?
Суровая война, тобою учинилось,
Что тотъ противникъ нашъ, котораго люблю!
Однако гдѣ бы мнѣ видать его случилось?
Я время суетнымъ мечтаніемъ гублю.

Не лутчели просить отъ вѣрныя совѣту,
И способовъ скоряй къ отрадѣ мнѣ искать?
Однако ждать могуль утѣшнаго отвѣту?
И какъ осмѣлюсь я Клеонѣ все сказать?

* * *

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Престань себя смущать, дражайшая Царевна.
Какїя вижу я премѣны на лицѣ!
Оставь боязнь: въ сей часъ минетъ судьбина гнѣвна;
Весь страхъ мнѣ кажется при самомъ быть концѣ.

ТАМИРА.

Никакъ ужъ ворвались къ намъ въ городъ сопостаты,
И превратился страхъ въ отчаянну печаль?

КЛЕОНА.

Теперь всходила я въ высокїя палаты,
И на Багдатскїе полкѝ смотрѣла вдаль.

ТАМИРА.

Ты видѣла полкѝ? ты видѣла Селима?

КЛЕОНА.

Я видѣла, что онъ отшолъ ужѐ отъ стѣнъ,
И кажется, что прочь со всѣмъ идетъ отъ Крыма,
Невѣдомо какой причиной побужденъ;
Я чаю, утомясь, не хочетъ больше бою.

Тамира.

Никакъ ему какой предатель измѣнилъ;
Или отецъ объятъ нечаянно войною,
И требуетъ себѣ его на по́мочь силъ.
Я чаяла конца, и по паденьи мнимомъ,
Оплакавъ кровь гражданъ и стѣнъ оставшіи прахъ,
Мнѣ будетъ слѣдовать во узахъ за Селимомъ,
И при Евфратскихъ жить невольницей брегахъ.

Клеона.

Тотъ ужасъ миновалъ: военные снаряды
Противники всходя на корабли несутъ,
Кафа избавилась отъ грозныя осады.
Что слéзы по лицу, дражайшая, текутъ?
Никакъ отъ радости? однако воздыханья
И твой прискорбной взоръ иное кажутъ мнѣ.
Или ужасныя и грозныя мечтанья
Обеспокоили младую мысль во снѣ?
Или враги въ ночномъ призракѣ побѣдили?
Никакъ представилось паденіе сихъ стѣнъ?
Что Крымски городы и сéла пусты были,
Что Царь и домъ его былъ взятъ въ поносной плѣнъ?

Тамира.

Ахъ естьлибъ то былъ сонъ, тобъ съ мракомъ разрушился!
Однако бы и сонъ такой меня плѣнилъ!

Клеона.

Или твой нѣжной духъ любовью уязвился?
Но ктоже бы тебя въ любовь нынь уловилъ?
Скажи, Царевна, мнѣ; или тому быть можно,
Чтобъ тайны мнѣ твоей не должно было знать?

Та́ми́ра.

Что хочешъ слышать ты, то странно и безбожно,
Нигдѣ не слыхано и у́жасно сказать!

Клеона.

Для сихъ ослабшихъ рукъ, которыми носила
Тебя въ младенчествѣ, смущенье отложи,
И вспомнивъ какъ тебѣ я искренне служила,
Необинуясь мнѣ тоску свою скажи.
Чемъ долѣе она въ закрытіи таится,
Тѣмъ духъ терзается сильнѣе отъ нея;
Но естьли объявишь, то можетъ утолиться,
Иль быть умѣренна пото́мъ печаль твоя.

Тамира.

Любезная моя и вѣрная Клеона,
Коль тяжко мучусь я?

Клеона.

О небо!

Тамира.

Ахъ Селимъ!
Противница отцу, преступница закона!
Врагомъ отечества, и можетъ быть, своимъ. . . .

Клеона.

О Боже мой! никакъ ты тайно согласилась
И хочешъ для любви отечество предать!

Тамира.

То небо отврати! довольно что прельстилась;
Преступно и любви противничей желать.
Я бодрость и лице, Клеона, представляя,

Горю, и пламень мой гашенїемъ растетъ.
Не знаю что начать! скажи мнѣ, дорогая,
Что дѣлать мнѣ теперь, когда онъ прочь идетъ?
Ужѐ всѣ мысли съ нимъ на берегъ обратились;
Я съ нимъ, я съ нимъ среди морскихъ валовъ плыву,
И го́ры крымскїя отъ насъ изъ виду скрылись.
Какой объемлетъ хладъ и мракъ мою̀ главу!
Уѣдетъ о моей любови неизвѣстенъ,
И слезъ моихъ себѣ не будетъ представлять!
За тѣмъ ли ты, Селимъ, казался мнѣ прелестенъ,
Чтобъ вѣчно по тебѣ безъ пользы воздыхать?

Клеона.

Царевна, ты тоску напрасно умножаешь.
Послѣдуй моему совѣту и забудь
Пусты мечтанїя, чемъ мысль отягощаешь,
И кровь кипящую къ спокойствїю принудь.
Селимъ, я слышала, о нѣжности не знаетъ,
Онъ въ полѣ только жить и на стану привыкъ,
За полное свое блаженство почитаетъ,
Когда оружной трескъ и въ войскѣ слышитъ крикъ,
Какъ стѣны падаютъ и городы дымятся,
Когда мечи блестятъ, течетъ по копьямъ кровь.
Ты сердцу дай покой и полно сокрушаться:
Не могутъ вмѣстѣ быть свирѣпство и любовь.

Тамира.

За нимъ бы слѣдовать ни го́ры мнѣ высоки,
Ни конскимъ топотомъ смущенный въ полѣ прахъ,
Ни ко́пья ни мечи, нижѐ кровавы токи,
Нижѐ какой иной не возбранилъ бы страхъ.
Любовїю горятъ нерѣдко и Герои;
Отъ ней избавиться не можно никому.

Кому любезнѣе сраженія и бои
И жить всегда въ шатрахъ, какъ брату моему?
Однако нынѣ онъ послѣдуя Мамаю,
Хотя въ Россійской край пошолъ вооруженъ;
Но мысли всѣ свои, Клеона, вѣрно знаю
Всѣ мысли клонитъ къ той, которой уязвленъ.
Возлюбленный мой братъ! когдабъ ты здѣсь былъ нынѣ,
То ябъ въ отчаяньи толикомъ не была;
Ты здѣлалъ бы конецъ жестокой сей судьбинѣ,
Илибъ не допустилъ сего въ началѣ зла.
Ты далъ бы способъ мнѣ увидѣться съ Селимомъ;
Или бы къ симъ ево не допустилъ стѣнамъ;
И я бы не была въ мученьи нестерпимомъ,
Не показавъ такой пріятности очамъ.
Теперь послушенъ ты неистовому звѣрю,
Въ которомъ варварство и гордость мнѣ гнусна,
Кичливому ни въ чемъ Мамаю я не вѣрю,
Ему вселенная къ владѣнію тѣсна.
Подумавъ о своемъ возлюбленномъ Нарсимѣ,
Боюсь, чтобъ не постигъ такой его конецъ,
Что плачь бы произвелъ и нестроенье въ Крымѣ.

Клеона.

Царевна, вотъ идетъ дражайшій твой отецъ.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МУМЕТЪ, ТАМИРА И КЛЕОНА.

Муметъ.

Прошла военная гроза и неустройство,
Желанной миръ насталъ, возлюбленная дочь,

И утверждается надежное спокойство:
Въ союзъ со мной вступивъ, Селимъ отходитъ прочь.
Поставленный сей миръ мнѣ больше тѣмъ прїятенъ,
Что выгоды онъ мнѣ нечаянны принесъ.
Съ начáла случай сей едва мнѣ былъ понятенъ,
Что радость намъ пришла внезапно вмѣсто слезъ.
Однако нынѣ я причину вижу ясно,
За чемъ спѣшитъ въ союзъ со мной вступить Селимъ;
Ему прибытїе Нарсимово ужасно,
Что скоро съ воинствомъ назадъ придетъ моимъ.
Къ Селиму какъ ко мнѣ, конечно уповаю,
Пришла, мнѣ радостна, ему печальна вѣсть,
Что Росская страна подверглась вся Мамаю,
И сынъ мой поспѣшитъ полкѝ сюда привесть.
Сего дня лишь зоря намъ свѣтъ предвозвѣстила,
Съ поспѣшностью гонецъ прибѣгъ съ Донскихъ полей,
И вѣсть принесъ, что вся Ордынска къ бою сила
Противу Россовъ шла, и Россы противъ ней.
Но Ольгъ Резанскїй Князь, и Князь Олгердъ Литовскїй
Свои къ Мамаевымъ поставили полкѝ,
И съ малымъ воинствомъ Димитрїй Князь Московскїй
Противу стать дерзнулъ, оставшись близъ рѣкѝ.
Какъ буря шумная поднявшись пóслѣ зною,
Съ свирѣпой яростью въ зажженный дуетъ лѣсъ,
Дымъ, пепелъ, пламень, жаръ восхитивъ за собою,
И въ вихрь крутой завивъ, возноситъ до небесъ,
И нивы на поляхъ окрестныхъ поядаетъ,
И сéла и кругъ нихъ растущїе плоды;
Надежды селянинъ лишившись оставляетъ
Ревущему огню вселѣтные труды.
Подобно такъ Мамай единымъ вдругъ ударомъ
Противъ Димитрїя Ордамъ летѣть велѣлъ,
И въ мужествѣ стремясь на полкъ противный яромъ,
Скакалъ съ мечемъ своимъ чрезъ блѣдны кучи тѣлъ.

Россiйскiя въ крови повержены знамена,
И Князь Московскiй былъ отвсюду окруженъ,
И сила войскъ его слабѣла утѣсненна:
Сомнѣнья нѣтъ, что онъ Мамаемъ побѣжденъ.

Тамира.

Мнѣ равно какъ тебѣ, родитель мой, прiятно,
Что радостная вѣсть пришла въ спасенный градъ;
Однако будетъ мнѣ утѣшнѣе стократно,
Когда прiѣдетъ здравъ возлюбленный мой братъ.
Ахъ небо помоги желаннаго достигнуть,
И поспѣши къ концу намѣренiй моихъ!

Муметъ.

Я къ большей радости могу тебя подвигнуть,
Возлюбленная дочь: Мамай тебѣ женихъ.

Тамира.

Мамай! о Боже мой!

Муметъ.

Востока обладатель
И побѣдитель всѣхъ полночныхъ нынѣ странъ,
Союзникъ искренней и вѣрной мнѣ прiятель
Судьбой и мной тебѣ въ супружество избранъ.
Имѣя многiе подъ областью народы,
Тамира, будетъ онъ тобою жить плѣненъ,
И станетъ оной плѣнъ дороже чтить свободы,
Хотя ему востокъ и сѣверъ покоренъ.
Возлюбленная дочь, что очи потупляешъ?

Я стыдъ дѣвической въ тебѣ весьма хвалю:
И что вздыхаючи ты брата ожидаешъ,
Природную къ нему любовь твою люблю;
Однако нынѣ ты похвальную стыдливость
И мысли смутныя о братѣ отложи,
И на отеческу смотря нетерпѣливость,
Согласна ли ты мнѣ, немедлѣнно скажи.

Тамира.

Что я съ младенчества родительскую волю
Привыкла исполнять, довольно знаешъ самъ;
Своею почитать не отрицаюсь долю,
Которую мнѣ дать угодно небесамъ.
Однако рассуди мои младыя лѣта,
И въ возрастъ мнѣ притти въ дому твоемъ позволь.
Я буду почитать, что я живу внѣ свѣта.
Какъ есть ли безъ тебя я буду жить средь поль!
И какъ подумать мнѣ, что я мила Мамаю?
И какъ могу сказать, что бы онъ мнѣ былъ милъ,
Когда лица ево и нравовъ я не знаю?
И какъ ево мой взоръ заочно бы плѣнилъ?

Муметъ.

Оставь о семъ ты мнѣ, Тамира, попеченье,
И вѣрь, что будетъ толь межъ васъ крѣпка любовь,
Что лишь твое со мной минуетъ разлученье,
То будетъ къ одному кипѣть Мамаю кровь.
Ты долженствуешъ мой въ востокѣ родъ восставить
И дружбу чрезъ родство съ Мамаемъ утвердить,
Умножить нашу мочь, и съ нимъ себя прославить;
Мнѣ польза, честь тебѣ велитъ ево любить.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

Тамира.

Война и миръ противъ моей любви воюетъ!
Противилась моимъ желанїямъ война;
Но нынь, Клеона, миръ свирѣпѣе враждуетъ;
Меня сильняе бурь колеблетъ тишина!
Сугубымъ бременемъ за что отягощаюсь?
Въ супружество даютъ тому, кто мнѣ постылъ!
Довольноль что того, кого люблю, лишаюсь?
О небо, не нашли мнѣ казни выше силъ!
Когдабъ еще война понынѣ продолжалась,
То мучилъ бы меня одинъ лишь только страхъ,
Мнѣ лутче, естьлибъ я Селиму въ плѣнъ досталась
Какъ славно царствовать въ Мамаевыхъ странахъ.
Ахъ естьлибъ было то, и я бы вѣрно знала,
Что равнымъ пламенемъ Селимъ ко мнѣ горитъ;
То слезъ потокъ проливъ, отцу бы все сказала,
Что духъ мой и языкъ съ тобою говоритъ.
Онъ видя искренность, на плачь бы преклонился,
И нашу можетъ быть любовь бы утвердилъ.
Илибъ и мой животъ съ надеждой прекратился,
Въ спокойствѣ, что ужѐ Селимъ меня любилъ.
Но нынѣ ненависть въ одну страну склоняетъ,
Въ другу отчаянье нещастную влечетъ.
Какъ на морѣ корабль, то буря похищаетъ,
То водъ стремленїе противъ нея несетъ;
Такъ я противными страстями вдругъ борима,

Нечая одолѣть, должна противъ стоять.
Отчаявшись имѣть въ супружествѣ Селима,
Отчаявшись любить Мамая, что начать.

Клеона.

Ахъ лутче то избрать, что подлинно извѣстно,
Какъ онаго желать, чему не можно быть.
Хотя Селимово лице тебѣ прелестно;
Но праву слѣдуя, старайся позабыть.

Тамира.

Довольно бы того, что права и законы
Во обузданіи любовну страсть крѣпятъ;
Довольно отъ стыда любовникамъ препоны,
Когда взаимной жаръ другъ въ другѣ знать хотятъ.
Но развращенной вѣкъ насильства умножаетъ;
Отеческа гроза, богатство, родъ и честь
Коль многихъ въ вѣчное нещастье погружаетъ,
Любви желающихъ достатки предпочесть.
Какая польза въ томъ, что златомъ испещренный
И каменьемъ драгимъ въ глазахъ блеститъ чертогъ,
Когда мой будетъ духъ отъ оныхъ отвращенный
Къ тому всегда вперенъ, чего имѣть не могъ.
Дабы на мало лѣтъ восстановить союзы,
Родители даютъ свою залогомъ кровь,
На дѣтскія сердца̀ кладутъ несносны узы:
Въ какой неволѣ ты, дражайшая любовь!
Я вамъ завидую, которы отдаленно
Отъ гордыхъ сихъ палатъ живете въ тишинѣ:
У васъ веселїе равно и непремѣнно,
И прямо щастливы лишь только вы однѣ,
У васъ вольна отъ узъ живетъ любовь святая;

У васъ не для отцовъ, но любятъ для себя,
Союзовъ никакихъ ни выгодъ несчитая,
Но склонность лишь своихъ сердецъ употребя.
Коль щастлива былабъ, коль щастлива Тамира!
Когдабъ съ ней былъ Селимъ въ одномъ лугу пастухъ:
Не злато, не вѣнцы, не Царская порфира,
Но вѣрнаябъ любовь соединила двухъ.

Клеона.

Одно тебѣ еще прибѣжище осталось.
Ты дядѣ мысль сїю, Царевна объяви;
Спѣши, пойдемъ пока со всѣмъ не основалось
Супружество твоей противное любви.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВЇЯ.

* * *

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СЕЛИМЪ и НАДИРЪ.

Надиръ.

Мнѣ радостенъ сей миръ; но на тебя взирая,
Сугубо чувствую веселїе въ себѣ.
Таковъ его былъ взоръ и бодрость въ немъ такая,
И именемъ и всѣмъ подобенъ былъ тебѣ
Селимъ, котораго любовь и добродѣтель
Къ Нарсиму и ко мнѣ коль искренна была,
Тому прекрасный брегъ Геонскихъ водъ свидѣтель.

Селимъ.

Сѣдины вижу тѣ. и тѣ черты чела!
Теперь мнѣ небеса надежду укрѣпляютъ!
Возлюбленный Надиръ, тебя здѣсь вижу я,
Котораго понынь мѣста̀ воспоминаютъ,
Гдѣ праведна еще цвѣтетъ хвала твоя,
Хотя и никому твой Царской родъ незнаемъ,
Которой и друзьямъ твоимъ былъ потаенъ?
Но гдѣ твой сынъ, мой другъ?

Надиръ.

На брань пошолъ съ Мамаемъ.
Однако онъ Царемъ не мной на свѣтъ рожденъ.
Родившись отъ одной съ Муметомъ я утробы,
Нарсима сыномъ звалъ, онъ звалъ меня отцомъ;
И не хотя, какъ ты открыть своей особы
Высочество таилъ въ названїи простомъ.

Селимъ.

О щедрая судьба! Нарсимъ! онъ братъ Тамирѣ!
Прїятель искренней! когда бы здѣсь онъ былъ,
То можетъ быть при семъ возобновленномъ мирѣ
Въ желанїи моемъ мнѣ промыслъ споспѣшилъ.

Надиръ.

Его обратно Царь всечасно ожидаетъ.

Селимъ.

Однако и твоя поможетъ мнѣ прїязнь.
Позволь мнѣ объявить, чего мой духъ желаетъ;
Узнаешь нынѣшнихъ отъ прежнихъ мыслей разнь.

Тебѣ всѣ склонности и жизнь моя извѣстна,
Какъ былъ я въ Индіи съ Нарсимомъ и съ тобой;
Бывалаль красота очамъ моимъ прелестна?
Бывалъ ли нарушенъ любовью мой покой?
Всегда исполненъ тѣмъ, что мудрые *) Брамины
Съ младенчества въ моей оставили крови,
Напасти презирать, безъ страху ждать кончины,
Имѣть недвижимъ духъ и бѣгать отъ любви;
Я больше какъ рабовъ имѣлъ себя во власти,
Мой нравъ былъ завсегда уму порабощенъ,
Преодолѣнны я имѣлъ подъ игомъ страсти,
И мраку ихъ не зналъ наукой просвѣщенъ.
Другихъ волненія смотрѣлъ всегда со брегу.
Но нынь подъ общей я подверженъ сталъ законъ
И мыслей быстраго здержать несиленъ бѣгу,
Я имъ послѣдую и отдаюсь въ полонъ.
Не ради слабыхъ силъ оставилъ я осаду
Любовь исторгнула изъ рукъ военныхъ мечь;
Тамира не полкѝ была защита граду,
Она мнѣ шлемъ съ главы, броню сложила съ плечь.

Надиръ.

Что слышу я? и какъ?

Селимъ.

Сквозь самы тверды стѣ́ны,
Межъ копей межъ щитовъ любви свободенъ путь.
Я въ перемирны дни на градъ сей утѣсненный,
Приближившись ко рву едва успѣлъ взглянуть,
Прекрасны очи грудь пронзили изъ бойницы.
Смущенъ и изумленъ спросилъ, какъ ѣхалъ прочь:
Мнѣ плѣнникъ объявилъ, что смотрятъ тутъ дѣвицы,

*) Индѣйскіе философы.

И что Муметова въ срединѣ оныхъ дочь.
Съ того часа война въ крови моей восстала;
Я вамъ спокойство давъ, съ собою брань имѣлъ:
Любовь поставить миръ, честь къ бою побуждала.
Вчера любовну страсть мой разумъ одолѣлъ.
Я въ руки принялъ мечь; но сердце вопїяло:
Селимъ, на толи ты дерзаешь устремленъ,
Чтобъ око нѣжное на кровь гражданъ взирало,
Которое меня въ прїятной взяло плѣнъ,
И чтобъ въ слезахъ лице Тамирино прекрасно
Отъ падающихъ стѣнъ покрылъ згущенный прахъ.
Я симъ движенїямъ противился напрасно,
И удержать не могъ оружїя въ рукахъ.
Дражайшїй мой Надиръ, познавъ причину мира,
И дружбу вспомянувъ потщись мнѣ пособить.
Царю напомяни, что можетъ лишъ Тамира
Трїумфъ мой и сихъ стѣнъ мнѣ цѣлость заплатить.

Надиръ.

Твои заслуги мзды толикїя достойны,
Достойны качества, и славный Царскїй родъ:
Ты мысли между тѣмъ имѣй, Селимъ, спокойны,
Когда твой объявлю Царю сюда приходъ.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА, СЕЛИМЪ и КЛЕОНА.

Тамира.

Отраду можетъ быть въ моей печали крайной
Второй мнѣ дастъ отецъ. . . . кого я вижу здѣсь?
Клеона, ахъ! куда?

Клеона.

О случай невзначайной!

Селимъ.

О радостной восторгъ! я цѣпенѣю весь!
Драгая, не мяти́сь симъ взоромъ необычнымъ,
Но слуху своего гласъ слезный удостой,
И красотѣ твоей воззрѣнїемъ приличнымъ
Трепещущую кровь и сердце успокой.
Хотя учтивость мнѣ и скромность возбраняетъ
Продерзостную мысль нечаянно открыть;
Но время краткое отнюдъ не позволяетъ
И сердце не даетъ движенїя таить.

Становится на колѣна.

Ты видишь предъ собой, прекрасная Царевна,
Тобой плѣненнаго презрителя любви;
Тобой мнѣ будетъ жизнь блаженна, иль плачевна.
Коль хочешь оживи, коль хочешъ умертви.

Тамира.

Какимъ смущаюсь я внезапно разговоромъ!
Тебя, Селимъ, тебя могу я умертвить?
Коль странна рѣчь!

Поднимаетъ его.

Селимъ.

Твоимъ пронзенно сердце взоромъ
Бунтующей душѣ велитъ твоею быть.
Вотще противъ тебя противъ себя воюю:
У стѣнъ, въ полка́хъ, въ поляхъ твою срѣтаю тѣнь,
И въ трубный шумъ твое я въ мысли имя чую,
Тебя мнѣ мракъ ночной и ясность кажетъ въ день.
Прїятностей твоихъ вездѣ мнѣ блескъ сїяетъ;

Тобой исполненъ я и въ явѣ и во снѣ.
Недвижимый мой духъ и крѣпость оставляетъ,
Я больше ужъ себя не нахожу во мнѣ.
На горькое смотря, дражайшая, мученье,
Повѣрь, что мой животъ въ любезной сей рукѣ.

Тамира.

Какое дать могу тебѣ я облегченье,
Въ лютѣйшей будучи погружена тоскѣ?

Селимъ.

Дражайшая, какой свирѣпости возможно
Тебѣ малѣйшую противность учинить?
Какое сердце есть на свѣтѣ толь безбожно,
Которое тебя дерзаетъ оскорбить?
Тебя, предъ коею жаръ бранный погасаетъ
И падаютъ изъ рукъ и ко́пья и щиты,
Геройскихъ мыслей бѣгъ насильный утихаетъ
Уде́ржанъ силою толикой красоты!
Но естьли ты меня, драгая, удостоишь
Причину твоего смущенїя узнать;
То свой ты черезъ то и мой духъ успокоишь:
Во всемъ любовь моя возможетъ помощь дать.
На все любовь моя готова устремиться,
Готова всѣ бѣды и смерть въ ничто вмѣнить;
Лишь толькобы твоей отрадой веселиться,
И чтобъ любовь твою взаимно заслужить.

Тамира.

Ахъ тщетны всѣ слова̀! напрасны обѣщанья!
Гонимой отъ своихъ поможетъ ли чужой?
Однѣ остались мнѣ со плачемъ воздыханья:

Не множь ихъ, и себя отъ глазъ моихъ укрой.
Меня судьба зоветъ и должность понуждаетъ
Оставить здѣшнїй градъ и въ дальный край спѣшить,
Престань того желать, что небо запрещаетъ,
Такъ промыслъ положилъ, и нельзя премѣнить.

Селимъ.

Поспѣшно твоему отшествїю иль косно,
Чрезъ море должно быть, или пространствомъ поль;
То, ежели тебѣ мое присудство сносно,
Дражайшая, себѣ послѣдовать позволь.
И удостой меня взирать слезящимъ окомъ
На знаки нѣжные возлюбленныхъ слѣдовъ.
Но ежель недано тебѣ предѣла рокомъ
Гдѣ должно странствовать, оставя домъ отцовъ;
Послѣдуй мнѣ въ луга Багдатскїе прекрасны,
Гдѣ въ срѣтенье тебѣ Евфратъ прольетъ себя,
Гдѣ вешнїе всегда господствуютъ дни ясны,
Прїятность воздуха достойная тебя.
Царицу воспрїять великую стекаясь,
Богинею почтитъ чудящїйся народъ,
И красотѣ твоей родитель удивляясь,
Превыше всѣхъ торжествъ поставитъ твой приходъ.

Тамира.

Хотя такихъ, Селимъ, даровъ не презираю;
Но выше въ нихъ твоимъ достоинствомъ цѣна.
Ахъ что прельщаюсь тѣмъ, чья быть не уповаю?
Какъ сердце я отдамъ, въ которомъ невольна?
Велика держитъ внутрь мой робной голосъ сила;
Но большая тоя отъ сéрдца гонитъ вонъ!
Когда противъ твоей я воли возлюбила,
О небо! то скончай ударомъ громнымъ стонъ!

Ужъ долѣе таить мой духъ не позволяетъ,
И толь великихъ бурь не можетъ грудь вмѣстить.
Селимъ, любовь моя равно къ тебѣ пылаетъ,
Которую судьба стремится погасить.
Отеческая власть желанїямъ противна
Иному отдаетъ тобою полну грудь,
И съ коимъ жизнь моя была бы неразрывна,
Едва я на того дерзаю и взглянуть.

Селимъ.

О радостныя вдругъ минуты и плачевны!
Я вознесенъ до звѣздъ и въ бездну погруженъ!
На что соединилъ сердцà, о промыслъ гнѣвный,
Когда союзъ ихъ въ вѣкъ тобой не утвержденъ?
Но нынѣ о твоей любови я увѣренъ,
Дражайшая, противъ судьбы вооружусь.
Мой духъ такъ напряженъ, коль пламень мой безмѣренъ;
Умру, или съ тобой въ трїумфѣ возвращусь.

Тамира.

Я сердце ужъ тебѣ, любезный, поручаю,
И вѣрность данную пребуду вѣкъ храня.
Къ неистовому я не преклонюсь Мамаю.
Пусть весь свѣтъ побѣдитъ, не побѣдитъ меня.

* * *

ЯВЛЕНIЕ ТРЕТIЕ.

Селимъ одинъ.

Мамай! Тираннъ во плѣнъ толику добродѣтель,
Чудовище влечетъ толику красоту?
О солнце, ты сего возможешь быть свидѣтель,
И свѣта не лишишь такую срамоту!

Я коль великимъ то и славнымъ почитаю
Чтобъ вѣкъ Тамириной любовію горѣть;
Толь напротивъ того позорно быть вмѣняю
Такого Ва́рвара соперникомъ имѣть.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МУМЕТЪ, СЕЛИМЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ

Селимъ.

Спокойствомъ пользуясь я нынѣ безопаснымъ,
Тебя пришолъ почтить и видѣть, Государь,
И договоромъ миръ возобновить согласнымъ,
Къ чему мнѣ далъ всю власть меня родившій Царь.
По волѣ я его Таврійскую вершину
Прешелъ и воинствомъ наполнилъ корабли,
Отъ страху свободилъ Евксинскую пучину,
Что ваши подданны разбоемъ навели.
Отмстивъ купечества грабежъ, я миръ далъ граду,
Имѣя громъ въ рукѣ, ударить не хотѣлъ:
За домъ, за Крымъ, за жизнь желанну дай награду,
Которой я свою побѣду предпочелъ.

Муметъ.

Причину твой отецъ имѣлъ вооружиться,
Какую завсегда къ войнѣ легко сыскать.
Котора можетъ власть на свѣтѣ похвалиться,
Чтобъ такъ всѣхъ подданныхъ могла она держать,
Какъ мирны требуютъ отъ оныхъ договоры,
И многибъ тысящи имѣли мысль одну?

И кто угодитъ тѣмъ, что будтобъ рушитъ ссоры,
Наносятъ для хвалы неправедну войну?
Хоть наша жизнь кратка, и оныя прибавить
Чрезъ храбрыя дѣла̀ Героямъ долгъ велитъ;
Но мѣру праведну желанїямъ поставить,
Въ томъ больше похвала чрезъ цѣлой свѣтъ гремитъ.
Тебѣ довольно быть, Селимъ, я уповаю,
Когда повиннымъ казнь достойну наложу.

Селимъ.

Спокойство утвердивъ, я больше не желаю,
Но токмо дружество взаимно предложу.
На свѣтлое лице взирая восхищаюсь,
Что въ ономъ начертанъ любезный мой Нарсимъ,
И та, которою пылаю и терзаюсь,
Плѣняетъ красота воззрѣнїемъ твоимъ.
Союза нашего залогъ и совершенство
И вѣчная печать быть можетъ дочь твоя.
Тамира дастъ одна и сохранитъ блаженство,
Котораго во вѣкъ лишуся безъ нея.
Какъ естьли данный миръ землѝ твоей полезенъ,
За тое надлежитъ воздать моей любви.
И буде, Государь, твой сынъ тебѣ любезенъ,
То друга ты его себѣ усынови.

Муметъ.

Что сынъ мой другъ тебѣ, то мнѣ весьма прїятно.
Онъ такъ же какъ и я за щастїе почтетъ,
Что въ городъ сей пришедъ съ побѣдою обратно,
Тебя союзникомъ, а не врагомъ найдетъ.
При немъ намъ небеса помогутъ все устроить,
Его къ отрадѣ я по вся минуты жду.

Селимъ.

Надѣясь чрезъ него я сердце успокоить,
На Понтски берега̀ съ веселїемъ пойду,
И прежде дружнего потщусь сюда приходу
Все воинство свое на корабли вмѣстить.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

Муметъ.

Взирая на любовь, особу и породу,
Не въ силѣ мыслей я своихъ соединить.
Примѣтивъ ненависть Нарсимову къ Мамаю,
Союзъ къ супружеству съ Тамирою таилъ.
Но нынѣ бо̀льшїя препятствїя срѣтаю:
Нарсимъ Селиму другъ, а ей Мамай постылъ.
Не должно царское Царю быть слово ложно;
Но какъ я кровь свою тиранствовать могу?

Заисанъ.

Того ужъ, Государь, перемѣнить не можно:
Кто другомъ былъ, тому открыто все врагу.
Когда кто сильному, что долженъ, отрицаетъ,
Тотъ будетъ принужденъ, что и не долженъ, дать.
И долгъ къ отечеству Царямъ повелѣваетъ
Блаженство онаго родству предпочитать.
Помысли, Государь, коль будетъ дерзновенно
Вооруженнаго Мамая раздражить;
И коль полезно вамъ, похвально, несравненно
Владѣнїе такимъ союзомъ укрѣпить.

Надиръ.

Что мѣру превзошло, стои́тъ надъ стремнинòю;
Чтобъ гордости примѣръ паденьемъ звучнымъ дать.
Безумна власть падетъ своею тяготою;
Что срамно прїобрѣсть, срамнѣе потерять.
Видалъ я быстрыя ужѐ иссохши рѣ́ки,
Засыпанны пескомъ, что рвали съ береговъ.
Такъ царства, что цвѣли во славѣ многи вѣки,
Упали тягостью поверженныхъ враговъ.
Нарочно Богъ во тмѣ грядущее скрываетъ,
Чтобъ смертныхъ гордые совѣты разорить.
Мамай поля̀ своѝ людьми опустошаетъ,
Дабы ихъ трупами Россїйскїй край покрыть.
Насильна власть стоять не можетъ долговѣчно.
Кто гонитъ одного, тотъ всякому грозитъ.
Россїю варварство его бесчеловѣчно
Изъ многихъ областей въ одну совокупитъ.
На плачь, на шумъ, на дымъ со всѣхъ сторонъ стекутся;
Рассыпанныхъ враждой зберетъ послѣднїй страхъ.
Какою силою въ единствѣ облекутся,
Владимиръ намъ примѣръ и храбрый Мономахъ.
Сей вредные своей землѝ отмстивъ набѣги,
Лавровымъ верьхъ вѣнцемъ и Царскимъ увѣнчалъ,
А оный здѣшнїе покрывъ полка́ми бреги,
Супругу въ сихъ стѣнахъ и вѣру воспрїялъ.

Заисанъ.

Мамаю слѣдуетъ вездѣ съ побѣдой слава;
Онъ съ нею къ намъ спѣшитъ Россїей овладѣвъ.
Великостїю силъ военны мѣрятъ права
Великїе Цари и областїю гнѣвъ.

Надиръ.

Великодушный левъ жаръ тотчасъ утоляетъ,
Коль скоро видитъ онъ, что врагъ его лежитъ;
Но хищной волкъ пота противника терзаетъ,
Пока послѣдняя въ немъ кровь еще кипитъ.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ВѢСТНИКЪ и ПРЕЖНІЕ.

Вѣстникъ.

Съ придонскихъ, Государь, полей я отъ Нарсима
Къ тебѣ пріятную несу поспѣшно вѣсть,
Что къ радости твоей и къ утѣшенью Крыма
Велику заслужилъ онъ храбростію честь.
Побитыхъ кровію Непрядвы токъ згустился,
И грабятъ Росской станъ Херсонскїе полкѝ,
И ранами покрытъ отъ бою уклонился
Димитрїй бѣгая Нарсимовой рукѝ.
Одно нещастїе Мамая сокрушаетъ,
Что сильный Челубѣй пронзенъ въ крови лежитъ,
Лежитъ и поля часть велику покрываетъ!
Но намъ послѣдуя побѣда ужъ гремитъ.
Оставшимъ Россамъ путь пресѣченъ къ бѣгу Дономъ,
Или въ бою падутъ или дадутся въ плѣнъ.
Мамаю малымъ толь людей своихъ урономъ
Пространный сѣверъ весь подъ область покоренъ.

Муметъ.

Мамаю небеса Тамиру поручаютъ,
И слово данное сама судьба крѣпитъ.

Хоть нравы разные съ Нарсимомъ раздѣляютъ;
Но обще щастье ихъ въ любовь соединитъ.
Ты вѣрный Заисанъ, и ты мой братъ любезный,
Подумавъ межъ собой, придите въ мой чертогъ,
Союзы утвердить и дать совѣтъ полезный,
Дабы доволенъ быть Селимъ отказомъ могъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОМУ ДѢЙСТВІЮ.

* * *

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мамай одинъ.

Еще великїй страхъ меня не оставляетъ!
Еще я слышу крикъ враговъ гонящихъ въ слѣдъ!
И блѣдныхъ лицъ меня мечтанїе смущаетъ!
Здѣсь съ паромъ кровь изъ мурзъ разсѣченныхъ течетъ.
Здѣсь тѣнь Нарсимова послѣдуя за мною,
Ужѐ въ глазахъ моихъ отмщенїемъ грозитъ!
Крѣпись, мой духъ, крѣпись, бѣду скрывай бѣдою,
И въ горести кажи на мнѣ Геройской видъ.
Отъ Россовъ побѣжденъ хотя я ужасаюсь
Въ отечествѣ свой стыдъ и слабость показать;
Но съ войскомъ погубивъ Нарсима утѣшаюсь,
Что не остался, ктобъ здѣсь могъ о томъ сказать.
Мамай ты будь себѣ и въ пагубѣ подобенъ,
Мумета ложною побѣдою увѣрь.
На дѣлѣ испытай коль къ умысламъ способенъ,
И ковъ составленной напастью нынѣ мѣрь.
Тамиру давъ въ жену, мнѣ дастъ Муметъ и войско.
Я орды по степямъ разсыпаны зберу;

Искусство покажу коварствомъ симъ Геройско,
Внезапно набѣжавъ, Москву въ ногахъ попру.
На плачь тамъ премѣню я торжество спокойно,
И покажу врагамъ каковъ мой гнѣвъ и власть.
Въ конецъ отчаяться Мамая недостойно;
Безумно всѣхъ путей неиспытавъ пропа́сть.

* *
*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

МАМАЙ, МУМЕТЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

Муметъ.

Какое щастïе мнѣ небо посылаетъ,
Великïй Государь, пришествïемъ твоимъ!
Нечаянной твой взоръ тѣмъ больше восхищаетъ,
Чемъ больше нуженъ онъ смятенïямъ моимъ.
Я радуюсь твоей побѣдѣ въ свѣтѣ звучной,
И скорому дивлюсь прïѣзду твоему.

Мамай.

Не можетъ торжества Мамай благополучной
Себѣ къ веселïю оставить одному;
Но хочетъ онаго имѣть и ту причастну,
Которую къ сему блаженству ты родилъ.
Имѣя всю страну Россïйскую подвластну,
Я радость сообщить изъ устъ своихъ спѣшилъ.
Сугубымъ торжествомъ украсить ускоряю,
И славою мой въѣздъ въ великую орду.
Но славнѣе я быть Тамирою желаю,
Какъ тѣмъ что Дмитрïя въ оковахъ приведу.

Ужѐ все воинство со плескомъ ожидаетъ
Съ прекрасною меня Царицею къ себѣ.

Муметъ.

Побѣда мужество Геройское вѣнчаетъ;
Любовь и дружество Тамиру дастъ тебѣ.
Нарсимъ помощникъ твой, въ семъ градѣ вожделѣнный
Украситъ брачный день, со славой возвратясь,
И храбрымъ воинствомъ Херсонскимъ окруженный....

Мамай.

Онъ нынѣ на поляхъ Россійскихъ веселясь,
Сокровища себѣ съ побитыхъ собираетъ,
Съ которыми тогда обратно придетъ въ домъ,
Какъ даннымъ отъ меня онъ краемъ завладаетъ,
Лугами тучными межъ Дономъ и Днѣпромъ.

Заисанъ.

О щастливой успѣхъ! о коль мѣста прекрасны!
Къ Надиру.
Не мнѣ ли въ честь конецъ пріяла наша пря?

Надиръ.

Но сердца моего съ симъ чувства несогласны!

Муметъ.

Достоенъ даръ таковъ великаго Царя!

Мамай.

Любезный Государь! Нарсима оставляя,
Я слышалъ въ радостныхъ изъ устъ его слезахъ,

Что въ сердцѣ ненависть искоренилась злая,
И общимъ щастїемъ вражды развѣянъ прахъ.
Прости, сказалъ онъ мнѣ; я нынѣ признаваюсь,
Что злобой я тебя не рассудя гнѣвилъ.
Я храбрости твоей и духу удивляюсь,
Чѣмъ ты Димитрїя и гнѣвъ свой побѣдилъ.
Геройства твоего я бывши самъ свидѣтель,
Завистниковъ твоихъ отвергнулъ клеветы.

Заисанъ.

Превыше зависти восходитъ добродѣтель,
И презираетъ ту спокойна съ высоты!

Мамай.

Услышавъ таково Нарсимово прїятство,
Немедля брачной я союзъ ему открылъ.
Онъ въ радости сказалъ: о коль любезно братство,
Въ которомъ промыслъ мнѣ съ Героемъ быть судилъ!
Благополученъ Крымъ, и щастлива Тамира,
Тобой возвышенны, прославленны тобой!
Но ты подобяся дыханїю зефира,
Поспѣшно въ Крымъ пришедъ Мумета успокой.
Скажи ему, коль мнѣ съ тобою быть полезно;
И будущей твоей Царицѣ объяви,
Что мнѣ толикое супружество любезно;
И о моей къ тебѣ увѣрь ее любви.
Величество свое и неисчетны орды
Тамирѣ покажи, со славой возвратясь;
И торжествуй, ступивъ врагамъ на выи горды,
Что будутъ ницъ лежать, предъ нею преклонясь.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТАМИРА, КЛЕОНА и ПРЕЖНІЕ.

Тамира.

Ужѐль возлюбленный Нарсимъ къ намъ возвратился?
Дражайшій мой отецъ!

Муметъ.

Ты видишь здѣсь его,
Предъ коимъ сѣверъ весь пространный преклонился;
Мамая почитай за сына моего.

Тамира.

О строги небеса!

Мамай.

Ты видишь братня друга,
Которой хочетъ вѣкъ къ тебѣ одной горѣть.

Муметъ.

Имѣешь жениха; а скоро и супруга
Въ немъ будешь отческимъ раченїемъ имѣть.

Къ Мамаю.

Любовь и я даю тебѣ рожденну мною,
Съ тобою царствовать и искренне любить.

Мамай.

Вторымъ я нынь отцемъ рожденъ на свѣтъ тобою,
Когда ты предпрїялъ меня усыновить.

Муметъ.

Къ Тамирѣ.

Нарсима и меня люби ты въ немъ единомъ
И царствуй щастливо въ обширной толь странѣ.
Блистая на землѝ пресвѣтлымъ Царскимъ чиномъ,
Ему послушна будь, какъ нынь послушна мнѣ.

Тамира.

Ты вóленъ, Государь! законы и природа
Велятъ тебѣ имѣть въ Тамирѣ полну власть.
Какъ спорить я могу? коль не дана свобода
По волѣ избирать пристойну въ жизни часть.
Но естьли смѣю я. . . .

Муметъ.

Младые не радѣютъ
О томъ, чрезъ чтобы имъ ко щастїю дотти:
За тѣмъ родители рожденными владѣютъ,
Дабы поставить ихъ на истинномъ пути.
Любовью будешь звать, что нынь зовешь грозою,
И станешь строгости моей благодарить.
Ты слѣдуй въ мой чертогъ, любезный братъ, за мною,
Дабы мнѣ скорой бракъ съ тобою расположить.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТАМИРА, МАМАЙ, ЗАИСАНЪ и КЛЕОНА.

Мамай.

Несносной горестью смятенный примѣчаю,
Что всуе таковымъ я пламенемъ горю!
Тамира, ненависть имѣешь ты къ Мамаю?

И смѣешь согрубить великому Царю?
Однако принужду свои къ спокойству мысли,
И младости твою противность припишу.
Царевна, истиннымъ своимъ блаженствомъ числи,
Что сердце я свое тебѣ въ даръ приношу.
Цари съ концевъ земныхъ сродства̀ со мной желаютъ;
И кажда красоту приноситъ мнѣ страна.
Коль многїя по мнѣ Царевны воздыхаютъ!
Ты можешь получить желанья всѣхъ одна.
Ты можешь получить великаго Героя,
Которой мужествомъ вселенну удивилъ,
Превысилъ славою Чингиса и Хозроя,
И прадѣда въ себѣ Батыя воскресилъ.
Представь мой славной родъ, и кто Мамаю дѣды,
Отъ коихъ онъ тебѣ къ супружеству рожденъ.
Россїя не мои, но ужъ твои побѣды,
Когда я красотой твоей самъ побѣжденъ.
Толикимъ Государь народамъ покореннымъ,
Не обинуюсь быть просителемъ твоимъ.
Я щастїе свое почелъ бы несравненнымъ,
Когда бы оное считала ты своимъ.

Тамира.

Когда ты многїе привелъ подъ власть народы,
То славы, Государь, толикой не теряй,
И слабый женскїй полъ лишивъ драгой свободы,
Великихъ дѣлъ своихъ чрезъ то не помрачай.

Мамай.

Тебя свободы я могу лишить, Тамира?
Котору возвести съ собой на тронъ спѣшу,
Поставить госпожой мнѣ подданнаго мира,
И будучи Царемъ, быть плѣнникомъ ищу?

Тамира.

Среди довольствїй всѣхъ, среди великой славы,
Сидя на Царскаго престола высотѣ,
Что пользы, естьли въ насъ различны будутъ нравы?
Я все равно почту послѣдней нищетѣ!
Какая польза въ томъ, что рокъ свой проклиная,
Не бракомъ буду бракъ, но плѣномъ называть;
И на оковы толь несносные взирая,
Тебѣ послѣдовать, а о иномъ вздыхать!

* * *

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МАМАЙ, КЛЕОНА, ЗАИСАНЪ.

Мамай.

Клеонѣ.

Что слышу я еще! любовница иному
Тамира можетъ быть, и мнѣ притомъ жена?
И кто Мамаева не устрашаясь грому,
Дерзнулъ взглянуть на ту, что мнѣ обручена?
Тебѣ всѣ склонности и нравъ ея извѣстенъ,
Ты можешь нынѣ честь и милость заслужить.
Скажи, скажи, кто есть Тамирѣ толь прелестенъ,
Кого бы мнѣ она хотѣла предпочтить?
Когда открытїемъ смущенїе прогонишь,
Дабы соперника узнать и отвратить;
Когда Таміринъ духъ ко мнѣ въ любовь преклонишь,
Какую мзду за то ты можешь получить!
Ты знаешь власть мою и отческую волю:

Старайся обязать великихъ двухъ Царей.
Я Царску честь тебѣ давать своимъ позволю,
И матери равно тебя почту своей.

Клеона.

Я знаю, Государь, коль власть твоя велика,
И коль должна Царю послушна быть раба!
Но помощи пода́ть не можетъ мзда толика,
Когда имѣетъ брань съ любовїю судьба.
Не можетъ воинство съ концемъ всея вселенны
Противу твоего стать гнѣвнаго лица;
Но силой покорять пристойно крѣпки стѣны,
А нѣжны ласкою дѣвически сердцѝ.
Чѣмъ больше ты къ любви Тамиру принуждаешь,
Тѣмъ больше будешь ей противенъ и постылъ.

Заисанъ.

Великому Царю толь дерско отвѣчаешь?

Мамай.

О какъ напрасно я къ ней щедръ и ласковъ былъ!
Оковы, му́ки, гладъ и вѣчная темница,
И смерть сама легка таку змѣю карать.

Клеона.

Тамирѣ былобъ то ужѐ живой гробница,
Селиму сердце давъ, Мамаю присягать.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

МАМАЙ и ЗАИСАНЪ.

Мамай.

Селимъ! и кто?

Заисанъ.

Селимъ! О щастливъ недостойно:
О общая печаль! о страсти слѣпота!
Селимъ, что не хотя въ Багдатѣ жить спокойно,
Разбоемъ утѣснялъ предъ градомъ симъ мѣста̀.
Но страхомъ силъ твоихъ смятенъ склонился къ миру,
И въ городъ сей вошедъ Мумету предлагалъ,
Дабы онъ далъ ему въ супружество Тамиру;
Однако Царь на то отвѣтъ несклонной далъ.
Къ Селимовой любви Царевна согласиться. . . .

Мамай.

И предпочесть меня разбойнику могла?
О горесть! о ударъ! о какъ мой духъ стремится!
Не можетъ больше быть на свѣтѣ мнѣ хула,
Какъ чтобъ соперникъ мнѣ Царевичь былъ Багдатской!
Хотя дерзнулъ сего онъ суетно искать,
Но можетъ возвратясь сказать въ странѣ Евфратской
Что онъ тогоже могъ, чего и я, желать.
Теряетъ цѣну всю, что ни было велико,
Какъ естьли тое онъ надѣется имѣть;

Ему хвала, а мнѣ презрѣнїе колико,
Что тѣмъ же пламенемъ со мною могъ горѣть!
Но ахъ что мышлю я, и что я здѣсь коснѣю?
Ужѐ похитилъ онъ, что должно быть мое!
Любезный Заисанъ, спѣши отмстить злодѣю;
Пойдемъ. . . . .

Заисанъ.

Смягчи теперь волненїе свое.
Ты будешь, Государь, имѣть свою невѣсту,
И приметъ за сїе достойну казнь Селимъ,
Какъ воины твои къ сему приспѣютъ мѣсту;
Онъ погубитъ себя желанїемъ своимъ.
Муметова себѣ отвѣта ожидая,
Умедлитъ здѣсь, пока ты въ силѣ будешь самъ
Его плѣнить, отъ насъ способства не желая,
Что ради мира нынь чинить не должно намъ.

Мамай.

Поѣхавшїе въ слѣдъ со мною разлучились
И скорости моей сравниться не могли.
Надѣюсь въ разныя доро́ги устремились,
И ѣздятъ по степямъ рассыпанны въ дали.
И естьли ускорятъ, не могутъ утомленны
Покоя не имѣвъ Селиму отомстить.
Но я продерзостью такою огорченный
Могуль минуту дать Селиму живу быть?
Сїя рука моя умывшись кровью мерской,
Воздастъ весь долгъ моей озлобленной любви.
Погибнетъ пусть злодѣй и сопостатъ продерской.
А ты любовь свою и ревность мнѣ яви,
Скажи, гдѣ онъ?

Заисанъ.

Храни особу ты высоку,
И рукъ не про́стирай. . . . . .

Мамай.

Доколѣ мнѣ страдать?
Спѣши со мной отмстить обиду толь жестоку,
Чтобъ мерску кровь его Тамирѣ показать!

* * *

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

Клеона.

Какою лютостью къ Селиму онъ пылаетъ!
Какой приходитъ къ намъ отъ словъ тиранскихъ слухъ!
Какой, драгая, жаръ въ очахъ твоихъ блистаетъ!
О какъ колеблется озлобленный твой духъ!
Мнѣ сердце движется и говоритъ всечасно,
Что скоро лютая постигнетъ насъ напасть!

Тамира.

Теперь мнѣ болѣе ничто ужъ не ужасно,
Ни варварска гроза, ни отческая власть!

Клеона.

Царевна на кого ты можешь положиться?
Кто может свободить отъ сильныхъ рукъ?

Тамира.

Любовь!
Поди и посмотри, куда Мамай стремится?
въ слѣдъ Клеонѣ
На всѣ напасти жизнь нещастную готовь.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Тамира одна.

Бѣги отсель, бѣги, Тамира и спасайся,
Пока тиранскихъ ты не чувствуешь оковъ,
Бѣги насильныхъ рукъ, на градъ не озирайся:
Селимъ принять тебя на корабли готовъ.
Онъ съ берегу очей минуты не спускаетъ,
И плаватели всѣ направилися въ путь;
И небо искренней любови поспѣшаетъ:
Ужѐ намъ и борей способной нáчалъ дуть.
Въ одномъ Селимѣ я надежду всю имѣю,
Когда слезами я отца не умягчу.
Но въ страхѣ трепещу, смущаюсь, цѣпенѣю!
Ахъ! что продерская, ахъ что начать хочу?
Уйду, отечество, родителя оставивъ,
И брата и сей домъ и стыдъ свой позабывъ,
И царской родъ во всей вселенной обесславивъ,
И кровнаго родства законы преступивъ?
Но каждо мѣсто мнѣ отечество съ Селимомъ;

Селимъ мнѣ будетъ братъ, отецъ и все родство.
Оставить всѣхъ и быть въ житьи нераздѣлимомъ
Съ супругами велитъ законъ и естество.
Супружествомъ назвать неистовство дерзаешь,
И налагать страстямъ закона имена?
Нещастная, кому себя ты поручаешь?
Или тебѣ въ любви невѣрность нестрашна?
Представь себѣ, представь прельщенную Медею,
Оставльшую отца и честь на семъ брегу!
Я мѣсто тожъ и страсть подобную имѣю:
Или я лутчїя ждать вѣрности могу?
Несноснѣе бѣды мнѣ можетъ быть защита,
Какъ естьли мнѣ Селимъ другую предпочтитъ.
И на чужой странѣ кѣмъ буду я покрыта?
Отцу и брату гнѣвъ и дальность возбранитъ.
Отъ року бѣгая, на явной рокъ дерзаю.
Мнѣ пагубой земля, вода грозитъ бѣдой.
Непостоянное я море представляю,
И бури хищныя ревутъ передо мной.
Тамира въ бѣдствїе сугубо не вдавайся,
Блюдись сугубой ты невѣрности, блюдись.
Однако укрѣпись, мой духъ, и не смущайся,
На слово данное Селимомъ положись.
Не тотъ въ немъ блещетъ духъ, не та его порода,
Съ любовїю кипитъ Геройская въ немъ кровь.
И коя устрашитъ при немъ меня погода?
Не движется въ волнахъ нелестная любовь.
Спѣши, спѣши отъ мѣстъ Мамаемъ зараженныхъ,
Спѣши за Понтъ, за Тигръ, за Нилъ, за Океанъ.
И какъ ужъ будешъ ты въ странахъ толь удаленныхъ,
И тамъ покажется, что близко сей тиранъ!
О промыслъ! о судьба! слезами умягчитесь!
О небо! о земля! о вѣтры! о моря̀!
На жалость на тоску, на вопль мой преклонитесь,

Покройте отъ рукѝ свирѣпаго Царя.
А вы мѣстà, гдѣ мы любовїю плѣнились,
Затмитесь, чтобъ отцу на память привести,
Что строгостью его Тамиры вы лишились!
Прости, дражайшее отечество, прости!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕМУ ДѢЙСТВЇЮ.

* * *

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

Заисанъ.

Какїе, Государь, услышишь нынѣ вѣсти!
О тяжкая бѣда! о вѣчна срамота!
Тамира стыдъ забывъ, своей не помня чести,
Бѣжать намѣрилась отсель въ чужи мѣстà!
И безрассудною любовїю палима,
Къ Багдатскимъ шла одна, закрывъ себя, судамъ,
Надежду положивъ на льстиваго Селима,
Что былъ недавно врагъ отеческимъ стѣнамъ!

Надиръ.

О жалость горестна! о лютое мученье!
О строгость отческа, къ чему ты привела?

Заисанъ.

По щастью я открылъ такое дерзновенье:
Тамира во вратахъ ужѐ градскихъ была!
Я общей за стѣны пошолъ смотрѣть отрады,
Ужѐль Селимъ полкѝ поставилъ на суда;
И видя, что на нихъ все войско и снаряды,
Я путь свой обратилъ съ веселїемъ сюда.
Увидѣлъ, что спѣшитъ тамъ женскїй полъ ко брегу,
Смотря во всѣ страны сквозь тонкой свой покровъ.
Я робкому дивясь и скорому толь бѣгу,
Навстрѣчу прямо шолъ, провѣдать кто таковъ.
Какъ странникъ на пути отъ звѣря убѣгая,
Спѣшитъ чрезъ тернїе, чрезъ камни и бугры:
Но вдругъ увидѣвъ, что тутъ стремнина крутая,
И должно въ мрачну хлябь стремглавъ упасть съ горы̀,
Оцѣпенѣвъ стои́тъ, противится размаху,
Трепещутъ члены всѣ, мутится свѣтъ очей:
Меня увидѣвъ вдругъ, Тамира такъ отъ страху
Смутилась, обмерла въ продерзости своей.
Укрыться отъ меня во всѣ страны металась;
Вездѣ былъ запертъ путь боязнью и стыдомъ.
Когда толикими волнами колебалась,
Я изумленную въ отеческой ввелъ домъ.
Что нынѣ мнѣ начать? какъ я Царю открою?
Дай въ помощь, Государь, премудрой твой совѣтъ.

Надиръ.

Внезапно не срази печалїю такою:
Представь себѣ какъ симъ подвигнется Муметъ!
Я лутче думаю сїю скрыть во́все тайну,
Дабы въ спокойствїи отцовъ оставить духъ.

Заисанъ.

Но я могу попасть въ бѣду чрезъ тое крайну,
Когда кромѣ меня къ Царю достигнетъ слухъ.
То видѣли раби и воины со мною,
И могутъ все ему подробно донести.

Надиръ.

Хотя смягчи ударъ прїятностью какою;
Между веселыхъ словъ печаль сїю вмѣсти.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Надиръ одинъ.

Несытая алчба имѣнїя и власти,
Къ какой ты крайности родъ смертныхъ привела?
Которой ты въ сердцахъ не возбудила страсти?
И коего на насъ не устремила зла?
Съ тобою возрасли и зависть и коварство;
Твое исчадїе кровавая война!
Которое отъ ней не стонетъ государство?
Которая отъ ней не потряслась страна?
Гдѣ были созданы всходящи къ небу храмы,
И стѣны трудъ вѣковъ, и многихъ тысячь потъ,
Тамъ видны лишь однѣ развалины и я́мы,
При коихъ тучную имѣетъ пасству скотъ.
О коль мучительна родителямъ разлука,
Когда даютъ дѣтей, чтобы пролить ихъ кровь!
О коль разительна и нестерпима мука,
Когда военный шумъ смущаетъ двухъ любовь!

Лишь только зазвучитъ ужасна брань трубою,
Мятутся городы и се́ла и лѣса̀,
Любовническаго исполненныя вою,
И жалобъ на ударъ жестокаго часа.
Что можетъ быть сего несноснѣе во свѣтѣ,
Когда двоихъ любовь и младость сопрягла;
Однако въ самомъ дней младыхъ прекрасномъ цвѣтѣ
Густая жадности мрачитъ ихъ пламень мгла,
Когда родители обманчивой корысти
На жертву отдаютъ и совѣсть и дѣтей.
О небо, преклонись, вселенную очисти
Отъ пагубы такой, отъ скверной язвы сей!
Коль дало красоту и младость человѣку,
И нѣжны искры въ немъ любовныя зажгло,
Чтобъ въ радости прожить дражайшую часть вѣку;
То долголь на землѝ сїе попустишь зло?
На толь Тамирѣ ты прїятность влило въ очи,
На толи нѣжную въ нее вложило страсть,
Чтобы подверженна Тиранской сильно мочи,
Оплакивала жизнь и горестную часть.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

НАДИРЪ и КЛЕОНА.

Клеона.

Тамира! Ахъ печаль! Тамира дорогая
Поиманна, въ слезахъ отчаявшись сидитъ!
Селима въ жизнь свою увидѣть ужъ не чая,
Лишь мысльми на него въ отсутствїи глядитъ,

И имя сладкое едва съ плачевнымъ стономъ
Дерзаетъ въ горести послѣдней помянуть.
Озлобленна судьбы жестокимъ толь закономъ
Руками томными терзаетъ нѣжну грудь.
Блѣднѣетъ цвѣтъ лица̀, и всѣ трепещутъ члены,
Холодной страхъ, тоска, отчаянье и стыдъ,
Являются въ ея очахъ изображенны.

Надиръ.

Что здѣлалъ бы Селимъ, таковъ представивъ видъ!

Клеона.

Что здѣлалъ бы когда увидѣлъ, что руками
Кровавыми Мамай любезную влечетъ,
Которая стремясь на небеса очами,
Потоки слезные, рыдая горько, льетъ?
Ахъ сжалься, Государь, не дай бѣдѣ сей збыться,
Всю мысль свою къ ея спасенїю впери.

Надиръ.

Не можно отъ сего Царевнѣ свободиться:
Воюютъ противъ ней великїе Цари.

Клеона.

Такъ пойдетъ агница за волкомъ въ слѣдъ Тамира.
На кровь, на смерть людей, на трупы ихъ смотрѣть,
И радости лишась въ супружествѣ и мира,
Мученье внутрь себя тяжчайшее имѣть?

Надиръ.

Не знаю что мое внутрь сердце предвѣщаетъ,
И смутному уму всечасно говоритъ:
Мамай Царя и всѣхъ злой хитростью прельщаетъ,
И около насъ сѣть коварствъ его стои́тъ.
За чемъ одинъ прибѣгъ? за чемъ спѣшитъ онъ бракомъ,
И что за нимъ не шлетъ извѣстїя Нарсимъ?
Сїи окрестности считаю я признакомъ
Для насъ и для него и для Тамиры злымъ.

Клеона.

Для толь поспѣшнаго Мамаева прихода
Слухъ въ городѣ прошолъ, что онъ со всѣмъ побитъ!

Надиръ.

Всегда есть Божїй гласъ гласъ цѣлаго народа;
Устами онаго Всевышнїй говоритъ.
Но пусть Мамай надъ всей вселенной торжествуетъ;
Однако щастливъ быть не можетъ бракъ такой,
Когда сама любовь противъ него враждуетъ.
Совмѣстноль варварству съ толь нѣжной красотой?
Возможноль въ сей тоскѣ Тамирѣ укрѣпиться,
И се́рдца своего движенья утолить?

Клеона.

На страсть ея смотря и небо возгорится,
И не умедлитъ зла толикаго отмстить.

Надиръ.

Горами потрясетъ, и воспалитъ пожары,
Или опустошитъ повѣтрїемъ луга,

Или отъ глубины возвысивъ вóлны яры,
Потопомъ скверные очиститъ берегà.

Клеона.

Народную молву прїумножаютъ знаки;
Вездѣ ужъ говорятъ, что близъ дверей бѣда!
Мнѣ кажутся во снѣ ужасные призраки,
И врановъ, какъ на трупъ, слѣтаются стадà.

Надиръ.

Хоть радостенъ Муметъ, но войска не имѣетъ;
Что будетъ, какъ Селимъ къ стѣнамъ приступитъ вновь?
Погибнемъ, ежели не рассудя посмѣетъ
Озлобить мечь въ рукѣ держащую любовь.
Мамая гордый духъ чѣмъ больше возвышаетъ,
Тѣмъ можетъ рокъ его скорѣе поразить.
На пыщны горъ верьхи громъ чаще ударяетъ.
Бѣги высотъ, когда безбѣдно хочешъ жить.
Цвѣтутъ спокойныя не зная бурь долины,
Гдѣ рѣдко молнїи возможно досягать.
Никто на свѣтѣ такъ не обязалъ судьбины,
Ктобъ завтрешне себѣ могъ щастье обѣщать.
На лживость онаго никто не полагайся:
Что утромъ возрасло, то вечеромъ падетъ.
Никто въ нещастїи спасенья не отчайся:
Что вечеръ низложилъ, то утро вознесетъ.
Неутолимый рокъ все коломъ обращаетъ.
Съ Мамаемъ рушиться внезапно можетъ Крымъ.
Когда кто съ высоты великой упадаетъ,
И тѣхъ съ собой влечетъ, что съ низу шли за нимъ.
Но симъ смущаются лишь только подлы дýши,
Которы на морской волнами шумный путь
Смотря, колеблются съ недвижимыя сýши,

И чаютъ на брегу высокомъ потонуть.
Едина видитъ то съ презорствомъ добродѣтель;
Среди громовъ и бурь недвижимо стои́тъ;
Сама себѣ хвала, сама себѣ свидѣтель;
Хоть миръ обрушится, бесстрашну поразитъ.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЕЛИМЪ и ПРЕЖНІЕ.

Селимъ.

Любовникамъ долга единая минута!
Возможноль, Государь, Селиму нынѣ знать,
Ещель Тамира здѣсь?

Клеона.

О скорбь!

Надиръ.

О горесть люта!
Ахъ что дерзнули вы нещастные начать!

Селимъ.

Мужайся скорбный духъ, и стой противъ удара,
Который на меня свирѣпый рокъ занесъ.

Надиръ.

Ахъ естьлибъ гнѣвнаго отцова силу жара!
Тамира утолить могла потокомъ слезъ!
Поимана въ пути для бѣгства предпрїятомъ
Терзается. . . .

Селимъ.

Какой вступаетъ въ жилы хладъ!
Когда не помогло ты въ дѣлѣ мнѣ начатомъ,
О небо! не косни, живаго свергни въ адъ!
Мамай любовїю моею поругаться,
И пламень мой презрѣть намѣрился Муметъ?
Тамира не моя? мнѣ съ нею не видаться?
И больше никакой ужѐ надежды нѣтъ?
Я вижу, что Муметъ меня еще не знаетъ,
Еще въ осадѣ онъ моихъ не свѣдалъ силъ.
Мамаю дочь отдавъ, меня отвергнуть чаетъ?
Надежду на пескѣ онъ зыбкомъ положилъ!
Забылъ онъ, что моимъ люблёнїемъ спасенный
Стоитъ сей градъ? и въ немъ того лишитъ меня,
Чѣмъ я надѣялся въ сей жизни одаренный
Съ нимъ въ дружествѣ прожить, свой родъ соединя?
Забылъ любовь мою и дружество съ Нарсимомъ?
Забылъ, что жизнь его была въ моихъ рукахъ?
Я свижусь, покажу, каковъ союзъ съ Селимомъ,
И что вражда его возможетъ въ сихъ стѣнахъ!
Я снова на брегу противномъ мнѣ поставлю
И обращу на градъ Евфратскїе полкѝ;
Отъ лютости такой любезную избавлю,
И отъ Мамаевой мучительской рукѝ.
Ударитъ женскїй стонъ здѣсь вмѣсто пѣсней брачныхъ,
И вмѣсто праздничныхъ огней пожаръ сихъ стѣнъ.

Муметъ увидитъ смерть бѣгущу въ вихряхъ мрачныхъ,
И кровїю чертогъ Мамаевъ обагренъ.

Надиръ.

Я самъ бы уклонясь отеческаго града,
Въ пустой степи и жизнь и скорбь свою закрылъ;
Не видя срамоты и мерзостнаго взгляда,
Я щастливъ бы весьма въ нещастїи томъ былъ.
Однакожъ, Государь, воспомянувъ Нарсима,
И зная что сїе отечество его,
Меча не возноси къ опроверженью Крыма,
И даннаго держись ты слова своего.

Селимъ.

Не я, но самъ Муметъ стѣнъ будетъ разоритель:
Презрѣнїемъ своимъ на то мнѣ право далъ.
Нарсима въ оныхъ нѣтъ, но лютый въ нихъ мучитель;
Онъ купно бы со мной противъ него возсталъ.
Сугуба страсть меня на то вооружаетъ,
То жалость горестна, то искренња любовь;
Одна во мнѣ стремитъ, другая духъ терзаетъ,
Одна снѣдаетъ грудь, друга волнуетъ кровь;
Одна велитъ отъ зла невинную избавить,
Другая въ вѣкъ себѣ любезну получить;
Одна всеобщїй долгъ естественный исправить,
Другая данную присягу сохранить.
Или безчувственъ я таковъ кажусь Мумету,
Чтобы недвижно могъ стоять, когда Мамай,
Похитивъ силою, что мнѣ дороже свѣту,
Ликуя поведетъ изъ глазъ въ далекїй край?
Возможноли стерпѣть его совѣты мерзски!
О сердце, не мягчись; но разруши въ конецъ;
Мумета низложи. Куда Селимъ продерзскїй?

Подумай, что Муметъ любезныя отецъ!
И свято мѣсто мнѣ, Тамира гдѣ родилась;
Пусть въ цѣлости стоитъ, и пусть погибнетъ тотъ,
Отъ коего моя надежда разрушилась.
Мамаю отниму Тамиру и животъ.

Надиръ.

Пріятель укроти въ себѣ волненья гнѣвны,
И жизни не давай въ опасность такову.

Клеона.

Въ сугубой горести не погрузи Царевны,
Отъ пагубы храни любезную главу.

Надиръ.

Когда на сей ты градъ восстать не долженъ войскомъ
То долженъ ли одинъ? что хочешь?

Селимъ.

Умереть!
Или торжествовать, и въ мужествѣ Геройскомъ
Награду вѣрности прекрасную имѣть.
И правды и любви непобѣдима сила
Противъ насилія со мной на брань пойдетъ.
Или моя рука, что Крымску кровь щадила,
Свою, но прежде той Мамаеву прольетъ.
И естьли мужество побѣдой не прославитъ;
Любовь и честь велитъ: довольно; я умру?
Пускай хоть тѣмъ меня отъ муки рокъ избавитъ,

Въ любовномъ жизнь моя погибнетъ пусть жару.
Я лутче съ похвалой оставить ту желаю,
Какъ тяжекъ быть себѣ и небу и землѝ,
И смерти ждать, въ посмѣхъ отдавъ себя Мамаю,
До старости не знать отрады николи.
Владѣетъ нашихъ дней Всевышнїй самъ предѣломъ;
Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власть.
Коль близко ходитъ рокъ при робномъ и при смѣломъ;
То лутче мнѣ избрать себѣ похвальну часть?
Какая польза тѣмъ, что въ старости глубокой
И въ тмѣ бесславїя кончаютъ долгой вѣкъ!
Добротами всходить на верьхъ хвалы высокой
И славно умереть родился человѣкъ.
Превыше смертнаго я жребїя поставлю
Участїе свое и славой вознесусь,
Когда Тамиру я отъ лютости избавлю,
Вмѣняя ни во что; умру или спасусь!
Пускай отецъ Ея свирѣпой постыдится,
Мою̀ за дочь свою текущу видя кровь;
Узнаетъ злость свою, но поздно научится,
Что можетъ предпрїять озлобленна любовь!

НАДИРЪ.

Какую принесешь ты въ старости утѣху
Родителямъ своимъ, когда услышатъ вѣсть,
Что вмѣсто въ сей войнѣ желаннаго успѣху
Дерзнулъ, забывъ объ нихъ, себя на рокъ привесть!
Они во срѣтенье давно къ тебѣ взираютъ,
И простираютъ мысль чрезъ гóры и валы,
И въ нетерпѣнїи минуты всѣ считаютъ,
Твоей насытиться желая похвалы.
Возобнови свои премудрые уставы,
Которымъ прежь сего себя ты покорялъ;

И вспомни прежнїе свои на сей часъ нравы,
Которыхъ мѣрностью ты старыхъ удивлялъ.

Селимъ.

Любви велика власть всю крѣпость низлагаетъ,
И мной господствуетъ. Ужъ я не тотъ Селимъ. . . .

Клеона.

Какую небо казнь съ Мамаемъ насылаетъ!

* * *

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МАМАЙ, ЗАИСАНЪ и ПРЕЖНІЕ.

Мамай.

Совѣтъ имѣете съ соперникомъ моимъ?

Селимъ.

Или я съ Крымомъ здѣсь подвластенъ сталъ Мамаю?
Или онъ мнѣ имѣть совѣты запретитъ?

Мамай.

Теперь препятствїя любви моей скончаю!

Селимъ.

Теперь любовь моя насилствїю отмститъ!

Мамай.

Весь сѣверъ покоривъ сего не одолѣю?
Забывъ, продерзостный противится Селимъ,
Кто прадѣдъ мой, и что я въ области имѣю?

Селимъ.

Кто родомъ хвалится, тотъ хвастаетъ чужимъ.
Но гдѣ твои полкѝ? и гдѣ желаешь? въ морѣ
Иль въ полѣ окончать толику боемъ прю?

Мамай.

Увидишь, дерзостный бѣглецъ, увидишь вскорѣ,
Какому ты дерзнулъ противу стать Царю.
Поди и возвѣсти, гдѣ обитаютъ мертвы
Прапрадѣды моѝ, каковъ ихъ въ свѣтѣ внукъ.

вынимаетъ саблю.

Селимъ.

вынимая саблю.

Любовь Тамирина такой достойна жертвы,
Которой отъ моихъ она желаетъ рукъ.

Сражаются.

Заисанъ.

разнимая.

Великїй Государь!

Клеона.

Ахъ!

*

Надиръ.

разнимая.

Ахъ, Селимъ любезный!
Въ какую пагубу несетъ злой рокъ тебя!

Заисанъ.

Къ Мамаю.

Смягчи свой Царской гнѣвъ!

Клеона.

Къ Селиму.

Склонись на токи слезъ!
Помилуй, Государь, Тамиру и себя!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОМУ ДѢЙСТВІЮ.

* * *

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ, ТАМИРА, КЛЕОНА, ВОИНЫ.

Муметъ.

Въ какой я крайней стыдъ тобою погрузился!
До коего достигъ при старости я зла!
На толь тебя родилъ, на толи я крушился,

Тамира, чтобы ты преслушна мнѣ была?
За пришлецемъ бѣжать изъ отческаго дому,
И кровности его дерзнула предпочесть!
Какая казнь равна такому дѣлу злому,
Какая быть сему довольна можетъ месть?

Тамира.

Когда родилась я въ безщастную минуту,
Чтобъ скорбь тебѣ принесть; то зжалься Государь!
Скончай свой гнѣвъ, скончай мою̀ судьбину люту,
Мечемъ своимъ въ мою̀ повинну грудь ударь!
Мнѣ гробъ прїятнѣе Мамаева чертога;
Употреби свою родительскую власть!

Муметъ.

Не я тебѣ, не я, сама себѣ ты строга;
Сама дерзнула ты въ такую мерзость впасть.
Ты въ сердцѣ лютую сама змѣю питаешь,
Котора въ кровь твою пускаетъ смертный ядъ!
Мамая дерзостью бесстыдно озлобляешь,
Котораго одинъ тебя достоинъ взглядъ,
Которой къ высотѣ толикїя державы
Тебя и весь мой домъ склонился возвести,
И въ общество принять своей гремящей славы,
И сердце въ даръ тебѣ Геройско принести.
Къ послѣднему склонись отеческому слову,
Старайся склонностью продерзость наградить.
Но естьли я тебя увижу неготову
Съ великимъ симъ Царемъ въ супружество вступить;
То здѣлаю примѣръ, и покажу вселенной,
Что я хотя отецъ, однакоже и Царь.
Блюдись рукѝ моей упрямствомъ раздраженной,

И будь готова стать съ Мамаемъ предъ олтарь.
Къ Надиру.
Любезный братъ потщись прельщенную наставить
На истинну стезю, пока все учрежду.
Къ Клеонѣ.
Тебя преступница кто можетъ нынь избавить
Отъ казни, что тебѣ за злобу наведу?
Къ Воинамъ.
Возмите скверную, и ввергните въ темницу.

Клеона.

Помилуй Государь!

Тамира.

Невинной не казни!

Надиръ.

Ты щедру обрати, о небо, къ намъ зѣни́цу!

Тамира.

Отеческу любовь во гнѣвѣ вспомяни.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА и НАДИРЪ.

Надиръ.

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна,
И строгой перестань противиться судьбѣ;

Забудь, что лутчего ты щастія достойна,
Будь тѣмъ довольна, что она даетъ тебѣ.
Когда родитель твой любовенъ и разсуденъ,
Тогда взаимно ты съ почтеніемъ люби;
Когдаже онъ свирѣпъ и къ умягченью труденъ,
То помня крови долгъ, сноси и не скорби!
Повѣрь мнѣ, что Мамай хотя теперь возвышенъ,
И гордости своей не знаетъ гдѣ предѣлъ;
Но скоро упадетъ, и звукъ лишь будетъ слышенъ,
Съ какой онъ высоты поверженъ въ низъ летѣлъ.
Чудовищу сему хоть небо попускаетъ
Еще до времени родъ смертныхъ разорять;
Но нынѣ чрезъ твою невинность воспылаетъ,
И ускоритъ твою и всѣхъ бѣду скончать.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТАМИРА, НАДИРЪ и ВѢСТНИКЪ.

Вѣстникъ.

Печальны, Государь, въ сей часъ услышишь вѣсти!

Тамира.

Не дай, о Боже, мнѣ отчаяться въ конецъ!

Надиръ.

И не нашли на насъ превыше силы мести,
Но будь оставленнымъ и въ ярости отецъ!

Вѣстникъ.

Во гнѣвѣ изъ палатъ Мамай неутолимомъ
Лишь только вышелъ вонъ, и обращалъ свой зракъ
Съ озлобленнымъ тотчасъ увидѣлся Селимомъ,
И тутъ къ сраженію другъ другу дали знакъ.
Взлѣтѣли на коней, и оныхъ поощряя,
Скакали на поля однѣ изъ нашихъ стѣнъ.
Я ѣхалъ имъ во слѣдъ, гдѣ роща есть густая,
Среди которой лугъ широкой заключенъ.
Тутъ перьвой ихъ ударъ. . . . .

Тамира.

О какъ мой духъ стѣснился!

Вѣстникъ.

Сверкнули острые, и дали звукъ мечи;
Какъ туча мрачная Мамай ярясь смутился,
Отъ глазъ былъ блескъ, какъ валъ морской горитъ въ ночи.
Надежда на лицѣ Селимовомъ блистала,
И въ мужествѣ была пріятна красота;
Вездѣ рука его Мамая утѣсняла,
Мамай искалъ себѣ спасенья отъ щита.
Едва отъ скорыхъ онъ ударовъ укрывался,
И дѣйствовать мечемъ не успѣвалъ своимъ;
Ужè и отступалъ и къ бѣгу порывался;
Но руку сильную занесъ въ размахъ Селимъ;
Ударилъ по щиту, звукъ грянулъ межъ горами;
Распался разомъ щитъ и конска голова.
Мамай поверженъ былъ внезапно подъ ногами,
И ближни потряслись паденїемъ древа.
Селимъ тутъ могъ попрать копытами Мамая;
Однако сшедъ съ коня къ возставшему спѣшилъ.

Надиръ.

Ахъ дерзость!

Тамира.

Ахъ бѣда!

Вѣстникъ.

На храбрость уповая,
Къ погибели своей великодушенъ былъ.
Какъ чаялъ, что врага имѣлъ ужъ онъ во власти;
Набѣгли не въ значай Мамаевы Мурзы.
Онъ имъ вскричалъ: теперь спасите отъ напасти!
Ударились къ нему. . . . . .

Тамира.

О горькїе часы!
О щедры небеса, и мой животъ скончайте!

Вѣстникъ.

Мнѣ свѣтъ изъ глазъ отнявъ, погнала прочь боязнь!
Я слышалъ только тамъ: рубите и терзайте.
Одинъ изъ Мурзъ вскричалъ: прими достойну казнь.

Надиръ.

Любезный мой Селимъ, ужъ ты лежишь бездушенъ,
И храбрость множествомъ твоя побѣждена!
На толь ты столько былъ родителю послушенъ,
Чтобъ кости приняла твои чужа страна.

Тамира.

Въ отчаяньи своемъ ужѐ я ледѣнѣю,
Терзаньемъ утомясь любовнаго огня!
Отмсти ты, Государь, отмсти сему злодѣю,
За друга своего отмсти и за меня.

Надиръ.

Пойду, не пощажу своей я хладной крови.
Отмщу, или умру! довольно и того,
Что вашей принести сподоблюся любови
На жертву живота остатки моего.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамира одна.

Какую можетъ дать Надиръ ужъ мнѣ отраду?
Селима больше нѣтъ! Мамай вкругъ ополченъ!
Иль сквернаго себѣ его ждать буду взгляду?
И дамъ себя жива чудовищу во плѣнъ?
Одно спасенье мнѣ не ожидать спасенья.
Въ покровъ природа смерть нещастливымъ дала.
Имѣя вольный путь, не избѣгу мученья?
Еще хочу я жить и не страшуся зла?
Ужъ сердце за стѣной Селимово терзаютъ,
Ахъ лютой мой отецъ! убійцы по путямъ.
О какъ и рýки имъ твои не помогаютъ!

Поди и насладись невинной кровью самъ.
Насыть слезами грудь дочерними, родитель!
И пагубой моей и рокомъ веселись!
Но знай, что будешь слыть на свѣтѣ ты мучитель:
Единымъ именемъ съ Мамаемъ возгордись.
А ты, мой братъ, когда сталъ нынѣ другъ Мамаю,
То въ жизни на тебя гнушаюсь я взглянуть;
Когдажъ ты отъ него погибъ, какъ вѣрно чаю,
То въ тотъ же за тобой спѣшить мнѣ должно путь.
И такъ нещастная Тамира, умирая
Родительскихъ ужѐ не будешь видѣть слезъ.
Одна сомкнетъ глаза̀, со свѣта убѣгая,
Оставлена отъ всѣхъ, презрѣнна отъ небесъ!
И огорченный духъ сойдетъ въ мѣста̀ подземны,
Себя отъ тяжкихъ сихъ ововъ разрѣша,
И устремится въ слѣдъ Селиму въ хляби темны!
Повѣй ко мнѣ, повѣй, любезная душа:
Соединись съ моимъ послѣднимъ здѣсь дыханьемъ,
И будь, когда намъ рокъ жить вкупѣ запретилъ,
Хотя по смерти мнѣ соединенъ бѣжаньемъ
Со свѣта, что съ тобой однѣмъ мнѣ могъ быть милъ.
Раскаешься ужѐ родитель мой, но позно!
Ахъ позно будешь ты надъ мертвою рыдать,
Что принужденїе твое могло мнѣ грозно
Надежду и животъ во младости отнять!
А ты почувствуешь, Мамай бесчеловѣчный,
Который отнялъ нынь двѣ жизни у меня,
Почувствуешь ты казнь и страхи бесконечны,
Какъ наша предъ тебя приступитъ тѣнь стеня.
Селимовъ будетъ духъ и мой тебѣ мечтаться,
И лица блѣдныя и кровь вездѣ казать.
Изъ степи будешь въ степь отъ страху укрываться;
Но мѣста не найдешь, гдѣбъ му̀ки избѣжать.
Пока не видя ты своимъ мученьямъ краю,

Погибнешь въ горести, проклявъ послѣднїй часъ.
Сего, о небеса, тиранну я желаю!
И въ жертву приношу послѣднїй съ кровью гласъ!
Ужѐ мнѣ вѣчность входъ къ блаженству отверзаетъ,
И смерть зоветъ меня къ спокойству отъ трудовъ!
Героевъ свѣтлый ликъ Нарсима тамъ встрѣчаетъ.
А ты мой духъ къ нему ещели не готовъ?
Ты къ дѣлу славному на что ослабѣваешь?
Что должно потерять, то должно презирать.
За чемъ рука моя конца не ускоряешь?
Мнѣ легче смерть сама, какъ смерти ожидать.
Я смертью лишь могла, Селимъ, тебя лишиться,
Когдабъ нашъ вѣкъ продлить изволилось судьбѣ.
Но нынѣ не хочу и въ смерти разлучиться:
Ты умеръ для меня; я слѣдую тебѣ.

Хочетъ заколоться.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

СЕЛИМЪ, НАРСИМЪ и ТАМИРА.

Селимъ.

Схвативъ за руку и вырвавъ кинжалъ.

Я живъ, дражайшая, я живъ и торжествую!

Нарсимъ.

Любезная сестра, твой здравствуетъ Нарсимъ!

Тамира.

ослабѣвая.

Ужѐ межъ мертвыми я вижу тѣнь драгую!

Селимъ.

Въ какомъ отчаяньи!

Тамира.

И духъ Нарсимовъ съ нимъ!

Селимъ.

Къ ослабѣвающей Тамирѣ.

Тебя, дражайшая, Селимъ твой поздравляетъ,
Что врагъ нашъ погубленъ, ужъ больше не страшись.
Насъ вѣрность и любовь и щастье возвышаетъ;
Великой радостью ты съ нами ободрись.

Тамира.

Возможноль быть тому? Селимъ! Нарсимъ! я съ вами!
Я съ вами въ жизнь еще увидѣться могла?
Я вижу ясно, что рука твоя надъ нами,
О Боже мой, въ бѣдѣ и въ горести была!
Но мнѣ Мамаева еще ужасна сила!

Нарсимъ.

Умывшись въ Ва́рварской рука моя крови,
Вселенныя концы отъ страху свободила,
Мнѣ мщенье воздала, и вашей долгъ любви.

* * *

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ, ЗАИСАНЪ, СЕЛИМЪ, НАРСИМЪ и ТАМИРА.

Муметъ.

Нарсимъ, ты здѣсь! тебя я вижу, сынъ любезный?
Колику радость ты нечаянно принесъ!
Одинъ ты иссушишь мои потоки слезны,
Что пролилъ мнѣ ударъ разгнѣванныхъ небесъ!
Мамаю не хотя Тамира быть супругой,
Всего лишаетъ насъ, что намъ онъ обѣщалъ,
И что ты прїобрѣлъ своей къ нему услугой.

Нарсимъ.

Я всю ужъ, Государь, печаль твою скончалъ,
И побѣжденъ къ тебѣ съ побѣдой возвращаюсь;
Димитрїй одолѣлъ; и врагъ нашъ пораженъ.

Муметъ.

Внимая странну вѣсть, въ сомнѣньи ужасаюсь!

Нарсимъ.

Коль чудно я для васъ отъ пагубы спасенъ!
Спасенъ, сей градъ, тебя, Тамиру и Селима
Избавить отъ бѣды, Мамая погубивъ.
Поверженъ сопостатъ и разоритель Крыма,
Что полкъ мой низложилъ; чуть я остался живъ.

Муметъ.

О небо!

Заисанъ.

Ахъ ударъ!

Тамира.

О промыслъ милосердый!

Надиръ.

къ Заисану.

Не мнѣ ли въ честь конецъ имѣетъ наша пря?

Селимъ.

Сама судьба есть щитъ любови нашей твердый.

Муметъ.

О льстивыя слова̀ коварнаго Царя!
Скажи, любезный сынъ, скажи мнѣ все подробно,
И здѣлай всѣмъ моимъ смущенїямъ конецъ.

Нарсимъ.

Не слыхано еще на свѣтѣ зло подобно,
Какое предпрїялъ Мамай, тиранъ и льстецъ.
Ужѐ чрезъ пять часовъ горѣла брань сурова,
Сквозь пыль, сквозь паръ едва давало солнце лучь.
Въ густой крови кипя тряслась земля багрова,
И стрѣлы падали дожжевыхъ гуще тучь.
Ужъ поле мертвыми наполнилось широко;
Непрядва трупами спершись едва текла.
Различный видъ смертей тамъ представляло око,

Различнымъ образомъ поверженны тѣла̀.
Иной съ размаху мечь занесъ на сопостата;
Но прежде прободенъ, удара не скончалъ,
Иной забывъ врага, прельщался блескомъ злата;
Но мертвый на корысть желанную упалъ.
Иной отъ сильнаго удара убѣгая,
Стремглавъ на низъ слетѣлъ и стонетъ подъ конемъ.
Иной пронзенъ угасъ, противника пронзая,
Иной врага повергъ, и умеръ самъ на немъ.
Россїйскїе полкѝ отвсюду утѣсненны,
Казалося, что въ плѣнъ дадутся иль падутъ.
Мамай растерзанны противныхъ видя члены
Великой гордостью, промолвилъ мнѣ, надутъ.
Нарсимъ, Димитрїя во узахъ предо мною,
Когда онъ живъ еще, немедлѣнно поставь;
Но ежели онъ мертвъ, съ противничей главою
Поспѣшно возвратясь, мнѣ радости прибавь.
Я будучи его тобою отданъ волѣ,
Немедля поскакалъ къ Россїйскому полку̀;
Димитрїя искать въ его стану и въ полѣ;
По трупамъ перешолъ кровавую рѣку.
Со всѣхъ сторонъ меня внезапно окружили
Избранны воины Мамаевыхъ полковъ,
И тѣхъ, что кругъ меня вооруженны были,
Дерзнули сѣчь. Я тутъ узналъ проклятой ковъ.
Узналъ, что не вотще его я опасался,
И къ защищенїю себя вооружилъ.
Одинъ изъ нихъ ко мнѣ ужъ прямо устремлялся,
И стрѣлу на меня въ свирѣпости пустилъ.
Она пробивъ мой щитъ, увязла по срединѣ.

Муметъ.

Къ какой ужасной я послалъ тебя бѣдѣ!

Надиръ.

Трепещетъ грудь моя!

Селимъ.

Коль блиско былъ къ кончинѣ.

Нарсимъ.

Внезапно шумъ воссталъ по воинству вездѣ.
Какъ туча бурная ударивъ отъ пучины,
Ужасной въ воздухѣ раждаетъ бѣгомъ свистъ;
Реветъ и гонитъ мглу чрезъ го́ры и долины,
Возноситъ отъ землѝ до облакъ легкой листъ.
Такъ сила Росская поднявшись изъ засады,
Съ внезапнымъ мужествомъ пустилась противъ насъ;
Дождавшись таковой въ бѣдѣ своей отрады,
Оставше воинство возвысило свой гласъ.
Во срѣтенье своимъ Россїяне вскричали,
Великой воспылалъ въ сердцахъ унывшихъ жаръ.
Мамаевы полкѝ увидѣвъ встрепетали,
И ужасъ къ бѣгствїю принудилъ всѣхъ Татаръ.
Убивцы отъ меня для страху удалились.
Я къ верьху смутные возвелъ своѝ глазà.
Тогда надъ Росскими полка́ми отворились,
И ясный свѣтъ на нихъ спустили небеса.
Ударилъ громъ на насъ, по оныхъ поборая,
И подалъ знакъ, что Богъ на помощь имъ идетъ!
Глазами я искалъ, и не нашолъ Мамая;
Съ бѣгущими и самъ побѣгъ ему во слѣдъ.
Внимая страшный стонъ, съ холма я оглянулся;
Какую пагубу увидѣлъ нашихъ силъ!
Увидѣлъ купно всѣхъ попранныхъ, ужаснулся!
Мамаю отомстить за все я зло спѣшилъ.

Муметъ.

О щастье льстивое, какъ души ослѣпляешь!
Тамира, я тебя напрасно озлоблялъ!

Тамира.

Ты словомъ симъ животъ съ надеждой возвращаешь!

Селимъ.

Ужѐ я вознесенъ, какъ мой соперникъ палъ!
И очи, Государь, мои тѣмъ насладились,
Что отнялъ жизнь ему при мнѣ любезный другъ.
Когда мы на полѣ одинъ съ другимъ сразились,
Вооруженные наѣхали къ намъ въ лугъ.
Я чаялъ, что Мамай съ другими согласился,
Чтобъ множествомъ меня коварно одолѣть;
Однако я стоять противъ вооружился,
И предпрїялъ, лишась любезной, умереть.
Тотчасъ тутъ усмотрѣлъ любезнаго Нарсима;
Которой яростью къ Мамаю устремленъ
Летѣлъ къ отмщенїю колеблемаго Крыма.
Онъ тяжко возстеналъ, мечемъ сквозь грудь пронзенъ.
Какъ тигръ ужъ на копьѣ хотя ослабѣваетъ,
Однако посмотрѣвъ на раненой хребетъ,
Глазами на ловца кровавыми сверькаетъ,
И ратовище злясь въ себѣ зубами рветъ.
Такъ мечь въ груди своей схватилъ Мамай рукою;
Но палъ, и трясучись о землю тыломъ билъ.
Изъ раны чорна кровь ударилась рѣкою;
Онъ очи злобныя на небо обратилъ.
Разинулъ челюсти! но гласа не имѣя,
Со скрежетомъ зубнымъ извергнулъ духъ во адъ.
Нарсимовы слуги бездушнаго злодѣя
Остались истребить огнемъ послѣднїй ядъ.

Надиръ.

Толь тяжко съ высоты Богъ гордыхъ повергаетъ!

Селимъ.

Вторично, Государь, я нынѣ предложу
О томъ, къ чему моя толь сильно грудь пылаетъ;
И жизни для чего своей я нещажу.

Муметъ.

Я съ небомъ и съ судьбой и съ вами соглашаюсь,
Исполню, что велитъ любовь и красота.
Я щастїемъ своимъ и вашимъ утѣшаюсь!
Живи въ веселїи, любезная чета.
Коль всѣмъ намъ былъ сей день печаленъ и ужасенъ,
Что могъ насъ въ пагубѣ конечной утопить;
Толь будетъ завсегда онъ веселъ и прекрасенъ,
Что въ оный промыслъ васъ судилъ соединить.
Взаимная любовь межъ васъ не принужденна
Всегдашней вѣрностью пусть дастъ инымъ примѣръ.
Мамаева притомъ кичливость пораженна
Другихъ пусть устрашитъ гордиться выше мѣръ.
Къ готовому теперь вы олтарю за мною
Послѣдуйте предъ нимъ въ супружество вступить;
Клеониною я хоть оскорбленъ виною,
Но радость нынѣшня велитъ ей все простить.

КОНЕЦЪ ПЯТОМУ ДѢЙСТВЇЮ.

LVI.

Четыре родъ вѣнца Елисаветѣ далъ
И пятымъ тую свѣтъ лавровымъ увѣнчалъ,
И щастье Имя тѣмъ преславно обвиваетъ
Кротчайшїй нравъ Ея то пальмой украшаетъ.
И в' славѣ каждый годъ и въ радости своей
Торжественны врата изображаетъ Ей.

LVII.

НАДПИСЬ

На иллуминацїю представленную въ торжественный день восшествїя на Престолъ Ея Величества Ноября 25 дня 1750 года, передъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображенъ былъ вавилонъ окруженный зеленѣющимъ садомъ, по сторонамъ торжественные столпы.

Во время Твоея, Монархиня, державы,
Сугубой щастливы мы лѣта красотой.
Одну даетъ намъ Богъ округъ вѣковъ создавый,
Другую дарствуетъ приходъ, Богиня, Твой.
Изъ вавилона бѣдъ изведены Тобою,
Вошли спокойствїя въ прекрасные сады.
И ставя нынь столпы съ Твоею похвалою,
Вкушаемъ радости прїятные плоды.

LVIII.

НАДПИСЬ

На иллуминацїю представленную въ торжественный день рожденїя Ея Величества Декабря 18 дня 1750 года, передъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображена была сїяющая звѣзда надъ олтаремъ, на которомъ пылаетъ сердце, по сторонамъ храмы.

Щастливая звѣзда на Горизонтъ блистала,
Когда Елисаветъ Россїи воссїяла.
Монархиня, Твой къ намъ сверькнулъ пресвѣтлый лучь,
Возжегъ и освѣтилъ всѣхъ сердце послѣ тучь.
Единымъ сердцемъ всѣ равно къ Тебѣ пылаемъ,
И тое на олтарь усердїй возлагаемъ.
Изъ храмовъ ревности желанїя гласятъ,
Да вышнїй дастъ сей день торжествовать стократъ.

LIX.

НАДПИСЬ

На иллуминацію въ новый 1751 годъ представленную передъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображенъ былъ земной глобусъ, на которомъ стояло вензловое имя Ея Величества и число новаго года; по сторонамъ отверстые храмы и олтари съ возженнымъ на нихъ пламенемъ.

Отверсты храмы всѣ и Олтари́ дымятся,
Желанья всѣхъ къ Тебѣ, Монархиня, стремятся,
И ревность подданныхъ со временемъ растетъ,
И оныхъ щастїе съ числомъ восходитъ лѣтъ,
Полсвѣта, что Твоя десница управляетъ,
Согласный шумъ до звѣздъ усердно возвышаетъ,
Да Вышнїй новый годъ съ Тобой благословитъ,
И слухъ Твой и другу полсвѣта удивитъ.

LX.

Преложеніе псалма I.

1.

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочетъ грѣшнымъ въ слѣдъ ступать,
И съ тѣмъ, кто въ пагубу приводитъ,
Въ единомъ мѣстѣ засѣдать.

2.

Но мысль и волю подвергаетъ
Закону Божїю во всемъ,
И точно оный наблюдаетъ
Во всемъ теченїи своемъ.

3.

Какъ древо онъ распространится,
Что близъ текущихъ водъ растетъ,
Плодомъ своимъ обогатится,
И листъ его не отпадетъ.

4.

Онъ узритъ слѣдствїя поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смятутся грѣшны,
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

5.

И такъ злодѣи не восстанутъ
Предъ вышняго Творца на судъ;
И праведны не воспомянутъ
Въ своемъ соборѣ ихъ отнюдъ.

6.

Господь на праведныхъ взираетъ,
И ихъ въ пути своемъ хранитъ;
Отъ грѣшныхъ взоръ свой отвращаетъ,
И злобный путь ихъ погубитъ.

LXI.

Преложенїе псалма 26.

1.

Господь Спаситель мнѣ и свѣтъ:
Кого я убоюся?
Господь самъ жизнь мо̀ю блюдетъ:
Кого я устрашуся?

2.

Чтобъ въ злобѣ плоть мо̀ю пожрать,
Противны устремились.
Но злой навѣтъ хотя начать,
Упадши, сокрушились.

3.

Хоть полкъ противъ меня восстань;
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнутъ брань;
На Бога полагаюсь.

4.

Я только отъ Творца прошу,
Чтобъ въ храмъ его вселиться;
И больше въ свѣтѣ не ищу,
Какъ въ ономъ веселиться.

5.

Въ селенїи своемъ покрылъ
Меня онъ въ день печали,
И неподвижно укрѣпилъ,
Какъ злые окружали.

6.

Возвысилъ онъ мою главу
Надъ всѣхъ враговъ ужасныхъ:
Я жертву принося, зову
Ему въ псалмахъ согласныхъ.

7.

Услыши, Господи, мой гласъ,
Когда къ тебѣ взываю,
И сохрани на всякой часъ:
Къ тебѣ я прибѣгаю.

8.

Я къ свѣту твоего лица
Вперяю взоръ душевный,
И отъ всещедраго Творца
Прїемлю лучь вседневный.

9.

Отъ грѣшнаго меня раба,
Творецъ, не отвратися;
Да взыдетъ предъ тебя мольба,
И въ гнѣвѣ укротися.

10.

Меня оставилъ мой отецъ
И мать еще въ младенствѣ;
Но воспрїялъ меня Творецъ
И далъ жить въ благоденствѣ.

11.

Настави, Господи, на путь
Святымъ твоимъ закономъ,
Чтобъ врагъ не могъ поколебнуть
Крѣпящагося въ ономъ.

12.

Меня въ сей жизни не отдай
Душамъ людей безбожныхъ,
Твоей десницей покрывай
Отъ клеветанїй ложныхъ.

13.

Я чаю видѣть на землѝ
Всевышняго щедроты,
И не лишиться николи
Владычнїя доброты.

14.

Ты серце духомъ укрѣпись,
О Господѣ мужайся,
И бѣдствїемъ не колеблись;
На Бога полагайся.

LXII.

Преложенїе псалма 34.

1.

Суди обидящихъ, Зиждитель,
И отъ борющихся со мной
Всегдашнїй буди Покровитель,
Заступникъ и Спаситель мой.

2.

На гласъ мой нынѣ преклонися,
Прими оружїе и щитъ,
И мнѣ на помощь ополчися,
Когда противникъ мнѣ грозитъ.

3.

Здержи стремленїе гонящихъ,
Ударивъ пламеннымъ мечемъ.
Увѣрь въ напастяхъ обстоящихъ,
Что я въ покрытїи твоемъ.

4.

Гонители да постыдятся,
Что ищутъ зла души моей,
И съ срамомъ вспять да возвратятся,
Смутившись въ памяти своей.

5.

Да сильный гнѣвъ твой злыхъ возхититъ,
Какъ бурнымъ вихремъ легкій прахъ.
И Ангелъ твой да не защититъ,
Бѣгущихъ умножая страхъ.

6.

Да помрачится путь ихъ мглою,
Да будетъ ползокъ и разрытъ,
И Ангелъ мстящею рукою
Ихъ въ слѣдъ гоня, да устрашитъ.

7.

Сіе гоненіе ужасно
Да оскорбитъ за злобу ихъ,
Что на меня ярясь напрасно,
Скрывали мрéжу злобъ своихъ.

8.

Глубокій, мрачный ровъ злодѣю
Въ пути да будетъ сокровенъ;
Да будетъ сѣтію своею,
Что мнѣ поставилъ, уловленъ.

9.

Душа моя возвеселится
О покровителѣ своемъ,
И радостію ободрится
О заступленіи твоемъ.

10.

Съ тобою кто себя сравняетъ?
Всѣ кости, Боже мой, гласятъ;
Твоя власть сильныхъ сокрушаетъ,
Что бѣдныхъ растерзать хотятъ.

11.

Ужѐ свидѣтели восстали
Неправедные на меня,
И стыдъ оставивъ вопрошали
О томъ, чего не знаю я.

12.

Наносятъ мнѣ вражду и злобу,
Чтобъ тѣмъ мнѣ за добро воздать,
И бѣдной духъ мой и утробу
Досадой и тоской терзать.

13.

Но какъ они ослабѣвали,
Тогда постомъ я и мольбой
Смирялъ себя, дабы восстали
Противники мои въ покой.

14.

Какъ брату своему я тщился,
Какъ ближнимъ, такъ имъ угождать,
И сѣтуя объ нихъ крушился,
И слезъ своихъ не могъ держать.

15.

Они однако веселятся,
Какъ видятъ близъ моѐ напасть;
И на меня согласно злятся,
Готовя ровъ, гдѣ мнѣ упасть.

16.

Смятенный духъ во мнѣ терзаютъ,
Моимъ паденьемъ льстя себя;
Смѣются, нагло укоряютъ,
Зубами на меня скрыпя.

17.

Доколѣ, Господи, безъ гнѣву
На злость ихъ будешь ты взирать?
Не дай, не дай ты львову чреву
Животъ мой до конца пожрать!

18.

Во храмѣ возвѣщу великомъ
Преславную хвалу твою,
Веселымъ гласомъ и языкомъ
При тьмахъ народа воспою.

19.

Не дай врагамъ возвеселиться
Неправедной враждой своей,
Не дай презорствомъ возгордиться
И помизанїемъ очей.

20.

Хоть мирныя словà вѣщали
И ласковъ видъ казали внѣ;
Но въ сердцѣ злобу умышляли
И сѣти соплетали мнѣ.

21.

Мнѣ пагубы конечно чая,
Всѣ купно стали восклицать,
Смѣяться, челюсть расширяя:
Намъ радостно на то взирать!

22.

Ты видѣлъ, Господи, ихъ мерзость:
Отмсти и злобнымъ не стерпи;
Отмсти бессовѣстную дерзость,
И отъ меня не отступи.

23.

Восстани, Господи Зиждитель,
Взойди на твой святый престолъ,
И буди нашей при рѣшитель,
Спаси отъ нестерпимыхъ золъ.

24.

Подвигнись правдою святою,
Суди насъ, Господи, суди,
Не дай имъ поругаться мною,
Суди, и мнѣ не снисходи.

25.

Не дай имъ въ злобѣ похвалиться,
И мнѣ въ ругательство сказать:
О какъ въ насъ сердце веселится,
Что мы могли его пожрать.

26.

Посрамлены да возмятутся,
Что ради злымъ моимъ бѣдамъ;
И съ верьхъ главы да облекутся
Мои противны въ студъ и въ срамъ.

27.

Но тѣмъ дай вѣчную награду,
Что оправдать меня хотятъ;
Взирая на мою отраду,
Великъ Господь нашъ, говорятъ.

28.

Языкъ мой правдѣ поучится,
И истинѣ святой твоей.
Тобой мой духъ возвеселится
Чрезъ все число мнѣ данныхъ дней.

LXIII.

Преложеніе псалма 70.

1.

Въ тебѣ надежду полагаю,
Всесильный Господи, всегда,
Къ тебѣ и нынѣ прибѣгаю,
Да въ вѣкъ спасуся отъ студа.

2.

Святою правдою твоею
Избавь меня отъ злобныхъ рукъ,
Склонись молитвою моею
И сокруши коварныхъ лукъ.

3.

Поборникъ мнѣ и Богъ мой буди
Противъ стремящихся враговъ,
И бренной сей и тлѣнной груди
Стѣна, защита и покровъ.

4.

Спаси меня отъ грѣшныхъ власти
И преступившихъ твой законъ,
Не дай мнѣ въ челюсти ихъ впасти
Зіяющи со всѣхъ сторонъ.

5.

Въ терпѣніи моемъ, Зиждитель,
Ты былъ отъ самыхъ юныхъ дней,
Помощникъ мой и Покровитель,
Пристанище души моей.

6.

Отъ чрева матерня тобою
И отъ утробы укрѣпленъ,
Тебя превозношу хвалою,
Усердїемъ къ тебѣ возженъ.

7.

Враги мои чудясь смѣются,
Что я кругомъ объятъ бѣдой,
Однако мысли не мятутся:
Когда Господь Заступникъ мой.

8.

Превозносить твою державу,
И воспѣвать на всякой часъ
Великолѣпїе и славу,
Отъ устъ да устремится гласъ.

9.

Во время старости глубокой
О Боже мой, не отступи;
Но крѣпкой мышцей и высокой
Увядши члены укрѣпи.

10.

Враги, которые всечасно
Погибели моей хотятъ,
Ужѐ о мнѣ единогласно
Между собою говорятъ:

11.

Погонимъ: Богъ его оставилъ;
Кого онъ можетъ преклонить,
Отъ насъ бы кто его избавилъ?
Теперь пора его губить.

12.

О Боже мой, не удалися;
Покрой меня рукой своей,
И помощь ниспослать потщися
Объятой зломъ душѣ моей.

13.

Да въ вѣчномъ срамѣ погрузятся,
Которые мнѣ ищутъ зла;
Да на главу ихъ обратятся
Коварства, плевы и хула.

14.

Надежду крѣпку несомнѣнно
Въ тебѣ единомъ положу,
И прославляя беспремѣнно,
Въ псалмахъ и пѣсняхъ возглашу.

15.

Отъ устъ моихъ распространится
О истинѣ твоей хвала,
Благодѣянїй слухъ промчится
Тобой мнѣ бывшихъ безъ числа̀.

16.

Твою я крѣпость, Вседержитель,
Повсюду стану прославлять;
И что ты мой былъ покровитель,
Во вѣки буду поминать.

17.

Тобою, Боже, я наставленъ
Хвалить тебя отъ юныхъ лѣтъ,
И нынѣ буди препрославленъ
Чрезъ весь тобой созданный свѣтъ.

18.

Доколѣ дряхлость обращаться
Не возбранитъ моимъ устамъ,
Твоя въ нихъ крѣпость прославляться
Грядущимъ будетъ всѣмъ родамъ.

19.

Твоя держава возвѣстится,
И правда мною до небесъ;
О Боже, кто тебѣ сравнится
Великимъ множествомъ чудесъ.

20.

Ты къ про́пасти меня поставилъ,
Чтобъ я свою погибель зрѣлъ;
Но скоро обратясь избавилъ
И отъ глубокихъ безднъ возвелъ.

21.

Щедроту ты свою прославилъ,
Меня утѣшить восхотѣлъ,
И скоро обратясь избавилъ,
И отъ глубокихъ безднъ возвелъ.

22.

Среди народа велегласно
Повѣдаю хвалу твою,
И на струнахъ моихъ всечасно
Твои щедроты воспою̀.

23.

Уста мои возвеселятся,
Когда возвышу голосъ мой,
И купно чувства насладятся
Душй спасенныя тобой.

24.

Еще языкъ мой поучится
Твои хвалити правоты,
Коварныхъ сила постыдится,
Которы ищутъ мнѣ бѣды.

— — —

LXIV.

ОДА,

Выбранная изъ Іова, глава 38, 39, 40 и 41.

1.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ,
Внимай, коль въ ревности ужасно,
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ.

2.

Збери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда я твердь землѝ поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

3.

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Безчисленны тмы новыхъ звѣздъ,
Моей возжженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ
Мое Величество вѣщали;
Когда отъ солнца возсїяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?

4.

Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши здвигнулъ Океанъ?

5.

Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли̇ тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

6.

Стремнинами путей ты разныхъ
Прошолъ ли мо́ря глубину?
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада̀ ходящїя по дну?

Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты сперъ ли адовы уста?

7.

Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнїю въ дождѣ родить,
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

8.

Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру кри́ла простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и въ пропастяхъ глубокихъ
Что я ему на пищу далъ.
Толь быстро око тыль создалъ?

9.

Воззри въ лѣса на бегемота,
Что мною сотворенъ съ тобой;
Колючей тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верьви сплетены въ немъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ рёбра какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?

10.

Ты можешь ли Левїаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ Океана
Онъ быстрой простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щитами,
Копье и мечь и молотъ твой
Щитаетъ за тростникъ гнилой.

11.

Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ,
И зубы страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ,
И твердость оныхъ презираетъ.
Для крѣпости великихъ силъ,
Щитаетъ ихъ за мягкой илъ.

12.

Когда ко брани устремится;
То море какъ котелъ кипитъ,
Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ угль въ горнилѣ разкаленный.
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня.
Кто можетъ стать противъ меня?

13.

Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?

Какъ персть я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка;
За чемъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ я далъ?

14.

Сїе, о смертный, рассуждая,
Представь Зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ роптанїя проси.

LXV.

НАДПИСЬ

На иллуминацiю представленную въ торжественный день Коронованiя Ея Величества Апрѣля 25 числа, 1751 года, передъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображена въ Амфитеатрѣ окруженная сiянiемъ Императорская корона и скипетръ на украшенномъ постаментѣ съ вензловымъ именемъ Ея Величества, по обѣимъ сторонамъ два портала далече простирающихся аллей, при которыхъ поставлены грудныя изображенiя четырехъ частей свѣта.

Лучи отъ Твоего, Монархиня, вѣнца
Въ четыре разлились Вселенныя конца:
Европа, Африка, Америка, Азiя
Чудятся ясности, отъ коея Россiя
Сiяетъ чрезъ концы земны просвѣщена.
О ты блаженная въ подсолнечной страна,
Взведи свой умный взоръ къ Божественному свѣту,
Дабы вѣнчанную въ сей день Елисавету
На много лѣтъ своимъ блистаньемъ окружилъ,
И съ нами сѣверъ весь спокойствомъ озарилъ.

LXVI.

НАДПИСЬ

Къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ На Маскарады 1751 года.

А.

Природа какъ Тебя на свѣтъ производила,
На то истощена была ея вся сила,
Дабы ни одного таланта не отнять.
Великъ былъ Твой Отецъ, была прекрасна Мать;
Герой Тебя родилъ, носила Героиня:
Какой быть долженъ плодъ? не инной какъ Богиня.
Но сколько смертныхъ Ты превыше почтена,
Ты столько сердцемъ къ нимъ и щедра и склонна.
И въ тѣ часы, когда лице свое скрываешь,
Къ народу своему щедротою сїяешь.

НАДПИСЬ

На тѣже.

Б.

Увидѣвъ множество одеждъ и лицъ отмѣнныхъ,
Я въ мысляхъ нынѣ зрю восторгомъ восхищенныхъ,
Монархиня, концы державы Твоея,
И въ оныхъ нахожу утѣхи видъ сея.

От тихихъ всточныхъ водъ до береговъ Балтїйскихъ,
Отъ непроходныхъ льдовъ до теплыхъ странъ Каспїйскихъ
Въ одеждахъ много коль и въ лицахъ перемѣнъ!
Сугубымъ нынѣ я видѣньемъ удивленъ!
Я слышу тамъ, какъ здѣсь, прїятную музыку:
Тамъ отъ усерднаго народовъ разныхъ клику
Чрезъ горы, чрезъ поля согласный шумъ течетъ,
Что Ты едина всѣмъ покровъ, отрада, свѣтъ.

LXVII.

Повсюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣтетъ;
Лежитъ оружїе, и съ кровью слезъ не льетъ;
И земледѣлецъ плугъ выноситъ безопасно:
Спокойство съ именемъ Твоимъ вездѣ согласно.
По правдѣ Божїй Миръ, Монархиня, слывешь,
Когда Ты тишину Европѣ всей даешь.
Съ почтенїемъ она главу свою склоняетъ,
И храмъ Тебѣ хвалы бессмертный возвышаетъ.
Напрасно лютая война шумѣть спѣшитъ,
Гдѣ имя кроткїя Богини въ свѣтъ гремитъ.

LXVIII.

НАДПИСЬ

На спускъ корабля, именуемаго Іоанна Златоустаго.

Сойди къ намъ Златоустъ, оставивъ небеса:
Достойна твоего здѣсь зрѣнія краса.
Петрова Дщерь тебѣ корабль сей посвящаетъ,
И именемъ твоимъ все море наполняетъ.
Когда ты пойдешь въ путь на немъ между валовъ,
Греми противъ Ея завистливыхъ враговъ,
Златыми прежде ты гремѣлъ въ церьквахъ устами,
Но пламенными впредь звучи въ водахъ словами.

LXIX.

Желая къ храму насъ Блаженства возвести,
Ты трудной путь сама должна была протти,
Тамъ горы, хляби тамъ, бугры, стремнины, рѣки,
Препятствїя вездѣ неслыханны во вѣки.
Но что, Монархиня, могло Твой духъ здержать?
Какъ Промыслъ самъ Тебя воздвигнулъ насъ спасать?
Внезапно возсїялъ Твой лучь всѣхъ бѣдствїй выше,
И трудной толь восходъ минулъ Зефира тише.
Надежда, вѣрность намъ и радость и любовь,
Тотъ день приводятъ въ умъ и представляютъ вновь,
Коль счастлива Твоимъ возшествїемъ Россїя,
Что съ онымъ привела Ты дни въ нее златыя.

LXX.

Среди прекраснаго Россїйскаго Ра̀я,
Монархиня, цвѣтетъ дражайша жизнь твоя,
Рукою вышняго насъ ради насажденна
И силою его отвсюду покровенна.
Мы сердце возводя и очи къ небесамъ,
Согласно просимъ всѣ: подай о Боже намъ,
Да солнце милости сїять къ ней не престанетъ,
И толь дражайшїй плодъ во вѣки не увянетъ.

LXXI.

Веселїемъ сердца̀ годъ новый оживляетъ,
И ново щастїе въ Россїи утверждаетъ.
Довольство, здравїе и щастїе цвѣтетъ,
Гдѣ свѣтитъ именемъ своимъ Елисаветъ.
Россїя веселясь, блажитъ Ея державу,
Что каждый годъ свою растущу видитъ славу.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ,

ВАРІАНТЫ

и

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Появленіе оды Фенелона въ русскомъ переводѣ студента Ломоносова находится въ прямой связи съ инструкціею, данною Ломоносову и его товарищамъ по академическому университету при отправленіи ихъ за границу, въ 1736 году. Въ инструкціи говорится: «Стараться ему о полученіи такой способности въ русскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, чтобъ онъ ими свободно говорить и писать могъ, а притомъ учиться прилежно рисованію (ст. 5). Присылать всегда, по прошествіи полугода, въ академію наукъ извѣстіе, какимъ наукамъ и языкамъ онъ обучается; также и нѣчто изъ своихъ трудовъ въ свидѣтельство прилежанія, и притомъ счетъ съ расписками о своихъ расходахъ (ст. 6)». Рукою Ломоносова написано: «Такову инструкцію студентъ Михайло Ломоносовъ получилъ, по которой точно исполнять будетъ». За инструкціей 18 августа 1736 года послѣдовало, въ разное время, нѣсколько другихъ, въ которыхъ требуется, чтобы студенты извѣщали о своихъ занятіяхъ, о посѣщеніи профессорскихъ лекцій, и присылали опыты (specimina) своихъ научныхъ работъ, а также подробные счеты всѣмъ вообще расходамъ и списки книгъ, пріобрѣтаемыхъ за границею. Въ инструкціи, данной 29 мая 1738 года, сказано: Wenn sie von Scientificis rapportiren, so sollen sie melden, wie weit sie in der oder jener Disciplin gekommen, und die Stunden angeben, in

welchen sie von dem oder jenem Professore oder Maitre frequentiren, auch von Zeit zu Zeit Specimina, welche sie ausgearbeitet haben, einschicken. In Oeconomicis sollen sie alle Ausgaben nahmhaft machen. . . Von denen während ihres Aufenthaltes in Teutschland gekauften Büchern sollen sie mit dem Preisz ein Verzeichnisz einschicken, и т. д.

Любопытнымъ и остроумно придуманнымъ отвѣтомъ на подобныя требованія служитъ донесеніе, посланное Ломоносовымъ изъ Марбурга 15 октября 1738 года, съ двумя приложеніями. Для нагляднаго доказательства своихъ успѣховъ въ четырехъ языкахъ, названныхъ въ инструкціи, Ломоносовъ пишетъ донесеніе *по-нѣмецки* и прилагаетъ къ нему научную работу на *латинскомъ* языкѣ и переводъ оды съ *французскаго* языка на *русскій*. Въ донесеніи Ломоносовъ увѣдомляетъ, что онъ слушаетъ лекціи физики у профессора Вольфа, повторяетъ химію по сочиненіямъ Бургаве, Шталя и Штабеля, и упражняется въ рисованьи. Здѣсь-же помѣщенъ *списокъ книгъ*, купленныхъ Ломоносовымъ, и счетъ расходамъ до самыхъ мелкихъ подробностей. Къ донесенію приложены: научная работа—Specimen physicum de transmutatione corporis solidi in fluidum a motu fluidi praeexestentis dependente, и русскій переводъ оды Фенелона, съ французскимъ подлинникомъ, texte en regard.

Какъ донесеніе, такъ и оба приложенія къ нему написаны Ломоносовымъ собственноручно и весьма тщательно, на одинаковой бумагѣ, въ листъ. Ода занимаетъ четыре страницы, раздѣленныя пополамъ продольною чертою: на лѣвой сторонѣ — французскій текстъ, на правой русскій переводъ. Въ рукописи строфы обозначены цыфрами; на каждой изъ трехъ страницъ— по четыре строфы, на четвертой и послѣдней — только двѣ строфы.

Ода, о которой идетъ рѣчь, написана Фенелономъ въ молодости, именно въ 1681 году.

(ср. Histoire de Fénélon, composée sur les manuscrits originaux, par De Bausset. Paris. Livre I. p. 51—57).

Литературная исторія этой оды связана съ судьбою главнаго произведенія Фенелона, воспитателя внука Людовика XIV, — Aventures de Télémaque. Близкое знакомство автора съ придворною жизнью, съ нравами тогдашняго общества и личное нерасположеніе Людовика XIV къ воспитателю его внука послужили источникомъ многихъ невзгодъ для Фенелона; книга его была строжайшимъ образомъ запрещена во Франціи. Но вслѣдствіе этого она пріобрѣла огромный успѣхъ за границею, и одно за другимъ стали появляться ея изданія въ различныхъ мѣстахъ Европы: въ Амстердамѣ, въ Лондонѣ, въ Гамбургѣ и др. Во многихъ изданіяхъ къ тексту прилагались объяснительныя примѣчанія, проводившія ту мысль, что книга написана съ цѣлью развѣнчать окруженный фальшивымъ блескомъ образъ Людовика XIV, и убѣдить будущаго короля отнюдь не слѣдовать примѣру своего дѣда ни въ семейной, ни въ общественной и государственной жизни. Въ подлинникѣ, напримѣръ, говорится: Le plus malheureux de tous les hommes est un roi qui croit être heureux en rendant les autres hommes misérables. La vérité ne peut percer la foule des flatteurs pour aller jusqu'à lui. Il est tyrannisé par ses passions, il ne connait pas ses devoirs, и т. д. (кн. V). Издатели видятъ въ этомъ живую картину правленія Людовика XIV, въ которой каждая черта до того согласна съ истиной, что не нуждается ни въ какихъ поясненіяхъ. По мнѣнію коментаторовъ, Людовикъ XIV отчасти напоминаетъ Идоменея, но всецѣло воспроизведенъ въ Адрастѣ: Il croit que tous les hommes qui sont nés sur la terre ne sont nés que pour servir à sa gloire par leur servitude. Il ne veut point de sujets, dont il soit le roi et le père: il veut des esclaves et des adorateurs (кн. XI), и др.

Только со смертію Людовика XIV прекратилась опала, постигшая книгу Фенелона во Франціи. «Телемакъ» изданъ въ Парижѣ, въ 1717 году, по собственноручной рукописи автора, подъ наблюденіемъ его внука, маркиза Фенелона. Въ этомъ изданіи, въ видѣ приложенія къ «Телемаку», впервые напечатана ода, впослѣдствіи переведенная Ломоносовымъ. Въ предисловіи (aver-

tissement) сдѣлано такое замѣчаніе: On a joint à la fin de cette édition une ode de l'auteur composée dans sa jeunesse. Elle fera voir son talent naturel pour la versification. Въ изданіи «Телемака» 1734 года, исполненномъ подъ наблюденіемъ того-же маркиза Фенелона, который былъ тогда французскимъ посланникомъ въ Голландіи, снова появилась ода, помѣщенная въ изданіи 1717 года и во многихъ, но не во всѣхъ, послѣдующихъ. Заслуживаетъ вниманія поясненіе издателей по поводу этой оды: On ne s'est point laissé aller au faux goût de ceux qui ont inspiré aux éditeurs de l'édition de Paris de 1733, de supprimer une pièce en vers lyriques de la jeunesse de mr. de Cambray, et que l'on avait placée à la fin du Télémaque dans l'édition de 1717. Ceux qui ont le goût du sentiment, de l'harmonie et de la belle cadence dans les vers, verront avec plaisir restituer cette ode au public. Elle montre l'heureux génie de l'auteur pour la versification и т. д.

(Les Avantures de Telemaque, fils d'Ulysse. Par feu Messire François de Salignac, De La Motte Fenelon. Nouvelle édition, conforme au manuscrit original. Amsterdam. Rotterdam. 1734. p. VII).

Въ изданіи 1717 года и послѣдующихъ находится нѣсколько самыхъ краткихъ примѣчаній, именно къ словамъ: *Montagnes* (въ первой строфѣ), *Solitude* (въ пятой), *le plus sage* (въ двѣнадцатой), и *Tyrsis* (въ четырнадцатой):

Montagnes de qui l'audace — Montagnes d'Auvergne où il étoit alors.

Solitude où la riviere — Carenac, petite Abbaye sur la Dordogne qu'il avoit alors.

Des Grecs je voi *le plus sage* — Ulysse.

Là *Tyrsis* viendra repandre — Mr. l'Abbé de Langeron.

Примѣчанія эти не удержаны въ рукописи Ломоносова.

Строфы обозначены цыфрами какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ.

Изъ какого изданія Телемака заимствовалъ Ломоносовъ приложенный имъ къ переводу французскій подлинникъ оды Фенелона? Судя по указанію, сдѣланному самимъ Ломоносовымъ, можно бы подумать, что онъ пользовался изданіемъ 1723 года. Въ спискѣ книгъ, находящемся въ донесеніи, при которомъ прислана ода, значится: Aventure de Telemaque. In octavo. 1723. Но такое изданіе вовсе неизвѣстно библіографамъ, и всѣ старанія разыскать его оказались безуспѣшными.

(ср. La France littéraire ou dictionnaire bibliographique, par I. M. Quérard. Paris. 1829. p. 89—98. Manuel du libraire et de l'amateur de livres, par Iacques-Charles Brunet. Paris. 1861. Tome deuxième. 1re partie. p. 1210—1219. Trésor de livres rares et précieux ou Nouveau dictionnaire bibliographique, par Iean George Théodore Grässe. 1861. Tome deuxième. p. 563—566, и др.).

Изъ всѣхъ изданій Телемака до 1738 года, пересмотрѣнныхъ нами въ различныхъ библіотекахъ, наиболѣе близокъ къ Ломоносовскому текстъ оды въ изданіи, вышедшемъ въ Голландіи, въ 1725 году, подъ такимъ заглавіемъ: Les Avantures de Telemaque, fils d'Ulysse. Composées par feu Messire François de Salignac, De la Motte Fenelon, Précepteur de Messeigneurs les Enfans de France, et depuis archevêque-duc de Cambray, Prince du Saint Empire. Nouvelle edition, augmentée et corrigée sur le manuscrit original de l'auteur. Avec des Remarques pour l'intelligence de ce poëme allegorique. A Rotterdam. Chez Iean Hofhout. 1725. Avec privilege.

Въ изданіи 1725 г. и у Ломоносова.	Въ другихъ изданіяхъ.
Des Grands il fuit les plaisirs:	*Bravant les flots nuit et jour.*
O combien de mon bocage	O! combien de mon bocage
Le calme, le frais, l'ombrage	Le calme, le frais, l'ombrage
Bornent mieux tous mes desirs.	*Meritent mieux mon amour.*
	(строфа 12).
Filera *mon dernier jour.*	Filera *mes plus beaux jours*
	(строфа 14).

Ces vertes montagnes dore	*Toutes ces* montagnes dore (строфа 3).
Ne laisse entendre *aucun* bruit	Ne laisse entendre *autre* bruit (строфа 5).
Dessoux vos têtes chenues	*Dessus* vos têtes chenues (строфа 1).
Dont Cerès *remplit* nos granges	Dont Cerès *emplit* nos granges (строфа 6).
A *ces charmes* je me livre	A *ce charme* je me livre (строфа 10).

Сходство съ Ломоносовскимъ, но не до такой степени близкое, представляетъ текстъ оды, помѣщенный въ изданіи 1745 года. (Les Avantures de Telemaque. . . Imprimé suivant la copie de Paris, aux depens de Daniel Bartelemy et fils. 1745). Сходство же съ изданіемъ 1725 года, замѣчаемое въ словахъ и выраженіяхъ Ломоносовскаго текста, простирается и на знаки препинанія и даже на опечатки:

Въ изданіи 1725 г. и у Ломоносова.	**Въ изданіи 1745 года.**
Le fleuve (fleuves) aimant les prairies.	*Ce* fleuve aimant les prairies (строфа 8).
Loin, loin trompeuse fortune, Et toi faveur importune,	Loin, loin, trompeuse fortune Et toi faveur importune (строфа 13).
A mes pieds contre la terre	A mes pieds, contre la terre (строфа 1).
Du Zephir la douce haleine, Qui *reveroit* nos buissons.	De Zephir la douce haleine, Qui *reverdit* nos buissons (строфа 6).

Въ рукописи Ломоносова встрѣчаются невѣрности и описки, какъ напримѣръ: *S'enfuit* vallons et montagnes, вм. *S'enfuir* (строфа 7); *Tien* mes sens et ma raison, вм. *Tient* (строфа 10); *Je voi* au bout des campagnes, вм. *Je vois* (строфа 7), и т. п. Во множе-

ственномъ числѣ *s* на концѣ часто опускается: sur *les rive* (строфа 7); *les violette, des musette* (строфа 9); *des noirs orage*, sous *ces feuillage* (строфа 11). Въ спискѣ книгъ: *Avanture* de Telemaque.

Русскій переводъ довольно близокъ къ подлиннику, насколько это возможно при соблюденіи стихотворной формы. Въ переводѣ и въ подлинникѣ риѳмы чередуются въ одинаковомъ порядкѣ: первый стихъ риѳмуетъ съ третьимъ, второй — съ четвертымъ, пятый — съ шестымъ, седьмой — съ десятымъ и восьмой — съ девятымъ.

Относительно языка можно указать на слова народныя, изъ которыхъ многія употребляются въ Архангельской губерніи, а также на слова иностранныя съ особенностями ихъ формъ:

Ст. 26. То гдѣ *лыва*, кустовата — les sombres bocages

Лыва — Лужа, болото и вообще мокрая мѣстность; также: густой на болотистой мѣстности лѣсъ; куча наносной поросли въ морѣ.

(Словарь областнаго Архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ Александръ Подвысоцкій. 1885).

Ст. 42. *Стрȏжъ* моей рѣки шумитъ

Слово: *стрежъ* употребляется въ Архангельской губерніи. *Стрежа, Стрежь* — русло, фарватеръ; достаточно глубокое мѣсто въ морѣ или рѣкѣ для того, чтобы плыть судномъ или стоять на якорѣ.

(Словарь областн. Архангельскаго нарѣчія).

Ст. 64. Долы скрыты *далиной*, — dans des lointains

Въ словарѣ россійской академіи: *Далина*—дальное разстояніе. Въ позднѣйшемъ академическомъ словарѣ слово *далина* названо простонароднымъ.

Ст. 63. Горъ *порядокъ* чють синѣетъ

Порядокъ—рядъ, линія домовъ по улицѣ въ селѣ или деревнѣ.

(Словарь областн. Арханг. нарѣчія).

Ст. 66. Только лишь игра *натуры* — Est un jeu de la nature.

Ст. 55. Полнитъ чемъ *Цере́са* гумна. — Dont Cerès remplit nos granges.

Ст. 62. Даръ *Цересы* золотой.

Ст. 56. Сила *Ба́ккусова* шумна — Bacchus lui-même aux vendanges

Ст. 96. *Нектаремъ* симъ упиваюсь, — De ce Nectar je m'enivre,

Въ правописаніи обнаруживается фонетическое начало—пишется, какъ произносится: *серце, серца* (Ст. 48, 85); *слаткой* думой, *слатко* живу (Ст. 93, 122); *мяхкой* перины (Ст. 91); *бесъ* книги (Ст. 106), *беспремьнно* (Ст. 3); нѣтъ *тово* на сей земли (Ст. 32); *лжы, лжывыя* (Ст. 98, 112). Роскошей *чюжался* сей — Des Grands il fuit les plaisirs (Ст. 117). Вдругъ съ *осенными* плодами — Avec les fruits de l'Automne (Ст. 71).

Ода Ломоносова относится ко времени введенія у насъ тоническаго стихосложенія и принадлежитъ къ числу первыхъ опытовъ въ этомъ родѣ. Изъ написаннаго Ломоносовымъ ранѣе 1738 года извѣстны только школьные стихи, полученные академикомъ Н. Я. Озерецковскимъ отъ земляка Ломоносова Степана Кочнева въ іюлѣ 1788 года.

(Путешествіе академика Ивана Лепехина. 1805. Часть IV. стр. 301):

Услышали мухи
Медовыя духи
Прилѣтевши сѣли,
Въ радости запѣли
Егда стали ясти,
Попали въ напасти
Увязли бо ноги
Ахъ плачутъ убоги,
Меду полизали
А сами пропали

Для вѣрной оцѣнки первой оды Ломоносова надо имѣть въ виду, въ какомъ состояніи находилась тогда наша литература и какіе образцы представляла она для начинающаго писателя.

Въ «Новомъ способѣ» стихосложенія Тредьяковскій приводилъ «въ примѣръ» слѣдующіе стихи:

Красота весны̀! Роза о прекрасна!
Всей о Госпожа румяности власна!....
Пойдетъ вѣкъ долговѣченъ,
И многочеловѣченъ;
Поживемъ въ благостынѣ,
Мы всѣ вездѣ отъ нынѣ....
Воздухъ чистъ, растворенный,
Влитїемъ удобренный;
Вѣять здравый вѣтръ станетъ,
Вредъ наносить престанетъ....
Трусилъ Марсъ и съ войною,
Предъ нашей тишиною....

Изъ русскихъ писателей Тредьяковскій первый сталъ доказывать необходимость для нашего языка тоническаго стихосложенія. Мысли этой вполнѣ сочувствовалъ Ломоносовъ и, благодаря его таланту, новое стихосложеніе прочно водворилось въ нашей литературѣ. Стихотворный переводъ оды Фенелона былъ первымъ шагомъ Ломоносова на новомъ поприщѣ. Приведя начало этой оды, академикъ Пекарскій говоритъ: «Эти четырехстопные хореи важны въ исторіи русскаго стиха, какъ первая попытка Ломоносова писать стихи размѣромъ, введеннымъ у насъ Тредіаковскимъ. Въ стихахъ Ломоносова слышится подражаніе послѣднему, но, при всей тяжеловатости своей, они все-таки благозвучнѣе стихотвореній Тредіаковскаго 1734—1737 годовъ».

(Исторія Императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго. 1873. Томъ II. стр. 292).

По поводу той же оды академикъ Куникъ говоритъ: «Языкъ

Ломоносова, при всей своей шероховатости, все-таки былъ несравненно благозвучнѣе того языка, на которомъ Тредіаковскій напечаталъ свои произведенія 1734 — 1737 годовъ; да и т. н. трохеи Ломоносова, въ первомъ его опытѣ, были гораздо правильнѣе, чѣмъ у Тредіаковскаго».

(Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ; издалъ А. Куникъ. 1865. Часть I. стр. XXV).

Лучшее для того времени руководство: «Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ» Тредьяковскаго былъ для Ломоносова учебною книгою, которую онъ взялъ съ собою и за границу, и чтеніе которой не прошло безслѣдно для молодаго, начинающаго писателя. Что касается занимающей насъ оды Фенелона, то не только въ способѣ передачи французскаго подлинника, но быть можетъ и въ самомъ выборѣ произведенія для перевода, обнаруживается, въ большей или меньшей степени, знакомство съ книгою Тредьяковскаго. Въ размѣрѣ стиха, въ чередованіи риѳмъ, въ такъ называемыхъ «піитическихъ вольностяхъ» и т. п., замѣчается нѣкоторое сходство съ правилами и примѣрами «Новаго способа». Въ числѣ четырнадцати «вольностей», допускаемыхъ Тредьяковскимъ, находятся слѣдующія: «Глаголы втораго лицà, числà единственнаго, могутъ кончиться на *ши*, вмѣсто на *шь;* такъ же и не опредѣленные на *ти*, вмѣсто на *ть*. Напримѣръ: *пишеши*, вмѣсто *пишешь*, и: *писати*, вмѣсто *писать*. . . Многїя реченїя, которыя сложены въ самомъ началѣ изъ частицъ *со*, *во*, *возъ*, *восъ;* могутъ, для нужды въ Стїхѣ, выкидывать писмя *о*. Такъ *сочиняю*, можетъ написано быть: *счиняю; водружаю: вдружаю; возобновилъ: взобновилъ; воспою: вспою*. . . Когда будутъ два тѣже, или разныя согласныя писмена въ реченїи, то одно выкинуться можетъ, такъ вмѣсто *прелестный*, *прелесный*. . . Вольности во обще таковой надлежитъ быть, чтобъ реченїе по вольности положенное, весьма распознать было можно, что оно прямое Россїйское, и еще такъ, чтобъ оно нѣсколько и употребительное было. Напримѣръ: *брегу*, можно поло-

жить вмѣсто *берегу; брежно,* вмѣсто *бережно; стрегу,* за *стерегу;* но *острожно,* вмѣсто *осторожно,* не возможно положить» и т. д.

(Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стіховъ съ опредѣленіями до сего надлежащихъ званій. Черезъ Васілья Тредіаковскаго. 1735. стр. 16—20).

Согласно съ предлагаемыми правилами, а отчасти и съ примѣрами, въ одѣ Ломоносова встрѣчаются, и въ значительномъ количествѣ, такого рода «вольности»:

Ст. 105 — 106. Что бы жить мнѣ здѣсь *начати*
И бесъ книги *почерьпати*
Ст. 138 — 139. Прахъ мой будетъ *почивати.*
Тѵрсъ любви чтобъ долгъ *воздати*
Ст. 50. Пѣснь тебѣ Боговъ *вспѣвать!*
Ст. 133. Мысль мою бъ такъ *взвеселило,*
Ст. 37. Вѣтры волнъ когда́ *взбудить.*
Ст. 46. Какъ щастливы *вѣшьвми* рясны
Ст. 48. *Серце* каковой желаетъ:
Ст. 85. Вашъ *серца* тонъ услаждаетъ,

Изложивши свои теоретическія соображенія, Тредьяковскій говоритъ: «полно ужѐ мнѣ теперь о способѣ моемъ къ сложенїю новыхъ нашихъ Стїховъ, словомъ токмо предлагать: время оной самымъ дѣломъ и примѣрами объявить», и вслѣдъ за этимъ помѣщаетъ стихотвореніе Фенелона въ русскомъ переводѣ. Примѣръ Тредьяковскаго, помѣстившаго, въ видѣ образца, оду Фенелона въ руководствѣ къ сложенію стиховъ, могъ имѣть нѣкоторое значеніе въ глазахъ Ломоносова, избравшаго для перевода также оду Фенелона, которая самымъ появленіемъ своимъ въ печати обязана тому, что, по мнѣнію издателей, обнаруживала въ авторѣ счастливую способность къ стихосложенію. Во всякомъ случаѣ сравненіе переводовъ Тредьяковскаго и Ломоносова представляетъ черты для характеристики литературной дѣятельности Ломоносова въ самомъ ея началѣ. На этомъ основаніи считаемъ нужнымъ помѣстить здѣсь переводъ Тредьяковскаго съ французскимъ подлинникомъ, составляющимъ притомъ библіографическую рѣдкость.

La sagesse humaine, ou le portrait d'un honnête homme.

(Oeuvres choisies de Fénélon. A Paris An VI. Tome second. p. 501—504).

1.

Rendez au Créateur ce que l'on doit lui rendre:
Réfléchissez avant que de rien entreprendre:
Point de société qu'avec d'honnêtes gens;
Et ne vous enflez point de vos heureux talens.

2.

Conformez-vous toujours aux sentimens des autres;
Cédez honnêtement, si l'on combat les vôtres.
Donnez attention à tout ce qu'on vous dit;
Et n'affectez jamais de montrer trop d'esprit.

3.

N'entretenez personne au delà de sa sphère;
Et dans tous vos discours tachez d'être sincère,
Tenez votre parole inviolablement,
Et ne promettez point inconsidérément.

Стіхи научающіе добронравію человѣка.

Переведены съ французскихъ покойнаго Францiска де Салiньняка Дела Мотта Фенелона. Нарошно сочинены Россiйскимъ новымъ Эксаметромъ для примѣру (стр. 27—29).

1.

Отдавай то все Творцу, долгъ что отдавати;
Безъ рассутка жъ ничего ти бъ не начинати.
Токмо съ добрыми людьми въ жизни сей дружися;
А таланты чрезъ твои никогда не льстися.

2.

Съ мнѣнiемъ другихъ всегда будь согласенъ прямо;
Никогда въ твоемъ стоять не изволь упрямо.
Внятно слушай, что тебѣ люди предлагаютъ;
Больше умнымъ не кажись, нежели тя знаютъ.

3.

Съ тѣмъ о томъ не говори, смыслитъ кто что мало;
Про́ста се́рдца быть тебя рѣчь и всебъ казало.
Слово данное держи, былобъ какъ ни трудно;
Ничегожъ не обѣщай вдругъ и не рассудно.

4.

Soyez officieux, complaisant, doux, affable,
Et pour tous les humains d'un abord favorable,
Sans être familier, ayez un air aisé.
Ne décidez de rien sans l'avoir bien pesé.

5.

Aimez sans intérêt, pardonnez sans faiblesse.
Choisissez vos amis avec délicatesse:
Cultivez avec soin l'amitié d'un chacun.
A l'égard des procès, n'en intentez aucun.

6.

Ne vous informez point des affaires des autres,
Sans affectation taisez-vous sur les vôtres.
Prêtez de bonne grace, avec discernement:
S'il faut récompenser, faites-le noblement.

7.

En quelque heureux état que vous puissiez paraître
Que ce soit sans excès, et sans vous méconnaître.

4.

Будь услуженъ, будь и тихъ, ласковъ въ разговорѣ;
Всѣхъ прїятно принимай, былъ никтобъ въ презорѣ.
Дерзостно не будь знако́мъ, обходисяжъ смѣло;
Не размысливъ не вступай ни въ какое дѣло.

5.

Безъ корысти всѣхъ люби, а прощай безъ ме́сти;
Низокъ будь большимъ, себяжъ подлымъ не бесчести.
Друженъ всѣмъ старайся быть, дружно поступая,
Тяжбы никогда ни съ кѣмъ самъ не зачиная.

6.

Не провѣдывай ни какъ что чинятъ другiе;
Про́сто крой дѣла̀ твои, чтобъ не знали злые.
Рассмотря давай въ займы, толькожъ добровольно;
Если нада наградить, награждай довольно.

7.

И какимъ бы ни хотѣлъ образомъ ты быти;
Быть безъ лишка, и себябъ въ томъ не позабыти.

Compatissez toujours aux disgraces d'autrui,	Страждетъ кто твой другъ напасть? сожалѣй безмѣрно;
Supportez ses défauts, vivez bien avec lui.	Въ другѣ всякъ порокъ сноси, все будь дру́гомъ вѣрно.
8.	8.
Surmontez les chagrins où l'esprit s'abandonne,	Побѣждай печаль, какъ духъ оной поддается;
Et ne les faites pas retomber sur personne.	Не вини въ той никого, та какъ и минется.
Où la discorde règne, apportez-y la paix,	Учинить старайся миръ, ссоры гдѣ злодѣйство;
Et ne vous vengez point, qu'à force de bienfaits.	Инакъ и не отмщевай, какъ чрезъ благодѣйство.
9.	9.
Reprenez sans aigreur, louez sans flatterie:	Жарко не жури людей, и хвали не льстивно;
Riez paisiblement, entendez raillerie.	Мѣрно смѣйся надъ людьми; смѣхъ терпи взаимно.
Estimez un chacun dans sa profession;	Кажда въ ремеслѣ своемъ чти ты безъ упрямства;
Et ne critiquez rien par ostentation.	Такъ же ничего не хуль одного для чванства.
10.	10.
Ne reprochez jamais les plaisirs que vous faites,	Благодѣтельствомъ твоимъ худо попрекати;
Mais mettez-les au rang des affaires secrètes.	Лучше оное всегда во́вся забывати.
Prévenez les besoins d'un ami malheureux:	Нуждну дру́гу помогай, тотъ хоть и не проситъ;
Sans prodigalité montrez-vous généreux.	Кто даритъ не такъ, какъ мотъ, щедро имя носитъ.

11.

Modérez les transports d'une bile naissante;
Et ne parlez qu'en bien de la personne absente.
Fuyez l'ingratitude, et vivez sobrement.
Iouez pour le plaisir, et perdez noblement.

11.

Пылка гнѣва угашай жаръ и не насытность;
Говори добро всегда въ чьюлибо небытность.
Благодарность бы была въ сердцѣ ти природно;
Для забавы хоть играй, толькожъ благородно.

12.

Parlez peu, pensez bien, et n'offensez personne:
Faites toujours grand cas de ce que l'on vous donne.
Ne tyrannisez point le pauvre débiteur;
Montrez-vous en tout temps pour lui de bonne humeur.

12.

Мысля, мало говори, обмануть не тщися;
Чтобъ ти ни было дано, тѣмъ всегда хвалися.
Должника не мучь, какъ онъ къ платѣ не исправенъ;
Для себя, и для него, все будь добронравенъ.

13.

Fuyez toute ignorance ainsi que la paresse,
Et ne vous laissez point surprendre par l'ivresse;
Mais lorsque vous prendrez quelque délassement,
Que ce soit sans excès et toujours sobrement.

13.

(Эти четыре стиха оставлены Тредьяковскимъ безъ перевода).

14.

Au bonheur du prochain ne portez point d'envie;
Et ne divulguez point ce que l'on vous confie.

14.

Ближнихъ щастія твоихъ не завидуй цвѣту;
Ввѣренное такъ храни, чтобъ не вынесть свѣту.

Ne vous vantez de rien; gardez votre secret.	Крой, не чваняся ничѣмъ, тайну ти искусно;
Et vous serez alors l'homme le plus parfait.	Презирай по семъ, какъ лгутъ про тебя что гнусно.

Первая ода Ломоносова ровно сто шестнадцать лѣтъ оставалась въ рукописи, о существованіи которой ничего не было извѣстно ни въ литературѣ, ни въ самой академіи. Только благодаря счастливой случайности ода Ломоносова появилась въ печати. Въ 1855 году праздновалось столѣтіе московскаго университета, въ основаніи котораго Ломоносовъ принималъ дѣятельное участіе. Въ засѣданіи Общаго собранія академіи наукъ, 2 декабря 1854 года, избраны были «комиссары» для составленія адреса московскому университету: отъ перваго отдѣленія академіи Д. М. Перевощиковъ, отъ втораго — И. И. Давыдовъ, отъ третьяго — А. А. Куникъ. Въ двухъ засѣданіяхъ этой комиссіи, 9 и 15 декабря 1854 года, положено: «Напечатать на пергаминѣ оду Ломоносова, переведенную имъ изъ Фенелона и найденную академикомъ Куникомъ въ академическомъ архивѣ. Этотъ переводъ вмѣстѣ съ подлинникомъ, и самимъ Ломоносовымъ переписанный, относится къ 1738 году, слѣдовательно предшествуетъ одѣ его на взятіе Хотина, которая доселѣ считается первою по времени одою въ исторіи нашей поэзіи. При одѣ будетъ надпись, снимокъ съ двухъ строфъ рукописи, объяснительныя замѣчанія, къ этой одѣ относящіяся, и портретъ Ломоносова, если только художникъ успѣетъ оный окончить». Въ экстраординарномъ Общемъ собраніи 22 декабря 1854 года академикъ Давыдовъ читалъ «пояснительныя примѣчанія на печатаемую оду Ломоносова», и опредѣлено: «Напечатать на пергаминѣ одинъ только экземпляръ переводной оды Ломоносова, вмѣстѣ съ французскимъ текстомъ, удержавъ въ обоихъ, для полнаго воспроизведенія подлинника, правописаніе рукописи Ломоносова, а также

и всѣ приложенія, поименованныя въ первой статьѣ донесенія комиссіи. Впослѣдствіи эта ода будетъ перепечатана въ другомъ форматѣ для гг. академиковъ и профессоровъ московскаго университета». Распоряженія относительно внѣшности изданія оды Ломоносова возложены Общимъ собраніемъ на академиковъ: Якоби, Бетлинга, Куника, и Коркунова.

(Архивъ конференціи Академіи наукъ: № 105, Protocoles de l'an 1854 и Акты экстраординарнаго Общаго Собранія 22 декабря 1854 г.).

Въ концѣ декабря 1854 года отпечатана ода Ломоносова, и 12 января 1855 года, въ день юбилея, поднесена московскому университету.

Краткія примѣчанія, приложенныя къ великолѣпному изданію первой оды Ломоносова, сообщены академикомъ Погодинымъ въ его «Воспоминаніи о Ломоносовѣ».

(Извѣстія Императорской Академіи наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. 1855. Т. IV. стр. 69 — 80).

Болѣе подробныя свѣдѣнія находятся въ статьѣ академика Куника: «Нѣсколько словъ о Фенелонѣ и его одѣ 1681 года, переведенной Ломоносовымъ».

(Ученыя записки Императорской Академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. Томъ III. Выпускъ 2. 1855. стр. 256 — 264).

Самая ода издана академикомъ А. А. Куникомъ въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. 1865. Часть II. стр. 407 — 418. Къ французскому подлиннику приложены варіанты по изданію оды въ Oeuvres de Fenelon. Paris, chez Didot. Tome III-me. 1850.

Внѣшнимъ поводомъ къ выбору оды Фенелона для перевода съ французскаго языка на русскій послужило очевидно требованіе относительно занятій языками, находящееся въ инструкціи, данной Ломоносову изъ академіи наукъ при отъѣздѣ его за границу. Но нельзя отрицать и причины внутренней: выбирая не другое какое-либо произведеніе, а именно эту оду, онъ безъ сомнѣнія руководствовался и своимъ собственнымъ чутьемъ, своимъ литературнымъ вкусомъ. Подобно Ломоносову, достоинство оды Фенелона признавали и другіе писатели восемнадцатаго столѣтія,

какъ иностранные, такъ и русскіе. Доказательствомъ этому могутъ служить отзывы французскихъ критиковъ и неоднократное появленіе ея въ русскомъ переводѣ — сорокъ и шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ перевода Ломоносова. Прилагаемъ два перевода — стихотворный и прозаическій.

Стихотворный переводъ, 1780 года, изданъ отдѣльно, въ 4-ю д., восемь страницъ, нумерованы отъ 3-й до 8-й; на первой — заглавіе; вся ода, за исключеніемъ заглавія, напечатана курсивомъ. За сообщеніе этой библіографической рѣдкости приносимъ искреннюю благодарность автору «Матеріаловъ для библіографіи» Як. Ѳед. Березину-Ширяеву. Прозаическій переводъ помѣщенъ въ журналѣ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени», издателемъ котораго былъ Сохацкій, профессоръ философіи, эстетики и древней словесности въ московскомъ университетѣ.

(Часть XIX. 1798. стр. 412 — 416).

ОДА

ГОСПОДИНА ФЕНЕЛОНА

переведенная Августа

1780 года.

1.

О! горы въ дерзости взносящи
Верьхи сѣдые къ небесамъ;
На сильныхъ раменахъ держащи
Превыспренній безсмертныхъ храмъ;
По бедрамъ вашимъ я ступаю,

И нѣжные цвѣты срываю.
У ногъ моихъ сверкаетъ лучь
И яры громы ударяютъ,
Дожди съ стремленьемъ упадаютъ
Изъ тяжкихъ влажностїю тучь.

2.

Подобны вы горамъ Ѳракїйскимъ,
Изъ коихъ дерзскїй древле родъ,
Къ мѣстамъ стремяся Олимпїйскимъ,
Желалъ воздвигнуть къ небу ходъ,
Одну поставя надъ другою;
Надъ вашей зрю поля главою,
И рядъ несчетный новыхъ горъ,
Что верьхъ степеньми возвышая,
Мятежны вѣтры отражая
Ведутъ ужасной съ ними споръ.

3.

Багряная заря руками
Когда румяной сыплетъ Свѣтъ
Надъ сими грозными горами,
Пастухъ овецъ въ луга ведетъ;
Въ мѣстахъ насытившися злачныхъ,
Подъ тѣнь деревъ межъ струй прозрачныхъ,
Гдѣ слышенъ тонкїй шумъ листовъ,
Отъ зноя въ полдень утомленны,
Въ едино сонмище стѣсненны
Текутъ стада младыхъ овновъ.

4.

Но въ грубой сей и своенравной,
Лишенной нѣжности странѣ,
Не зрю прїятности я равной
Красамъ бреговъ послушныхъ мнѣ:
Тамъ тихи воды протекаютъ,

И бурны вѣтры не дерзаютъ
Малѣйшихъ волнъ наверьхъ поднять;
Тамъ нѣтъ зимы, но небо ясно
Весенне время намъ прекрасно
Спѣшитъ по осени подать.

5.

Пустыня, въ коей обитаетъ
Покой и вѣчна тишина;
Гдѣ пѣнясь и журча раждаетъ
Веселый шумъ рѣка одна;
Въ которой островы зелены
Цвѣтутъ древами украшенны;
Плѣняя сердце духъ и взоръ.
Почто нѣтъ силъ, на лирѣ стройной
Чтобъ пѣснїю Боговъ достойной
Гласить похвалъ твоихъ соборъ?

6.

Когда зефиры тихи вѣютъ,
Сугубятъ жизнь въ древахъ младыхъ,
И класы, что въ долинѣ зрѣютъ,
Колеблются въ волнахъ густыхъ;
Церера оные срываетъ
И гумна наши наполняетъ.
Самъ Вакхъ въ осенни дни идетъ,
Къ намъ украшати грозды нѣжны,
И съ горъ въ поля и долы смѣжны
Источники вина лїетъ.

7.

Я вижу на концѣ браздами
Исполненныхъ въ долу полей,
Какъ кроются луга съ горами
Въ пространствахъ синихъ отъ очей.
Видъ оныхъ чудныя фигуры

Я чту игралищемъ натуры.
Потока чистаго въ брегахъ,
Какъ въ вѣрномъ горизонтъ зерцалѣ,
Я зрю изображенъ въ кристалѣ
Блестящемъ въ сребрянныхъ волнахъ.

8.

Плоды осенни созрѣваютъ
Съ благоуханьемъ купно розъ;
Верьхъ винограды преклоняютъ
Подъ бременемъ созрѣлыхъ лозъ;
Рѣка вїясь въ потокахъ разныхъ
Въ срединѣ острововъ прекрасныхъ,
Любя сосѣдственны луга,
Въ семъ мѣстѣ тихими водами,
Тамъ съ шумомъ быстрыми струями
Кропитъ зелены берега.

9.

Въ поляхъ ликуетъ испещренныхъ
Пастухъ вечернею порой;
Между свирѣлокъ вознесенныхъ
Онъ голосъ напрягаетъ свой.
И въ вашемъ пѣнїи согласномъ,
О! птички, нѣжномъ и прекрасномъ,
Нѣтъ тамъ стенящихъ голосовъ;
Одни лишъ горлицы вздыхаютъ,
И нѣжну вѣрность повторяютъ
Межъ раздающихъ пѣснь лѣсовъ.

10.

На мягкой муравѣ питаюсь
Прїятнымъ по трудахъ я сномъ;
Въ забвеньи нѣжномъ погружаюсь
И чувствомъ купно и умомъ:
Симъ прелестямъ себя вручаю,

Сей сладкій Нектаръ я вкушаю
Любезный смертнымъ и Богамъ.
О! вы въ градахъ пріятства льстивы,
Подобны снамъ моимъ и лживы,
Возможно ли предаться вамъ.

11.

Отъ бурь свирѣпыхъ удаленный,
Что мещутъ громы при дворахъ,
Покой вкушаю вожделенный
Въ тѣхъ безмятежныхъ я мѣстахъ:
Въ нихъ только жить я начинаю;
Одинъ безъ книги постигаю
Глубоку истинну умомъ,
И древнихъ лѣтъ дѣла минувши,
Любезны книги я разгнувши
Вперяю въ мысль свою потомъ.

12.

Я зрю въ спокойствѣ преглубокомъ
Улисса мудраго въ волнахъ,
Гонима древле злобнымъ рокомъ,
И осторожна при брегахъ;
Онъ наглы вѣтры побѣждаетъ;
Надменны волны презираетъ,
Свое отечество любя.
О! коль въ моихъ кустахъ прохлада,
Спокойства, тѣнь, въ трудахъ отрада
Пріятнѣй кажутъ мнѣ себя.

13.

Священны музы услаждаютъ
Отъ шума удаленный слухъ;
Оружіи звуки не дерзаютъ
Тревожить мой веселой духъ.
Доволенъ будучи собою,

Не льщусь я честію другою,
Какъ пѣть невиннѣйшій покой.
Прочь щастія блескъ принужденный;
Прочь знатныхъ милости премѣнны;
Я чту на свѣтѣ все мечтой.

14.

Въ какой странѣ ни обрѣтаюсь,
Не зрю подобной красоты,
Симъ мѣстомъ только услаждаюсь,
Презрѣвъ градскія суеты:
Тамъ жизнь мою увѣнчавая,
Благой судьбою управляя,
Мнѣ красны Парка дни сплететъ;
Тамъ прахъ почіетъ мой тѣлесный,
И Тирсъ надъ гробомъ токи слезны
Въ знакъ нѣжной дружбы пролїетъ.

ФЕНЕЛОНОВА ОДА,

въ молодыя лѣта имъ сочиненная.

1.

«Горы, покрытое вѣчнымъ льдомъ чело свое, сію подпору жилища боговъ, дерзновенно до небесъ возносящія! подъ вашими сѣдыми главами я превыше облакъ срываю весенніе цвѣты; у ногъ моихъ слышу негодующіе на землю громы, и тысящами падающіе потоки.»

2.

«Верьхи ваши, подобящїеся горамъ Ѳракїйскимъ, руками дерзкаго исполина для восхожденїя къ небесамъ на иныя горы взгроможденнымъ, суть равнины, носящїя на себѣ новыя горы, и при постепенномъ возвышенїи гордыми главами поругающїяся всѣмъ сопротивнымъ обуреванїямъ вѣтровъ.»

3.

«Едва токмо румяная заря позлатитъ всѣ сїи горы лучезарными огнями, и кроткїе блеющїе агнцы разсѣются по пажитямъ, какъ уже тѣнистыя вдоль потоковъ насажденныя, и зефирами зыблемыя рощи приглашаютъ стада и пастырей наслаждаться сномъ на брегахъ шумящихъ водъ.»

4.

«Но въ сей грубой, противообразной и дикой странѣ, ничто предъ глаза мои не представляетъ бреговъ орошаемыхъ моею рѣкою, рѣкою, гдѣ вѣтръ малѣйшихъ волнъ подъять не дерзаетъ, гдѣ не терпящее зимы ясное небо даруетъ весну во слѣдъ за осенью.»

5.

«Пустыня, гдѣ рѣка внушаетъ слуху токмо единый шумъ чистой, падающей, пѣнящейся, и убѣгающей воды, гдѣ два щастливые острова, зелеными вѣтвїями увѣнчанные, производятъ для прелести глазъ все, чего сердце желаетъ; почто не могу на лирѣ моей воспѣть тебя божественною пѣснїю?»

6.

«Тихое дыханїе зефира, озеленяющее вновь наши кустарники, на хребтахъ равнины струитъ желтыя жатвы, коими Церера обогащаетъ наши житницы. Во дни осеннихъ собиранїй самъ Вакхъ багрянитъ виноградныя кисти, и съ покатистыхъ холмовъ проливаетъ на окрестныя поля виноточныя рѣки.»

7.

«У предѣла полей, покрытыхъ позлащенными броздами, зрю бѣгущія горы и долины въ пространствѣ лазоревыхъ отдаленностей, коихъ чудный видъ есть игра природы. Горизонтъ обновляется на брегахъ потока, какъ въ вѣрномъ зерцалѣ, и живописуется въ сихъ струяхъ кристалловидныхъ.»

8.

«Купно съ осенними плодами цвѣтутъ благоуханія весны, и виноградная лоза увѣнчавается тысящами висящихъ гроздій. Сія лугамъ благотворная, и разными по цвѣтущимъ островамъ протоками украшающая ихъ рѣка омываетъ ковры ихъ индѣ спящими, индѣ быстрыми и шумными водами.»

9.

«По фіалкамъ скачущій пастырь смѣшиваетъ гласъ свой со звукомъ свирѣлей и роговъ. Птички! ваше прелестное пѣніе въ рощѣ сей изгоняетъ всѣ томныя изъ сердецъ заботы. Нѣжныя, жалобныя, вѣрныя горлицы и голубицы! вы единыя токмо въ ней стонете.»

10.

«Мягкая, разцвѣтшая трава посвящаетъ мнѣ дерновые одры. Сладкое размышленіе объемлетъ умъ мой и чувства. Симъ предаюсь я прелестямъ, симъ упоеваюсь нектаромъ, и самые боги тому завидуютъ. Моимъ мечтамъ подобны вы, льстивые обманы. Обольщенія ваши равны, но не столь пріятны.»

11.

«При висящихъ черныхъ, разительныхъ тучахъ, во всѣ времена подъ сими листвіями я обрѣтаю убѣжище. Здѣсь для начатія прямой жизни, я одинъ и безъ книги почерпаю истину. За симъ баснь купно съ исторіею начертываютъ въ памяти моей безпритворную древность.»

*

12.

«Зрю мудраго изъ Грековъ, игралище гнѣвнаго рока, въ кораблекрушенїи спокойнаго, въ пристанищѣ осторожнаго; побѣдителя свирѣпствующихъ вѣтровъ, непрестанно съ волнами борющагося.»

13.

«Удаленный отъ всѣхъ возмущенїй, вкушаю щастливую Музъ свободу. Ничто спокойства и удовольствїя моего не подвергаетъ звуку оружїй. Сердце мое, довольное своею лирою, не бьется побужденїемъ ни къ чему другому, кромѣ токмо воспѣвать небесный даръ пѣснопѣнїя. Прочь, лживая Фортуна, и ты, обременительное покровительство! Весь свѣтъ для меня ничто.»

14.

«Подъ какимъ бы я небомъ ни скитался; но уголъ сей щастливой, смѣющейся предъ очами моими земли паче всѣхъ иныхъ мѣстъ мнѣ любезенъ. Здѣсь во увѣнчанïе моей жизни благопрïятнѣйшая кончина прекратитъ дражайшïе дни мои. Здѣсь почïетъ прахъ мой. Сюда придетъ мой Тирсисъ пролить дружеству должныя слезы.» *Г. Щ.*

II.

ТЕКСТЪ.

С. I. — Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова. Книга первая. 1751. Оды похвальныя. Ода 10. стр. 157 — 171. Строфы обозначены цыфрами.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 года. Вся ода писана Ломоносовымъ собственноручно. Заглавіе, также собственноручно: «Ода 10, Блаженныя памяти Государыни Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ на побѣду надъ Турками и Татарами и на взятіе Хотина 1739 года». Строфы обозначены цыфрами.

С. II. — Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. . . Михайла Ломоносова. Книга первая. 1757. Оды похвальныя. Ода 12. стр. 142 — 153. Строфы обозначены цыфрами.

Рит. I. — Рукописная Риторика Ломоносова. 1744.

Рит. II. — Рукописная, собственноручная, Риторика Ломоносова. 1746 — 1747.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 году.

Рит. IV.—Риторика, помѣщенная во второй книгѣ Собранія сочиненій Ломоносова, вышедшей въ 1759 году.

Ст. 6 — 7. Что межъ травой въ лугу журчитъ
И въ низъ съ холмовъ шумя стремится. (Рит. II и III. § 163).

Что межъ травой въ лугу журчитъ
И съ холмовъ въ низъ шумя стремится. (Рит. IV. § 163).

Ст. 7. И съ шумомъ въ низъ съ холмовъ стремится, (Р.)

Ст. 10. Далече дымъ въ поляхъ мутится. (Р.)

Ст. 33 — 35. Въ сердцахъ кипитъ волнуясь кровь;
Растетъ отъ грозна бодрость звуку.
Не левъ ли алчущихъ волковъ (Р.)

Ст. 53 — 56. За Тигръ своихъ, Стамбулъ, заграбь.
Что камни со бреговъ смываетъ.
Претить не могутъ огнь, вода,
Орлица какъ паритъ туда. (Рит. I. § 53)

Ст. 60. Доступятъ тамъ полкѝ орлины. (С. П.)

Ст. 62. Пускай бурливы вихри стонутъ, (Рит I. § 105)

Ст. 63. И мрачной дымъ покроетъ свѣтъ (Р.)

Ст. 66. Васъ рокъ желаетъ самъ покрыть. (Рит. I. § 105.)

Ст. 68 — 70. Уже какъ ро́щу въ зной зажженну
Терзаетъ огнь турецкїй станъ.
Теперь о гордый Бусорманъ
Излей свой гнѣвъ, тревожъ вселе̇нну! (Р.)

(Въ *Р.* въ седьмой строфѣ *одиннадцать* стиховъ, вмѣсто обычныхъ десяти).

Ст. 76. На блѣдный трупъ въ Срацинскїй полкъ. (Р.)

Ст. 93 — 97. Въ Иранскихъ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли Персы низложенны?
Онъ такъ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
Онъ такъ бросалъ за Бельтъ свой громъ,
Онъ сильну такъ взносилъ десницу, (Рит. II, III и IV. § 68. Послѣднiе три стиха (95 — 97) повторены въ томъ же видѣ: Рит. II, III и IV. § 203).

Ст. 94. Не симъ ли пали низложенны? (Р.)

Ст. 96. Какъ къ Готскимъ приплывалъ брегамъ, (С. П.)

Ст. 118. Покрывъ его побѣдой сей. (Р.)
Ст. 123. Не смѣя въ бой вступить ужъ вновь, (Р.)
Ст. 142 — 150. Отзывкой плеску шумъ прибавилъ,
Сердясь волнами Турка льетъ,
Что смѣлость, нравъ, шатеръ оставилъ.
Агарянъ ноги въ выстрѣлъ всякъ
Дрожатъ, себѣ являя знакъ,
Въ послѣдни что бѣжа ступаютъ.
Земля не хочетъ ихъ носить,
Отъ насъ не знали что покрыть,
Верьхи свои древа качаютъ. (Рит. I. § 54.)
Ст. 143 — 144. Сердитъ волнами Турка льетъ.
Что смѣлость, кровь, шатры оставилъ.
(Рит. I. § 79.)
Ст. 149 — 150. Не хочетъ, что не могъ закрыть.
Скрываетъ мракъ и страхъ дорогу. (Р.)
Ст. 157. Янычаръ твой свирѣпо злился, (Р., С. II.)
Ст. 171. Уже златой денницы перстъ (Рит. I. § 112.)
Ст. 173. Съ востока скачетъ по сту верстъ, (Рит. I. § 112.)
Ст. 176 — 177. Онъ пламеннымъ встряхнувъ верьхомъ
Преславну видя вещь дивится. (Рит. I. § 112.)
Ст. 215 — 219. Еще упрямство боретъ страсть?
Не хочешь ницъ предъ Анной пасть?
Не хочешь съ нами въ миръ склониться?
Стамбулъ, Кѵпръ, Аленъ, згоритъ, (Рит. I. § 100.)
Ст. 268. Мѣстамъ гдѣ нынь спокойно спитъ. (Р.)
Ст. 277 — 278. Въ *С. I.* опечатки: *громной* вмѣсто *громкой*; *сихъ* вмѣсто *силъ*. Опечатки эти исправлены въ С. II.

ВЪ ОТНОШЕНІИ ПРАВОПИСАНІЯ:

Ст. 82. Хладнѣютъ жилы *серце* ноетъ? (Р.)
Хладнѣютъ жилы, *сердце* ноетъ! (С. I. и II.)

Ст. 200. Извергли духъ *сердца* кичливы. (Р.)
Извергли духъ *серца* кичливы. (С. I. и II.)
Ст. 138. Летаетъ слава въ *тмѣ* ночной, (Р.)
Летаетъ слава въ *тьмѣ* ночной, (С. I. и II.)
Ст. 254. Съ *пшеницей* гдѣ покой насѣянъ. (Р.)
Съ *пшеницой* гдѣ покой насѣянъ. (С. I. и II.)
Ст. 202. Что иго лютое *сбросили,* (Р.)
Что иго лютое *збросили,* (С. I. и II.)
Ст. 1. Восторгъ *внезапной* умъ плѣнилъ, (Рит. II. § 163.)
Восторгъ *внезапный* умъ плѣнилъ, (Р., Рит. III. § 163., С. I. и II.)

Въ *Р.* самъ Ломоносовъ въ словѣ *внезапной* передѣлалъ *о* въ *ы;* въ Рит. III. Ломоносовъ, въ корректурныхъ листахъ, въ словѣ *внезапной* зачеркнулъ *о* и поставилъ на поляхъ *ы.*

Ст. 26. Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ: (Р.)
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ; (С. I. и II).
Ст. 84—86. Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
Небесная отверзлась дверь; (С. I. и II.).

Тѣ же знаки были и въ собственноручной рукописи Ломоносова, но онъ замѣнилъ восклицательный знакъ точкой, и точки съ запятыми передѣлалъ въ запятыя: *воетъ.* — *звѣрь,* — *дверь.* (Р.)

Ода на взятіе крѣпости Хотина написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, и прислана Ломоносовымъ изъ Фрейберга въ Петербургъ въ концѣ 1739 или въ началѣ 1740 года. Хотинъ взятъ русскими войсками 19 августа 1739 года, и въ первыхъ числахъ сентября 1739 года въ петербургскихъ газетахъ, русской и нѣмецкой, появилось подробное описаніе взятія крѣпости. Оно препровождено было саксонскому правительству дипломатичес-

кимъ путемъ; оно же послужило источникомъ и для иностранныхъ газетъ. Изъ нихъ-то, по всей вѣроятности, Ломоносовъ и узналъ о подвигѣ русскихъ войскъ, имѣвшемъ рѣшительное вліяніе на исходъ нашей войны съ Турціею. Въ счетѣ за чтеніе газетъ и журналовъ значится на Ломоносовѣ долгъ за чтеніе Hallische Zeitung въ теченіе трехъ четвертей года, съ Иванова дня 1739 года до Святой 1740 года.

(Сборникъ матеріаловъ для исторіи академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ; издалъ А. Куникъ. 1865. Ч. I. стр. XXVIII, XXXVIII и 175).

Послѣдовавшій за взятіемъ Хотина Бѣлградскій миръ заключенъ $\frac{7}{18}$ сентября, а размѣномъ ратификацій утвержденъ $\frac{17}{28}$ декабря 1739 года. Ломоносовъ писалъ свою оду до появленія извѣстій о заключеніи мира, какъ видно изъ содержанія оды вообще и особенно изъ словъ, обращенныхъ къ Портѣ (ст. 215 — 216):

Еще высокихъ мыслей страсть
Претитъ тебѣ предъ Анной пасть?

Ода на взятіе Хотина весьма долго считалась первою по времени одою Ломоносова, и не возникало сомнѣнія въ томъ, что она была напечатана вскорѣ по полученіи ея въ Петербургѣ. Въ словарѣ Новикова, вышедшемъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Ломоносова, упоминается объ одѣ его въ самыхъ общихъ чертахъ: «Въ Марбургѣ пробылъ онъ четыре года; потомъ поѣхалъ въ Саксонію, наконецъ возвратился въ С. Петербургъ въ 1741 году. Около сего времени оказалъ онъ первые опыты столь гремѣвшаго не только въ Россіи, но и въ чужестранныхъ областяхъ, лирическаго стихотворства, сочинивъ *торжественную оду* и нѣсколько потомъ другихъ.»

(Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 62).

Болѣе опредѣленныя указанія находимъ у Штелина. Въ архивѣ конференціи академіи наукъ сохранилась рукопись, на французскомъ языкѣ, заключающая въ себѣ свѣдѣнія о жизни академика Штелина, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ; подъ 1783 годомъ замѣчено: S. A. madame la princesse

de Dachkoff ayant resolu de faire imprimer une nouvelle édition complette des oeuvres de Lomonosoff, il lui fournit quelques feuilles d'anecdotes sur la vie de ce celebre savant qu'il avoit recueilli de ses papiers. Штелинъ говоритъ, что Ломоносовъ во время пребыванія своего въ Марбургѣ сталъ сочинять русскіе стихи новымъ размѣромъ, и первымъ опытомъ его въ этомъ родѣ, въ 1739 году, была торжественная ода на взятіе *Хотина* (Штелинъ по ошибкѣ написалъ *Очакова*): «она была напечатана при академіи, поднесена императрицѣ Аннѣ, роздана при дворѣ, и всѣ читали ее, удивляясь новому размѣру».

(Москвитянинъ. 1850. Ч. I. Отдѣлъ III. стр. 4).

Матеріалами Штелина воспользовался составитель біографіи Ломоносова, помѣщенной при академическомъ изданіи его сочиненій. Въ этомъ очеркѣ сказано, что Ломоносовъ, будучи студентомъ марбургскаго университета, началъ писать стихи новымъ размѣромъ, и «первый примѣръ такихъ размѣровъ въ русскихъ стихахъ оказалъ въ 1739 году торжественною одою на побѣду, одержанную россійскими императорскими войсками надъ татарами и турками, или на завоеваніе крѣпости Хотина. Сію оду прислалъ онъ изъ Марбурга къ тогдашнему санктпетербургской академіи наукъ президенту г. Корфу. Каммергеръ Корфъ напечаталъ ее. Подалъ въ торжественный день императрицѣ Аннѣ. Разнесена была ко всѣмъ придворнымъ; каждый читалъ ее со удивленіемъ.»

(Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова. 1784. Часть I. стр. VIII—IX).

Съ тѣхъ поръ и до позднѣйшаго времени свидѣтельство Штелина и академическаго біографа Ломоносова принималось на вѣру, и много разъ было повторяемо съ различными дополненіями и видоизмѣненіями въ томъ или другомъ родѣ. Одни описывали яркими красками впечатлѣніе, произведенное одою рыбака на высшее петербургское общество; другіе высказывали свои предположенія о томъ, въ какомъ количествѣ экземпляровъ отпечатана ода, и кто держалъ корректуру, и т. п.

Но самыя тщательныя разысканія приводятъ къ заключенію, что ода на взятіе Хотина была прислана изъ Фрейберга, а не изъ Марбурга, и не была напечатана ни въ 1739 или 1740 году, ни впослѣдствіи до 1751 года.

Ломоносовъ, по его собственнымъ словамъ, послалъ въ академію оду свою вмѣстѣ съ «письмомъ» или «разсужденіемъ о нашей версификаціи», а Тредьяковскій говоритъ по этому поводу: «Будучи въ *Фрейбергѣ,* студентъ Михайло Васильевъ сынъ Ломоносовъ, что нынѣ адъюнктомъ при академіи, прислалъ *оттуда* въ академію наукъ письмо, которымъ онъ опровергалъ правила, положенныя отъ меня, а свои вмѣсто тѣхъ представилъ».

(Исторія Императорской академіи наукъ въ Петербургѣ, Петра Пекарскаго. 1873. Т. II. стр. 83).

Что Ломоносовъ находился въ это время, т. е. въ концѣ 1739 и въ началѣ 1740 года, во Фрейбергѣ, видно изъ переписки Генкеля съ президентомъ академіи наукъ барономъ Корфомъ. Генкель пишетъ изъ *Фрейберга* о Ломоносовѣ и двухъ его товарищахъ, 30 іюля (10 августа) 1739 года: «Русскіе студенты: Рейзеръ, Ломоносовъ и Виноградовъ, прибыли сюда нѣсколько дней тому назадъ (vor etlichen Tagen); 13 (24) декабря 1739 года — «за обученіе трехъ, находящихся здѣсь, русскихъ студентовъ (allhier in meiner Institution sich befindenden Hrn. Ruszen)»; и т. д. Изъ писемъ Генкеля видно, что Ломоносовъ былъ въ Фрейбергѣ въ маѣ и въ іюнѣ 1740 года.

(Сборникъ матеріаловъ для исторіи академіи наукъ; изд. А. Куникъ. 1865. Ч. I. стр. 160, 166, 172 — 173).

Отдѣльнаго изданія (editio princeps) оды на взятіе Хотина нѣтъ ни въ академической, ни въ публичной, ни въ эрмитажной библіотекѣ, ни въ библіотекѣ московскаго университета, ни въ библіотекѣ бывшаго шляхетнаго корпуса, ни въ Румянцовскомъ музеѣ, ни въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и др. Ни на страницахъ тогдашнихъ повременныхъ изданій, ни въ архивѣ конференціи академіи наукъ, ни въ архивѣ академической канцеляріи, ни въ дѣлахъ типографіи академіи не

встрѣчается ни малѣйшихъ указаній на оду Ломоносова, хотя есть точныя данныя о печатаніи двухъ другихъ одъ (русской — Витынскаго и нѣмецкой — Махницкаго), написанныхъ въ то же время и также на взятіе Хотина. Вирши Витынскаго въ такомъ родѣ:

Чрезвычайная летитъ — что то за премѣна!
Слава носящая вѣтвь финїка зелена;
Порфирою блещетъ вся, блещетъ вся отъ злата,
Отъ конца мїра въ конецъ мечется крылата.
Востокъ, Западъ, Сѣверъ, Югъ, бре́ги съ Океаномъ,
Новую слушайте вѣсть, что надъ мусулманомъ
Полную Россїйскїй мечъ, коль храбрый, толь славный,
Вїкторїю получилъ, и авантажъ главный. . .
По побѣдѣ и Хотинъ городъ взятъ толь славный,
Коль стѣнами огражденъ крѣпкими, коль давный. . .

Страннымъ можетъ показаться, что академическая канцелярія, по опредѣленію которой печатались подобныя вирши, оставила совершенно безъ вниманія превосходное по своему времени произведеніе Ломоносова. Не кроется ли причина этому въ литературной враждѣ, въ оскорбленномъ авторскомъ самолюбіи? Письмо Ломоносова о русскомъ стихосложеніи направлено противъ Тредьяковскаго и послано, вмѣстѣ съ одой, въ Академію наукъ на судъ образовавшагося въ средѣ академіи «Россійскаго Собранія», дѣятельнѣйшимъ членомъ котораго былъ Тредьяковскій. Ода служила нагляднымъ и въ высшей степени краснорѣчивымъ подтвержденіемъ справедливости мыслей, высказанныхъ Ломоносовымъ въ письмѣ, опровергающемъ мнѣніе Тредьяковскаго. Авторъ «Новаго и краткаго способа къ сложенію россійскихъ стиховъ» написалъ возраженіе также въ формѣ письма и отдалъ его въ академическую канцелярію для отправки въ Фрейбергъ. Письмо Ломоносова обращено къ членамъ Россійскаго Собранія, вслѣдствіе чего и отвѣтъ Тредьяковскаго написанъ отъ имени Россійскаго Собранія. Но отвѣтное письмо Тредьяковскаго,

наполненное «учеными спорами», не было отправлено по назначенію, чтобы «на платежъ за почту денегъ напрасно не терять». При такомъ положеніи дѣла Тредьяковскій едва ли особенно желалъ появленія въ печати какъ письма Ломоносова, такъ и его оды. Но не желать не значитъ еще открыто противодѣйствовать, и остается неизвѣстнымъ, почему такъ не посчастливилось произведенію Ломоносова, которое, казалось, должно было бы встрѣтить большое сочувствіе.

На основаніи всѣхъ данныхъ, которыя удалось добыть до настоящаго времени, оказывается, что ода на взятіе Хотина пролежала въ рукописи около двѣнадцати лѣтъ и впервые напечатана въ 1751 году самимъ авторомъ въ Собраніи его сочиненій.

Въ вышедшемъ въ 1751 году «Собраніи разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова» ода на взятіе Хотина помѣщена десятою, т. е. послѣднею. Полагаютъ, что это сдѣлано «вѣроятно не безъ умысла».

(Сборникъ матеріаловъ для исторіи академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ. 1865. Ч. I. стр. XXXII).

Причина такого размѣщенія заключается въ слѣдующемъ: изъ десяти похвальныхъ одъ, находящихся въ Собраніи сочиненій Ломоносова 1751 года, первыя шесть одъ относятся къ *царствующей* государынѣ; три слѣдующія — къ *наслѣднику престола*, а послѣдняя — къ *покойной* государынѣ. Въ первомъ и во второмъ отдѣлѣ оды расположены въ хронологическомъ порядкѣ:

Ода первая — На прибытіе Императрицы Елисаветы Петровны, послѣ коронаціи, изъ Москвы въ Петербургъ въ 1742 году.

Ода вторая — На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, 1746 года (25 ноября).

Ода третья — На день рожденія Императрицы Елисаветы Петровны, 1746 года (18 декабря).

Ода четвертая — На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года.

Ода пятая — На день восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, 1748 года.

Ода шестая — Благодарственная Ея Величеству за милость, оказанную автору 27 августа 1750 года.

Ода седьмая — На прибытіе изъ Голштиніи Великаго Князя Петра Θедоровича, 10 февраля 1742 года.

Ода восьмая—На день тезоименитства Великаго Князя Петра Θедоровича, 1743 года.

Ода девятая — На день бракосочетанія Великаго Князя Петра Θедоровича, 1745 года.

Ода десятая — Блаженныя памяти Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ на взятіе Хотина.

Въ изданіи 1751 года ода на взятіе Хотина печаталась съ собственноручнаго подлинника Ломоносова — съ рукописи, хранящейся въ первомъ отдѣленіи библіотеки академіи наукъ. На рукописи помѣтка: «Рукописные труды Ломоносова № 2»; внизу, стариннымъ почеркомъ: «Изъ типографіи 1756 декабря 3». Любопытно, что изъ всѣхъ похвальныхъ одъ, находящихся въ рукописи, только одна ода на взятіе Хотина писана *собственноручно* Ломоносовымъ; всѣ же остальныя оды списаны рукою писца съ *печатныхъ* экземпляровъ, въ чемъ легко убѣдиться при сравненіи рукописнаго текста съ первымъ изданіемъ (editio princeps). Не заключается ли здѣсь новаго указанія на тò, что ода на взятіе Хотина въ первый разъ напечатана только въ 1751 году. По крайней мѣрѣ, тѣ мѣста въ похвальныхъ одахъ, которыя впервые напечатаны въ изданіи 1751 года, въ рукописи собственноручно написаны Ломоносовымъ. Такъ напримѣръ: въ третьей одѣ прибавлено Ломоносовымъ собственноручно двѣ строфы—четвертая и пятая, вслѣдствіе чего въ изданіи 1751 года третья ода состоитъ изъ семнадцати строфъ, а въ первомъ изданіи (editio princeps) ихъ было только пятнадцать. Въ рукописи седьмая строфа оды на взятіе Хотина состоитъ изъ одиннадцати стиховъ вмѣсто десяти, чтò едва ли бы осталось въ такомъ видѣ въ печатномъ изданіи, если бы оно существовало до 1751 года.

Нѣтъ сомнѣнія, что рукопись оды на взятіе Хотина, хотя и собственноручная, но не та самая, которую Ломоносовъ прислалъ

изъ Фрейберга. Самое заглавіе: «*Ода 10,* Блаженныя памяти Государынѣ» и т. д. показываетъ, что она предназначалась для издаваемаго собранія сочиненій. Въ рукописи своей Ломоносовъ сдѣлалъ нѣсколько измѣненій.

	Было написано:	**Измѣнено Ломоносовымъ:**
Ст. 10:	Тамъ дымъ и прахъ въ поляхъ мутится.	Далече дымъ въ поляхъ мутится.
Ст. 36:	Что кажутъ съ пѣной ядъ зубовъ	Что кажутъ острыхъ ядъ зубовъ
Ст. 93—94:	Въ Иранскихъ жаждущихъ степяхъ. Не симъ ли Персы низложенны?	И Персы въ жаждущихъ степяхъ Не симъ ли пали низложенны?
Ст. 134:	И своего боится слѣда.	Боится собственнаго слѣда.
Ст. 146:	И мнитъ что онъ уже теперь	И чаетъ что уже теперь
Ст. 176:	Онъ пламеннымъ тряхнувъ верхомъ;	Онъ пламеннымъ потрясъ верхомъ, (Въ рукописи описка: «верхомомъ»).
Ст. 205:	И что свирѣпы руки тѣ,	И варварскія руки тѣ,
Ст. 228:	Перо златое правда взявъ	И правда взявъ перо злато́,

---

Ст. 1—10. Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верьхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ;
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключь молчитъ,
Которой завсегда журчитъ

И съ шумомъ въ низъ съ холмовъ стремится.
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Державинъ приводитъ всю эту строфу какъ превосходный образецъ такъ называемаго лирическаго безпорядка: «*Безпорядокъ лирическій* значитъ то, что восторженный разумъ не успѣваетъ чрезмѣрно быстротекущихъ мыслей расположить логически. Потому ода плана не терпитъ. Но безпорядокъ сей есть высокій безпорядокъ, или безпорядокъ правильный. Между періодовъ, или строфъ, находится тайная связь, какъ между видимыхъ, прерывистыхъ колѣнъ перуна неудобозримая нить горючей матеріи. Лирикъ въ пространномъ кругу своего свѣтлаго воображенія видитъ вдругъ тысячи мѣстъ, отъ которыхъ, чрезъ которыя и при которыхъ достичь ему предмета, имъ преслѣдуемаго; но ихъ нарочно пропускаетъ или, такъ сказать, совмѣщаетъ въ одну совокупность, чтобъ скорѣе до него долетѣть. При всемъ томъ, если не предводитъ его разумъ, то хотя препровождать долженъ. Иначе сей мнимый безпорядокъ будетъ въ самомъ дѣлѣ безпорядокъ, горячка, бредъ. Вотъ примѣръ лирическаго безпорядка, въ которомъ поэтъ, какъ изступленный, мечется отъ одной мысли къ другой, кажется безъ всякой связи, но сколько тутъ ума и сколько красотъ! Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ» и т. д.

(Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. 1872. Т. VII. стр. 539—540).

«Собранныя въ слѣдующей строфѣ мысли не имѣютъ, кажется, никакой между собою связи, но всѣ клонятся къ одной цѣли и заключаютъ много прекрасныхъ изображеній. Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ» и т. д.

(Словарь древней и новой поэзіи, составленный Николаемъ Остолоповымъ. 1821. Ч. II. стр. 241—242).

«Ломоносовъ позналъ, что для стихотвореній важныхъ и описующихъ дѣла героевъ, ямбы суть приличнѣйшій родъ стопосложенія, и первый тому опытъ показалъ (въ 1739 году) торже-

ственною одою на побѣду, одержанную россійскими войсками надъ татарами и турками, или на завоеваніе крѣпости Хотина. Онъ послалъ сію оду изъ Марбурга въ С.-Петербургъ къ тогдашнему академіи наукъ президенту. Сія ода была напечатана, и въ торжественный день представлена блаженныя памяти Императрицѣ Аннѣ. Всѣ читали ее съ восторгомъ. Да и кто не вознесется духомъ, кто не воспылаетъ подобнымъ ему жаромъ, кто не удивится быстрому полету мыслей, читая въ сей одѣ: Восторгъ внезапно (sic) умъ плѣнилъ» и т. д., до конца строфы.

(Слово похвальное Михайлу Васильевичу Ломоносову, читанное въ Императорской Россійской Академіи въ годовомъ торжественномъ ея собраніи 1805 года членомъ оныя Васильемъ Севергинымъ. 1805. стр. 11—13).

Сумароковъ раздѣляетъ всѣ строфы въ одахъ Ломоносова на семь разрядовъ, которымъ даетъ такія названія: «строфы прекраснѣйшія; строфы прекрасныя; строфы весьма хорошія; строфы хорошія; строфы изрядныя; строфы, по моему мнѣнію, требующія большова исправленія; строфы, о которыхъ я ни чево не говорю».

(Полное собраніе всѣхъ сочиненій А. П. Сумарокова. 1787. Часть X. стр. 91—92).

Первую строфу въ одѣ на взятіе Хотина Сумароковъ относитъ къ числу «весьма хорошихъ».

Ст. 1 — 7. Первыя семь стиховъ въ первой строфѣ оды на взятіе Хотина самъ Ломоносовъ приводитъ, въ своей Риторикѣ, въ примѣръ *умягченныхъ вымысловъ:* «Умягчаются вымыслы и въ косвенные обращаются тремя способами: *условіемъ, сомнѣніе значащими словами* и *фигурами*. Сіи способы какъ у ораторовъ, такъ и у стихотворцевъ употребительны. Примѣры умягченныхъ вымысловъ фигурами; мечтаніемъ:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ. . . .
И въ низъ съ холмовъ шумя стремится. (Рит. II, III и IV. § 163).

Ст. 3: Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,

Ода торжественная о здачѣ города Гданска, сочиненная чрезъ Василья Тредіаковскаго. 1734. ст. 9:

Бурливые вѣтры! молчите. . .

Буало: Ode sur la prise de Namur, ст. 9:

Et vous, Vents, faites silence. . .

Ст 5. Внимая нѣчто ключь молчитъ.

«Избранное Ломоносовымъ слово *(Ключь)* осталось, кажется, навсегда для этого представленія безъ соперника. Всякій скажетъ конечно: *Ключь Кастальскій,* а не *ручей.* Ключь молчитъ — показываетъ поэтическое, оживленное воззрѣніе на явленіе природы, безъ насилія воображенію. Послѣ этого чувствуешь, какъ легко могло явиться выраженіе *говоръ ручья.*»

(Записки Академіи наукъ. 1863. Т. III. Книжка I. *Билярскаго:* Образчикъ филологическаго разбора языка новѣйшихъ писателей. стр. 125—137).

Ст. 11 — 14: Не Пиндъ ли подъ ногами зрю?
Я слышу чистыхъ сестръ Музыку!
Пермесскимъ жаромъ я горю,
Теку поспѣшно къ оныхъ лику.

Ломоносовъ приводитъ эти четыре стиха въ примѣръ «вымысла, умягченнаго фигурою вопрошенія». (Рит. II, III и IV. § 163). Сумароковъ называетъ эту строфу «весьма хорошею».

Тредьяковскаго Ода о здачѣ Гданска, ст. 3—6:

Чистое Парнасса убранство,
Музы! не васъ ли вижу нынѣ?
И звонъ вашихъ струнъ сладкогласныхъ,
И силу ликовъ слышу красныхъ. . .

Буало: Ode sur la prise de Namur. ст. 3, 4:

Chastes Nymphes du Permesse
N'est-ce pas vous que je voy?

Ст. 31 — 33: Крѣпитъ отечества любовь
Сыновъ россійскихъ духъ и руку;
Желаетъ всякъ пролить всю кровь. . .

Тредьяковскаго, Ода о здачѣ Гданска. ст. 55, 57:

Готовъ и кровь пролити смѣло,
Щастіемъ Анны всѣ крѣпятся. . . .

Четвертая строфа требуетъ, по мнѣнію Сумарокова, большаго исправленія.

Ст. 41—44, 46—47: Не мѣдь ли въ чревѣ Етны ржетъ,
И съ сѣрою кипя, клокочетъ?
Не адъ ли тяжки узы рветъ
И челюсти разинуть хочетъ?
Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ. . .

Буало: Ode sur la prise de Namur. ст. 28 — 30; ст. 97 — 100:

Et par cent bouches horribles
L'airain sur ces monts terribles
Vômit le fer et la mort. . . .
Et les bombes dans les airs
Allant chercher la tonnerre,
Semblent, tombant sur la Terre,
Vouloir s'ouvrir les Enfers.

Первые четыре стиха (41 — 44) Державинъ приводитъ въ примѣръ *новости*: «*Новость*, или необыкновенность чувствъ и выраженій, заключается въ томъ, что когда поэтъ неслыханными прежде на его языкѣ изреченіями, подобіями, чувствами или картинами поражаетъ и восхищаетъ слушателей, излагая мысли свои въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, такъ, чтобы онѣ по сходству съ употребительными, извѣстными картинами, или самою природою, по тѣмъ или другимъ качествамъ, не взирая на свою новость, тотчасъ ясны становились и плѣняли разумъ. Витійственныя сѣти сіи не потому нравятся знатокамъ, что онѣ остро выдуманы; но что ласкаютъ ихъ самолюбію, когда настоящіи оныхъ разумъ скорѣе, чѣмъ простой народъ, понимаютъ. Напри-

мѣръ: они гордятся тѣмъ, что въ стрѣлахъ Пиндара слышатъ поразительные звуки арфы, сердца ихъ услаждающіе; а въ стрѣлахъ Гомера видятъ лучи Аполлона, или солнца, смертельную язву Грекамъ наносящіе, чего другіе не видятъ и не слышатъ. Вотъ примѣры новыхъ чувствъ и выраженій: Не мѣдь ли въ чревѣ Этны ржетъ. . . . И челюсти разинуть хочетъ?».

(Сочиненія Державина. 1872. Т. VII. стр. 547—548).

Ст. 45: То родъ отверженной рабы,

Гюнтеръ въ одѣ на миръ съ Портою, 1718 г. ст. 262:

Du böses Ismaels - Geschlechte!

Ст. 48: Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ,

Ода Ломоносова, 1741 года: «Первые Трофеи Императора Іоанна III». ст. 112:

Къ трудамъ избранной нашъ народъ,

Пятую строфу Сумароковъ относитъ къ «строфамъ прекраснѣйшимъ».

Въ похвальномъ словѣ Ломоносову Севергинъ приводитъ эту строфу вслѣдъ за первой какъ равную ей по поэтическому достоинству.

Ст. 51 — 56. Рукописная Риторика Ломоносова, 1744 года, § 53: «Чрезъ намѣреніе идею довольно можно распространить, естьли представлено будетъ, что оно возможно и удобно или невозможно и неудобно; имѣетъ препятствія или вспоможенія, что можно взять изъ свойствъ мѣста, времени и признаковъ самой вещи, на которую намѣреніе положено, и того, кто оное предпріялъ. н. п.:

За холмы, гдѣ паляща хлябь.
Дымъ, пепелъ, пламень, смерть рыгаетъ,
За Тигръ своихъ, Стамбулъ, заграбь.
Что камни со бреговъ смываетъ.
Претить не могутъ огнь, вода,
Орлица какъ парить туда".

Шестую строфу Сумароковъ находитъ также «прекраснѣйшею».

Ст. 61 — 66. Эти стихи Ломоносовъ приводитъ въ своей Риторикѣ 1744 года, § 105: «Уступленіе фигура есть, когда риторъ уступаетъ что-нибудь противное предлагаемой рѣчи, н. п. воскресите, воскресите его отъ мертвыхъ, естьли можете, смотрите ожившаго стремленіе, котораго и во гробѣ лежащаго бѣшенство вамъ несносно, или:

Пускай земля какъ Понтъ трясетъ,
Пускай бурливы вихри стонутъ,
Премрачной дымъ покроетъ свѣтъ,
Въ крови Молдавски горы тонутъ.
Но вамъ не можетъ то вредить,
Васъ рокъ же́лаетъ самъ покрыть".

Сумароковъ считаетъ седьмую строфу «хорошею».

Въ строфахъ: *девятой, десятой, одиннадцатой* и *двѣнадцатой* Ломоносовъ изображаетъ явленіе, съ небесной высоты, и бесѣду двухъ «героевъ» русской исторіи — Петра Великаго и Ивана Грознаго. Вызовъ тѣней изъ царства мертвыхъ — давній литературный обычай; ораторы и поэты обращались къ умершимъ, дѣлая ихъ участниками событій, совершавшихся послѣ ихъ смерти.

У Гюнтера, въ одѣ на миръ съ Портою, ст. 47 — 50, 57 — 60 и др.

Es sind die Seelen alter Helden:
Sie kommen, deinen Muth zu sehn,
Und werden, was durch ihn geschehn,
Der Ewigkeit voraus vermelden. . . .
Sie helfen euch im Sieg und Schlagen;
Denn hat ihr Schatten gleich kein Hertz,
So kan er doch wohl hinterwärts,
Den Feind mit kaltem Schauer plagen. . . .

Жуковскій въ «Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ»:

Смотрите, въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами. . . .
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ. . .
И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей,
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца снѣдь мечей,
И міръ взываетъ слава!
Давно ль, о хищникъ, пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ Сарматомъ. . . .

Въ драмѣ, задуманной Грибоѣдовымъ: «Тѣни давно усопшихъ исполиновъ: Святослава, Владиміра Мономаха, Іоанна, Петра, пророчествуютъ о годинѣ искупленія для Россіи: хоръ безплотныхъ провожаетъ ихъ; своды разступаются; герои поднимаются выспрь и исчезаютъ».

(Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, подъ редакціею И. А. Шляпкина. 1889. Т. II. стр. 214).

Ломоносовъ, избравши героями Петра Великаго и Ивана Грознаго, заставляетъ одного изъ нихъ говорить другому въ такомъ родѣ: «Мы съ тобою трудились ненапрасно, подвигъ мой и твой увѣнчался успѣхомъ — Россія широко распространила свои предѣлы, стала могучею и страшною для враговъ». Такое сопоставленіе цѣлей и стремленій двухъ представителей русской исторической жизни соотвѣтствуетъ взгляду самого Петра Великаго. По свидѣтельству современниковъ, Петръ Великій неоднократно выражалъ мысль, что считаетъ Ивана Грознаго не только предшественникомъ своимъ, но даже образцомъ — по основнымъ началамъ его государственной дѣятельности.

Девятую строфу Державинъ приводитъ въ примѣръ «вопро-

шенія», говоря: «*Сомнѣнія* и *вопрошенія*. Когда поэтъ, въ упоеніи своего восторга, представляетъ себѣ, будто въ чемъ сомнѣвается и, дѣлая себѣ вопросы, самъ же на нихъ отвѣчаетъ, дабы тѣмъ усугубить красоту или силу своего предмета или страсти. Разрѣшенія таковыхъ сомнѣній чрезвычайно поражаютъ слушателей».

(Сочиненія Державина. 1872. Т. VII, стр. 560).

Сумароковъ называетъ эту строфу «прекрасною».

Ломоносовъ, въ своей Риторикѣ говоритъ: «Отъ признаковъ можно распространить слово, ежели они будутъ состоять во многихъ дѣйствіяхъ или имѣть будутъ разныя части, свойства или обстоятельства. Иногда самыя свойства и дѣйствія какъ признаки предлагаются, будучи совокуплены съ нѣкоторымъ усумнѣніемъ». Въ примѣръ Ломоносовъ приводитъ всю десятую строфу своей оды на взятіе Хотина.

(Рит. II, III и IV. § 68).

Сумароковъ считаетъ эту строфу «прекрасною», а Севергинъ находитъ, что она можетъ, подобно первой и пятой, возбудить восторгъ и удивленіе.

Ст. 91 — 94. Не сей ли при Донскихъ струяхъ
Рассыпалъ вредны Россамъ стѣны?
И Персы въ жаждущихъ степяхъ
Не симъ ли пали пораженны?

Державинъ приводитъ эти четыре стиха въ примѣръ «сомнѣній».

(Сочиненія Державина. 1872 Т. VII, стр. 560—561).

Ст. 98 — 100. Шевыревъ указываетъ на нѣкоторое сходство этихъ стиховъ со стихами Пушкина: «Представьте себѣ состояніе стиха русскаго во времена Ломоносова. Я разумѣю стихъ художественный, поэзію какъ искусство народа образованнаго (Kunstpoesie). Силлабическія вирши Симеона Полоцкаго, Ѳеофана и Кантемира съ одной стороны; съ другой — первыя нескладныя попытки въ размѣрѣ тоническомъ трудолюбиваго, но бездарнаго Тредьяковскаго. Вдругъ изъ этой нескладицы, изъ этого нестроя, звучатъ въ первый разъ, въ слухъ русскаго народа, такіе звуки:

Такъ быстрой конь его скакалъ,
Когда онъ тѣ поля топталъ,
Гдѣ зримъ всходящу къ намъ денницу.

Припомнимъ здѣсь кстати подобные стихи Пушкина:

Какъ быстро въ полѣ вкругъ открытомъ
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая звучитъ!»

(Москвитянинъ. 1843. Часть III. № 5. Критика, стр. 242).

Въ рукописной Риторикѣ Ломоносова, 1744 года, § 54: «Производящая вещь, признаки и обстоятельства, предыдущее и послѣдующее, также пространно могутъ быть предложены, ежели они соединены будутъ со идеями своихъ свойствъ, дѣйствiй, подобiй и противныхъ вещей». Въ примѣръ Ломоносовъ приводитъ всю пятнадцатую строфу въ томъ видѣ, какъ она помѣщена у насъ въ варiантахъ (стр. 31).

Ст. 141 — 144. Ломоносовъ въ Риторикѣ, 1744 года, § 79: «Отъ причины раждаются замыслы: 1) Когда вмѣсто прямой посторонняя и неприличная причина дѣйствiю приложится. н. п. Александръ говоритъ къ своимъ салдатамъ: мы погрѣшили, мои салдаты, ежели мы только для того Дарiя побѣдили, чтобы рабу его отдать государство. 2) Когда причина дѣйствiя будетъ вымышлена. н. п.

Вливаясь въ Понтъ Дунай реветъ,
Отзывкой плеску шумъ прибавилъ.
Сердитъ волнами Турка льетъ.
Что смѣлость, кровь, шатры оставилъ“.

По мнѣнiю Сумарокова, строфа эта требуетъ большаго исправленiя.

Ст. 152, 155, 156: Гдѣ дерзость? Гдѣ въ бою упорство?
Ты лишь своимъ велѣлъ ступить,
Насъ тотъ часъ чаялъ побѣдить;

Буало: Ode sur la prise de Namur. ст. 136, 137, 140:

Où sont ces Chefs pleins d'audace
Jadis si promts à marcher,
Jusqu'à Paris nous chercher?

Сумароковъ считаетъ шестнадцатую строфу «хорошею», не болѣе.

Ст. 161—166, 168, 170. Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ,
Что васъ, Агаряне, попрала,
Цѣлуйте руку, что вамъ страхъ
Мечемъ кровавымъ показала.
Великой Анны грозной взоръ
Отраду дать просящимъ скоръ;
Къ себѣ повинность вашу зря,
Вамъ казнь и милость обѣщаетъ.

Гюнтеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 111—116:

Bysantz erkenn anjetzt den Werth
Von Rudolphs göttlichem Geblüte,
Und küsse Carls gereitztes Schwerdt!
Es hat nicht minder Schärf als Güte:
Du fehlst, es straft; du flehst, es schenckt;
Und wird durch Demuth abgelenckt. . .

Обращаясь къ *Туркамъ* и *Татарамъ,* Ломоносовъ говоритъ: «Цѣлуйте ногу ту въ слезахъ, Что васъ, *Агаряне,* попрала». Въ похвальномъ словѣ Петру Великому: «Удобнѣе наружныя язвы исцѣляются, нежели внутреннія поврежденія. Но сличивъ исцѣленіе Россіи отъ пораженія ва́рварскимъ оружіемъ извнѣ нанесеннаго, съ удивительнымъ крыющагося внутрь вреда врачеваніемъ Елисаветиною рукою произведеннымъ, противное находимъ. Тогда для исцѣленія ранъ наружныхъ обагрены были поля̀ и рѣки не меньше Россійскою, нежели *Агарянскою* кровію. Въ благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ всѣхъ нашихъ томленій истребила въ краткое время» и т. д.

(Собраніе разныхъ сочиненій Ломоносова. 1757. Кн. I. стр. 210—211).

Сумароковъ называетъ семнадцатую строфу «прекраснѣйшею».

Ст. 171 — 177. Ломоносовъ въ Риторикѣ, 1744 года, § 112: «Вымыслъ есть чрезъестественное изображеніе предлагаемой матеріи, что бываетъ слѣдующими образы: 1) Когда какая вещь представляется подъ другимъ видомъ. Такъ у Овидія представленъ сѣверной вѣтръ подъ видомъ стараго крылатаго и на облакахъ летящаго мужа. Присемъ наблюдать должно подобіе вымышленнаго изображенія съ самою вещію. н. п. Естьли кто хочетъ представить луну во образѣ человѣческомъ, то не надлежитъ ее перемѣнить въ старую женьшину, но въ молодую дѣвицу, ради свѣтлости ея. Также стараться должно, чтобы вымышленнаго изображенія части, дѣйствія и обстоятельства имѣли нѣкоторыя свойства тоя вещи, которая подъ онымъ представляется, съ вымышленными смѣшенныя. н. п.

> Уже златой денницы перстъ
> Завѣсу свѣта вскрылъ съ звѣздами,
> Съ востока скачетъ по сту верстъ,
> Пуская искры конь ноздрями.
> Лицемъ сіяетъ Фебъ на томъ,
> Онъ пламеннымъ встряхнувъ верьхомъ
> Преславну видя вещь дивится.

Сумароковъ находитъ эту строфу «весьма хорошею».

Ст. 191 — 192: Кто скоро толь тебя, Калчакъ,
Учитъ Россїйской вдаться власти? . .

Въ числѣ «знатныхъ персонъ», сдавшихся военноплѣнными при взятіи Хотина, первымъ названъ «Командующій *Калчакъ*-паша трехбунчужный». 8 ноября 1739 года привезенъ въ Петербургъ «бывшей хотинской комендантъ *Калчакъ*-паша съ нѣсколькими знатными турками, которыхъ на другой день находящейся здѣсь очаковской сераскеръ посѣщалъ».

(С.-Петербургскія Вѣдомости. 1739. № 91. стр. 816).

Гюнтеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 119 — 120:

Wer lehrt dich tumme Tyranney,
Dergleichen kluge Waffen finden?

Ст. 197, 198: Ея взошли и тамъ оливы,
Гдѣ Вислы токъ, гдѣ славный Ренъ,

Въ этихъ стихахъ указаніе на недавнюю войну, ознаменованную взятіемъ Данцига въ 1734 году. Минихъ доносилъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ: «Каждый день съ авантажемъ одинъ постъ за другимъ счастливо отбираю отъ непріятеля; одинъ главный постъ на берегу *Вислы* взятъ, и сдѣланъ съ русской стороны крѣпкій редутъ, который пресѣчетъ сообщенія непріятеля по *Вислѣ*. Жителямъ Данцига и ихъ гостямъ какъ птицамъ сѣтью головы прикрыты». Франція объявила Австріи войну за Польшу; Австрія обратилась за помощью къ Россіи, и «съ движеніемъ русскаго войска къ *Рейну* начали двигаться мирные переговоры между Франціею и Австріею».

(Исторія Россіи, С. М. Соловьева. 1878. Т. XX, стр. 35, 61 и др.).

Тредьяковскаго: Ода о здачѣ Гданска. Ст. 37 — 38:

Всѣ *Вістлою* нынѣ рѣкою
Не Скамандру ли называютъ?

По мнѣнію Сумарокова, строфа эта — «весьма хорошая».

Ст. 207. Въ полонъ ужѐ несутъ оковы;

Въ манифестѣ 14 февраля 1740 года: «До начатія войны въ *полонъ* увезенные изъ тяжкаго *полону* и бѣдства избавлены».

Ст. 215 — 220. Въ Риторикѣ Ломоносова, 1744 года, § 100, о фигурѣ, называемой *отвращеніе:* «Чрезъ сію фигуру можно совѣтовать, засвидѣтельствовать, обѣщать, грозить, хвалить, насмѣхаться, утѣшать, желать, сожалѣть, повелѣвать, запрещать, прощенія просить, возбуждать страсти, оплакивать, что-нибудь сказывать, поздравлять, или прощаться съ тѣмъ, къ чему риторъ отъ предложенной матеріи отвратился. н. п. угрозою:

Еще упрямства боретъ страсть?
Не хочешь ницъ предъ Анной пасть?
Не хочешь съ нами въ миръ склониться?

*

Стамбулъ, Кипръ, Аленъ згоритъ,
Обставятъ Росскимъ флотомъ Критъ,
Евфратъ въ твоей крови смутится.

Ст. 218: Дамаскъ, Каиръ, Алеппъ згоритъ;

Гюнтеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 321:

Der Nil erschrickt, Damascus brennt,

Сумароковъ находитъ эту строфу «прекрасною».

Ст. 226 — 230: Одѣянъ въ славу Аннинъ ликъ
Надъ звѣздны вѣчность взноситъ круги;
И правда взявъ перо злато́,
Въ нетлѣнной книгѣ пишетъ то,
Велики коль Ея заслуги.

Гюнтеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 371, 372, 375—378 и ст. 421 — 422, 428, 429:

Wo schweif ich hin? wo bleibt mein Held?
Entzieht er sich vielleicht der Erde?
Ja, ja! ich seh die Ewigkeit,
Sie webt und stickt sein Ehren-Kleid,
Umgiebt sein Bildnisz mit den Sternen,
Und führt es zum Vergöttern auf. . .
Ihr, die ein glücklich Feuer treibt,
Dem hohen Maro nach zu kommen. . .
Kommt! setzt die goldnen Federn an,
Und schreibt, was Gott und Karl gethan!

Строфа эта, по мнѣнію Сумарокова — «прекрасная».

Ст. 231 — 237: Витійство, Пиндаръ, устъ твоихъ
Тяжчаебъ Ѳивы обвинили;
За тѣмъ что о побѣдахъ сихъ
Онибъ громчае возгласили,
Какъ прежде о красѣ Аѳинъ:
Россїя какъ прекрасный кринъ
Цвѣтетъ подъ Анниной державой.

Стихи эти, при всемъ различіи въ отдѣльныхъ чертахъ, образахъ и выраженіяхъ, находятся въ нѣкоторой связи съ приводи-

мымп ниже стихами Тредьяковскаго, Буало и Гюнтера. Основная мысль одна и таже, и подобный пріемъ восхваленія своихъ героевъ могъ быть навѣянъ чтеніемъ произведеній названныхъ писателей.

Ода о здачѣ Гданска. Ст. 11 — 20:

Въ своихъ пѣсняхъ въ вѣчность преславныхъ,
Піндаръ, Гораціи, несравненны
Взнеслися до звѣздъ въ небѣ явныхъ,
Какъ Орлы быстры, дерзновенны.
Но будебъ ревности сердечнои,
Что имѣетъ къ Аннѣ жаръ вѣчнои,
Моея гласъ Лиры сравнился;
То бы самъ и *Орфеи* Ѳракіискіи,
Амфіонъ купнобъ и Ѳивіискіи,
Сладости ея удивился.

Ode sur la prise de Namur. Ст. 11 — 20:

Dans ses chansons immortelles,
Comme un aigle audacieux,
Pindare étendant ses aisles,
Fuit loin des vulgaires yeux,
Mais, ô ma fidele Lyre,
Si, dans l'ardeur qui m'inspire,
Tu peux suivre mes transports;
Les chesnes des monts de Thrace
N'ont rien oüi que n'efface
La douceur de mes accords.

Ода на миръ съ Портою. Ст. 161—170 и ст. 381, 385—388:

Schläft Naso noch um jenen Ort,
Wohin ihn das Geschrey begraben;
So wünscht ich mir ein Allmachts-Wort,
Nur ihn dadurch erweckt zu haben.
Jetzt dächt er nie ans Vaterland,
Jetzt würde sich so Harf als Hand
In Carls Person und Ruhm verlieben;

Jetzt wär Eugen sein Lob-Gesang;
Jetzt spräch er: Cäsar, habe Danck!
So glücklich hast du mich vertrieben. . . .
O Printz! O grosser Printz! . . .
Homer behalt dir den Achill!
Aeneas bleibe, wo er will!
Sie sind am längsten grosz gewesen;
Sie weichen doch mit Ehren aus. . . .

Ст. 238: Въ Китайскихъ чтутъ Ее стѣнахъ,

Ода о здачѣ Гданска. Ст. 110:

Чтутъ дважды Ту *Хінски* предѣлы. . . .

Строфа эта, по мнѣнію Сумарокова, «требуетъ большаго исправленія».

Ст. 258, 259: Красуется великъ и малъ;
Жить хочетъ вѣкъ, кто въ гробъ желалъ:

Гюнтеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 186—187:

Und wird von Grosz und Klein gefragt;
Der Greisz läszt Stock und Schwachheit fallen. . .

Сумароковъ находитъ, что и эта строфа «требуетъ большаго исправленія».

Ст. 273, 274: Седми пространныхъ морь бреговъ
Надежда, радость и Богиня. . .

Ода Ломоносова на прибытіе изъ Голштиніи Великаго Князя Петра Өедоровича, 1742 года (вторая редакція). Ст. 31—32:

Богиня, коея державу
Обнять не могутъ седмь морей,

Ст. 277—279: Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ,
Звучитъ что крѣпость силъ Твоихъ,
Придать дерзнулъ не красной стихъ

Гюнтеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 459, 460:

So stärckt des grossen Namens Kraft
Die Ohnmacht meiner schlechten Reime. . .

Послѣднюю строфу оды на взятіе Хотина Сумароковъ относитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ онъ «ничего не говоритъ».

Въ литературѣ нашей неоднократно высказывалось мнѣніе, что образцомъ для оды на взятіе Хотина послужила ода Гюнтера на миръ Австріи съ Турціею, заключенный въ 1718 году. Сравненіе этихъ двухъ произведеній показываетъ, что Ломоносовъ заимствовалъ у Гюнтера внѣшнюю форму стиха: тоже преобладаніе четырехстопнаго ямба, тоже чередованіе риомъ, тоже число строкъ въ строфѣ; встрѣчается также нѣсколько сходныхъ образовъ и выраженій, нѣсколько общихъ пріемовъ, какъ напримѣръ: обращеніе къ непріятелю съ угрозами и глумленіемъ; за описаніемъ сраженій слѣдуетъ картина мира, и т. п. Но большею частью сходство ограничивается самыми общими чертами, и объясняется весьма естественно тѣми условіями, при которыхъ Ломоносовъ писалъ свою оду. Живя въ Германіи, среди университетской молодежи, Ломоносовъ узналъ и полюбилъ произведенія самаго популярнаго изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Несомнѣнный талантъ Гюнтера, его превосходство надъ современными ему одописцами, самая молодость его, также и его печальная судьба, все привлекало къ нему читателей и поклонниковъ, особенно въ молодомъ поколѣніи. Въ небольшомъ числѣ книгъ, пріобрѣтенныхъ въ Марбургѣ Ломоносовымъ на его скудныя средства, значится и Günters Gedichte. Breszlau. 1735. Ода Гюнтера, заключающая въ себѣ изображеніе борьбы съ турками, пришлась весьма кстати молодому писателю, желавшему попробовать свои силы въ изображеніи такой же борьбы и побѣды надъ тѣми же врагами, т. е. надъ турками. Громкая извѣстность Гюнтера, какъ лирическаго поэта, была уже ручательствомъ за удачный выборъ Ломоносова.

Блестящій талантъ, силу воображенія и способность представлять предметы необыкновенно живо, воочію, признавали въ Гюнтерѣ многіе нѣмецкіе писатели, и во главѣ ихъ Гете, называвшій Гюнтера поэтомъ въ полномъ смыслѣ слова. Послѣдующіе критики и историки литературы, даже тѣ изъ нихъ, которые весьма строго относились и къ дарованію и къ личности Гюнтера, признавали достоинство такихъ его произведеній, какъ стихо-

творенія духовнаго содержанія, студенческія пѣсни и ода на миръ съ Портою. Съ тридцатыхъ годовъ и до настоящаго времени появляются въ нѣмецкой литературѣ труды, относящіеся къ жизни и сочиненіямъ Гюнтера.

(Hoffmann v. Fallersleben: Joh. Christ. Günther-ein literarhistorisches Versuch. 1833. — Leben und Dichten Joh. Christ. Günther's, von Otto Roquette. 1860. — Kalbeck: Neue Beiträge zur Biographie G-s. 1879. — Litzmann: Zur Textkritik und Biographie G-s. 1880.—Wittig: Neue Entdeckungen zur Biographie G-s. 1881. Cp. Literarisches Centralblatt. 1881. № 31. стр. 1066 — 1067).

Отзывы нѣмецкихъ критиковъ объ одѣ Гюнтера въ такомъ родѣ: Der Anfang versetzt den Leser auf das lebendigste gleich mitten in die Situation. Die zweite Strophe bringt in ihren ersten Versen leider schon ein Paar Ausdrücke des Ungeschmacks, wie sie bei Günther häufig vorkommen. . . Изъ пятидесяти строфъ длинной оды лучшими считаются первыя двадцать двѣ. Es folgen noch achtundzwanzig Strophen, die sich nur in Wiederholungen und Ausspinnungen des schon Gesagten ergehen. . . Вообще объ одѣ: Man erkennt Günthers grosses Talent daraus, aber das Gedicht ist im Innersten ungüntherisch. Seine Lyrik ist eine individuelle, keine pindarische, und wo er sich zur Rhetorik zwingt, da hören wir eine zwar pathetisch schwungvolle Sprache, die aber kalt klingt gegen die warmen Gemüthslaute, in welchen er von den Leiden und Freuden seines Herzens singt. Nur des grossen Stoffes wegen hat man dies Gedicht von jeher zu dem Gipfelpunkte seiner Poesie machen können, und führt es als solchen noch heut in Anthologien auf. Ginge man jedoch tiefer auf Günthers Wesen ein, würde man diesem Gedicht eine solche Stellung nicht einräumen können. Aber, wenn in seinem Werthe auch nur in zweiter Reihe unter Günthers Dichtungen stehend, so ist die Bedeutung desselben für die Zeit immer noch gross genug. Wie ein siegesgewisses Kriegsheer tritt es die ganze Gelegenheitsdichterei zu Boden. Eine solche Macht der Sprache, eine so unaufhaltsame Lebendigkeit des Vortrags hatte man bisher noch von keinem Dichter gehört.

(Leben und Dichten Joh. Christ. Günther's, von Otto Roquette. стр. 57 — 61).

Въ русской литературѣ Гюнтеръ издавна считался однимъ изъ выдающихся нѣмецкихъ стихотворцевъ.

На страницахъ журнала шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія читаемъ: «Въ нѣмецкой землѣ стихотворство началось въ прошедшемъ вѣкѣ. Они успѣли въ лирическомъ стихотвореніи; драматическія сочиненія, которыхъ у нихъ очень мало, недостойны примѣчанія; они писали такъ же и басни стихами. *Гинтеръ,* Готшедъ, Захаріасъ, своими сочиненіями достойны примѣчанія».

(Полезное Увеселеніе на мѣсяцъ Іюнь 1762 года, стр. 234).

Сумароковъ въ своей «Епистолѣ о стихотворствѣ»:

Взойдемъ на Геликонъ, взойдемъ, увидимъ тамо
Творцовъ, которыя достойны славы прямо.
Тамъ царствуетъ Гомеръ, тамъ Сафо, Ѳеокритъ,
Ешиллъ, Анакреонъ, Софоклъ и Еврипидъ. . . .
Тамъ Тассъ и Аріостъ, тамъ Камоенсъ и Лопъ,
Тамъ Ѳондель, *Гинтеръ* тамъ, тамъ остроумный Попъ. . . .

При этомъ поясняется: «Ѳондель—славный голландскій стихотворецъ или Виргилій тамошній; трагикъ хорошій; жилъ въ 17 вѣкѣ. *Гинтеръ* — нѣмецкій стихотворецъ послѣдняго времени, котораго тщательно составленныя и вычищенныя имъ стихи, хотя таковыхъ и гораздо меньше, нежели другихъ, превеликой похвалы достойны».

(Полное собраніе сочиненій Сумарокова. 1787. Ч. I. стр. 337, 351, 359).

Извѣстіе о томъ, что Ломоносовъ будто бы *переводилъ* изъ Гюнтера, идетъ отъ Штелина и Шлецера.

По словамъ Штелина, Ломоносовъ «въ особенности любилъ стихотворенія *Гюнтера* и зналъ ихъ почти наизусть. По тому же размѣру сталъ онъ сочинять русскіе стихи». Оду на взятіе Хотина Ломоносовъ «послалъ къ тогдашнему президенту академіи Корфу, который отдалъ ее на разсмотрѣніе Ададурову и Штелину. Мы были очень удивлены такимъ, еще небывалымъ въ русскомъ языкѣ, размѣромъ стиховъ, и нашли между прочимъ,

что эта ода написана въ Гюнтеровомъ размѣрѣ, и именно въ подражаніе его знаменитой одѣ: Eugen ist fort! Ihr Musen nach, etc, и даже *цѣлыя строфы были изъ нея переведены*».

(Москвитянинъ. 1850. Ч. I. Отдѣлъ III. стр. 4).

Литературные враги Ломоносова обвиняли его, въ приливѣ полемическаго задора, въ томъ, что онъ

. . . . *Гинтера* и многихъ обокралъ,
И мысли ихъ писавъ, народъ нашъ удивлялъ. . . .

Шлецеръ, въ своей автобіографіи, упомянувъ о пребываніи Ломоносова съ 1736 года въ Марбургѣ, продолжаетъ: «Um diese Zeit war *Günther* der deutsche Haupt-Poet: Lom. schrieb hier vermutlich seine erste Oden auf die damaligen Siege der Russen über die Türken; Günthers Ode «Eugen ist fort, ihr Musen nach» wurde von ihm *mer übersetzt als nachgebildet:* aber das wuszte in Ruszland niemand, und sein poetischer Rum fing an.

(Aug. Ludw. Schlözer's Öffentliches und privat-Leben, von ihm selbst beschrieben. 1802, стр. 218).

Въ біографическомъ очеркѣ, помѣщенномъ при изданіи сочиненій Ломоносова 1784 года, и составленномъ по матеріаламъ Штелина, говорится, что во время пребыванія въ марбургскомъ университетѣ Ломоносовъ «отъ обхожденія съ тамошними студентами, и слушая ихъ пѣсни, возлюбилъ нѣмецкое стихотворство. Лутчей для него писатель былъ *Гинтеръ*. Многихъ знатнѣйшихъ стихотворцевъ вытвердилъ наизусть. По тамошнимъ ямбамъ, хореямъ и дактилямъ началъ размѣрять стопы и въ русскихъ стихахъ, совсѣмъ новымъ образомъ, несравненно глажѣе и согласнѣе прежнихъ въ чтеніи. . . Отдана она (ода на взятіе Хотина) для просмотрѣнія г. Ададурову обще съ нѣкоторыми академиками. Удивились они размѣру стиховъ, который до сего времени былъ вовсе неизвѣстенъ въ россійскомъ стихотворствѣ. Написана ода была *ямбическими стопами на вкусъ Гинтеровъ*, подражательно славной его одѣ».

(Полное собраніе сочиненій М. В. Ломоносова. 1784. Ч. I. стр. VIII — IX).

По мнѣнію Мерзлякова, вліяніе Гюнтера повредило худо-

жественному достоинству одъ Ломоносова: «Въ то время, какъ Ломоносовъ въ Германіи прилѣпился къ Гинтеровымъ ямбамъ и одамъ: Сумароковъ въ Петербургѣ обработывалъ хореи Тредьяковскаго. Ломоносовъ не столько былъ свѣдущъ во французской словесности, сколько въ нѣмецкой, которая въ то время находилась въ посредственномъ состояніи, обремененная игомъ педантства. Разсмотрите же оды Ломоносова: въ нихъ примѣтенъ какой-то ученый и нѣсколько холодный для оды порядокъ» и т. д.

(Труды Общества любителей россійской словесности. 1812. Ч. I. стр. 78).

Севергинъ, въ похвальномъ словѣ Ломоносову, говоритъ, что Ломоносовъ «читалъ и наизустъ выучивалъ лучшія творенія германскихъ писателей; онъ позналъ совершенно тамошнюю словесность, и всѣмъ прочимъ тогдашнимъ писателямъ предпочиталъ славнаго *Гинтера*. Твердость въ слогѣ, важность въ выраженіи, правильность въ сложеніи стиховъ, и быстрое періодовъ теченіе плѣнили его, и онъ содѣлался подражателемъ сего пiиты, но подражателемъ, подлинникъ далеко превосшедшимъ».

(Севергина: Слово похвальное М. В. Ломоносову. 1805. стр. 10).

С. П. Шевыревъ, говоря объ отношеніи Ломоносова къ Гюнтеру, не ограничился общими соображеніями, и привелъ нѣсколько положительныхъ данныхъ: «Сличить оды Ломоносовы съ одами *Гинтера* дѣло весьма полезное и любопытное. Изъ сличенія открывается, что Ломоносовъ, хотя и заимствуетъ покрой строфы своей изъ Гинтера, но духомъ, геніемъ, творчествомъ, вкусомъ и благородствомъ души стоитъ неизмѣримо выше нѣмецкаго лирика. . . Согласимся съ Пушкинымъ, что Ломоносовъ наполнилъ свои оды высокопарною хвалою; но прошу покорно отыскать во всѣхъ одахъ Ломоносова строфу, подобную этой строфѣ Гинтера, которую нѣмецкій лирикъ обращалъ къ императору германскому:

Ich, Herr! dein tiefster Unterthan
Will, bleib ich auch im Staube sitzen,
Noch mehr auf deiner Ehrenbahn
Als vor dem Elends-Ofen schwitzen.

Verstosz mich an den kalten Bär,
Ich geh und gern und find ein Meer
Dein Lob in ewig Eisz zu schreiben;
Denn weil mir Augen offen stehn,
Soll Carl und Tugend und Eugen
Die Vorschrift meiner Musen bleiben.

Высокое чувство поэзіи не позволило бы нашему лирику сказать ничего подобнаго. Ломоносовъ оды свои адресовалъ одной императрицѣ: Шувалову писалъ онъ только письма и посланія. У него не найдете вы такой оды, какъ вторая ода Гинтера, адресованная какому-то графу фонъ Шпорку, въ которой онъ говоритъ:

Ihr Vögel, stellt das Schwatzen ein!
Ihr Blätter, schweigt! Sporck soll allein
Feld, Ufer, Thal und Luft erfüllen.

(Москвитянинъ. 1843. Часть III. № 5. Критика стр. 240—241).

Академикъ Я. К. Гротъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ отношеніе оды на взятіе Хотина къ одѣ на миръ Австріи съ Турціей: «Едва ли Ломоносовъ, при своихъ ученыхъ занятіяхъ и студенческихъ развлеченіяхъ, имѣлъ время прилежно читать *Гюнтера;* но ему легко было ознакомиться съ прославленнымъ произведеніемъ замѣчательнѣйшаго изъ тогдашнихъ германскихъ поэтовъ, и вотъ однородныя событія въ войнѣ Россіи съ Турціею подаютъ ему мысль взять за образецъ нѣмецкую оду, воспѣвшую торжество австрійцевъ въ борьбѣ съ тѣмъ же непріятелемъ. Чрезвычайно замѣчательно, какъ молодой Русскій, руководствуясь своимъ природнымъ вкусомъ и эстетическимъ тактомъ, воспользовался примѣромъ современнаго ему Нѣмца. Принявъ размѣръ подлинника и его десятистрочную строфу съ тѣмъ же порядкомъ въ сочетаніи риомъ, Ломоносовъ сдѣлалъ свою оду почти вдвое короче. Кромѣ внѣшней формы, подражаніе его затѣмъ ограничивается сроднымъ духомъ лиризма, общимъ сходствомъ въ образахъ и заимствованіемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей; но оно

нигдѣ не доходитъ до степени даже вольнаго перевода. Ломоносовъ обнаружилъ тутъ поразительную въ начинающемъ поэтѣ художественную сдержанность, избѣгнувъ всѣхъ тѣхъ неровностей, тривіальныхъ картинъ и выраженій, запечатлѣнныхъ безвкусіемъ, которыя довольно часто попадаются въ нѣмецкой одѣ посреди стиховъ и цѣлыхъ тирадъ противоположнаго свойства».

(Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова, читанный академиконъ Я. К. Гротомъ въ торжественномъ собраніи Императорской академіи наукъ 6 апрѣля 1865 года. СПБ. 1865. стр. 10—11).

По мнѣнію профессора Булича «все отношеніе Ломоносова къ нѣмецкому поэту состоитъ въ томъ, что Ломоносовъ находился отчасти подъ вліяніемъ большой оды *Гюнтера,* написанной въ прославленіе принца Евгенія послѣ мира, заключеннаго въ Пассаровицѣ въ 1718 году. Но и здѣсь исполненныя замѣчательнаго реализма картины сраженій стоятъ гораздо выше блѣдныхъ очерковъ русскаго поэта» и т. д.

(Н. Н. Булича: Къ столѣтней памяти Ломоносова. 1865. стр. 35).

Для вѣрной оцѣнки литературной дѣятельности Ломоносова необходимо выяснить отношеніе одного изъ замѣчательныхъ его произведеній къ иностранному образцу, вызвавше столько разнообразныхъ сужденій въ нашей литературѣ. Поэтому считаемъ нужнымъ помѣстить здѣсь оду Гюнтера, о которой упоминается всегда, какъ только заходитъ рѣчь объ одѣ на взятіе Хотина.

AUF DEN

ZWISCHEN IHRO RÖM. KAYSERL. MAJESTÄT
UND DER PFORTE

1718. GESCHLOSSENEN FRIEDEN.

1.

Eugen ist fort. Ihr Musen, nach!
Er steht, beschleuszt und ficht schon wieder,
Und wo er jährlich Palmen brach,
Erweitert er so Gräntz als Glieder.

Sein Schwerdt, das Schlag und Sieg vermählt,
Und wenn es irrt, aus Groszmuth fehlt,
Gebiehrt dem Feind ein neues Schrecken,
Und stärckt der Völcker Hertz und Macht,
Die unter Adlern, Blitz und Nacht
Die Flügel nach dem Monden strecken.

2.

Die Wahlstatt ist noch nasz und lau,
Und stinckt nach Türcken, Schand und Leichen;
Wer sieht nicht die verstopfte Sau
Von Aeszern faul und mühsam schleichen?
Und dennoch will das Deutsche Blut
Den alten Kirchhof seiner Wuth
An jungen Lorbeern fruchtbar machen;
Und gleichwohl hört der dicke Flusz
Des Sieges feurigen Entschlusz
Aus Mörsern und Carthaunen krachen.

3.

Es schnaubt des Uberwinders Rosz,
Es schäumt und riecht den Streit von fernen,
Das Glücke mengt sich in den Trosz,
Um von Eugen Bestand zu lernen.
Die Luft ertönt, das Ufer bebt,
Der Reuter brennt, das Fusz-Volck strebt
Den wilden Haufen anzurennen:
Und wer nicht schärfer sinnt als sieht,
Der dörfte, wenn die Mannschafft zieht,
Ihr Heer ein fliegend Hertze nennen.

4.

Nur drauf, du Kern der Deutschen Treu!
Nur drauf, du Kraft aus Herrmanns Hüften!
Beweise, wer dein Anherr sey,
Und crön ihn auch noch in den Grüften!

Dein Haupt, dein Beyspiel, dein Eugen
Läszt alle, die ihm widerstehn,
Ein tödliches Verhängnisz wissen;
Er steht, er eilt, er würgt dir vor,
Es ist noch um ein eisern Thor,
So wird die Pforte springen müssen.

5.

Dort, wo der Zeiten Eigensinn
Die Brücke des Trajans zertrümmert,
Dort wirf die Augen vor dir hin,
Dort mercke, was so schwärmt und schimmert.
Es rauscht, wie Pantzer und Gewehr,
Es ist ein römisch Geister-Heer,
Es sind die Seelen alter Helden:
Sie kommen, deinen Muth zu sehn,
Und werden, was durch ihn geschehn,
Der Ewigkeit voraus vermelden.

6.

Braucht, tapfren Sieger! braucht das Heft
In Gegenwart so seltner Zeugen,
Die, wo mich nur kein Blendwerck äft,
Aus jenem dunckeln Reicke steigen.
Warum? sie wollen nicht allein
So schlecht und faule Zeugen seyn,
Sie helfen euch im Sieg und Schlagen;
Denn hat ihr Schatten gleich kein Hertz,
So kan er doch wohl hinterwärts,
Den Feind mit kaltem Schauer plagen.

7.

Gieb acht, erschrocknes Morgenland!
Du kennst den Blitz, des Adlers Stärcke,
Er wafnet unsers Helden Hand,
Und zielt auf gröszre Wunder-Wercke:

HIER SCHWERDT DES HERRN UND GIDEON!
Auf, blasse Türcken! auf, davon!
Nein! steht und lernt noch besser fühlen.
Hier schlägt der Degen und der MANN,
Den GOTT kaum tapfrer wehlen kan,
Euch Hitz und Wahnwitz abzukühlen.

8.

Ihr übereilt euch! Schritt vor Schritt!
Ihr kommt mit Rosz, Cameel und Wagen;
So bringt uns fein das Werckzeug mit,
Den Raub bequemer wegzutragen:
Nun strengt euch an! Es giebt Gefahr;
Nun hinckt um Mahomets Altar,
Nun fleht ihn mit gesenckten Waffen;
Nun ruft doch laut, nun schreyt doch zu,
Er hält vielleicht noch Mittags-Ruh,
Er dichtet oder hat zu schaffen.

9.

Umsonst! der stumme Götz ist taub;
Ihr mögt euch selbst zu Hülfe rufen:
Kommt, seyd ihr Männer, hohlt den Raub!
Wir reissen aus, vervolgt die Stufen;
Was säumt ihr denn? Was steht ihr da?
Wie? geht euch unser Schaden nah?
Wie? macht euch unsre Zagheit müde?
Probiert sie! Weh uns, Amurath!
Du sinnst auf eine grosse That;
Was kömmt heraus? was suchst du? Friede.

10.

Ha! sinckt dein Hochmuth schon so tief!
Du schertzest oder hast vergessen,
Wie grausam nächst dein Meyneid rief,
Als wolt er uns von weitem fressen.

Wie stimmt dein dort vermesznes Schreyn
Mit dieser Demuth überein?
JA NOTH MACHT OFT GEBET AUS FLÜCHEN;
Ja! ja! dein Hertz und auch dein Mund
Sind beyd an eine Zeit gewohnt,
Und zeigen sich nur zum Verkriechen.

11.

Du hast auch wohl wahrhaftig Zeit;
Denn zwischen deinen Stehn und Weichen
War nunmehr sonst kein Unterscheid,
Als unsers Angrifs Losungs-Zeichen.
So manche Klinge stund schon blosz,
So mancher Donner schlug schon losz,
Dir Halsz und Lästern abzukürtzen;
Europa selbst beschlosz schon fest,
Dein stoltz Serrail, dein Huren-Nest,
Von seinem Rand ins Meer zu stürtzen.

12.

Bysantz erkenn anjetzt den Werth
Von RUDOLPHS göttlichem Geblüte,
Und küsse CARLS gereitztes Schwerdt!
Es hat nicht minder Schärf als Güte:
Du fehlst, es straft; du flehst, es schenckt;
Und wird durch Demuth abgelenckt,
Und läszt sich siegend überwinden.
Ihn selbst zwingt nichts als Busz und Reu;
Wer lehrt dich tumme Tyranney,
Dergleichen kluge Waffen finden?

13.

Wie kanst du, SCHUTZ-GOTT DEUTSCHER RUH!
Der frechen Schaar so bald vergeben?
O fahre mit dem Donner zu!
Ihr Fall wird doch dein Lob erheben.

Doch nein! du zeigst auch hier dein Reich,
Und fesselst Feind und Zorn zugleich,
Und brauchst die Keule nur zum Schützen,
Die Sanfmuth crönt dich mehr als Gold;
Denn, wenn du strafen must und sollt,
So willst du nur dem Sünder nützen.

14.

Hört Frevler! die ihr weder Rath,
Noch Trost, noch Schutz, noch Ablasz findet,
Und nach vollbrachter Missethat
Die Zuflucht an die Fersen bindet:
Faszt, sucht ihr Rettung und Erhör,
Die Hörner des Altars nicht mehr!
Auch Joab kan nicht sicher flüchten.
Kommt, faszt des SANFTEN KAYSERS Knie!
Hier liegt sein Hertz, hier giebt sichs Müh
Die Thorheit mit Gedult zu richten.

15.

Verwegne Feder! halt doch ein,
Und schone CARLS vollkommne Gaben!
Sonst werden wir die ersten seyn,
Die diese Freystadt nöthig haben.
Die Wahrheit haszt die Mahlerey,
Dein Lob macht doch kein Conterfey;
O trag ein ehrerbietig Schweigen,
Und weis' in HAPSBURGS Ahnen-Saal,
Und sprich: CARL faszt sie allzumahl;
So kanst du seine GRÖSSE zeigen.

16.

Zurück, ihr Musen, in das Feld!
Dort sproszt der Oel-Zweig aus den Lantzen.
Irene flicht ein Zauber-Zelt;
Geht, springt mit ihr auf Wall und Schantzen!

Die Schwerdter werden Sichel-krum,
Das Glücke schmeltzt die Kugel um,
Und geust den Helden Ehren-Säulen,
Die Freuden-Gluth friszt Kraut und Loth,
Das Stücke wirft mehr Lust als Tod,
Und darf nicht mehr gefährlich heulen.

17.

Schläft Naso noch um jenen Ort,
Wohin ihn das Geschrey begraben;
So wünscht ich mir ein Allmachts-Wort,
Nur ihn dadurch erweckt zu haben.
Jetzt dächt er nie ans Vaterland,
Jetzt würde sich so Harf als Hand
In CARLS Person und Ruhm verlieben;
Jetzt wär EUGEN sein Lob-Gesang;
Jetzt spräch er: Cäsar, habe Danck!
So glücklich hast du mich vertrieben.

18.

Die Freude zieht sich weit herein,
Und wächst mit Meilen und in Städten,
Die unter Thau und Sonnenschein
Vor LEOPOLDS Geschlechte beten.
Der Tempel raucht von heilger Pflicht,
Die Priester tragen Recht und Licht,
Und liegen vor den Danck-Altären.
Vornehmlich sieht das hohe Wien
Die Opfer-Flammen aufwärts ziehn,
Und von der Türcken Beute zehren.

19.

Die Regung macht mich ungeschickt,
Das frohe Deutschland abzureissen;
Wohin des ADLERS Aufsicht blickt,
Da musz disz Jahr ein Hall-Jahr heissen.

Der Friedens-Herold bläszt und jagt,
Und wird von Grosz und Klein gefragt;
Der Greisz läszt Stock und Schwachheit fallen;
Die Jugend spielt, die Kindheit singt,
Und das, was noch aus Brüsten trinckt,
Erklärt sich durch ein holdes Lallen.

20.

Hier kommt ein junger Ritter an,
Und findet in dem nächsten Garten,
Der alle Strassen zeigen kan,
Sein schönes Kind mit Schmertzen warten.
Da geht es an ein zärtlich Thun;
Da läszt der Kusz den Mund nicht ruhn;
Da stockt das zitternde Willkommen;
Da wird, was immer schmeicheln mag,
Als wär ein andrer Hochzeit-Tag,
Mit Hand und Minen vorgenommen.

21.

Dort spitzt ein voller Tisch das Ohr,
Und horcht, wie Nachbars Hanns erzehle;
Hanns iszt und schneidet doppelt vor,
Und schmiert sich dann und wann die Kehle;
Da spricht er, Schwäger! seht nur her,
Als wenn nun disz die Donau wär,
(Hier macht er einen Strich von Biere,)
Da streiften wir, da stund der Feind,
Da gieng es schärfer, als man meynt;
GOTT straf! Ihr glaubt mir ohne Schwüre.

22.

Dort musz ein tapfrer Wittwen-Sohn
Der Mutter neuen Trost erwerben,
Und schliefe nicht der Vater schon,
So müst er jetzt vor Freude sterben.

Das gute Weib ist froh und rennt,
Und ändert gleich ihr Testament,
Und flucht dem falschen Todten-Scheine,
Und denckt: Nun hab ich einen Stab,
Und weisz, wer einmal um mein Grab
Aus Treu und reinem Hertzen weine.

23.

So sah der Griechen Jubel aus,
Als dort nach zehn Belagrungs-Jahren
Der Dardaner verwünschtes Hausz
In geilem Feuer aufgefahren.
Corinth und Argos und Athen
Liesz Kampf-Platz, Stall und Schulen stehn,
Und lief, die Schiffe zu empfangen:
Weib, Kind und Kegel drang an Port,
Und keins verstund sein eigen Wort
Vor Jauchzen, Fragen und Verlangen.

24.

Mich deucht, die Zeitung nährt so gar
Auch unbeseelte Creaturen:
Der Hunds-Stern brennt und eifert zwar;
Und doch erquickt der Lentz die Fluren;
Wald, Förste, Thäler, Berg und Hayn
Gehn hier und dar ein Bündnisz ein,
Die süsse Nachricht auszubreiten;
Die Nymphen schertzen um den Sand,
Und sprützen mit geübter Hand
Viel Bogen nasser Lustbarkeiten.

25.

So weit die Donau, wie sie soll,
In Christlichen Gehorsam fliesset,
Und mehr Begierd-als Wasser-voll
Sich unter Carls Gebot ergiesset;

So weit vermehrt sie ihre Lust,
(Denn Freude zieht das Blut zur Brust)
Durch Beytrag aus den kleinen Flüssen,
Die jetzt den stündlichen Tribut,
Weil grosse Freude viel verthut,
Geschwind und doppelt liefern müssen.

26.

Dort kommen Drave, Sau und Theisz,
Und bringen ihr viel starcke Fluthen;
Hier wächst sie durch des Sieges Schweisz,
Und durch der Janitscharen Bluten;
Damit so fleucht ihr schneller Lauf,
Und hält die Wellen nirgends auf,
Als wo sie sich mit Fleisz verweilen,
Um wo ich also reden mag,
Dem Ister einigen Geschmack
Von unsrer Freiheit mitzutheilen.

27.

Nun sieh doch, wo du etwas siehst,
Du böses Jsmaels-Geschlechte!
Du kommst, so oft du auswärts ziehst,
Dem Donner allemal zurechte.
Dein toller Hund, dein stumpfer Zahn
Fällt Reich und Adler kraftlos an,
Und musz so Blut als Haare lassen;
Dein Einbruch ist so gut als Flucht:
So gehts, wer fremde Schläge sucht,
Kriegt meistens Spott und Strick zu fassen.

28.

Du sündigst auf Vergebung losz,
Und ausser Carls Verdienst und Glücke;
Er sieht die Sonne nicht so grosz,
Als deines Hochmuths Schwäch und Tücke;

Dein Frevel kämpft mit eigner Qual
An Vorzug, Länge, Stärck und Zahl,
Und siegt sich selber zum Gehöhne.
Geh, trag nun den verwirckten Hals,
Ja gar den Aufschub deines Falls
Von Oesterreichs Gedult zum Lehne.

29.

Nur glaube nicht, verschnittner Schwarm!
Dein Meineyd sey so durch gekommen,
Nachdem sein gantz zerschellter Arm
Zehn Jahr zur Heilungs-Frist genommen.
Der Friede, der die Noth nur faszt,
Und den du halb erbettelt hast,
Erlöst dich nicht vom Zorn-Gerichte;
Nein! nein! verstockter Pharao,
Die Langmuth lacht, und thut nur so,
Damit sie deine Bosheit sichte.

30.

Zerreisz den falschen Alcoran,
Er hat dich lang genug betrogen;
Dein letzter Fall rückt endlich an,
Und steigt mit unsern Sieges-Bogen.
Die Rach ist kein vergesslich Weib,
Sie dringt zwar langsam auf den Leib,
Allein mit desto schärferm Streiche.
Dein angemaszter Kayser-Thron
Erschrickt und wanckt und wittert schon
Die Eitelkeit gestohlner Reiche.

31.

Du, dem zu Lieb Eugenius
Des Aufgangs Untergang verschoben;
Du, dem des Allerhöchsten Schlusz
Sein hohes Straf-Amt aufgehoben,

Komm fort und eil aus Blut und Schoosz!
Komm, eil auf unsre Zeiten losz!
Komm, komm aus Carls geweihten Lenden,
Es hält sich Asien gefaszt,
Dir ehstens, angenehmer Gast!
Sein reiches Erb-Land zu zuwenden.

32.

Was zieht sich vor ein Vorhang weg?
Ich seh den Schauplatz später Zeiten:
Dort hör ich einen Scanderbeg,
Dort seh ich einen Gottfried streiten,
Die Palmen grünen um sein Haupt,
Man heult, man jauchzt, man schlägt, man raubt,
Kein Creutz-Zug macht ein solches Lärmen:
Der Erden gröst und dritter Theil
Zerreiszt der Saracenen Heyl,
Und würgt den Hund mit seinen Därmen.

33.

Der Nil erschrickt, Damascus brennt,
Es raucht auf Ascalons Gebürgen,
Und durch den gantzen Orient
Herrscht Unruh, Hunger, Pest und Würgen.
Der Jordan steht, wie Mauren da,
Als käm ein andrer Josua;
Er kommt auch, doch aus deutschen Saamen;
Wie heiszt er? Ja! die Schickung winckt,
Und raubt mir, weil der Vorhang sinckt,
Stand, Vorwitz, Schauplatz, Held und Namen.

34.

Was macht in Ungarn der Soldat
Vor grausam-klägliche Geberden?
Er dringt sich vor den Krieges-Rath,
Und hört vor Unruh Friede werden.

Er murrt, er zörnt, er schilt den Bund,
Wodurch der abgewiesne Hund
Der heurigen Gefahr entgangen;
Und ehrt er nur nicht den Eugen,
So sollt er sich wohl unterstehn,
Den Krieg von frischem anzufangen.

35.

Sein Eyfer hat auch ziemlich Recht:
Es musz die Tapferkeit verdriessen,
Wenn Kleinmuth ihren Fortgang schwächt,
Und Thrähnen statt des Blutes fliessen.
Sie sucht nur Wehr und Widerstand,
Sie sucht mehr Ruhm als Leut und Land,
Und giebt nur ein verbittert Lachen,
Wenn, eh ihr Degen Wunder thut,
Feind, Zelt, Geschütz und Haab und Guth
Den Sieges-Wagen enge machen.

36.

Ihr guten Deutschen! laszts nur seyn,
Und sprecht den tapfern Zorn zufrieden!
Die Lorbeern gehn gleichwohl nicht ein,
Sie grünen mitten in dem Frieden.
Der Palm-Paum ist nicht schlimm versetzt,
Wofern ihn fettes Ufer netzt:
Das hoft man auch von euch zu schreiben.
Geht, zieht ans Meer, und kämpft und sucht
Iberiens verlohrne Frucht
In Welschlands Gärten auf zu treiben.

37.

Hält hier der Stillstand euren Muth,
So kan er dort mit Nachdruck blitzen;
Nicht anders pflegt der Adern Blut
Nach kurtzer Stemmung scharf zu sprützen.

10

Dort spannt ein neuer Friedens-Bruch
Ein neu und feindlich Seegel-Tuch;
Geht, geht und zeigt dem Niedergange
Ein schwartz und blutig Abendroth,
Damit die Flotte, so euch droht,
Den Port in Charons Kahn erlange.

38.

Wo schweif ich hin? wo bleibt mein Held?
Entzieht er sich vielleicht der Erde?
Wie? oder hebt sich nur sein Zelt,
Damit es nicht entheiligt werde?
Ja, ja! ich seh die Ewigkeit,
Sie webt und stickt sein Ehren-Kleid,
Umgiebt sein Bildnisz mit den Sternen,
Und führt es zum Vergöttern auf:
Nun mag der Enckel Lebens-Lauf
Den Vorzug unsrer Tage lernen.

39.

O Printz! o grosser Printz! wie weit,
Wie weit entfernst du dich dem Neide,
Und auch so gar der Möglichkeit,
Dasz etwas deinen Crantz beschneide?
Homer behalt dir den Achill!
Aeneas bleibe, wo er will!
Sie sind am längsten grosz gewesen:
Sie weichen doch mit Ehren aus;
Denn disz ist auch ein Lorbeer-Strausz,
Dem stärcksten Palmen nach zu lesen.

40.

Die Seele weisz von keiner Ruh,
Sie zeugt Gedancken aus Gedancken:
So, theurer Held! verfährst auch du
In deinem weiten Lebens-Schrancken;

Dein Eyfer braucht Gelassenheit;
Das Wesen seiner Tapferkeit
Besteht in lauter klugen Siegen;
Dein Alter blitzt so spät als früh;
Was wollte wohl die Poesie,
O Held! zu deinen Ehren lügen?

41.

Genung! genung von deinen Ruhm!
Genung mit blutigen Geschäfften!
Trag Helm und Schild ins Heiligthum,
Und lasz es an die Cedern heften!
Auch Groszmuth macht dem Alter Raum,
Es blüht ja schon der Mandel-Baum
Auf deinen Lorbeer-reichen Haaren.
Geneusz doch einmal deine Ruh,
Und sieh nunmehr auch andern zu,
Wie viel sie unter dir erfahren?

42.

Carl ist allein geschickt und werth,
Getreue Dienste zu belohnen:
Carl, der wie Gott nichts mehr begehrt,
Als dasz die Völcker sicher wohnen.
Carl, dessen Ohr vom Himmel nimmt,
Was sein Befehl der Welt bestimmt,
Die kein Vorhängnisz mehr vergnüget;
Carl, dessen Geist den Thron erhöht,
Und noch so weit darüber geht,
Als Feind und Ehrfurcht drunter lieget.

43.

Ihr, die ein glücklich Feuer treibt,
Dem hohen Maro nach zu kommen,
Was macht es, dasz ihr sitzen bleibt?
Ihr habt nicht rechten Stof genommen.

*

Ihr sinnt, ihr schreyt mit Angst und Müh,
Reimt Fabeln, und vergeht, wie sie;
Kommt! wollt ihr hoch und ewig leben,
Kommt! setzt die goldnen Federn an,
Und schreibt, was Gott und Carl gethan!
Der Adler wird euch mit erheben.

44.

Ja schreibt nur, was ihr hört und seht,
Hier gilt erzehlen mehr als dichten.
Europa jauchtzt und Stambol fleht;
Wer weiszt mir dieses in Geschichten?
Die Vorsicht, so das Reich bewacht,
Erklärt den Zwiespalt in die Acht,
Und lehrt uns mit versöhnten Blicken;
Es werde disz sein mächtig Haupt,
Was Unrecht, List und Neid geraubt,
Den Barbarn aus den Klauen rücken.

45.

Das Erbtheil Josephs lebt in Ruh,
Und nährt sich von des Bruders Glücke;
Der Schäfer lacht, sein Vieh nimmt zu,
Die Lämmer werden feist und dicke:
Elysiens gelobtes Land
Treibt Handel, bringt das Feld in Stand,
Und baut so Korn-als Weisheits-Häuser;
In Welschland blüht ein neuer Sieg;
So lehren beydes Fried und Krieg:
Der sechste Carl, der gröste Kayser.

46.

Der Sechst' an Zahl, der Erst' an Ruhm;
Ihr Zeiten! lernt den Titul fassen!
Er zieret noch kein Alterthum,
Er fliegt allein in unsern Gassen;

Er giebt der Fama Geist und Schall,
Verewigt Felsen und Metall,
Und heiligt die geritzten Bäume;
Ja was das gröste Wunder schafft,
So stärckt des grossen Namens Kraft
Die Ohnmacht meiner schlechten Reime.

47.

Herr! so vermögend wirckt dein Geist
In kalt und schläfrige Gemüther.
Ich, den nur Wind und Hoffnung speist,
Besitze weder Kunst noch Güter;
Ich leyr im Winckel, Noth und Staub,
Und bin ein eingetheilter Raub
Von so viel ungeneigten Fällen,
Die, hab ich gleich die Pallas lieb,
Und käm auch oft ein guter Trieb,
Mir dennoch Fleisz und Lust vergällen.

48.

Und sieh, o Herr! auf einmal reiszt;
Mich deines Purpurs Anblick höher,
So schnell, dasz nichts geschwinder heiszt;
Was red ich! Siegt Eugen nicht eher?
Dein Scepter führt mich auf die Spur;
Drum trotz ich Schwachheit und Natur,
Du nimmst sie, wie den Feind, gefangen.
Herr! wächst dein Alter, wie dein Reich,
So hof ich mir noch viel von euch,
Ihr deutschen Schwäne! zu erlangen.

49.

Den welcken Lorbeer hab ich schon,
Nun mangeln noch Verdienst und Leben;
Disz musz ein Mäcenaten-Sohn,
Und jenes Carls Regierung geben.

Die ALLMACHT lasse nur dein Haupt,
Wofern es unsre Sünd erlaubt,
Nicht eher Stern und Himmel zieren,
Als bis ein Alexander weint,
Dem eine Welt zu enge scheint,
Des Vaters Thaten auszuführen.

50.

Ich, HERR! dein tiefster Unterthan
Will, bleib ich auch im Staube sitzen.
Noch mehr auf deiner Ehren-Bahn
Als vor dem Elends-Ofen schwitzen.
Verstosz mich an den kalten Bär,
Ich geh und gern und find ein Meer,
Dein Lob in ewig Eisz zu schreiben;
Denn weil mir Augen offen stehn,
Soll CARL und TUGEND und EUGEN
Die Vorschrift meiner Musen bleiben.

(Sammlung von Iohann Christian Günthers, aus Schlesien, bis anhero herausgegebenen Gedichten. Fünfte Auflage. 1751. стр. 123—137).

Поводъ, по которому написана ода на взятіе Хотина, объясненъ самимъ авторомъ. Ломоносовъ говоритъ, что ода эта «ничто иное есть какъ только превеликія оныя радости плодъ, которую непобѣдимѣйшія нашея монархини преславная надъ непріятелями побѣда въ вѣрномъ и ревностномъ моемъ сердцѣ возбудила».

(Покойнаго ст. сов. М. В. Ломоносова собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. Книга вторая. 1778. стр. 3).

Рѣшительная побѣда надъ давними и опасными врагами и взятіе важной крѣпости представлялись какъ бы возмездіемъ за неудачный Прутскій походъ. Въ извѣстіяхъ, получаемыхъ съ поля битвы и печатаемыхъ во всеобщее свѣдѣніе, Ломоносовъ находилъ благодарный матеріалъ для описанія подвиговъ «нашего, въ трудъ избраннаго, народа». Извѣстія эти переводились на иностранные языки и перепечатывались въ иностранныхъ газетахъ. Русско-турецкая война привлекала особенное вниманіе

европейскихъ державъ. Представитель Саксоніи при петербургскомъ дворѣ посылалъ своему правительству, вмѣстѣ съ дипломатическими депешами, и листки петербургскихъ газетъ, заключавшіе въ себѣ извѣстія о ходѣ военныхъ дѣйствій. Онъ послалъ въ Дрезденъ изданный на русскомъ и на нѣмецкомъ языкѣ «Планъ баталіи при Ставучанахъ въ Молдавіи, между Імператорскою Россійскою Главною Армѣею подъ командою генерала Фелдтмаршала Графа фонъ Мініха и между Турецкою Армѣею, подъ командою Сераскера трехъ бунчужнаго вели паши и Салтана Ісламъ Гирѣи; бывшеи $\frac{17}{28}$ Августа 1739 году». Препровождая планъ Ставучанскаго сраженія, саксонскій посланникъ пишетъ: Je joins le plan de bataille de Choczim qui a été imprimé ici.

Реляціи о военныхъ дѣйствіяхъ писались въ такомъ тонѣ, который могъ отчасти вызвать настроеніе, господствующее въ похвальныхъ одахъ вообще. Источникомъ для послѣдующихъ описаній послужило слѣдующее подробное извѣстіе, появившееся, вмѣстѣ съ «журналомъ компаніи», на страницахъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.

Въ Санктпетербургѣ Сентября 3 дня 1739 года.

Сего утра съ прїсланнымъ отъ Генерала Фелдмаршала Графа Фонъ Мїннїха, отъ главнои Ея Їмператорскаго Величества армѣи Генералъ-Маэоромъ Апраѯїнымъ, получена радостная вѣдомость, о дарованнои отъ Бога надъ наслѣднымъ Хрїстїанскаго имяни непрїятелемъ знатнои побѣдѣ, и взятїи крѣпкаго города Хотїма, со всею въ немъ артїлерїею и гарнїзономъ съ ихъ командїромъ трехъ бунчужнымъ Колчакъ Пашею, за которое щедротное Божеское милосердїе, и праведному Ея Їмператорскаго Величества оружїю щастїе, да будетъ Его Всемогуществу хвала и благодаренїе.

Копїя съ реляцїи отъ Генерала Фелдмаршала Графа Фонъ Минниха, изъ Хотима отъ 20 Августа, 1739 года.

Въ началѣ Богу едїному честь, слава и благодаренїе!

А Вашему Їмператорскому Величеству нашеи Августѣишеи и Всемилостївѣишеи Великои Государынѣ, вѣчная и безсмертная хвала, о бывшеи 17 сего мѣсяца выигранной, и одержаннои надъ непрїятелемъ цѣлаго Хрїстїанства совершеннои вїкторїи, которая проїсходїла слѣдующимъ образомъ.

Какъ свїрѣпои командующеи бендерскои Сераскеръ Вели Паша съ бѣлогородскїмъ Сераскеръ Султаномъ Їсламъ Гирѣемъ, и съ Турецкїмъ Генжъ Али Пашею, съ Хотимскїмъ Колчакъ Пашею, и съ Мустафою

Агою командующимъ надъ Янычары, и протчїми Пашами и Султанами, въ крѣпкомъ при деревнѣ Стаучанахъ, сполторы мили отъ Хотима лагерѣ, на болшои Хотимскои дорогѣ стараясь всѣми мѣрами къ онои крѣпости насъ не допустить. Не точїю всѣ непрїятельскїе силы состоящїя отъ 40 до 50000 Турокъ, между которыми до 20000 Янычаръ находилось, такожъ 40000 Татаръ и 10000 Липкановъ, и тако всего до 90000 человѣкъ въ собранїи имѣлъ, но и въ тамошнїхъ гористыхъ мѣстахъ (которые и безъ того собою весма крѣпки) троинымъ ретранжаментомъ со многїми батареями, на которыхъ до 60 пушекъ и мортїръ поставлено было, такъ силно ошанцовался, что весма не возможно казалось онаго непрїятеля, изъ такого крѣпкого посту выгнать, у котораго онъ имѣлъ на правои рукѣ непроходимои густои лѣсъ и горы, передъ собою маленкую рѣчку съ прудами и болотами, ретранжаментъ и батареи; въ лѣвои же рукѣ, по томужъ глубокїя буяраки и велїкїя горы, слѣдственно и трудные дефїлеи, а крѣпость Хотимъ въ тылу и стоялъ на такои вышїнѣ, что мы онаго никакою пушкою, ниже изъ мортїры бомбою достать не могли.

Армїя Вашего Імператорскаго Величества уже двои сутки отъ непрїятеля окружена была и непрїятель атаковалъ со всѣхъ сторонъ, не точїю съ утра до вечера; но и чрезъ цѣлую ночь, то съ праваго, то съ лѣваго крыла, то въ тылъ, а Сераскеръ бендерскои съ своїхъ батареи изъ пушекъ стрѣлялъ безперерывно, токмо какъ Турки, такъ и Татары кои на насъ нападали, всегда съ велїкїмъ ихъ урономъ назадъ отбїваемы были, и нашїми Гусарами, Калмыками, и Казаками ежедневно Турецкїе и Татарскїе головы, хорошее ружье, и лошади прївожены были, регулярные жъ воиска показывали почти не слыханную къ баталїи охоту, и весма желали чтобъ къ непрїятелю какъ наискорѣе прїблїжїться, а непрїятель денно и ночно работалъ, стараясь съ своими батареями блїже къ намъ подвїнутся.

И по тому прїзвавъ Бога въ помощь, взята резолюцїя того 17 числа на непрїятеля въ ево лагарѣ напасть.

І понеже точїю къ непрїятелскому лѣвому крылу прїступїтца было можно, то учїнено раздѣленїе, употребляя воинскую хїтрость, и немедленно Гвардїя Вашего Імператорскаго Величества, такожъ два драгунскихъ, и три пѣхотныхъ полка, нѣсколко пїкетовъ и нерегулярныхъ воискъ, 4 мортїры, и 30 пушекъ протїву правого крыла непрїятелского, на разстоянїе пушечнаго выстрѣла отъ ихъ батареи выведены, и нѣсколко бомбъ брошено. Цѣлая же армїя въ ружьѣ вступїла, подавая вїдъ яко бы непрїятелскои ретраншементъ (которои такожъ и ихъ лагарь безчїсленнымъ множествомъ знаменъ уставленъ былъ) атаковать хотѣла.

Потомъ непрїятель умножая свою работу въ томъ мѣстѣ и еще 2 батареи и лїнїи вновь предъ нами на вышїнѣ здѣлалъ, и съ велїкїмъ поспѣшенїемъ работалъ, покуда, армїя Вашего Імператорскаго Величества, вдругъ въ правую сторону пошла, и Гвардїя коя съ полками и съ артїллерїею выведена была, паки къ армїи возвратїлась, а коль скоро оное учинено, тогда у непрїятеля глаза отворїлїсь, и онъ уже узналъ, что армїя Вашего Імператорскаго Величества, на ево лѣвое крыло прямо идетъ.

При чемъ чрезъ имѣющуюся переправу съ такою скоростїю множество мостовъ мы подѣлали, и изъ полѣвои полковои артїллерїи такъ силно дѣиствовали, что около 1-го часа по полудни, Генералъ Леитенантъ Карлъ Фонъ Биронъ, съ правымъ крыломъ армїи, чрезъ оную переправу щастливо перебрался, и тотъ непрїятель которои нападать отважївался, нашею артїллерїею сїлно прогнанъ былъ. За правымъ крыломъ слѣдовала Вашего Їмператорскаго Величества Гвардїя, подъ прїводомъ Генерала-Леитенанта Густава Фонъ Бирона, а за онымъ Коръ-де-баталїа съ Генераломъ Аншефомъ Румянцовымъ, и лѣвое крыло подъ прїводомъ Генерала Леитенанта Барона Фонъ Левендаля, которое Турки въ Арїергардѣ сильно атаковали.

На правое крыло состоящее подъ командою Генерала Леитенанта Карла Фонъ Бирона, а особлїво: на Гусаровъ непрестанное нападенїе чїнено, и по тому мы обрѣталїсь въ срединѣ безчїсленного непрїятеля: которои всю армїю Вашего Їмператорскаго Величества окружалъ, такъ что, со всѣхъ сторонъ оного чаять надлежало. Точїю невзїрая на то, слѣдовали прямо на гору протїву левого крыла непрїятелского лагера, съ правымъ крыломъ армеи и съ Гвардїею Вашего Їмператорскаго Величества, и двемя брегадами полѣвои артїлерїи. А что лошади артїлерїискїе встащїть на гору немогли, то чїнена помощь людми съ великою радостїю.

Непрїятель на ту гору, на которую мы всходить должны были, взвезъ пушки, имѣющїмїся у него болшїми готовыми турами дѣлалъ батарею, и изъ онои немедленно стрѣлялъ, точїю оная нашїми артїлерїискїми исправными командирами, и доброю артилерїею немедленно збита.

въ 5-мъ часу по полудни, атаковали янычара пѣхотою состоящїе отъ 12 до 13 тысячь, при чемъ видно было, что непрїятельскои лагеръ зачали снимать, и онои жечъ.

Означенныя Янычара по ихъ обыкновенїю прїбѣжали даже до рогатокъ, и улучїлїсь на Гвардїю Вашего Їмператорскаго Величества, и на большую часть пѣхоты, протїву которыхъ такои сїльнои огонь мы употребляли, что оные не долго стоять могли, ибо какъ переднїе Янычары всѣ побиты, и болѣе тысячи по объявленїю вышедшаго, ранено, то досталные ретїровались еще скорѣе, нежели какъ прибѣжали.

Мыбъ могли тутъ цѣлои непрїятельскои лагеръ получить, ежелибъ не имѣли при себѣ большаго обозу, и провїанскаго магазеїна, которои мы покрывать прїнуждены понеже Татара, и Турецкая кавалерїя, насъ безпрестанно окружала, по чему должно было частые гальты дѣлать, и жадныхъ на непрїятеля салдатъ удержївать, и точїю въ 7-мъ часу по полудни на гору взошли, и въ непрїятельскои лагеръ вступїли, гдѣ и по лѣсамъ оставшаго отъ непрїятеля 19 мѣдныхъ пушекъ, 4 мортїры, нѣсколко знаменъ, безчїсленное множество бомбъ, картечь, ядеръ, а особлїво шанцовыхъ инструментовъ, да слїшкомъ 1000 полатокъ, немалое чїсло всякого запасу и фуражу, въ знакъ совершеннои вїкторїи получено, а онои въ наївящеи конфузїи будучи посрамленъ со стыдомъ, оставя свои лагеръ ретїроватся принужденъ.

Всемогущїи Господь, которои мїлостїю своею намъ предводїтелемъ

былъ, всевышшею своею десніцею защітілъ; что мы чрезъ непріятелской безперерывной огонь, и въ такой сілной баталіи убітыхъ и раненыхъ весма малое чісло имѣемъ.

Всѣ рядовые объ означенной полученной викторіи, до полуночи радовалісь, и крічали Віватъ Велікой, Государынѣ, и означенная вікторія даетъ намъ надежду къ велікому сукцессу, понеже армія Вашего Імператорскаго Величества со всѣмъ въ добромъ состоянiи, и имѣетъ чрезвычайной куражъ.

БОГУ ЕДІНОМУ СЛАВА!

А я оною полученною надъ непріятелемъ мілостію Божескою, и высокімъ Вашего Імператорскаго Величества щастіемъ полною викторіею, съ радостнымъ сердцемъ Вашему Імператорскому Величеству нашей Всемілостівѣйше Государынѣ, прiношу мое всенiжайшее поздравленiе.

Вышеписанное мое всеподданнѣйшее, напiсано было, 18 числа, а вчерашняго числа егожъ могуществомъ Божескімъ, и высокимъ Вашего Імператорскаго Величества щастіемъ, славною и преизрядною Хотимскою крѣпостію мы овладѣли, и трехъ бунчужной Калчакъ Паша, со всѣмъ гварнизономъ военноплѣнными учінены, и ключи оного города, при семъ къ ногамъ Вашего Імператорскаго Величества съ отправленнымъ съ нимъ Генералъ-Маэоромъ Апраѯнымъ всеподданнѣйше полагаю.

А завтрешнаго числа за всѣ таковые Его Божескiя неизреченныя милости; имѣемъ всею арміею учинить ему Всевышнему благодаренiе, а по томъ дальнѣйшiе сильные дѣиства, въ Молдавiи продолжать.

Объ обстоятельствахъ вышеписанной знатной викторiи, и взятiя Хотима, изъ приложенного при семъ журнала пространнѣе явствуетъ.

Продолженiе журнала, держанное при главной Ея Імператорскаго Величества армѣ; кампанiи 1739 году: отъ 10 до 20 Августа.

---

10 числа, армѣя ожидая оставленную въ горахъ артилерiю, багажъ и провiанской магазеинъ, имѣла отдохновенiе.

Въ 9 часу предъ полуднемъ показалась непрiятельская партiя, и учинила на бывшей въ паствѣ предъ правымъ крыломъ армѣи скотъ нападенiе, но непрiятель отъ нашихъ Гусаровъ на семъ стоявшихъ такъ принятъ, что онъ оставя нѣсколько побитыхъ, ретироваться принужденъ былъ.

Съ нашей стороны ни побитыхъ, ни раненыхъ не было.

Изъ Валахiи прибылъ одинъ Ротмистръ, имянемъ Василiй Куртъ, съ нѣсколькими Волохами въ лагеръ, и въ службу Ея Імператорскаго Величества принятъ.

Сей Ритмейстеръ обнадеживалъ, что Волохи, которыхъ у Господаря Молдавскаго съ 5000 человѣкъ числомъ было, такъ разбѣжались, и въ горы ретировались, что токмо отъ 7 до 800 человѣкъ у Господаря не осталось, якоже и Турки подъ командою Сари Магмета Паши, которой Волосскому Господарю въ помощь приставленъ, въ 500 человѣкахъ состоявшiя до 100 человѣкъ, также оного оставили и за Дунай

разбѣжались, и тако Господарь самъ, уже собрался равнымъ образомъ за Дунай ретироваться.

Непрїятельскїя лагеры, которые рано поутру видимы были, изъ нашего виду исчезли.

Генералъ Маеоръ Бахметевъ, съ оставленнымъ на высокомъ мѣстѣ багажемъ: сохранно въ лагеръ прибылъ.

11 числа армѣя шла для фуражу нѣсколько верстъ въ верьхъ, и лагеромъ не далеко отъ села Ракитны стала.

Генералъ Маеоръ Шиповъ, прибылъ съ достальнымъ багажемъ и провїанскимъ магазеиномъ до рѣки Гукавы, и шелъ чрезъ оставленныя тамо мосты, денно и ночно безъ остановки. Къ нему для прикрытїя посланъ на встрѣчу брегадиръ Лапухинъ, съ 4 баталїонами и нѣсколькими полковыми пушками, такожъ нѣсколькими подводами; для лутчего и скорѣйшаго походу.

Въ полдень непрїятель видимъ былъ въ походѣ, которой въ 10 верстахъ отъ насъ лагеръ свой паки поставилъ. Наши Гуссары, Волохи и Казаки, съ нимъ тотчасъ въ сраженїе вступили, и огнь до вечера продолжался.

Непрїятель разнократно покушался предъ нами фуражъ зажечь, но онъ за бывшимъ по сїе время дождемѣ горѣть не могъ, такъ что онъ намъ въ томъ никакого вреда учинить не въ состоянїи былъ.

Непрїятель сего дня много побитыхъ и раненыхъ имѣлъ, а напротивъ того наши разное изрядное ружье, денги и платье въ добычь получили.

Съ нашей стороны побито.

3 Гуссара и
1 Волохъ.

Раненыхъ было.

2 Гуссара.
3 Волоха.
3 Донскихъ и
3 Малороссїискихъ Казака.

Сверьхъ того 1 Волохъ и два Малороссїйскїе Казака пропали.

Въ ночи непрїятель на наши патрули, какъ на правомъ такъ и на лѣвомъ крылѣ армѣи напалъ, по которомъ изъ мѣлкаго ружья, да и нѣсколько разъ изъ пушекъ палено, и когда непрїятель у насъ все въ доброй осторожности и бодрости нашолъ, то онъ вскорѣ назадъ отступилъ.

Нѣкоторые Запорожскїе Казаки, которые въ Польшѣ продерзости учинили, казнены, и предводитель повѣшенъ.

Тогожъ числа Капїтанъ Гвардїи баронъ Мейендорфъ со всеподданнѣйшею реляцїею о томъ, что съ 18 числа Іюля произошло, къ Ея Імператорскому Величеству отправленъ, котораго Малороссїйской Полковникъ Чеснокъ, съ 400 Казаками до Польскихъ границъ препровождать принужденъ, понеже непрїятельскїе партїи по всюды разъѣзжаютъ.

12 числа ожидая великого багажа, и провїантнаго магазейна армѣи, еще растагъ данъ быть имѣлъ, и генеральное фуражированїе держено.

Полковникъ Чеснокъ, съ своею командою назадъ благополучно, и сохранно въ лагеръ прїѣхалъ.

Отъ непрїятеля того числа все въ тихости было, однакожъ можно было его лагеръ изъ дали видѣть.

13 числа армѣя по утру рано поднялась, лагеръ при рѣкѣ Ракитнѣ у деревни Калапауча, принадлѣжащей Чагодарю Хотимскому Калчакъ Пашѣ; учрежденъ.

Непрїятель по ту сторону рѣки Ракитны появлялся, и такъ блиско къ намъ подошелъ, что его изъ мѣлкаго ружья достать мочно было.

Мосты между тѣмъ подъ нашею артїлерїею на рѣкѣ Ракитнѣ построены, и какъ скоро наши на другой сторонѣ мѣсто заняли, и нерегулярные войска къ непрїятелю выступили, то оной непрїятель назадъ отступилъ, а армѣя безъ препятственно въ лагеръ вступила.

Получена подлинная вѣдомость, что Сераскеръ Вели Паша, котораго лагеръ видѣть мочно было, съ 20000 Янычаръ, и 20000 Спаговъ, Арнаутовъ, и Серденгачитами, купно со всѣми Татарами и Липканерами такожъ отъ 40 до 50000 человѣкъ состоящими, и съ многочисленною артїлерїею; Россїйскую армѣю по сю сторону Хотима ожидать намѣренъ, такъ что ежели мы его не атакуемъ, то онъ самъ изъ своего лагера выступитъ, и намъ баталїю дать хощетъ, а именно такимъ образомъ, чтобъ командующей Сераскеръ Вели Паша, съ фрунта Калчакъ Паша наше лѣвое, и Эншали Паша правое крыло; и Сераскиръ Султанъ съ Татарами съ тылу насъ наижесточайше атаковалъ.

Потому отъ командующаго Генерала Фелдмаршала все къ баталїи разпоряжено, багажъ отъ армѣй отлученъ, и подъ достаточнымъ прикрытїемъ, подъ командою Генерала Маеора Хрущова, зѣло въ выгодномъ лагерѣ позади оставленъ.

14 числа армѣя на рассвѣтѣ того дня въ маршъ вступила, и перешла чрезъ рѣку Амремшу безъ всякаго препятствїя,

Мы имѣли разные долины, болота и дефилеи, чрезъ которые мосты строить принуждены были; переходить, пока армѣя на гору взошла, съ которой непрїятельской лагеръ, съ хорошую милю отъ насъ находящейся видимъ былъ.

Въ 9 часу предъ полуднемъ видѣли, какъ непрїятель свой лагеръ снялъ, и оной на высокую гору далѣе противъ Хотима назадъ переставилъ, такъ что сего дня, ни къ какому главному сраженїю не дошло, а между тѣмъ непрїятель противу нашего лѣваго крыла, въ нѣсколькихъ тысячахъ человѣкахъ собрался, и какъ оной видъ далъ чрезъ долины съ зади нашей Армѣи зайти, и на нашъ багажъ напасть, то Донскїе, Чюгуевскїе, и другїе Казаки, съ 4 пушками на лѣвомъ крылѣ армѣи поставлены, дабы маршъ багажа лучше прикрывать.

Нѣсколько сотъ Турокъ съ горы сошло, и чрезъ рѣку Ракитну, при которой лѣвое крыло армѣи стояло, перешло; тогда наши Казаки наижесточайше на оныхъ напали, ихъ назадъ отбили, и многїе Турецкїе головы съ Командарскою булавою, называемою Топусъ или Босдиханъ привезли.

Коръ де баталїи съ правымъ крыломъ (гдѣ такожъ нѣсколько сотъ

Турокъ появлялось) продолжалъ маршъ безъ всякаго препятствїя къ горѣ, на которой непрїятельской лагеръ стоялъ, до рѣки Санкоучи, чрезъ которую тотчасъ мосты построены.

Наши Гусары и Волохи съ праваго крыла армѣи, нашимъ непрестанно въ сраженїи бывшимъ Казакамъ на помощъ прїѣхали, и огонь былъ отъ часу жесточае, однакожъ съ такою разностїю, что непрїятель, по которомъ добрымъ распоряженїемъ Генерала Лейтенанта барона фонъ Левендаля, безпрестанно палено и бомбы бросаны, отчасу назадъ отступалъ, и нашимъ по продолженномъ отъ 10 часа предъ полуднемъ до 5 часа по полудни огнѣ; поле очистить принужденъ.

Духовной или попъ новгородскаго пѣхотнаго полку имянемъ Григорей Лапинскїй, всегда предъ сражающимися войсками Святой крѣстъ въ рукахъ держа разъѣжжалъ, подъ которымъ лошадь ранена, а Чюгуевской Казакъ одинъ трехъ Турокъ копьемъ закололъ, и такъ храбро поступалъ, что хотя онъ потомъ и самъ раненъ, оной однакожъ до окончанїя акцїи въ огнѣ пребывалъ.

Съ нашей стороны убито:

2 Гуссара.
2 Волоха,
2 Кампанейца и
1 Малороссїйской Казакъ.

Ранено.

1 Ротмейстеръ отъ Чюгуевскихъ Казаковъ.
1 Гуссаръ.
1 Аудиторъ отъ Волоховъ.
1 Донской и
3 Малороссїйскихъ Казаковъ.
А 1 казакъ безвѣсти пропалъ.

Непрїятель же множество людей потерялъ: ибо не токмо разныя Турецкїя головы привезены, но и отъ нашихъ нѣсколько Турецкихъ Лошадей въ седлахъ и уборѣ, и нѣкоторое число Турецкихъ червонныхъ въ добычѣ взято.

Генералъ Маеоръ Хрущовъ прибылъ съ оставленнымъ, а Генералъ Маеоръ Шиповъ съ тяжелымъ багажемъ, и съ провїанскимъ магазейномъ къ рѣкѣ Санковчи, которыя чрезъ ночь, здѣланными тамо мостами; безъ перерывно переходили.

15 числа для обожданїя тяжелаго багажа, и провїанскаго магазейна, былъ еще растагъ, и генеральное фуражированье.

Въ 10 часу предъ полуднемъ, непрїятель предъ коръ де баталїи показался, и присматривалъ нашихъ фуражировъ, а не регулярныя войска, мужественно на него наступали и онымъ бригадою полевой артилерїи вспомоществовано.

Огонь продолжался до 3 часу пополудни, когда непрїятель нашимъ поле оставить принужденъ былъ.

Съ нашей стороны въ сей день побитыхъ не имѣлось, а раненыхъ было.

1 Хорунжей Донскихъ Казаковъ.

1 Товарыщъ Полтавскаго полку и

2 Козака.

1 Чюгуевской Калмыкъ безвѣсти пропалъ.

Два драгуна, и два Казака, которыя въ сей кампанїи Татарами въ полонъ взяты, и отъ непрїятеля ушли, въ лагеръ прибыли.

Такожъ вторично нѣсколько Волоховъ къ армѣе добровольно прїѣхало, которые въ Ея Імператорскаго Величества службу приняты.

Въ вечеру поздо Генералъ Маэоръ Шиповъ съ тежелымъ багажемъ, и провїанскимъ магазейномъ, которой съ 5 Августа позади, и въ дефїлеяхъ былъ, паки къ армѣи прибылъ; изъ чего выразумѣть можно, съ какими многими трудностями, маршъ чрезъ горы, а особливо при многомъ дожжѣ продолжать принуждены были, и нѣсколько тысячь скота померло.

Генералъ Маэоръ Штокманъ при тяжеломъ багаже пропалъ, и чаятельно есть, что онъ Татарами пойманъ, понеже его видѣли, что онъ только одинъ вверьхъ на гору верьхомъ ѣхалъ.

16 числа по утру была армѣя паки вся въ собранїи, и въ походъ вступила, шла вторично многими дефїлеями, и переправилась чрезъ малыя рѣчки Книшковчи и Салоченчи.

Въ полъ 9 часа предъ полуднемъ пришла армѣя на высокое мѣсто на пушечной выстрѣлъ отъ Турецкого лагера, и тамо усмотрѣно, что непрїятель сильно шанцами окружился, и батареи подѣлалъ.

Въ 10 часу предъ полуднемъ выступили Турки изъ своего лагера на наше лѣвое крыло, и всѣ Татарскїя орды подошли отъ нашего праваго, даже до лѣвого крыла въ тылъ армѣи, такъ что мы отъ непрїятеля окружены были.

Въ 11 часу имѣли наши Донскїя и Чюгуевскїя Козаки у лѣваго крыла съ непрїятелемъ жестокое сраженїе, но понеже нашимъ отъ бригады полевой артїлерїи, и нѣсколькими полковыми пушками паилутчимъ образомъ вспомоществовано, то мы всегда авантажъ прїобрѣтали.

А между тѣмъ, походъ при всегдашнихъ сраженїяхъ и пушечной пальбѣ продолжался, и стали лагеромъ при урочище Солинчи названномъ, такъ что мы въ сей день за трудными дефилеями точїю 6 верстъ, или малую мїлю вверьхъ перейтить могли, а имянно на пушечной выстрѣлъ отъ непрїятельскихъ батарей.

На правомъ крылѣ наши Гусары и Малороссїйскїя Казаки въ сраженїяхъ были, и нѣсколько тысячъ Турокъ и Татаръ такожъ нападали на арїергардїю, но такъ приняты, что они съ великимъ урономъ назадъ отступить принуждены были.

Турки пушечную пальбу, и бросанїе бомбъ безпрерывно съ своихъ батарей продолжали, но безъ всякого дѣйства.

По наступленїи ночи, какъ Генералъ Квартїръ-Мейстеръ фонъ Фермеръ, съ 250 человѣками драгунъ, и фуражирами, такожъ и съ тремя полковыми пушками, съ полверсты предъ армѣею въ переди былъ, для

учрежденія лагера, напали на него нѣсколько тысячъ Турокъ и Татаръ, и какъ усмотрѣно, что большая часть тудажъ слѣдовала, и ради того разсуждалось, что непріятель сей малой корпусъ преодолѣетъ, и тако немедленно конная гвардія, съ нѣкоторымъ числомъ пушекъ туды послана, за которою полки отъ праваго крыла подъ предвожденіемъ Генерала Лейтенанта Карла фонъ Бірона, тогожъ часу слѣдовали, и тогда непріятель по сраженіи чрезъ полчаса съ великимъ урономъ ретіроваться принужденъ былъ.

Съ нашей стороны при томъ токмо 3 человѣка съ лехка ранены.

А на лѣвомъ крылѣ одинъ Есаулъ, и 3 Казака убиты.

Раненыхъ было.

5 Драгуновъ.

5 Гусаровъ.

1 Полковникъ.

1 Есаулъ или Адъютантъ отъ Донскихъ Казаковъ.

1 Калмыцкой лама или попъ.

30 Казаковъ и Калмыковъ.

Непріятель окружа насъ со всѣхъ сторонъ, и на армѣю въ разныхъ мѣстахъ ночью напалъ, однакожъ вездѣ отъ нашего жестокого огня назадъ прогнанъ, а между тѣмъ непріятель въ той ночи еще 2 новые батареи ближе къ нашему лагеру здѣлалъ, и жестоко трудился, чтобъ оные ретраншементомъ обвесть и прикрыть.

Мы съ нашей стороны мало фуражу имѣли, и недостатокъ въ дровахъ, на нашей лѣвой странѣ Хотимскіе горы и такой лѣсъ, чрезъ которой и партія пройти не могла, не токмо чтобъ армѣя съ артілеріею проходить моглабъ, на тылѣ мы отъ всѣхъ Татарскихъ ордъ окружены были, и имѣли по правую руку горы, которые даже до Прута простираются, и гдѣ мы округъ на 7 или 8 маршевъ чинить принуждены былибъ, дабы подъ Хотимъ подойти, а предъ нами была Турецкая армѣя, которая день и ночь тройнымъ ретраншементомъ лагеръ свой укрѣпить трудилася.

Въ такихъ обстоятельствахъ неможно было долго мѣшкать, и какъ нынѣ отъ плѣнныхъ слышно, то Сераскеры и Паши, въ надеждѣ были, что нынѣ Россійскую армѣю въ рукахъ своихъ уже имѣютъ, такъ что ни жадной человѣкъ у нихъ не уйдетъ.

И тако резолюція принята, подъ божескою защитою, непріятеля въ его лагерѣ атаковать, и какъ видно было, то онъ предъ своимъ правымъ крыломъ, противу котораго наша армѣя стояла, при своемъ ретраншементѣ и батареяхъ непрестанно работалъ, а его лѣвое крыло, которое равномѣрно на вершинѣ той горы стояло, еще шанцами обведено не было, такъ что такмо на томъ мѣстѣ до него дойти можно было, того ради хитрость употреблена.

И 17 Августа (въ которой день и въ прошломъ году акціею и викторіею противу сегожъ Вели-Паши торжествовано) одинъ корпусъ, состоящей изъ гвардіи 2 драгунскихъ, и 3 пѣхотныхъ полковъ, 400 человѣкъ отъ Пикета съ тридцатью полковыми пушками, и 4 мартірами

противу непріятельскаго праваго крыла и его батарей подъ самые пушки, а потомъ всей армѣе въ ружье вступить велѣли, якобы намѣренїе наше было непріятеля въ его ретраншементѣ, которой равномѣрно какъ весь его лагеръ, со множественнымъ числомъ знаменъ покрытъ былъ, со всею нашею силою атаковать, и сей стратагемъ или обманъ; столько предъуспѣлъ, что непріятель въ двое работниковъ къ своимъ ретраншементамъ приставилъ, непрестанно изъ своихъ пушекъ по насъ стрѣлялъ, и свою силу туда привелъ, такожъ и наше лѣвое крыло, а особливо Донскихъ Казаковъ вновь атаковалъ.

Къ полудни съ нашей стороны все къ баталїи потребное готово было, и мы тогда вдругъ въ правую руку маршировали, присовокупляя въ тожъ время вышепомянутой откомандрованной корпусъ паки съ армѣею, и въ тотъ часъ непріятель глаза отворя присмотрилъ, что на его лѣвое крыло пойдемъ, однакожъ непріятель, по скаскѣ плѣнныхъ войско свое увѣрилъ, что Россїйская армея симъ подвигомъ возвратный маршъ предпрїемлетъ, о чемъ вѣдомость и въ Хотимъ къ Калчакъ Пашѣ тогожъ часу послалъ.

Мы, дабы непріятельское лѣвое крыло атаковать могли, принуждены были, чрезъ рѣку Сулинцы перейти, потомъ на высокое мѣсто взойтить, куда Арнауты и Спаги уже збиралися, и еще чрезъ глубокую долину маршировать, и тогда на крутую гору взлазить, на которой непріятельской лагеръ стоялъ; наивящее намъ затрудненїе было, что понеже непріятель отъ всюды насъ окружалъ, мы со всѣмъ багажемъ и съ провїанскимъ магазейномъ маршировать, оной прикрывать, и въ тожъ время непріятеля атаковать имѣли, сего ради при неотрывной стрѣльбѣ отъ двухъ бригадъ полевой артїлерїи 27 мостовъ чрезъ рѣку Сулинцы такъ поспѣшно построили, что 2 часа по полудни Генералъ Лейтенантъ фонъ Бїронъ съ лѣвымъ армѣи крыломъ чрезъ обои предъ нами долины щастливо переходить и ниже высокого мѣста, на которомъ за двѣ версты предъ нами непріятельской лагеръ стоялъ, въ ордеръ баталїи построиться могли, которому Ея Їмператорскаго Величества Гвардїи подъ предвожденїемъ Генерала Лейтенанта Густава фонъ бїрона слѣдовали, а за ними Корде баталїи съ Генераломъ Аншефомъ Румянцовымъ, и на послѣди лѣвое крыло подъ предвожденїемъ Генерала Лейтенанта барона Левендаля маршировали, на которыхъ Турки безпрестанно напуски чинили, и тако армѣя всегда въ передъ подавалась, но понеже багажъ и магазейнъ прикрывать надлѣжало, то оная не безъ остановки къ непріятельскому лагеру на гору приближалась. Въ 3 часу правой фланкъ Генерала Лейтенанта Карла фонъ бїрона, и наши Гусары отъ непріятельской конницы сильно атакованы, но нашими полковыми пушками, и двумя бригадами, полевой артїлерїи, которыми Подполковникъ Князь Дадьянъ, по обыкновенїю своему съ великимъ искуствомъ и храбростїю дѣйствовалъ, всегда полѣ очищено было.

О 4 часу по полудни, видимъ былъ непріятель отъ своего правого крыла къ лѣвому на насъ въ совершенномъ движенїи, везя съ собою многїя шанцовыя туры и пушки, и дѣлая на высокомъ мѣстѣ батарею, съ которой онъ тотчасъ изъ пушекъ палить началъ.

Но мы тѣмъ въ нашемъ походѣ толь меньше остановлены, понеже наша скоро дѣйствующая артїлерїя ихъ преодолевала, и гдѣ артїлерныя лошеди немогли оную на гору взвѣсть, то їнфантерїя въ томъ помогала, со всегдашнимъ радостнымъ восклицанїемъ и желанїемъ до непрїятеля добраться.

Въ 5 часу по полудни атаковали Янычары съ саблями въ рукахъ и напущали по обыкновенїю ихъ до самыхъ рогатокъ, но сїе трафилось на самую силу нашей пѣхоты и на гвардїю Ея Їмператорскаго Величества, которыя такъ сильно мушкетную и при томъ пушечную пальбу производили, что оное недолго продолжаться могло, но изъ Янычаровъ отъ 2 до 3000 къ атакованїю пришедшихъ, передовыя на мѣстѣ побиты, и по скаскѣ пленныхъ болѣе 1000 ранено, и тако съ слѣдующими имъ Янычарами въ бѣгство обратиться принуждены были, не продрався до нашей пѣхоты, и не приближась до рубленїя саблями. Когда Янычары побѣжали, то видно было, что часть непрїятельскаго лагера собирать и жечь стали, а войска къ Хотиму назадъ ретироваться начали. Здѣсь мы весь непрїятельской лагеръ получить моглибъ, ежели бы мы тяжелаго багажу и провїантскаго магазина, отъ Турецкой конницы и Татаръ, которыми мы всегда окружены были, прикрывать и тако часто остановляться, и охотныхъ салдатъ удерживать принуждены не были.

По чемъ мы уже въ 7 часу вечера на вышину горы и къ лѣвому крылу непрїятельского лагера взошли, гдѣ мы отъ части на батареяхъ, отъ части же на другой день по утру на Хотимской дорогѣ 4 мѣдныхъ мортиры, 19 мѣдныхъ пушекъ, нѣсколько знаменъ; съ тысячю полатокъ, неисчисленное множество бомбъ, картечь и ядеръ, особливо же шанцовыхъ їнструментовъ, великое множество телегъ съ провїантомъ и фуражемъ, въ которомъ здѣсь не малой недостатокъ есть; во знакъ совершенной викторїи отъ непрїятеля, которой съ великою торопостїю отступилъ и свой вельми сильно шанцами укрѣпленной лагеръ съ стыдомъ и срамотою оставить принужденъ, въ добычь получили, и ту ночь въ непрїятельскомъ лагерѣ съ непрестаннымъ радостнымъ восклицанїемъ и веселїемъ каждого стояли. Всемогущїй Богъ, которой насъ до сего мѣста привелъ, содержалъ и при томъ свою милостивую руку надъ нами что мы отъ непрїятельской непретанной пушечной стрѣльбы, которая съ самого утра до 7 часа вечера продолжалась, и отъ многократныхъ нападеней непрїятельской конницы и напослѣди Янычаръ, побитыхъ имѣли токмо.

3 Гусара.

4 Мушкатера и

6 Казаковъ.

Раненыхъ 53 человѣка, между которыми Подполковникъ Колударовъ и Маэоръ Шїрмашеръ, одинъ Порутчикъ, 1 рейтаръ, 2 рядовыхъ отъ Ея Їмператорскаго Величества Гвардїи, 1 Адъютантъ и два Хорунжея отъ Донскихъ казаковъ обрѣтаются, которой малой уронъ почти невѣроятенъ видится, однакожъ сущимъ дѣйствомъ есть мужество и храбрость Россїйскихъ войскъ и сильное наступанїе и артїлерїи огонь, кото-

рой у оныхъ обыкновененъ, яко же плѣнной Калчакъ Паша самъ признаваетъ, что они нашего огня никакъ снести не могутъ.

Непреминуто сею отъ бога дарованною славною вікторіею, и всеконечнымъ разбитіемъ непріятеля пользоватся тако что 18 командующей Генералъ Фелдмаршалъ, потомъ какъ оной весь непріятельской лагеръ рентраншементъ и батарей, и употребленную при томъ невѣроятную работу, ибо много въ каменную гору врываться принуждены были, гдѣ особливо на правомъ крылѣ 5 и 6 линѣй одно предъ другою здѣланы были, и натуральную сильную сітуацію со удивленіемъ осмотрѣлъ, съ корпусомъ состоящимъ въ 30000 человѣкахъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ подъ предвожденіемъ трехъ Генераловъ Лейтенантовъ Карла и Густава фонъ біроновъ и барона фонъ Левендаля, прямою дорогою къ Хотиму для взятія сей крѣпости маршъ продолжалъ.

Остатокъ армѣи съ провіантнымъ магазейномъ и великимъ багажемъ, подъ командою Генерала Аншефа Румянцова, слѣдовалъ въ слѣдъ. Мы маршировали того дня чрезъ Хотимской лѣсъ отъ 6 до 7 верстъ, и лагерь близъ деревни Дашковчѣ, къ нашему найбольшему удовольствію заняли со изобиліемъ травы и свѣжего корму.

По сей дорогѣ на всякомъ шагу знаки непріятельскаго всеконечного разбитія и Генеральнаго страха видимы были. Ибо оной непріятель свой путь не къ Хотиму, но паче въ правую руку къ бендеру воспріялъ, и въ побѣгѣ преизрядные пушки отъ большей части не загвожженные, и множество бомбъ, картечь, ядеръ, шанцовыхъ инструментовъ, пороха и свинцу такожъ провіантъ въ лѣсу разбросавъ оставилъ.

Въ ночи была тревога, и непріятельская партія къ нашему лагеру подкралась, по которой палено: чаяли что оная изъ Хотима для осмотрѣнія высылана была.

19. По утру рано кормлено, и не много фуражировано, ибо по всѣмъ полученнымъ вѣдомостямъ подъ Хотимомъ ни какого фуража достать надѣяться не можно было.

Въ 8 часовъ предъ полуднемъ армѣя въ походъ вступила, и какъ мы только отъ 5 до 6 верстъ до Хотима итти имѣли, то мы въ 10 часовъ близъ предмѣстей пришли, такъ что нечего отъ непріятельской армѣй видимо небыло.

Наши нерегулярные войска тотчасъ нѣсколько Турокъ и Волоховъ изъ предмѣстей привели, которые единогласно сказали, что Калчакъ Паша 17 числа, то есть въ день баталіи при Ставучанѣ, въ вечеру поздо съ нѣсколькимъ малымъ числомъ Янычаровъ въ Хотимъ возвратился. А гарнизонъ, которой выведенъ, и при арміи былъ, назадъ не явился, но въ бѣгство съ Турецкою армѣею къ бендеру обратился. Посланъ тотчасъ брегадіръ Князь Кантеміръ, и Полковникъ Капнистъ, яко Турецкой языкъ знающіе, съ Посольства Секретаремъ Неплюевымъ, къ Калчакъ Пашѣ и велѣно имъ крѣпость къ здачѣ требовать, чтобъ онъ оную понеже ему никакого сукурса надѣяться не мочно, безвредну еще Тогожъ дня Ея Імператорскаго Величества славы достойному оружїю очистилъ, и онъ самъ съ гарнизономъ на дискрекцію здался.

Потомъ Калчакъ Паша прислалъ Плацъ Маэора Ибрагима, и желалъ командующаго Генерала Фелдмаршала требованіе и пароль изъ устъ его слышать. Требуя нѣсколько часовъ сроку, дабы съ Янычарскимъ Агою, Камендантомъ крѣпости и другими Офицерами, о капитулаціи совѣтовать, да притомъ свободной отпускъ и конвой до Дуная, еже ему однакожъ отказано, и велѣно тотчасъ шести гранадирскимъ ротамъ и тремъ баталіонамъ, съ Генераломъ Маэоромъ Шиповымъ, и вскорѣ потомъ Ея Імператорскаго Величества Гвардіи подъ командою и предвожденіемъ Генерала Лейтенанта Густава фонъ бирона, до контершкарповъ крѣпости выступить.

А при томъ понуждали Калчакъ Пашу, такъ что въ 2 часа по полудни оной съ своимъ малолюднымъ гарнизономъ военными плѣнными здался, съ такимъ прошеніемъ, чтобъ ихъ жены и дѣти съ ихъ пожитками, въ ихъ домы отпущены и препровождены были, еже и дозволено.

Въ 3 часа Янычарскія знамена съ валовъ сняты, и бѣлое знамя выстановлено, около 4 часовъ ключи крѣпости чрезъ Янычарскаго Агу, Коменданта и Муфтію командующему Генералу Фелдмаршалу поднесены, вороты Ея Імператорскаго Величества Гвардіею заняты, и вскорѣ потомъ Калчакъ Паша самъ съ великою знатною свитою пришолъ, командующему Генералу Фелдмаршалу покорился, оному свою саблю отдалъ, и причиталъ божіему соизволенію и плохому поступку Сераскера Вели-Паши, причину и вину нынѣшнихъ злоключеней.

Генералъ Фелдмаршалъ еще тогожъ вечера крѣпость объѣжжалъ, которая въ преизрядномъ состояніи, имѣя всѣ фортификаціи каменные и гораздо больше и крѣпче Очаковской находится.

Многочисленная изрядная артилерія и магазейны сего дня принимаются, и крѣпость карауломъ занята; Роспись знатнымъ военнымъ плѣннымъ при семъ прилагается, и о всемъ протчемъ вскорѣ обстоятельное описаніе пришлется.

Генералъ Маэоръ Штокманъ и 16 человѣкъ плѣнныхъ, которые въ здѣшнѣй крѣпости обрѣтались, паки освобождены.

Предмѣстія велики и изрядные, и какъ непріятель время не имѣлъ, оные разорить, и свои пожитки и имѣніе отъ туда спасть, то наша армѣя тамо великую добычь получила.

Сія армѣя въ самопожеланномъ благословенномъ состояніи пребываетъ. И понеже по нынѣшнему лѣтнему времяни еще нѣчто предвоспріято быть можетъ: то о дальныхъ военныхъ операціяхъ помышлять надобно, дабы отъ воспослѣдованныхъ съ того времяни, когда мы Днестръ перешли, паче всякого человѣческаго чаянія щастливыхъ происхожденій, всякую возможную пользу пріобрѣсти, и непріятеля къ резонабельному миру принудить. Яко къ сему нынѣ великая надѣжда есть.

БОГУ ЕДИНОМУ СЛАВА!

РЕЭСТРЪ.

Тѣмъ знатнымъ персонамъ, которые при взятіи Хотима военными плѣнными здались.

1. Командующей Калчакъ Паша трехъ бунчюжной.
2. Его сынъ, которой во отсутствіи отца Каймаканомъ служилъ.
3. Эмиръ Муллей или духовной.
4. Янычарской Ага Солиманъ.
5. Комендантъ Ахметъ Ага Эрли Агаза.
6. Топши баша или имѣющей надъ артилеріею въ гарнизонѣ команду Мустафа Ага.
7. Оберъ Криксъ-Камисаръ Тефтардаръ Ефенди.
8. Командиръ при артилеріи Галилъ Ага.
9. Янычарской судья Абдулахъ Рахманъ.
10. Городской судья.
11. Оберъ Вагенъ-Мейстеръ Абдулахъ.
12. Плацъ Маэоръ Ібрагимъ.

Янычарныя маэоры.

13. Мустафа Ага.
14. Ахметъ Ага.
15. Ісмаилъ Ага.
16. Салихъ Ага.
17. Салиманъ Ага.
18. Янычарской первой Адъютантъ Хаджи Ягія

Адъютанты.

19. Ахметъ Чаушъ.
20. Гусеинъ Чаушъ.
21. Мустафа Чаушъ.
22. Солиманъ Чаушъ.
23. Мустафа Чаушъ.

Офицеры при арсеналѣ.

24. Али Ага.
25. Хаджи Мустафа.
26. Хаджа Ага.
27. Ісмаилъ Ага.
28. Усманъ Ага.
29. Ісмаилъ Ага.
30. Ахметъ Ага.

Инженерные офицеры.

31. Гасанъ Ага.
32. Шаранио Агази.

Взятіе Хотина праздновалось весьма торжественно въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ Россіи. Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ (14 сентября 1739 года, № 74, стр. 591) сообщалось: «Для полученной предъ недавнымъ временемъ всерадостной вѣдомости о одержанной надъ наслѣднымъ непріятелемъ Христіанскаго имяни побѣды и о взятіи турецкаго города *Хотима,* былъ при дворѣ балъ, на которомъ Ея Императорское Величество съ симъ радостнымъ извѣстіемъ присланнаго генерала маэора Апраксина кавалеромъ ордена святаго Александра Невскаго и первымъ маэоромъ лейбгвардіи семеновскаго полку всемилостивѣйше пожаловать соизволила. Въ среду отправлялась во всѣхъ церьквахъ здѣшней Императорской резиденціи торжественное молебствованіе, а и въ лютеранской, на большой перспективѣ стоящей, церькви С. Петра и въ протчихъ иностранныхъ народовъ христіанскаго закона находящихся здѣсь церьквахъ, по повелѣнію ея высококняжеской свѣтлости герцогини курляндской, при отправленіи Божія службы преизрядныя концерты съ другою музыкою были».

Саксонскій посланникъ Suhm въ депешѣ своей изъ Петербурга, 22 сентября 1739 года, пишетъ: On celebra hier à la Cour par un grand bal la glorieuse victoire obtenue sur les turcs près de *Choczim* et de la prise de cette place.

Въ родномъ краю Ломоносова также праздновалось взятіе Хотина. Изъ «города Архангельскаго» писали, 9 ноября 1739 года: «Въ здѣшней соборной церкви отправлялось вчерашняго дня, при пушечной и троекратной изъ мелкаго ружья пальбѣ, молебное и благодарное Всевышнему Богу пѣніе *о взятіи города Хотина,* и о дарованной отъ Него побѣдѣ надъ турками, а при томъ о дальнемъ Божіемъ Его благословеніи побѣдоносному оружію Ея Императорскаго Величества молили. Здѣшній комендантъ и губернаторъ господинъ фонъ Ліцкинъ всѣхъ присутствующихъ здѣсь духовныхъ и знатнѣйшихъ свѣтскихъ персонъ, также здѣшнее и чужестранное купечество, пребогато у себя трактовалъ, и весь сей день въ совершенномъ веселіи препровожденъ».

(С.-Петербургскія Вѣдомости. 1739. № 94, стр. 840).

Иностранныя державы привѣтствовали русское правительство съ блестящею побѣдою. На поздравленіе короля-курфирста саксонскаго императрица Анна Іоанновна отвѣчала слѣдующимъ письмомъ, на русскомъ языкѣ.

(Дрезденъ. Hauptstaatsarchiv. № 3017):

— Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій король и курѳирстъ, дружебнолюбезный братъ, другъ и сосѣдъ.

Якоже я о дражайшей вашего величества мнѣ дружбѣ къ особливому моему удовольствованію напредъ сего уже совершенно удостовѣрена, тако и мнѣ нынѣ не инако, какъ и новому обязателству быть можетъ, что ваше величество мнѣ обнадѣживаніи о томъ своею дружебнобратскою грамотою отъ 29 сентября и притомъ засвидѣтелствованнымъ благожелателнымъ и склоннымъ участія принятіемъ въ дарованномъ отъ Всевышняго Бога моему оружію въ сей послѣдней кампаніи у *Хотима* благословеніи, толь обязателнымъ образомъ повторить изволили. Ваше величество мнѣ пріятную справедливость окажете, когда вы о мнѣ всегда благонадежны быть изволите, что ничего совершеннѣе быть не можетъ, какъ моя къ вашему величеству непоколебима имѣющая дружба. И что тѣ авантажи мнѣ всегда вожделѣннѣйшія суть, которыми я частые случаи получю, ваше величество о такихъ истинныхъ дружбы сентиментахъ и о желаніи моемъ имѣющіи съ вашимъ величествомъ союзъ и тѣсное обязателство вяще и вяще утвердить дѣйствителными опытами всегда удостовѣрять. Притомъ же отъ сердца желая случаи съ своей стороны взаимно ваше величество всякими благополучными происшествіями часто поздравлять. И впротчемъ съ совершеннымъ высокопочитаніемъ пребываю.

Вашего величества
вѣрная сестра и пріятелница
АННА.

Въ Санктпетербурхе
Октября 19 дня 1739-го году.

Воспользоваться плодами побѣды помѣшалъ намъ вѣроломный поступокъ нашей союзницы — Австріи. Несмотря на то, что «цесарь» говорилъ: «во что бы ни стало, хочу царицѣ сдержать

слово, потому что она честно исполняетъ свои обѣщанія», онъ заключилъ отдѣльный миръ съ Турціею. «Богъ судья римско-цесарскому двору—писалъ Минихъ—за таковой нечаянный злой поступокъ и за стыдъ, который изъ того всему христіанскому оружію послѣдуетъ, и я о томъ понынѣ въ такой печали нахожусь, что не могу понять, какъ тѣсный союзникъ таковымъ образомъ поступить могъ».

(Исторія Россіи, Соловьева. 1878. Т. XX, стр. 126, 159).

Въ Петербургѣ были сильно раздражены предательскимъ образомъ дѣйствій союзной державы. Саксонскій посланникъ, въ депешѣ 3 октября 1739 года, пишетъ: Lorsque S. M. I. a declaré cette paix particulière publiquement en pleine Cour, elle l'a fait en ces termes: Mon bon ami l'empereur m'a abandonnée et m'a laissée seule contre mes ennemis, mais Dieu ne m'a pas abandonnée.

(Hauptstaatsarchiv. № 3019 и др.).

Не желая продолжать войны безъ союзниковъ, русское правительство заключило миръ съ Портою. «Чрезъ оный миръ — говорится въ манифестѣ 14 февраля 1740 года—границы Наши такимъ образомъ распространены, что они уже претерпѣннымъ донынѣ самовольнымъ набѣгамъ и раззореніямъ болѣе подвержены не будутъ, но въ потребную безопасность приведены. Прежніе извѣстнаго нещастливаго Прутскаго трактата кондіціи вовсе уничтожены, и государство Наше отъ такихъ весьма обидныхъ предосудительныхъ и безславныхъ обязательствъ освобождено. Такъ многіе тысячи, чрезъ долгіе лѣта до начатія войны при разныхъ случаяхъ изъ государства въ полонъ увезенные подданные Наши, которые нынѣ безъ удержанія въ отечество свое отпущены быть имѣютъ, изъ тяжкаго полону и бѣдства избавлены. Въ коммерціяхъ подданнымъ нашимъ такіе пользы и свободности постановлены, которые имъ прежде сего во областяхъ Турецкаго государства никогда позволены не были, и многіе другіе къ Нашей и государства и подданныхъ нашихъ пользѣ и славѣ касающіеся авантажи чрезъ оной миръ доставлены».

Нѣкоторыя мѣста въ манифестѣ напоминаютъ оду на взятіе Хотина (ст. 251 — 255):

Козацкихъ поль заднѣстрской тать,
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ,
Не смѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницой гдѣ покой насѣянъ.
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ. . . .

По случаю заключенія мира кабинетъ-министръ, князь Черкасскій, отъ имени всѣхъ чиновъ россійской имперіи, держалъ такую рѣчь: «Какъ скоро Ваше Величество на россійскій престолъ вступили, то мы оной въ весьма лучшемъ состояніи увидѣли, гдѣ всякія забавы предѣлы свои имѣютъ; при всякомъ изобиліи умѣренность, и при великой магнифиценціи преизряднѣйшій порядокъ ежедневно со удивленіемъ усматриваемъ. Сіи самыя добродѣтели и преимущества, которыми премудрыя Петра Великаго намѣреніи исполнены, превосходятъ въ освященной Вашего Императорскаго Величества персонѣ всякія свѣтскія достоинства и высочества» и т. д.

(Примѣчанія къ Вѣдомостямъ. 1740. Ч. 23 и 24. стр. 95; Ч. 25 и по 30. стр. 99—112).

Подобныя восхваленія въ рѣчахъ лицъ, занимавшихъ высшія мѣста въ государствѣ, должны быть приняты въ соображеніе при оцѣнкѣ похвальныхъ одъ того времени вообще, и въ частности — оды на взятіе Хотина.

Ода Ломоносова произвела весьма сильное впечатлѣніе на современниковъ. Послѣдующіе ученые и писатели различныхъ поколѣній признавали и признаютъ ея неоспоримое значеніе въ исторіи нашей литературы.

Самъ Ломоносовъ былъ повидимому доволенъ своею первою, самостоятельною одою: онъ помѣстилъ ее въ собраніи своихъ сочиненій и примѣры изъ нея приводитъ въ двухъ своихъ риторикахъ. Припомнимъ замѣчаніе Ѳ. И. Буслаева: «Ломоносовъ написалъ лучшую у насъ реторику, по которой, болѣе или менѣе,

писаны всѣ прочія. По своей реторикѣ Ломоносовъ объяснялъ свои оды, приводя ихъ *въ примѣръ правиламъ:* слѣдовательно историческая и субъективная критика требуетъ объяснять стихотворенія Ломоносова схоластическою реторикою».

(Буслаева: О преподаваніи отечественнаго языка. 1867. стр. 269—270).

Литературный противникъ Ломоносова, Сумароковъ, задавшій себѣ трудъ разобрать не только каждую строфу, но и каждую строчку въ одахъ Ломоносова, разумѣется, не съ цѣлію открывать въ нихъ новыя достоинства, находитъ, что въ одѣ на взятіе Хотина болѣе половины строфъ принадлежатъ къ числу *весьма хорошихъ, прекрасныхъ* и даже *прекраснѣйшихъ,* т. е. идеально-прекрасныхъ, какъ выразились бы позднѣйшіе критики. По количеству *прекраснѣйшихъ* строфъ ода на взятіе Хотина занимаетъ, у Сумарокова, второе мѣсто между всѣми похвальными одами Ломоносова.

Радищевъ, вовсе нерасположенный преклоняться передъ авторитетами, утверждалъ, что никто изъ нашихъ стихотворцевъ не могъ доселѣ сравниться съ Ломоносовымъ. Радищевъ говоритъ: «Ломоносовъ вознамѣрился сдѣлать опытъ сочиненія новообразными стихами, поставивъ сперьва россійскому стихотворенію правила, на благогласіи нашего языка основанныя. Сіе исполнилъ онъ написавъ оду на побѣду, одержанную россійскими войсками надъ турками и татарами и на взятіе *Хотина,* которую изъ Марбурга онъ прислалъ въ академію наукъ. Необыкновенность слога, сила выраженія, изображенія едва не дышащія, изумили читающихъ сіе новое произведеніе. И сіе первородное чадо стремящагося воображенія по непроложенному пути въ доказательство, съ другими купно, послужило, что когда народъ направленъ единожды къ усовершенствованію, онъ къ славѣ идетъ не одною тропинкою, но многими стезями вдругъ».

(Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. 1790. стр. 435).

Державинъ въ своемъ «Разсужденіи о лирической поэзіи» приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ оды на взятіе Хотина въ примѣръ художественнаго изображенія того или другого предмета,

той или другой мысли. Такой выборъ заслуживаетъ вниманія какъ по имени автора, такъ и потому, что «Разсужденіе» Державина представляло для своего времени нѣчто въ родѣ L'art poétique по отношенію къ теоріи лирики, будучи заимствовано изъ «лучшихъ писателей» и «показывая всѣ принадлежности изящной лиры».

Разбирая оды Ломоносова, Мерзляковъ находитъ, что ода на взятіе Хотина «далеко отстаетъ въ чистотѣ, въ плавности, въ ходѣ, въ выборѣ картинъ разительныхъ, въ выборѣ выраженій благородныхъ и звучныхъ, въ движеніи самыхъ страстей, отъ слѣдующей за нею, сочиненной на возшествіе Императрицы Елисаветы Петровны, 1742 года». Но у нихъ есть и общій недостатокъ: «Кажется, съ сими двумя первыми одами могущественный геній пѣвца сотрясъ съ раменъ своихъ послѣднія вериги, которыя наложилъ онъ самъ на себя въ юности невольнымъ подражаніемъ старымъ нѣмецкимъ лирическимъ поэтамъ, существовавшимъ въ Германіи въ его время». Вмѣстѣ съ тѣмъ Мерзляковъ признаетъ, что въ одѣ на взятіе Хотина «можно уже узнать Ломоносова; сія ода по пылкости и быстротѣ блеститъ истиннымъ вдохновеніемъ будущаго нашего Пиндара».

(Труды Общества любителей россійской словесности. 1817. Часть седьмая. стр. 44 — 46).

Бѣлинскій говоритъ: «Наша литература началась съ 1739 года—отъ появленія первой оды Ломоносова. . . Ломоносовъ—Петръ Великій русской литературы — прислалъ изъ нѣмецкой земли свою знаменитую оду на взятіе Хотина, съ которой, по всей справедливости, должно считать начало литературы. . . Вліяніе Ломоносова на русскую литературу было такое же точно, какъ вліяніе Петра Великаго на Россію вообще: долго литература шла по указанному имъ пути» и т. д.

(Сочиненія Бѣлинскаго. 1881. Ч. VIII, стр. 56.—1884. Ч. XI, стр. 11).

Академикъ А. А. Куникъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, касающихся начала литературной дѣятельности Ломоносова, входитъ въ критическое разсмотрѣніе нѣкоторыхъ вопросовъ относительно оды на взятіе Хотина. Замѣчая великое различіе между одою

1738 года и «знаменитою одою 1739 года», акад. Куникъ говоритъ: «Какіе успѣхи долженъ былъ сдѣлать Ломоносовъ въ теченіе года, чтобы создать оду, отличавшуюся высшимъ благородствомъ и чистотою языка, поэтическимъ полетомъ и выдержаннымъ употребленіемъ приличнаго размѣра. . . Побѣда русской арміи при Ставучанахъ и послѣдовавшее за тѣмъ взятіе Хотина отозвались во всей Европѣ. Возможно ли было не встрепенуться патріотической душѣ Ломоносова и въ тиши горнозаводскаго мѣстечка не излить свои чувства въ поэтической формѣ, при вѣсти о томъ, что русская армія такъ блистательно отомстила туркамъ за пораженіе Петра при Прутѣ. . . Первыя слова оды на взятіе Хотина: «Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ», которыми Ломоносовъ описывалъ впечатлѣніе, произведенное на него вѣстію о *побѣдѣ* надъ мусульманами, могъ повторить за нимъ и каждый поэтически настроенный читатель, чтобы передать впечатлѣніе, произведенное на него этимъ стихотвореніемъ. Однимъ словомъ, это была *побѣда* въ области человѣческаго духа».

(Ученыя Записки Императорской Академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. 1855. Томъ III. Выпускъ 2. стр. 263.—Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ; издалъ А. Куникъ. 1865. Часть I. стр. XXVII, XXI).

С. М. Соловьевъ, въ своей «Исторіи Россіи» (1872. Т. XXII. стр. 290—293), такъ опредѣляетъ историческое значеніе оды на взятіе Хотина: «То, чего такъ сильно желали отъ русскихъ ученыхъ, отъ россійскаго собранія, и не могли дождаться отъ извѣстнаго піиты и переводчика Тредьяковскаго, именно живой русской рѣчи и сколько-нибудь гармоническаго стиха, то было получено отъ студента, занимавшагося за границею горнымъ дѣломъ. Для насъ въ общей исторіи Россіи вовсе неважно то, въ какомъ отношеніи находится первая ода Ломоносова къ одамъ знаменитаго тогда нѣмецкаго поэта Гюнтера; для насъ важны извѣстныя мысли, взгляды, высказанные авторомъ по поводу воспѣваемаго событія. Историкъ спокойно и безпристрастно смотритъ и на то, что въ извѣстное время, при извѣстномъ складѣ и настроеніи общества, замѣчательное событіе порождаетъ ли торжественную оду или

рядъ газетныхъ статей и брошюръ, оцѣнивающихъ его значеніе, ибо газетная статья, брошюра и цѣлая книга можетъ также получить характеръ похвальной оды; для историка всюду, подъ какою бы то ни было формою, важны мысли и взгляды, взятые авторомъ изъ общества, или данные имъ обществу. Такъ въ первой одѣ Ломоносова нельзя не остановиться на видѣніи, гдѣ Петръ является вмѣстѣ съ Іоанномъ IV (строфа 11 и 12, стих. 101—114). Въ сопоставленіи Петра съ Грознымъ сопоставлены новая и древняя Россія, сопоставлены ровно и дружно; способность автора сопоставить ихъ такимъ образомъ основывалась на изученіи имъ русской исторіи, которое и дало ему твердую почву, устанавливала его навсегда русскимъ человѣкомъ. Новый русскій человѣкъ не увлекся военнымъ торжествомъ, побѣдами, завоеваніями; онъ умѣлъ понять смыслъ русской исторіи, понять цѣль русскихъ войнъ, умѣлъ выставить борьбу Россіи съ азіатскимъ варварствомъ, азіатскимъ хищничествомъ, и слѣдствія торжества Россіи въ этой борьбѣ:

Козацкихъ поль заднѣстрской тать
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ,
Не смѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницей гдѣ покой насѣянъ.
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ.
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Нигдѣ не зналъ плывя, препятства. . .
Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ.

«Тутъ же, въ первомъ самостоятельномъ произведеніи сына преобразовательной эпохи, знаменитаго труженика и представителя сѣверныхъ земскихъ людей Россіи, встрѣчаемъ вынесенное изъ исторіи и жизни опредѣленіе русскаго народа, встрѣчаемъ стихъ: «Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ».

«Для современниковъ вопросъ заключался не въ томъ, кто первый указалъ на тоническое стихосложеніе, но кто писалъ:

Воспѣвай же, лира, пѣснь сладку,
Анну то-есть благополучну,
Къ вящшему всѣхъ враговъ упадку,
Къ несчастію въ вѣки тѣмъ скучну —

и кто писалъ:

Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда, Росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушолъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ,
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,
Коль Росская ужасна сила.

«Перваго автора звали Тредьяковскимъ, второго Ломоносовымъ».

III.

Четыре стихотворенія приводятся въ письмѣ Ломоносова, напечатанномъ впервые въ Собраніи сочиненій Ломоносова, въ 1778 году, подъ заглавіемъ: «Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства». Изложивъ свои мысли о русскомъ стихосложеніи, Ломоносовъ говоритъ: «Здѣсь предлагаю я нѣкоторыя строфы изъ *моихъ стиховъ,* въ примѣръ стопъ и сочетанія».

(Покойнаго ст. сов. и проф. М. В. Ломоносова Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. 1778. Книга вторая. стр. 14 — 15).

По поводу этихъ стиховъ г. Будиловичъ замѣчаетъ: «Изъ нѣкоторыхъ выраженій «письма» видно, что Ломоносовъ, въ бытность свою за границею, не переставалъ писать стихи, отрывки изъ которыхъ вошли частію въ это «письмо», частію же въ «Риторику». Нельзя не обратить вниманія на эти отрывки. Въ нихъ находятся то идиллическія картины природы, то въ связи съ ними изображенія любви и тоски».

(М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. Антона Будиловича. 1869. стр. 117 — 118).

Академикъ Пекарскій видитъ въ стихахъ, приводимыхъ Ломоносовымъ, отголосокъ личнаго настроенія автора: «Въ этихъ примѣрахъ есть стихи, въ которыхъ идетъ рѣчь о любви — чувствѣ, которое не должно было быть чуждымъ Ломоносову, такъ-

какъ, по свидѣтельству Вольфа, русскіе студенты въ Марбургѣ отличались особеннымъ пристрастіемъ къ женскому полу. Вотъ эти стихи, въ которыхъ быть-можетъ Ломоносовъ высказывалъ и личныя отношенія свои: Одна съ Нарциссомъ мнѣ судьбина, и т. д.; Нимфы околъ насъ кругами, и т. д.; Весна тепло ведетъ, и т. д.».

(Исторія академіи наукъ, П. Пекарскаго. 1873. Томъ второй. стр. 300 — 301).

По мнѣнію г. Будиловича, стихи, приводимые въ «письмѣ» Ломоносова, представляютъ большее или меньшее сходство съ примѣрами, находящимися въ его Риторикѣ, а именно:

Въ „Письмѣ":

На восходѣ солнце какъ зардится,
Вылетаетъ вспыльчиво хищный встокъ,
Глазà кровавы, самъ вертится;
Удара не сноситъ Сѣверъ въ бокъ,
Господство даетъ своему побѣдителю
Пресильному водъ морскихъ возбудителю. . . .

Весна тепло ведетъ,
Пріятный Западъ вѣетъ,
Всю землю солнце грѣетъ,
Въ моемъ лишь сердцѣ ледъ,
Грусть прочь забавы бьетъ.

Въ Риторикѣ:

Свѣтящій солнцевъ конь
Уже не въ дальный югъ
Изъ рта пустилъ огонь,
Но въ нашъ полночный кругъ.
Уже несносный хладъ
Съ полей не гонитъ стадъ..
(§ 66).

„О весна, юность лѣта, прекрасная мати цвѣтовъ, хотя ты возвращаешься, но кромѣ тоски съ собою ничего не приводишь" (§ 137).

Нимфы околъ насъ кругами
Танцовали поючи,
Всплескиваючи руками;
Нашей искренной любви
Веселяся привѣчали,
И цвѣтами насъ вѣнчали.

Ужъ солнышко спустилось
И сѣло за горой,
И поле окропилось
Вечернею росой.
Я въ горькой скукѣ трачу
Прохладные часы.... (§ 62).

Полагаютъ, что стихи, приведенные въ § 62 Риторики, составляютъ отрывокъ оригинальнаго, но неизвѣстнаго намъ, стихотворенія Ломоносова.

(М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ. А. Будиловича. 1869. стр. 118, 106 — 107).

Поэтому считаемъ нужнымъ привести вполнѣ стихотвореніе, отрывокъ изъ котораго находится въ Риторикѣ Ломоносова. Оно помѣщено въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки, Q. XIV. № 124, подъ № 33:

Молчите, струйки чисты,
И дайте мнѣ вздыхать.
Вы, птички голосисты,
Покиньте воспѣвать.

Пусть въ рощахъ раздаются
Плачевныя слова,
Ручьями слезы льются,
И стонутъ дерева.

Здѣсь ты, моя отрада,
Любезный пастушокъ,
Со мной ходилъ до стада
На желтый бережокъ.

Я здѣсь съ тобой свыкалась
Отъ самыхъ лѣтъ младыхъ,
И часто наслаждалась
Любезныхъ словъ твоихъ.

Ужъ солнышко спустилось
И сѣло за горой,
И поле окропилось
Вечернею росой.

Я въ горькой скукѣ трачу
Прохладные часы,
И наединѣ плачу,
Лишась своей красы.

Цѣлую тѣ пруточки,
Съ которыхъ ты срывалъ
Прекрасные цвѣточки,
И мнѣ пучки вязалъ.

Слезами обливаю
Зеленые листы,
Въ печали презираю
Прìятные кусты.

Я часто вижу власно
Тебя при деревахъ,
Бѣгу тебя напрасно,
Облившись вся въ слезахъ.

Но только тѣнь пустая
Меня безсчастну льститъ,
Смущаюся, теряя
Прiятный мнѣ твой видъ.

(Сборникъ старинныхъ пѣсенъ, преимущественно любовныхъ; скорописью второй половины XVIII столѣтія.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1886 годъ, стр. 71—72).

Въ отношеніи языка замѣтимъ:

Вылетаетъ *вспыльчиво* хищный встокъ. . .
  Веселяся *привѣчали*. . .
Танцовали *поючи*,
  Всплескиваючи руками. . .
Грусть *прочь* забавы *бьетъ*. . . .

Прочь бить — германизмъ: wegschlagen.

IV.

Въ прошломъ столѣтіи въ Академіи наукъ существовалъ обычай подносить похвальныя оды въ разные торжественные дни. Сочиненіемъ подобныхъ одъ занимались преимущественно академики: Юнкеръ, Штелинъ и Тредьяковскій; два первые восхваляли героевъ дня понѣмецки, Тредьяковскій — порусски. Съ прибытіемъ Ломоносова явилась новая живая сила, обладавшая несомнѣннымъ талантомъ, и съ первыхъ шаговъ своихъ на литературномъ поприщѣ обнаружившая небывалое до того времени искусство владѣть русскимъ стихомъ. Понятно, что къ Ломоносову стали обращаться съ настойчивымъ предложеніемъ сочинять, отъ лица Академіи, торжественныя оды, и онъ долженъ былъ, волею или неволею, подчиняться этому требованію. Первою данью академическому обычаю была ода на день рожденія младенца-императора Іоанна III, которому тогда (12 августа 1741 года) исполнился ровно годъ. «Ломоносовъ — говоритъ академикъ Пекарскій—вернулся въ Россію въ то самое время, когда на престолѣ былъ императоромъ Іоаннъ III Антоновичъ, которому тогда еще не минуло одного года, а государствомъ правила мать его, Анна Леопольдовна, герцогиня брауншвейг-люнебургская. Послѣ арестованія Бирона, сдѣлавшагося было, по смерти Анны Іоанновны, самовластнымъ распорядителемъ Россіи, герцогиня отъ страдательной роли матери царствующаго государя перешла къ полному господству надъ Россіею. По отзыву современниковъ,

*

принцесса была мягкаго характера, не любила крутыхъ и крайнихъ мѣръ и вообще давала болѣе простора Россіи, которая такъ сурово была управляема въ предшедшее царствованіе. Несмотря однако на все это, въ Петербургѣ чувствовалось приближеніе новаго переворота. . . Конечно не всѣ вѣрили и не всѣ знали, что тогда происходило кругомъ: приближенные правительницы, дворъ и вообще тѣ, которые ожидали себѣ выгодъ и пользъ отъ существующаго порядка вещей, мало думали о будущемъ и старались воспользоваться тѣмъ, что представляло настоящее. Ломоносовъ, по внушенію ли покровителей своихъ въ Петербургѣ, или по собственному побужденію, весьма понятному при тогдашнихъ взглядахъ на поэтовъ и поэзію, тотчасъ же принялся за сочиненіе оды ко дню рожденія младенца-императора, т. е. къ 12 августа 1741 года».

(Исторія академіи наукъ. 1873. Т. II, стр. 314—315).

Ода Ломоносова на день рожденія императора Іоанна III помѣщена въ «Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ» 1741 года, часть 66—69, стр. 267—272. Порядокъ строфъ не обозначенъ цыфрами. Ода подписана начальною буквою *Л.* Что авторомъ оды былъ *Ломоносовъ*, видно уже изъ общихъ свойствъ стиха—свободнаго и плавнаго сравнительно съ виршами прежняго времени. Другаго *Л.* нельзя указать между тогдашними стихотворцами. Въ новомъ произведеніи Ломоносова есть черты, сходныя съ одою: «Первые Трофеи», несомнѣнно принадлежащею Ломоносову, а также съ его знаменитою одою на взятіе Хотина: тотъ же размѣръ, таже десятистрочная строфа, тоже чередованье риѳмъ; встрѣчается сходство въ образахъ и выраженіяхъ.

Ода на день рожденія Іоанна III перепечатана академикомъ Куникомъ въ Ученыхъ Запискахъ Академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. 1855. Т. III. Выпускъ 2. стр. 270—277. Къ тексту приложено нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній.

Младенецъ-императоръ названъ Іоанномъ *Третьимъ:* первый изъ государей этого имени, носившихъ царскій титулъ, былъ

Іоаннъ Грозный; второй — Іоаннъ Алексѣевичъ, братъ Петра Великаго; третій — Іоаннъ Антоновичъ.

По духу того времени, торжественныя оды и хвалебныя надписи составляли какъ бы одно цѣлое съ другими принадлежностями празднествъ — иллюминаціями, символическими изображеніями, и т. п. Для объясненія образовъ, иносказаній, уподобленій и т. п. въ одахъ и надписяхъ приходится обращаться къ планамъ иллюминацій и фейерверковъ. Поэтому прилагаемъ здѣсь описаніе, помѣщенное какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ вѣдомостяхъ того времени:

Abrisz und Erklärung des Feuerwerckes und der Illumination, welche an dem höchsterfreulichen Geburths-Feste des allerdurchlauchtigsten und groszmächtigsten Fürsten und Herrn Herrn Joannis III Kaysers und Selbsthalters von allen Reussen etc. etc. etc. Ao. 1741 den 12 Aug. in St.-Petersburg vorgestellet worden.

Ob zwar unter so vielen Denckmahlen, welche von den alten Griechen und Römern bis auf unsere Zeiten in Ertz und Marmor übrig geblieben, keine zu finden sind die mit den heutiges Tages gebräuchlichen Devisen oder so genannten Sinnbildern völlig überein kämen, sondern nach genauer Untersuchung vielmehr zu shliessen ist, dasz die letzteren nur etwa seit 300 Jahren bekannt worden, folglich denen Gesetzen welche die Alten bey Verfertigung ihrer Uberschrifften beobachtet haben nicht unterworffen sind, so hat man dennoch diese neueren Erfindungen nach und nach in gewisse Regeln eingeschränckt, die nunmehro mit einer gleichsam allgemeinen Ubereinstimmung angenommen werden.

Unter diesen ist nun diejenige, nach welcher Hohe Personen und Heldenmüthige Thaten nicht anders als durch eine an sich selbst edle und erhabene Abbildung vorzustellen sind, um so viel weniger hindan zu setzen, je mehr dieselbe in der Natur und gesunden Vernunfft ihren Grund hat; man würde aber eine sehr geringe Kenntnisz von denen besten und aller Orten mit so vielem Beyfall aufgenommenen Sinnbildern an den Tag legen, wann man zu einer neuen Devise eine schlechterdings neue und bishero noch nie gebrauchte Abbildung verlangen wolte.

Изображенiе и изъясненiе фейэрверка и иллуминацiи, которые въ высокоторжественный и всерадостный день рожденiя Всепресвѣтлѣйшаго Державнѣйшаго Великаго Государя Iоанна III, Императора и Самодержца Всероссiйскаго, и прочая, и прочая, и прочая. 12 августа 1741 въ Санкт-Петербургѣ представлены были.

Хотя между толь многими отъ древнихъ Грековъ и Римлянъ на металлахъ и мраморахъ для незабвенной памяти послѣдующимъ родамъ оставленными изображенiями нѣтъ ни одного, которое бы съ употребительными нынѣ девизами имѣло во всемъ совершенное сходство; но по прилѣжномъ изслѣдованiи можно еще заключать, что наши девизы не далѣе какъ лѣтъ за три ста передъ симъ извѣстны учинились; и по тому они тѣмъ законамъ весьма не подвержены, которые отъ древнихъ при изобрѣтенiи ихъ надписей хранены были: однакожъ приведены со временемъ ужè и новыя оныя изобрѣтенiя въ извѣстныя прáвила, которыя якобы общимъ нѣкоторымъ согласiемъ утверждены и приняты.

Между оными же прáвилами наипаче того пренебрегать не должно, по которому высокихъ особъ и храбрыя дѣлà не инако представлять надлежитъ, какъ нѣкоторымъ благороднымъ и по себѣ самомъ высокимъ изображенiемъ, а особливо, что оное прáвило на самой натурѣ и здравомъ разсужденiи основанiе свое имѣетъ; чего ради показывало бы то очень малое познанiе наилучшихъ и съ толикою похвалою вездѣ принятыхъ эмблемъ, ежели бы кто для новаго девиза хотѣлъ требовать весьма новаго и понынѣ еще нигдѣ неупотребленнаго изображенiя.

Die merckwürdigsten unter den himmlischen sowohl als irdischen Cörpern sind schon bey unzehlichen Sinnbildern, jedoch mit unterschiedenen Uberschrifften, angebracht worden, und die Sonne allein wird vermuthlich schon viele tausend mahl im Corps de Devise erschienen seyn, da man bereits einige hundert dergleichen mit auserlesenen Uberschrifften durch den Druck bekannt gemacht findet.

Dennoch aber hat man zur Devise eines Grossen Königes unter dessen glücklicher und langwieriger Regirung die Künste und Wissenschafften in dem letzten Jahrhundert höher als jemahls vorher gestiegen, nichts bessers als die blosse Sonne, mit der bekannten sinnreichen Uberschrifft, ausfinden können.

Wir tragen dannenhero kein bedencken an diesem Tage der Freuden da Jhre Majestät Joannes der Dritte, Kayser und Selbsthalter von allen Reussen, das erste Jahr Jhres künftig, wie wir wünschen und mit gewissestem Vertrauen erwarten, glorwürdigsten Lebens zurück geleget, eine aufgehende Sonne unter dem Bilde des Apollinis mit der Uberschrifft.

Augescet ventura in tempora lumen.

Sein Glantz wird sich je länger je mehr ausbreiten.

vorzustellen.

Zwar kan die vorhergehende höchstlöbliche Regirung der in Gott ruhenden Kayserin Anna, Höchstseligen Andenckens, auf keine weise einer Nacht verglichen werden nach welcher unsere Sonne aufgegangen, wann wir aber dennoch die tieffe Trauer in welche das gantze Reich durch den unvermutheten Abschied dieser Monarchin versetzet ist, betrachten, und zugleich dasjenige Ungewitter so sich also fort nach Dero tödlichem Hintritt über Ruszland zusammen zu ziehen schiene, aber durch die Mütterliche Vorsicht und weisesten Anstalten Jhro Kayserlichen Hoheit der Durchlauchtigsten Grosz Fürstin und Regentin von Ruszland zu unserem allgemeinen Frolocken angewandt worden, in Erwegung ziehen, so können wir diese merckwürdige Bege-

Главнѣйшія изъ небесныхъ и земныхъ тѣлъ употреблены были по сїе время ужѐ при бесчисленно многихъ эмблемахъ, однакожъ съ различными надписьми; и одно солнце показывано въ девизахъ можетъ быть ужѐ нѣсколько тысячъ разъ, къ которому приличныхъ и наилучшихъ надписей въ печати не одно сто находится.

Но не взирая на то для девиза одного изъ великихъ Государей, подъ котораго благополучнымъ и долговременнымъ владѣнїемъ науки и художества въ прошедшемъ вѣкѣ пришли въ наибольшее свое совершенство, ничего лучше изобрѣсти не могли, какъ одно токмо солнце съ извѣстною при немъ остроумною надписью.

Чего ради не сомнѣваемся мы въ сей торжественный и радостный день, въ который Его Величество Іоаннъ III Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, первый годъ своего впредь, какъ мы желаемъ и въ несомнѣнномъ уповаиїи ожидаемъ, достохвальнаго государствованїя препроводилъ, представить восходящее солнце въ образѣ Апполлина съ сею надписью.

Augescet ventura in tempora lumen.

то есть:

Сіяніе свое умножитъ.

И хотя достохвальное государствованїе Ея Императорскаго Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Анны Іоанновны никоимъ образомъ съ нощїю сравнено быть не можетъ, по которой наше солнце возсїяло: однакожъ ежели рассудимъ глубокую оную и на всю имперїю нечаянною кончиною сея Монархини нашедшую печаль, и притомъ въ мысли своей себѣ представимъ, коликїй мракъ вскорѣ по Ея кончинѣ на Россїю наступать видѣлся, но которой матернимъ промысломъ и мудрыми учрежденїями Ея Императорскаго Высочества Государыни Великія Княгини и Правительницы всея Россїи къ общей всѣхъ радости отвращенъ и прогнанъ; то не можно намъ не удивляться сему достопамятному случаю, и не призна-

benheit nicht anders als einen von dem Allerhöchsten besonders gesegneten Anfang der Regirung Jhro Kayserlichen Majestät unseres allergnädigsten Herrn bewundern und mit desto grösserer Zuversicht hoffen, dasz noch ferner alles trübe Gewölcke so sich unseren Grentzen nahen möchte, durch die kräfftigen und durchdringenden Strahlen dieser aufgehenden Sonne gar bald werde zerstreuet werden.

Das beständige Gesetze der Natur nach welchem alle Geschöpff der Welt nicht alsofort zu ihrer Vollkommenheit gelangen, sondern zuvor die von Gott ihnen weiszlich gesetzte Zeit erreichen müssen wird gewisser massen auch an der Sonne beobachtet, als welche demjenigen Striche der Erden wo sie aufgehet nur ein Theil von ihrer an sich selbst so grossen Würckung empfinden lässet, bis dieselbe nach verlauff der bestimmten Zeit den Mittags-Punct am Himmel erstiegen, aus welchem sie das gantze Land mit völligem Glantz erleuchtet;

Unser Allergnädigster Monarch in Dessen geheiligter Person wir, der hohen Abkunft nach, die grössesten Häuser von Ruszland und Teutschland so glücklich vereinbahret sehen, befindet sich in seiner jetzigen zartesten Jugend eben diesem allgemeinen Gesetze der Natur unterworffen, da Jhro Kayserlichen Majestät bey Dero an sich selbst unumschränckten Gewalt dasgegenwärtige Alter noch nicht zulässet das Ruder des Reiches zu führen; wie glucklich aber kan sich indessen Ruszland schätzen nachdem die göttliche Güte diese Regirung der Durchlauchtigsten Grosz-Fürstin Kayserlichen Hoheit anvertrauet, welche alles was sowohl zum höchsten Interesse Jhro Kayserlichen Majestät als zum Flor und aufnehmen der Unterthanen gereichen kan, durch Dero weiseste Verordnungen täglich mit unermüdeter Sorgfalt befordern.

In einer so löblichen Verfassung können wir nun derjenigen Zeit getrost und vergnügt erwarten, da unser Allergnädigster Kayser und Herr nach dem Wunsch und Willen seiner Durchlauchtigsten Eltern und nach Deroselben preiszwürdigstem Exempel, die Regirung selbst antreten und die Glückseligkeit dieses Reichs durch seine eigene Thaten verewigen wird.

In den beyden Neben-Devisen wird zur rechten Hand ein

вать онаго за благословенное отъ Бога начало государствованія Его Императорскаго Величества, всемилостивѣйшаго нашего Государя, имѣя при томъ тѣмъ бо́льшую надежду, что и впредь всѣ мрачные облаки, которые бы къ предѣламъ нашимъ ни приближились, сильными и проницательными лучами сего восходящаго солнца вскорѣ разогнаны быть имѣютъ.

Непремѣнный оный естества зако́нъ, по которому находящіяся въ свѣтѣ твари не вдругъ къ совершенству своему приходятъ, но должны прежде ожидать опредѣленнаго имъ отъ Бога времени, примѣчается нѣкоторымъ образомъ и при самомъ солнцѣ. Оно той сторонѣ земли̇, при которой восходитъ, даетъ одну токмо часть своей толь великой силы чувствовать, пока по прошествіи надлежащаго времени въ полуденную точку вступитъ, откуда оно ужѐ всю землю освѣщаетъ полнымъ сіяніемъ.

Нашъ Всемилостивѣйшій Монархъ, въ освященной особѣ котораго Россійскій Императорскій домъ съ знатнѣйшими домами Нѣмецкаго государства чрезъ Его Величества высокое рожденіе толь благополучно соединился, находится нынѣ подъ тѣмъ же естества закономъ, по тому что настоящій возрастъ Его Императорскому Величеству при Его самодержавной и въ собственномъ разсужденіи никакихъ предѣловъ неимѣющей власти въ правленіе своей имперіи Самому вступить не позволяетъ. Но коль благополучною можетъ себя между тѣмъ Россія почитать, что всемогущество Божіе сіе правленіе поручило Ея Императорскому Высочеству Свѣтлѣйшей Государынѣ Великой Княгинѣ, которая все то, что къ высочайшему интересу Его Императорскаго Величества и къ пользѣ подданныхъ склоняться можетъ, премудрыми своими учрежденіями ежедневно съ неусыпнымъ стараніемъ производить изволитъ.

При семъ толь благополучномъ состояніи можемъ мы съ радостнымъ сердцемъ ожидать онаго времени, когда нашъ Всемилостивѣйшій Государь и Императоръ, по желанію и изволенію Свѣтлѣйшихъ Своихъ Родителей и по Ихъ достохвальному примѣру въ государственное правленіе Самъ вступить и благополучіе сея имперіи собственными своими дѣлами въ вѣчныя времена утвердить изволитъ.

Въ обоихъ по сторонамъ употребленныхъ девизахъ пред-

junger Lorberbaum vorgestellet, den Ruszland kniend umfasset und ein Glantz aus den Himmel bestrahlet, mit der Uberschrifft:

COLIT ET EXSPECTAT. Sie verehret Ihn und wartet.

Zur linken ein junger Palmbaum, zu dessen beyden Seiten die Christliche Religion und die Tapfferkeit in weiblichen Figuren stehen mit der Uberschrifft.

SIC CUSTODITA VIGEBIT. UNTER DIESER VORSORGE WIRD ER GEDEYEN.

Wodurch man eines theils andeuten wollen, wie Ruszland die zunehmenden Jahre Jhro Kayserlichen Majestät von der Göttlichen Güte in tieffester Demuth erwartet, andern theils aber, dasz die Gottesfurcht und Tapfferkeit welche JHRO KAYSERLICHEN MAJESTÄT von DERO DURCHLAUCHTIGSTEN ELTERN gleichsahm angebohren und eigen sind, HÖCHST-DEROSELBEN Regirung für andern merckwürdig machen werden.

Haben die Alten Perser auf eine unvernünfftige Art die AUFGEHENDE SONNE anzubeten pflegen, so richten wir mit grössestem Recht unsere getreue Wünsche zu Dem, der selbst die Sonne am Himmel, so wie aller Könige Hertzen auf Erden, nach seinem ewigen Rathschlusz regiret, dasz ER JHRE KAYSERLICHE MAJESTÄT zu täglich anwachsender Freude des sämmtlichen KAYSERLICHEN HAUSES, zur Befestigung der so theuer errichteten Bündnisse mit DERO Hohen Alliirten und benachbarten Puissancen, zu Unterhaltung einer beständigen innerlichen Ruhe und Einigkeit in allen DERO KAISERLICHEM SCEPTER unterworffenen Reichen und Provintzen, ja zum sicheren Schutz der gantzen Christenheit, bey unverrückter Gesundheit, glüchlicher Regirung und allen Kayserlichen Prosperitäten unzehliche Jahre erhalten wolle.

Dieses grosse und prächtige Feuerwerck wurde mit einer schönen Illumination beschlossen, welche aus colorirten Feuern auf dem gewöhnlichen Theatro eine Lustgegend von Alleen, Terrassen, Parterren, Fontainen und dergl. vorstellet, in deren Mitte ein Cederbaum so von Ruszland umarmet wird, hervorraget.

(Anmerkungen bey den Zeitungen 66 bis 68 stück. St.-Petersburg den 18 August. 1741. стр. 261—267).

ставлено съ правой стороны молодое лавровое дерево, которое объемлетъ стоя́щая на колѣнахъ Россі́я, а сверьху освѣщается оно небеснымъ сі́янiемъ съ надписью:

Colit et expectat то есть: Почитаетъ и ожидаетъ.

Съ лѣвой молодое пальмовое дерево, подлѣ котораго съ одной стороны̀ стои́тъ Христiанская вѣра, а съ другой храбрость, въ женскихъ фигурахъ представленныя, съ надписью:

Sic custodita vigebit то есть: Сими хранимо возрастетъ.

Чрезъ сiе показывается отчасти, что Россiя умноженiя лѣтъ Его Императорскаго Величества отъ Бога въ глубочайшемъ смиренiи ожидаетъ; а отчасти, что Благочестiе и Храбрость, какъ врожденныя Его Императорскому Величеству отъ Его Свѣтлѣйшихъ Родителей сво́йства, государствованiе Его Величества паче всѣхъ прочихъ достопамятнымъ учинить имѣютъ.

Древнiе Персы поклонялись восходящему солнцу нерассуднымъ образомъ, но мы напротивъ того вѣрныя наши желанiя и молитвы праведно приносимъ тому, кто и самое солнце на небѣ, такъ какъ всѣхъ Царей сердца̀ на земли̇ по предвѣчнымъ свои́мъ судьбамъ управляетъ дабы онъ Его Императорское Величество къ ежедневному умноженiю радости всего Императорскаго дому, къ утвержденiю свято постановленныхъ договоровъ съ высокими союзниками и сосѣдственными Государями, къ содержанiю постояннаго внутренняго спокойства и согласiя во всѣхъ Его Императорскому скипетру подверженныхъ государствахъ и провинцiяхъ, и къ надежному защищенiю всего христiанства, при непоколебимомъ здравiи, щастливомъ государствованiи, и при всякомъ Императорскомъ благополучiи на неисчетныя лѣта содержать благоволилъ.

При семъ великолѣпномъ фейэрверкѣ представлена была изрядная иллуминацiя, которая на обыкновенномъ театрѣ фейэрверковъ разноцвѣтными огнями показывала веселое положенiе мѣста изъ аллей, площадокъ, партеровъ, фонтановъ и проч. состоящее, а въ срединѣ онаго видно было кедровое дерево, которое обнимаетъ Россiя.

(Примѣчанiй къ Вѣдомостямъ часть 66 по 69. Въ Санктпетербургѣ августа 18 дня 1741 года. стр. 261—266.)

Вслѣдъ за этимъ описаніемъ помѣщены: въ нѣмецкихъ «Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ» ода Штелина на день рожденія Іоанна III, а въ русскихъ — ода Ломоносова, написанная по тому же случаю. При этомъ надо вспомнить то обстоятельство, что, по возвращеніи Ломоносова изъ-за границы, Шумахеръ «тотчасъ употребилъ его для описанія музеевъ Академіи и для перевода статей, если не для самихъ Вѣдомостей, то по крайней мѣрѣ для «Примѣчаній къ Вѣдомостямъ».

(Ученыя Записки Академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. 1855. Т. III. Выпускъ 2. стр. 270).

Ст. 77: Заплачешъ какъ Филиповъ сынъ,

т. е. какъ Александръ Македонскій, о которомъ сохранилось преданіе, что онъ впадалъ въ уныніе при извѣстіи о каждой побѣдѣ, одержанной его отцомъ:

Ὁσάκις γοῦν ἀπαγγελθείη Φίλιππος ἢ πόλιν ἔνδοξον ᾑρηκὼς ἢ μάχην τινὰ περιβόητον νενικηκώς, οὐ πάνυ φαιδρὸς ἦν ἀκούων, ἀλλὰ πρὸς τοὺς ἡλικιώτας ἔλεγεν «ὦ παῖδες, πάντα προλήψεται ὁ πατήρ, ἐμοὶ δ'οὐδὲν ἀπολείψει μεθ' ὑμῶν ἔργον ἀποδειξασθαι μέγα καὶ λαμπρόν».

(Plutarchi Vitae inter se comparatae. Αλεξανδρος και Καισαρ. V.).

Quoties aut praeclara aliqua pugna Philippus vicerat, aut oppidum opulentum in potestatem redegerat; laetantibus aliis, ipse haud obscure indolescebat: exceptaque vox est querentis inter aequales, nihil reliqui facturum patrem sibi ipsisque, quum adolevissent.

(Q. Curtii Rufi De rebus gestis Alexandri Magni. I. Freinshemii Supplementorum in Q. Curtium Liber primus. II.)

Ср. Гюнтеръ: Ода на миръ съ Портою. Ст. 485—490:

Die Allmacht lasse nur dein Haupt,
Wofern es unsre Sünd erlaubt,
Nicht eher Stern und Himmel zieren,
Als bis ein Alexander weint,
Dem eine Welt zu enge scheint,
Des Vaters Thaten auszuführen.

Ст. 91 — 110. Проклята гордость, злоба, дерзость,
Въ чюдовище одно срослись;
Высоко имя скрыло мерзость,
Слѣпой талантъ пустилъ взнестись!
Велитъ себя въ неволю славить,
Престолъ себѣ надъ звѣзды ставить,
Превысить хочетъ вышню Власть,
На мой животъ ужъ зубы скалитъ;
Злодѣйства кто его не хвалитъ,
Погрязнетъ скоро въ мрачну пасть.
Но зрю съ весельемъ чудо славно,
Дивняе нежъ Алцидъ чинилъ;
Какъ онъ лишъ былъ рожденъ недавно,
Скрутивъ змїямъ главы сломилъ.
Мой Императоръ громъ примаетъ,
На гордость Свой перунъ бросаетъ;
Внезапно пала та стремглавъ,
Съ небесъ какъ древня въ адъ денница;
За рай ужъ держитъ ту темница.
Ну, гдѣ же твой кичливой нравъ?

Относятся къ Бирону, лишенному власти и арестованному 9 ноября 1740 года и приговоренному къ смертной казни 8 апрѣля 1741 года; но правительница Анна Леопольдовна замѣнила смертную казнь «вѣчнымъ заключенїемъ». Изображенїе гордыни и злобы, захватившей власть неправдою и незнавшей предѣловъ своеволїю, взято изъ дѣйствительности, и напоминаетъ отзывы правительственныхъ актовъ о дѣйствїяхъ павшаго временщика.

Бирона обвиняли въ томъ, что «будучи надменъ гордостїю и несытствомъ властолюбїя, такъ же, какъ и Годуновъ, забывъ Бога и свою присягу, восхотѣлъ наступить и на нашъ Императорскаго Величества незлобивый домъ. Имѣя въ сердцѣ своемъ непреклонное желанїе, и чрезъ своихъ креатуръ различные способы употребляя, дабы ему, Бирону, въ Россїйской Имперїи яко

самовластному государю быть и оною славною въ свѣтѣ имперіею единому обладать, а у насъ самодержавную власть вовсе отнять. Хотѣлъ съ нашимъ государемъ родителемъ (т. е. съ принцемъ Антономъ Брауншвейгскимъ) шпагами развестись, и чрезъ такой злой умыселъ нашу императорскую фамилію до основанія искоренить. . . . Съ одной стороны состояніе его, въ которомъ онъ въ государство пріѣхалъ, а съ другой нынѣшнее его богатство всему свѣту извѣстны. . . . Онъ же будто для забавы Ея Величества (императрицы Анны Іоанновны), а въ самомъ дѣлѣ по своей свирѣпой собственной склонности, подъ образомъ шутокъ и балагурства такія мерзкія и Богу противныя дѣла затѣялъ, о которыхъ до сего времени во свѣтѣ мало слыхано: умалчивая о нечеловѣческомъ поруганіи, произведенномъ не токмо надъ бѣдными отъ рожденія или какимъ случаемъ дальнаго ума и разсужденія лишенными, но и надъ другими людьми, между которыми и честной породы находились; о частыхъ между оными заведенныхъ до крови дракахъ, и о другихъ онымъ учиненныхъ мучительствахъ и безстыдныхъ мужеска и женска пола обнаженіяхъ, и иныхъ скаредныхъ между ими его вымысломъ произведенныхъ пакостяхъ, уже и тò чинить ихъ заставливалъ и принуждалъ, чтò натурѣ противно и объявлять стыдно и непристойно» и т. д.

(Рукописи Государственнаго Архива. VI. Часть II. № 287 и др.).

Взглядъ тогдашняго правительства на Бирона весьма ярко выражается въ слѣдующемъ манифестѣ, составляющемъ большую библіографическую рѣдкость; печатаемъ его по экземпляру, принадлежащему Иларіону Николаевичу Толстому, которому и приносимъ искреннюю благодарность за сообщеніе намъ любопытнаго акта.

Божіею Милостію Мы Іоаннъ Третій Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ чрезъ сіе во всенародное извѣстіе и всему свѣту, а особливо всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, по силѣ публикованнаго Нашего Манифеста Ноября отъ 9 дня прошлаго 1740 года, еще довольно

извѣстно, коимъ образомъ Мы во время малолѣтства Нашего въ Регенты опредѣленно бывшаго Герцога Курляндскаго Эрнста Іоанна по всеподданнѣйшему усердному желанію и прошенію всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ духовнаго и мирскаго чина отъ того Регентства для того отрѣшить, и арестовать принуждены были, что оной бывшей Регентъ презирая и оставя вовсе Ея Императорскаго Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти вселюбезнѣйшей Нашей Государыни Бабки высочайшее опредѣленіе (по которому ему имянно повелѣно было, сіе свое Регенство по государственнымъ Нашимъ правамъ, конституціямъ и прежнимъ, какъ отъ Ея Императорскаго Величества, такъ и отъ Пресвѣтлѣйшихъ Ея Величества предковъ опредѣленіямъ и учиненнымъ Государственнымъ уставамъ вести и отправлять, а особливо притомъ не токмо о дражайшемъ здравіи и воспитаніи Нашемъ должное попеченіе имѣть, но и ко вселюбезнѣйшимъ Нашимъ Государямъ Родителямъ и ко всей Нашей Императорской фамиліи достойное и должное почтеніе оказывать) злостно дерзнулъ, не токмо многія Государственнымъ Нашимъ правамъ и прежнимъ опредѣленіямъ противныя поступки чинить, но и къ любезнѣйшимъ Нашимъ Родителямъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, Государынѣ Нашей Матере, и Государю Нашему Отцу великое непочитаніе и презрѣніе публично оказывать, а особливо еще и другія какъ Намъ и любезнѣйшимъ Нашимъ Государямъ Родителямъ, такъ и всему Государству весьма опасныя виды и намѣреніи объявить, какъ то все въ вышеписанномъ Нашемъ Манифестѣ Ноября отъ 9 дня 1740 года пространно объявлено.

И хотя Мы за показанныя бывшаго онаго Регента явныя преступленіи, по дарованной Намъ отъ Бога самодержавной власти, моглибъ ему съ добрымъ основаніемъ уже тогда положенное по государственнымъ Нашимъ правамъ, и уставамъ наказаніе учинить, въ разсужденіи того, что онъ Намъ присягою вѣрности обязанъ былъ, однакожъ понеже Мы по природной Нашей къ милосердію склонности, и отъ послѣдняго Нашего подданнаго впадшаго въ погрѣшеніе, все то что онъ къ оправданію своему объявить можетъ, не токмо охотно слушаемъ, но и по разсмотрѣнію къ подлинному ево извиненію всесправедливѣйше принимаемъ. Того ради всемилостивѣйше указали и по сему дѣлу для подлиннаго изслѣдованія и разсмотрѣнія онаго, учредить прежде особливую коммисію, которой коммисіи бывшаго Регента обо всемъ обстоятельно допросить, также и о томъ, что онъ можетъ быть ко оправданію своему объявить, пристойное и справедливое разсужденіе имѣть, передъ которою коммисіею онъ по допросу не токмо совершенно изобличенъ, но и самъ добровольно въ томъ признался. 1. Что онъ во время послѣднія смертельныя болѣзни, нынѣ въ Бозѣ усопшей Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государыни Императрицы Нашей вселюбезнѣйшей Государыни Бабки, оставя должное о продолженіи Ея Величества дражайшаго живота попеченіе, только о томъ старался, какъ бы ему правительство Россійской имперіи во время Нашего малолѣтства, которое какъ по божественнымъ такъ и по натуральнымъ и всѣмъ свѣтскимъ правамъ и по государственнымъ Нашимъ уставамъ, Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Нашимъ

любезнѣйшимъ Государямъ Родителямъ однимъ принадлежитъ, съ Ихъ Императорскихъ Высочествъ неправеднымъ выключенiемъ добывать, и что онъ въ такомъ намѣренiи Ея Императорское Величество о порученiи ему помянутаго регенства, не токмо безотходно докучалъ, но и по усмотрѣнiи что Ея Императорское Величество къ тому съ начала еще несклонна, для достиженiя злостнаго своего вида отчасти всею своею тогдашнею властiю, а отчасти и разными въ дѣлѣ пространно объявленными безбожными происками и интригами домогался и дѣйствовалъ. 2. Что онъ несказанное число казенныхъ денегъ и прочихъ дорогихъ вещей къ невозвратному государственному ущербу похищалъ и къ корыстнымъ своимъ намѣренiямъ по большей части внѣ государства себѣ въ пользу употреблялъ, которые свое корыстное намѣренiе онъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ истинному интересу Россiйской имперiи всегда злостно предпочиталъ. 3. Что онъ и ево фамилiя съ любезнѣйшими Нашими родителями съ ихъ Императорскими Высочествами Государынею Нашею Матерью и Государемъ Нашимъ Отцомъ, которымъ они по точному повелѣнiю Ея Императорскаго Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Нашей вселюбезнѣйшей Государыни Бабки всякое достойное и должное почтенiе оказывать долженствовали, съ крайнимъ презрѣнiемъ и непочитанiемъ поступали, и ихъ вообще всякими вымышляемыми досадами и противностьми безпрестанно опечаливали, и Ихъ Императорскихъ Высочествъ почтенiе и любовь у народа не токмо всякими мѣрами умалить, и для того всякiя ложныя клеветы разсѣвать старались, и когда усмотрѣлъ всенародное усердiе и желанiе, чтобъ правительство въ рукахъ Ея Императорскаго Высочества Нашей вселюбезнѣйшей Государыни Матери было, то по неизречимому своему властолюбiю забывъ Бога и себя, весьма дерзнулъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ обоихъ самихъ допрашивать, и притомъ разныя, неслыханныя, непристойныя угрозы употреблять, между прочими и сiи, что съ Ихъ Императорскими Высочествами равно какъ и съ другими подданными поступать можетъ, и весьма любезнѣйшаго Нашего Государя родителя на поединокъ позвать не постыдится, онагожъ Его Императорскаго Высочества къ снизложенiю всѣхъ своихъ какъ при армiи такъ и при гвардiи тогда имѣвшихъ чиновъ употребленiемъ всякихъ нечестныхъ способовъ принудилъ, при дворѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ преданныхъ себѣ людей содержалъ; дабы чрезъ ихъ о всѣхъ Императорскихъ Высочествъ поступкахъ и намѣренiяхъ свѣдому быть, и напослѣди весьма отважился Ихъ Императорскихъ Высочествъ служителей, которымъ повѣрены были нужнѣйшiя дѣлà безъ всякаго на нихъ подозрѣнiя безъ Ихъ Высочества вѣдома, изо внутреннихъ Нашихъ покоевъ побравъ за караулъ въ крѣпость отослать и наижесточайшей пыткѣ предать велѣть, уповая либо чрезъ то какое извѣстiе получить, по которомубъ онъ злой свой умыслъ противъ Насъ самихъ и любезнѣйшихъ Нашихъ Государей Родителей толь скоряе и свободнѣе въ дѣйство произвесть могъ. 4. Что онъ же бывшей Регентъ государственныя права и прежнiя опредѣленiи, по которымъ ему по всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества намѣренiю во всемъ неотмѣнно поступать надлежало: по своей воли, и

когда они пристрастнымъ его видамъ противны казались, весьма оставлялъ и нарушалъ, и кромѣ вышеобъявленныхъ у Ихъ Императорскихъ Высочествъ обрѣтающихся служителей еще другими многими знатными и заслуженными Офицерами и другими чиновными людьми безъ всякія ихъ вины́ и токмо по одной той причинѣ, что они по присяжной своей должности ревнуя Намъ и любезнѣйшимъ Нашимъ Государямъ Родителямъ, ево Богу и общему народу ненавистными поступками недовольны являлись, безъ всякой милости и безчеловѣчно разыскивалъ, и для лутчаго произведенія злаго своего умысла намѣреніе взялъ изъ полковъ лейбгвардіи Нашей Преображенскаго и Семеновскаго, въ которыхъ по древнему учрежденію болшая часть изъ знатнаго шляхетства всегда Намъ и Предкамъ Нашимъ непоколебимо въ вѣрности находящагося состоитъ, оное шляхетство вовсе вывесть и выключить, и мѣста́ ихъ другими простыми людьми наполнить. И что наивящше есть 5 такія беззаконныя далновидныя и злостныя намѣреніи имѣлъ, и во ономъ чрезъ свое собственноручное признаніе повинился, чрезъ которыя, ежелибы всещедрый Богъ того не отвратилъ, вѣрныя Наши подданныя своего благополучія и Государства, нынѣшней тишины и покоя лишиться, а Мы и любезнѣйшія Наши Государи Родители въ весма опасное состояніе приведены быть моглибъ, умалчивая о многихъ другихъ бывшаго онаго Регента важныхъ же преступленіяхъ и безбожныхъ ево какъ къ предосужденію любезнѣйшихъ Нашихъ Родителей, такъ и къ общему Государственному ущербу и къ разоренію всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ, дерзостно оказанныхъ поступкахъ, о которыхъ также и о вышеписанномъ обо всемъ по объявленному бывшаго онаго Регента добровольному признанію и по слѣдственному объ немъ дѣлу совершенно и подробно значитъ.

И понеже по показаннымъ реченнаго Регента безбожнымъ поступкамъ весма явно: что онъ нетокмо въ умышленномъ нарушеніи Государственныхъ правъ, и малослыханномъ похищеніи Нашей казны, но и въ винѣ оскорбленія Величества, и особливо въ зломъ умышленіи противу Намъ и Государству Нашему приличился, за которыя преступленіи какъ по Нашимъ Государственнымъ правамъ, такъ и по божественнымъ натуральнымъ и всенароднымъ законамъ конечная смертная казнь положена. Того ради надлежало ему оную по сущей справедливости и учинить, особливо и потому что онъ Намъ не токмо какъ вышеобъявлено присягою вѣрности обязанъ былъ, но къ томужъ еще и всему свѣту извѣстно: что Ея Императорское Величество блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Наша вселюбезнѣйшая Государыня Бабка, ево по одной своей Императорской щедротѣ и милости изъ самыхъ подлыхъ людей въ такія знатныя чины и состояніе произвела, которая высочайшая Императорская милость ево по справедливости ко всегдашней благодарной памяти, также и къ вѣрной службѣ Россійской имперіи, а особливо къ неотмѣнному должному почитанію любезнѣйшихъ Нашихъ Родителей и всея Императорскія Фамиліи возбуждать имѣлабъ. Однакожъ какъ Мы по природному Нашему великодушію, и въ разсужденіи добровольнаго онаго бывшаго Регента во всѣхъ вышеписанныхъ тяжкихъ преступленіяхъ признанія, какъ всегда такъ и нынѣ особливо къ милости больше склонны,

такъ указали Мы ево отъ смертной казни Всемилостивѣйше освободить, а напротивъ того со всею ево фамилїею, которая въ объявленной винѣ оскорбленїя величества явно съ нимъ обще приличилась, по отписанїи всего ихъ движимаго и недвижимаго имѣнїя на Насъ, въ вѣчномъ заключенїи содержать: дабы тяжкое оное гоненїе и наглыя обиды, которыя вѣрныя Наши подданныя отъ него претерпѣли, къ справедливой ихъ сатисфакцїи безъ всякаго взысканїя не остались, также и всему тому что Нашему государству и общему покою и благополучїю опасно и вредительно быть можетъ, такимъ образомъ вдругъ предупреждено было.

И дабы во всемъ свѣтѣ о семъ Нашемъ Манифестѣ извѣстно учинилось, Того ради указали Мы оной за Нашею Государственною печатью и за подписанїемъ напечатать и во всенародное извѣстїе публиковать. Апрѣля 17 дня 1741 года.

На подлинномъ подписано рукою Ея Императорскаго Высочества Государыни Правительницы Великїя Княгини всеа Россїи тако:

Имянемъ Его Императорскаго Величества Анна.

Печатанъ при Сенатѣ Апрѣля 18 дня 1741 года.

Ст. 95: Велитъ себя въ неволю славить,

Къ числу «невольныхъ славословїй», подносимыхъ временщику, принадлежатъ и хвалебныя произведенїя академическихъ стихотворцевъ.

Dem durchlauchtigsten Fürsten und Herrn Ernst Iohann Herzog in Liffland zu Curland und Semgallen überreicht zu sr. Hoch-Fürstl. Durchlaucht neu erlangten herzoglichen Würde ihre eiffrigste und unterthänigste Glückwünsche die Kayserliche Academie der Wissenschaften St.-Petersburg den 12 juny 1737. Ode:

Dein Fürsten Thron
Entzückt den stillen Helicon,
Ein lautes Freuden — Lied zu dichten.
Verdienst und Tugend heben Dich:
Die Musen sehn, und freuen sich
Dir ihren Glückwunsch zu entrichten:
Um in den grünen Lorber-Hayn
Dir einen eignen Baum zu weihn,

In dessen eingeschnittner Rinde
Die Nachwelt disz Gedächtnisz finde.
Du hast, als hoher Mäcenat,
Ja stets der Wissenschaft den Pfad
Zu Annens Gnaden-Thron gebähnet. . .
So ein vollkommner Fürst auf Erden,
Kan nur der Reichs-Graf Biron werden. . . .

Въ одѣ Штелина: Zu dem hohen Geburts-feste, etc., 12 ноября 1737 года:

Durch Deiner Grösse Glantz und Pracht
Hast Du Dein Curland grosz gemacht
Und ausz Dunckelheit gerissen. . .
So giengst Du, wie die Sonn'im Lauf,
Zum Glantz des gantzen Landes auf,
Mit Strahlen die auf Curland fallen
Und in die Welt zurücke prallen. . .

Сочинялись оды не только для восхваленія Бирона, но и въ честь его жены и родственниковъ. Въ приливѣ усердія Штелинъ (tieffstergebner Knecht Stälin) восклицалъ:

Birons Fürsten-Zweig'ohn'Ende!
O welch schöner Hoffnungs-Stern!

Посвящая Бирону свою «торжественную оду» на взятіе Данцига, Тредьяковскій говоритъ: «Давно уже искренняя ревность, которую я къ вашему сіятельству въ сердцѣ имѣю, меня понуждала, чтобы оную вашему сіятельству чрезъ нѣчто внѣшнее засвидѣтельствовать; но глубокопочитающій васъ мой страхъ отъ того меня удерживалъ, а случай недопускающій до толикаго дерзновенія всегда воспящалъ. Довольно мнѣ было донынѣ высокія и въ немногихъ находящіяся вашего сіятельства добродѣтели внутренно токмо почитать и онымъ удивляться. . . Однако нынѣ не возмогъ я болѣе удержаться. . . Вамъ, сіятельнѣйшій графъ, приличнѣе надлежало сію оду посвятить, понеже вы, какъ первый

лицу предстоите толикія монархини, такъ первому вамъ и похвалы ея вручить праведно есть».

(Ода торжественная о здачѣ города Гданска. 1734. Посвященіе).

Ст. 121—130. Разумной Гостомыслъ при смерти
Крѣпилъ Князей совѣтомъ зборъ:
Противныхъ чтобъ вамъ силу стерти,
Живите въ дружбѣ, бойтесь ссоръ.
Къ брегамъ Варяжскихъ водъ сходите,
Мужей премудрыхъ тамъ просите,
Моглибъ которы править васъ.
Послы мои туда сходили,
Откуда Рурикъ, Труворъ были,
Съ Синавомъ три Князья у насъ.

Ломоносовъ, ссылаясь на Новгородскій лѣтописецъ, говоритъ въ своей Исторіи: «Новгородцы по разореніи отъ Угровъ и по великой моровой язвѣ, собравшись предводительствомъ и правленіемъ благоразумнаго старѣйшины Гостомысла, приведены были въ цвѣтущее состояніе. Послѣ смерти его впали въ великія распри и междоусобныя войны. Наконецъ по завѣщанію Гостомыслову согласясь между собою и купно съ Чудскими ближними народами, выбрали и призвали Рурика съ братьями къ себѣ на княженіе».

(Древняя Россійская Исторія, сочиненная Михайломъ Ломоносовымъ. 1766. стр. 55).

Ст. 141—142: Молчу заслуги, что недавно
Чинила Царска мнѣ любовь,

Принцесса Анна Леопольдовна вовсе не обладала свойствами, необходимыми для правительницы, а потому о какихъ-либо дѣйствительныхъ заслугахъ ея въ отношеніи Россіи не можетъ быть и рѣчи. Остается предположить, что Ломоносовъ имѣлъ въ виду нѣкоторые изъ правительственныхъ актовъ, обнародованныхъ съ 9 ноября 1740 года по 25 ноября 1741 года, т. е. въ те-

ченіе того времени, которое называется «Правленіемъ Принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской».

Изъ ряда подобныхъ актовъ выдѣляется нѣсколько указовъ, направленныхъ противъ вопіющаго зла того времени — судебной «волокиты», въ которыхъ говорилось слѣдующее: «Намъ небезызвѣстно есть, коимъ образомъ, не только въ Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ, но и въ самомъ Сенатѣ, ... по подаваемымъ отъ людей бѣдныхъ и неимущихъ челобитнымъ чрезъ долгопрошедшія времена и годы рѣшенія не чинится, и тѣ бѣдные челобитчики, таскаясь за тѣми своими дѣлами, приходятъ въ крайнее разореніе и нищету, и напослѣдокъ, не получа никакого рѣшенія, принуждены и вовсе отъ дѣлъ своихъ отставать, что Намъ слышать не инако, какъ зѣло прискорбно. . . Всякія челобитчиковы дѣла велѣно рѣшить безъ всякаго мотчанія и безъ всякія волокиты» и т. д. (Полное собраніе законовъ. 1830. Т. XI. стр. 302—307, и др.).

Изданы были указы противъ роскоши, противъ банкротства, и т. п. Указомъ св. синоду требовалось увеличить число духовныхъ училищъ и заботиться о снабженіи церквей достойными священниками. Сосланныхъ за побѣги въ каторжную работу, съ вырѣзаніемъ ноздрей, велѣно освободить отъ этой работы и послать въ Сибирь «на житье, гдѣ имъ дать волю, кто чѣмъ можетъ пропитаніе имѣть». Неизвѣстно, считался ли тогда «заслугою» Анны Леопольдовны недавній оборонительный союзъ, заключенный съ Англіею, по которому Англія обязывалась предоставить въ распоряженіе Россіи двѣнадцать кораблей, а Россія должна была послать въ помощь Англіи десять тысячъ пѣхоты и двѣ тысячи конницы и т. д.

Ст. 158 — 159. Отъ устья быстрыхъ струй Дунайскихъ
До самыхъ узкихъ мѣстъ Ахайскихъ.

«Ломоносовъ намекаетъ здѣсь, кажется, на турецкую кампанію при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. По взятіи Хотина, казаки простирали свои набѣги до береговъ *Дуная*. Подъ *Ахай-*

цами Ломоносовъ разумѣетъ *Ахеевъ* (Ἀχαῖοι) на восточномъ берегу Чернаго моря, которые жили, по древнимъ писателямъ, на югъ отъ Керкетовъ (Черкесовъ въ собственномъ смыслѣ). Не имѣлъ ли онъ здѣсь въ виду какой-нибудь набѣгъ того времени, произведенный на Кавказъ съ сѣвернаго края, изъ степи. Или ему извѣстно было одно мѣсто у Саллюстія, гдѣ рядомъ стоятъ Achaei atque Taurici».

(Ученыя Записки. 1855. Томъ III. Выпускъ 2. стр. 275. Примѣчанія академика Куника).

Ст. 161 — 162. Боязнь трясетъ Хинейски стѣны;
Геонъ и Тигръ теряютъ путь,

Ст. 168. Упалъ предъ младымъ ницъ Героемъ,

«Вслѣдствіе переговоровъ съ *Китаемъ,* начатыхъ еще при Петрѣ Великомъ, оттуда отправлено было посольство, которое и прибыло въ Москву 1731 года. Въ 1739 году учреждена китайско-русская торговая компанія. Подъ именемъ *Геона* прежде разумѣли то Нилъ, то Араксъ. Здѣсь же разумѣется Сихунъ, либо Джихунъ арабскихъ писателей. (Учен. Зап. II, 761), такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ Ломоносовъ говоритъ о походѣ Шахъ-Надира въ Индію. Отъ 1736 до 1740 года въ Петербургѣ жилъ персидскій посланникъ, имѣвшій прощальную аудіенцію у императрицы въ іюнѣ 1740 года. Турецкій посланникъ представился правительницѣ 1-го іюля 1741 года». (Тамъ же, стр. 275—276).

Ст. 201 — 202: Торжественъ шумъ мой гласъ скрываетъ,
Скончать некрасной стихъ пора.

Ср. Ода на взятіе Хотина (ст. 279 — 280):

Придать дерзнулъ не красной стихъ
Въ подданства знакъ Твоей державѣ.

V.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь ненумерованныхъ страницъ: на первой—заглавіе, на второй—эпиграфъ, на остальныхъ шести — ода. Строфы не обозначены цыфрами. Передъ началомъ текста оды небольшая узенькая заставка — узорчатая ленточка; въ концѣ оды — Императорская корона, окруженная узорами. Четыре пояснительныя выноски: *Марсъ, Беллону, Геркулесъ, Адскихъ,* принадлежатъ самому Ломоносову.

Единственный, доселѣ извѣстный, экземпляръ отдѣльнаго изданія оды хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

ВАРІАНТЫ.

П. — Примѣчанія къ Вѣдомостямъ. 1741. Часть 73 и 74. стр. 289 — 296.

Ст. 1. Россїйскихъ войскъ хвала растетъ, (П.)
Ст. 3. Младой Орелъ ужъ льва терзаетъ. (П.)
Ст. 8. Свой ядъ премерску зависть травитъ; (П.)
Ст. 76–77. То оной въ вѣкъ хранить желаютъ,
Чинятъ то умыслъ намъ жесто́къ,
Ст. 79. То воску сердце ихъ мягчае. (П.)
Ст. 127. Но искрамъ и огню претятъ. (П.)

Ст. 133. Крутитъ къ брегамъ четвертой ча́сти (П.)
Ст. 209. Во дняхъ младыхъ сильна держава; (П).
Ст. 227. Не ищутъ естьли брань пресѣчь: (П.)

Ода на побѣду русскихъ войскъ надъ шведскими, 23 августа 1741 года, при Вильманстрандѣ издана была, въ 1741 году, и отдѣльно и въ «Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ».

Не только отдѣльное изданіе оды, но и «Примѣчанія къ Вѣдомостямъ», въ которыхъ она помѣщена, составляютъ большую библіографическую рѣдкость, какъ и все, напечатанное у насъ во времена императора Іоанна III. Въ архивѣ академіи наукъ сохранилось слѣдующее донесеніе сенату: «Указомъ изъ правительствующаго сената повелѣно учиненныя принцу Іоанну присяги сжечь; такожъ манифесты, печатные указы, регламенты, кои публикованы въ народъ, сколько найдется, не оставливая ничего съ титуломъ принца Іоанна. . . Того ради, сколько отыскано, академія наукъ правительствующему сенату нижайше предлагаетъ». Затѣмъ помѣщенъ реэстръ указамъ 1740 и 1741 годовъ и списокъ подъ общимъ названіемъ: «Въ кипѣ», въ который внесены:

О продажѣ Бироновыхъ пожитковъ. 10
Прибавленіевъ печатныхъ къ Вѣдомостямъ. 90
Одъ или похвальныхъ рѣчей, изданныхъ адъюнктомъ Ломоносовымъ 12

(Матеріалы для исторіи Академіи наукъ. Т. VII, стр. 526—534).

Эпиграфъ къ одѣ: «Первые Трофеи» взятъ изъ второй сатиры Горація (ст. 133 — 136):

Nunc ager Umbreni sub nomine, nuper Ofelli
Dictus, erit nulli proprius, sed cedet in usum
Nunc mihi, nunc alii. Quocirca vivite fortes
Fortiaque adversis opponite pectora rebus.

Одинъ изъ рѣдкихъ экземпляровъ сохранился въ библіотекѣ С. Д. Полторацкаго, и перепечатанъ въ журналѣ: «Сынъ отечества и Сѣверный архивъ». Издатели распоряжались текстомъ весьма свободно, печатая не только *вверхъ* вмѣсто *въ верьхъ,* но даже *полночныхъ* вмѣсто *вечернихъ,* и т. п. «Почему — спрашиваютъ они — эта ода такъ плоха? Она гораздо ниже предшествовавшей ей оды 1739 года. Мы объясняемъ это состояніемъ души поэта: 1741 годъ былъ самымъ несчастнымъ въ жизни Ломоносова; весною въ семъ году онъ бѣжалъ изъ Марбурга, оставя тамъ жену и дочь; попался въ прусскую службу, дезертировалъ, и въ концѣ лѣта пріѣхалъ въ Петербургъ, безъ всякихъ надеждъ, можетъ быть, съ отчаяніемъ въ душѣ. Время ли было ему думать тогда о стихахъ, едва имѣя кусокъ насущнаго хлѣба, не видя ничего въ будущемъ, разлученному съ своимъ семействомъ, и предчувствуя смерть отца? Во всякомъ отношеніи стихи эти чрезвычайно любопытны».

(Сынъ отечества и Сѣверный архивъ. 1838. Т. II. стр. 85—93).

Въ 1855 году академикъ Куникъ снова перепечаталъ, въ Ученыхъ Запискахъ, оду на побѣду надъ шведами; онъ говоритъ: «Едва успѣлъ Ломоносовъ окончить свою оду на день рожденія Іоанна III, какъ долженъ былъ взяться за другую, по собственной ли волѣ, или по желанію академіи, неизвѣстно. Поспѣшность, съ какою сочинена эта ода, была, можетъ быть, причиною того, что ода эта значительно ниже его оды 1739 года. Эту оду постигла та же участь, какъ и предыдущую: обѣ исчезли послѣ 1741 года почти во всѣхъ экземплярахъ «Примѣчаній». Въ 1838 году она была перепечатана въ одномъ журналѣ, но съ такими произвольными поправками, что мы считаемъ себя въ полномъ правѣ еще разъ перепечатать ее изъ «*Примѣчаній*».

(Ученыя Записки Императорской Академіи наукъ по первому и третьему Отдѣленіямъ. 1855. Томъ III. Выпускъ 2. стр. 277—284).

О двухъ одахъ Ломоносова, написанныхъ имъ въ правленіе Анны Леопольдовны — на день рожденія Іоанна III и на взятіе Вильманстранда, академикъ Пекарскій дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Само собою разумѣется, что въ настоящее время стихи Ломо-

 *

носова могутъ казаться холодными и напыщенными, и многія изъ его выраженій или устарѣли или кажутся намъ несвойственными духу языка; но если вспомнить время, въ которое появились названныя выше оды, и тѣ произведенія — въ стихахъ и прозѣ, это все равно — которыя предлагались тогдашнимъ читателямъ, то становится понятнымъ, почему произведенія Ломоносова обратили на себя всеобщее вниманіе и восхитили современниковъ и языкомъ и содержаніемъ своимъ. Замѣчательно, что въ самой академіи начало разсмотрѣнія ученыхъ разсужденій Ломоносова, а также Теплова, Рейзера и Виноградова, совпадаетъ со временемъ появленія въ печати стихотворческихъ произведеній перваго изъ нихъ».

(Исторія академіи наукъ. П. Пекарскаго. 1873. Т. II. стр. 317).

Битва при Вильманстрандѣ, составляющая историческую основу оды, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи шведской войны.

(См. Соловьева: Исторія Россіи. 1871. Т. XXI, стр. 90—91. Ученыя Записки. 1855. Т. III. Вып. 2, стр. 278—и др.).

Ст. 11: Оставивъ шумъ войны Градивъ. . .

Градивъ—прозвище *Марса,* встрѣчающееся у римскихъ писателей.

Титъ Ливій (I, 20) о Нумѣ: Salios item duodecim *Marti Gradivo* legit. . .

У Овидія (Fastorum. Lib. II, 857—862).

Jamque duae restant noctes de mense secundo,
Marsque citos iunctis curribus urget equos:
Ex vero positum permansit Equiria nomen,
Quae deus in Campo prospicit ipse suo.
Jure venis, *Gradive:* locum tua tempora poscunt,
Signatusque tuo nomine mensis adest. . .

У Виргилія (Энеид. III, 34—36, и др.):

Multa movens animo nymphas venerabar agrestis
Gradivomque patrem, Geticis qui praesidet arvis,
Rite secundarent visus omenque levarent. . .

Названіе *Gradivus* объясняютъ такимъ образомъ: *Martem,* cum saevit, *Gradivum* dici; cum tranquillus est, *Quirinum:* ideo Romae duo ejus templa fuisse, alterum Quirini intra urbem, quasi custodis, sed tranquille; alterum *Gradivi* extra urbem, via Appia, prope portam, quasi *bellatoris*. . . Alii *Gradivum,* quod *gradum* inserant, qui pugnant: aut quod impigre *gradiantur;* aut ab hastae concussione, quod graece dicitur κραδαίνω. Alii *Gradivum,* quia nunquam equester fuit, a *gradu* dictum quod huc et illuc *gradiatur*. . . .

(Commentarii in Virgilium Serviani, sive Commentarii in Virgilium, qui Mauro Servio Honorato tribuuntur. Aeneid. Lib. III, 35 и др.).

Въ одѣ на взятіе Вильманстранда Ломоносовъ часто обращается къ классической миѳологіи, заимствуя оттуда какъ имена, такъ и образы:

Ст. 174: Васъ тѣшилъ миръ, насъ *Марсъ* трудилъ;
Ст. 176: Терпѣлъ *Беллоны* шумъ нестройной
Ст. 22–23: Внезапно тихъ къ себѣ почулъ
Приходъ *Венеры* и *Дїаны.*
Ст. 147–150: *Стигїйскихъ* водъ шумятъ брега̀,
Гребутъ по нимъ побитыхъ ду́ши,
Кричатъ тѣмъ, что стоя́тъ на су́ши,
Горька опять коль имъ бѣда.

Упоминается не только *Градивъ,* но и сестра его *Беллона,* и братъ — *Геркулесъ:*

Ст. 33–34: Не такъ на верьхъ высокой Эты
Поднявшись братъ его шумѣлъ,

Обычай призывать миѳическихъ боговъ составлялъ весьма долго одну изъ особенностей эпоса и лирики. Стихотворцы временъ Ломоносова сводили съ Олимпа его счастливыхъ обитателей для приданія большаго блеска воспѣваемымъ торжествамъ.

Тредьяковскій въ одѣ «о здачѣ Гданска» спрашивалъ, для усиленія эффекта:

Не самъ ли *Нептунъ* строилъ стѣны,
Что при близкомъ толь горды морѣ? . . .
Не *Минерва* ль копіе мещетъ? . .

По случаю свадьбы графа Лестока было сочинено:

Cupidens Erscheinung in der Gestalt eines Würklichen Geheimten Liebes-Raths, bey Gelegenheit der Hoch Reichs-Gräflichen L'Estocq-Mengdenschen Vermählung, beschrieben von Einer zum Gehorsahm Fertigen Feder.

Mich deucht! ich hört, und sah die Götter in den Lüfften,
Herrn Grafen L'Estocqs Eh hier auf der Erden stifften.
Ich sah den Jupiter dem Mars zur Seiten stehen;
Apollo war dabey um schon zu Rath zu gehen. . .

Подражаніе древнимъ господствовало въ нѣмецкой литературѣ со времени Опица (1597 — 1639). Въ похвальной одѣ герцогу голштинскому Ульриху (1633 г.) Опицъ говоритъ: Слышу, Аполлонъ, твои струны; восторгъ меня увлекаетъ; Фебъ указываетъ мнѣ храмъ славы: дерзаю воспѣть героя Ульриха. Богатство даровъ, ниспосланныхъ свыше богоподобному Ульриху, ослѣпляетъ меня. . .

Mars kam zum Wiegen hin und gab dir seine Kraft,
Latonen weiser Sohn den Preiss der Wissenschaft,
Mercur den freien Sinn, der nie kann stille stehen. . .

Современная Ломоносову нѣмецкая критика восхищалась преувеличеніями Опица, и находила вполнѣ умѣстнымъ обращеніе къ древней миѳологіи. По мнѣнію самого Опица, христіанскіе писатели, употребляя имена языческихъ божествъ, нисколько не оскорбляютъ своей религіи, ибо разумѣютъ подъ ними различныя проявленія всемогущества Божія, обозначая ихъ названіями, заимствованными изъ языческаго міра: мудрость — Минерва, солнце—Аполлонъ, и т. п. Издатель Опица поясняетъ: Христіанскіе писатели не изобрѣтаютъ новыхъ сказаній о миѳическихъ

богахъ, а только намекаютъ на древнія, общеизвѣстныя, допуская всѣмъ понятныя сравненія, метафоры, аллегоріи. Предметы и идеи представляются поэтами въ живыхъ образахъ — огонь, любовь, науки и искусства олицетворяются въ названіяхъ: Вулканъ, Амуръ, Музы. Иногда поэты прибѣгаютъ къ миѳическимъ существамъ только потому, чтобы не говорить прямо отъ себя, т. е. по той же причинѣ, по которой прозаики вмѣсто: *я* говорятъ: *мы,* и т. п.

Ст. 54 — 55: Къ себѣ васъ та земля влечетъ,
Въ которой медъ съ млекомъ течетъ?

Библейское выраженіе, часто употребляемое въ литературѣ. Исходъ. III, 7 — 8: «Рече Господь къ Моисею: видя видѣхъ озлобленіе людей моихъ, иже въ Египтѣ, и снидохъ изяти ихъ отъ руку египетску, и ввести ихъ въ землю благу и многу, въ землю, кипящую млекомъ и медомъ». Іезекіиль XX, 6: «Въ той день подъяхъ я рукою моею, еже извести я изъ земли Египетскія, въ землю, юже уготовахъ имъ, землю, кипящую млекомъ и медомъ: сотъ есть паче всѣхъ земель» (красу всѣхъ земель).

Ст. 107–110. Враговъ такъ смотритъ нашъ солдатъ,
Враговъ, что вѣчной миръ попрали,
Враговъ, что нашъ покой смущали,
Враговъ, что насъ пожрать хотятъ.

Представляютъ одинъ изъ видовъ риторической фигуры: «Повтореніе». Но Ломоносовъ не помѣстилъ ихъ въ своей Риторикѣ, приводя въ примѣръ «Повторенія» отрывки изъ другихъ одъ, въ § 93 Риторики 1744 года и въ § 203 Риторики 1748 года.

Ст. 112: Къ трудамъ избранной нашъ народъ,
Ср. Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ
(Ода на взятіе Хотина. ст. 48).

Ст. 121—123: Вспятить не можетъ ихъ гора,
Металлъ и пламень что съ верьха
Жарчае Геклы къ нимъ рыгаетъ.
Ср. Въ горахъ огнемъ наполнивъ рвы,
Металлъ и пламень въ долъ бросаетъ,
(Ода на взятіе Хотина. ст. 46—47).

Ст. 135: Пустыня, лугъ и брегъ дрожитъ,
Ср. Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
(Ода на взятіе Хотина. ст. 84).

Ст. 162: Оставшей трупъ и стыдъ смердитъ.
Ср. Und stinckt nach Türcken, Schand und Leichen;

(Гюнтера: Ода на миръ съ Портою. ст. 12).

Ст. 191: Высокой крови Царской Дщерь.

Относится къ правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, находившейся, по матери, въ кровномъ родствѣ съ русскимъ царскимъ домомъ.

Ст. 201—205: Добротъ чистѣйшїй ликъ вознесъ
Велику Анну въ дверь небесъ.
Откуда зритъ въ Россїи ясно
Монарха въ лавровыхъ вѣнцахъ,
На матернихъ Твоихъ рукахъ,

По случаю кончины императрицы Анны Іоанновны была выбита большая золотая медаль съ слѣдующимъ изображеніемъ: императрица возносится на небо, и возлагаетъ царскую корону на младенца Іоанна, котораго держитъ на рукахъ мать его, принцесса Анна Леопольдовна.

(Ученыя Записки Императорской Академіи наукъ по первому и третьему Отдѣленіямъ. 1853. Т. I. Вып. 4. стр. 573).

Ст. 211: Отца отечества Отецъ!

Отецъ младенца-императора Іоанна III, принцъ Антонъ Ульрихъ.

VI.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, четыре ненумерованныя страницы: на первой — заглавіе, на остальныхъ трехъ — ода. Строфы не обозначены цыфрами. Передъ началомъ текста оды — типографская заставка въ видѣ тройнаго бордюра, верхняя и нижняя части котораго состоятъ изъ криволинейнаго повторяющагося орнамента, а средняя изъ ряда императорскихъ коронокъ. Въ концѣ оды — маленькій типографскій кончикъ: императорская корона; справа и слѣва отъ нея по одной пальметкѣ, симметричныхъ по горизонтальной оси; подъ короною двѣ звѣздочки, а между ними нисходящій орнаментъ изъ завитковъ, точекъ и подобія стрѣлки.

ВАРІАНТЫ.

П.—Примѣчанія къ Вѣдомостямъ. 1741. Часть 98 по 102. стр. 403—408.

(Изъ «Примѣчаній къ Вѣдомостямъ» ода перепечатана академикомъ Куникомъ въ Ученыхъ Запискахъ по первому и третьему отдѣленію Академіи наукъ. 1855. Т. III. Вып. 2. стр. 284—290).

Ст. 26. Въ Тебѣ щедрота Божья зрится, (П.)

Ст. 45. Тебя смотрить тѣснится всякъ, (П.)

Ст. 68. Въ текстѣ опечатка: «воспались», вмѣсто «воспалилась».

Ст. 93. Въ текстѣ опечатка: «зачахъ», вмѣсто «зачалъ».

Въ «Примѣчаніяхъ къ Вѣдомостямъ» одѣ предшествуетъ подробное и любопытное описаніе торжества, переведенное съ нѣмецкаго языка на русскій. Полагаютъ, что переводъ принадлежитъ Ломоносову. Прилагаемъ и подлинникъ и переводъ:

Erklärung über die Feuerwercks- und Illuminations-Vorstellung welche bey feyerlichster Begehung des hohen Geburths-Festes Ihro Maj. der Allerdurchlauchtigsten Groszmächtigsten Kayserin Elisabeth Petrowna Selbstherrscherin aller Reussen etc. etc. etc. den 18 December 1741 vor dem Kayserlichen Winter-Pallast in St. Petersburg aufgeführet worden.

Endlich kan das beruhigte Ruszland dem frohen Tag der hohen Geburth IHRO KAYSERL. MAJEST. ELISABETH, der ehedem nicht ohne besondere Vorsehung des Allerhöchsten als ein fruchtbahrer REGENBOGEN des zukünfftigen Trostes und Vorbothe der jetzt aufgeklärten Zeit über das Reich aufgegangen war, mit freyem Gesichte wieder entgegen sehen. Endlich können die getröstete Unterthanen des Rusz. Zepters ihre Augen fröhlich dahin erheben, wohin ihr Hertz bishero durch einen geheimen Zug geleitet worden, nemlich nach ihrer RECHTMÄSZIGEN BEHERRSCHERIN, und würcklich allergnädigsten MONARCHIN ELISABETH PETROWNA. Endlich darff die LIEBE DES VATERLANDES mit dem RAUCH-FASZ ihrer so lange nur im stillen aufgestiegenen Wünsche getrost hervor treten, und an dem ERFREULICHEN GEBURTS-FESTE ihrer ERRETTERIN ELISABETH, den erhabenen Nahmen ihrer erfülleten Hoffnung und ihres eingetroffenen Trostes von der plötzlich erschienenen Gerechtigkeit Gottes mit der Höchsten KAYSER-KRONE geschmückt, betrachten, bewundern und verehren. Ja endlich dürffen die Redlichen im Lande

Изъясненіе фейэрверка и иллуминаціи, которые при торжественномъ праздкованіи высокаго дня Рожденія Ея Императорскаго Величества Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія, и проч. и проч. и проч. 18 декабря 1741 года предъ Императорскимъ Зимнимъ Домомъ въ Санктпетербургѣ представлены были.

Нынѣ ужѐ успокоенная Россія всерадостый день высокаго рожденія Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшія своея Государыни Елисаветы Петровны свѣтлымъ и свободнымъ лицемъ встрѣчать можетъ, которой за нѣсколько лѣтъ не безъ особливаго смотрѣнія Божія, яко плодоносная небесная дуга будущія утѣхи, и яко знаменіе просіявшаго нынѣ времени надъ сею имперіею показался. Нынѣ могутъ обрадованные подданные Россійскаго скипетра очи свои съ веселіемъ туда возводить, куда ихъ сердцà тайными движеніями понынѣ неслися, то есть къ своей законной обладательницѣ и истинно всемилостивѣйшей Монархинѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Нынѣ можетъ *любовь отечества съ ѳимїамомъ* своихъ доселѣ въ тайнѣ произносимыхъ желаній дерзновенно показаться, и при всерадостномъ торжествѣ рожденія своея избавительницы Елисаветы высочайшее имя исполнившіяся надежды и собывшагося утѣшенія, которое отъ незапно явившагося правосудія Божія высочайшею Императорскою короною украшено, рассуждать и почитать съ удивленіемъ. Нынѣ по истиннѣ могутъ вѣрныя и добродѣтельныя

erwachen, ihr Hertz ausschütten, ihren Mund aufthun, und mit Frohlocken ausruffen: Nunmehro ist Ruszland sein erwünschtes Heil, und dem heutigen Tag sein vorbestimtes Recht geschehen.

Dasz es der allgewaltigen Vorsehung Gottes niemahls an demjenigen mangelt, was zur Ausführung ihrer vollkommensten Absichten gereicht, ist ein Merckmal der unumschränckten Allmacht. Dasz sie die trefflichsten Mittel zur Vollendung ihrer Absichten sich allezeit in Vorrath schaffe, ist ein Zeichen einer unbegreifflichen Weisheit: Und dasz sie zum Heil gantzer Länder und Staaten offt ein einiges Haupt mit ihrem sonderbaren Schutz bewachet, ist eine Uberführung von ihrer unbeschreiblichen Güte.

Selbst der heutige Tag musz das gröste Zeugnisz dieser ungehinderten Allmacht, der unbetrüglichen Weisheit, und der unermüdeten Güte der Göttlichen Vorsehung über das Ruszische Reich abgeben. Wer bewundert nun nicht die ruhigste Erfüllung eines so grossen Werckes, das vor menschlichen Augen so schwer, der Vorsehung so leichte, zur Beruhigung und zum Glücke Ruszlands aber unentbehrlich war? Wer erkennet nunmehro nicht, dasz die weise Vorsehung eben an dem heutigen Tag ehemals die theureste Elisabeth habe lassen gebohren werden, um ihre Wunder in unsern Zeiten durch Sie auszurichten? Wer begreifft nunmehro nicht dasz der merckwürdige Geburts-Tag Ihro Kayserl. Majest. zugleich mit dem Recht zum Thron, Kron und Zepter des Ruszischen Reichs für unsere gegenwärtig Allergnädigste Kayserin bestimmet gewesen.

Denn was die Göttliche Vorsehung beschleust, das ist recht: was sie beschlossen hat, musz geschehen, und was durch sie geschieht, ist von ihr ehemals beschlossen und zubereitet worden. Und also ist auch von ihr das Recht der Kayserl. Krone ehemals auf den heutigen Tag, oder auf Ihro Kayserl. Majest. unserer allergnädigsten Monarchin von Höchstderoselben Geburt an geleget gewesen. Wer aber kennet ihre We-

сердца̀ востать и предъ всѣми ясно и съ радостїю исповѣдать, *что нынѣ учинилось Россїи подлинное событїе желаннаго ея благополучїя, а сему дню ужѐ давно должная и опредѣленная справедливость.*

Что управляющїй вся промыслъ Божїй потребныхъ способовъ къ произведенїю своихъ всесовершенныхъ намѣренїй всегда неоскудно имѣетъ, то знакъ неподлежащаго предѣламъ всемогущества; что оной наилучшїя средства къ исполненїю тѣхже намѣренїй своихъ избираетъ, то свидѣтельство непостижимыя премудрости: а что къ благополучїю цѣлыхъ земель и государствъ часто одна токмо глава особливымъ его защищенїемъ охраняется, то доказательство неизреченнаго его милосердїя.

Самый нынѣшнїй день предовольно свидѣтельствуетъ о семъ безмѣрномъ всемогуществѣ, о сей непостыдной премудрости, и о семъ превеликомъ милосердїи пекущагося о Россїйской имперїи промысла. И такъ кто нынѣ не удивляется наиспокойнѣйшему исполненїю такъ великаго дѣла Божїя, которое человѣческому разуму толь трудно и ужасно, а всесильному промыслу толь лехко, къ успокоенїю же и благополучїю Россїи толь необходимо нуждно было? Кто нынѣ не познаваетъ, что премудрый промыслъ дражайшей нашей Государынѣ Елисаветъ Петровнѣ въ прежнее оное время въ такой день родиться изволилъ, дабы его чудеса во времена наши Ею показаны были? Кто нынѣ не постизаетъ того умомъ, что достопамятный день рожденїя Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей Государыни въ тожъ самое время и къ праведному обладанїю престола, короны и скипетра Всероссїйскїя имперїи опредѣленъ былъ?

Ибо судьбы Божїя промысла праведны, и что онъ опредѣляетъ, тому событїе долженствуетъ неотмѣнно послѣдовать, а что силою и дѣйствїемъ его бываетъ, то отъ него самого предуставлено и уготовано. Чего ради тогожъ промысла судьбами и право къ Императорской коронѣ еще прежде нынѣшнему дню, или паче Ея Императорскому Величеству нашей всемилостивѣйшей Самодержицѣ отъ дня высочайшаго Ея рожденїя ужѐ

ge, und wer hat die wunderbaren Fälle zuvor gesehen, die das Werck der göttlichen Vorsehung zu hintertreiben, und die Rechte unserer THEURESTEN KAYSERIN zu unterbrechen schienen, in der That selbst aber lauter beförderliche Mittel zur Erreichung Göttlicher Absichten, das ist, zur sichersten Abwendung tausenderley Gefahr, Noth und Landes-Verderben, und zur Versicherung der Ruhe und des innern Friedens auf gegenwärtige und zukünfftige Zeiten für Ruszland abgeben müssen.

Freilich sind die sinnlichen Menschen dahin gerissen, dasz sie meistens auf ihre selbst erwehlten Umwege, Abweichungen und Irrwege mehr, als auf den geraden Pfad der Göttlichen Vorsehung achten. Da sie aber überall würcket, so ist auch überall ihre Spuhr zu mercken. Wer genau auf sie mercket, wird an vieltausend Veränderungen um sich her spühren, dasz sie im Anfang weiszlich und verborgen, am Ende gerecht und offenbar, alles mit höchster Klugheit, nichts aber iemals umsonst mache und vorbringe. Wer diese Wahrheit erkennet und einsicht, der empfindet bey gerechter Sache auch im grösten Miszvergnügen ein geheimes Vergnügen, und in der Unruhe eine sichere Beruhigung. Er ist am sichersten in der äusserlichen Unsicherheit, und getrost in aller anscheinenden Gefahr. Ihn ärgert nicht das Glück der Ungerechten und das Ungemach der Gerechten macht ihn nicht irre. Die Vernunfft eine Tochter der Vorsehung Gottes weiset ihn auf die Gedult, und die Hoffnung ihre Schwester tröstet ihn mit der Zeit. Wer der Höchsten Vorsicht trauet der bescheidet sich, und verlangt mit eigener Klugheit die höchste Weiszheit nicht zu meistern. Er ist sicher, die Mittel werden ihm selbst in die Hände fallen, und die Anschläge von der Höhern Weisheit eingegeben werden, wenn die Stunde ihrer Absicht vorhanden.

опредѣлено и придано было. Но кто знаетъ всѣ пути его, кто предвидѣлъ дивные оные случаи, которые дѣла смотрѣнія Божія отвращать и неоспоримое право нашей вседражайшей Государыни Императрицы якобы не допускать видѣлись, а въ самой вещи были способствующія средства къ полученію Божіихъ намѣреній, то есть къ отвращенію тмочисленныхъ напастей, утѣсненія и раззоренія государственнаго, и къ надежному утвержденію тишины и внутренняго спокойствія въ Россіи какъ для настоящихъ, такъ и для будущихъ временъ.

Правда, что бренные люди мечтаніями своими устремляются наипаче къ избираемому отъ нихъ самоизвольно неправому и отъ истины далеко уклоняющемуся пути и заблужденію, нежели къ послѣдованію правымъ стезямъ Божія промысла. Но понеже всемогущее смотрѣніе вездѣ дѣйствуетъ, то и слѣды его вездѣ видимы бываютъ. Кто оное прилѣжно разсудитъ, тотъ бесчисленныя вездѣ найдетъ перемѣны, и при начинаніи усмотритъ его сокровенную премудрость, при окончаніи явное и очевидное правосудіе, а вездѣ наисовершеннѣйшій порядокъ и разумъ, ничего всуе не строящій и не производящій. Кто сію истину познаваетъ и видитъ, тотъ при справедливости дѣла и въ наибольшемъ недовольствіи чувствуетъ тайное нѣкоторое удовольствіе и въ смущеніи безмятежное успокоеніе. Таковый въ внѣшнихъ страхахъ бываетъ безопасенъ и въ являющихся напастяхъ благонадеженъ. Его не соблазняетъ щастіе неправедныхъ, ни злоключеніе праведныхъ не смущаетъ. Здравое разсужденіе, которое отъ самого Бога начало свое имѣетъ, показываетъ ему терпѣніе, а послѣдующая оному надежда утѣшаетъ его временемъ. Кто на высочайшій промыслъ возлагаетъ свое упованіе, тотъ содержитъ себя всегда въ умѣренности и своимъ разумомъ противъ премудрости Божіей поступать не желаетъ. Оный твердую имѣетъ въ томъ надежду, что всѣ пути и способы сами ему явятся, и всѣ совѣты и разсужденія отъ самой высочайшей премудрости непосредственно предложены и показаны будутъ, когда время и часъ къ исполненію ея намѣренія приближится.

Dasz aber die höchste Vorsehung Gottes nichts umsonst mache und alle ihre Wercke zu ihrem bestimmten Ziel hinaus führe, ist nicht nur in dem ewigen Wesen ihrer unendlichen Weisheit gegründet, sondern auch durch die tägliche Erfahrung vieler tausend Beyspiele bestätiget. Ihre Sorgfalt wircket im Kleinen, und leuchtet insbesondere an den Grossen hervor, die sie mit besondern Gaben zu grossen Wercken reichlich ausgerüstet hat. Es ist ihrer Weisheit gemäsz, durch einer einzigen Person viele Millionen Menschen zu beglücken. Wer hat jemahls geglaubt (der nicht mit Finsternisz geblendet war), dasz die erhabene Person Ihro Kayserl. Majest. unserer erwünschten Kayserin, umsonst von Jugend an mit einem Majestätischen Wesen und Ansehen begabet gewesen? Wer hat sich nicht längst vorstellen können, dasz diejenige Schönheit zur Majestät gelangen müste, der die Majestät und Gnade in das liebreichste Antlitz gepräget ist? Wer hat jemahls zweifeln können, dasz die würdigste Tochter des Grossen Peters und der glorwürdigen Kayserin Catharina nicht den Thron Ihrer höchst-verdienten Eltern besteigen würde, der doch der Helden-Muth Ihres grossen Vaters und die groszmüthige Tugend Ihrer Mutter angebohren war? Wer hätte nicht hoffen sollen, diejenige geheiligte Person würde noch Landes-Mutter Ihres Reiches werden, Die bishero mit der zärtlichsten Liebe für Ihr Land und mit der mildesten Erbarmung für alle dessen Einwohner, wie ehemahls Ihre theureste Frau Mutter angefüllet war? Ja, wer merckte dann nicht, dasz Elisabeth zu Kron und Zepter erhoben werden muste, da Sie schon vor 12 Jahren darzu berechtiget, erbethen, gerüstet, ernennet, und in den stillen Hertzen so vieler Millionen getreuer Unterthanen des Kayserl. Zepters darzu erhoben war.

Solte die Vorsehung, die da alles zu ihrem bestimmten Endzweck hervorbringt, so erhabene und grosse Eigenschafften um-

А что всесильный промыслъ Божїй ничего напрасно не строитъ и всѣ дѣла свои къ положенному имъ приводитъ предѣлу, оное не токмо на вѣчной премудрости его существа основано, но и бесчисленными примѣрами ежедневно поттверждается. Попеченїе его дѣйствуетъ въ маломъ, а особливо оказываетъ себя въ великихъ особахъ, которыхъ оно на великїя дѣла̀ особливыми дарами изобильно снабдѣваетъ. То его премудрости приличествуетъ, что единою токмо особою многїе милїоны людей благополучїе свое получаютъ. Ктобы хотѣлъ когда такое имѣть рассужденїе (развѣ бы кто крайнею пораженъ былъ слѣпотою и невѣденїемъ), что высочайшая особа Ея Императорскаго Величества нашей превожделѣнной Государыни отъ самаго Ея младенчества толикимъ величествомъ и важностїю напрасно была украшена? Кто ужѐ давно не могъ помыслить, что красота оная величествомъ почтена быть имѣла, которая величество и милость на своемъ наипрїятнѣйшемъ лицѣ всегда изображенныя носитъ? Кто могъ о томъ когда усумнѣться, что достойнѣйшая Дщерь Великаго Петра и достохвальныя Императрицы Екатерины, на престолъ толь славныхъ своихъ родителей взойти имѣетъ, которая отъ природы и героичною храбростїю великаго своего отца и великодушными добродѣтелями своея матери совершенно украшена? Кто бы не могъ надѣяться, что освященная оная особа ма́терїю отечества и государства своего быть имѣетъ, которая наичувствительнѣйшею любовїю къ отечеству и истиннымъ милосердїемъ ко всѣмъ онаго жителямъ, подобно дражайшей своей матери всегда была исполнена? Кто же напослѣдокъ не видѣлъ и того, что Елисавета Императорскою короною и скипетромъ украшена быть долженствовала, которая уже за двенатцать лѣтъ передъ симъ къ тому была прошена, учреждена, назначена и неспоримое на то право имѣла, а въ сердцахъ толь многихъ милїоновъ людей и подлиннаго (подданныхъ?) къ тому была возвышена?

Можно ли подумать, чтобъ промыслъ Божїй, который все для опредѣленнаго конца и намѣренїя производитъ, нашу дра-

sonst mit der grossen Seele unserer theuresten KAYSERIN verbunden haben? Solte die gerechteste Vorsehung Gottes Sie unter der Ungerechtigkeit haben bleiben lassen? Das sey ferne.

Und woher stammete das heimliche Gebeth so vieler Tausenden vor die Erhaltung dieser Hohen KAYSER-TOCHTER? Woher stammeten denn die stillen Wünsche, das brünstige Verlangen, und das einmüthige Flehen so vieler Tausenden für die Erhebung dieser Würdigsten PRINZESZIN? Sind sie von ungefähr? mit nichten. Sind sie erkaufft gewesen? gar nicht. Ein geheimes, ich weisz nicht was, oder deutlicher zu sagen, die Vorsehung des Höchsten flöste ihnen den geheimen Zug, die zärtlichste Zuneigung, und die eiffrigsten Wünsche damahls für IHRO KAYSERL. HOHEIT ein. Hat etwan ein voriger Zwang, eine harte Unterdrückung, Noth, Gefahr oder andere Ursachen das ihrige auch zu dieser Sehnsucht beygetragen; so sind sie doch ohne die Einrichtung der höchsten Vorsehung, die das Mannigfaltige znm Einigen hinaus zu führen weisz, nicht möglich gewesen. Uberall ist ihre Weisheit, überall ihre Würckung, überall ihre Zubereitung, und zuletzt ihre Ausführung und erfüllte Absicht offenbar.

Nunmehro sehen die Irrigen wo die richtige Vorsehung hingezielet, nun schämen sich die Verwegenen, nun zittern die Boshafften, nun vergnügen sich die Gelassenen, und nun erfreuen sich die Gerechten. Ja nunmehro treten die Redlichen mit der Liebe des Vaterlandes herfür, und sehen den Schild ihrer gerechten Hoffnung von der Himmlischen Gerechtigkeit gekrönet. Nunmehro verehren sie die weisesten Wege der Vorsehung, und erkennen, dasz alle zu Schanden werden müssen, die ihr frevelhafft widerstanden; nun preisen sie die alles regierende Vorsehung

жайшую Государыню Императрицу напрасно украсилъ толь великими душевными дарованіями? И можно ли себѣ представить, чтобъ наисправедливѣйшій оный промыслъ Ея Величество подъ игомъ неправды восхотѣлъ оставить? Да не будетъ.

И откуду же бы происходили оныя отъ толь бесчисленнаго народа въ тайнѣ воссылаемыя молитвы о сей высочайшей Императорской Дщери? Откуду происходили сокровенныя но наиревностнѣйшія желанія и единодушныя воздыханія и моленія толь многихъ тысящей о собывшемся нынѣ надъ сею достойнѣйшею Государынею исполненіи благодати Божественныя? Развѣ все то слѣпымъ случаемъ такъ дѣлалось? Никако. Или всѣ къ тому были подкуплены? Но весьма нѣтъ. Тайная нѣкоторая неизвѣстная намъ сила, или яснѣе сказать, высочайшій промыслъ вложилъ всѣмъ тайную оную склонность и наиревностнѣйшія и искреннѣйшія желанія за Ея тогда Императорское Высочество. И ежели бывшее прежде утѣсненіе, бѣды, напасти, или другія причины къ тому также способствовали: то однакожъ имъ безъ высочайшаго и различное во едино приводящаго промысла и учрежденія быть не возможно было. Вездѣ владычествуетъ его премудрость, вездѣ является его дѣйствіе и сила, вездѣ открывается его предуготовленіе, и напослѣдокъ вездѣ его воля и опредѣленіе исполняется.

Нынѣ видятъ заблудившіе и разумѣютъ, куда склонялась воля праведнаго Божія промысла. Нынѣ стыдятся дерзостные и срамъ свой на себѣ носятъ. Нынѣ дрожатъ нечестивые и трясутся. Нынѣ веселятся кроткіе и радуются праведные. Нынѣ вѣрныя и добродѣтельныя сердцà съ любовію къ своему отечеству оказываются, и щитъ праведныя надежды небеснымъ правосудіемъ увѣнчанный ужè видятъ. Нынѣ почитаютъ они премудрыя пути Божія промысла и признаваютъ, что всѣ дерзостно сопротивлявшіеся оному посрамиться долженствуютъ; нынѣ про-

*

Gottes und erkennen, dasz vor ihr die stärckste menschliche Macht in Unmacht fallen, die feinste Klugheit zur Thorheit, und die List zur Dummheit, die Bosheit zum Netz und der Hochmuth zum Sturtz, die Unschuld aber getröstet, das Recht gerettet, und die Würdigkeit erhoben werden musz.

Wie nun bey so erwünschter Zeit, und bey so beglücktem Erfolg sich eben der Tag, der schöne Tag einstellen musz, welcher der Grund gewesen, auf den unsere stille Hoffnung ihren Ancker bishero geworfen; ja wie nun heute der glückliche Stern am Firmament des Ruszischen Reichs sich wiederum zeiget, nach welchem das treue Ruszland bishero die Ehrfurchts-vollen Blicke seiner unabläszigen Hochachtung auch bey manchem aufgezogenen Gewitter und gefährlichen Wolcken, die ihn zu verdecken suchten, geschickt hat; so verdoppelt es nunmehro die gerechte Freude über seinen klaren Schimmer, der das gantze Land von neuem erhellet, seine ehemalige Finsternisse erleuchtet, und mit seinem heitern Schein aller Augen und Gemüther aufheitert. Ruszland frohlocket auf dem endlich getroffenen Ruhe-Punct nach langem wancken und schweben. Alle Stände und Geschlechter sind bemüht nach ihrer Art die frohe Regungen ihrer Hertzen kund zu thun, ihre Freude lautbar, und ihre eiffrigen Wünsche vor das allerhöchste und beständige Wohlergehen unserer erwünschten und allergnädigsten Kayserin Elisabeth aller Welt bekannt zu machen.

In dem festesten Vertrauen nun zu der leutseeligsten Gnade und Huld Ihro Maj. unserer allergnädigsten Kayserin stellet sich auch vor allerhöchst Dero Augen ein auf diesen frohen Tag verfertigtes Feuerwerck, nebst einer dazu gehörigen Illuminations-Vorstellung dar. Beyde führen anders nichts in sich als eine künstliche Vorstellung unserer natürlichen Regungen, oder einen

славляютъ они все управляющее Божїе смотрѣнїе, и признаваютъ, что предъ онымъ вся человѣческая сила превращается въ бессилїе, вся мудрость въ безумїе, вся хитрость въ юродство, злоба въ свою погибель, гордость въ паденїе; а напротивъ того невинность получаетъ свое утѣшенїе, правда находитъ прїятїе и защищенїе, а достоинство славу и возвышенїе.

И какъ при толь вожделѣнномъ времени, и при воспослѣдовавшемъ толь благополучномъ случаѣ той же самый воссїялъ день, о день радости и веселїя! которой основанїемъ былъ всея нашея понынѣ въ тихости и терпѣнїи продолжавшїяся надежды; или паче, какъ нынѣ благополучная оная звѣзда на Россїйскомъ небѣ паки показалась, къ которой въ непоколебимой вѣрности пребывающая Россїя свои очи и при находящихъ нѣкїихъ страшныхъ облакахъ, которые оную акибы закрыть старались, съ должнымъ и совершеннѣйшимъ почтенїемъ непрестанно возводила: такъ въ нынѣшнее время удвояетъ она свою наисправедливѣйшую радость, видя ея свѣтлое и всю имперїю вновь освѣщающее сїянїе, которая прогоняя прежнїе мраки блистающею своею свѣтлостїю сердца и очи всѣхъ людей увеселяетъ. Восклицаетъ и радуется нынѣ Россїя, которая по долгомъ обуреванїи напослѣдокъ къ тихому своему пришла пристанищу. Всѣ всякаго чина и состоянїя люди стараются изъявить веселїе своего сердца, показать свою безмѣрную радость, и ревностное желанїе о высочайшемъ и непоколебимомъ здравїи нашея превожделѣнныя и всемилостивѣйшїя Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны предъ всѣмъ свѣтомъ засвидѣтельствовать.

Чего ради въ твердомъ упованїи на высочайшую милость и щедроты Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей Государыни и Самодержицы, представляется предъ очи Ея Императорскаго Величества къ сему торжественному дню прїуготовленный фейэрверкъ съ принадлежащею до того иллуминацїею. Они не что иное въ себѣ содержатъ, какъ искус-

feurigen Ausdruck unserer jetzt angeführten Gedancken. Alle Theile, Bilder und Stücke dieser Kunst-Feuere, entdecken nach ihrer Art theils unsere lautere Freude, theils unsere eiffrigen Wünsche auf das heutige frohe Gedächtnisz-Fest und seiner beglückten Umstände.

Der Haupt-Plan

stellet demnach einen aus dem zurückweichenden Gewölke aufgehenden Regenbogen für, der die Zeichen des hohen Geburths-Tages und Jahres Ihro Kayserl. Majest. in sich enthält. Unten tritt die Liebe des Vaterlandes mit sehnlichen Blicken nach der Höhe auf, bringt das bisher verborgen gehaltene Rauchfasz ihrer treuen Wünsche hervor, läst den Weihrauch ihrer Verehrung öffentlich steigen, und erhebt mit der andern Hand den Nahmens-Schild Ihro Kayserl. Hoheit der Printzeszin Elisabeth Petrowna. Zu gleicher Zeit erscheint in der Mitten auf einem leichten Gewölcke Asträa, oder die Gerechtigkeit der göttlichen Vorsehung, die mit einer Hand den erhabnen Nahmens-Schild empor ziehet und mit der Ruszisch-Kayserl. Reichs-Krone schmücket, und diese Handlung mit den Worten der Uberschrifft anzeiget, welche also lauten:

Jura huic sua reddo diei

d. i.

Was diesem Tag schon längst gebührt,
Ist endlich auch durch mich vollführt.

Wie nun die Erwegung der auf diesem Plan allegorisch vorgestellten grossen Begebenheiten nicht ohne Begleitung unserer gerechten Bewunderung, aufrichtigsten Freude, Erweckung anderer zu gleichem Ergötzen, und eifrigster Glückwünsche geschehen kan; so begleiten auch den jetzt beschriebenen Feuer-Plan noch gar viele und mannigfaltige Arten anderer Kunst- und Lust-

ствомъ показанное представленіе нашего внутренняго чувствія, или пламенѣющее изображеніе вышеозначеннаго нашего рассужденія. Всѣ виды и части сихъ огней изъявляютъ въ своемъ родѣ отчасти великую нашу радость, а отчасти ревностныя и искреннія наши желанія къ сему торжественному дню воспоминовенія и благополучныхъ его обстоятельствъ склоняющіяся.

И тако на обыкновенномъ главномъ планѣ показана изъ уступающаго назадъ облака выходящая *небесная дуга* знаки высокаго дня рожденія и года Ея Императорскаго Величества носящая. Внизу выходитъ *любовь къ отечеству* съ желаніемъ вверьхъ взирающая, произносящая понынѣ въ тайнѣ содержанной ѳиміамъ наивѣрнѣйшихъ своихъ благожеланій съ восходящимъ отъ онаго благовоніемъ ея истиннаго почитанія, а другою рукою щитъ съ именемъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны возносящая. Въ срединѣ показывается на свѣтломъ облакѣ *Астрея, или правосудіе Божїя промысла,* одною рукою помянутой щитъ принимающая, которой она государственною Императорскою короною украшаетъ, и сїе дѣйствїе изъявляетъ слѣдующими въ надписи положенными словами:

JURA HUIC SUA REDDO DIEI:

то есть:

ДАВНЫЙ ДОЛГЪ СЕМУ ДНЮ.

И какъ рассужденїе на семъ планѣ аллегоричнымъ образомъ представленныхъ великихъ приключеній не можетъ не соединено быть съ нашимъ праведнымъ удивленїемъ, искреннею радостїю, и съ возбужденїемъ другихъ къ подобному же увеселенїю и наиревностнѣйшимъ благожеланїямъ: такъ и при вышеписанномъ планѣ фейэрверка находятся еще многїе другїе различнаго худо-

Feuere. Alle dieselben lassen sich auf die mancherley ergötzender Regungen, freudiger Gedancken und schuldiger Pflicht ausdeuten, welche unsern treuen Gemüthern die Erwegung des heutigen denckwürdigen Tages und seines erfüllten Zweckes zu erwecken vermag. Also zielte z. Ex. das hellweisse Glantz-Feuer, auf die reine Treu, worzu uns die Huld und Gnade unserer THEUERSTEN MONARCHIN verbindet, die hellaufsteigende Flammen auf die brünstige und gleichsam flammende Liebe vor unsere erwünschte KAYSERIN, die spielende Feuer-Räder auf die muntere Lust und Fröhlichkeit, die unsere Hertzen über diesen frohen Tag empfinden, die sprühende Feuer-Fontainen auf die freudige Entschüttung unserer Hertzen über das allerhöchste Wohl unserer allergnädigsten BEHERRSCHERIN, die Menge über einanaufsteigender Raquetten auf den Eifer unserer zum Himmel aufsteigenden Wünsche vor die beständige Erhaltung unserer mildreichesten LANDES-MUTTER. Ja so gar die Einfassung des gesamten Feuerwerck-Platzes, die aus silbernen Festungs-Wercken zu bestehen scheinet, löset sich Deutungs-mäszig in dem festen Vertrauen auf die standhaffte Groszmuth und allergnädigste Beschützung auf, deren wir von IHRO KAYSERL. MAJEST. Macht und Gnade als einer sichern Festung vor allen Anfällen versichert leben können.

AN DEM ILLUMINATIONS-GERÜSTE.

Zeiget sich ein aus Laub-Bogen zusammen geflochtener und in perspectivischer Aussicht weit auslauffender GARTEN-GANG.

Den eingang desselben macht ein PRÄCHTIGES PORTAL von gedoppelten Säulen auf marmornen Piedestalen; und über dem Haupt-Bogen am Gibel ist der gekrönte Nahmens-Schild IHRO KAYSERL. MAJ. mit einer verzierten EINFASSUNG VON EICH-BAUMS-ZWEIGEN aufgerichtet.

жества увеселительные огни. Всѣ они могутъ примѣнены быть къ различнымъ увеселительнымъ движенiямъ, радостнымъ мыслямъ, и къ всеподданнѣйшей должности нашей, которая въ вѣрныхъ сердцахъ нашихъ рассужденiе нынѣшняго благодарственнаго дня и исполнившагося во оном намѣренiя возбудить можетъ. Такъ показываетъ напримѣръ свѣтлый бѣлаго цвѣта огнь чистую и непритворную вѣрность, къ которой насъ милость и щедроты нашей дражайшей Монархини обязываютъ; свѣтло-восходящiе огни значатъ пламенѣющую любовь къ нашей превожделѣнной Императрицѣ; огненныя колéса представляютъ веселiе сердецъ нашихъ, которое мы для сего торжества чувствуемъ; огненные фонтаны изъявляютъ кипящее въ сердцахъ нашихъ избыточество радости о высочайшемъ благополучiи нашей всемилостивѣйшей Обладательницы; множество восходящихъ на воздухъ ракетъ изобразуетъ ревность нашихъ къ Богу воссылаемыхъ желанiй о непремѣнномъ сохраненiи здравiя нашей щедротнѣйшей Матери отечества; а самое окруженiе всего подъ фейэрверкъ занятаго мѣста, которое серебряной крѣпости подобной видъ имѣетъ, знаменуетъ твердое упованiе, постоянное великодушiе и всемилостивѣйшее защищенiе, котораго мы отъ Ея Императорскаго Величества самодержавной власти и милосердiя противъ всѣхъ нападенiй несомнѣнно надѣяться можемъ.

Иллюминацiя

Представляетъ далеко простирающуюся покрытую *садовую аллею,* изъ соединенныхъ перспективнымъ порятком и зелеными вѣтвями украшенныхъ сводовъ состоящую.

При входѣ въ оную здѣланъ великолѣпный *порталъ* изъ двойныхъ на марморныхъ пѣдесталахъ стоя́щихъ столбовъ; а сверьхъ главнаго гзымза надъ фронтиспицомъ поставлено *литерою изображенное имя* Ея Императорскаго Величества подъ короною, обогнутыми около него *дубовыми вѣтвями* украшенное.

Zu beyden Seiten an diesen Haupt-Plan stöszt von innen eine angenehme Aussicht mancher belaubten Baum-Alleen; von aussen aber eine roth marmorne Brustlehne, oder die Einfassung eines Lust-Gartens, welche nach gleicher Austheilung und Abschnitten in die Ferne ausgeführt, und nach Symmetrischer Ordnung gehöriger Orthen mit Piedestalen abgesetzt, und verzieret ist. Also sieht man in der nächsten Helffte besagten Geländers gegen das Portal eine Amphitheatralische Einschweiffung, auf deren Stelle ein prächtiges Piedestal und auf denselben ein Trophee oder Siegs-Gestelle von feindlichen Standarten, Fahnen und anderm Kriegs-Geräthe, errichtet ist. Am Ende aber auf den äussersten Eckpfeiler steht ein anderes Ehren-Mahl der Friedens-Zeit, nehmlich von allerley Werckzeugen der Wissenschafften, Künste und Gewerbe aufgerichtet.

Die Deutung nun dieser Allegorischen Vorstellung ist ausz Erwägung der eintzeln Theile an dieser Illumination leichtlich zu treffen. Die angenehme Auszsicht eines grünenden und blühenden Gartens mit so mancherley reitzenden Alleen stellet andern nichts als den nunmehro unter der erwünschten Regierung Ihro Maj. unserer theuresten Kayserin, blühenden und geseegneten Zustand des Ruszischen Reiches, dis schönsten Ordnungen und weiseste Veranstaltungen und das Vergnügen aller darinn befindlichen Stände vor. Der Haupt-Schild und die erhabenste Zierde mit dem gepriesensten Nahmen Ihro Kayserl. Majest. deutet auf allerhöchst dieselben, als den erhabensten und würdigsten Schmuck und Haupt des gesamten Reiches; die besondere Einfassung aber von Eichbaums-Zweigen, auf den eiffrigsten Wunsch aller unter dem Zepter Ihro Kayserl. Majest. sicher und vergnügt wohnenden Unterthanen, dasz nehmlich Ihro Majest. unsere allergnädigste Landes-Mutter noch so viele allerhöchst deroselben Geburths-Feyern erleben mögen, als ein Eichbaum Jahre wächst

По сторонамъ соединяются съ симъ главнымъ планомъ изнутри *пріятные проспекты* изъ нѣсколькихъ деревьями обсаженныхъ аллей состоящіе; а снаружи изъ краснаго мармора здѣланная съ обѣихъ сторонъ въ равномъ разстояніи далеко простирающаяся ограда, въ надлежащихъ мѣстахъ пѣдесталами и уступцами приличнымъ образомъ украшенная. Въ ближней къ порталу половинѣ оной ограды выведено на подобіе амфитеатра вогнутое окруженіе, въ которомъ по обѣимъ сторонамъ поставлены *преизрядные пьдесталы* съ стоящими на нихъ *трофеями* изъ непріятельскихъ штандартовъ, знаменъ и прочихъ воинскихъ вещей; а по концамъ при самыхъ крайнихъ столбахъ находится другой *монументъ мирныхъ временъ,* составленной изъ разныхъ до наукъ, художествъ и до купечества принадлежащихъ орудій.

Знаменованіе сего аллегоричнаго представленія можно изъ разныхъ частей сея иллуминаціи довольно видѣть. Пріятной проспектъ зеленаго и въ полномъ цвѣтѣ стоящаго сада съ многими веселыми аллеями изъявляетъ не что иное, какъ нынѣшнее при желанномъ государствованіи Ея Императорскаго Величества нашей дражайшей Монархини *процвѣтающее и благополучное состояніе Россійскія имперіи, преизрядные порятки, премудрыя учрежденія, и удовольствіе всѣхъ обрѣтающихся здѣсь жителей.* Поставленный для украшенія щитъ съ высочайшимъ именемъ Ея Императорскаго Величества показуетъ собственную Ея Величества высочайшую особу, какъ первѣйшее и достойнѣйшее украшеніе и главу всея имперіи; а обогнутыя около щита дубовыя вѣтви значатъ ревностнѣйшее желаніе всѣхъ подъ скипетромъ Ея Императорскаго Величества въ совершенномъ удовольствіи живущихъ подданныхъ, которое въ томъ состоитъ: *дабы всемогущій Богъ Ея Императорскому Величеству нашей всемилостивѣйшей Матери отечества еще толикое число сихъ торжественныхъ дней высочайшаго Ея рожденія видѣть*

*

und stehet; und dasz Dero theurestes Leben und Gesundheit von der Eigenschafft der Eichen, d. i. sehr lange fest, dauerhafft und beständig seyn möge.

Die zu beyden Seiten des Portals erichtete Tropheen oder Waffen-Gestelle zielen auf Ihro Kayserl. Maj. anererbten und angebohrnen Helden-Muth von Dero Allerdurchlauchtigsten und Glorwürdigsten Eltern Petern dem Grossen, und der Kayserin Catharina. Die zu äusserst angebrachten Ehren-Mahle der Friedens-Zeit aber auf den Wachsthum und das Aufnehmen der Wissenschafften, Künste und Gewerbe, als worauf alle weisesten Anstalten und Verordnungen Ihro Kayserl. Maj. bereits hinaus lauffen; und endlich die feste Brustlehne oder Marmorne Einfassung des inwendigen Gartens auf den mächtigen Schutz und die feste Erhaltung der Wolfahrt und Ruhms des Ruszischen Reichs, dessen sich die beglückten Einwohner unter der weisen und allergnädigsten Regierung Ihro Kayserl. Maj. vollkommen zu versichern und zu erfreuen haben.

(Anmerckungen bey den Zeitungen. St. Petersburg den 8 December 1741. 98 bis 102 Stück. crp. 389--402).

благоволилъ, сколько лѣтъ дубовое дерево расти и стоять можетъ, и дабы дражайшее здравіе Ея Императорскаго Величества *свойство твердаго дуба имѣло, то есть долговременно и непоколебимо пребывало.*

По сторонамъ портала поставленные трофеи изображаютъ *отъ* Ея Императорскаго Величества *наслѣдованную славу побѣдъ и природную* Ея Величеству *героичную храбрость Всепресвѣтлѣйшихъ Ея родителей, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора* Петра *Великаго и Государыни Императрицы* Екатерины Алексѣевны; а по краямъ находящіеся монументы мирныхъ временъ знаменуютъ *распространеніе наукъ, художествъ и купечества, къ чему же и премудрѣйшія учрежденія* Ея Императорскаго Величества *склоняются.* Напослѣдокъ твердая марморная ограда предъявляетъ сильное защищеніе и непоколебимое содержаніе благополучія и славы Россійскія имперіи, которымъ жители сего государства при премудромъ и всемилостивѣйшемъ государствованіи Ея Императорскаго Величества нынѣ совершенно пользоваться могутъ.

(Примѣчаній къ Вѣдомостямъ часть 98 по 102. Въ Санктпетербургѣ декабря 8 дня 1741 года. стр. 389—402).

Ода издана безъ имени автора и переводчика, но нѣтъ основанія сомнѣваться, что перевелъ ее Ломоносовъ. Не говоря о томъ, что сочиненіе и переводъ торжественныхъ привѣтствій, подносимыхъ отъ Академіи, обыкновенно поручались тогда Ломоносову, а не кому-либо другому, въ самой одѣ есть черты, общія съ другими произведеніями Ломоносова. «Въ разсужденіи оды—говоритъ академикъ Куникъ—не можетъ быть сомнѣнія: многіе стихи напоминаютъ въ ней оды Ломоносова 1739, 1741, 1742 и слѣдующихъ годовъ».

(Ученыя Записки. Т. III. Вып. 2. стр. 284).

По замѣчанію г. Будиловича, «переводъ безъ сомнѣнія Ломоносова» (Ломоносовъ какъ писатель. 1871. стр. 6). Пекарскій положительно говоритъ, что Ломоносовъ перевелъ оду по порученію Шумахера.

Происхожденіе оды академикъ Пекарскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «25 ноября 1741 года вступила на престолъ императрица Елисавета; давно предчувствуемый переворотъ совершился, и младенецъ-императоръ съ матерью-правительницею, отцомъ-генералиссимусомъ очутились въ заточеніи. Посвященія имъ въ книгахъ, ихъ портреты, даже упоминанія о нихъ — все это старательно и быстро уничтожено Шумахеромъ, распорядителемъ судебъ академіи, и онъ спѣшилъ представить доказательства приверженности и вѣрноподданническихъ чувствъ къ новой государынѣ. Случай къ тому не замедлилъ явиться: 18 декабря былъ день рожденія Елисаветы, и академикъ Штелинъ потщился написать Allerunterthänigster Glückwunsch zum Antritt der erwünschten Regierung Ihro Majestät. . . am frohen Gedächtnisz-Fest der hohen Geburth Ihro Kays. Majest. Съ самой первой минуты воцаренія новой императрицы, въ народѣ — не только въ Петербургѣ, но и въ отдаленныхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Сибири — сложилось убѣжденіе, что она не благоволитъ къ иноземцамъ и не намѣрена терпѣть вліяніе ихъ, которое такъ чувствовалось въ царствованіе Анны Іоанновны и ея внука. Неудивительно потому, что ода Штелина не могла явиться съ однимъ

нѣмецкимъ текстомъ; его необходимо слѣдовало перевести по-русски и притомъ стихами. Шумахеръ обратился къ Ломоносову, и этотъ, исполняя добросовѣстно возложенное на него порученіе, переложилъ въ русскіе стихи нѣмецкія строфы Штелина. Ободренный ли *успѣхомъ этого перевода при дворѣ,* или увлеченный общимъ убѣжденіемъ въ народѣ, что новая императрица дѣйствительно намѣрена покровительствовать русскимъ болѣе, чѣмъ иноземцамъ», Ломоносовъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ академію наукъ, вслѣдствіе чего и опредѣленъ адъюнктомъ академіи.

(Исторія академіи наукъ. 1873. Т. II. стр. 319—322).

Въ переводѣ сохранено число строфъ подлинника и число стиховъ въ каждой строфѣ; чередованіе риѳмъ одно и тоже: первый стихъ риѳмуетъ съ третьимъ, второй съ четвертымъ, пятый съ шестымъ, и седьмой съ восьмымъ. Риѳмы невсегда удачны:

Ст. 13—14: Здѣсь въ ясномъ я стою *свѣту,*
И вамъ тотъ свѣтлой день *кажу,*
Ст. 61—62: Достойна на престолъ *вступи,*
Къ присягѣ мы готовы *вси.*
Ст. 49—52: Надежда долго въ *тишинѣ*
Съ желаньемъ на Тебя взирала,
Любезное Твое *лице*
Какъ ясно солнце почитала,
Ст. 57—60: Отеческой земли любовь
Коль долго по Тебѣ вздыхала
Избавь избавь Россійску кровь,
Отъ злаго скорбныхъ дней нача́ла,
Ср. Россія ревностно вздыхала,
И сердцемъ всякой часъ взывала
Къ Тебѣ Защитницѣ своей:
Избавь, низвергни наше бремя,

(Ода на восшествіе на престолъ, 1746. Ст. 25—28.)

Однимъ изъ признаковъ, указывающихъ на то, что ода написана Ломоносовымъ, можетъ служить встрѣчающееся въ ней любимое авторомъ слово: *купно.*

Ст. 35 — 36: На полномъ благъ лицѣ Твоемъ
И велелѣпомъ *купно* тѣлѣ.

Ломоносовъ весьма часто употребляетъ слово: *купно,* и своеобразное употребленіе этого слова принадлежитъ къ числу особенностей Ломоносовскаго стиха:

Ср. Елисавету возглашали,
И *купно* съ ней Петра хваля,
(Ода 10 февраля 1742 года. Втор. ред. Ст. 28—29).

Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
И *купно* ясный день сіяетъ.
(Ода на прибытіе императрицы Елисаветы, 1742 года. Ст. 325—326).

Противны силъ Ея страшатся,
И *купно* милости чудятся.
(Ода на восшествіе на престолъ, 1746 года. Ст. 145—146).

Да возрастетъ Ея держава,
Богатство, щастье и полкѝ,
И *купно* дѣлъ Геройскихъ слава,
(Тамъ же. Ст. 201—203).

Взирая на дѣла Петровы,
На градъ, на флотъ, и на полкѝ,
И *купно* на свои оковы
(Тамъ же Ст. 20—23).

Закрой, кричитъ, багряной видъ,
И *купно* съ нимъ Магметовъ стыдъ;
(Ода на взятіе Хотина. Ст. 78—79).

Ст. 65—69: Геройска мысль въ Тебѣ тогда
Чрезъ дивно дѣло всѣмъ открылась,
Въ любовь Петрова кровь когда
Къ Твоимъ подданнымъ воспалилась.
Прежъ всѣхъ пошла съ крестомъ Своимъ

Историческая черта, относящаяся къ воцаренію Елисаветы. Доказывая необходимость переворота, люди близкіе говорили Елисаветѣ: «Подлинно это дѣло требуетъ немалой отважности, которой не сыскать ни въ комъ, кромѣ крови Петра Великаго». Помолившись передъ образомъ Спасителя, Елисавета взяла крестъ, вышла къ гренадерамъ и привела ихъ къ присягѣ. Держа крестъ въ рукѣ, она сказала преображенцамъ: «Клянусь умереть за васъ; клянетесь ли умереть за меня?»

(Исторія Россіи, Соловьева. 1871. Т. XXI, стр. 149—150).

VII.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, четыре страницы. На первой страницѣ — заглавіе, на трехъ остальныхъ — ода. Строфы не обозначены цыфрами. Передъ началомъ текста оды — типографская заставка въ видѣ полоски и четырехъ родовъ украшеній: верхній и нижній изъ одинаковыхъ криволинейныхъ бордюровъ; средніе изъ ряда двуглавыхъ орловъ, надъ которыми отдѣльно тянутся коронки. Въ концѣ оды — двуглавый орелъ; справа и слѣва отъ него по одному орнаменту, состоящему изъ завитковъ, точекъ и подобія стрѣлки; подъ орломъ такой же орнаментъ; справа и слѣва отъ нижняго орнамента по одной звѣздочкѣ.

Ода впослѣдствіи совершенно передѣлана авторомъ: почти всѣ строфы подверглись весьма сильному измѣненію и сверхъ того прибавлены двѣ новыя строфы. Такимъ образомъ явились двѣ редакціи (1742 г. и 1751 г.) одной и той же оды, которыя мы и помѣщаемъ въ нашемъ изданіи.

ВАРІАНТЫ.

Рит. I. — Рукописная Риторика Ломоносова. 1744 г.

С. I. — Собраніе сочиненій Ломоносова. 1751 г. Книга первая. Ода 7. стр. 130—137.

Ст. 3–4. Что отъ напастей злыхъ спасенна
Россїя зритъ конецъ бѣдамъ. (С. I.)

Ст. 12. Когда всещедрый нашъ Творецъ (с. I.)
Ст. 14. И нашей скорби далъ конецъ, (с. I.)
Ст. 15–16. Ужъ съ радостью любовь согласна
Вездѣ ликуютъ безопасно. (с. I.)
Ст. 45–46. Онъ ради твоего блаженства
Даровъ достигнетъ совершенства. (с. I.)
Ст. 55. Стихїи сами предъявляютъ, (с. I.)
Ст. 58. Съ любовью нашею согласно, (с. I.)
Ст. 77. Кому возможно описать (с. I.)
Ст. 80. Въ Петрѣ природу въ томъ подобну. (с. I.)
Ст. 83–84. Видѣнїе мой духъ возводитъ
Превыше Ѳессалїискихъ горъ! (с. I.)
Ст. 87–88. И всѣ страны полночны съ нимъ.
Украшенна кругомъ звѣздами (с. I.)
Ст. 93. Кленется небомъ и землею (с. I.)
Ст. 111–112. Гласитъ предъ ней стоя Россїя,
Склонившись къ ней верьхомъ своимъ:
(Рит. I. § 111.)
Ст. 114–117. И купно подданнымъ твоимъ.
Тебѣ я оныхъ кровь питаю,
Горячесть въ ихъ серца влагаю,
Чтобъ ону за тебя пролить. (Рит. I. § 111.)

«Его Королевское Высочество государь Петръ» — Герцогъ Голштинскій Карлъ Петръ Ульрихъ (впослѣдствіи императоръ Петръ III), сынъ герцога голштейн-готторпскаго Карла-Фридриха и старшей дочери Петра Великаго Анны Петровны (1708—1728), родился 10 февраля 1728 года.

Въ письмѣ къ сестрѣ, цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, 1 февраля 1728 года, герцогиня голштинская говоритъ: «Стану писать, покамѣстъ вашъ племянникъ или племянница не помѣшаетъ; уже дожидаю гостя всякій день».

10 (21) февраля 1728 года Бассевичъ писалъ изъ Киля:

«Nunmehr kan ich mit erfreuteren Gemüth berichtigen, wie der liebste Gott Ihro Kais. Hoch. diesen Mittag zwischen 12 und 1 Uhr mit einem gesunden wohlgestalten Prinzen erfreut hat. Unsere gute Herzogin befindet sich bey allem erwünschten Wohlseyn» etc.

Собственноручнымъ письмомъ Анна Петровна извѣстила сестру о крещеніи своего сына: «Государыня моя дорогая сестрица. Доношу вамъ что вчерашнего дня племянника вашего крестили и дали ему три имя Карлъ Петръ Улрихъ. Об себе доношу слава Богу в добромъ здоровие уже и с постели встала» и т. д. Числа на письмѣ не выставлено; адресовано оно такъ: «Государынѣ моей сестрицѣ цесаревнѣ Элизабетъ Петровнѣ».

(Рукописи Государственнаго архива. IV. № 25).

Узнавши о рожденіи внука Петра Великаго, Ѳеофанъ Прокоповичъ привѣтствовалъ родителей новорожденнаго письмомъ, напоминающимъ, по своему тону, хвалебную оду Ломоносова: «Родился Петру Первому внукъ, Второму — братъ, россійской державѣ—опора и, какъ заставляетъ ожидать его кровное происхожденіе, — великихъ дѣлъ величайшая надежда. Смотря на васъ, счастливѣйшіе родители, я плачу отъ радости, какъ недавно плакалъ отъ печали, видя васъ пренебрегаемыхъ, оскорбляемыхъ, униженныхъ и почти уничтоженныхъ нечестивѣйшимъ тираномъ (т. е. Меншиковымъ). Этотъ бездушный человѣкъ, которому нѣтъ подобнаго, васъ, кровь Петрову, старался унизить до той низкой доли, изъ которой самъ рукою вашихъ родителей былъ возведенъ почти до царственнаго состоянія. Отецъ щедротъ посѣтилъ васъ своею милостію, даровавъ вамъ сына. Поздравляя васъ съ такимъ благомъ, дарованнымъ для васъ, для августѣйшей фамиліи, для многихъ царствъ и народовъ, молю всеблагаго Бога, чтобы Онъ увѣнчалъ ваши надежды исполненіемъ» и т. д.

(Труды кіевской духовной академіи. 1865. Апрѣль. стр. 595—599).

Герцогъ Петръ будущій наслѣдникъ русскаго престола и наконецъ императоръ, прибылъ въ Петербургъ 5 февраля 1742 года. Въ тогдашнихъ вѣдомостяхъ сообщалось: «Въ прошлую пятницу,

то есть 5 числа сего мѣсяца, по полудни въ исходѣ 2 часа, прибылъ сюда въ желаемомъ здравіи, къ великому удовольствію Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей государыни, Его Королевское Высочество Петръ, владѣтельный государь герцогъ Голстейнъ-Готторпскій (С.-Петербургскія Вѣдомости 9 февраля 1742. № 12. стр. 93—94).

Ст. 3—4: Россія что отъ зла спасенна,
И зритъ конецъ своимъ бѣдамъ,

Стихи эти относятся къ бироновщинѣ и вообще ко времени со смерти Петра II и до воцаренія Елисаветы Петровны.

Ст. 11—14: Въ сіе благопріятно время,
Въ которо щедрый нашъ Творецъ
Возставилъ намъ Петрово племя
И нашей скорьби далъ конецъ,

Относится къ воцаренію императрицы Елисаветы Петровны.

Ст. 17—18: Всего народа веселъ шумъ,
Какъ гласъ водъ многихъ въ верьхъ
восходитъ,

Апокалипсисъ. I, 15: И гласъ его, яко гласъ водъ многъ; XIX, 6: И слышахъ яко гласъ народа многа, и яко гласъ водъ многихъ.

Ст. 21—22. Приводятся Ломоносовымъ въ слѣдующемъ примѣрѣ: «Отвращеніе есть отнесеніе рѣчи отъ предложенной матеріи къ другой вещи, животной или бездушной, во второмъ лицѣ глагола. Чрезъ сію фигуру можно. . . желать, повелѣвать, запрещать. . . или прощаться съ тѣмъ, къ чему риторъ отъ предложенной матеріи отвратился, н. п. запрещеніемъ (Р. § 100):

Воинской звукъ покинь, Беллона,
И жажду крови, Марсъ, оставь.

Ст. 35: Ты паки зришъ любезну Анну

Относится къ старшей дочери Петра Великаго, Аннѣ Петровнѣ; утверждаютъ, что она была его любимою дочерью, и своимъ лицомъ, ростомъ и поступью весьма живо напоминала отца. Анна Петровна родилась 27 февраля 1708 года; въ 1725 году, 21 мая, вышла замужъ за герцога голштейнготторпскаго, племянника Карла XII; въ 1727 году, 25 іюля, переселилась, съ мужемъ, въ Киль; скончалась 4 мая 1728 года; погребена въ Петербургѣ, въ Петропавловскомъ соборѣ. Она отличалась образованностью, свободно владѣла языками: русскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ, итальянскимъ и шведскимъ.

Ст. 52—53: День Твоего прихода къ намъ
Безъ вѣтра и тумана ясной
Ст. 57: Со снѣгомъ таялъ купно ледъ
Ст. 59: Казалъ весны пріятной слѣдъ,

Изъ метеорологическихъ наблюденій того времени оказывается, что день пріѣзда герцога голштинскаго въ Петербургъ если и былъ, «безъ вѣтра и тумана яснымъ», то только до полудня; послѣ же полудня былъ туманъ, но вѣтра не было.

Ventos vehementes experti sumus hoc anno diebus sequentibus: Februarii 3, 7, etc. Nebulae insignes obortae sunt: Februarii 5, 10, 16, etc. (Commentarii Academiae scientiarum Petropolitanae. T. XIV, стр. 240—246. Observationes meteorologicae, institutae Petropoli anno 1742, auctore Georgio Wolffr. Krafft).

Le 5 fevrier. Le ciel s'est couvert l'après midi ce qui a empeché d'observer les hauteurs du soleil correspondantes à celles que l'on avait pris le matin; c'est pourquoi on n'a pas rapporté ici celles du matin.

(Рукопись Пулковской Обсерваторіи подъ заглавіемъ: Observations. . . . à Petersbourg dep. le 17 janv. 1741 jusqu'à 31 aoust 1743).

Ст. 65—66. Но мещетъ вверьхъ огни горящи,
И въ самыхъ облакахъ свѣтящи.

Относится къ фейерверку по случаю празднованія дня рожденія герцога Шлезвигъ-Голштинскаго.

Ст. 85—90. Рит. I. § 112: «Вымыслъ есть чрезъестественное изображеніе предлагаемой матеріи, что бываетъ слѣдую-

щими образы: Когда предлагаемая персона или вещь представляется на чрезъестественномъ мѣстѣ. н. п.

Я Дѣву въ солнцѣ зрю стоящу.
Рукою отрока держащу.
И купно всю Россію съ нимъ.
Украшена вездѣ звѣздами,
Разитъ перуномъ въ низъ своимъ
Гоня противности съ бѣдами.

Ст. 111 — 117. Рит. I. § 111: «Разговоръ есть фигура, чрезъ которую отсутствующимъ персонамъ какъ присутствующимъ, усопшимъ равно какъ живымъ, и бездушнымъ вещамъ какъ одушевленнымъ, рѣчь придается. н. п.

Гласитъ предъ ней стоя Россія,
Склонившись къ ней верьхомъ своимъ:
Тебѣ я дамъ плоды земныя
И купно подданнымъ твоимъ.
Тебѣ я оныхъ кровь питаю,
Горячесть въ ихъ серца влагаю,
Чтобъ ону за тебя пролить.

На страницахъ тогдашнихъ газетъ появилось описаніе иллюминаціи, о которой Ломоносовъ упоминаетъ въ своей одѣ: подобныя описанія составлялись въ ближайшей къ нему средѣ.

«Описаніе иллуминаціи и фейэрверка, которые по всемилостивѣйшему повелѣнію Ея Императорскаго Величества Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія Великія Государыни Елисаветы Петровны Императрицы и Самодержицы Всероссійскія и прочая, и прочая, и прочая, въ высокоторжественный день рожденія Его Королевскаго Высочества Свѣтлѣйшаго Князя и Государя Петра владѣтельнаго Герцога Голштейнъ Готторпскаго въ Санктпетербургѣ 10 Февраля 1742 года представлены были.

Ничто вѣрнымъ подданнымъ Россійской имперіи радостнѣе того случиться не можетъ, что дражайшей ихъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ бываетъ радостно. Чѣмъ бо́льшее удовольствіе чувствуетъ Ея Императорское Величество, тѣмъ бо́льшее дѣйствіе радости и въ сердцахъ оныхъ людей происходитъ, которые подъ Ея защищеніемъ безмятежное имѣютъ жительство. Сіе отъ первой оной радости раждаю-

щееся слѣдствіе долженствуетъ быть толь праведнѣе и нужнѣе, чѣмъ основательнѣе есть ихъ взаимное соединеніе. Но что способнѣе можно усмотрѣть, какъ самое сіе соединеніе, и что съ бо́льшимъ удовольствіемъ познавается, какъ толь благопоспѣшное дѣйствіе?

Всякая радость раждается отъ полученія благополучія; и гдѣ есть подлинное благополучіе, тамъ и праведной радости не быть не можно. Но существо благополучія долженствуетъ состоять во всегдашнемъ удовольствіи, а всегдашнее удовольствіе во обладаніи и разсужденіи многихъ совершенствъ или многаго добра.

Ктожъ не видитъ, что всѣ вышеобъявленныя части соединены съ нынѣшнимъ днемъ, которому посвящено всерадостное воспоминовеніе высокаго рожденія Его Королевскаго Высочества Свѣтлѣйшаго Герцога Голштинскаго Петра, достойнѣйшаго Внука Его Императорскаго Величества Петра Великаго и Императрицы Екатерины, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти? Кто не познаваетъ, что при семъ случаѣ и Ея Императорское Величество наша Всепресвѣтлѣйшая и Всемилостивѣйшая Государыня особливое удовольствіе и происходящую отъ того высокую радость чувствуетъ? И кто напослѣдокъ въ своемъ вѣрномъ сердцѣ не ощущаетъ, что отъ тогожъ случая всерадостное веселіе, на подобіе теплыхъ солнечныхъ лучей въ пріятные весенніе дни, по всей Россіи распространяется.

И подлинно, благополучная Россія имѣетъ праведную причину радоваться всему, что ея дрожайшей Императрицѣ радостно быть можетъ. Ибо что иное можетъ Ея Императорское Величество обрадовать, какъ не то, что къ благополучію государства и всѣхъ онаго жителей склоняется? Неоцѣненное здравіе и всегдашнее благоденствіе подаютъ праведную причину къ удовольствію и радости Ея Императорскаго Величества. Но ты, о вѣрная Россія, чувствуешъ отъ того благословенное дѣйствіе къ твоему благополучію: ибо чрезъ то получаешъ ты исполненіе наиревностнѣйшихъ твоихъ желаній, и основаніе крайняго твоего удовольствія и наисправедливѣйшія радости. Время правленія толь многихъ миліоновъ людей кажется Ея Императорскому Величеству по Ея трудолюбію и бодрости вмѣсто веселія, а неусыпное попеченіе о отправленіи толь многихъ и важныхъ государственныхъ дѣлъ вмѣсто пріятной забавы. Но кому жъ крайнее веселіе и наипріятнѣйшее удовольствіе отъ того происходитъ, ежели не тебѣ, благополучнѣйшая Россія? Твоя Великая Императрица послѣдуетъ съ радостію стопамъ Великаго ЕЯ Государя Родителя; съ радостію производитъ Она великія его и героичныя дѣла̀, и съ радостію исполняетъ его полезныя отечеству намѣренія. Но ты, оживотворенная Россія, отъ того видишъ совершенно, что и къ твоей радости веселыя времена Петра Великаго паки возвращаются: отъ того усматриваешъ ты съ радостію утвержденіе твоей силы и вящшее прославленіе твоего имени.

Коликое же внутреннее удовольствіе не является и на всепріятнѣйшемъ лицѣ Ея Императорскаго Величества нашей дражайшей Матери отечества, а особливо въ нынѣшній день! Сія радость происходитъ по истиннѣ отъ такого основанія, которое паки основаніемъ есть

и общей всѣмъ намъ радости, какъ при воспоминаніи прошедшихъ такъ и при разсужденіи будущихъ временъ. Ея Императорское Величество имѣетъ нынѣ оное давно желанное удовольствіе, что въ персонѣ Его Королевскаго Высочества Герцога Голштинскаго видитъ высокую оную особу, къ которой наисладчайшая надежда въ крайнемъ удовольствіи ужè давно склонялась. Зеленѣющаяся вѣтвь почти ужè несохшаго высокаго корени Великаго Петра стоитъ въ полномъ своемъ цвѣтѣ, и желаніе Великія Императрицы о благостояніи сея дражайшія Княжескія вѣтьви удовольствія своего въ отдаленныхъ извѣстіяхъ о семъ единомъ токмо внукѣ Петра Великаго искать нужды нынѣ не имѣетъ. Ея Императорское Величество имѣетъ ужè сію радость, что совершенное подобіе любезнѣйшія своея Государыни Сестры всегда видѣть, и о высокомъ достоинствѣ онаго собственною своею высочайшею особою засвидѣтельствовать можетъ. Но сіе высокое удовольствіе нынѣ тѣмъ чувствительнѣе, и праведная сія радость тѣмъ совершеннѣе есть, что вскорѣ по всерадостномъ прибытіи Его Королевскаго Высочества и оный наступилъ день, въ который Его Высочество къ высочайшему обрадованію Ея Императорскаго Величества за четырнатцать лѣтъ предъ симъ въ свѣтъ происшелъ. О день достопамятный! день веселія и праведныя радости о достопамятномъ числѣ лѣтъ, которыя Его Королевское Высочество ужè щастливо препроводилъ, и которыя по разсужденію мудрой древности почитаются за щастливыя степени многихъ еще впредь ожидаемыхъ! Ибо по мнѣнію глубокой въ разсужденіяхъ своихъ Пиѳагоровой секты утверждается, что ежели кто священное седмеричное число лѣтъ дважды здраво, бодро и щастливо ужè препроводилъ, того и умноженіе оныхъ, то есть многіе степенные годы, въ здравіи, благопоспѣшествѣ и въ щастіи ожидаютъ.

Самая сія радостная надежда такого вожделѣннаго исполненія, и вышепоказанное основаніе такой надежды, которое съ толь многими знаками многихъ являющихся въ Его Королевскомъ Высочествѣ совершенствъ ужè соединено, производитъ и въ матерпнскомъ сердцѣ Ея Императорскаго Величества, (которая о будущемъ благостояніи имперіи толикоежъ попеченіе имѣетъ, какъ и о настоящемъ спокойствѣ и благопоспѣшествѣ онаго, а о благополучіи будущихъ въ Россіи временъ толикоежъ прилагаетъ старательство какъ и о настоящей безопасности и славѣ,) особливо въ нынѣшній день тѣмъ паче несравненную и совершенную радость, чѣмъ бóльшую надежду Ея Величество на умножающіяся совершенства Его Королевскаго Высочества своего дражайшаго Племянника полагать изволитъ.

Сія высокая радость Ея Императорскаго Величества склоняется къ наисовершеннѣйшей радости и всея имперіи. Вѣрная Россія почитая съ глубочайшимъ подобострастіемъ и любовію въ свѣтлѣйшемъ Внукѣ Великаго своего Монарха и распространителя всѣ отъ высокаго рожденія Его Королевскаго Высочества происходящія превосходныя свойства пріемлетъ съ крайнею радостію участіе въ сей праведной радости, которая ей и къ будущимъ благополучнымъ временамъ великую ужè подаетъ надежду; а для публичнаго и очевиднаго показанія своего

о семъ, особливо же о нынѣшнемъ торжественномъ дни, радостнаго чувствія и искренняго желанія, представляетъ она великолѣпную иллуминацію и фейэрверкъ слѣдующаго содержанія:

А именно показывается при наступающей ночи на обыкновенномъ для иллуминаціи построенномъ театрѣ увеселительной садъ съ цвѣтниками, посреди которыхъ находится бассейнъ съ свѣжею водою, а около онаго въ надлежащихъ мѣстахъ четырнатцать горшковъ съ молодыми цвѣтущими деревцами. По сторонамъ видны аллеи изъ зеленыхъ пальмовыхъ деревъ, у которыхъ вершины между собою соединяются такимъ образомъ, бутто бы оныя аллеи изъ многихъ зеленѣющихся и нарочно въ знакъ чести устроенныхъ воро́тъ состояли, причемъ на переднихъ воро́тахъ, или надъ входами въ оныя аллеи, употреблены вмѣсто гзымзовъ герцогскія шапки. Въ срединѣ у задней стороны въ главномъ проспектѣ показанъ увеселительный домъ съ выходами къ помянутымъ зеленымъ аллеямъ; а для входу въ сіе великолѣпное зданіе здѣлано пространное крыльцо о четырнатцати ступеняхъ, изъ которыхъ при первой поставлены у перилъ на пѣдесталахъ двѣ статуи представляющія Любовь и Достоинство, яко предводительницъ къ оному зданію. Впрочемъ изображено надъ дверьми сего удивительнаго дому имя Его Королевскаго Высочества, украшенное по сторонамъ пальмовыми вѣтьвями, на самой вершинѣ поставлена Герцогская шапка, а по сторонамъ надъ столбами сверьхъ гзымзовъ сосуды съ жертвеннымъ ѳиміамомъ, въ знакъ вѣрныхъ Нашихъ желаній о исполненіи того, что чрезъ вышеобъявленныя части показано.

Фейэрверкъ представляетъ театру подобное мѣсто, окруженное снаружи регулярнымъ крѣпостнымъ строеніемъ въ бѣломъ огнѣ, на которомъ, также и со всѣхъ сторонъ около онаго, употреблены всякіе роды простыхъ и сложенныхъ огней. Внутри поставлено по обѣимъ сторонамъ четырнатцать пирамидъ Герцогскими шапками и вензловымъ именемъ Его Королевскаго Высочества Герцога Голштинскаго украшенныхъ, которыя къ задней части фейэрверка, или къ главному на планѣ представленному изображенію въ театральномъ проспектѣ простираются. А именно оной главной планъ показываетъ пальмовое дерево нѣсколькихъ лѣтъ, при корени щитъ съ вензловымъ именемъ Его Императорскаго Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго, а вверьху между вновь произрастшими вѣтвями щитъ съ именемъ Его Королевскаго Высочества Петра Свѣтлѣйшаго Герцога Голштинскаго имѣющее. Съ другой стороны стои́тъ притомъ Россія съ государственнымъ гербомъ, въ видѣ величественной и бодрой жены, одною рукою радостное знамя съ именемъ Великія своея Императрицы Елисаветы держащія, а другою показывающія на оное пальмовое дерево съ слѣдующею акибы отъ нея самой произнесенною надписью:

ВОЗРАСТАЙ.

(Примѣчанія къ Вѣдомостямъ. Часть 13 и 14. стр. 48—55).

VIII.

ТЕКСТЪ.

С. I. — Собраніе сочиненій Ломоносова. 1751. Книга первая Оды похвальныя. Ода 7. стр. 130 — 137.

Вторая редакція оды VII. Прибавлены строфы шестая и седьмая; первыя пять строфъ соотвѣтствуютъ одна другой въ обѣихъ редакціяхъ; шестая строфа первой редакціи соотвѣтствуетъ восьмой строфѣ второй редакціи, седьмая — девятой, восьмая — десятой, девятая — одиннадцатой, десятая — двѣнадцатой, одиннадцатая — тринадцатой и двѣнадцатая — четырнадцатой. Строфы обозначены цыфрами.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова. 1751 г. Заглавіе: «Ода 7. На прибытіе Его Императорскаго Высочества Пресвѣтлѣйшаго Государя Великаго Князя Петра Ѳеодоровича въ Санктпетербургъ изъ Голстиніи. Писана чужою рукою. Состоитъ изъ четырнадцати строфъ; порядокъ строфъ не обозначенъ цыфрами.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова. 1746—1747 г.

 *

Рит. III.—Риторика Ломоносова, изд. 1748 г.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова. 1759 г.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова 1757. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 9. стр. 121 — 127. Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 2. Премудрымъ Вышняго судьбамъ, (С. II.)
Ст. 3—4. Россїя, что отъ зла спасенна
И зритъ конецъ своимъ бѣдамъ. (Р.)
Ст. 7. Избавивъ ту отъ странныхъ рукъ (Р.)
Ст. 9—10. Что къ нимъ Того приходитъ внукъ
Прекрасной Анною рожденный. (Р.)
Ст. 45. Уже для твоего блаженства (Р., Рит. II, III и IV. § 217).
Ст. 46. Въ немъ зрѣютъ всяки совершенства (Р.)
Въ немъ спѣютъ всяки совершенства. (Рит. II. § 217).
Добротъ въ немъ спѣютъ совершенства. (Рит. III и IV. § 217).
Ст. 67. И молитъ щедры небеса: (Р.)
Ст. 76. Чего всѣ вѣрны ожидаютъ. (Р.)
Ст. 79. Весну пріятну обѣщалъ, (Р.)
Ст. 83. Онъ всей забавы не вмѣщаетъ (Р.)
Ст. 93. Восходитъ выше смертныхъ части (С. II.)
Онъ всей отрады не вмѣщаетъ (Рит. II, III и IV. § 196).
Ст. 103. Видѣніе мой умъ возводитъ (Рит. II, III и IV. § 161).
Ст. 104. Превыше Тессалїйскихъ горъ! (С. II.)
Въ заглавіи: „Феодоровича“ вмѣсто „Ѳеодоровича“. (С. II.)

Ст. 41—46. Приводятся (съ указанными варіантами) Ломоносовымъ въ примѣръ риторической фигуры, называемой *Обращеніе:* Обращеніе есть, когда слово обращаемъ къ другому лицу подлинному или вымышленному, отъ того, котораго само настоя-

щее слово требуетъ. Сея великолѣпныя, сильныя и слово оживляющія фигуры довольно есть примѣровъ. . . Сею фигурою можно совѣтовать, засвидѣтельствовать, обѣщать, грозить, хвалить, насмѣхаться, утѣшать, желать, прощаться, сожалѣть, повелѣвать, запрещать, прощенія просить, оплакивать, жаловаться, просить, повелѣвать, сказывать, толковать, поздравлять, и проч. того, къ кому слово отъ предложенной матéріи обращается, и проч.; напр. Обращеніе чрезъ удивленіе (съ удивленіемъ):

О коль велика добродѣтель
Въ Петровыхъ нѣжныхъ дняхъ цвѣтетъ!
Коль славенъ сѣвера владѣтель
Въ тебѣ, Россія, возрастетъ!
Уже для твоего блаженства
Въ немъ спѣютъ всяки совершенства.
(Рит. II, III и IV. § 217).

Ст. 55—57: Петрополь по Тебѣ терзался,
Когда съ Тобою разлучался
Еще въ *зачатіи* Твоемъ.

Мать Петра III, герцогиня Анна Петровна, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, герцогомъ голштинскимъ, уѣхала изъ Петербурга въ Киль 25 іюля 1727 года, а черезъ шесть съ половиною мѣсяцевъ, именно 10 февраля 1728 года, родился у нея сынъ Петръ (впослѣдствіи императоръ Петръ III).

Въ одѣ Ломоносова на возшествіе на престолъ императора Петра III «отходящая въ вѣчность» императрица Елисавета Петровна говоритъ своему царственному преемнику о его матери (Ст. 41—44):

Когда я съ Нею разлучалась
И въ ложеснахъ Ея съ Тобой
Коль горестно тогда терзалась,
Отчаянна въ судьбинѣ злой. . .

Ст. 58—60. Стиховъ этихъ нѣтъ въ первомъ изданіи (editio princeps); но въ Риторикѣ они приводятся въ примѣръ «емфазиса» съ слѣдующимъ поясненіемъ: «Емфазисъ есть, когда дѣйствіе или состояніе вещи не прямо изображается, но разумѣется изъ другаго, и чрезъ то великолѣпно возвышается, что бываетъ по обстоятельствамъ, напримѣръ:

Ст. 58—60. Сердца жалѣньемъ закипѣли,
Когда подъ дерсскимъ кораблемъ
Балтійски волны побѣлѣли.

Побѣлѣніе волнъ есть обстоятельство бѣгущаго по морю корабля, чрезъ которое здѣсь скорое онаго теченіе разумѣется. (Рит. II, III и IV. § 195.)

Ст. 61—67. Державинъ приводитъ эти стихи въ примѣръ *нѣжнаго* вдохновенія. «Вдохновеніе раждается прикосновеніемъ случая къ страсти поэта, какъ искра въ пеплѣ, оживляясь дуновеніемъ вѣтра. Въ прямомъ дуновеніи нѣтъ ни связи, ни холоднаго разсужденія; оно даже ихъ убѣгаетъ и въ высокомъ пареніи своемъ ищетъ только живыхъ, чрезвычайныхъ, занимательныхъ представленій. Отъ того-то въ превосходныхъ лирикахъ всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выраженіе, то высокое, то пламенное, то сильное, или особую краску и пріятность въ себѣ имѣющую. . . . . Исчислять всѣ виды вдохновленія было бы весьма пространно; но вотъ нѣкоторые примѣры. . . . . Нѣжнаго:

Какъ мать стенаньемъ и слезами
Крушится о́ сынѣ своемъ,
Что онъ противными вѣтрами
Отгнанъ живетъ въ краю чужемъ.
Она минуты всѣ щитаетъ,
На брегъ по всякой часъ взираетъ,
И проситъ щедры небеса.

(Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота. 1872. Т. VII. стр. 528.)

Ст. 81—90. Коликой славой днесь блистаетъ,
Сей градъ въ прибытїи Твоемъ!
Онъ всѣхъ веселїй не вмѣщаетъ
Въ пространномъ зданїи своемъ;
Но воздухъ наполняетъ плескомъ,
И нощи тьму отъемлетъ блескомъ.
Ахъ естьлибъ нынѣ Россовъ всѣхъ
Къ Тебѣ горяща мысль открылась;
Тобъ мрачна ночь отъ сихъ утѣхъ
На вѣчный день перемѣнилась.

Приводятся Ломоносовымъ въ примѣръ гиперболы: «Иперабола есть повышеніе или пониженіе слова невѣроятное, которое употребляется для напряженія, напримѣръ: *бѣгъ скорѣйшій вихря и молніи; звѣздъ касающійся Атлантъ; изъ цѣлыхъ горъ иссѣченные храмы.* Сюда принадлежитъ и слѣдующее: «Коликой славой днесь блистаетъ» и т. д. (Рит. II, III и IV. § 196).

Державинъ приводитъ эти стихи въ примѣръ «*вдохновенія радостнаго*». (Сочиненія Державина VII. стр. 525).

Ст. 81—86. Екатерина пользуется этими стихами въ своемъ драматическомъ произведеніи: «Начальное управленіе Олега». (Дѣйствіе V. Явленіе 1. Первый хоръ.)

Ст. 101—107. Но спѣшно толь куда восходитъ
Внезапно мой плѣненный взоръ?
Видѣнїе мой духъ возводитъ
Превыше Ѳессалїйскихъ горъ!
Я Дѣву въ солнцѣ зрю стоящу
Рукою Отрока держащу
И всѣ страны полночны съ нимъ.

Ломоносовъ приводитъ эти семь стиховъ въ своей Риторикѣ: «Седьмой способъ къ составленію вымысловъ есть преложеніе

съ мѣста на мѣсто, или изъ одного времени въ другое. Перьваго примѣры суть: похищенная Плутономъ Прозерпина, между звѣздами вмѣщенная Аріаднина корона, Касторъ и Поллуксъ и другіе; также и слѣдующіе: «Но спѣшно толь куда восходитъ» и т. д. (Рит. II, III и IV. § 161.)

Ст. 105 — 106. Державинъ: «*Околичности*, вмѣщенія, или переходы къ какой-либо другой матеріи сходственны качествомъ своимъ воспѣваемому предмету. Они употребляются въ такомъ случаѣ, когда изящность побочнаго содержанія, вдругъ встрѣчая, увлекаетъ поэта; или неплодовитость своего собственнаго побуждаетъ его искать въ другомъ мѣстѣ обогащенія ему. Околичностей, или вводовъ таковыхъ эстетики полагаютъ два рода: первый въ текстахъ священнаго писанія, или какихъ либо премудрыхъ изреченіяхъ людей великихъ (апофоегмахъ), или общихъ истиннахъ (аксіомахъ); другой историческій или басенный. Можно бы, кажется, прибавить астрономическій или астрологическій, заимствуя оный изъ небесныхъ знаковъ или явленій, которыми поэтъ мнѣніе свое подкрѣпляетъ. Послѣднія приличествуютъ болѣе лирику, потому что поэзія вящше украшается вымыслами. Околичностями болѣе всѣхъ изобилуетъ Пиндаръ». Вотъ примѣры: Астрономическій, или астрологическій:

Я Дѣву въ солнцѣ зрю стоящу
Рукою Отрока держащу.

(Сочиненія Державина VII. стр. 557—559.)

Ст. 121–124. Млекомъ и медомъ напоенны
Тучнѣютъ влажны берега,
И яснымъ солнцемъ освѣщенны
Смѣются злачные луга.

Державинъ (VII, 529) приводитъ эти стихи въ примѣръ «*пріятнаго* вдохновенія».

IX.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, двѣнадцать ненумерованныхъ страницъ: на первой—заглавіе; на остальныхъ, начиная съ третьей — ода. Передъ началомъ текста оды гравированная на мѣди виньетка съ прямоугольными сторонами. Средину занимаетъ стоящая фигура Императрицы Елисаветы Петровны, съ небольшою короною въ волосахъ, держащая въ правой рукѣ скипетръ. Лѣвая и нижняя части фигуры заслонены стоящимъ впереди камнемъ въ видѣ скалы, съ надписью: Iuvante numine. Вокругъ камня разбросаны чертежные инструменты: два циркуля, линейка, наугольникъ, мѣра. Позади видъ на Неву съ частью набережной Васильевскаго Острова и зданіями Академіи наукъ; правѣе Петропавловская крѣпость. Все озаряется лучезарнымъ солнцемъ. Рамкой виньетки служатъ арматуры и атрибуты наукъ, искусства и торговли, именно, съ правой стороны—глобусъ, теллурій, компасъ, книги, арфа, палитра, кисти, циркуль, жезлъ Меркурія и монеты; съ лѣвой стороны—шлемъ, обвитый лаврами, щитъ, лукъ, колчанъ со стрѣлами, знамена, мечъ, пушка и ядра. Средину нижней стороны занимаютъ: щитъ, воинскія трубы, лавровая и пальмовая вѣтви. По бокамъ штандарты, обвитые—одинъ лаврами, другой—гирляндою изъ пальмовыхъ вѣтвей съ буквами *P* и *E* на стягѣ, соединяются съ верхнею частью рамки, образуемой криволинейнымъ орнаментомъ,

подъ которымъ паритъ двуглавый орелъ, держащій въ когтяхъ императорскую корону и скипетръ. Съ правой стороны, подъ виньеткою, подпись: «Вырѣзалъ Іванъ Соколовъ». Въ концѣ оды — заставка («кончикъ», cul-de-lampe) въ видѣ орнаментальнаго кронштейна, на которомъ сидитъ двуглавый, какъ бы раздвоенный орелъ, на груди котораго щитъ съ изображеніемъ простертой изъ облаковъ руки, держащей императорскую корону. Щитъ окруженъ лентою ордена св. Андрея Первозваннаго съ его знакомъ, спускающеюся съ шеи двуглаваго орла. Поверхъ щита императорская корона и два скипетра, а подъ ними лента съ надписью: Dat et Aufert. По сторонамъ орла два сфинкса, изъ которыхъ правый положилъ лапу на лиру, а лѣвый держитъ музыкальный треугольникъ. Подъ заставкою, съ правой стороны, подпись: «Вырѣзалъ Иванъ Соколовъ».

Ода Юнкера на коронованіе императрицы Елисаветы Петровны читана была авторомъ въ торжественномъ собраніи академіи наукъ 29 апрѣля 1742 года. Въ томъ же собраніи произнесены были двѣ рѣчи: первая — академикомъ Крафтомъ, вторая — академикомъ Вейтбрехтомъ. Въ современномъ описаніи академическаго празднества говорится: «Торжественный тотъ день, въ который всеавгустѣйшая императрица всероссійская Елисавета Первая корону въ Москвѣ воспріять изволила, хотя и по всей Россіи радостенъ былъ: однакожъ обыватели города Санктпетербурга особливо съ несказаннымъ изъявленіемъ своея радости оный проводили. Между такими всеобщими восклицаніями за должность почитала и Академія наукъ, что бы засвидѣтельствовать истинное свое къ Августѣ усердіе какимъ возможно веселія знакомъ. Сего ради по установленію Петра Великаго назначила быть публичному собранію въ 29 день апрѣля; которое уже чрезъ нѣсколько лѣтъ было оставлено. Такое дѣйствіе, отчасти новостію своею, а отчасти матеріею; о которой рѣчь въономъ собраніи была; тѣмъ наипаче къ удовольствію слышателей представлено было, чемъ большее число охотниковъ къ Наукамъ, а особливо знатныхъ особъ изъ Генералитета, присудствіемъ

своимъ почтить оное изволили. Съ нача́ла онаго собранія Георгъ Волфгангъ Крафтъ, Професоръ Эксперїментальной и Теоретїческой Физики, по принесеніи наивѣрнѣйшихъ желаній Ея Імператорскому Величеству, говорилъ рѣчь на Латинскомъ языкѣ о изобрѣтенномъ недавно во Франціи такомъ Клавикордѣ, которой служить можетъ не для увеселенія ушей, но для увеселенія глазъ человѣческихъ; причемъ старался онъ разрѣшить по физическимъ основаніямъ сей вопросъ: *Могутъ ли цвѣты, извѣстнымъ нѣкоторымъ образомъ расположенные, произвести въ глазахъ глухаго человѣка согласїемъ своимъ такое увеселенїе, какое мы чувствуемъ ушами изъ пропорцїональнаго расположенїя тоновъ въ Музыкѣ?* На сїе отвѣтствовалъ именемъ всея Академїи Іосїасъ Вейтбрехтъ, Медицины Докторъ и Професоръ Физїологїи».

Въ рѣчи Крафта помѣщены стихи, переводъ которыхъ приписывается Ломоносову на томъ основаніи, что въ тѣ времена только Ломоносовъ могъ написать подобные стихи. Приводимъ ихъ въ подлинникѣ и въ переводѣ:

Audiat coeli genitor, solique,
Quas preces fundit pietas, benique, et
Turbidi Martis gladium menacem
Condat abysso.

Ut regat sceptro patrio quietas
Incolas Augusta, per universos,
Qua patet late populosa in ortum
Russia, tractus;

Ut statae messes veniant aristis;
Nec sit infidum ratibus secandum
Aequor; ut Musis maneant Boreis
Otia tuta.

(Sermones in solenni Academiae scientiarum Imperialis conventu die XIX aprilis anni MDCCXLII publice recitati. стр. 4).

Творецъ всѣхъ, неба и земли
Услыши вѣрной гласъ Науки!
Нестройный Марсовъ мечь растли;
Подай Самъ Жезлъ покоя въ руки.
Да правитъ тѣмъ Августа всѣхъ.
Да зритъ на весь востокъ въ успѣхъ.
Пусть спѣютъ жатвы въ день надежный
И въ морѣ намъ покой живетъ
Когда по немъ корабль плыветъ.
При томъ дай Музамъ плодъ полезный.

(Рѣчи, которыя въ публичномъ собраніи Императорской Академіи наукъ читаны были апрѣля 29 дня 1742 года. Переведены съ Латинскаго языка чрезъ Григорья Теплова Натуральной Гісторіи Адъюнкта. стр. 3).

Въ академической рукописи № 138 тѣже стихи съ нѣсколькими варіантами:

Творецъ всѣхъ неба и земли
Услыши вѣрный гласъ науки!
Грозящій Марсовъ мечь возми,
А скипетръ дай Августѣ въ руки.
Да правитъ тѣмъ покойно всѣхъ,
Да зритъ на весь Востокъ въ успѣхъ.
Пусть спѣютъ жатвы въ день надежный.
А смѣлъ купецъ товаръ везетъ
Какъ вѣтръ по морю къ намъ;
При томъ дай Музамъ плодъ полезный.

По окончаніи рѣчей академиковъ Крафта и Вейтбрехта «Надворный Камерный Совѣтникъ и почетный членъ Академіи, Готлобъ Фридрихъ Вильгельмъ Юнкеръ, читалъ на Нѣмецкомъ языкѣ похвальные стихи Ея Императорскому Величеству, Всероссійскую Императорскую корону воспріявшей. Такимъ образомъ дѣйствіе къ удовольствію всѣхъ слышателей окончалося».

(Рѣчи 29 апрѣля 1742 года. Къ читателю).

Ода на коронацію императрицы Елисаветы Петровны считалась въ свое время однимъ изъ лучшихъ произведеній Юнкера. Продолжатель Миллера Стриттеръ говоритъ: Einige tage nach der in Moskau vollzogenen krönung hielt die kaiserl. academie der wissenschaften zu St. Petersburg den 29 april wegen dieser glücklichen begebenheit eine öffentliche feierliche versammlung, wozu dieselbe den 27 april durch ein programm in lateinischer sprache einladen liess. . . Das gedicht des herrn hofkammerrath Juncker, dessen in dem programm gedacht wird, und welches an schönheit seine übrigen gedichte übertreffen soll, wurde bei academie gedruckt.

(Матеріалы для исторіи Императорской Академіи наукъ. 1890. Т. VI, стр. 548—550).

Академія наукъ сочла нужнымъ ознакомить общество съ тѣмъ, что происходило во время коронаціи. Въ академическомъ изданіи говорится:

«При случаѣ благополучно совершившагося высокаго коронованія Ея Императорскаго Величества, нашея всемилостивѣйшія Государыни, напечатаны разные похвальные стихи, рѣчи и другія сему подобныя сочиненія, которыя можетъ быть еще не во всѣхъ рукахъ находятся. Чего ради надѣемся мы благосклоннымъ нашимъ читателямъ показать не непріятную услугу, когда оныя всѣ здѣсь отъ сло́ва до слова сообщимъ. Нача́ло тому учинитъ слѣдующее описаніе фейэрверка, которой въ Императорскомъ столичномъ городѣ Москвѣ во окончаніе бывшаго послѣ коронаціи торжества, въ присутствіи бесчисленнаго множества смотрителей зажженъ былъ.

Изображеніе и изъясненіе фейэрверка и иллуминаціи, которые по благополучно совершившемся Апрѣля 25 дня 1742 году высокомъ помазаніи и коронованіи Ея Величества Всепресвѣтлѣйшія, Державнѣйшія, Великія и Непобѣдимыя Государыни Елисаветы Петровны Императрицы и Самодержицы Всероссійскія, и прочая, и прочая, и прочая при прочихъ публичныхъ увеселеніяхъ предъ домомъ Ея Императорскаго Величества въ Москвѣ зажжены были.

Всерадостное и давно желанное коронованіе Ея Императорскаго Величества всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія и непобѣдимѣйшія Государыни Елисаветы Петровны, достойнѣйшія Императрицы и Самодержицы Всероссійскія, и прочая, и прочая, и прочая, производитъ въ сердцахъ вѣрныхъ жителей сея великія имперіи толь многія пріятныя и увеселительныя чувствія, которыя всѣ совокупно рѣтко, то есть токмо при всеобщей и высочайшей радости о полученіи всѣхъ желаемыхъ и совершеннѣйшихъ благополучій являются. Удивленіе и почитаніе, любовь

и надѣяніе, удовольствіе и радость, веселіе и восклицаніе, надежда и твердое упованіе, сердечное желаніе и вѣрность возбужденныхъ нынѣ подданныхъ щедротнѣйшія сея Монархини почти незапно окружаютъ и каждое изъ оныхъ при семъ наиважнѣйшемъ приключеніи съ веселіемъ оказать себя поспѣшаетъ.

Коль пріятное смѣшеніе радостныхъ чувствій! которыхъ начáло праведно, а конецъ благополученъ. Они раждаются отъ прошедшаго, являются въ настоящемъ, а простираются до всего будущаго.

Давно ужѐ прошедшее время въ высокихъ дарованіяхъ Ея Императорскаго Величества наивысшихъ степеней человѣческаго высочества достойнѣйшую Принцессу показало. Какъ ни скрывали умѣренныя Ея поступки природное Ей величество, однакожъ общее всѣхъ признаніе и удивленіе могло оное всегда съ наиглубочайшимъ почитаніемъ усматривать. Давно ужѐ въ прошедшіе годы натуральная справедливость и неспоримое всѣхъ народовъ право единой токмо законной наслѣдницѣ, достойнѣйшей Дщери Великаго Петра, отеческое Ея государство назначило и матерній престолъ, корону и скипетръ Ей опредѣлило. Давно ужѐ наичувствительнѣйшая любовь подданныхъ къ Ея Императорскому Величеству желала исполненія сея справедливости. Давно ужѐ вѣрная надежда возвышенія сея достохвальнѣйшія Императорскія Дщери съ нетерпимымъ желаніемъ ожидала, и притомъ несомнѣннымъ утѣшалась и подкрѣплялась упованіемъ, что врожденныя Ея Императорскому Величеству и къ коронѣ и скипетру устроенныя дарованія престола долго лишаться ужѐ не могутъ. Давно также ужѐ и ревностная вѣрность того желала, чтобъ ея желанія исполнились, чтобъ достойнѣйшая сія Принцесса Императорскою увѣнчалась короною, чтобъ имперія законную себѣ получила Императрицу, а подданные щедротнѣйшею Мáтерію отечества обрадованы были.

И такъ когда храбрая Елисавета на прародительскій свой взошла престолъ, и чрезъ то Россійскую имперію на толь высокую степень истиннаго вознесла удовольствія, коликимъ высочествомъ Ея Императорское Величество всѣхъ прочихъ людей превосходитъ; когда на помазанной главѣ всепресвѣтлѣйшія Императрицы Императорская корона въ такомъ сіяніи является, которое чрезъ нѣсколько времени въ мракѣ лежавшую Россію паки просвѣщаетъ; когда Россійскій скипетръ и государственный мечь крѣпкою рукою всемилостивѣйшія Императрицы и великодушныя Монархини содержатся, и Ея Императорское Величество съ общимъ всего свѣта поттвержденіемъ сама о себѣ то сказать можетъ, что при изображеніи гранатоваго яблока вмѣсто надписи положить можно, которое хотя и при первомъ всходѣ отъ всемогущаго создателя корону своѝ получаетъ, однакожъ оную не прежде какъ токмо приходя въ совершенную зрѣлость производитъ, и потому природною двоею силою должную себѣ корону бутто само на себя налагаетъ, то есть: Meam mihi reddo coronam, или *свою себѣ налагаю корону*; и когда напослѣдокъ чрезъ дѣйствительное сихъ словъ событіе благополучіе Россійскія имперіи паки совершенно восстановлено и рогъ своего изобилія ужѐ на все государство изливаетъ: то и общая радость съ онымъ

нынѣ соединяется, исполняетъ сердца вѣрныхъ подданныхъ наичувствительнѣйшимъ веселіемъ, возбуждаетъ мысли радостнымъ звукомъ своея трубы, и вмѣсто прежде бывшихъ прискорбныхъ воздыханій, уста всѣхъ людей нынѣ къ радости и торжественному восклицанію отверзаетъ. Олтари уже не дымятся, на которыхъ понынѣ беспрестанно горѣлъ оиміамъ въ тихости произносимыхъ желаніи: но напротивъ того чувствительность благополучныхъ жителей Россійскія имперіи о полученныхъ благодѣяніяхъ созидаетъ Богу благодарственные олтари, а несомнѣнное ихъ упованіе поставляетъ своей короною увѣнчанной Императрицѣ новый искреннихъ желаній жертвенникъ за Ея долголѣтное и неоцѣненное здравіе.

И понеже вышеозначенныя рассужденія о высокомъ помазаніи и коронованіи Ея Императорскаго Величества всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія великія Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны съ внутреннимъ чувствіемъ и публичнымъ признаніемъ всѣхъ вѣрныхъ жителей Россійскія имперіи совершенно согласны, и самымъ дѣломъ отъ всѣхъ обще поттверждаются: того ради приняты оныя отъ насъ за основаніе, увеселительными огнями представленнаго публичнаго изображенія общенародныя радости; потому что въ нихъ знаменованіе аллегорическихъ представленій въ нынѣшнемъ фейэрверкѣ совершенно содержится.

Фейэрверкъ.

Главное представленіе онаго состоитъ изъ одного середняго плана, и двухъ плановъ по сторонамъ поставленныхъ, которые въ перспективномъ расположеніи такъ между собою соединены, что они вмѣстѣ великолѣпной амфитеатръ составляютъ.

Середній планъ показываетъ преизрядной пѣдесталъ съ изображеннымъ на немъ вензловымъ именемъ Ея Императорскаго Величества между двумя орлами подъ Россійскою Императорскою короною.

Съ одной стороны подлѣ онаго пѣдестала сидитъ *Правосудіе*, въ видѣ геніуса, въ одной рукѣ держащаго отвѣсъ а въ другой Императорскій скипетръ, которымъ онъ на помянутой пѣдесталъ, какъ на фундаментъ, на которомъ лежитъ корона, опирается.

Съ другой стороны сидитъ *Храбрость* въ образѣ геніуса латы и шлемъ на себѣ имѣющаго, которой въ одной рукѣ держитъ передъ короною внизъ обращенной государственной мечь, а предъ нимъ лежитъ отломленной марморной столпъ. Отъ центра сего представленія простирается къ обоимъ по сторонамъ стоящимъ планамъ въ архитектурномъ соединеніи великолѣпной амфитеатръ, у котораго по сторонамъ между входами поставлены гранатныя деревья съ плодами въ вышеозначенномъ знаменованіи. Чего ради какъ въ рассужденіи сихъ аллегоричныхъ деревъ и плодовъ, такъ паипаче въ рассужденіи главныхъ свойствъ Ея Императорскаго Величества чрезъ вышепоказанныя изображенія представленныхъ, и въ рассужденіи Императорскія короны, употреблена притомъ въ срединѣ слѣдующая надпись:

Meam mihi reddo coronam.
то есть:
природною короною.

Съ правой стороны помянутаго амфитеатра, то есть *на одномъ изъ стоящихъ по сторонамъ плановъ* видно надъ празднымъ олтаремъ или жертвенникомъ *Благополучіе Россійскія имперіи* въ образѣ лавромъ увѣнчаннаго геніуса на лехкомъ облакѣ сидящаго, которой въ разсужденіи вензловаго имени Ея Императорскаго Величества рогъ изобилія и щастія на Россію изливаетъ, и притомъ слѣдующія слова о Ея Императорскомъ Величествѣ произносить видится:

Illa me restitvit.
то есть:
сія мя возстановила.

Съ лѣвой стороны, или *на другомъ изъ поставленныхъ по сторонамъ плановъ*, оказывается надъ празднымъ жертвенникомъ *Радость имперіи*, въ видѣ носимаго на лехкомъ облакѣ геніуса, и держащаго въ рукѣ сплетеной изъ цвѣтовъ вѣнокъ съ музыкальными инструментами, которой притомъ возноситъ коронованное имя Ея Императорскаго Величества, и въ разсужденіи онаго имени слѣдующую надпись произносить видится:

Haec me revocavit.
то есть:
сія мя возвратила.

Тожъ самое содержаніе, которое представлено на помянутомъ фейэрверкѣ, и въ такомъ же знаменованіи показано пространнѣе разныхъ цвѣтовъ фанарями на новопостроенномъ для иллуминаціи великомъ театрѣ. А именно представляетъ сія иллуминація великую область, которая значитъ Россійскую имперію. Въ срединѣ оной оказывается высокая каменистая гора, на которой по обѣимъ сторонамъ при всходахъ стоятъ кедры, при вершинахъ на подобіе таксусовыхъ деревъ коронами остриженные, и представляющіе вверьхъ восходящую аллею. Два самые верьхніе кедра соединяются вершинами своими на подобіе зеленаго свода, подъ которымъ верьхъ горы показывается такъ какъ изъ камня высѣченой монументъ съ именемъ Ея Императорскаго Величества подъ короною. Подъ сею горою внизу видна малая аллея, простирающаяся до пещеры оной горы, всрединѣ которой сидитъ безопасно двоеглавной орелъ. Вкругъ около оной горы здѣлана преизрядная галерія, у которой верьхи украшены коронами; а по обѣимъ сторонамъ все оное пространство кончится садомъ цвѣтниками наполненнымъ, въ срединѣ

которыхъ на высокой грядѣ видно совершенное гранатовое дерево съ зрѣлымъ гранатовымъ яблокомъ, полную корону имѣющимъ.

Точнѣйшее знаменованіе сея аллегоричнымъ образомъ представленныя иллуминаціи есть слѣдующее: а именно, что по достойномъ и справедливѣйшемъ отъ Ея Императорскаго Величества полученіи престола, и по благополучно совершившемся короновании Ея Величества, вѣрные подданные нынѣ подъ державою Ея Императорскаго Величества, аки подъ твердымъ камнемъ, безопасное жительство имѣютъ, и чрезъ природное Ея Величеству милосердіе и сильное защищеніе дикія дерева въ красныя лавровыя и пальмовыя аллеи, а поля въ пріятные и веселые перемѣняются сады, то есть все въ цвѣтущее и благополучное состояніе приводится, при чемъ за единое токмо украшеніе природною короною красящійся гранатный плодъ, или великая и коронованная Императрица признавается и почитается.

Въ рассужденіи сихъ благополучныхъ обстоятельствъ признаваетъ радостное и несомнѣнное всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ надѣяніе на высочайшую милость и мудрую прозорливость Ея Императорскаго Величества, что всемогущій Богъ ихъ благополучіе чрезъ единое токмо дражайшее и непоколебимое здравіе ихъ всемилостивѣйшія Матери отечества твердымъ, постояннымъ, и совершеннымъ учинить, и высочайшія Ея Императорскаго Величества обрадованному отечеству показанныя заслуги тѣмъ токмо однимъ наградить можетъ. Чего ради вмѣсто всѣхъ всеподданнѣйшихъ и наивѣрнѣйшихъ желаній изъявляетъ оно благодарность свою еще слѣдующимъ образомъ:

Надежда съ правомъ нынь довольны,
Желаніе съ вѣрностью спокойны.
Того Россія токмо ждетъ:
Да ввѣкъ живетъ Елисаветъ!

(Примѣчанія къ Вѣдомостямъ. Часть 47 и 48, стр. 185—192).

X.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныя. Ода I. стр. 49—71. Строфы обозначены цыфрами.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Оды похвальныя. Ода I. На прибытіе Ея Величества Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Санктпетербургъ въ декабрѣ мѣсяцѣ по коронаціи». Строфа 43-я соотвѣтствуетъ строфѣ 44-ой текста, и строфа 44-я строфѣ 43-ей. Строфы не обозначены цыфрами. Ода писана чужою рукою.

Рит. I.—Рукописная Риторика Ломоносова, 1744.

Рит. II.—Рукописная, собственноручная Риторика Ломоносова. 1746—1747.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова, изданная въ Собраніи его сочиненій 1759.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныя. Ода I. стр. 39—56.

Ст. 8. Мрачнѣйша ночь грозитъ врагамъ. (Р.)
Ст. 10. Брега Балтійскихъ водъ трепещутъ. (Рит. II., III и IV. §§ 136 и 203.)
Ст. 11—12. Взлети превыше молній, Муза,
Какъ Пиндаръ быстрый твой орелъ: (С. II).
Ст. 27—30. Внимая гдѣ Елисаветъ;
Но весь едва объемлетъ свѣтъ
Ея повсюду громку славу:
Какъ въ стихъ вмѣстить Тоя державу? (Р.)
Ст. 32. Что тщишься имя воспѣвать (С. II.)
Ст. 39—40. Парящей славой вознесенна
И новымъ блескомъ освѣщенна. (С. II.)
Ст. 75. Тобой поставилъ судъ правдивый, (Р.)
Ст. 78. Тобой добротамъ мзду дарить. (Рит. I. § 93.)
Ст. 115. Напрасно солнце почитаешъ, (Р.)
Ст. 126. Родили лавры намъ зелены. (С. II.)
Ст. 135. Какъ были тѣ за Обь вселенны, (Р.)
За Обскія брега вселенный, (С. II.)
Ст. 136. Хребтомъ Рифейскимъ заключенный (С. II.)
Ст. 140. И съ ней всегда готовы къ брани (Р.)
Ст. 150. Крушитъ враговъ Ея навѣты. (Р.)
Ст. 153. И крѣпкой силою своею (Р.)
Ст. 154. За лѣсъ и рѣки Готовъ жметъ. (Р., С. II.)
Ст. 167. Кичливой ихъ терзая духъ, (Р.)
Ст. 182. Плутонъ, свою являя власть, (Р.)
Ст. 190. На огнь и рвы течетъ съ размаху. (Р.)
Ст. 200. Толь злоба жестоко казнится! (Р.)
Ст. 226. Бѣжитъ сѣдая пѣна рвами. (Р.)
Бѣжитъ кипяща пѣна рвами; (Рит. II. § 235; Рит. III и IV. § 236.)
Ст. 229. Ужѐ надежду отвергаютъ (С. II.)
Ст. 235–236. Единой цѣпью звѣзды свяжетъ
И вспять итти лунѣ прикажетъ. (Рит. I. § 92.)
Ст. 258. Уже простертою рукой (Р.)

*

Ст. 259. Даетъ вамъ мирныя оливы (Р.)
Ст. 261. Хотя бъ вы, Готы, возмутили (Р., Рит. II. § 225. Рит. III. § 229.)
Ст. 263. Хотя бы вы на насъ взбудили (Р.)
Хотя бы противъ насъ взбудили (Рит. II. § 225.)
Хотя бъ на насъ вы возбудили (Рит. III. § 226.)
Ст. 300. И воспѣваютъ пѣсни новы. (С. II.)
Ст. 301. О чистой токъ Невы разливной (Рит. I. § 100.)
Ст. 303—304. Россійской что Богини дивной
Кропишь лице отъ струй твоихъ. (Рит. I. § 100.)
Ст. 306. И быстриной твоею сильно (Р. и Рит. I. § 100.)
Ст. 307—309. Промчись къ вечернимъ вплоть брегамъ,
И большій страхъ вложи врагамъ,
Въ серца и въ слухи имъ внушая, (Рит. I. § 100.)
Ст. 311. Какъ лютый мразъ весна прогнавши, (Рит. II. § 44. Рит. III и IV. § 43.)
Ст. 325. Мнѣ вдругъ ужасный тонъ блистаетъ. (Р.)
Ст. 328. То кротость разумъ мой живитъ! (Рит. II. § 238, Рит. III и IV. § 239.)
Ст. 330. Противна мысль противну гонитъ. (Рит. II. § 238, Рит. III и IV. § 239.)
Ст. 349. Подавъ намъ Ону на утѣху, (Р.)
Ст. 351—354. Но рѣчь ихъ шумный гласъ скрываетъ:
Война при Готскихъ берегахъ
Съ угрюмымъ стономъ возрыдаетъ
И въ дикихъ кроется горахъ: (Рит. II., III и IV. § 219.)
Ст. 355. Покой возлюбленный приходитъ (Рит. II. § 219).
Союзъ возлюбленный приходитъ (Рит. III и IV. § 219.)
Ст. 356. И съ кротостью свой гласъ возводитъ: (Рит. II, III и IV. § 219.)
Ст. 357. Престань прекрасный вѣкъ мутить (Р., II. § 219.)
Ст. 374. Отвергши люту власть твою. (Р.)

Ст. 378. Чрезъ воздухъ, огнь и смерть въ полкахъ, (Р.)

Ст. 391—395. На чтобы ложное Пандоры
Намъ имя межъ Боговъ вмѣстить,
И дать ей всѣхъ доброть соборы
И тѣмъ свои стихи пестрить:
Когда бъ въ сïе мы были время, (Р.)

Ст. 411—414. Когда бы древни лѣта знали
Толику бодрость съ красотой;
Тобъ храмы въ честь Твою создали,
И жертвой чтили бъ образъ Твой. (Рит. II, III и IV. § 153.)

Ст. 427. Не такъ пособныхъ вѣтровъ ждетъ (Рит. II, III и IV. § 71.)

Ст. 429. Какъ серце въ насъ къ Тебѣ пылало. (Рит. I. § 56.)
Какъ сердце наше ожидало, (Рит. II, III и IV. § 71.)

Ст. 430. Чтобъ къ намъ лице Твое сïяло. (Рит. I. § 56, Рит. II, III и IV. § 71.)

Ст. 433. Похвалъ что лавромъ увязенны; (Р.)

Ст. 435—437. Твою къ Петровой Дщери ревность
Ни гнѣвъ стихïй, ни ѣдка древность
Не могутъ въ мракъ забвенья скрыть, (Р.)

Ст. 439. Ея дѣла во свѣтѣ громки, (Р.)

Императрица Елисавета Петровна возвратилась, послѣ коронацiи, изъ Москвы въ Петербургъ 20 декабря 1742 года, пробывши въ Москвѣ почти десять мѣсяцевъ. 22 февраля государыня, вмѣстѣ съ герцогомъ голштинскимъ, выѣхала изъ Петербурга, а 28 февраля происходилъ «торжественный входъ» въ Москву.

«Декабря въ 15-й день. Ея Императорское Величество изволила путь въ Санктпетербургъ по полудни въ первомъ часу воспрiять.

«Декабря въ 18-й день изволила прибыть въ Новгородъ, гдѣ празднованъ день рожденія Ея Императорскаго Величества.

«Декабря въ 20-й день изволила прибыть въ Санктпетербургъ на старый свой дворецъ, что на Смолномъ дворѣ».

(Рукопись Государственнаго Архива. II, 60).

Торжественный въѣздъ въ столицу послѣ коронаціи состоялся по слѣдующей программѣ:

ДИСПОЗИЦІЯ

ВО ВРЕМЯ ШЕСТВІЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1) За день Ея Императорскаго Величества высочайшаго въ Санктпетербургъ прибытія, въ зимній домъ нарядить лейбъ-гвардіи преображенскаго полку одну роту съ знаменемъ.

2) Въ день высокопомянутаго Ея Императорскаго Величества пришествія, поутру въ шестомъ часу по полуночи отъ императорскихъ палатъ къ адмиралтейству и по прешпективой до тріумфалныхъ воротъ, что у Зеленаго мосту, и отъ тѣхъ воротъ по прешпективой къ Казанской, покуда установится гвардія, поставлены быть имѣютъ лейбъ-гвардіи полки въ парадъ по обѣ стороны улицы въ 2 шеренги.

3) Отъ помянутой гвардіи даже до другихъ тріумфалныхъ воротъ, что въ Оничковой, поставлены быть имѣютъ по обѣ стороны прешпективой, обрѣтающіеся въ Санктпетербургѣ полки: ингерманланскій, астраханскій, казанскій, кіевскій, воронежскій, а далѣ тѣхъ воротъ по слободѣ, откуда Ея Императорскаго Величества въѣздъ будетъ.

4) И дабы означенное число полковъ болѣе въ парадѣ было, всѣ стоящіе тѣхъ полковъ на караулехъ здѣшними гарнизонными полками, сколько возможно, смѣнены.

5) Всю ту дистанцію, на которой полки стоять будутъ, раздѣлить по препорціи людей по полкамъ отъ полиціи, и за нѣсколько дней для лутчаго порядка вывесть полки въ парадъ и

поставить по дистанціи по улицѣ на малое время, дабы какой конфузіи тогда не произошло, и всякой бы полкъ могъ лутче свою дистанцію знать.

6) Командующій вышепомянутыми полками генералитетъ встрѣтятъ Ея Императорское Величество съ пріѣзду за Аничковскими тріумфальными воротами и отдадутъ надлежащую честь, а штабъ- и оберъ-офицеры при своихъ полкахъ и по своимъ мѣстамъ.

7) У оныхъ же Аничковскихъ воротъ для встрѣчи Ея Императорскаго Величества имѣютъ собраться обрѣтающіеся въ Санктпетербургѣ генералитетъ, штабъ- и оберъ-офицеры, артиллерійскіе, и инженерные и кадетскаго корпуса: и станутъ внѣ помянутыхъ воротъ по обѣ стороны.

8) Наверху помянутыхъ Аничковскихъ тріумфальныхъ воротъ поставлены будутъ отъ артиллеріи литаврщики, трубачи и музыка, и начать онымъ играть тогда, когда близъ стоящихъ оныхъ воротъ полкъ будетъ честь отдавать.

9) Когда карета, въ которой сидѣть будетъ Ея Императорское Величество, предъ которой полкъ, за тридцать шаговъ, приближаться будетъ, тогда всѣмъ тѣмъ полкомъ отдадутъ честь, и будутъ бить маршъ и музыка играть, и въ шествіи Ея Величества мимо полка офицеры партазанами и знамена уклонятъ. А когда изволитъ Ея Императорское Величество весь тотъ полкъ миновать и въ дистанцію другого полка вступитъ, тогда первому полку сказано будетъ: на плечо! и перестанутъ въ барабанъ бить и музыка играть.

10) У Новаго гостиннаго двора для высокопомянутой же Ея Императорскаго Величества встрѣчи имѣютъ собраться россійскіе и иностранные знатные купцы, изъ которыхъ станутъ россійскіе по правой, а иностранные по лѣвой сторонамъ. И изъ оныхъ будутъ всѣ по націямъ въ одинакомъ богатомъ платьѣ, а именно. Россійскіе—кафтаны суконные, кофейные съ тафтяною голубою подкладкою; камзолы штофные градитуровые и тарцинелевые одноцвѣтные голубые жъ съ позументомъ въ два ряда. Аглин-

ской компаніи — кафтаны васильковые суконные съ золотыми шлейфами или нашивками; камзолы граденапелевые пунцовые, выкладенные золотымъ позументомъ. Галанской компаніи и прочіе иностранные купцы—кафтаны суконные кофейные съ золотыми пуговицами и съ бархатною пунцовою подкладкою; камзолы штофные или градитуровые пунцовые жъ съ выкладенымъ золотнымъ же позументомъ. И будутъ всѣ оные стоять по обѣ стороны прешпективой рядомъ въ двѣ шеренги.

11) У церкви Пресвятыя Богородицы Казанскія встрѣтятъ Ея Императорское Величество, сколько въ Санктпетербургѣ собраться можетъ, всѣ знатные духовные по обыкновенію со святыми кресты и образы, а притомъ по обѣимъ сторонамъ прешпективой дороги сдѣланы будутъ негораздо высокія мѣста, на которыхъ поставлены будутъ по 20 человѣкъ изъ семинаріи Невскаго монастыря студентовъ, всѣ въ бѣломъ одѣяніи, имѣя на головахъ бѣлые перуки и лавровые вѣнцы, а въ рукахъ вѣтвіи, и будутъ пѣть Ея Императорскому Величеству похвальную пѣснь, которая при семъ и сообщается.

12) Внѣ вторыхъ тріумфальныхъ воротъ имѣютъ собраться 8, 7 и 6 классовъ статскіе чины, такожъ и коллежскіе и протчихъ судебныхъ мѣстъ секретари и всѣ служители, которые въ рангахъ, всѣ въ богатомъ платьѣ, и станутъ всѣ для встрѣчи Ея Императорскаго Величества по обѣимъ сторонамъ рядомъ, а на верху воротъ музыку поставить Адмиралтейскую и Кадетскаго корпуса.

13) У двора, гдѣ Ея Императорское Величество вытти изъ кареты изволитъ, у кареты встрѣтятъ Ея Императорское Величество всѣ отъ 5-го класса и выше знатные чины, такожъ и, сколько могутъ въ Санктпетербургѣ собраться, дамскія персоны.

14) Когда Ея Императорское Величество изволитъ приближиться къ первостоящему за Аничковскими тріумфальными воротами полку, тогда первой сигналъ тремя ракетами дастся, изъ которыхъ первая при первыхъ, вторая у вторыхъ тріумфаль-

ныхъ воротъ, а третья у дворца имѣютъ быть раставлены, и потомъ выпалятъ съ крѣпостей: съ Санктпетербургской изъ 71, а съ Адмиралтейской изъ 70 пушекъ.

15) Когда Ея Императорское Величество изволитъ пройти Казанскую церковь, тогда дастся другой сигналъ тремя жъ ракетами, которыя отъ оной церкви поставлены быть имѣютъ, и выпалится съ крѣпостей: съ Санктпетербургской изо 85, а съ Адмиралтейской изъ 84-хъ пушекъ. Ежелижъ изволитъ зайти въ церковь, то тотъ сигналъ имѣетъ быть при выходѣ изъ церкви.

16) Когда жъ Ея Императорское Величество изволитъ прибыть ко дворцу, при выступленіи изъ кареты встрѣтятъ Ея Императорское Величество предстоящіе при томъ вышепомянутыя обоихъ половъ какъ мужскія, такъ и дамскія персоны и учинятъ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшее поздравленіе благополучнѣйшимъ прибытіемъ. И по вступленіи Ея Императорскаго Величества въ Императорскіе покои учинится третій сигналъ тремя жъ ракетами, которыя поставлены будутъ у дворца и потомъ выпалятъ съ крѣпостей: съ Санктпетербургской изо 101, а съ Адмиралтейской изо 100 пушекъ.

17) По окончаніи оной пальбы зачнется генеральный залпъ бѣглымъ огнемъ изъ мелкаго ружья всѣми въ парадѣ будущими, а именно: отъ праваго крыла лейбгвардіи преображенскаго полку, и слѣдуетъ оный по порядку за первыя и вторыя тріумфальныя ворота и назадъ даже до конца лейбгвардіи семеновскаго полку. И оные генеральные залпы трижды будутъ. А по послѣднемъ залпѣ всѣ полки вдругъ на караулъ поставятъ и походъ въ барабанъ ударятъ, и музыкѣ играть и напримѣръ 10 минутъ продолжать, то сказать: «на плечо!» А потомъ всѣ офицеры и рядовые, поднявъ шляпы вверхъ махать и трижды кричать: «виватъ, Елисаветъ, Великая Императрица, виватъ, виватъ, виватъ!» И тако всѣ полки въ строю будутъ стоять, пока командующіи генералитетъ, по отданіи своего всенижайшаго поздравленія, указъ о роспускѣ получитъ. И по полученіи онаго полки къ своимъ квартирамъ маршировать будутъ, а именно: гвардія напередъ, а

потомъ полевые полки мимо Ея Императорскаго Величества палатъ. Тогда генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ и знаменами честь предъ окнами отдавать. И по окончаніи полки въ свои квартиры порядочно пойдутъ.

18) Отъ начала пушечной пальбы даже до распущенія полковъ надлежитъ во всѣхъ церквахъ въ Санктпетербургѣ въ колокола звонить и на часахъ играть.

19) Съ вечера даже до полуночи предъ Императорскимъ домомъ предъ Невою рѣкою на театрѣ представлена быть имѣетъ преизрядная иллюминація; такожъ и во всемъ Санктпетербургѣ всѣ домы наилучшимъ образомъ иллюминованы будутъ; и та иллюминація продолжаться будетъ чрезъ восемь дней.

Сенатская контора «приказали: Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ Контору сообщить вѣдѣніе и съ помянутой диспозиціи копію съ такимъ представленіемъ, чтобъ объявленные въ XVII той диспозиціи пунктѣ студенты были отобраны и пѣть ея Императорскому Величеству пѣснь къ помянутому Ея Императорскаго Величества прибытію были выучены, а платье на нихъ и перуки, и совсѣмъ по той диспозиціи ихъ убрать, и мѣста имъ сдѣлать отъ Невскаго монастыря, изъ монастырскихъ доходовъ». 11 ноября 1742 года.

(Рукописи Государственнаго Архива. II. 63.)

Въ архивныхъ рукописяхъ уцѣлѣла и «пѣснь», которую студенты должны были пѣть при встрѣчѣ государыни.

Стихи на прибытіе Императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Петербургъ, послѣ коронаціи, 20 декабря 1742 года.

Пѣснь на встрѣтеніе Ея Императорскаго Величества.

1.

Гряди, нашъ свѣтъ
Елисаветъ,
Въ градъ самодержавный,
Петромъ основанный,
Великимъ

Во вѣки.
Гряди смѣло,
Всесчастливо;
Гряди, всѣхъ о мати,
Полна благодати
И лицемъ
И сердцемъ.
Гостья вожделѣнна,
Радости презѣльна
Милости пучина,
Доброта едина,
Красота и слава,
Гряди мирна, здрава
Въ домъ наслѣдный.

2.

Въ день сей велій,
Толь веселый,
Главу вѣнценосну,
Руку скиптроносну
Яви намъ,
Всѣмъ рабамъ.
Яви чело
И все тѣло,
Миромъ освященно,
Порфирой почтенно
За многу
Честь къ Богу;
За любовь къ отчизнѣ
Во всей твоей жизни;
За то, что навѣты
Толь многими лѣты
Храбро всѣ терпѣла,
Пока свободила
Народъ бѣдный.

3.

Ибо міръ весь
Гласитъ то днесь,
Что лучшаго быти
Какъ тя выну зрѣти
Не можетъ
Ничтоже.
Ты бо страхи
И замахи
Всѣ прочь отвратила,
Вѣкъ возобновила
Сладчайшій,
Дражайшій,
Въ которомъ побѣды,
Петровыми слѣды,
Всякъ день надъ львомъ новы
Безъ пролитія крови,
Дщерь Екатерины,
Счастьемъ тя едины
Получаемъ.

4.

Гряди убо
И сугубо,
Какъ Петръ, твой родитель,
Преславный владѣтель
Наляцай,
Успѣвай,
И на люди
Буди, буди,
Царствуй презѣльно
Вездѣ безпредѣльно,
Богато
И свято!

Сего тебѣ чины,
Мати благостыни,
Старые и млады,
Родители съ чады,
Въ стрѣчу исхождая,
Слѣды лобызая,
Вси желаемъ.

Помѣщая «пѣснь» по списку Государственнаго Архива, приводимъ варіанты по списку Публичной Библіотеки; два изъ нихъ внесены и въ текстъ, какъ болѣе соотвѣтствующіе подлиннику по смыслу и по риѳмѣ.

А.—Рукопись Государственнаго Архива. II. № 63.

Q.—Рукопись Публичной Библіотеки: XIV. Q. 98. Собраніе рускихъ пѣсенъ отъ 1767 года. (Сія книга принадлежитъ адьютанту Ивану Семенову) № 12.

Ст. 14. Радости презрѣнна. *(А.)*
Ст. 16. Щедрота едина. *(Q)*
Ст. 18. Гряди мирна здрава *(Q.)*
Ст. 31. Честь Богу *(Q.)*
Ст. 39. Ибо градъ весь *(Q.)*
Ст. 62. Наляцая *(Q.)*
Ст. 63. Успѣвая *(Q.)*
Ст. 64. И надъ люди *(Q.)*
Ст. 66. Царствуй пресильно *(А.)*

Одинъ изъ тогдашнихъ стихотворцевъ изображаетъ такими чертами ликованіе столицы при возвращеніи государыни:

Стонетъ воздухъ отъ стрѣльбы, вѣтры громъ пронзаетъ,
Отзывъ слухъ по всѣмъ странамъ втрое отдаваетъ,
Шумъ великій отъ гласовъ слышится всемѣстно,
Полны улицы людей, въ площадяхъ имъ тѣсно,
Тщится всякій упредить скоростью другова,
Другъ ко другу говорятъ, а не слышатъ слова,
Скачутъ прямо черезъ рвы и черезъ пороги,
Пробиваяся насквозь до большой дороги,
Всякъ съ стремленіемъ бѣжитъ въ радостномъ семъ стонѣ,
Посмотрѣть Елисаветъ въ лаврахъ и коронѣ. . . . . .

(Радость столичнаго города Санктпетербурга при торжественно-побѣдоносномъ въѣздѣ Ея Императорскаго Величества всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія великія государыни Елисаветы Петровны, самодержицы всероссійскія, декабря дня 1742 года. Описана стихами чрезъ Михаила Собакина, государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ ассесора. Печатано при Императорской академіи наукъ).

Ода написана во время шведской войны и носитъ на себѣ яркіе слѣды времени своего появленія. Изъ сорока четырехъ строфъ двадцать семь имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ этой войнѣ. Многое, сказанное въ одѣ въ общихъ чертахъ и съ неизбѣжными риторическими прикрасами, подтверждается свидѣтельствами современниковъ, хорошо знакомыхъ съ ходомъ тогдашней войны. Сходство замѣчается не только въ содержаніи, но и въ самомъ тонѣ.

Побѣда русскихъ надъ «готѳами», т. е. надъ шведами, является, по словамъ поэта, карою, постигшею «дерзкаго нарушителя мира» (стих. 93). Тоже названіе дается шведамъ и въ извѣстіяхъ о войнѣ, помѣщавшихся въ газетахъ. Въ Примѣча-

ніяхъ къ Вѣдомостямъ печатался «Журналъ о происхожденіяхъ и дѣйствіяхъ побѣдоноснаго Ея Императорскаго Величества оружія, противъ *вѣроломнаго* непріятеля Шведа, году благополучнѣйшаго 1742». (Прим. къ Вѣд. Ч. 30 по 32, стр. 117 и слѣд.). Въ реляціи о покореніи Финляндіи: «Великое Княжество Финляндское въ высочайшее Вашего Императорскаго Величества подданство съ великимъ *вѣроломному* непріятелю, предъ всѣмъ умнымъ свѣтомъ, вѣчнымъ стыдомъ и съ зѣло чувствительнымъ убыткомъ» (Прим. къ Вѣд. 1742. Ч. 82. стр. 326).

Говоря, что Всевышній отвращаетъ свой взоръ «отъ готскихъ ослѣпленныхъ странъ» (ст. 101 — 102), Ломоносовъ выражаетъ ту мысль, которая неоднократно повторяется въ извѣстіяхъ о войнѣ, выходящихъ притомъ изъ шведскаго лагеря. Одинъ изъ шведовъ писалъ своему родственнику: «По кожѣ меня подираетъ, въ какой генеральный страхъ наши люди пришли; хотя бы что̀ ни говорили, то очевидно явствуетъ всемогущество Божіе, которое слѣпотою ихъ объяло, что они руки опустили. . . . . Такой войны я съ роду моего не видалъ, и не желаю впредь такой же дожить; я сожалѣю о нашемъ бѣдномъ отечествѣ. . . О такой плохой войнѣ никогда не слыхивалъ, не видывалъ и не читывалъ, и желалъ бы лутче умереть, нежели въ такомъ стыдномъ состояніи себя видѣть», и т. д.

Померкла слава нѣкогда страшнаго Льва (левъ — гербъ Швеціи), и враги шведовъ не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на то, что «львовы челюсти зіяютъ» (ст. 145—146). Съ горькою ироніею замѣчаетъ шведъ-современникъ: «насъ готскій Левъ оставилъ, хотя мы корабль по имени его за собой еще имѣемъ».

Ломоносовъ образно выражаетъ радость Финляндіи, перешедшей въ подданство Россіи (ст. 295 — 296). Сами жители Финляндіи заявляли: «Самая истина есть, что никто изъ обывателей сея земли никогда войны не хотѣлъ, которую Швеція противъ Россіи предпріяла, но отправленными уполномоченными на сеймъ весьма тому супротивляясь, усильно требовали, дабы мы въ согласіи и въ дружбѣ съ великимъ и сильнымъ Всероссійскимъ

имперіемъ пребывать могли. . . Нынѣ Всевышній Богъ праведное Ея Императорскаго Величества оружіе противъ швецкаго войска благословилъ, еже мы съ своей стороны за милостивыя Всемогущаго Бога знаки и защищенія поставляемъ и признаваемъ. . . Мы всѣ обязуемся со всякою подданническою ревностію и послушаніемъ по крайней силѣ и возможности Ея Императорскому Величеству вспомогать» и т. д. (Прим. къ Вѣд. 1742. стр. 267, 268, 266, 293 и др.).

Въ одѣ своей Ломоносовъ касается и дипломатическихъ затѣй того времени — попытокъ Франціи привлечь Турцію на сторону Швецію и пригрозить султану опасностью со стороны Россіи и Персіи (ст. 115—116). Но султанъ рѣшительно отвергъ мысль о поддержкѣ шведовъ; онъ сказалъ: «Когда я былъ въ войнѣ съ Россіею, то Швеція была спокойна, а когда Франціи понадобилось Россію удержать, то Швеція начала войну. Не хочу и слышать объ этомъ шведскомъ союзѣ. Казна моя должна употребляться только въ пользу магометанства и подданныхъ моихъ, а не на помощь гяурамъ: нѣтъ мнѣ нужды, хотя и пропадутъ». (Исторія Россіи, Соловьева. 1871. Т. XXI. стр. 240).

Строгій, современный автору, критикъ произведеній Ломоносова, Сумароковъ находитъ въ этой, весьма длинной, одѣ только двѣ прекраснѣйшихъ и четыре прекрасныхъ строфы; но двадцать три такихъ, которыя или требуютъ большаго исправленія или вовсе не заслуживаютъ вниманія критики.

Державинъ въ своемъ Разсужденіи о лирической поэзіи приводитъ многія строфы этой оды, восхищаясь мастерскими пріемами автора, вполнѣ удовлетворяющими требованіямъ критики. Даже въ тѣхъ строфахъ, которыя отвергаются Сумароковымъ какъ весьма плохія, Державинъ видитъ силу дарованія, живость воображенія и проницательность ума.

Мерзляковъ: «Сія ода наполнена красотъ неподражаемыхъ: воображеніе блестящее, неисчерпаемое богатство языка, свобода,

выборъ мыслей и выраженій: все сіе безъ сомнѣнія должно казаться чудеснымъ для тогдашняго времени, потому что и нынѣ нельзя не признать онаго: но Пѣснопѣвецъ примѣтно увлекался порывами пламеннаго своего генія. Ода слишкомъ пространна; паденія—неминуемое слѣдствіе сей неумѣренности—встрѣчаются гораздо часто; недостаетъ единства въ Одѣ и ровности, которою впрочемъ всегда отличался Ломоносовъ; искусственные, принужденные переходы—сіи средства неблагодарныя, всегда обличающія насъ въ глазахъ читателя при всемъ стараніи нашемъ скрыть ихъ—показываютъ, что Пѣснопѣвецъ писалъ ее въ разное время и не въ одинакомъ расположеніи духа».

(Труды Общества любителей россійской словесности. 1817. Часть седьмая, стр. 45).

Ст. 9—10. Рит. II, III и IV. § 136 и 203: «Дѣйствіе и страданіе витіеватыя рѣчи раждаютъ, когда отъ чего производится противное дѣйствіе въ той же вещи, или въ двухъ подобныхъ:

Брега Невы руками плещутъ,
Брега Балтійскихъ водъ трепещутъ.

Повтореніе есть многократное положеніе реченія въ предложеніяхъ, что бываетъ, когда въ началѣ каждой части періода или въ началѣ многихъ короткихъ періодовъ одно слово повторяется: «Брега Невы руками плещутъ» и т. д.

Ст. 41—43. Рит. II, § 238; Рит. III и IV, § 239: «Восхищеніе есть, когда сочинитель представляетъ себя какъ изумленна въ мечтаніи происходящемъ отъ весьма великаго, нечаяннаго или страннаго и чрезъ-естественнаго дѣла. Сія фигура совокупляется почти всегда съ вымысломъ, и больше употребительна у стихотворцовъ. Сюда принадлежатъ и слѣдующіе стихи:

Священный ужасъ мысль объемлетъ!
Отверзъ Олимпъ всесильный дверь.
Вся тварь со многимъ страхомъ внемлетъ,
Ст. 52. Вѣщаетъ Ветхій деньми къ Ней,

Даніил. VII, 9, 13, 22: «Зряхъ, дондеже престоли поставишася, и Ветхій денми сѣде. . . Дондеже пріиде Ветхій денми, и судъ даде святымъ Вышняго».

Ст. 51—54. Державинъ (VII, 562): «*Заимословіе,* или рѣчь заимообразно, такъ сказать, какому-либо существу одушевленному или неодушевленному поэтомъ данная, должна быть въ лирическомъ твореніи весьма краткою; иначе длинный посторонній разсказъ сообщаетъ лирѣ нѣкоторую холодность и сухость, дѣлая сочиненіе не только драматическимъ, но вялымъ, скучнымъ и непріятнымъ. Вотъ примѣръ заимословія:

Благословенна вѣчно буди:
Вѣщаетъ Ветхій деньми къ Ней.
И всѣ твои съ тобою люди,
Что ввѣрилъ власти Я Твоей".

Ст. 61—64: Утѣшилъ я въ печали Ноя,
Когда потопомъ міръ казнилъ,
Дугу поставилъ въ знакъ покоя,
И тою съ нимъ завѣтъ чинилъ.

Бытія IX, 8—17: «И рече Богъ Ноеви и сыномъ его съ нимъ, глаголя: се азъ поставляю завѣтъ мой. . . И ктому не будетъ потопъ водный, еже истлити всю землю. . . Дугу мою полагаю въ облацѣ, и будетъ въ знаменіе завѣта между Мною и землею».

Ст. 68: Пробавилъ милость въ людяхъ сихъ,

Псал. XXXV, 11: «Пробави милость Твою вѣдущимъ Тя, и правду Твою правымъ сердцемъ».

Ст. 76: Тобой сотру сердца̀ кичливы,

Притч. XVI, 4—5: «Нечестивіи же въ день золъ погибнутъ; нечистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый».

Ст. 75—78. Рит. I, § 93; Рит. II, III и IV. § 168—169: «Слова умножаются повтореніемъ тѣхъ же или присовокупле-

ніемъ однознаменовательныхъ. Повторенія знатнѣйшія виды суть четыре. Когда одно слово въ началѣ многихъ сложенныхъ идей повторяется н. п.

Тобой поставлю судъ правдивой,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой добротамъ мзду дарить. (Рит. I.)

«Слово Риторическое хотя будетъ чисто составлено, приличнымъ теченіемъ установлено, и украшено великолѣпно; но безъ пристойнаго движенія реченій и предложеній живности въ немъ никакой не будетъ. Сіе движеніе состоитъ въ обращеніи реченій или предложеній, которымъ слово отъ простаго отмѣняется. Таковыя движенія называются фигурами *реченій,* какъ: «Тобой поставлю судъ правдивый» и т. д. (Рит. II, III и IV.)

Ст. 71—88. Державинъ (VII, 555—556): «*Оборотъ,* или обращеніе. Когда поэтъ средь выспренняго своего полета, будто задумавшись опомнивается вдругъ и обращается къ чему-либо занимательнѣйшему, дабы придать тѣмъ болѣе блеска, важности и величества своему предмету. Или, неожиданно перервавъ свою матерію, начинаетъ другую, однако сходственную, или поддерживающую прежнее его содержаніе; или вызываетъ кого-нибудь себѣ въ помощь, въ свидѣтели и проч. Это мастерская уловка, чтобы владѣть, или, лучше, на всемъ скаку умѣть обращать пламеннаго Пегаса. Надобенъ тутъ сильный, искусный ѣздокъ, или, просто сказать, необыкновенный восторгъ. Чѣмъ круче и быстрѣе будетъ оборотъ, тѣмъ болѣе заслужитъ удивленія. Но при всемъ томъ, чтобъ оборотъ былъ, какъ выше сказано, къ чему-либо важнѣйшему, или превосходнѣйшему, а иначе исчезнетъ его блескъ. По сему самому требуется въ семъ извитіи большаго дарованія. Кажется, принадлежитъ онъ въ особенности Ломоносову. Онъ таковыми великолѣпными оборотами наполненъ, и никто изъ нашихъ піитовъ съ нимъ въ таковыхъ не сравняется Вотъ примѣры:

Мой образъ чтятъ въ Тебѣ народы,
И отъ Меня влїянный духъ;
Въ бесчисленны промчется роды
Добротъ Твоихъ неложный слухъ.
Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердцà кичливы,
Тобой Я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить;
Господствуй утвержденна Мною,
Я буду завсегда съ Тобою.
Но что страны вечерни тмятся,
И дождь кровавыхъ каплей льютъ?
Что Финскихъ рѣкъ струи дымятся,
И долы съ влагой пламень пьютъ?
Тамъ видя выше горизонта
Входяща Готѳска Фаетонта
Противъ теченїя небесъ,
И вкругъ себя горящїй лѣсъ.

Ст. 91 — 96 приводятся Державинымъ въ примѣръ «гнѣвнаго вдохновенія» (VII, 524).

Ст. 117: Цѣлуй Елисаветинъ мечь,

Гюнтеръ: Ода на миръ съ Портою. ст. 113:

Und küsse Carls gereitztes Schwerdt!

Ст. 125 — 126. Державинъ (VII, 561): «*Противуположности* весьма усиливаютъ и украшаютъ предметы, когда поэтъ кратко и рѣзко умѣетъ ввести ихъ въ пристойномъ мѣстѣ:

Тамъ степи кровью напоенны
Взрастили лавры намъ зелены.

Ст. 135–140. За Обскїя брега вселенны,
Хребтомъ Рифейскимъ заключенны,
За коимъ сильна Росска власть
Велику держитъ встока часть,

Рифейскія горы (Rhiphaei Montes) назывались также Гиперборейскими (Hyperborei Montes): по баснословной географіи, находились на самомъ отдаленномъ сѣверѣ, гдѣ обиталъ Борей и другія миѳическія существа. Уральскія горы также назывались Рифейскими. Карамзинъ: «Въ исходѣ XV столѣтія знамена Москвы уже развѣвались на снѣжномъ хребтѣ Каменнаго Пояса или древнихъ горъ Рифейскихъ».

(Исторія Государства Россійскаго. Т. IX. гл. VI. стр. 219)

Ст. 145—146. Державинъ (VII, 563—564): «Аллегорія— иносказаніе (въ просторѣчіи: отверница), когда поэтъ, не хотя назвать вещь прямымъ ея именемъ, называетъ въ переносномъ или настоящемъ смыслѣ другою вещію и чрезъ то придаетъ возвышеніе или пониженіе своему предмету: или когда, скрывая подлинное свое о немъ мнѣніе, показываетъ принадлежностьми его, какъ-бы подъ рукою, истинныя его доброты или пороки, лаская тонкимъ образомъ чьему-либо самолюбію или издѣваясь надъ онымъ, изъ коихъ послѣдній случай называется проніею или насмѣшкою. Вотъ примѣръ насмѣшливой аллегоріи:

Орлы на тое не взираютъ,
Что львовы челюсти зіяютъ".

Ст. 161—168. Державинъ (VII, 549—551): «*Блестящія, живыя картины*—съ природою сходственные виды, которые мгновенно мягкихъ или чувствительныхъ людей поражаютъ воображеніе и производятъ заочно въ нихъ фантазію (мечты), или фантастическія чувства. Картины сіи въ лирической поэзіи должны быть кратки, огненною кистью, или одною чертою величественно, ужасно или пріятно начертаны. Вотъ примѣры ужасныхъ картинъ:

Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ густой,
Тамъ смерть межъ Готѳскими полка́ми
Бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ строй,

И алчну челюсть отверзаетъ,
И хладны ру́ки простираетъ,
Ихъ гордый исторгая духъ,
Тамъ тысящи валятся вдругъ.

Сумароковъ подсмѣиваетcя надъ выраженіемъ: «бурныя ноги»:

Крылатый конь передъ богами
Своими бурными ногами
Сейчасъ ударитъ въ вѣчный ледъ. . .
И бурными попри ногами
Моря и горы и лѣса. . .

(Полное собраніе сочиненій Сумарокова. 1787. Ч. II. Оды вздорныя. Ода III, стр. 208, 211.)

Ст. 208—210: Предъ Божьимъ гнѣвомъ гниль и тлѣнъ:
Предъ нимъ и горы изчезаютъ,
Предъ нимъ пучины изсыхаютъ.

Їов. IX, 5: «Обетшаяй горы, и не вѣдятъ; превращаяй я гнѣвомъ—Онъ передвигаетъ горы, и не узнаютъ ихъ; Онъ превращаетъ ихъ въ гнѣвѣ Своемъ».

Исаіи LI, 10: «Не ты ли еси опустошаяй море, воду бездны многу — Не ты ли изсушила море, во́ды великой бездны».

Ст. 211—218. Державинъ (VII, 551) приводитъ въ примѣръ «ужасныхъ картинъ».

Ст. 211—220, т. е. всю двадцать вторую строфу Сумароковъ относитъ къ числу «строфъ прекраснѣйшихъ».

Ст. 221—228. Рит. II. § 235; Рит. III и IV. § 236. «Изображеніе есть явственное и живое представленіе дѣйствія съ обстоятельствами, которыми оное въ умѣ, какъ самое дѣйствіе воображается, напримѣръ:

Такъ флотъ Россійскій въ Понтъ дерзаетъ,
Такъ роетъ онъ поверьхъ валовъ;
Надменна бездна уступаетъ,
Стеня отъ тягости судовъ.

Во слѣдъ за скорыми кормами
Бѣжитъ кипяща пѣна рвами:
Весельный шумъ, гребущихъ крикъ
Наносятъ Готамъ страхъ великъ".

Ст. 235—236. Рит. I. § 92: «Иронія есть, когда предложенная идея значитъ противное н. п. о волкѣ: овецъ изрядный пастырь. Сей тропъ изображенъ бываетъ часто чрезъ дѣйствія въ натурѣ невозможныя н. п.

Единой цѣпью звѣзды свяжетъ
И вспять итти лунѣ прикажетъ.

Ст. 241—250, т. е. двадцать пятую строфу Сумароковъ называетъ «прекраснѣйшею».

Ст. 251—252: Но холмы и древà скачите,
Ликуйте множества озеръ,

Мерзляковъ: «Въ одахъ Ломоносова часто обнаруживается искусный ораторъ, располагающій оду свою по правиламъ рѣчи или разсужденія; часто строфы связываются холодными выраженіями: *но се! но что я зрю?—но горы и поля скачите! ликуйте множества озеръ!* Таковыя частыя и незапныя обращенія къ предметамъ бездушнымъ разрушаютъ очарованіе. Но если будемъ разбирать каждую строфу особенно — какая высота, сила, стремительность! Въ каждой одѣ срѣтаете вы отрывки истинно безсмертные, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ нашей поэзіи».

(Труды Общества любителей россійской словесности. 1812. Ч. I. стр. 87—88).

Ст. 261—270. Рит. II. § 225; Рит. III. § 226: «Уступленіе или признаніе есть, когда что противникамъ уступаемъ, и изъ того наводимъ нѣчто большее, чемъ уступленное опровергается или уничтожается. Къ сему въ примѣръ служатъ и слѣдующіе стихи:

Хотябъ вы Готы возмутили
Поянци западъ быстрины,
Хотябъ на насъ вы возбудили
Союзны ваши всѣ страны;
Но тщетны былибъ всѣ походы:
Незнаемые вамъ народы,
Что далѣ сѣвера живутъ,
Того по вся минуты ждутъ,
Что имъ велитъ Елисавета,
Готовы стать противу свѣта.

Ст. 281—282: Твое прехвально имя пишетъ
Неложна слава въ вѣчномъ льдѣ,

Гюнтера: Ода на миръ съ Портою, ст. 496—497:

Ich geh und gern und find ein Meer,
Dein Lob in ewig Eisz zu schreiben;

Гюнтеровскій «вѣчный ледъ» послужилъ также предметомъ насмѣшекъ для Сумарокова въ его пародіяхъ на оды Ломоносова:

Уже сталъ таять вѣчный ледъ,
Судамъ дорогу отверзая. . .
Въ сей часъ ударитъ въ вѣчный ледъ. . .
Громъ, молніи и вѣчны льдины,
Моря и озера шумятъ. . .
На вѣчныхъ лютый льдахъ пожаръ. . . .
(Вздорныя оды. стр. 215, 208, 207, 212.)

Ст. 288—290. «Ломоносовъ не забылъ только что полученное въ то время извѣстіе объ открытіи нашими моряками, отправленными изъ Камчатки подъ начальствомъ Беринга и Чирикова, береговъ Америки:

Къ Тебѣ отъ всточныхъ странъ спѣшатъ
Ужѐ Американски вóлны
Въ Камчатской портъ веселья полны".
(Пекарскаго: Исторія Академіи наукъ. II, 334.)

Ст. 301—310. Рит. I. § 100: «Отвращеніе есть отнесеніе рѣчи отъ предложенной матеріи къ другой вещи животной или бездушной, во второмъ лицѣ глагола, н. п. вмѣсто, чтобы просто упомянуть о щастіи Невы рѣки, употреблено слѣдующее отвращеніе:

О чистый токъ Невы разливной
Щастливѣйшій всѣхъ водъ земныхъ,
Россійской что Богини дивной
Кропишь лице отъ струй твоихъ.
Стремись, шуми, теки обильно,
И быстриной твоею сильно
Промчись къ вечернимъ вплоть брегамъ,
И большій страхъ вложи врагамъ,
Въ серца и въ слухи имъ внушая,
Что здѣсь зимой весна златая".

Послѣдній стихъ воспроизведенъ Сумароковымъ въ такомъ видѣ:

На сѣверѣ я вижу полдень,
У Колы Флору на лугахъ.
(Вздорныя оды, стр. 215.)

Ст. 311—320. Рит. II. § 44; Рит. III и IV. § 43: «Ежели въ періодахъ части, то есть члены, или въ членахъ подлежащія и сказуемыя будутъ очень неравны, то называются они *зыблющимися*. Въ слѣдующемъ двучленномъ, перьвый членъ много больше втораго:

Какъ лютый мразъ весна прогнавши,
Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ,
Туманы, бури, снѣгъ поправши,
Являетъ ясны дни странамъ,
Вселенну паки воскрешаетъ,
Натуру намъ возобновляетъ,
Поля цвѣтами краситъ вновь;

Такъ нынѣ милость и любовь
И свѣтлый Дщери взоръ Петровой
Насъ жизнью оживляетъ новой“.

Строфу эту Державинъ приводитъ въ образецъ «сравненій, чрезвычайно оживляющихъ и украшающихъ» лирическую поэзію (VII, 564—565).

Ст. 321—330. Рит. II. § 238; Рит. III и IV. § 239. Ломоносовъ приводитъ эту строфу въ примѣръ «восхищенія»:

Какая бодрая дремота
Открыла мысли явный сонъ?
Еще горитъ во мнѣ охота
Торжественный возвысить тонъ.
Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
И купно ясный день сіяетъ!
То сердце сильна власть страшитъ,
То кротость разумъ мой живитъ!
То бодрость страхъ, то страхъ ту клонитъ,
Противна мысль противну гонитъ!

Сумароковъ въ первой «вздорной одѣ» (стр. 206):

Не сплю, но въ бодрой я дремотѣ,
И на яву зрю страшный сонъ. . . .

Ст. 329—330: То бодрость страхъ, то страхъ ту клонитъ,
Противна страсть противну гонитъ!

Ср. LXXVI. ст. 217—219:

Надежда, радость, страхъ, любовь,
Живитъ, крѣпитъ, печалитъ, клонитъ,
Противна страсть противну гонитъ.

Ст. 341—346. Приводятся Державинымъ въ примѣръ «заимословія» (VII, 562).

Ст. 351—360. Рит. II, III и IV. § 219: «Заимословіе бы-

ваетъ, когда то, что самому автору или представляемому отъ него лицу говорить должно, отдается другому лицу живому, либо мертвому или и бездушной вещи. Почему сія фигура немало надлежитъ до вымысловъ:

Но рѣчь ихъ шумный гласъ скрываетъ:
Война при Готскихъ берегахъ
Съ угрюмымъ стономъ возрыдаетъ
И въ дикихъ кроется горахъ:
Союзъ возлюбленный приходитъ
И съ кротостью свой гласъ возводитъ:
„Престань прекрасный вѣкъ мрачить
„И Фински горы кровавить:
„Се царствуетъ Елисавета,
„Да миръ подастъ предѣламъ свѣта“.

Ст. 371—372: Мечи твои и ко́пья вредны
Я въ плуги и въ серпы скую;

Исаія. II, 4: «И раскуютъ мечи свои на орала и копія свои на серпы».

Михей. IV, 3: «И раскуютъ мечи своя на рала и сулицы своя на серпы».

Ст. 411 — 414. Рит. II, III и IV. § 153: «Косвенные вымыслы имѣютъ въ себѣ нѣкоторую оговорку, или какое нибудь умягченіе, чемъ они съ правдою сопрягаются, и къ ней ближе подходятъ, какъ въ слѣдующихъ примѣрахъ умягчаются вымыслы условіемъ:

Когда бы древни лѣта знали
Толику бодрость съ красотой;
Тобѣ храмы въ честь твою создали,
И жертвой чтилибъ образъ твой“.

Гюнтеръ въ похвальной одѣ графу Шпорку, ст. 161, 165—167:

Herr! lebtest du vor langer Zeit. . .
Dein Bildnisz müst in Ertz und Stein
Den Tempeln neue Pracht verleihn,
Und als ein Halb-Gott Opfer tragen. . .

Ст. 425—430. Рит. I. § 56; Рит. II, III и IV. § 71. «Отъ уравненія можно распространить идеи, ежели обоихъ вещей, которыя между собою уравняются, части и свойства между собою снесены будутъ (Рит. I)... Великую силу, важность и пространство слову придаетъ уравненіе, когда уравняемая вещь и то, съ чемъ она уравняется, или которое нибудь изъ нихъ обстоятельно предлагается. (Рит. II, III, IV):

Не такъ поля росы желаютъ,
И въ зной цвѣты отъ жажды таютъ,
Не такъ пособныхъ вѣтровъ ждетъ
Корабль, что въ тихой портъ плыветъ,
Какъ сердце наше ожидало
(Какъ серце въ насъ къ Тебѣ пылало)
Чтобъ къ намъ лице Твое сїяло".

XI.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 8. стр. 138 — 145. Строфы обозначены цыфрами.

ВАРІАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Оды похвальныя. Ода 8. На день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Петра Θеодоровича». Ода писана чужою рукою. Строфы не обозначены цыфрами.

Рит. I.— Рукописная Риторика Ломоносова, 1744.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова, въ Собраніи его сочиненій, 1759 г.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 10, стр. 127—133. Заглавіе тоже, что въ *С. I.* Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 8. Трава и цвѣтъ покрылись медомъ, (Рит. I. § 51.)
Листы и цвѣтъ покрылись медомъ. (Рит. II. § 45; Рит. III и IV. § 44.)

Ст. 10. Поспѣшно красный вождь свѣтилъ. (Р.; Рит. I. § 51; Рит. II. § 45; Рит. III и IV. § 44.)

Ст. 11. Но о небесъ яснѣйше око (Р.)

Ст. 13. Какъ наша радость, стань высоко, (Р.)

Ст. 17—19. И въ новомъ блескѣ сѣсть потщись
Въ горящу златомъ колесницу
Въ зенитъ ступи, прешедъ границу (Р.)

Ст. 20. И позже въ Океанъ спустись. (С. II.)

Ст. 45. Намъ полдень съ утромъ въ другъ сїяетъ (Рит. II, III и IV. § 137.)

Ст. 46. Весна плоды и цвѣтъ являетъ, (Рит. II, III и IV. § 137.)

Ст. 47. Въ дражайшей всѣхъ душѣ твоей. (Р. Рит. I. § 80.)
Въ дражайшей младости твоей. (Рит. II, III и IV. § 137.)

Ст. 49. Блеснувши громъ въ полки противныхъ (Р.)

Ст. 50. Геройскихъ изъ Твоихъ очей. (Р.)

Ст. 51. Взнесется яко кедръ высокїй (Р.)

Ст. 57. И вмѣсто твердыхъ Маврскихъ горъ (Р.)

Ст. 69. Къ защитѣ насъ, къ противныхъ мести, (Р.)

Ст. 82. Любовью храбрыхъ дѣлъ плѣненъ, (Рит. II. § 238; Рит. III и IV. § 239. Въ Рит. II. было написано Ломоносовымъ: «*Охотой* храбрыхъ дѣлъ плѣненъ»; но имъ же зачеркнуто слово: *охотой*, и вмѣсто него написано: *любовью*.)

Ст. 84. И древнихъ грозный видъ временъ! (Рит. III и IV. § 239. Въ Рит. III. было напечатано: «И *грозный древнихъ* видъ временъ», но Ломоносовъ въ корректурѣ измѣнилъ порядокъ словъ.)

Ст. 86. Кто, Наввинъ иль Сампсонъ стремится? (Р.

Ст. 95. Одинъ трясетъ свирѣпымъ югомъ (Р.)

Ст. 103. То насъ желанный миръ забавитъ (Р.)

Ст. 115. Возри на кругъ земной пространный, (Рит. II, III и IV. § 218.)

Ст. 117. Возри въ безмѣрный шаръ небесъ: (Рит. II, III и IV. § 218.)

Ст. 122. Что свѣтъ въ Петрѣ по праву чтитъ; (Р.)

Ст. 127—130. Сступивъ къ тебѣ отъ горьнихъ селъ;
Онъ нынѣ выше звѣздъ поставленъ,
Но Петръ тебѣ по немъ оставленъ
Наслѣдникъ имени и дѣлъ. (Р.)

Ст. 136. Что вышшїй степень невозможенъ, (Р.)

Ст. 138. Яви сїю хоть милость съ нами, (Р.)

Ст. 1—10. Рит. I. § 51; Рит. II. § 45; Рит. III и IV. § 44:

«Время подастъ пространную идею о терминѣ предложенныя темы, когда его свойства, части, обстоятельства и дѣйствїя соединены будутъ, н. п. о лѣтѣ. (Рит. I):

Уже врата отверзло лѣто,
Натура ставитъ общїй пиръ,
Земля и серце въ насъ нагрѣто.
Колеблетъ вѣтви тихъ Зефиръ,
Объемлетъ мяхкїй лугъ крилами.
Крутится чистый токъ полями;
Брега питаетъ тучный илъ,
Трава и цвѣтъ покрылись медомъ,
Ведетъ своимъ довольство слѣдомъ
Поспѣшно красный вождь свѣтилъ".

«Перїоды возрастаютъ иногда очень велики; а иногда имѣютъ они больше четырехъ членовъ. Напротивъ того въ нѣкоторыхъ случаяхъ, или и всегда, по разному сродству и сложенїю Авторовъ, рѣчь состоитъ изъ весьма короткихъ и по большей части одночленныхъ перїодовъ, въ которые могутъ перемѣнены быть долгїе чрезъ отъятїе союзовъ. Такїе перїоды называются *отрывными*. Изъ короткихъ перїодовъ состоятъ слѣдующїе стихи: «Уже врата отверзло лѣто» и т. д. (Рит. II, III, IV).

Ст. 15—47. Рит. I. § 80: «Отъ предъидущаго и послѣдующаго производятся замысловатыя рѣчи, когда предъидущее время съ послѣдующимъ соединяются, н. п.

Мнѣ полдень съ утромъ вдругъ вступаетъ
Весна цвѣты и плодъ являетъ
Въ дражайшей всѣхъ душѣ твоей".

Рит. II, III и IV. § 137: «Отъ времени витїеватыя рѣчи раждаются, когда противныя или разныя времена вмѣстѣ соединяются:

Намъ полдень съ утромъ въ другъ сїяетъ
Весна плоды и цвѣтъ являетъ,
Въ дражайшей младости твоей.

Ст. 51—54, 59: Возвысится какъ кедръ высокїй.
Надъ сильныхъ всѣхъ Твоя глава;
Ты какъ змїю попрешь пороки,
Пято́й наступишъ Ты на Льва.
И силой свыше облеченны

Псал. XXXVI, 35: Высящася яко кедры Ливанскія.

Псал. XC, 13: На аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змія.

Большая буква въ словѣ: *Льва* указываетъ на Швецію, гербъ которой—левъ.

Псал. XCII, 1: Облечеся Господь въ силу.

Ст. 81—84. Рит. II. § 238; Рит. III и IV. § 239. Примѣръ «восхищенїя»:

Мой духъ течетъ къ предѣламъ свѣта
Любовью храбрыхъ дѣлъ плѣненъ,
Въ восторгѣ зритъ грядущи лѣта
И древнихъ грозный видъ временъ!

Ст. 88—90. Державинъ (VII, 537—538): «*Высокость* или выспренность лирическая есть не что иное, какъ полетъ пылкаго,

высокаго воображенія, которое возноситъ поэта выше понятія обыкновенныхъ людей и заставляетъ ихъ сильными выраженіями своими то живо чувствовать, чего они не знали и что имъ прежде на мысль не приходило. Но высокость бываетъ двоякаго рода: одна — *чувственная* и состоитъ въ живомъ представленіи веществъ; другая—*умственная* и состоитъ въ показаніи дѣйствія высокаго духа. Въ одѣ могутъ быть помѣщаемы и та и другая высокость, но только поэтомъ, вкусъ имѣющимъ, чтобы не распространить дѣйствія и тѣмъ не охладить чувствъ. Вотъ примѣръ умственной высокости:

Онъ Тигровъ челюсти терзаетъ,
Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,
Велитъ лунѣ и солнцу стать".

Ст. 91—94: Фиссонъ шумитъ, Багдадъ пылаетъ,
Тамъ вопль и звуки въ воздухъ бьютъ,
Ассирски стѣны огнь терзаетъ,
И Тавръ и Кавказъ въ понтъ бѣгутъ.

Въ одахъ Сумарокова, которыя самъ авторъ назвалъ «вздорными» (стр. 209, 211):

Пекинъ горитъ и Римъ пылаетъ
О свѣтской славы суета!
Троянски стѣны огнь терзаетъ. . . .
Атлантъ горитъ, Кавказъ пылаетъ. . .

Ст. 108–110: Цѣлуйтесь громы съ тишиною;
Упейся молнїя росою;
Стань рядъ планетъ въ щастливый знакъ.

Державинъ (VII, 547—548) приводитъ эти стихи въ примѣръ «новыхъ чувствъ и выраженій», которыя «поражаютъ и восхищаютъ» читателей. Другого мнѣнія былъ Сумароковъ, судя по его «вздорнымъ одамъ» (стр. 205):

Тамъ громы въ громы ударяютъ,
И не цѣлуютъ тишины:
Уста горящихъ тамо молній
Не упиваются росою. . .

Ст. 115—120. Рит. II, III и IV. § 218. «Указаніе есть, когда идея представляется, какъ бы она была въ самое то время въ дѣйствіи, и для бóльшаго оной оживленія употребляются притомъ реченія указательныя, *се, вотъ, возри, смотри, здѣсь, тамъ,* и прочая:

Возри на кругъ земной пространный,
Возри на понтъ тебѣ подстланый,
Возри въ безмѣрный шаръ небесъ:
Онъ зыблется и помаваетъ,
И славу зрѣть твою желаетъ
Свѣтящихъ тьмами въ немъ очесъ".

Ст. 125–127. Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія,
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,
Сошедъ къ тебѣ отъ горьнихъ мѣстъ;

Стихи эти послужили поводомъ къ рѣзкимъ выходкамъ въ раскольничьей литературѣ.

Въ книгѣ: «Кабинетъ Петра Великаго», изданной въ 1800 году унтеръ-библіотекаремъ академіи наукъ Бѣляевымъ, сказано о мундирѣ, въ которомъ Петръ Великій былъ въ полтавскомъ сраженіи: «Взирая на сіе простое, но всякую цѣну превосходящее одѣяніе Его Величества, не знаю, кто бы не ощутилъ достодолжнаго къ монарху сему благоговѣнія, и не сказалъ въ сердцѣ своемъ: Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія» и т. д. (стр. 35).

Въ «Собраніи отъ святаго писанія о антихристѣ», бывшемъ въ ходу у раскольниковъ, говорится: «И паки именовася Божествомъ Россіи, якоже свидѣтельствуетъ книжка «Кабинетъ Петра» л. 2: «Онъ Богъ твой, о Россія! Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія, сошелъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ», ибо онъ древній

змій, сатана, прелестникъ, свърженъ бысть за свою гордыню отъ горнихъ ангельскихъ чиновъ, сошедъ по числу своему 1666, взявъ члены себѣ плотскія, якоже св. пишутъ Ефремъ и Ипполитъ: «Родится сосудъ скверный отъ жены, и сатана въ него вселится, и начнетъ творити волею своею».

(Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1863. Книга первая. Смѣсь, стр. 60—61.)

Ст. 128, 130: Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ.
Среди Героевъ, выше звѣздъ.

Ср. LXXVI (Ода 25 ноября 1752 г.). ст. 131—133:

О вы Россійски Героини,
Что въ вѣчности превыше звѣздъ
Сіяете ужѐ Богини,

LIV (Ода 27 августа 1750 г.). ст. 165–167:

Востокъ и западъ наполняетъ
Хвалой Твоей, и возвышаетъ
Твои щедроты выше звѣздъ.

*

XII.

ТЕКСТЪ.

Три оды парафрастіческія псалма 143, сочиненныя чрезъ трехъ стіхотворцовъ, изъ которыхъ каждой одну сложилъ особливо. Въ Санктпетербургѣ, при Імператорской Академіи наукъ. 1744. Строфы отдѣлены одна отъ другой * * *

ВАРІАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 года. Рукою Ломоносова: «Ода 6 (зачеркнуто: 3) Преложеніе псалма 143». Все остальное — чужою рукою.

С. I. — Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова. Книга первая 1751. Оды духовныя. Ода 6, стр. 28—31.

С. II. — Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ. . . . Михайла Ломоносова. Книга первая. 1757. Оды духовныя. Ода 6, стр. 22—25. Въ *С. I.* и въ *С. II.* строфы обозначены цыфрами.

Ст. 11. И такъ его ты почитаешь. (С. I. и С. II.)
Ст. 13. Онъ утро, вечеръ, ночь и день (Р., С. I., С. II.)
Ст. 15. И такъ вся жизнь его проходитъ, (Р., С. I., С. II.)

Ст. 16—17. Подобно какъ пустая тѣнь.
Склони, Зиждитель, небеса, (Р., С. I., С. II.)
Ст. 19. Да паки на землѝ явятся (Р., С. I., С. II.)
Ст. 21. И молнїей твоей блесни, (Р., С. I., С. II.)
Ст. 22. Рази отъ странъ гремящихъ стрѣлы, (С. I., С. II.)
Ст. 24. Какъ бурей оныхъ разжени. (Р.)
Какъ бурей плевы разжени. (С. I., С. II.)
Ст. 28—31. Спаси меня отъ многихъ водъ.
Вѣщаетъ ложъ языкъ враговъ,
Десница ихъ сильна враждою,
Уста обильны суетою; (Р., С. I., С. II.)
Ст. 32. Скрываютъ въ сердцѣ злобный ковъ. (С. I., С. II.)
Ст. 38. Давида въ крѣпости прославльшу, (Р.)
Что крѣпостью меня прославилъ, (С. I., С. II.)
Ст. 39. Отъ лютаго меча избавилъ, (С. I., С. II.)
Ст. 40. Что врагъ вознесъ рукой своей. (Р., С. I., С. II.)
Ст. 50. Не тщетно овцы ихъ плодятся, (Р.)
Несчетно овцы ихъ плодятся, (С. I., С. II.)
Ст. 54. Вездѣ столпами укрѣпленныхъ, (Р., С. I., С. II.)
Ст. 58. Но тѣ свѣтлѣе веселятся, (Р., С. I., С. II.)

Три парафрастическія оды напечатаны въ августѣ 1743 года, подъ наблюденіемъ Тредьяковскаго, по «письменному и устному извѣстію» генералъ-прокурора князя Никиты Юрьевича Трубецкаго.

(Матеріалы для біографіи Ломоносова: собр. акад. Билярскимъ. 1865. стр. 50.)

Предисловіе написано Тредьяковскимъ. Читателямъ, знавшимъ «свойства и духъ» авторовъ, предоставлялось узнать, кому изъ нихъ принадлежитъ какая ода. Написанная Ломоносовымъ помѣщена на стр. 19—22 подъ названіемъ: «Ода третія іамбическая». Что она несомнѣнно принадлежитъ Ломоносову, видно

уже изъ того, что онъ самъ ее помѣстилъ въ Собраніи своихъ сочиненій. «Ода первая іамбіческая» написана Сумароковымъ; «ода вторая хореическая» — Тредьяковскимъ.

ДЛЯ ИЗВѢСТІЯ.

Будучи по случаю совокупно сихъ слѣдующихъ Одъ Авторы, имѣли довольной между собою разговоръ о Россійскихъ Стіхахъ вобще, которые нынѣ, пóслѣ какъ начали исправлять ихъ охотники, ужѐ въ совершеннѣйшемъ видѣ, и съ пріятнѣйшимъ слуху Стопъ паденіемъ, нежели какъ старые бесстопные были, производятся отъ Писателей искусныхъ въ Стіхотвореніи. Разговоръ ихъ былъ нѣкоторой родъ спóра, въ разсужденіи, такъ называемыхъ двусложныхъ Стопъ, Хорея и Іамба, которыми нынѣ составляются Россійскіе Стіхи.

Нѣкоторой *) изъ нихъ такое имѣлъ мнѣніе, что Стопа̀, называемая Іамбъ, высокое сама собою имѣетъ благородство, для того что она возносится съ низу въ верьхъ, отъ чего всякому чувствительно слышна высокость ея и великолѣпіе, и что, слѣдовательно, всякой Героіческой Стіхъ, которымъ обыкновенно благородная и высокая матерія поется, долженствуетъ состоять сею Стопóю; а Хорей, сприроды нѣжность и пріятную сладость имѣющій самъ же собою, по его мнѣнію, долженъ токмо составлять Элегіаческой родъ Стіхотворенія, и другіе подобные, которые нѣжныхъ и мяхкихъ требуютъ описаній, потому что онъ съ верьху въ низъ упадаетъ, чемъ больше показываетъ нѣжную умильность, нежели высоту и устремительное теченіе.

Другой **) прекословилъ сему, и предлагалъ, что никоторая изъ сихъ Стопъ сама собою не имѣетъ какъ благородства, такъ и нѣжности; но что все сіе зависитъ токмо отъ изображеній, которыя Стіхотворецъ употребляетъ въ свое сочиненіе, такъ что

*) т. е. Ломоносовъ.
**) т. е. Тредьяковскій.

Іамбомъ состоящій Стїхъ равно изобразитъ слаткую нѣжность, когда нѣжныя словà приберутся, и Хореемъ высокое благородство, ежели Стїхотворецъ употребитъ высокїя и благородныя рѣчи.

Сїе онъ утверждалъ еще, что Хорей и Іамбъ коль себѣ ни противны дїаметрально, для того что первый состоитъ изъ долгаго да краткаго слоговъ, а второй изъ краткаго да долгаго; однако сїе ихъ сопротивленїе другъ другу не толь есть непрїятельское явно, что бы они не имѣли между собою согласїя и дружбы тайно: ибо чистымъ Іамбомъ состоящій Стїхъ, ежели токмо одинъ самый первый слогъ сего Стїха тише обыкновеннаго голосомъ произнесется, имѣетъ состоять въ тожъ сáмое время чистымъ Хореемъ; также, буде Стїхъ составленъ чистымъ Хореемъ, то тишайшимъ произношенїемъ перваго его одного токмо слога, составится онъ совокупно чистымъ Іамбомъ.

Отъ сего онъ наводилъ, что союзъ между сими обѣими Стопáми долженствуетъ быть не заключенной, но природной и братской; а слѣдовательно, когда Іамбъ сприроды имѣетъ высокость, то совокупно имѣетъ оную и Хорей; когдажъ въ Хореѣ также природная есть нѣжность, то все участїе въ ней по праву должно и Іамбу, и для того какъ Хорей нѣженъ и высокъ, такъ Іамбъ высокъ и нѣженъ.

Въ рассужденїижъ того, что первый приписывалъ чувствительное благородство Іамбу для того, что онъ съ низу въ верьхъ восходитъ, а Хорею умильность для сего, что онъ противно ему падаетъ, сей второй говорилъ, что ежелибъ Іамбъ былъ высокъ и благороденъ, то бы Хорею, какъ по прямой лїнѣѣ противному, надлежало быть нѣсколько, или довольно ниску и подлу, а не умильну и нѣжну; и что ежели бы восхожденїе съ низу въ верьхъ въ Стопѐ было точнымъ знáкомъ благородства, а паденїе съ верьху въ низъ умильности, то бы Гомеровой Іліадѣ, и Вїргїлїевой Энеїдѣ, двумъ наивысочайшимъ Героїческимъ Поэмамъ, должно было состоять Анапестами, которые также восходятъ съ низу въ верьхъ, а не Дактилями, которые падаютъ съ верьху

въ низъ, даромъ что ихъ количество слоговъ не состоитъ въ возвышеніи и пониженіи го́лоса, то есть въ различіи то́на, но въ протяженіи и сокращеніи онаго, то есть въ медлѣнномъ и скоромъ произношеніи: ибо сія ихъ долгота и краткость мѣряющаяся временемъ, всячески не могла быть безъ возвышенія и униженія го́лоса, инако бы во всякомъ ихъ Стіхѣ была токмо Монотонія, которой и въ Прозѣ, то есть не въ піитической рѣчи, быть непристойно, хотя въ ней и нѣтъ пѣнія, а они Стіхи свои произношеніемъ пѣли, то есть, былъ у нихъ въ нихъ нѣкоторой родъ музыки, но въ музыкѣ Монотоніи, то есть, одному звону го́лоса, нѣтъ мѣста, и быть ей тамъ безъ различія го́лоса, по крайней мѣрѣ двустепеннаго, странно. А понеже не Анапесты, но Дактили употреблены отъ сихъ великихъ Стіхотворцовъ; того ради, или каждая Стопа̀ ни благородна ни нѣжна собою, или всякая и благородна и нѣжна совокупно. Къ томужъ, какъ восхожденіе, или вознесеніе въ Іамбѣ не непрерывное, но токмо вскокъ смѣшенный съ скокомъ, такъ въ Хореѣ нисхожденіе, или ниспаденіе не все продолжающееся, но также скокъ смѣшенный съ вскокомъ: И такъ, наконецъ, обѣ сія Сто́пы по всему себѣ равны, такъ что одна предъ другою никако́ва преимущества имѣть не можетъ, когда онѣ токмо сами въ себѣ, и къ словамъ не приложенныя, рассматриваются.

На сіе третій *) изъ нихъ же предлагалъ, что и онъ въ Іамбѣ находитъ высокость, благородство и живность; а въ Хореѣ, кромѣ нѣжности, ничего не видитъ, и что ему въ Іамбіческихъ Стіхахъ рѣчь важнѣйшею кажется: ибо Іамбъ, говорилъ онъ, возвышая свой голосъ, нѣсколько гордости являетъ, а Хорей упадая, точно изображаетъ любовническое воздыханіе. И такъ Іамбъ ужѐ имѣетъ теперь двухъ защитниковъ, и слѣдовательно два го́лоса; а Хорея защищаетъ одинъ токмо голосъ.

Но чтобъ не показалось, что двое одного хотятъ преодолѣть, и что притомъ сіе дѣло не можетъ рѣшиться большествомъ,

*) т. е. Сумароковъ.

чтобъ позволено такъ сказать, голосовъ: того ради онъ разсуждаетъ, сочинить всѣмъ тремъ нѣкоторой высокой родъ Стїхотворенїя, а именно Оду, а для сего выбрать одинъ Псаломъ изъ Псалтири.

Находящему въ Хореѣ съ нѣжностїю и благородство, сочинить бы Оду Хореїческую; а стоящимъ за Іамбїческую токмо высокость, составить Одическїе свои Стїхи Іамбомъ. Чрезъ сїе тотчасъ объявится, имѣетъ ли Хорей при нѣжности высокость, а Іамбъ при высокости нѣжность.

Защитникъ Хорея, какъ прочїе оба его называли, хотѣлъ было пространнѣе доказывать, что мнѣнїе его не въ томъ состоитъ, чтобъ онъ приписывалъ точно обѣимъ симъ Стопàмъ нѣкоторое особливое свойство высоты, или нѣжности, но по положенїю токмо, то есть, буде Іамбъ собою высокъ, то онъ совокупно собоюжъ и нѣженъ: а буде Хорей собою нѣженъ, то онъ также притомъ и высокъ: ибо впрочемъ не признаваетъ онъ, какъ говорилъ выше, ничего сего въ Стопàхъ, но причитаетъ все разности словъ. Но оба прочїе не хотѣли отъ него ничего больше слышать, да токмо склонили его къ тому, чтобъ ему сочинить Оду Хореїческую, и выбрали себѣ на сїе Псаломъ сто сорокъ третїй. Сей есть случай и причина сихъ трехъ Одъ, двухъ Іамбїческихъ, а одной Хореїческой, которыя нынѣ Свѣту подаются.

Однако подаются онѣ Свѣту не въ такомъ намѣренїи, чтобъ разсмотрѣть и опредѣлить, которой изъ нихъ лучше и великолѣпнѣе вознесся. Сїе предпочтенїе могло бы имъ быть всѣмъ троимъ обидно: ибо праведно есть, что всѣ трое не подлымъ искусствомъ сочинили свои Стїхи, и что трудный и прерывный разумъ Псалма совершенно они изобразили. Чувствительная токмо разность ихъ жара и изображенїй, а удивительное согласїе разума здѣсь предлагается, и отъ сего заключается, что всѣ добрые Стїхотворцы коль ни разно въ особливости остроту своихъ мыслей и силу различаютъ, однако въ обществѣ въ одинъ пунктъ сходятся, и чрезъ то отъ должнаго себѣ центра не относятся. Чрезъ сїе самое распознаваются многїе дряхлые на Парнассъ ползущїе,

которые и свои мысли не ясно иногда словами изображаютъ, и Стїхомъ весьма не глаткимъ и не пра́вильнымъ, и въ одной матерїи разны, и въ разности больше надлежащаго другъ отъ друга далеки, для того что не знаютъ, гдѣ ихъ пунктъ неподвижный, и цѣль, въ которую бы мѣтить.

Чтожъ еще до сихъ Одъ Писателей; ихъ токмо всѣхъ троихъ имена здѣсь объявляются, то есть, что Авторы сїи именно: Александръ Сумароковъ Генеральсъ-Адъютантъ, Мїхайла Ломоносовъ Адъюнктъ при Академїи, да тояжъ Академїи Секретарь Васїлей Тредїаковскїй. Но которой изъ нихъ которую Оду сочинилъ, о томъ умолчевается: знающїе ихъ свойства и духъ тотчасъ узнаютъ сами, которая Ода чрезъ котораго сложена.

А чтобъ, напослѣдокъ, Читателямъ не имѣть нѣкоторыя неугодности въ томъ, что, читая можетъ быть за благо рассудится кому сличить Оды съ самымъ подлиннымъ Псалмомъ, а не имѣя вскорѣ Псалтири при себѣ, можетъ онъ лишиться сего удовольствїя: того ради вносится сюда оный Псаломъ весь точно.

ПСАЛОМЪ 143.

Благословенъ Господь Богъ мой, научаяй руцѣ мои на ополченїе, персты моя на брань.

Милость моя и прибѣжище мое, заступникъ мой и избавитель мой, защититель мой, и на него уповахъ, повинуяй люди моя подъ мя.

Господи, что есть человѣкъ, яко познался еси ему? или сынъ человѣчь, яко вмѣняеши его?

Человѣкъ суетѣ уподобися, днїе его яко сѣнь преходятъ.

Господи, преклони небеса и сниди, коснися горамъ, и воздымятся.

Блесни молнїю, и разженеши я, посли стрѣлы твоя, и смятеши я.

Посли руку твою въ высоты, и изми мя, и избави мя отъ водъ многихъ, изъ руки сыновъ чужихъ.

Ихже уста глаголаша суету, и десница ихъ, десница неправды.

Боже, пѣснь нову воспою тебѣ, во Псалтири десятострунѣмъ пою тебѣ.

Дающему спасенїе Царемъ, избавляющему Давїда раба своего отъ меча люта.

Избави мя, и изми мя изъ руки сыновъ чужихъ: ихже уста глаголаша суету, и десница ихъ, десница неправды.

Ихже сынове ихъ яко новосажденїя водруженная въ юности своей:

Дщери ихъ удобрены, преукрашены, яко подобїе храма.

Хранилища ихъ исполнена, отрыгающая отъ сего въ сїе. Овцы ихъ многоплодны, множащыяся во исходищахъ своихъ *).

Волове ихъ толсти. Нѣсть паденїя оплоту, ниже прохода, ниже вопля въ стогнахъ ихъ.

Ублажиша люди, имже сїя суть. Блажени людїе, имже Господь Богъ ихъ.

ОДА ПЕРВАЯ ІАМБІЧЕСКАЯ.

Благословенъ Творецъ вселенны,
Которымъ днесь я ополченъ!
Се руки нынѣ вознесенны,
И духъ къ побѣдѣ устремленъ:
Вся мысль къ Тебѣ надежду правитъ;
Твоя рука меня прославитъ.

* * *

---

*) Псал. CXLIII, 13: «Да будутъ житницы наши полны, обильны всякимъ хлѣбомъ».

*

Защитникъ слабыя сей груди,
Невидимой своей рукой!
Тобой почтутъ мои мя люди
Подверженны подъ скипетръ мой.
Правитель бесконечна вѣка!
Кого Ты помнишь! человѣка.

* * *

Его весь вѣкъ какъ тѣнь преходитъ:
Всѣ дни его, есть суета.
Какъ вѣтеръ пыль въ ничто преводитъ;
Такъ гибнетъ наша красота.
Кого Ты, Творче, вспоминаешь!
Какой Ты прахъ днесь прославляешь!

* * *

О Боже! рцы мѣстамъ небеснымъ,
Гдѣ Твой божественный престолъ,
Превыше звѣздъ верьхамъ безвѣснымъ,
Да приклонятся въ нискїй долъ:
Спустись, да долы освятятся;
Коснись горамъ, и воздымятся.

* * *

Да сверкнутъ молни, громъ Твой грянетъ,
И взыдетъ вихрь изъ земныхъ нѣдръ;
Рази врага, и не востанетъ;
Пронзи огнемъ ревущїй вѣтръ;
Смяти его пустивши стрѣлы;
И дай покой въ мои предѣлы.

* * *

Простри съ небесъ Свою зѣницу,
Избавь мя отъ враговъ моихъ;
Подай мнѣ крѣпкую десницу,

Изми мя отъ сыновъ чужихъ:
Разрушь бунтующи народы,
И станутъ брань творящи вóды.

* * *

Не приклони къ ихъ ухо слóву:
Дѣлà ихъ гнусны предъ Тобой.
Я воспою Тебѣ пѣснь нову,
Взнесу до облакъ голосъ мой,
И восхвалю Тя пѣснью шумной
Въ моей Псалтирѣ многострунной.

* * *

Дающу области, державу,
И царскїй на главу вѣнецъ,
Царемъ спасенїе и славу.
Премудрый всѣхъ судебъ Творецъ!
Ты грознаго меча спасаешь,
Даешь побѣды, низлагаешь.

* * *

Какъ гроздъ росою напоенный,
Сыны ихъ въ юности своей;
И дщери ихъ преукрашенны,
Подобьемъ красоты церьквей:
Богаты, славны, благородны;
Стадà овецъ ихъ многоплодны.

* * *

Волы въ лугахъ благоуханныхъ,
Во множествѣ слатчайшихъ травъ,
Спокоясь отъ трудовъ имъ данныхъ,

И весь ихъ скотъ пасомый здравъ:
Нѣтъ вопля, слезъ, и нѣтъ печали,
Которыбъ ихъ не миновали.

* * *

О! вы щастливые народы,
Имущи таковую часть!
Послушны вамъ земля и вóды,
Надъ всѣмъ, что зрите, ваша власть:
Живущіежъ по Творчей волѣ,
Еще сто кратъ щастливы болѣ.

ОДА ВТОРАЯ ХОРЕІЧЕСКАЯ.

Крѣпкій, чудный, бесконечный,
Полнъ хвалы, преславный весь,
Боже! Ты единъ превѣчный,
Сый Господь вчера и днесь:
Непостижный, неизмѣнный,
Совершенствъ пресовершенный,
Неприступна окруженъ
Самъ величества лучами,
И огньпальныхъ слугъ зарями,
О! будь ввѣкъ Благословенъ.

* * *

Кто бы толь предивно рýки
Безъ Тебя мнѣ ополчилъ?
Кто бы пращу, а не лýки,
Въ брань направить научилъ?
Ей бы мечъ извлекъ я тщетно,

Ни копьемъ сразилъ бы мѣтно,
Будебъ Ты мнѣ не помогъ,
Перстовъ трепетъ ободряя,
Слабость мышцы укрѣпляя,
Силъ Господь и правды Богъ.

* * *

Нынѣ кругъ земный да знаетъ
Милость всю ко мнѣ Его:
Духъ мой твердо уповаетъ
На Заступника Сего:
Онъ Защитникъ, Покровитель,
Онъ Прибѣжище, Хранитель.
Повинуя родъ людей,
Далъ Онъ крайно мнѣ владѣти,
Далъ правительство имѣти,
Чтобъ народъ прославить сей.

* * *

Но смотря мою на подлость,
И на то, что бѣдн и малъ,
Прочихъ видя верьхъ и годность,
Чтожъ ихъ жребїй не избралъ,
Вышняго судьбѣ дивлюся,
Такъ гласяя, въ себѣ стыжуся:
Боже! кто я нища тварь?
Отъ когожъ и порожденный?
Пастухомъ опредѣленный!
Какъ? О! какъ могу быть Царь?

* * *

Толь ничтожну, а познался!
Червя точно, а возвелъ!
Благъ и щедръ мнѣ показался!
И по сердцу изобрѣлъ!
Лучшель добрыхъ и великихъ?

Лучшель я мужей толикихъ?
Ахъ! и весь родъ смертныхъ насъ,
Гниль и прахъ есть предъ Тобою;
Жизнь его тѣнь съ суетою,
Дни и ста лѣтъ, токмо часъ.

* * *

Ей! злыхъ всяко истребляешь:
Преклони же звѣздный сводъ,
И коль яро громъ катаешь
Осмотри, снисшедъ, злой родъ;
Лишъ коснись горамъ, вздымятся;
Лишъ пролей гнѣвъ, убоятся;
Грозну молнїю блесни,
Тотчасъ сонмъ ихъ разженеши,
Тучей бурныхъ стрѣлъ смятеши:
Возъярись, не укосни.

* * *

На защиту мнѣ смиренну
Руку Самъ простри съ высотъ,
Отъ враговъ же толь презрѣнну,
По великости щедротъ,
Даруй способъ, и избавлюсь;
Вознеси рогъ, и прославлюсь:
Родъ чужихъ, какъ буйнъ водъ шумъ,
Быстро съ воплемъ набѣгаетъ,
Немощь онъ мою ругаетъ,
И прїемлетъ въ баснь и глумъ.

* * *

Такъ языкомъ и устами
Сей злословитъ въ суетѣ;
Злый скрежещетъ и зубами,
Слѣпо зрясь на высотѣ;
Смѣло множествомъ гордится;

Храбро воруженъ красится:
А десница хищныхъ сихъ,
Есть десница неправдива;
Душъ ихъ скверность нечестива:
Тѣмъ спаси мя отъ такихъ.

* * *

Боже! воспою пѣснь нову,
Ввѣкъ Тебѣ благодаря,
Арфу се держу готову,
Звонъ внуши и гласъ Царя:
Десять струнъ на ней звенящихъ,
Стройно и красно гласящихъ
Славу Спаса всѣхъ Царей;
Спаса и рабу Давїду,
Смертну страждущу обиду
Лютыхъ отъ меча людей.

* * *

Преклонись еще мольбою,
Ту къ Тебѣ теперь лїю,
Сокрушенъ падъ ницъ главою,
Перси, зри, мои бїю:
О! чужихъ мя отъ полчища
Самъ избави скоро нища.
Рѣзвъ языкъ ихъ суета,
Въ праву руку къ нимъ вселилась,
И лукавно расширилась,
Хищна вся неправота.

* * *

Сїи славу полагаютъ
Токмо въ множествѣ богатствъ,
Духъ свой гордо напыщаютъ
Велелѣпныхъ отъ изрядствъ:
Всѣ красуются сынами,

 30

Больше какъ весна цвѣтами;
Дщерей всѣхъ прекрасныхъ зрятъ,
Въ златѣ, нѣжно намащенныхъ,
Толь нѣтъ храмовъ испещренныхъ:
Тѣмъ о Вышнемъ не радятъ.

* * *

Ихъ сокровище обильно,
Недостатка нѣтъ при немъ,
Льетъ довольство всюду сильно,
А избытокъ есть во всемъ:
Овцы въ по́лѣ многоплодны,
И воловъ ста̀да породны;
Ихъ оградамъ не льзя пасть;
Татю вкрасться въ тѣ не можно;
Все тамъ тихо, осторожно;
Не страшитъ путей напасть.

* * *

Васъ толь щастїемъ цвѣтущихъ
Всякъ излишно здѣсь блажитъ;
Малъ чтитъ и великъ идущихъ,
Уступаяжъ путь, дрожжитъ.
О! не вы, не вы блаженны,
Вы коль ни обогащенны:
Токмо тотъ народъ блаженъ,
Богъ съ которымъ пребываетъ;
И которой Вѣчна знаетъ,
Сей есть всѣмъ преукрашенъ.

Въ первый разъ ода Ломоносова напечатана въ брошюрѣ (двадцать двѣ страницы въ четвертую долю листа), вышедшей въ свѣтъ подъ такимъ названїемъ и съ такимъ эпиграфомъ:

ТРИ ОДЫ

ПАРАФРАСТІЧЕСКІЯ

ПСАЛМА 143

СОЧИНЕННЫЯ

ЧРЕЗЪ

ТРЕХЪ СТІХОТВОРЦОВЪ

ИЗЪ КОТОРЫХЪ

КАЖДОЙ ОДНУ СЛОЖИЛЪ ОСОБЛИВО.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ
CIƆIƆCCXLIV.

Sic honor, et nomen diuinis Vatibus, atque
Carminibus venit. . . .

Horat. de Art. poët. vers. 400 et 401.

то есть:

Симъ образомъ искусные Стїхотворцы, и ихъ
Стїхи, честь и славу себѣ получаютъ.

Горац. о Наук. Стїхотвор. ст. 400 и 401.

За введеніемъ: «для извѣстія» въ брошюрѣ помѣщены: славянскій текстъ псалма 143, ода Сумарокова, ода Тредьяковскаго и наконецъ ода Ломоносова.

Перелагая псалмы, Ломоносовъ шелъ отчасти по пути, проложенному Симеономъ Полоцкимъ, съ трудомъ котораго онъ

ознакомился въ самой ранней юности. Притомъ въ самомъ способѣ переложенія псалмовъ Ломоносовымъ есть нѣкоторыя черты, указывающія на знакомство его съ пріемами Симеона Полоцкаго. Поэтому въ примѣчаніяхъ къ «духовнымъ одамъ» Ломоносова мы помѣщаемъ какъ славянскій подлинникъ, такъ и переложеніе Симеона Полоцкаго.

Благословенъ Господь Богъ, руцѣ научаяй
Мои на бой, и персты на брань наставляяй.
Онъ мое прибѣжище, милость, избавитель
Онъ мой заступникъ въ брани и скоръ защититель.
На него азъ уповахъ: онъ ми покорилъ есть
Люди моя, и вожда имъ мя сотворилъ есть.
Боже, что есть человѣкъ, яко Ты оному
Далъ еси Тебе знати, сущу мертвенному,
Или что сынъ человѣчь, яко его чтиши?
Человѣкъ есть подобенъ суетѣ, самъ зриши:
Дніе его, яко сѣнь, скоро претекаютъ,
Лѣта, якоже облакъ, мимо прелѣтаютъ.
Господи, склони небо, сшедъ, горамъ коснися,
Да воздымятся; страшенъ въ молніихъ явися,
Блесни, а нечестивыхъ полки разженеши;
Посли стрѣлы острыя, а врага смятеши;
Посли руку Ти свыше, изми мя, избави
Отъ водъ многъ, изъ рукъ чуждихъ, свободна постави,
Ихже языкъ суету многу глаголаше,
И сила ихъ десница неправости бяше.
Боже, пѣснь нову Тебѣ имамъ воспѣвати,
Десятострунну псалтиръ персты пребивати,
Спасающу Ти цари, и мене избавлшу
Отъ меча люта, силу въ побѣду давшу.
Избави мя, изми мя изъ рукъ людей странныхъ
Отъ хуленія многа устъ необузданныхъ,
Ихъ бо языкъ суету многу глаголаше,

И сила ихъ десница неправости бяше.
Ихже сынове, яко новосажденія,
Въ юности своей полни всеукрашенія;
Ихже дщери блистаютъ зѣло удобренны,
Яко храмъ красноцвѣтный лѣпо украшенны
Хранилища ихъ полна, даже отрыгаютъ;
Овцы ихъ многоплодны на поляхъ играютъ,
Множащеся въ тысящи, во своихъ исходѣхъ,
Веселіе творяще держащымъ о плодѣхъ.
Волове ихъ суть толсти; стѣны не падаютъ,
Прохода никомуже удобна подаютъ.
Въ стогнахъ ихъ рыданіе и вопль не бываетъ,
Всякъ сице живущыя блаженны вѣщаетъ.
Но воправду блаженни людіе бываютъ,
Иже Бога праваго за Бога си знаютъ.

(Псалтирь, риомы преложенная, Симеона Полоцкаго. Въ лѣто отъ сотворенія міра 7188, отъ Р. Х. 1680.)

«Три оды парафрастическія», составляющія «необыкновенную библіографическую рѣдкость», перепечатаны академикомъ А. А. Куникомъ въ Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Академіи наукъ. 1865. Ч. II, стр. 419–434.

XIII.

ТЕКСТЪ.

Рит. III. — Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г. § 270. Строфы не обозначены цыфрами, а отдѣлены одна отъ другой звѣздочками.

ВАРІАНТЫ.

Рит. II. — Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747. § 269. Строфы также отдѣлены одна отъ другой звѣздочками.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Оды духовныя. Ода 9. Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія.» Все писано чужою рукою; только въ заглавіи слово: *великаго* приписано самимъ Ломоносовымъ.

С. I. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды духовныя. Ода 10. стр. 44—46. Заглавіе то же, что и въ *Р.* Строфы обозначены цыфрами.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды духовныя. Ода 10. стр. 34—36. Заглавіе то же, что въ *Р.* и *С. I.* Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 2. Поля покрыла мрачна ночь; (Р., С. I и II.)
Ст. 4. Лучи отъ насъ склонились прочь; (С. I и II.)
Ст. 11—12. Теряетъ такъ мой умъ себя
Смущенъ пространство то смотря. (Р.)
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ! (С. I и II.)
Ст. 18. Вездѣ тажъ сила естества. (Рит. II. § 269.)
Тамъ равна сила естества. (С. I. и II.)
Ст. 28. Являетъ оныя уставъ. (Рит. II. § 269.)
Ст. 29. Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ; (Р., С. I и II.)
Ст. 30. Скажите, что насъ такъ мятетъ? (С. I и II.)
Ст. 34. Стремится отъ земли въ ценитъ? (Рит. II. § 269.)
Ст. 35. Какъ быть тому, чтобъ мерзлой паръ (Рит. II. § 269.)
Ст. 39. Склонясь чрезъ воздухъ къ намъ густой; (Рит. II. § 269.)
Ст. 41—42. Иль вѣетъ по морю Зефиръ,
И движется отъ волнъ Ефиръ. (Рит. II. § 269.)
Ст. 48. Скажитежъ, коль великъ Творецъ? (С. I и II.)

«Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ» написано въ 1743 году, по свидѣтельству самого Ломоносова. Въ Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ онъ говоритъ: «Франклинова догадка о сѣверномъ сіяніи отъ моей теоріи весьма разнится. Сіе мое слово было уже почти готово, когда я о Франклиновой догадкѣ увѣдалъ. Сверьхъ сего ода моя о сѣверномъ сіяніи, которая сочинена 1743 года, а въ 1747-мъ году въ Риторикѣ напечатана, содержитъ мое давнѣйшее мнѣніе, что сѣверное сіяніе движеніемъ Ефира произведено быть можетъ».

(Торжество Академіи наукъ въ честь восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, празднованное 26 ноября 1753 г. Слово о явленіяхъ воздушныхъ отъ електрической силы происходящихъ, предложенное отъ Михайла Ломоносова. Изъясненія надлежащія къ Слову о електрическихъ воздушныхъ явленіяхъ, стр. 72).

Напечатано въ первый разъ въ Риторикѣ Ломоносова, 1748 года. Рит. III, § 270: «Вмѣсто причины можно положить распространенiе какой нибудь Идеи, которая имѣетъ принадлежность къ терминамъ, составляющимъ посылку, какъ въ сей Ентимемѣ: *Тварей изслѣдовать не можемъ, слѣдовательно и Творецъ есть не постижимъ,* распространить можно Идеи о ночи, о мирѣ и о сѣверномъ сiянiи, что учинено въ слѣдующей одѣ:

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла влажна ночь, и т. д.

Приводится вся ода, которая впослѣдствiи названа Ломоносовымъ: «Вечернее размышленiе о Божiемъ величествѣ».

По замѣчанiю академика Пекарскаго «это одно изъ немногихъ вполнѣ самобытныхъ стихотворенiй Ломоносова и притомъ — плодъ свободнаго творчества»; оно «справедливо считается однимъ изъ лучшихъ въ этомъ родѣ произведенiй нашего писателя, самымъ блестящимъ его стихотворенiемъ». (II, 345—346).

Оно послужило основою для изображенiя Ломоносова на памятникѣ, поставленномъ ему въ Архангельскѣ. Проектъ памятника принадлежитъ ректору академiи художествъ Мартосу. «Идею для составленiя сего монумента художникъ почерпнулъ изъ оды Ломоносова: *Вечернее размышленiе о Божiемъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сiянiя.* По словамъ Мартоса, Ломоносовъ представленъ стоящимъ на сѣверномъ полушарiи для означенiя, что есть сѣверный поэтъ, и взирающимъ на величественное небесное явленiе съ восторгомъ и удивленiемъ; генiй или ангелъ разума подаетъ ему лиру для воспѣтiя сихъ безсмертныхъ стиховъ:

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкiй прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ!

Въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» на 1838 годъ (№ 32, стр. 627) помѣщено:

Вечернее размышленіе о Божіемъ величіи, соч. Ломоносова, переложенное въ Русскій размѣръ.

1.

День сокрылъ лице; ночь въ поляхъ лежитъ;
Черна тѣнь взошла на вершины горъ,
Свѣтлый лучь погасъ въ синевѣ небесъ;
Бездна звѣздная раскрывается —
Нѣтъ числа звѣздамъ, безднѣ мѣры нѣтъ!

2.

Какъ песчинка, намъ незамѣтная,
Въ бурной хляби водъ, искра въ вѣчномъ льдѣ;
Какъ въ порывѣ бурь перелетный прахъ;
Какъ перо въ огнѣ: такъ въ сей безднѣ я
Исчезаю весь, весь теряюсь я,
Утомленный мыслей бременемъ.

3.

Намъ гласятъ уста велемудрыя:
Тамъ другихъ міровъ область вѣчная;
Тамъ горятъ солнцы неизсчетныя;
Тамъ народовъ жизнь, новый кругъ вѣковъ;
Тамъ для славы Всемогущаго
Вещество хранитъ силу равную. . . .

4.

Но, природа, гдѣ твой, скажи, законъ?
Съ полуночныхъ странъ вдругъ встаетъ заря,
Или солнце тамъ ставитъ свой престолъ?
Или вѣчный ледъ морей вспыхнулъ вдругъ?

Вотъ холодный огнь покрываетъ насъ;
Вотъ на землю день всталъ средь полночи!

5.

Вы, которыхъ взоръ книгу дивную
Непостижныхъ правъ проницаетъ въ глубь;
Вы, которымъ знакъ незамѣтный намъ
Раскрываетъ вдругъ естества уставъ!
Вамъ извѣстенъ путь всѣхъ планетъ, всѣхъ звѣздъ:
Такъ скажите намъ, что̀ смущаетъ насъ?

6.

Что сей зыблетъ лучь ясный въ полночи?
Что сей мещетъ огнь въ твердь небесную?
Какъ вдругъ молнія отъ земли въ зенитъ,
Безъ громовыхъ тучь, безъ грозы, летитъ?
И какъ можетъ быть, чтобы мерзлый паръ
Среди хладныхъ зимъ порождалъ пожаръ?

7.

Или споритъ тамъ жирна мгла съ водой?
Или солнца лучь сквозь туманъ густой,
Преломившись, къ намъ наклоняется?
Или тучныхъ горъ тамъ верхи горятъ?
Или въ море дуть пересталъ зефиръ,
И бьютъ волны вверхъ изъ морей въ эфиръ? . . . .

8.

Если вашъ отвѣтъ столь сомнѣній полнъ
И о томъ, что близь почти вашихъ глазъ;
Такъ скажите жь намъ: какъ пространенъ свѣтъ?
И что кроется выше дальнихъ звѣздъ?
Коль невѣдомъ вамъ край творенья,
Разскажите намъ, какъ великъ Творецъ.

Стихотвореніе подписано неполнымъ именемъ автора: «К—въ». Размѣромъ своимъ оно напоминаетъ многія пѣсни Кольцова; въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» этого года помѣщено нѣсколько его стихотвореній.

«Вечернее размышленіе» Ломоносова переведено Беллинсгаузеномъ на нѣмецкій языкъ. Находя, что славу русскаго Малерба Ломоносовъ пріобрѣлъ своими прекрасными переложеніями псалмовъ, переводчикъ объясняетъ причину своего выбора тѣмъ, что два «Размышленія» Ломоносова (Утреннее и Вечернее) отличаются самобытностью — keine Nachahmung, sondern eigene producte von ihm sind.

Abendbetrachungen bey Gelegenheit einer groszen Nordlichterscheinung.

Sieh Titans Strahlen sich von unserm Blick entfernen,
Sie schwinden; Finsternisz deckt nun gleich Land und Meer:
Doch bald erscheinet uns, von ungezählten Sternen
Am weiten Horizont ein unabsehbar Heer.
So wie ein Tropfen dort in aufgethürmte Wogen
Des groszen Oceans im Augenblick verrinnt;
So wie ein leichtes Blatt durch Sturm dem Stamm entzogen,
Im Feuerberge schnell ein kleines Korn verschwindt:
So schwindt der Menschen Geist ganz in des Schöpfers Grösze.
In seiner Schöpfung Reich und ihren weisen Plan;
Wir sehen überall der irdschen Einsicht Blösze,
Und statt der Wissenschaft so oft nur eitlen Wahn.
Zwar spricht der Weisen Mund: es sind noch viele Welten,
Wir sehen andrer Sonnen Spur;
Gewisz sind Wesen noch, die dort, was wir hier, gelten,
Auch dort verkündigt Ruhm, Ruhm Gottes die Natur.
Doch wo ist ihr Gesetz, steigt eine Morgenröthe
Von Mitternacht? sind dort auch Sonnen noch versteckt?
Was ist es, das ein Meer von Feuer hier erhöhte,
Wo itzt nur Schnee und Eis die weiten Tiefen deckt?

O Menschen voll von Wahn, ihr deren hohes Streben,
Die schnöde Eitelkeit euch nur so wichtig preist;
Die ihr, was die Natur im kurzen Erdenleben
Nur schwach zu ahnden gab, Gesetz der Schöpfung heiszt!
Ihr seht mit kühnem Witz der Sterne dunkle Wege,
Berechnet oft so stolz den festbestimmten Lauf;
Wüszt ihr auch, wie ein Blitz, selbst ohne Donner rege,
Von unsern Kreis hinauf zum hohen Aether fährt?
Hat euer Forschergeist die Wissenschaft gefunden,
Die nun schon überall der Dinge Wesen kennt?
Woher es möglich wird, dasz Dunst in kalten Stunden
Entzündt, dem Feuer gleich, in hohen Luften brennt?
Voll stätem Zweifel ist selbst von den nahen Dingen
Die ird'sche Kenntnisz, der die Menschen so vertraun;
Wie kann nun Sterblichen der kühne Wunsch gelingen,
Mit schwachem Blick die Schöpfung durchzuschaun?

(Journal der älteren und neueren Russischen Literatur, herausgegeben von J. G. Baron von Bellingshausen. 1802. Erstes Heft. s. 31—33.

XIV.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды духовныя. Ода 9. стр. 41—43. Строфы обозначены цыфрами.

ВАРІАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Оды духовныя. Ода 8. Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.» Строфы не обозначены цыфрами. Все писано чужою рукою. Только въ ст. 30 зачеркнуто: *и* и рукою Ломоносова написано: *нашъ*.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды духовныя. Ода 9. стр. 32—33. Заглавіе то же, что въ *Р.* и *С. I.* Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 2. Простерло лучь свой по земли, (Р.)
Ст. 4—6. Мой духъ, чудяся имъ внемли;
Смотря на толь пресвѣтлу тварь,
Представь, каковъ Творецъ и Царь. (Р.)
Ст. 9—10. Чтобъ въ солнце бренно наше око
Могло подробну все узрѣть; (Р.)
Ст. 20. Едина искра предъ Тобой. (Р.)
Ст. 22. Тобой возженна, Боже мой, (Р.)

Ст. 29—30. Тамъ всякая являетъ плоть,
Каковъ Зиждитель нашъ Господь. (Р.)
Ст. 42. Хвалить Тебя, Творецъ и Царь. (Р.)

Не сохранилось точныхъ указаній о времени написанія «Утренняго Размышленія». Въ первый разъ напечатано оно въ Собраніи сочиненій Ломоносова, 1751 года, и съ тѣхъ поръ постоянно помѣщалось непосредственно передъ «Вечернимъ размышленіемъ». Оба «Размышленія» составляли какъ бы одно цѣлое, и второе изъ нихъ составляло pendant къ первому—по буквальному выраженію современника и почитателя Ломоносова. Предполагаютъ, что «Утреннее размышленіе» относится къ тому же времени, какъ и «Вечернее»: «по содержанію и формѣ это одинъ изъ раннихъ поэтическихъ опытовъ Ломоносова».

(Будиловича: Ломоносовъ какъ писатель. 1871. стр. 10.)

Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ (1745—1789) перевелъ прозою на французскій языкъ «Утреннее размышленіе» Ломоносова, а Лемьеръ переложилъ этотъ переводъ въ стихи. Издавая оду свою, написанную на смерть Ломоносова, Шуваловъ говоритъ:

On désirerait d'insérer ici quelques morceaux des Poësies de Mr. Lomonosof. Quoiqu'une traduction ne soit que l'estampe d'un tableau (où le dessein se conserve, mais où le coloris ne saurait se transmettre), on se flatte que ce serait le meilleur moyen de faire connaître le Poëte qu'on célébre, et de prouver que les éloges qu'on lui donne ne sont point outrés. Mais on avoue, avec douleur, que n'ayant point l'original sous la main, on est dans l'impossibilité d'exécuter ce louable projet. Toutefois on hazarde un très petit fragment, qui n'est pas même ce que l'Auteur a composé de meilleur. Il y a six mois que cette traduction fut faite à Paris, et mise en vers Français, par Mr. Le Miére Auteur d'Hipermnestre. On donne ici la prose, parce qu'elle est plus littérale.

REFLEXIONS DU MATIN

SUR LA GRANDEUR DE DIEU.

Deja le flambeau du monde répand sa clarté sur la Terre, et découvre à mes yeux les ouvrages de l'Eternel. O mon âme! rempli toi d'allégresse, contemple cet éclat Divin, et songe au Créateur.

Si les mortels pouvaient s'élever assez haut, et porter de près leurs regards sur le Soleil, ils appercevraient de toutes parts un Océan de feu éternellement embrasé.

Là, des vagues enflamées roulent sans cesse, et ne rencontrent jamais de bords: Là, des tourbillons brûlants lutent entr'eux, depuis une multitude de siécles: Là, des pierres bouillonnent comme l'onde, et des torrents de lumiére jaillissent en pluye.

Ce disque ardent fut créé pour éclairer la marche des saisons, et les actions des hommes. Mais, Seigneur, cet immense amas de flammes, n'est qu'une étincelle devant toi.

Le Soleil dore la surface des corps où ses faisceaux se brisent. Ta vuë qui ne connait point d'obstacles, pénétre par tout, et de la sérénité de tes regards, se répand la joye dans le coeur de tous les Etres.

Le pendant de ce petit ouvrage intitulé, *Réflexions du soir sur la grandeur de Dieu, faites à l'occasion d'une Aurore Boréale*, est encore plus beau. La description poëtique du météore est neuve, originale, hardie et sublime.

On compte donner un jour au public une traduction complette des Oeuvres de Mr. Lomonosof.

(Ode sur la mort de Monsieur Lomonosof. De l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg. MDCCLXLV. стр. 11—13.) Въ 1766 году, въ Almanach des Muses помѣщенъ переводъ Лемьера.

LE LEVER DU SOLEIL.

Déja l'astre du jour s'est emparé du ciel;
Il lance par faisceaux ses rayons sur la terre,
Et je découvre à sa lumière
Les prodiges sortis des mains de l'Eternel.
Mon ame, élance-toi vers cette clarté pure;
Des portes du matin, admire la nature,
Et remplis-toi de son auteur.
Ah! si nos yeux pouvoient, sans blesser leur paupière,
Approcher du soleil, contempler sa splendeur,
Et s'enfoncer dans sa lumière,
Ils ne verroient qu'un océan de feux
Qui ne rencontre aucuns rivages,
Que tourbillons brûlans, luttant sans cesse entr'eux,
Et dès la naissance des âges,
Embrâsant les plaines des cieux.
La pierre se dissout, bouillonne avec furie,
Au sein de ces foyers ardens;
La flâme roule par torrens;
La lumière par flots jaillit et tombe en pluie.
C'est aux clartés de tant de feux divins,
Que marchent les saisons, qu'agissent les humains,
Mais, grand Dieu, cet amas de lumière éternelle,
Qu'est-il devant tes yeux? à-peine une étincelle.
Ce disque dont tes mains ont arrondi les bords,
Dont jamais les feux ne s'épuisent,
Colore seulement la surface des corps
Où ses rayons se brisent.

Ton oeil plus pénétrant perce leurs profondeurs,
Réunit sous un point les déserts de l'espace;
Il ne parcourt pas, il embrasse
Et du même regard il sonde tous les coeurs.

(Сборникъ матеріаловъ для исторіи академіи наукъ въ XVIII вѣкѣ, издалъ А. Куникъ. 1865. Ч. I. стр. 201—223.
Утренняя заря. 1800. Книжка I. стр. 72—78)

«Утреннее размышленіе о Божіемъ Величествѣ» переведено и на нѣмецкій языкъ—тѣмъ же лицомъ и въ томъ же изданіи, что и «Вечернее размышленіе»:

Morgenbetrachtungen über die Grösze Gottes.

Schon steigt am Horizont die wohlthatsreiche Sonne,
Durch sie wird jeder Segen neu;
Ihr Strahl enthüllet uns der ganzen Schöpfung Wonne;
O denkt wie grosz der Schöpfer sey!
Wär's Sterblichen vergönnt, die Sonn'in ihren Höhen
Mit starkem Auge nah zu schaun;
Sie würden staunend dann ein Meer von Feuer sehen,
Und kaum den eignen Blicken traun.
In deiner Grösz'o Gott scheint dieses Meer versunken,
Für dich so klein, für uns so grosz;
Du zündetest für uns, zum groszen Licht den Funken,
Und schön ward deiner Schöpfung Loos.
Durch Titans Strahl gereift, giebst Du uns goldne Aehren,
Der Bäume Frucht, der Pflanzen Saft;
Und aller Wesen Art, die deine Gaben nähren
Fühlt deine Güte, deine Kraft.
Der Welten Innerstes kann deine Allmacht lesen,
Und Höh' und Tiefen sind dir gleich;
Aus deiner milden Hand empfangen alle Wesen,

Du machest sie an Freuden reich.
Allgütiger verleyh'auch mir auf dunklen Wegen
Von deiner Klarheit einen Strahl;
Was dir gefällig ist, gestärkt durch deinen Segen,
Sey meine That und meine Wahl.

(Journal der älteren und neueren Litteratur. 1802. стр. 29—31).

Тамъ же помѣщена, въ нѣмецкомъ переводѣ, ода на взятіе Хотина. Переводъ въ такомъ родѣ:

O welch' Entzücken reiszt mich hin zu edlen Höhen,
Mich hin, wo mein Entzücken steigt,
Wo Zephir selbst nur horcht, erstaunt vergiszt zu wehen,
Im Hayn und Thal mit Ehrfurcht schweigt.
Der Hypocren nun still, scheint ruhig nur zu lauschen,
Sonst so geschwätzig, itzo nicht,
Nur Lorbeerzweige hör' ich noch in Händen rauschen
Des Mädchenchors, das Kränze flicht.
Wie seh' den Pindus ich zu meinen Füszen liegen!
Ich höre tapfrer Helden Preis,
In sanfter Schwestern Lied'ich fühl'ihr Feuer siegen
Und eil'in ihren schönen Kreis.
Mit holder Stimme sprach am Quell der Schwestern eine:
Hier trink', vergisz itzt allen Tand,
Dein Auge sey geschärft, und hier aus diesem Hayne
Erblicke dort ein fernes Land. . . . .

Въ Трудахъ Общества любителей россійской словесности (1819 г. Ч. XIII, стр. 65—81) помѣщена статья Петра Калайдовича: «Разсмотрѣніе оды Ломоносова: Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ». По мнѣнію критика, «Ода сія принадлежитъ къ лучшимъ лирическимъ произведеніямъ нашего поэта; а по своему высокому предмету, богатству воображенія, силѣ чувства, строгому соблюденію единства и восторга, занимаетъ

первое мѣсто въ его стихотвореніяхъ. Единство строжайшимъ образомъ соблюдено въ цѣломъ и въ частяхъ. Всѣ описанія, всѣ изображенія клонятся къ одной цѣли — представить величество Бога. Предметъ оды есть солнце: отъ начала до конца оно въ глазахъ нашихъ. Другое достоинство оды состоитъ въ соблюденіи степени восторга. Въ ней господствуетъ благоговѣйное чувство, которое по натурѣ своей должно родить восторгъ тихій, умѣренный, и потому Ломоносовъ назвалъ свою оду *размышленіемъ*».

Въ статьѣ Калайдовича сдѣлано нѣсколько замѣтокъ объ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ въ одѣ:

Ст. 1—2. Ужѐ прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли.

«Эпитетъ солнца—«*прекрасное*» кажется неприличенъ въ высокомъ слогѣ столь величественному свѣтилу, изображенію самого Бога. Простираться могутъ лучи, а блескъ разсыпается» и т. п.

Ст. 27: И взору нашему открылись

Въ текстѣ стихотворенія, помѣщенномъ въ статьѣ Калайдовича:

И взору моему открылись

«Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ—говоритъ онъ—вмѣсто: «и взору *моему*» стоитъ: «*нашему*». По моему мнѣнію, первому слову должно дать преимущество. Роллень замѣчаетъ, что переводъ Моисеевой пѣсни: «*Поимъ* Господеви: славно бо прославися» ослабляетъ силу подлинника, который начинается словомъ: *Пою*. Единственное число представляетъ весь Израильскій народъ въ лицѣ одного Моисея, одушевленный однимъ чувствомъ радости и благодарности. И здѣсь взоры всего человѣческаго рода, устремленные на красоту земли и неба, совокупляются въ одинъ взоръ поэта, воспламененнаго чувствомъ удивленія и благоговѣнія къ Создателю».

XV.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой — заглавіе, на остальныхъ семи — ода. Заставная литера Н — на полѣ изъ орнаментальныхъ завитковъ и цвѣтковъ. Въ концѣ — заставка (cul-de-lampe) изъ орнаментальныхъ завитковъ, симметричныхъ по вертикальной оси. Строфы не обозначены цыфрами.

ВАРІАНТЫ.

Рит. II. — Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746 — 1747.

Рит. III. — Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

Рит. IV. — Риторика Ломоносова, въ Собраніи его сочиненій, 1759 г.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Оды похвальныя. Ода 9. На день брачнаго сочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго Князя Петра Ѳеодоровича и Государыни Великія Княгини Екатерины Алексѣевны». Строфы не обозначено цыфрами. Писано чужою рукою, только въ ст. 174 зачеркнуто: «именъ слухъ вашихъ» и написано Ломоносовымъ: «вашъ слухъ пріятный».

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. «Оды похвальныя. Ода 9, На день брачнаго сочетанія Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго Князя Петра Θеодоровича и Государыни Великія Княгини Екатерины Алексѣевны, 1745 года». стр. 146—156. Строфы обозначены цыфрами.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 11. стр. 133 — 141. Заглавіе тоже, что въ *С. I.* Строфы также обозначены цыфрами.

Ст. 5. Любезнѣйшихъ супруговъ вводитъ (С. I и II.)
Ст. 8. Цвѣтутъ во дняхъ ужѐ младыхъ, (С. I и II.)
Ст. 13. Красуйся свѣтло Россійскій родъ. (Рит. III. § 217.)
Ст. 35. Пусть сей пріятный гласъ промчется (С. I и II.)
Ст. 42. Чрезъ день трудами изнуренны (С. II.)
Ст. 49. Между млечными облаками (С. II.)
Надъ бисерными облаками (Рит. II, III и IV. § 294.)
Ст. 54. Плоды румянцомъ испещренны (Рит. II, III и IV. § 294; С. I и II.)
Ст. 60. Не тутъ ли царствуетъ любовь? (С. II.)
Ст. 104. Сама смотря на нихъ дивится, (С. I и II.)
Ст. 105–107. И полкъ всѣхъ нѣжностей тѣснится,
И къ онымъ тщательно приникъ.
Кругомъ ея умильны смѣхи (С. I и II.)
Ст. 116. Какъ въ тяжкихъ Таврскихъ нутръ горахъ, (С. II.)
Ст. 117. Бурливыхъ вихрей не боится (С. I и II.)
Ст. 121. Не самъ ли въ арфу ударяетъ (С. I и II.)
Ст. 140. Щедротой ободренный трудъ. (С. I и II.)
Ст. 143. Благополучно возрастай. (С. I и II.)
Ст. 145. Ты процвѣтай краснѣе крина, (С. I и II.)
Ст. 150. Какъ на всходящій дневный свѣтъ. (С. I и II.)

Ст. 157. Не будетъ страшныя премѣны; (С. II.)
Ст. 174. Вашъ слухъ прїятный протекаетъ, (Р., С. I и II.)
Ст. 176. Какъ благовонный фимїамъ. (С. II.)
Ст. 179. Свое такъ сердце утѣшаетъ, (Р., С. I и II.)
Ст. 190. Чрезъ сей благословенный бракъ. (С. I и II.)
Ст. 192—193. Подай, чтобъ Россовъ Обновитель
Въ потомкахъ вѣчно жилъ своихъ: (С. I и II.)

Ст. 11—13. Исполнилъ Богъ свои совѣты
Съ желанїемъ Елисаветы:
Красуйся свѣтло Россїй родъ,

Приводятся Ломоносовымъ въ Риторикѣ въ примѣръ «повелительнаго обращенія».

(Рит. II, III и IV. § 217.)

Ст. 38—40. Петра съ Екатериной вновь
Счетаетъ щастье и порода,
Пригожство, младость и любовь.

Въ запискахъ Екатерины II говорится о Петрѣ III, незадолго до свадьбы: Il venait le soir passer quelques instants chez moi, mais sans nul empressement; au contraire il était toujours bien aise de trouver quelque prétexte pour s'en dispenser. . . . A la fin du juillet nous rentrâmes en ville, où tout se préparait pour la célébration des noces. Enfin le 21 août fut fixé par l'impératrice pour cette cérémonie. A mesure que ce jour s'approchait, je devenais plus mélancolique; le coeur ne me prédisait pas grand bonheur. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы: Les noces se firent avec beaucoup de pompe et de magnificence. Mon cher époux ne s'occupait nullement de moi. Je baîllait, je m'ennuyais, n'ayant pas à qui parler, où bien j'étais en représentations, etc.

Ст. 45—76. О коль прекрасенъ свѣтъ блистаетъ!
Являя видъ страны иной.
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей нѣтъ ни шумныхъ бурь,
Межъ бисерными облаками
Сïяетъ злато и лазурь.
Кристальны горы окружаютъ,
Струи прохладны обтекаютъ
Усыпанной цвѣтами лугъ.
Плоды карминомъ испещренны
И вѣтьви медомъ орошенны
Весну являютъ съ лѣтомъ вдругъ.
Восторгъ всѣ чувства восхищаетъ!
Какая сладость льется въ кровь?
Въ прïятномъ жарѣ сердце таетъ!
Не тамъ ли царствуетъ любовь!
И горлицъ нѣжное вздыханье,
И чистыхъ голубицъ лобзанье
Любви являютъ тамо власть.
Древа листами помаваютъ,
Другъ друга вѣтвьми обнимаютъ,
Въ бездушныхъ тамъ любовна страсть!
Ручьи во слѣдъ ручьямъ крутятся,
То гонятъ, то себя манятъ,
То прямо другъ къ другу стремятся,
И слившись межъ собой журчатъ.
Нарциссъ надъ ясною водою
Плѣненъ своею красотою
Стоитъ любуясь самъ собой.
Зефиръ, какъ ты по брегу дуешь,
Сто кратъ листки его цѣлуешь
И сладкой тѣ кропишь росой,

Приводятся Ломоносовымъ въ Риторикѣ въ примѣръ «вымышленнаго описанія царства любви».

(Рит. II, III и IV. § 294.)

Ст. 64—70. Приводятся Ломоносовымъ въ примѣръ украшающаго описанія и повѣствованія «оживленія бездушныхъ вещей у стихотворцевъ».

(Рит. II, III и IV. § 313.)

Ср. La Gerusalemme liberata. Canto decimosesto. XII, XVI.

Vezzosi augelli infra le verdi fronde
Temprano a prova lascivette note.
Mormora l'aura, e fa le foglie e l'onde
Garrir, che variamente ella percote. . . .
Raddoppian le colombe i baci loro;
Ogni animal d'amar si riconsiglia.
Par che la dura quercia, e'l casto alloro,
E tutta la frondosa ampia famiglia,
Par che la terra e l'acqua e formi e spiri
Dolcissimi d'amor sensi e sospiri. . . .

Тамъ нѣга съ тишиной обнявшись засыпаютъ,
Зефиры горлицей межъ тростниковъ вздыхаютъ,
И съ томной сладостью журчитъ въ кустахъ ручей. . . .
Влюбленный здѣсь нарциссъ въ прозрачный токъ глядится. . . .
Роса небесная на вѣтвіяхъ блистаетъ,
Изъ толстыя коры струится свѣтлый медъ.
Любовь живитъ весь лѣсъ, съ пернатыми живетъ,
Вздыхаетъ въ тростникахъ, журчитъ въ ручьяхъ кристальныхъ,
Несется пѣснями, теряясь въ рощахъ дальныхъ,
И тихо съ вѣтеркомъ порхаетъ по цвѣтамъ.

(Сочиненія К. Н. Батюшкова. 1887. Т. I. Отрывокъ изъ X-ой пѣсни Освобожденнаго Іерусалима. стр. 60—62.)

Ст. 47—50. Державинъ (VII, 529) приводитъ въ примѣръ «пріятнаго вдохновенія».

Ст. 71—75. Въ пародіяхъ Сумарокова:

Нарцисъ любуется собою,
Такъ Роза какъ Зефиръ тобою. . . .
О Роза! я пою мятежно:
Согласія въ сей одѣ нѣтъ:
Цалуйся ты съ Зефиромъ нѣжно. . . .
(Вздорныя оды, стр. 209—211.)

Ст. 94—98. Лице любови толь прекрасно.
Въ ночи горятъ коль звѣзды ясно,
И проницаютъ тихой понтъ;
Подобно сей царицы взгляды
Сквозь ду́ши и сердца̀ идутъ,

Державинъ (VII, 538) приводитъ эти стихи въ примѣръ «чувственной высокости».

Ст. 101—110. Державинъ (VII, 551—552) приводитъ всю эту строфу въ примѣръ «пріятныхъ картинъ».

Ст. 129–130. И сыплютъ чрезъ долины злачны,
Чемъ блещетъ Ормъ въ своихъ краяхъ.

Ормъ—Ormus (Hormus, Hormuz), островъ въ проливѣ, соединяющемъ Персидскій заливъ съ Индійскимъ океаномъ. Островъ этотъ славился нѣкогда своимъ богатствомъ, источникомъ котораго служила ловля жемчужныхъ раковинъ, добываніе жемчуга. Въ шестнадцатомъ столѣтіи и въ первой четверти семнадцатаго Ормусъ принадлежалъ Португальцамъ и былъ тогда однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ мѣстъ.

La Gerusalemme liberata. Canto decimosettimo. xxv.

Poi due regi soggetti anco veniéno
Con squadre d'arco armate e di quadrella:
Un, soldano è d'Ormús, che dal gran seno
Persico è cinta, nobil terra e bella;

Ст. 131, 138–140. Касталски Нимфы ликовствуютъ,
Онѣ себѣ съ весельемъ ждутъ
Имѣть въ Россіи имя славно
И мздою ободренный трудъ.

Говоря, что стихотворцы ожидаютъ награды — «мзды» за свой трудъ, Ломоносовъ выражаетъ мысль, господствовавшую тогда въ литературномъ мірѣ. Знаменитый въ тѣ времена Гюнтеръ писалъ свои похвальныя оды съ явною цѣлью получить за нихъ награду и поправить свои обстоятельства. Профессора марбургскаго университета получали денежное вознагражденіе за стихи и рѣчи въ честь высокопоставленныхъ лицъ. Такъ профессору поэзіи, логики и метафизики, Сантороку, выдано двѣнадцать талеровъ pro honorario wegen verfertigter Poesie auff die Vermählung ihro groszfürstl. durchl. Prinz Fridrichs mit Ihro Hoheit der königl. engl. Prinzessin Maria. (Oeconomat-Rechnung de anno 1740).

Ст. 151—160. Державинъ (VII, 533) приводитъ эти стихи въ примѣръ «утѣшительнаго вдохновенія».

Ст. 154–157. Какъ Богъ продлитъ чрезъ вѣчно время
Дражайшее Петрово племя;
Щастлива жизнь и нашихъ чадъ:
Небудетъ страшной ужъ премѣны,

Намекъ на перемѣны, происходившія въ правительственныхъ сферахъ со времени смерти Петра Великаго и до воцаренія Елисаветы Петровны.

Ст. 160. И сильныхъ изнеможетъ лукъ.

Псал. LVII, 8: Напряжетъ лукъ свой, дондеже изнемогутъ.

Ст. 181—188. Приводятся въ Риторикѣ Ломоносова въ примѣръ фигуры «Обращенія съ засвидѣтельствованіемъ».
(Рит. II, III и IV. § 217.)

Ломоносовъ написалъ оду «на день брачнаго сочетанія Ихъ Высочествъ»; Тредьяковскій долженъ былъ по тому же самому поводу переводить комедію. Придворная контора потребовала напечатать «въ самой крайней скорости», къ предстоящему торжеству бракосочетанія, комедіи на французскомъ и русскомъ языкѣ. Русскій переводъ присланъ былъ въ Академію для исправленія; но оказалось, что онъ «совсѣмъ къ переправкѣ не годится». Поэтому комедія отдана «вновь для переводу профессору Тредіаковскому, и какъ оный скоро переведетъ, то какъ возможно печататься будутъ съ крайнимъ прилежаніемъ».

(Архивъ Академической Канцеляріи. № 514. Журналы 1745 года. № 572.)

XVI.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой — заглавіе, на остальныхъ семи — ода. Передъ началомъ текста оды — заставка въ видѣ тройнаго бордюра, средину котораго заполняетъ горизонтальный рядъ коронокъ, а верхній и нижній края составлены изъ орнаментальнаго узора. Въ концѣ оды заставка (cul-de-lampe): императорская корона; справа и слѣва отъ нея по одной пальметкѣ; подъ короною двѣ звѣздочки; между звѣздочками нисходящій орнаментъ изъ завитковъ, точекъ и подобія стрѣлки. Строфы не обозначены цыфрами, а отдѣлены одна отъ другой тремя звѣздочками.

ВАРІАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Оды похвальныя. Ода 2. На день восшествія на престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія.» Строфы не обозначены цыфрами. Вся ода писана чужою рукою.

Рит. I. — Рукописная Риторика Ломоносова, 1744.

Рит. II. — Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746–1747.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова, въ Собраніи его сочиненій, 1759 г.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 2. «На день восшествія на Всероссійскій престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія, 1746 года». стр. 72—82. Строфы обозначены цыфрами.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 2. Заглавіе то же, что въ *С. I.* Стр. 57—65. Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 5—6. Меня надежда струй прозрачныхъ,
На шумъ прїятный въ рощахъ злачныхъ (Рит. III и IV. § 239.)

Ст. 16. Предъ свѣтлымъ днемъ, и въ тверьди скрыться, (Р., С. I и II.)

Ст. 30. Утѣшь, утѣшь Твоихъ людей. (С. II.)

Ст. 31. Покрой отечески законы, (Р, С. I и II.)

Ст. 33. И святости Твоей короны (Р., С. I и II.)

Ст. 39—40. И крѣпкою Тебя рукою
Отъ страшныхъ всѣхъ защититъ золъ. (С. I и II.)

Ст. 58. Мы въ скорбной тмѣ заснули, (Р.)

Ст. 62. Въ печальнѣйшей нощи сидѣлъ. (Р., С. I и II.)

Ст. 68. И бысть! О твари обладатель! (Р., С. I и II.)

Ст. 92. Тамъ грозный зрится исполинъ (Рит. III и IV. § 158.)

Ст. 97. И въ тверьдь сквозь облака разитъ; (Рит. II и III. § 158).

Ст. 98. Сиканской какъ Вульканъ дымится, (Рит. III и IV. § 158.)
Какъ Этна въ ярости дымится, (С. II.)

Ст. 125. Но вящшу радость восхищаетъ (Р.)
Но вящу радость ощущаетъ (Рит. II. § 71.)

Ст. 128—130 были написаны Ломоносовымъ и потомъ вычеркнуты имъ. (Рит. II. § 71.)

Ст. 158. Увидѣвъ множество совмѣсно (Р. С. I и II.)
Ст. 175–176. Стоятъ Трофеи вознесенны,
Цвѣтутъ оливы насажденны (С. I и II.)
Ст. 178. Что новыхъ свѣтовъ досягаетъ; (С. I и II.)
Ст. 197. Подай, о сильно Божество! (С. I и II.)

Ст. 1—2. На верьхъ Парнасскихъ горъ прекрасный
Стремится мысленный мой взоръ,

Сумароковъ: Вздорныя оды, стр. 208:

Въ верьхахъ Парнасскихъ быстры рѣки. . . .
Стремитесь мысленные взоры
На многія Парнасски горы. . . .

Ст. 1—7. Ломоносовъ приводитъ въ своей Риторикѣ въ примѣръ фигуры: «Восхищеніе».
(Рит. II. § 238; Рит. III и IV. § 239.)

Ст. 8—10. Державинъ (VII, 549): «*Олицетвореніе* и *Оживленіе* суть главнѣйшія свойства поэзіи. Она всѣ существа моральныя и духовныя, не имѣющія образа, а равно вещественныя, лишенныя видимыхъ нами чувствъ, гласа и движенія, олицетворяетъ и оживляетъ, дабы понятнѣе представить чрезъ то сотворяемый ею, такъ-сказать, новый волшебный очаровательный міръ и имъ удобнѣе удивляя и убѣждая простой умъ, привлечь его на свою сторону. Лирическій поэтъ къ возвышенію своего предмета нерѣдко пользуется таковыми вымыслами. Вотъ примѣръ оживленія:

Тамъ холмы и древа̀ взываютъ,
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
До самыхъ звѣздъ Елисаветъ.

Ст. 11—12. Рит. I. § 101: «Указанїе есть, когда на предлагаемую вещь указуемъ междометїями: *се, вотъ*. и. п.

И се уже рукой багряной
Врата отверзла въ миръ заря.

Ст. 11—14. Ломоносовъ, въ своей Риторикѣ, приводитъ эти стихи и въ примѣръ фигуры: «Указанїе», и въ примѣръ «Вымысловъ»: «Второе правило къ составленїю чистыхъ вымысловъ состоитъ въ приложенїи, когда части, свойства или дѣйствїя вещамъ придаются отъ иныхъ, которыя суть другаго рода. Такимъ образомъ прилагается безсловеснымъ животнымъ слово; людямъ излишнїя части отъ другихъ животныхъ, какъ Сатирамъ рога и хвостъ, Медузѣ ужѝ и змеи на голову, Персею и Пегазу крылье; бесплотнымъ или и мысленнымъ существамъ, какъ добродѣтелямъ и дѣйствїямъ плоть и прочая. Сюда принадлежитъ и слѣдующее:

И се уже рукой багряной
Врата отверзла въ миръ заря,
Отъ ризы сыплетъ свѣтъ румяной
Въ поля, въ лѣса, во градъ, въ моря“.

(Рит. II, III и IV. § 156 и § 218.)

Ст. 11—16. Рит. I. § 55: «Уподобленїе раждаетъ пространныя и притомъ прекрасныя идеи, ежели многїя свойства, части или дѣйствїя двухъ подобныхъ вещей между собою прилично снесены будутъ:

Сходящей съ поль златыхъ Авроры
Рука багряна сыплетъ къ намъ
Брильянтовъ, искръ, цвѣтовъ узоры,
Даетъ румянный видъ полямъ,
Свѣтящей ризой мракъ скрываетъ.“

Ст. 11—20. Сумароковъ всю эту строфу считаетъ «прекраснѣйшею».

Ст. 21—25. Ломоносовъ приводитъ въ своей Риторикѣ эти стихи въ примѣръ того, что «Дѣепричастія съ своими падежами полагаются приличнѣе на переди», какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ.

(Рит. II, III и IV. § 319.)

Ст. 35. Отъ церькви отврати налоги:

Ломоносовъ имѣлъ вѣроятно въ виду тѣ притѣсненія, которымъ подвергались церковь и духовенство отъ иностранцевъ, захватившихъ власть въ свои руки, а также и отъ Коллегіи экономіи: уничтоженіе ея императрицой Елисаветой Петровной было радостнымъ событіемъ для нашего духовенства.

Ст. 45—50. Приводятся Державинымъ (VII, 524) въ примѣръ «торжественнаго вдохновенія.»

Ст. 61—62. Ужѐ народъ нашъ оскорбленный
Въ плачевнѣйшей нощи сидѣлъ.

Относятся ко временамъ бироновщины и самовластія чужеземцевъ, о чемъ говорили въ своихъ произведеніяхъ и замѣчательнѣйшіе представители тогдашняго духовенства: «Былъ ли кто изъ русскихъ искусный художникъ, инженеръ, архитекторъ или солдатъ, тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ и самому умереть отъ глада; всѣхъ людей, отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, разоряли и вовсе искореняли. . . . Мы отягчены всѣми ругательствы, страждуще, гонимы, гоними и мучими, отечества и правовѣрія лишаеми». и т. д.

Ст. 65—68. Державинъ (VII, 538) приводитъ въ примѣръ «умственной высокости.»

Ст. 81—87. Ломоносовъ приводитъ въ Риторикѣ въ примѣръ «умягченныхъ вымысловъ словами, сомнѣніе въ себѣ заключающими».

Ст. 81—90. Всю эту строфу Державинъ (VII, 523—524) приводитъ въ примѣръ «грознаго вдохновенія», а ст. 87 — въ примѣръ «звукоподражанія»:

И устремлялся громъ на громъ

Ст. 91—100. «Увеличеніе вещей къ составленію вымысловъ весьма способно, которымъ стихотворцы особливо возвышаютъ Героическія поемы, представляя вещи чрезвычайно великими, къ чему много силы придаютъ ужасныя дѣйствія и свойства. Такъ у старинныхъ стихотворцевъ великими представлены, Атласъ, Гиганты и прочая. Сему подражая Камуенсъ представляетъ мысъ добрыя надежды подъ видомъ страшнаго Исполина. Сюда же принадлежитъ и слѣдующее:

Я духомъ зрю минувше время:
Тамъ грозный зрится исполинъ
Рассыпать земнородныхъ племя
И разрушить натуры чинъ.
Онъ ревомъ бездну возмущаетъ,
Лѣсисты съ мѣстъ бугры хватаетъ,
И въ тверьдь сквозь облака разитъ;
Сиканской какъ Вулканъ дымится,
Такъ Мгла изъ челюстей курится
И помрачаетъ солнца видъ."

(Рит. II, III и IV. § 158.)

Ст. 101—106. Приводится Ломоносовымъ въ Риторикѣ въ примѣръ вымысловъ, умягченныхъ фигурою: «обращеніе».

(Рит. II, III и IV. § 163.)

Ст. 111—120. Приводится Ломоносовымъ въ Риторикѣ въ примѣръ вымысловъ, умягченныхъ «словами, сомнѣніе въ себѣ заключающими».

(Рит. II, III и IV. § 163.)

Державинъ (VII, 539) приводитъ всю эту строфу въ примѣръ «высокости вообще чувственной и умственной».

Ст. 121—127. Ломоносовъ приводитъ въ своей Риторикѣ въ примѣръ «уравненія», придающаго «великую силу, важность и пространство слову».

(Рит. II, III и IV. § 71.)

Ст. 131—140. Въ Риторикѣ приводится въ примѣръ фигуры: «заимословіе».

(Рит. II, III и IV. § 219.)

Ст. 151—160. Приводится Ломоносовымъ въ примѣръ фигуры: «отвѣтствованіе», т. е. «когда сочинитель сло́ва самъ себѣ на свой вопросъ отвѣщаетъ, что бываетъ разными о́бразы».

(Рит. II, III и IV. § 215.)

Ст. 147–149. Таковъ Екатерининъ ликъ
Былъ щедръ и кротокъ и прекрасенъ;
Таковъ былъ Петръ врагамъ ужасенъ,

Ср. Пушкина: «Полтава. Пѣснь третья».

Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ.

Ст. 181—185. Приводится Ломоносовымъ въ примѣръ расположенія періодовъ. «По союзамъ располагаются періоды такъ, какъ сами союзы другъ другу натурально слѣдуютъ:

Хотя отъ смертныхъ сокровенно
Грядущихъ бытіе вещей;
Однако сердце просвѣщенно
Величествомъ Богини сей
На будущіе дни взираетъ".

(Рит. II, III и IV. § 322.)

Ст. 201—210. Державинъ (VII, 565) приводитъ какъ одинъ изъ примѣровъ «сравненій, чрезвычайно оживляющихъ и украшающихъ» лирическія произведенія.

XVII.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, четыре ненумерованныя страницы; на первой заглавіе, на остальныхъ трехъ—ода. Передъ началомъ текста оды заставка въ видѣ тройнаго бордюра, средину котораго занимаетъ горизонтальный рядъ коронокъ, а верхній и нижній края составлены изъ орнаментальнаго узора. Въ концѣ оды заставка (cul-de-lampe): императорская корона; справа и слѣва отъ нея по одной пальметкѣ—повтореніе обычнаго нижняго орнамента; по сторонамъ нижняго орнамента симметричные завитки. Строфы не обозначены цыфрами, а отдѣлены одна отъ другой тремя звѣздочками. Подстрочныя примѣчанія находятся въ первомъ изданіи.

Въ *С. I* ода эта помѣщена въ новой редакціи.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Оды похвальныя. Ода 3. «На день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія». Вся ода писана чужою рукою. Строфы не обозначены цыфрами. Подстрочныя примѣчанія тѣ же, что въ первомъ изданіи; только пропущено слово: «планеты».

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

*

Рит. IV. — Риторика Ломоносова, въ Собраніи его сочиненій, 1759.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 3. «На день рожденія Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія, 1746 года». стр. 83 — 91. Строфы обозначены цыфрами. Подстрочныхъ примѣчаній нѣтъ.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 3. Заглавіе то же, что и въ *С. I*, стр. 66 — 72. Строфы обозначены цыфрами. Подстрочныхъ примѣчаній нѣтъ.

Ст. 5. Воздвигнуть намъ Петра по смерти, (С. II.)
Воздвигнути Петра по смерьти, (Рит. III и IV. § 232.)

Ст. 12. И мати всѣхъ племенъ земныхъ. (Рит. II, III и IV. § 53.)

Ст. 30. Я слышу тамъ натуры гласъ. (С. I и II.)

Ст. 31—32. Се солнце бѣгъ свой премѣняетъ,
И къ вамъ течетъ умножить день; (С. I и II.)

Ст. 47—50. Рожденныя въ признакахъ сихъ:
Отъ ней Геройство съ красотою
По всюду миромъ и войною
Лучи пускаютъ дней златыхъ. (С. I и II.)

Ст. 51—53. Сїе предвѣстїе природы
Хотя представило тогда,
Что ты возвеселишь народы, (С. I и II.)

Ст. 57—58. Когда даровъ Твоихъ признакъ
Надежнѣе въ лицѣ открылся, (С. I и II.)

Ст. 60. Родителей великихъ зракъ. (С. I и II.)

Ст. 63. Свое блистанїе влїяли (С. II.)

Ст. 67—68. И въ нѣжнѣйшихъ являлись дняхъ;
Ужѐ младенческїе взгляды (С. I и II.)

Ст. 73. Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь, (Рит. II, III и IV. § 69.)

Ст. 77. Но пользой больше протчихъ рѣкъ: (Рит. II. § 69.)

Но пользой больше прочихъ рѣкъ: (Рит. III и IV. § 69.)

Ст. 78—79. Своею тихою водою
Въ брегахъ зеленыхъ пролитою (Рит. II, III и IV. § 69.)

Ст. 95. Тогда Вандалы побѣжденны (С. I и II.)

Ст. 100. Въ бесчетны вѣки незабвенъ. (С. II.)

Ст. 124. Возводитъ къ верьху быстрый взоръ, (С. I и II.)

Ст. 131–132. Парящей Поезїи ревность
Дѣла̀ твои превознесетъ; (С. I и II.)

Ст. 135–136. Открыты естества уставы
Твоей умножатъ громкость славы. (С. I и II.)

Ст. 140. И вѣкъ и здравїе Твое. (С. I и II.)

Ст. 146. Ни громы страшные достигнуть: (Рит. II. § 233, Рит. III. § 234).

Въ Архивѣ Академіи наукъ находится «Экстрактъ изъ подлинной придворной записки, какимъ порядкомъ торжествованъ день рожденїя Ея Императорскаго Величества въ новомъ Зимнемъ домѣ декабря 18-го числа 1746 году. Поутру въ половинѣ 12-го часа Ея Императорское Величество изволила шествіе имѣть въ придворную большую церковь къ обѣднѣ. Предику говорилъ преосвященнѣйшїй псковскїй. Изъ церкви Ея Императорское Величество изволила шествїе имѣть обратно въ парадные антикаморы, гдѣ приносили всѣ знатнѣйшїе обоего полу и чужестранные министры поздравленїе и допущены были всѣ къ рукѣ. А какъ въ большой залѣ на столы кушанье поставили, то Ея Императорское Величество съ Императорскими Высочествами изволили шествовать церемонїею въ большую залу, и въ залѣ Ея Императорское Величество изволила кушать на тронѣ съ Ихъ Императорскими Высочествами, въ трехъ персонахъ. Столъ кушаньямъ былъ въ трехъ перемѣнахъ, на большомъ золотомъ сервизѣ, а протчїе: святѣйшїй синодъ и знатнѣйшїе обоего полу,

пяти классовъ, сидѣли за фигурными столами въ большой залѣ, а гвардіи оберъ-офицеры и лейбъ-компаніи ундеръ-офицеры, артиллеріи морскіе и напольные штапы — въ одной залѣ и передъ залой въ прихожей каморѣ, всего 280 персонъ кушало. Тѣ столы пребогато были убраны конфектами и кушаньемъ съ перемѣною, все на серебрѣ. Во время стола, при зачатіи здоровьевъ, играли въ трубы, били въ литавры, палили изъ пушекъ; на балконѣ играла итальянская музыка; во время того жъ стола служила придворная штатсъ-ливрея вся. Того жъ дня пополудни всѣ чужестранные и знатнѣйшіе обоего полу съѣхались во дворецъ, и въ семь часовъ начался балъ и продолжался до двѣнадцатаго часу».

(Матеріалы для исторіи Академіи наукъ. Т. VIII. стр. 326—327.)

«Ввечеру зажжена была на обыкновенномъ театрѣ фейэерверковъ преизрядная иллюминація, которая представляла храмъ благополучія съ поставленнымъ посрединѣ онаго жертвенникомъ, на которомъ благоговѣніе жертву Богу приносило. Надъ онымъ являлся лѣтящій Геніусъ, показующій рукою на посвященной щитъ, на которомъ изображены были слова̀:

АВГУСТѢ РОЖДЕННОЙ КЪ БЛАГОПОЛУЧІЮ ИМПЕРІИ.

По сторонамъ простирались двѣ галлереи состоящіе изъ поставленныхъ въ перспективу постаментовъ, украшенныхъ литерами, изображающими имя Ея Императорскаго Величества. Въ тоже время какъ крѣпость, такъ и всѣ домы въ городѣ до поздной ночи преизрядно иллуминованны были».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1746. № 101 стр. 809.)

Ст. 1—2. Въ Риторикѣ Ломоносова: «Умножительныя распространенія состоятъ по бо́льшей части въ приличныхъ *приложеніяхъ*, которыя бываютъ *существительныя съ прилагательными сочиненными со своими падежами* напримѣръ:

Въ сей день, блаженная Россія,
Любезна небесамъ страна".

(Рит. II. III и IV. § 53.)

Ст. 1 — 10. Въ Риторикѣ Ломоносова: «Напряженіемъ или стеченіемъ называется стѣсненіе многихъ важныхъ идей до одной матеріи надлежащихъ и въ одномъ періодѣ или членѣ періода включенныхъ. Сему въ примѣръ служатъ слѣдующіе стихи:

Въ сей день блаженная Россія", и т. д.

(Рит. II. § 231; Рит. III и IV. § 232. Въ Рит. II приведена не вся строфа, а только восемь стиховъ: 3—10.)

Ст. 11 — 12. Въ примѣръ «приложенія», состоящаго изъ существительнаго имени съ родительнымъ падежомъ, Ломоносовъ приводитъ:

Натура дщерь гремящаго надъ нами
И мати всѣхъ племенъ земныхъ".

(Рит. II, III и IV. § 53.)

Ст. 21—29. Въ Риторикѣ Ломоносова: «Иногда прошедшее время относится въ настоящее и изображается подъ видомъ мѣста, напримѣръ:

Сквозь тучи бывшія печали", и т. д.

(Рит. II, III и IV. § 161).

Ст. 71—74. Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью казнишь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.

Въ этихъ стихахъ заключается указаніе на уничтоженіе смертной казни. По указу 1744 года «всѣ натуральной и политической смерти экзекуціи» остановлены и повелѣно обо всѣхъ смертныхъ приговорахъ докладывать Государынѣ.

Ст. 71—80. Въ Риторикѣ Ломоносова: «Уподобленіе служитъ къ распространенію слóва, когда многія свóйства, части или обстоятельства самой уподобляемой вещи и самаго подобія между собою прилично снесенныя предлагаются.

Такое подобіе въ слѣдующей строфѣ:

Ты судъ и милость сопрягаешь", и т. д.

(Рит. II, III и IV. § 69.)

Ст. 91–100 и 103–106.

Тогда отъ радостной Полтавы
Побѣды Росской звукъ гремѣлъ,
Тогда не могъ Петровой славы
Вмѣстить вселенныя предѣлъ,
Тогда Вандалы низложенны
Главы имѣли преклоненны
Еще при пеленахъ Твоихъ;
Тогда предъявлено судьбою,
Что съ трепетомъ передъ Тобою
Падутъ полкѝ потомковъ ихъ.
Гдѣ храбрый Го́товъ Побѣдитель
Лобзалъ и въ очи и въ уста
Впервые Плодъ Свой вожделѣнный,
Свой Плодъ межъ ла́врами рожденный,

Елисавета Петровна родилась 18 декабря 1709 года: въ 1709 году Полтавская битва; въ 1710 г. новыя побѣды — взяты: Рига, Ревель, Выборгъ и др.

Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Петру Великому: «Преславная надъ непрїятельми Петрова подъ Полтавою побѣда съ рожденїемъ Великїя Дщери Его въ единъ годъ приключилась, и въѣзжающаго въ Москву съ торжествомъ Побѣдителя приходящая въ миръ встрѣтила Елисавета. Петръ торжествовалъ, побѣдивъ внѣшнихъ непрїятелей, и своихъ искоренивъ измѣнниковъ; Елисавета для подобныхъ родилась трїумфовъ. Петръ велъ за собою многочисленныхъ плѣнниковъ, не меньше великодушїемъ, нежели мужествомъ побѣжденныхъ; Елисавета отъ утробы разрѣшилась, дабы послѣ плѣнить сердца подданныхъ человѣколюбїемъ, кротостїю, щедротою» и т. д.

XVIII.

ТЕКСТЪ.

С. I. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 3. стр. 83—91. Новая редакція оды XVII. Прибавлены двѣ новыя строфы: четвертая и пятая; шестая строфа новой редакціи соотвѣтствуетъ четвертой прежней редакціи, седьмая строфа — пятой, восьмая — шестой, девятая — седьмой, десятая—восьмой, одиннадцатая—девятой, двѣнадцатая—десятой, тринадцатая — одиннадцатой, четырнадцатая—двѣнадцатой, пятнадцатая—тринадцатой, шестнадцатая—четырнадцатой и семнадцатая—пятнадцатой; первыя три строфы новой редакціи соотвѣтствуютъ первымъ тремъ строфамъ первой редакціи.

ВАРІАНТЫ.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 3. стр. 66—72.

Варіанты относятся къ двумъ новымъ строфамъ; всѣ остальные варіанты указаны при одѣ XVII.

Ст. 35—36. Сосцами рѣки проливаетъ,
И тѣми всяку тварь питаетъ. (С. II.)

Ст. 37—40. Державинъ (VII, 552) приводитъ въ примѣръ «пріятныхъ картинъ».

Ст. 61—70. Державинъ (VII, 559) приводитъ въ примѣръ «астрономическаго или астрологическаго ввода» или «околичностей».

Ст. 91—100. Державинъ (VII, 530) приводитъ въ примѣръ «умилительнаго вдохновенія».

Ст. 111—120. Державинъ (VII, 524—525) приводитъ въ примѣръ одного изъ видовъ «вдохновенія», именно «торжественнаго». Сумароковъ считаетъ эту строфу «прекраснѣйшею».

Ст. 157—170. Въ Риторикѣ Ломоносова: «Желаніе фигура есть изъявленіе сильнаго хотѣнія добра или зла себѣ, либо кому нибудь другому. Напримѣръ:

Но все художество Свое
Тебѣ Иппократъ посвящаетъ
И усугубить тѣмъ желаетъ
Дражайше здравіе Твое.
Да будетъ тое невредимо“ и т. д.

(Рит. II. § 233; Рит. III и IV. § 234.)

Ст. 162—170. В. И. Ламанскій говоритъ: «Къ любимѣйшимъ образамъ Ломоносова принадлежалъ образъ величавой, несокрушимой силы, подобно утесу, который

Какъ верьхъ высокія горы
Взираетъ непоколебимо
На мракъ и вредные пары;
Не можетъ вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть,
Взнесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами тучи попираетъ,
Угрюмы бури презираетъ,
Смѣется скачущимъ волнамъ.

Сравните Лермонтова (въ стихотвореніи: «Я не хочу»):

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей,
Утесъ гранитный не повалитъ.
Его чело межъ облаковъ;
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не ввѣритъ думы».

(М. В. Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. В. Ламанскаго. 1864. стр. 33.)

*

XIX.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 11. стр. 184.

ВАРІАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Похвальныя надписи. Надпись 12. На иллуминацію представленную предъ лѣтнимъ домомъ Ея В. Г. И. Ел. П. въ день Тезоименитства Ея 1747, гдѣ изображена была Минерва, въ храмѣ, значащая премудрость Ея Величества, по сторонамъ символическія изображенія мира и войны и протчая». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 11. стр. 162. Заглавіе то же, что и въ С. I.

Ст. 4. Приносимъ радосныхъ сіяніе огней. (Р.)

Проектъ иллуминаціи представляемой въ высокой день тезоименитства Ея Императорскаго Величества предъ лѣтнимъ домомъ Сентября 5 дня 1747 года.

Понеже изъ большой залы или средины лѣтняго дому видъ прямо чрезъ перспективу простирается, то я способно рассудилъ употребить оной къ представленію великолѣпной иллуминаціи такимъ образомъ, чтобъ въѣздъ спереди и сзади былъ свободенъ, а именно:

Надъ въѣздомъ объявленной перспективной дороги здѣлать тріумфальныя ворота римскимъ орденомъ, а на фронтонѣ щитъ съ вензловымъ именемъ Ея Императорскаго Величества подъ короною, украшенной по правую сторону гіероглифическими изображеніями Минервы и Мира масличными и пальмовыми вѣтвьми, Меркуріевымъ жезломъ, Аполлиною лирою и наклоненнымъ рогомъ изобилія, а по лѣвую сторону — военными и побѣдоносными знаками, а именно: лавровыми вѣтвіями, копіями, знаменами, щитомъ и шлемомъ, пушками, ядрами и проч. Причемъ внутрь свода на обѣ стороны впсять фестоны, изъ фруктовъ и цвѣтовъ сплетенные, а на архитравѣ подъ щитомъ положена надпись:

PACE. BELLOQUE. CLARA.

т. е.

ВЪ МИРѢ И ВОЙНѢ СЛАВНА.

По обѣимъ сторонамъ тріумфальныхъ воротъ простираются два флигеля въ амфитеатральномъ видѣ съ произвольнымъ нынѣшнихъ временъ украшеніемъ, яко боковыми галлеріями и сходами по концамъ.

Въ срединѣ каждой галеріи въ пропорціональной вышинѣ представлена символическая фигура, смотрящая на щитъ съ именемъ Ея Императорскаго Величества, которую въ рассужденіи недалекаго расстоянія отъ большой залы картиною написать и иллуминовать надлежитъ. А именно. На правомъ флигелѣ Геніусъ Россіи, который факоломъ своимъ радостный огонь зажигаетъ, съ подписью:

Ей въ честь, а намъ въ увеселеніе.

На лѣвомъ флигелѣ Геніусъ любви и вѣрности, который горящее сердце къ щиту приноситъ, а другою рукою ѳиміамъ на жертвенникъ сыплетъ. Подпись притомъ такая:

Усердныя желанія.

На помянутой перспективной дорогѣ можно, по приложенному плану, здѣлать нѣсколько иллуминованныхъ сводовъ, и въ концѣ

проспекта чрезъ тріумфальныя ворота за перспективою на полѣ статуу Минервы въ желтомъ огнѣ изъ фонарей—для изъявленія, что и въ самой дали имя Ея Императорскаго Величества славно, и Ее какъ Минерву любятъ и почитаютъ.

Въ нѣмецкомъ подлинникѣ: «Pace Belloque Clara, d. i.

Im Krieg und Frieden Weltberühmt
Mit Frucht erfüllt, mit Pracht beblühmt.

(Рукопись Архива Академической канцеляріи. № 108. л. 265—267.)

Празднованіе тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны не ограничилось однимъ днемъ. 17 сентября 1747 года происходило въ присутствіи государыни празднество въ Гостилицкой мызѣ графа Разумовскаго. Приводимъ любопытное описаніе этого торжества, обязательно сообщенное намъ Геннадіемъ Васильевичемъ Юдинымъ:

(ОПИСАНІЕ)
ФЕЙЭРВЕРКА И ИЛЛУМИНАЦІИ,
КОТОРЫЯ
ПРИ ПРОДОЛЖЕНІИ ТОРЖЕСТВА
ДЛЯ ВЫСОКАГО
ТЕЗОИМЕНИТСТВА
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
ИМПЕРАТРИЦЫ
И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ
ВЪ ПРИСУТСТВІИ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ТАКОЖЪ ОБОИХЪ ПОЛНОМОЧНЫХЪ ПОСЛОВЪ, РИМСКО-ИМПЕРАТОРСКАГО И КОРОЛЕВСКО-ВЕЛИКОБРИТАНСКАГО И ВСѢХЪ ЗНАТНѢЙШИХЪ ОБОЕГО ПОЛА ПЕРСОНЪ СЕНТЯБРЯ 17 ДНЯ 1747 ГОДУ
МЕЖДУ ПРОЧИМИ УВЕСЕЛЕНІЯМИ
ВЪ ГОСТИЛИЦКОЙ МЫЗѢ
ЕГО ВЫСОКОГРАФСКАГО СІЯТЕЛЬСТВА
АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА РАЗУМОВСКАГО
ПРЕДЪ ДОМОМЪ ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА
ПРЕДСТАВЛЕНЫ БЫЛИ.
ПЕЧАТАНО ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ФЕЙЭРВЕРКЪ.

Въ срединѣ представленъ олтарь, на которомъ утверждается вензловое Имя Ея Императорскаго Величества подъ Короною. По сторонамъ стоятъ Геніусы съ онміамомъ; а вдали на каменной горѣ является храмъ благополучія, надъ которымъ на воздухѣ видно созвѣздіе, Плеяды называемое, съ слѣдующею надписью:

НАШИ ЖЕЛАНІЯ ПРЕВОСХОДЯТЪ.

Всякой лехко догадается, что представленныя здѣсь фигуры изображаютъ ту мысль, что наши ревностныя желанія о вѣчномъ почтеніи столь дражайшаго Сѣверу Имени Ея Императорскаго Величества въ большемъ числѣ и усердіѣе на небо восходятъ, нежели сколько на здѣшнемъ горизонтѣ звѣздъ является.

ИЛЛУМИНАЦІЯ.

Оная состоитъ изъ живописныхъ картинъ, отъ которыхъ въ перспективномъ расположеніи по обѣ стороны Таксусовы деревья и горшки съ цвѣтами къ двумъ источникамъ простираются; что подаетъ глазамъ пріятной видъ, и возбуждаетъ мысль къ примѣчанію находящихся на тѣхъ картинахъ изображеній, которыя изъявляютъ причины нашего удовольствія о семъ благополучномъ дни: А именно Слава сооружаетъ Зданіе Чести, котораго верьхняя часть сложена изъ толикаго числà камней, сколько считается лѣтъ щастливаго владѣнія Ея Императорскаго Величества. На ономъ зданіи подписано:

ДО НЕБЕСЪ ВОЗВЫШАЕМОЕ.

Стоящая притомъ сіяніемъ окруженная Минерва, яко богиня Наукъ и Художествъ, показываетъ Славѣ чертежъ, по которому она должна сіе Зданіе довершить. Подлѣ онаго сидитъ Геніусъ Россійской Имперіи осіяваемой лучемъ отъ Минервы происходящимъ. Внизу находятся слѣдующія словà:

ПРИ ТОЛЬ БЛАГОПОЛУЧНОМЪ

РОССІЙСКИМЪ НАРОДАМЪ ЯВЛЕНІИ,

ТЕЗОИМЕНИТСТВУ ЕЛИСАВЕТЫ

АВГУСТѢЙШЕЙ И ЩЕДРОТНѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ

ЖЕЛАНІЯ ПРИНЕСЕНЫ СЕНТЯБРЯ 5 ДНЯ 1747 ГОДА.

Сїе изъ ясныхъ и приличныхъ фигуръ сложенное изображенїе долженствуетъ при случаѣ толь важнаго дня произвесть слѣдующее рассужденіе: Не проходилъ еще ни одинъ годъ благополучнаго и славнаго владѣнїя Ея Императорскаго Величества, нашей всемилостивѣйшей Государыни, котораго бы, для великихъ и славныхъ происшествїй, не можно было сравнить, а иногда и предпочесть цѣлому вѣку многихъ Государей, которые во всю свою жизнь едва одно достопамятное дѣло учинили. Нѣтъ ни одного года, въ которомъ бы не было какого великаго начинанія, щастливаго произведенїя въ дѣло, и обыкновеннаго намъ благополучнаго окончанїя. Каждое изъ оныхъ могло бы имя и славу Ея Императорскаго Величества, а при томъ и память благополучныхъ нашихъ временъ бессмертными учинить. И хотя Ея Императорское Величество Своею высокою мудростїю и прозорливостїю многїя дѣла̀ въ совершенство привела, которыя всѣ склонялись къ особливому благополучїю Отечества; однако каждой годъ содержитъ нѣкоторое отмѣнное приключенїе, которымъ оной въ лѣтописцахъ справедливо именованъ быть можетъ. Итакъ прошедшїе пять годовъ названы быть могутъ слѣдующими именами, а именно: первой (1742) корону приносящїй; второй (1743) побѣдоносный; третїй (1744) миръ возвращающїй; четвертый (1745) бракомъ Наслѣдника Имперїи сочетающїйся; пятый (1746) полезными союзами славный; а наконецъ сей 1747 годъ Науки и Художества распространяющїй: Но какъ сїи сами по себѣ великїя дѣла̀ бессмертное Имя Ея Императорскаго Величества до небесъ возвышаютъ; такъ всѣ вѣрные подданные оныя чувственно признаваютъ, и вѣчность сея славы, которою они также осїяваются, радостно и съ почтенїемъ предусматриваютъ. Ибо какъ бы могли будущїя времена и позднѣйшїе, наши потомки забыть, съ какимъ великодушїемъ, мудростїю,

постоянствомъ и правосудемъ, и съ какою явною Божескою помощїю сїя Сохранительница своего народа наслѣдный Свой престолъ воспрїяла? Которая исторїя могла бы умолчать, съ какою осторожностїю, справедливостїю, великодушїемъ, щастїемъ и славою наша Героиня сильное Свое оружїе къ защищенїю имперїи употребляла? Какая можетъ о насъ въ будущїе вѣки память остаться, которыя бы дарованной отъ нашей миролюбивой и милостивой Самодержицы Своему народу миръ не прославлялъ: Миръ, которой нашу безопасность утвердилъ, славою и честїю насъ наградилъ, и границы Имперїи распространилъ; а при томъ и побѣжденнымъ не меньше пользы учинилъ, и вѣчнымъ доказательствомъ Ея Императорскаго Величества умѣренности, милосердїя и справедливости быть имѣетъ? Такимъ образомъ благополучїе Россїи для нашего времени на мудрости, силѣ, безопасности и славѣ утверждено было; но Матернему попеченїю нашей Монархини того еще не довольно казалось. Она желала сїе благополучїе и для потомковъ утвердить; и того ради законное отъ крови Петра Великаго наслѣдство престола мудрымъ и полезнымъ бракомъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ еще вящше укрѣпила. Но какъ Героичному духу нашей Монархини неизмѣримое пространство предѣловъ сея великїя Имперїи не препятствуетъ попеченїе Свое обращать и на благополучїе иностранныхъ государствъ и народовъ; то такїе полезные союзы заключены, которыми нетокмо собственное наше благополучїе утверждено, но и благосостоянїе Европы сохранено, и истинныя, ясныя и неспоримыя права дружественныхъ державъ и Государей гарантированы и защищены; и такимъ образомъ Россїя возбуждаетъ къ себѣ любовь и почтенїе отъ всѣхъ народовъ, и собственныя свои истинныя пользы на добромъ согласїи съ сосѣдами и на мудро заключенныхъ союзахъ утверждаетъ. А понеже Ея Императорское Величество, вступая въ слѣды Своего въ Бозѣ почивающаго Великаго Родителя, совершенно видитъ, сколько къ благополучїю государствъ, къ умноженїю власти и къ наставленїю народа въ мирныхъ и военныхъ дѣлахъ способствуетъ, когда науки и художества введены будутъ; то сїя Великая Дщерь и Наслѣдница несравненныхъ свойствъ Своего Родителя, положенное къ тому отъ Него начáло вели-

колѣпно совершить благоволила. Заведенныя Его Величествомъ науки и художества приносили уже различные плоды, и послѣдующее время оказало, колкія благодаренія мы за полезное намѣреніе о введеніи ихъ отдавать должны. Къ дальнѣйшему распространенію оныхъ не доставало токмо того, чтобъ опредѣлить имъ пристойное по великости Имперіи содержаніе; но великая наша Матерь Отечества не оставила о томъ ни попеченія, ни потребнаго на то иждивенія не пожалѣла; и для того всѣ вѣрные подданные воображаютъ себѣ напередъ достойнѣйшее прославленіе Ея имени въ вѣчные роды: ибо великія дѣла безъ пóмощи наукъ и художествъ отъ забвенія сохранены и бессмертными учинены быть не могутъ. Дѣла отдаленныхъ отъ наукъ народовъ съ ихъ вѣкомъ умираютъ, и многія славныя дѣйства нашихъ предковъ либо вовсе намъ не извѣстны, либо знаемы, да весьма не ясно и сумнительно, потому что въ тѣ времена науки и художества до ихъ предѣловъ можетъ быть еще не дошли. Такимъ образомъ воспаленныя вѣрностію, ревностію и желаніями о высокомъ благополучіи своей Защитницы сердца подданныхъ не токмо радуются, что они всеконечное прославленіе въ вѣчныя времена такихъ къ нимъ оказанныхъ благодѣяній напередъ видѣть могутъ, но и ту славу купно съ благополучіемъ чувствуютъ, которая чрезъ то на нихъ самихъ обращается.

И такъ при семъ радостномъ дни Тезоименитства Ея Императорскаго Величества, что можетъ достойнѣе быть благодарности и рассужденія вѣрныхъ подданныхъ, какъ то, что когда дѣла Ея Императорскаго Величества особливыми и отмѣнными приключеніями каждому году въ Россійской Исторіи собственное имя придать могутъ, то сколь достохвально и славно не долженствуетъ пребыть въ вѣчные роды Великое Имя Совершительницы оныхъ? Имя, которое наши потомки за основаніе своего благополучія признавать и оному благодарныя свои сердца вмѣсто храмовъ посвящать будутъ.

XX.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 12. стр. 185.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Похвальныя надписи. Надписи 13. На иллюминацію представленную въ праздникъ восшествія на Всероссійскій Престолъ Ея Величества передъ зимнимъ домомъ, на которой изображена была кристалная гора, а на ней Императорской престолъ съ около стоящими Императорскими на столпахъ признаками, а надъ трономъ вензловое имя Ея В.». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 12. стр. 162. Заглавіе то же, что въ *С. I.*

Ст. 2. Твердѣйше мрамора, рубина много краше: (Р.)
Ст. 4. На нашей вѣрности вовѣки утвержденъ. (Р.)

Канцелярія «Главной артиллеріи и фортификаціи» обратилась въ Академію наукъ съ просьбою составить проектъ иллюминаціи на высокоторжественный день восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, 25 ноября 1747 года. Порученіе это было возложено академіею на Христіана Крузіуса, «профессора древностей и исторіи литеральной». Крузіусъ представилъ, на нѣмецкомъ языкѣ, проектъ и его объясненіе. Приводимъ ихъ въ современномъ подлиннику русскомъ переводѣ:

«Проектъ иллуминаціи на день восшествія на престолъ Ея Императорскаго Величества.

Въ срединѣ театра представленъ императорскій престолъ на хрустальной горѣ, а надъ престоломъ является вензловое имя Ея Императорскаго Величества, лавровыми вѣтвьми украшенное. Съ обѣихъ сторонъ простираются аллеи, состоящія изъ наполненныхъ деревьями и плодами сосудовъ. На каждой сторонѣ представлено зданіе Чести (Ehren-Gerüste), изъ которыхъ на одномъ корона и скипетръ, а на другомъ императорскій гербъ лежитъ. Внизу подъ горою подпись:

SOLO MUNITUR AMORE,

т. е.

УТВЕРЖДАЕТСЯ НА ЛЮБВИ И ВѢРНОСТИ ПОДДАННЫХЪ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ

Проекта иллуминаціи на 25 Ноября, а именно на день благополучнаго восшествія на престолъ Ея Императорскаго Величества.

Отмѣнное благополучіе великихъ монарховъ и обладателей многихъ народовъ изъ толь многихъ преимуществъ такъ великолѣпно и ясно блистаетъ, что никто предъ такимъ свѣтомъ очесъ своихъ закрыть не можетъ. Великая сила, высокая власть, изящное великолѣпіе, величество; коротко сказать, заключеніе

всѣхъ имѣній и чести (der Inbegriff aller Güter und Ehre) осїяваютъ ихъ престолъ, который Провидѣнїе, подобно крѣпкому зáмку, на верьху человѣческаго благополучїя утверждаетъ.

Но между всѣми преимуществами превосходнѣйшее есть всегдашняя возможность благодѣтельствовать, споспѣшествовать благополучїю подданныхъ. Чего ради они справедливо земными богами называются, и, кромѣ всемогущаго Бога, одни власть надъ благосостоянїемъ другихъ людей въ своихъ рукахъ имѣютъ.

Сїе самое можетъ служить къ тому, что тѣ, которые впрочемъ силою и высочествомъ между собою равны, одинъ превзойти другого и свою великость надъ всѣми показать могутъ. Ибо людей благополучными дѣлать и подданныхъ сердцà союзомъ любви и почтенїя склонять, Государямъ одному предъ другимъ даетъ толь великое преимущество, сколь они вообще права свои отъ числà прочихъ людей отдѣляютъ.

Все прочее должны они приписывать Божїему Провидѣнїю, отъ котораго они коронъ и соединеннаго съ оными велелѣпїя удостоены; но искусство, чтобъ любовь подданныхъ къ себѣ обращать, есть та корона, которую они себѣ сами налагаютъ.

И понеже Ея Императорское Величество, какъ весь свѣтъ признаваетъ, благополучное свое государствованїе, яко образецъ для послѣдующихъ временъ, продолжаетъ, и сердцами своихъ подданныхъ не меньше любовїю, какъ властїю владѣетъ; такъ сїе всеконечно есть достойнѣйшее и наибольше приличное разсужденїе, которое въ сей достопамятный день наши мысли возбудить и увеселить можетъ. Такимъ образомъ Ея Величество видитъ высочество своего престола, утвержденное на непоколебимомъ основанїи искренней, чистой и непритворной любви своихъ подданныхъ, и коликое благополучїе отъ того столь многимъ, скипетру Ея подверженнымъ, народамъ раждается, толикїе же способы Ея Величество чрезъ то получаетъ къ вѣчному прославленїю высочайшаго своего имени и къ сохраненїю памяти онаго въ почтенїи у всѣхъ будущихъ родовъ, подобно свѣтлому хрусталю, который не токмо самъ чистъ, свѣтелъ и блистающъ,

но и всему тому, гдѣ онъ находится, особливый свѣтъ и сіяніе сообщаетъ.

Сіе то есть, о чемъ обрадованные подданные Богу свои благодарственныя жертвы приносятъ, моля при томъ о высокомъ благополучіи своей Государыни, и что изъ ихъ радости примѣтить и въ толь пространныхъ предѣлахъ сея великія имперіи слышать, изъ дѣйствъ каждаго усмотрѣть, и съ лица и поступокъ всѣхъ и каждаго ясно видѣть можно».

(Рукопись Архива Академической канцеляріи. № 110, л. 296—299, 282—284, 329—330 об.)

Ст. 5—6. Пусть мнимая другихъ свобода угнѣтаетъ,
Насъ рабство подъ Твоей державой возвышаетъ.

Стихи эти, какъ «черезчуръ покорные», подверглись рѣзкому осужденію позднѣйшей критики; но по замѣчанію академика Пекарскаго (II, 374 — 375), «въ нихъ можетъ быть несправедливо корить Ломоносова, который въ этомъ случаѣ былъ, вѣроятно, только переводчикомъ. Надписи къ иллюминаціямъ всегда сочинялъ на нѣмецкомъ языкѣ Штелинъ, а Ломоносовъ обязывался только переводить нѣмецкіе стихи въ русскіе, противъ чего онъ впослѣдствіи возсталъ. Нѣкоторые изъ подобныхъ переводовъ напечатаны были Ломоносовымъ въ его Собраніи сочиненій, 1751 года, но безъ указанія, что это переводные стихи, между тѣмъ какъ о сдѣланныхъ въ 1748 и слѣдующихъ годахъ есть въ современныхъ дѣлахъ неопровержимыя доказательства тому».

Нѣмецкій подлинникъ стиховъ Ломоносова остается пока неизвѣстнымъ; но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію прямая связь надписи Ломоносова съ проектомъ иллюминаціи и объясненіемъ къ нему, принадлежащими профессору Крузіусу. На это ясно указываетъ какъ заглавіе, данное Ломоносовымъ своему стихотворенію, такъ и содержаніе его. Не дѣйствительную свободу отвергаетъ Ломоносовъ, а «мнимую», т. е. такую, которая въ сущности является гнетомъ. Подобной, кажущейся, свободѣ можно, по его мнѣнію, предпочесть рабство, но только въ томъ

случаѣ, если власть монарха утверждается на любви народа и заботахъ о его благосостояніи. Другими словами: мнимая свобода хуже мнимаго рабства. Самое противопоставленіе этихъ понятій навѣяно, быть можетъ, словами «проекта», что монархи, будучи поставлены на высоту недосягаемую, могутъ соперничать между собою дѣйствіями, вызывающими любовь подданныхъ. Въ проектѣ подданные вообще изображаются рабами, но «рабство подъ державою Елисаветы» мягче другихъ уже потому, что она «владѣетъ столько же властію, какъ и любовію».

Что Ломоносову предписывали переводить хвалебныя вирши, вопреки его желанію и несмотря на его протесты, на это есть неоспоримыя доказательства; нѣкоторыя изъ нихъ приводятся нами въ объяснительныхъ «Примѣчаніяхъ».

———

XXI.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой заглавіе; текстъ оды занимаетъ шесть страницъ—отъ третьей до восьмой. Передъ началомъ текста оды заставка съ криволинейнымъ узоромъ, обрамляющимъ рядъ двуглавыхъ орловъ, надъ которыми короны, составляющія отдѣльный горизонтальный рядъ украшеній. Въ концѣ оды — типографская заставка (cul-de-lampe), средину которой занимаетъ криволинейный орнаментъ, симметричный по горизонтальной и вертикальной осямъ; надъ нимъ — корона, подъ нимъ — три одинаковые завитка. Строфы не обозначены цыфрами, а отдѣлены одна отъ другой тремя звѣздочками.

ВАРІАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Оды похвальныя. Ода 4. На день восшествія на престолъ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ». Ода писана чужою рукою; только первый стихъ пропущенной переписчикомъ строфы написанъ рукою Ломоносова: «Коль многимъ смертнымъ неизвѣстны, и и проч.». Строфы не обозначены цыфрами.

Рит. II. — Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова 1746—1747.

Рит. III. — Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

Рит. IV. — Риторика Ломоносова, въ Собраніи его сочиненій, 1759 г.

Г. — Грамматика Ломоносова.

С. I. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 1. «На день восшествія на Всероссійскій престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года». Стр. 92—101. Строфы обозначены цыфрами.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 4. Заглавіе то же, что и въ *С. I.* стр. 73—82. Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 10. Свое богатство по земли. (С. I и II.)

Ст. 19. Душа Ея зефира тише. (С. I и II.)

Ст. 20. И зракъ прекраснѣе рая. (Р., С. I и II.)

Ст. 50. Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ. (С. I и II.)

Ст. 69. Россїю грубостью попранну (С. II.)

Ст. 93. Блаженства нашего причина. (Р. С. I и II.)

Ст. 100. Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ. (С. I и II.)

Ст. 101. Въ толикой горестной печали (Рит. II, III и IV. § 31.)

Ст. 102. Сомнѣнный ихъ смущался путь; (С. I и II.)

Ст. 136. Возри въ поля Свои широки, (С. I.)
Воззри въ поля Свои широки, (С. II.)

Ст. 157. Тамъ Лена чистой быстриной (С. I и II.)

Ст. 160. Сравнившись морю шириной. (С. I и II.)

Ст. 164. Стоя́тъ глубокїя лѣса̀, (С. I и II.)

Ст. 167. Ловящихъ крикъ не разгонялъ; (С. I. и II.)

Ст. 170. Поющихъ птицъ не устрашалъ. (С. I и II.)
Ст. 172. Гдѣ Музамъ путь свой простирать; (С. I и II.)
Ст. 186–187. Тамъ влажный флота путь бѣлѣетъ
И море тщится уступить: (С. I и II.)
Ст. 190. Твои щедроты возвѣстить. (С. I и II.)
Ст. 195. Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ, (С. I и II.)
Ст. 210. Онъ мрачный отвращаетъ взоръ. (С. I и II.)
Ст. 224. Въ нещастной жизни берегутъ. (Р.)

Самое заглавіе оды Ломоносова указываетъ на цѣль, съ которою написана эта ода. Она названа радостнымъ и благодарственнымъ приношеніемъ русскихъ музъ, основанныхъ Петромъ Великимъ, утвержденныхъ Екатериною I, обогащенныхъ, оживленныхъ и возстановленныхъ Императрицою Елисаветою Петровною. Подъ именемъ «Музъ Россійскихъ» Ломоносовъ разумѣетъ Академію наукъ, основанную по мысли Петра Великаго, открытую при Екатеринѣ I, оживленную и возстановленную при Елисаветѣ Петровнѣ, даровавшей ей первый уставъ. 24 іюля 1747 года подписанъ былъ Императрицою Елисаветою уставъ, или «Регламентъ Императорской Академіи Наукъ и Художествъ въ Санктпетербургѣ». Поэтому 1747 году давали такое названіе: «годъ, науки и художества распространяющій».

По мнѣнію Мерзлякова, высокое достоинство оды Ломоносова заключается въ томъ, что въ ней «дышетъ небесная страсть къ наукамъ». Поэтъ желаетъ, чтобы они обращены были на распространеніе истиннаго просвѣщенія въ Россіи, страны обширной, богатой всякаго рода произведеніями. Онъ увѣренъ, что «Россія сама въ себѣ найдетъ, если употребитъ свое тщаніе, всѣ металлы, всѣ произрастенія, всѣ драгоцѣнности, которыя со многими издержками получаетъ изъ отдаленныхъ странъ. Сіи мысли его тѣмъ важнѣе, что онѣ безъ сомнѣнія были еще довольно новыя въ то время въ его отечествѣ».

(Труды Общества любителей россійской словесности: 1817. Часть седьмая. Мерзлякова: «Разборъ осьмой оды Ломоносова». стр. 28—79.)

С. М. Соловьевъ такимъ образомъ опредѣляетъ значеніе оды Ломоносова: «Въ концѣ 1747 года, когда велись окончательные переговоры о движеніи русскихъ войскъ на помощь морскимъ державамъ, и когда, несмотря на увѣренія правительства, что это участіе въ войнѣ необходимо для ускоренія мира, многіе думали, что такое участіе можетъ имѣть слѣдствія противныя и завлечь Россію въ опасныя «дальности», по тогдашнему выраженію, Ломоносовъ пишетъ знаменитую оду на день восшествія на престолъ, въ которой прославляетъ миръ и его главный плодъ — процвѣтаніе наукъ. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ не зналъ наизусть этихъ стиховъ:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина", и т. д.

(Исторія Россіи. XXII, 307.)

Ст. 1—10. Екатерина II: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика (подражаніе Шакеспиру)». Дѣйствіе пятое. Явленіе первое. Второй хоръ:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Твое богатство по земли.

Ст. 7—8. Державинъ (VII, 554): «*Перескокомъ* называется то, что показываетъ выпускъ или промежутокъ между понятіями. Въ жару мысли тѣснятся, летятъ, нѣкоторыя изъ нихъ не дого-

варпваются или пропускаются, а важнѣйшія какъ бы выпорхиваютъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ находились въ кругу нашего воображенія. Таковые перескоки пристойны только въ чрезвычайно важныхъ стремительныхъ ощущеніяхъ страстей. Вотъ примѣръ:

Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ (плыть) въ море за тобою.“

Сумароковъ написалъ «Критику на Оду» Ломоносова и разбираетъ каждую строфу, каждый стихъ съ болѣе или менѣе язвительными замѣчаніями, какъ напримѣръ: «я не знаю, что за ограда града—тишина: я думаю, что ограда града—войско и оружіе, а не тишина. Что корабли дерзаютъ въ море за тишиною, мнѣ весьма сумнительно; тишина остается на берегахъ, а море никогда не спрашиваетъ, война или миръ въ государствѣ» и т. п.
(Полное собраніе сочиненій Сумарокова. 1787. Часть X. стр. 77—91.)

Ст. 26—30. Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ щастьемъ услаждаюсь,
Я ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.

Мерзляковъ: «*Полно* тѣхъ побѣдъ, вмѣсто: *Довольно.* Слово *тѣхъ* поставлено недаромъ, но для того, чтобъ дать разумѣть, что есть другого рода побѣды надъ сердцами человѣческими — побѣды великодушія, милосердія, добродѣтели и проч. Послѣдніе превосходные стихи напоминаютъ подражаніе Державина:

Слеза щедротой извлеченна,
Тебѣ пріятнѣй, чѣмъ вселенна,
Пріобрѣтенная войной!

(Сочиненія Державина. Томъ I. «На Шведскій миръ». стр. 312.)

Ст. 50. Лѣтитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.

Сумароковъ: «Лѣтитъ мѣжъ водныхъ нѣдръ не одна корма, но весь корабль. Сочинитель сей Оды хулитъ, что я взялъ многое въ свою трагедію изъ Французскихъ стихотворцовъ. Правда я бралъ нѣчто, и для чево то не здѣлать по Русски, что на Французскомъ языкѣ хорошо. Въ томъ только сила, хорошоль я то по Русски здѣлалъ. Яжъ не для того бралъ, чтобъ мнѣ то за свое положить, и ни отъ ково онаго не утаивалъ, но еще и показывалъ. Яжъ нарочно бралъ тѣ стихи, которые многимъ знакомы, чтобъ показать хорошоль то въ Русскомъ языкѣ будетъ. Однако я еще не столько бралъ, какъ всѣ другіе славнейшіе стихотворцы, каковъ на примѣръ Расинъ. И ни кто во всей моей трагедіи, не сыщетъ чужихъ стиховъ ни тритцати, а въ шестнатцати стахъ, того очень не много. Да для чево мнѣ того не дѣлать, когда то всѣ всѣхъ народовъ лутчіе стихотворцы дѣлать не стыдились. Етожъ и не стыдно. А ежели стыдно, для чево онъ г. Ломоносовъ, лѣтитъ корма мѣжъ водныхъ нѣдръ положилъ, онъ и самъ не отречется, что ето онъ у меня взялъ».

(Полное собраніе сочиненій Сумарокова. 1787. Часть X, стр. 82.)

Ст. 57. Прекрасны наши времена.

Сумароковъ (X, 83): «Можно сказать *прекрасные дни*, говоря о дняхъ весеннихъ, *прекрасные дѣвицы*, и *прекрасные времена*, ежели говорится о погодѣ, а счастливые времена прекрасными не называются».

Ст. 65—66. Послалъ въ Россїю Человѣка,
Каковъ неслыханъ былъ отъ вѣка.

Сумароковъ (X, 84): «Ето взято изъ моихъ стиховъ точно, которые за три года прежде сей Оды здѣланы, и которые тамъ написаны о Петрѣ жъ Великомъ:

От начала перьва вѣка,
Таковаго человѣка
Не видало естество.

Отъ начала перьва вѣка — кажется мнѣ ясно, а *отъ вѣка* ничево не знаменуетъ; иное бы было, ежелибъ было сказано *во всей вѣчности* не слыхано, а *отъ вѣка* — это я не знаю что».

Ст. 81—90. Тогда божественны науки,
Чрезъ го́ры, рѣки и моря̀,
Въ Россїю простирали ру́ки,
Къ сему Монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщанїемъ готовы
Пода́ть въ Россїйскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ Себѣ ихъ призываетъ;
Ужѐ Россїя ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Относится къ учрежденію Академіи наукъ, и здѣсь выражена мысль Петра Великаго, руководившая имъ при основаніи Академіи наукъ. Онъ призывалъ иностранныхъ ученыхъ потрудиться на пользу Россіи и содѣйствовать распространенію образованія въ русскомъ народѣ.

Ст. 91—100. Державинъ (VII, 531) приводитъ въ примѣръ «унылаго вдохновенія».

Ст. 101—102. Ломоносовъ въ своей Риторикѣ: «Предлогами соединяемыя приложенія мѣсто, время или иное что значащія въ началѣ въ срединѣ и въ концѣ главныхъ предложеній вмѣщены бываютъ. Однако, гдѣ слово устремить или возвысить должно, тутъ не рѣдко бываетъ пристойнѣе вмѣщать оныя напереди, напримѣръ:

Въ толикой горестной печали
Сомнѣнной ихъ шатался путь".
(Рит. II, III и IV. § 321)

Ст. 103. И токмо шествуя желали

Сумароковъ (X, 86): «*Токмо* есть слово приказное, равно такъ, какъ *якобы* и *имѣется*, а не стихотворное».

Ст. 109—110. Давнобъ Секвана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой.

Секвана (Sequana)—Сена (Seine) постыдилась бы передъ Невой, то есть Парижская Академія наукъ могла бы позавидовать Петербургской.

Ст. 121—126. Ломоносовъ въ своей Риторикѣ: «Члены въ перїодахъ и цѣлыя перїоды, особливо въ высокихъ и стремительныхъ матерїяхъ, большее великолѣпїе и силу имѣютъ, ежели союзы выкинуты будутъ, которыхъ миновать можно, напримѣръ:

Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники ему подвластны
Всегда хвалы его причастны.

Здѣсь напереди отставленъ союзъ, *хотя*, которой будучи приложенъ, много бы силы отнялъ. Изъ сего еще видно что перїоды сильно и великолѣпно начинаются съ косвенныхъ падежей именъ важныя вещи значащихъ».

Ст. 144—147. Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія;
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.

Сумароковъ (X, 90): «И́ндія слыветъ ета земля, а не Индія. Индія и Россія риѳмы самые бѣдные» и т. д.

Елагинъ въ своей сатирѣ на петиметровъ подсмѣивается надъ Ломоносовымъ, не называя его имени, за невѣрное удареніе въ словѣ *Индія*, допущенное ради риѳмы. Ломоносовъ писалъ Шувалову по этому поводу: «Я подлинно знаю, что сія риѳма также нехороша, какъ извѣстная Вамъ у Расина, и для того Елагинъ лжетъ, что онъ ею любовался. Много бы я могъ по-

казать бѣдности его мелкаго знанія и скуднаго таланта, однако напрасно будетъ потеряно время на исправленіе такаго человѣка, который уже болѣе десяти лѣтъ стихи кропать началъ, и понынѣ стихотворческой мѣры и стопъ не знаетъ, не упоминая чистыхъ мыслей, справедливости изображенія» и т. д.

Ст. 148–150. Сïе злату́ очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой восставленныхъ наукъ.

Мерзляковъ: «Надобно замѣтить, что горное дѣло, по крайней мѣрѣ въ разсужденіи драгоцѣнныхъ металловъ, тогда только начиналось. И такъ стихъ: *и камни почувствуютъ силу*— имѣетъ здѣсь свое особенное достоинство для настоящаго времени оды».

Ст. 151—152, 155—156. Ломоносовъ въ своей Грамматикѣ. § 498: «Противительными (союзами) показывается выключеніе или исправленіе перваго положенія, которыхъ обоихъ сочиненія другъ отъ друга не зависятъ:

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами".

Ст. 163–170. Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоя́тъ глубокïе лѣсà
Гдѣ въ роскошѣ прохладныхъ тѣней
На пасствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ,
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ.

Ср. Жуковскій въ «Посланіи къ Воейкову» (1813 г.):

Лѣса, которыхъ сна отъ отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка

Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучь дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни олени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями, и т. д.

Ст. 171—172. Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ бѣгъ свой простирать!

Въ Регламентѣ Академіи наукъ говорится: «Государству не можетъ быть инако, яко къ пользѣ и славѣ, ежели будутъ такіе въ немъ люди, которые знаютъ теченіе тѣлъ небесныхъ и времени, мореплаваніе, географію всего свѣта и своего государства. . . . . Всѣ государствы, а наипаче Россійское, имѣютъ случай ктому, чтобъ примѣчанія и новыя изобрѣтенія дѣлать въ травахъ, деревахъ, камняхъ, соляхъ, рудахъ, однимъ словомъ во всемъ томъ, что внутрь и на поверхности земли находится» и т. д.

Ст. 177—180. Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ Твою державу отъ Манжуръ.

Въ половинѣ семнадцатаго столѣтія Амуръ занятъ русскими. Въ 1650 году «нѣкоторой промышленной человѣкъ, уроженецъ города Соли-Вычегодской, именемъ Ероѳей Хабаровъ» отправился «съ охочими людьми на Амуръ рѣку». Вскорѣ по занятіи Амура послали въ Москву ясакъ и «для опыта нѣсколько хлѣба, какой родился на Амурѣ».

Съ 1650 по 1689 годъ продолжалась русская колонизація на Амуръ. Но въ 1689 году заключенъ Нерчинскій трактатъ, по которому вся рѣчная область Амура перешла во власть китайцевъ или «манжуровъ».

Ст. 191—194. Ломоносовъ въ своей Риторикѣ: «Изъ мѣстъ риторическихъ описанія и повѣствованія особливо украшаются краткими уподобленіями и сравненіями, напримѣръ:

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ
Рѣкѣ подобенъ Океянъ,
Небесной синевой одѣянъ
Павлина посрамляетъ вранъ".
(Рит. II. § 313; Рит. III и IV. § 312.)

Ст. 191—210. Державинъ (VII, 541—544): «*Разнообразіе* бываетъ: въ картинахъ и чувствахъ; въ слогѣ и украшеніяхъ; въ механизмѣ стиховъ, словоудареніи или риѳмѣ. Образцы разнообразія относительно картинъ можно видѣть въ одахъ Пиндара и Горація. Ломоносовъ имъ наполненъ. Приведемъ въ примѣръ изъ Ломоносова:

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ Океанъ"; и т. д.

Ст. 201–202, 205.
И се Минерва ударяетъ
Въ верьхи Рифейски копїемъ,
Плутонъ въ рассѣлинахъ мятется,

Мерзляковъ: «Минерва, даровавшая масличное дерево и коня возлюбленнымъ своимъ Аѳинамъ, никогда не растворяла подземнаго убѣжища Плутона, и въ самой битвѣ Троянской. А это приписываютъ Нептуну, когда онъ ударомъ трезубца своего весьма испугалъ царя подземнаго. Можетъ быть вмѣсто Плутона должно поставить здѣсь *Плутусъ*».

Ст. 211–220.
О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны

Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Эта строфа относится къ студентамъ Академическаго университета, цѣль котораго состояла въ приготовленіи русскихъ молодыхъ людей къ ученой и учебной дѣятельности. Они должны были замѣнить со временемъ тѣхъ ученыхъ, которые по необходимости призваны были изъ чужихъ странъ. «Россія — говорится въ Регламентѣ — не можетъ еще тѣмъ довольствоваться, чтобъ только имѣть людей ученыхъ, которые ужѐ плоды науками своими приносятъ, но чтобы всегда на ихъ мѣста заблаговременно наставлять въ наукахъ молодыхъ людей, а особливо что учрежденіе Академическое впредь должно состоять изъ природныхъ Россійскихъ: того ради къ Академіи другая ея часть присоединяется — университетъ». Къ питомцамъ этого университета и обращается Ломоносовъ, говоря, что отечество надѣется увидѣть въ нихъ такихъ же достойныхъ служителей науки, какими были даровитѣйшіе изъ ихъ наставниковъ, призванные «отъ странъ чужихъ».

Обращеніе это Державинъ (VII, 555—557) называетъ великолѣпнымъ, свойственнымъ особенно Ломоносову.

Ст. 221—230. Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ щастливой жизни украшаютъ,
Въ нещастной случай берегутъ:
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальныхъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ,
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

 *

Цицеронъ въ рѣчи за поэта Архія говоритъ, что занятія науками даютъ человѣку благороднѣйшее наслажденіе и служатъ лучшимъ способомъ для успокоенія духа отъ житейскихъ треволненій: Quod si non hic tantus fructus ostenderetur, et si ex his studiis delectatio sola peteretur, tamen, ut opinor, hanc animi remissionem humanissimam et liberalissimam indicaretis. Nam ceterae neque temporum sunt neque aetatum omnium neque locorum: haec studia adulescentiam alunt, senectutem oblectant, secundas res ornant, adversis perfugium ac solacium praebent, delectant domi, non impediunt foris, pernoctant nobiscum, peregrinantur, rusticantur. (Pro Archia poeta, c. VII).

XXII.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г. § 273.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Оды духовныя. Ода 7. Преложеніе псалма 145». Было написано чужою рукою: «Парафразисъ псалма 145». Ломоносовъ зачеркнулъ *Парафразисъ* и написалъ: *Преложеніе*. Весь псаломъ писанъ чужою рукою.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747. § 273.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды духовныя. Преложеніе псалма 145. стр. 32—34. Строфы обозначены цыфрами.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Заглавіе то же, что и въ *С. I.* Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 1—2. Хвалу всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, воссылать: (С. I и II.)
Ст. 10. И тлѣнну плоть ихъ гробъ пожретъ; (Рит. II.)
Ст. 12. И слава ихъ и власть минетъ. (Рит. II.)

Ст. 14. Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ, (Р.; С. I и II.)
Ст. 17. Безсчетно многими звѣздами (Рит. II.)
Ст. 19—20. И не постижными дѣлами
Землѝ и мо́ря широту. (С. I и II.)
Ст. 22. По истинѣ въ обидахъ судъ; (Р.; С. I и II.)
Ст. 23. Дающаго голоднымъ пищу, (С. I и II.)
Ст. 33. Господь пришелцовъ охраняетъ, (Рит. II.)
Господь пришельцевъ сохраняетъ, (Р.; С. I и II.)
Ст. 35. Онъ дерсскїй грѣшныхъ путь скончаетъ,
(Р.; С. I и II.)

Въ первый разъ напечатано въ Риторикѣ Ломоносова, изданной въ 1748 г., какъ примѣръ силлогизма: «Перьвая посылка раздѣлительнаго Силлогизма можетъ быть отставлена, и вмѣсто оной положенъ быть краткой приступъ, какъ то видно въ псалмѣ 145-мъ, которой основанъ на слѣдующемъ раздѣлительномъ. Силлогизмѣ: *Или уповать на Бога, или на князей сыновъ человѣческихъ; но уповать на нихъ ненадежно; слѣдовательно лутче уповать на Бога.* Для яснѣйшаго понятїя прилагается онаго псалма Парафрастическая ода:

Хвалу всевышнему владыкѣ
Потщися духъ мой возсылать": и т. д.
(Рит. II и III. § 273.)

Въ Рит. II рукою Ломоносова написано: при первой строфѣ—*приступъ:* при первомъ стихѣ второй строфы—*вторая посылка;* при третьемъ стихѣ той же строфы—*причина.*

Въ Рит. II первая строфа была переложена Ломоносовымъ такъ:

Хвали душа моя всечасно
Творца дающа благодать,
О немъ я стану пѣть всечасно,
Какъ долго буду я дыхать.

Но Ломоносовъ зачеркнулъ это и написалъ сбоку:

Хвалу всевышнему владыкѣ
Потщися духъ мой возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О немъ, пока могу дыхать.

Псал. 145.

Хвали, душе моя, Господа.

Восхвалю Господа въ животѣ моемъ, пою Богу моему дондеже есмь.

Не надѣйтеся на князи, на сыны человѣческія, въ нихже нѣсть спасенія.

Изыдетъ духъ его, и возвратится въ землю свою; въ той день погибнутъ вся помышленія его.

Блаженъ, емуже Богъ Іаковль помощникъ его; упованіе его на Господа Бога своего,

Сотворшаго небо и землю, море и вся, яже въ нихъ, хранящаго истину въ вѣкъ,

Творящаго судъ обидимымъ, дающаго пищу алчущимъ.

Господь рѣшитъ окованныя.

Господь умудряетъ слѣпцы, Господь возводитъ низверженныя, Господь любитъ праведники.

Господь хранитъ пришелцы; сира и вдову пріиметъ, и путь грѣшныхъ погубитъ.

Воцарится Господь во вѣкъ, Богъ твой, Сіоне, въ родъ и родъ.

Симеон. Полоцк.

Хвали, душе моя, Бога твари всея,
До конца и жизни восхвалю моея.

Пѣснь Богу моему имамъ воспѣвати,
Дондеже въ существѣ дастъ ми пребывати.
Надежды въ князѣхъ вси не полагайте,
Въ сынѣхъ человѣчихъ вы не уповайте,
Яко спасеніе въ нихъ не обитаетъ,
Изшедшу бо духу плоть ся въ прахъ вращаетъ,
А помышленія тогда исчезаютъ,
Ибо умышленныхъ дѣлъ не содѣваютъ.
Блаженъ человѣкъ есть, емуже отъ Бога
Іаковля помощь, и надежда многа
На Господа жива, иже сотворилъ есть
Небо, землю, море, и вся исполнилъ есть;
На Господа, во вѣкъ истину храняща,
И судъ обидимымъ людемъ си творяща;
Алчущимъ довольство пищи дающаго,
Окованныя же люди рѣшащаго.
Господь умудряетъ во людеҳъ слѣпыя,
Возводитъ падшія, любитъ праведныя.
Господь хранитъ странныхъ, сира же и вдову
Воспріяти имать десницу готову.
Путь человѣкъ грѣшныхъ имать погубити,
Самъ же имать вѣчно царь превелій быти,
Богъ твой, о Сіоне, отъ рода и въ роды,
Единъ царь и Господь небесны породы.

Переложеніе Ломоносова сдѣлалось извѣстнымъ въ народѣ въ различныхъ краяхъ Россіи. Объ этомъ есть весьма любопытное свидѣтельство въ «Дневникѣ» академика и профессора А. В. Никитенко. Авторъ «Дневника» говоритъ: «Съ Ломоносовымъ я познакомился еще въ раннемъ дѣтствѣ, слушая бродячихъ слѣпыхъ пѣвцовъ, которые, ходя по хуторамъ и слободамъ за подаяніемъ, распѣвали: «Хвалу Всевышнему Владыкѣ потщися духъ мой воспѣвать» и другія духовныя стихотворенія этого автора. . . . . Теперь, когда я пишу о Ломоно-

совѣ — о художественномъ характерѣ его твореній, у меня вдругъ ожило воспоминаніе о томъ, какимъ уваженіемъ пользовался онъ во времена моего дѣтства среди массы простаго народа. Имя Ломоносова, какъ поэта, было извѣстно, по крайней мѣрѣ между малороссіянами, всѣмъ сколько нибудь грамотнымъ людямъ. Мнѣ было лѣтъ десять или одиннадцать, когда однажды зашли къ намъ въ хату два бродячіе слѣпые пѣвца и просили у моего отца позволенія пропѣть гимнъ. Съ того времени и до сихъ поръ затвердились у меня въ памяти слѣдующіе стихи Ломоносова, которые слѣпые бродяги пѣли къ великому удовольствію моего отца и всѣхъ домашнихъ:

Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потщися духъ мой возсылать;
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О Немъ, пока могу дышать.

* * *

Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣ-жъ родили человѣки
И нѣтъ спасенія отъ нихъ!

Сначала меня занимала только игра ихъ лицъ, но потомъ, не знаю, какое то особенное, невыразимое чувство овладѣло моимъ маленькимъ сердцемъ, и вотъ теперь я съ умиленіемъ вспоминаю о томъ. Отецъ сказалъ мнѣ тогда, что это стихи Ломоносова, и съ тѣхъ поръ имя его мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ».

(Русская Старина. 1888. Ноябрь. стр. 283;—1891. Іюнь. стр. 624—625.)

XXIIª.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, 1748.

ВАРІАНТЫ.

Рит. II.— Рукописная, собственноручная, Риторика Ломоносова 1746—1747 г.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова. 1759 г.

Ст. 1. Хвалите Господа всея землѝ языки, (Рит. IV.)
Ст. 3. Что милость онъ своѝ во вѣкъ поставилъ въ насъ. (Рит. IV.)

Псал. 116.

Хвалите Господа вси языцы; похвалите Его вси людіе;

Яко утвердися милость Его на насъ, и истина Господня пребываетъ во вѣкъ.

Псалтырь Симеона Полоцкаго.

Хвалите Господа вси міра языцы,
Хвалите вси имя Его человѣцы,
Яко милость Его на насъ утвердися,
Истина Господня вѣчна сотворися.

Четверостишіе Ломоносова, составляющее переложеніе 116-го псалма, впервые напечатано въ Риторикѣ, изданной въ 1748 году: «Иногда слѣдствіе напереди полагается, а посылка къ ней присовокупляется, какъ причина. Такое расположеніе есть въ псалмѣ 116.

Хвалите Господа всея земли языки", и т. д.
(Рит. II. § 268; Рит. III и IV. § 269).

XXIII.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, 1748.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось Собраніе сочиненій Ломоносова 1751 года. «Оды духовныя. Ода 2. Преложеніе псалма 14». Заглавіе это, за исключеніемъ словъ: «Псалма 14» писано рукою Ломоносова. Въ рукописи было: «Парафразисъ псалма 14»; Ломоносовъ зачеркнулъ: *Парафразисъ* и поставилъ: *Преложеніе.* Самый псаломъ писанъ чужою рукою.

Рит. II.—Риторика Ломоносова 1746—1747 г.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова 1759 года.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова 1751 года. Оды духовныя. Ода 2. Преложеніе псалма 14. стр. 7—8. Строфы обозначены цыфрами.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова 1757 года. Заглавіе то же, что и въ *С. I.* стр. 6—7.

Ст. 1. Господи, кто обитаетъ (С. I и II.)
Ст. 7. И нелестнымъ серцемъ точно (Р. II.)
Ст. 8. Какъ языкомъ говоритъ. (Р., С. I и II.)
Ст. 9. Кто устами льстить не знаетъ, (Р., С. I и II.)
Ст. 12. Что бы въ нихъ увязъ сосѣдъ. (Р.; Рит. IV; С. I и II.)

Псаломъ 14.

Господи, кто обитаетъ въ жилищи твоемъ, или кто вселится во святую гору твою?

Ходяй непороченъ (безъ порока) и дѣлаяй правду, глаголяй истину въ сердцѣ своемъ;

Иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріятъ на ближнія своя;

Уничиженъ есть предъ нимъ лукавнуяй (лукавый), боящыя же ся Господа славитъ; кленыйся искреннему своему и не отметаяся.

Сребра своего не даде (дастъ) въ лихву, и мзды на неповинныхъ не пріятъ. Творяй сія не подвижится во вѣкъ.

Псалтырь Симеона Полоцкаго.

Господи, кто въ жилищи твоемъ обитаетъ,
Ли въ святѣй горѣ твоей мѣсто получаетъ,
Ходяй кромѣ порока и правду творящій,
Истинну въ сердцы носяй и языкомъ нелстящій.
Иже искреннему си зла не содѣваетъ,
И клеветъ на ближнія сущихъ не внушаетъ.
Предъ нимже всякъ лукавый мужъ уничижится,
Бояйся же Господа человѣкъ славится
Иже о немже клятся ближнему не лщаетъ,
Сребра не даетъ въ лихву и мзды не желаетъ
Отъ людей неповинныхъ. Сицевъ кто ли будетъ,
Кромѣ подвиженія во вѣки пребудетъ.

Въ первый разъ напечатано въ Риторикѣ Ломоносова, изданной въ 1748 году, и приводится въ видѣ примѣра: «Жизненныя свойства хотя надлежать токмо до одушевленныхъ вещей; однако въ увеличенiи слова чрезъ распространенiе весьма плодовиты, для того что ихъ много больше нежели матерiальныхъ. Пра́вила суть два, и сходствуютъ съ предложенными (§ 58), то есть, 1) къ одному животному приписаны быть могутъ многiя жизненныя свойства, 2) вмѣсто одного жизненнаго свойства предложены быть могутъ его степени или какiя нибудь отмѣны, либо дѣйствiя съ обстоятельствами. Степени бываютъ особливо явственны въ страстяхъ, напримѣръ: въ гнѣвѣ, *неудовольствiе, негодованiе, огорченiе, ярость.* Въ примѣръ перьваго правила предлагается псаломъ 14 преложенный на Россiйскiе стихи.

Господи кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ?
Кто съ тобою населяетъ
Верьхъ священный горнихъ мѣстъ“? и т. д.

(Рит. II, III и IV. § 59.)

XXIV.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, 1748. § 152; § 114.

П. — Письмо Ломоносова къ Шувалову, 16 октября 1753 года.

ВАРІАНТЫ.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747. § 152; § 115.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова, 1759. § 152; § 114.

Ст. 1—37. Рит. II. § 115; Рит. III и IV. § 114.

Ст. 15. И въ бѣшенствѣ другихъ боговъ не почитаетъ. (Рит. IV.)

Ст. 27. Подумай, что бы намъ избыть отъ злой годины. (Рит. IV.)

Ст. 34. То будутъ чтить тебя и стары и младые. (Рит. IV.)

Приводимъ соотвѣтствующія мѣста въ греческомъ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ Гнѣдича. Сравненіе переводовъ, принадлежащихъ писателямъ различныхъ эпохъ, представляетъ интересъ въ историко-литературномъ отношеніи.

«χαῖρ', Ἀχιλεῦ· δαιτὸς μὲν ἐΐσης οὐκ ἐπιδευεῖς
ἠμὲν ἐνὶ κλισίῃ Ἀγαμέμνονος Ἀτρεΐδαο
ἠδὲ καὶ ἐνθάδε νῦν· πάρα γὰρ μενοεικέα πολλὰ

δαίνυσθ᾽· ἀλλ᾽ οὐ δαιτὸς ἐπηράτου ἔργα μέμηλεν,
ἀλλὰ λίην μέγα πῆμα, διοτρεφές, εἰσορόωντες
δείδιμεν· ἐν δοιῇ δὲ σαωσέμεν ἢ ἀπολέσθαι
νῆας ἐυσσέλμους, εἰ μὴ σύ γε δύσεαι ἀλκήν.
ἐγγὺς γὰρ νηῶν καὶ τείχεος αὖλιν ἔθεντο
Τρῶες ὑπέρθυμοι τηλεκλειτοί τ᾽ ἐπίκουροι,
κηάμενοι πυρὰ πολλὰ κατὰ στρατόν, οὐδ᾽ ἔτι φασὶν
σχήσεσθ᾽, ἀλλ᾽ ἐν νηυσὶ μελαίνῃσιν πεσέεσθαι.
Ζεὺς δέ σφι Κρονίδης ἐνδέξια σήματα φαίνων
ἀστράπτει· Ἕκτωρ δὲ μέγα σθένεϊ βλεμεαίνων
μαίνεται ἐκπάγλως, πίσυνος Διί, οὐδέ τι τίει
ἀνέρας οὐδὲ θεούς· κρατερὴ δέ ἑ λύσσα δέδυκεν.
ἀρᾶται δὲ τάχιστα φανήμεναι Ἠῶ δῖαν·
στεῦται γὰρ νηῶν ἀποκόψειν ἄκρα κόρυμβα
αὐτάς τ᾽ ἐμπρήσειν μαλεροῦ πυρός, αὐτὰρ Ἀχαιοὺς
δηώσειν παρὰ τῇσιν ὀρινομένους ὑπὸ καπνοῦ.
ταῦτ᾽ αἰνῶς δείδοικα κατὰ φρένα, μή οἱ ἀπειλὰς
ἐκτελέσωσι θεοί, ἡμῖν δὲ δὴ αἴσιμον εἴη
φθίσθαι ἐνὶ Τροίῃ, ἑκὰς Ἄργεος ἱπποβότοιο.
ἀλλ᾽ ἄνα, εἰ μέμονάς γε καὶ ὀψέ περ υἷας Ἀχαιῶν
τειρομένους ἐρύεσθαι ὑπὸ Τρώων ὀρυμαγδοῦ.
αὐτῷ τοι μετόπισθ᾽ ἄχος ἔσσεται, οὐδέ τι μῆχος
ῥεχθέντος κακοῦ ἔστ᾽ ἄκος εὑρεῖν· ἀλλὰ πολὺ πρὶν
φράζευ, ὅπως Δαναοῖσιν ἀλεξήσεις κακὸν ἦμαρ.
ὦ πέπον, ἦ μὲν σοί γε πατὴρ ἐπετέλλετο Πηλεὺς
ἤματι τῷ, ὅτε σ᾽ ἐκ Φθίης Ἀγαμέμνονι πέμπεν·
‚τέκνον ἐμόν, κάρτος μὲν Ἀθηναίη τε καὶ Ἥρη
δώσουσ᾽, αἴ κ᾽ ἐθέλωσι, σὺ δὲ μεγαλήτορα θυμὸν
ἴσχειν ἐν στήθεσσι· φιλοφροσύνη γὰρ ἀμείνων·
ληγέμεναι δ᾽ ἔριδος κακομηχάνου, ὄφρα σε μᾶλλον
τίωσ᾽ Ἀργείων ἠμὲν νέοι ἠδὲ γέροντες.‘
ὣς ἐπέτελλ᾽ ὁ γέρων, σὺ δὲ λήθεαι. ἀλλ᾽ ἔτι καὶ νῦν
παύε᾽, ἔα δὲ χόλον θυμαλγέα· σοὶ δ᾽ Ἀγαμέμνων
ἄξια δῶρα δίδωσι μεταλήξαντι χόλοιο.

Иліад. IX. ст. 225—263:

«Здравствуй, Пелидъ! въ дружелюбныхъ намъ пиршествахъ нѣтъ недостатка,
Сколько подъ царскою сѣнью владыки народовъ Атрида,
Столько и здѣсь; изобильно всего къ услажденію сердца
Въ пирѣ твоемъ; но теперь не о пиршествахъ радостныхъ дѣло.
Грозную гибель, питомецъ Кроніона, близкую видя,
Въ трепетѣ мы, въ неизвѣстности, наши суда мы избавимъ,
Или погубимъ, ежели ты не одѣешься въ крѣпость!
Близко судовъ, подъ стѣной уже нашею станъ положили
Гордые мужи Трояне и ихъ дальноземные други,
Множество вкругъ зажигають огней; и грозятся, что болѣ
Ихъ не удержать, что прямо на наши суда они грянутъ.
Имъ и Зевесъ, благовѣстныя знаменья вправѣ являя,
Молніей блещетъ! И Гекторъ, ужасною силой кичася,
Буйно свирѣпствуетъ крѣпкій на Зевса; въ ничто онъ вмѣняетъ
Смертныхъ и самыхъ боговъ, обладаемый бѣшенствомъ страшнымъ.
Молится, только-бъ скорѣй появилась денница святая:
Хвалится, завтра срубить съ кораблей хвосты кормовые,
Пламенемъ бурнымъ пожечь корабли, и самихъ насъ Ахеянъ
Всѣхъ передъ ними избить, удушаемыхъ дымомъ пожарнымъ.
Страшно, герой, трепещу я, да гордыхъ угрозъ Пріамида
Боги ему не исполнятъ; а намъ да не судитъ судьбина,
Гибнуть подъ Троей, далеко отъ Аргоса, милой отчизны!
Храбрый, воздвигнись, когда ты желаешь, хоть поздно, Ахеянъ
Столь утѣсненныхъ, избавить отъ ярости толпищъ Троянскихъ.
Послѣ тебѣ самому то горестно будетъ; но поздно,
Зло допустивши, искать исправленія. Лучше во время,
Раньше помысли, да пагубный день отвратишь отъ Ахеянъ.
Другъ! Не тебѣ-ли родитель, Пелей, заповѣдывалъ старецъ,
Въ день, какъ изъ Фѳіи тебя посылалъ къ Атрееву сыну?
Доблесть, мой сынъ, даровать и Аѳина и Гера богиня

Могутъ, когда соизволятъ; но ты лишь въ персяхъ горячихъ
Гордую душу обуздывай; кротость любезная лучше.
Распри злотворной, какъ можно, чуждайся, да паче и паче
Между Ахеянъ тебя почитаютъ младые и старцы.
Такъ заповѣдывалъ старецъ; а ты забываешь. Смягчися;
Гнѣвъ отложи сокрушительный сердцу! Тебѣ Агаме́мнонъ
Выдастъ дары многоцѣнные, ежели гнѣвъ ты оставишь.
Хочешь-ли, слушай, и я предъ тобой и друзьями исчислю,
Сколько даровъ знаменитыхъ тебѣ обѣщалъ Агаме́мнонъ:

Ст. 38 — 52.— Рит. II, III и IV. § 152.

Ст. 47. Когда увижу я изъ васъ, кто съ неба сойдетъ (Рит. IV.)

Ст. 48. Во брани помощь дать Троянамъ или Грекамъ, (Рит. II.)

Ст. 52. Гдѣ твердой мѣдной полъ, и ворота̀ желѣзны. (Рит. IV.)

Ἠὼς μὲν κροκόπεπλος ἐκίδνατο πᾶσαν ἐπ' αἶαν,
Ζεὺς δὲ θεῶν ἀγορὴν ποιήσατο τερπικέραυνος
ἀκροτάτῃ κορυφῇ πολυδειράδος Οὐλύμποιο.
αὐτὸς δέ σφ' ἀγόρευε, θεοὶ δ' ὑπὸ πάντες ἄκουον·
«κέκλυτέ μευ, πάντες τε θεοὶ πᾶσαί τε θέαιναι·
[ὄφρ' εἴπω, τά με θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι κελεύει.]
μήτε τις οὖν θήλεια θεὸς τό γε μήτε τις ἄρσην
πειράτω διακέρσαι ἐμὸν ἔπος, ἀλλ' ἅμα πάντες
αἰνεῖτ', ὄφρα τάχιστα τελευτήσω τάδε ἔργα.
ὃν δ' ἂν ἐγὼν ἀπάνευθε θεῶν ἐθέλοντα νοήσω
ἐλθόντ' ἢ Τρώεσσιν ἀρηγέμεν ἢ Δαναοῖσιν,
πληγεὶς οὐ κατὰ κόσμον ἐλεύσεται Οὔλυμπόνδε·
ἤ μιν ἑλὼν ῥίψω ἐς Τάρταρον ἠερόεντα,
τῆλε μάλ', ἧχι βάθιστον ὑπὸ χθονός ἐστι βέρεθρον,
ἔνθα σιδήρειαί τε πύλαι καὶ χάλκεος οὐδός,

Иліад. VIII. ст. 1—15.

Въ ризѣ златистой заря простиралась надъ всею землею,
Какъ боговъ на соборъ призвалъ молнелюбецъ Кроніонъ;
И на высшей главѣ многохолмнаго сидя Олимпа,
Самъ онъ вѣщалъ; а безсмертные окрестъ безмолвно внимали.
«Слушайте слово мое и боги небесъ, и богини:
Я вамъ повѣдаю, что мнѣ въ персяхъ сердце внушаетъ;
И никто отъ богинь и никто отъ боговъ да не мыслитъ
Слово мое низпровергнуть; покорные всѣ, совокупно
Мнѣ споспѣшайте, да я безпрепятственно дѣло исполню!
Кто жь изъ безсмертныхъ мятежно захочетъ, и я то узнаю,
Съ неба сойти, пособлять Иліонянамъ или Данаямъ,
Тотъ пораженный позорно, страдать на Олимпъ возвратится!
Или, восхичу его, и низвергну я въ сумрачный Тартаръ,
Въ пропасть далекую, гдѣ подъ землей глубочайшая бездна,
Гдѣ и мѣдяный помостъ и ворота желѣзныя, Тартаръ,

Ст. 53—56.—*П.* (въ началѣ Письма).

αὐτίκα δ' ἐξ ὄρεος κατεβήσετο παιπαλόεντος
κραιπνὰ ποσὶ προβιβάς· τρέμε δ' οὔρεα μακρὰ καὶ ὕλη
ποσσὶν ὑπ' ἀθανάτοισι Ποσειδάωνος ἰόντος.
τρὶς μὲν ὀρέξατ' ἰών, τὸ δὲ τέτρατον ἵκετο τέκμωρ,
Αἰγάς ἔνθα τέ οἱ κλυτὰ δώματα βένθεσι λίμνης,

Иліад. XIII, 17—21.

Вдругъ, негодуя возсталъ, и съ утесной горы устремился,
Быстро ступая впередъ: задрожали дубравы и горы
Вкругъ подъ стопами священными въ гнѣвѣ идущаго бога.
Трижды ступилъ Посидо́нъ, и въ четвертый достигнулъ предѣла,
Эги; тамъ Посидо́на въ заливѣ глубокомъ обитель,

XXV.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, 1748. § 309.

ВАРIАНТЫ.

Рит. II.— Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова, 1759.

Ст. 1 — 48.— Рит. II. § 310; Рит. III и IV. § 309.

Ст. 19. Не мѣдливши не мало (Рит. II.)

Ломоносовъ въ Риторикѣ: «Басня состоитъ изъ одной части, то есть изъ краткаго повѣствованiя, которое располагается натуральнымъ порядкомъ, какъ само дѣянiе слѣдуетъ. На концѣ должно быть всегда что нибудь нечаянное. Примѣръ изъ Анакреонта:

Ночною темнотою
Покрылись небеса“ и т. д.

Εἰς Ἔρωτα.

Μεσονυκτίοις ποτ' ὥραις,
στρέφεται ὅτ' Ἄρκτος ἤδη
κατὰ χεῖρα τὴν Βοώτου,
μερόπων δὲ φῦλα πάντα
κέαται. κόπῳ δαμέντα,
τότ' Ἔρως ἐπισταθείς μευ
θυρέων ἔκοπτ' ὀχῆας.
τίς, ἔφην, θύρας ἀράσσει;
κατά μευ σχίσεις ὀνείρους.
ὁ δ' Ἔρως, ἄνοιγε, φησίν·
βρέφος εἰμί, μὴ φόβησαι·
βρέχομαι δέ, κἀσέληνον
κατὰ νύκτα πεπλάνημαι.
ἐλέησα ταῦτ' ἀκούσας,
ἀνὰ δ' εὐθὺ λύχνον ἅψας
ἀνέῳξα, καὶ βρέφος μὲν
ἐσορῶ, φέροντα τόξον,
πτέρυγάς τε καὶ φαρέτρην.
παρὰ δ' ἱστίην καθίξας,
παλάμαισι χεῖρας αὐτοῦ
ἀνέθαλπον, ἐκ δὲ χαίτης
ἀπέθλιβον ὑγρὸν ὕδωρ.
ὁ δ' ἐπεὶ κρύος μεθῆκε,
φέρε, φησί, πειράσωμεν
τόδε τόξον, εἴ τί μοι νῦν
βλάβεται βραχεῖσα νευρή.
τανύει δὲ καί με τύπτει
μέσον ἧπαρ, ὥςπερ οἶστρος·
ἀνὰ δ' ἅλλεται καχάζων,
ξένε δ', εἶπε, συγχάρηθι·
κέρας ἀβλαβὲς μέν ἐστι,
σὺ δὲ καρδίην πονήσεις.

Переводчикъ греческихъ классиковъ Мартыновъ говоритъ: «Кто не знаетъ прекраснаго подражанія Ломоносова сей прекраснѣйшей и весьма замысловатой Пѣсни? Я приведу оное для сличенія съ подлинникомъ и показанія молодымъ нашимъ писателямъ, какъ должно подражать образцамъ, нами избираемымъ».

(Греческіе классики, переведенные съ греческаго языка Иваномъ Мартыновымъ. Часть XXIII. Книга 26. Стихотворенія Анакреона Теосскаго. стр. 4—7, 123—126.)

Державинъ подражалъ этой же одѣ Анакреона въ своемъ стихотвореніи «Купидонъ». Подражаніе ей есть и у Сумарокова.

(Сочиненія Державина, съ примѣчаніями Я. К. Грота. 1865. Ч. II. стр. 73—76.)

XXVI.

ТЕКСТЪ.

Рит. III. — Риторика Ломоносова, 1748.

ВАРІАНТЫ.

Рит. II. — Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. IV. — Риторика Ломоносова, 1759.

П. — Письмо Ломоносова къ Шувалову 16 октября 1753 года.

Ст. 1 — 3. — Рит. II. § 228; Рит. III и IV. § 229.

Ст. 1—3. Вы воздухъ безъ меня и землю возмутить
И волны на морѣ поднять дерзнули, вѣтры.
То я васъ! но пора валы мнѣ успокоить. (Рит. II.)

Aeneid. I. 133–135.

iam caelum terramque meo sine numine, venti,
miscere et tantas audetis tollere moles?
quos ego—! sed motos praestat componere fluctus:

Ст. 4 — 7. — Рит. II, III и IV. § 213.

Ст. 4. Какое, бѣшенство, Трояне, васъ объемлетъ? (Рит. IV.)

Aeneid. II. 42–44.

et procul o miseri, quae tanta insania, cives?
reditis avectos hostis aut ulla putatis
dona carere dolis Danaum? sic notus Ulixes?

Ст. 8 — 20.— Рит. II. § 305; Рит. III и IV. § 304.

Ст. 12. Но что ужъ сказывать вамъ случай непрїятной, (Рит. IV.)

Ст. 13. Что мѣдлить, естьли вамъ всѣ греки ненавистны. (Рит. II.)

Aeneid. II. 96–109.

promisi ultorem et verbis odia aspera movi.
hinc mihi prima mali labes, hinc semper Ulixes
criminibus terrere novis, hinc spargere voces
in volgum ambiguas et quaerere conscius arma.
nec requievit enim, donec Calchante ministro
sed quid ego haec autem nequiquam ingrata revolvo?
quidve moror, si omnis uno ordine habetis Achivos
idque audire sat est? iandudum sumite poenas:
hoc Ithacus velit et magno mercentur Atridae.
Tum vero ardemus scitari et quaerere casus,
ignari scelerum tantorum artisque Pelasgae.
prosequitur pavitans et ficto pectore fatur:
Saepe fugam Danai Troia cupiere relicta
moliri et longo fessi discedere bello;

Ст. 21 — 25.— Рит. II, III и IV. § 69.

Ст. 22. Или когда съ горы̀ стремясь рѣка течетъ, (Рит. II и IV.)

Aeneid. II. 304–308:

in segetem veluti cum flamma furentibus austris
incidit, aut rapidus montano flumine torrens
sternit agros, sternit sata laeta boumque labores
praecipitesque trahit silvas; stupet inscius alto
accipiens sonitum saxi de vertice pastor.

Ст. 26 — 34. — Рит. II, III и IV. § 155.

Aeneid. III. 209—219:

servatum ex undis Strophadum me litora primum
excipiunt Strophades Graio stant nomine dictae
insulae Ionio in magno, quas dira Celaeno
harpyiaeque colunt aliae, Phineia postquam
clausa domus mensasque metu liquere priores.
tristius haut illis monstrum, nec saevior ulla
pestis et ira deum Stygiis sese extulit undis.
virginei volucrum voltus, foedissima ventris
proluvies uncaeque manus et pallida semper
ora fame.
huc ubi delati portus intravimus, ecce

Ст. 35 — 41. — Рит. II, III и IV. § 158.

Ст. 35—41. Едва онъ рѣчь скончалъ, великая громада
Съ горы къ водамъ идетъ среди овечья стада,
Ужасной Полифемъ, прескверной изувѣръ
Исполненъ ярости и злобы выше мѣръ.
Лишася зрѣнїя, онъ дубъ несетъ рукою
Какъ трость и ищетъ тѣмъ дороги предъ собою.
Зубами заскрыпѣлъ и моремъ побѣжалъ;
Едва во глубинѣ до бедръ касался валъ. (П.)

Aeneid. III, 655—659, 664—665:
Vix ea fatus erat, summo cum monte videmus
ipsum inter pecudes vasta se mole moventem
pastorem Polyphemum et litora nota petentem,
monstrum horrendum informe ingens, cui lumen ademptum.
trunca manu pinus regit et vestigia firmat;
dentibus infrendens gemitu, graditurque per aequor
iam medium, necdum fluctus latera ardua tinxit.

Ст. 42 — 48. — Рит. II, III и IV. § 159.

Ст. 42. Ужѐ слухъ по градамъ быстро течетъ Ливїйскимъ; (Рит. IV.)

Ст. 45.. Мала въ рожденїи, и ходитъ боязливо; (Рит. IV.)

Aeneid. IV. 173—177, 181—183:
Extemplo Libyae magnas it Fama per urbes,
Fama, malum qua non aliud velocius ullum:
mobilitate viget, viresque adquirit eundo,
parva metu primo, mox sese, attollit in auras
ingrediturque solo et caput inter nubila condit.
monstrum horrendum ingens, cui quot sunt corpore plumae
tot vigiles oculi supter (mirabile dictu),
tot linguae, totidem ora sonant, tot subrigit auris.

Ст. 49 — 62. — Рит. II. § 229; Рит. III и IV. § 230.

Ст. 49. Что дѣлать нынѣ мнѣ презрѣнной отъ Троянъ? (Рит. IV.)

Ст. 51. Которыхъ столько кратъ супружство отвергала? (Рит. II.)

Ст. 59. Или съ Пуническимъ мнѣ войскомъ устремиться. (Рит. IV.)

Aeneid. IV. 534—547.
en quid ago? rursusne procos inrisa priores
experiar, Nomadumque petam conubia supplex,

quos ego sim totiens iam dedignata maritos?
Iliacas igitur classes atque ultima Teucrum
iussa sequar? quiane auxilio iuvat ante levatos
et bene apud memores veteris stat gratia facti?
quis me autem, fac velle, sinet ratibusve superbis
invisam accipiet? nescis heu, perdita, necdum
Laomedonteae sentis periuria gentis?
quid tum? sola fuga nautas comitabor ovantis?
an Tyriis omnique manu stipata meorum
inferar et quos Sidonia vix urbe revelli,
rursus agam pelago et ventis dare vela iubebo?
quin morere, ut merita es, ferroque averte dolorem.

Ст. 63 — 101. — Рит. II, III и IV. § 127.

Ст. 70. О Боже мой! уйдетъ пришлецъ намъ насмѣявшись (Рит. II.)

Ст. 75. Тебя злой рокъ постигъ, нещастлива Дидона! (Рит. IV.)

Ст. 77. Таковъ то вѣренъ тотъ, что отческихъ боговъ (Рит. II.)

Ст. 81. И части бы его отцу поставить въ снѣдь? (Рит. II.)
И члены бы его отцу во пищу дать? (Рит. IV.)

Ст. 83—85. Кто хочетъ умереть, кого ему бояться?
Сожечь было весь флотъ и сына и отца
Тѣмъ жаромъ истребить и вдругъ саму себя. (Рит. IV.)

Ст. 87. И знающая всю мою тоску Юнона, (Рит. II.)

Ст. 90. Внемлите и мою услышите мольбу: (Рит. IV.)

Ст. 100—101. Останется среди песку непогребенъ.
Сего прошу и духъ свой съ кровью проливаю. (Рит. II.)

Aeneid. IV. 584—621:

Et iam prima novo spargebat lumine terras
Tithoni croceum linquens Aurora cubile.
regina e speculis ut primam albescere lucem
vidit et aequatis classem procedere velis
litoraque et vacuos sensit sine remige portus,
terque quaterque manu pectus percussa decorum
flaventisque abscissa comas 'pro Iuppiter! ibit
hic' ait 'et nostris inluserit advena regnis?
non arma expedient totaque ex urbe sequentur,
deripientque rates alii navalibus? ite,
ferte citi flammas, date tela, inpellite remos!
quid loquor, aut ubi sum? quae mentem insania mutat,
infelix Dido? nunc te facta impia tangunt?
tum decuit, cum sceptra dabas. en dextra fidesque,
quem secum patrios aiunt portare penates,
quem subiisse umeris confectum aetate parentem!
non potui abreptum divellere corpus et undis
spargere, non socios, non ipsum absumere ferro
Ascanium patriisque epulandum ponere mensis?
verum anceps pugnae fuerat fortuna. fuisset:
quem metui moritura? faces in castra tulissem
inplessemque foros flammis natumque patremque
cum genere extinxem, memet super ipsa dedissem.
Sol, qui terrarum flammis opera omnia lustras,
tuque harum interpres curarum et conscia Iuno,
nocturnisque Hecate triviis ululata per urbes,
et dirae ultrices et di morientis Elissae,
accipite haec meritumque malis advertite numen
et nostras audite preces. si tangere portus
infandum caput ac terris adnare necessest
et sic fata Iovis poscunt, hic terminus haeret:
at bello audacis populi vexatus et armis,
finibus extorris, complexu avolsus Iuli

auxilium inploret videatque indigna suorum
funera; nec, cum se sub leges pacis iniquae
tradiderit, regno aut optata luce fruatur,
sed cadat ante diem mediaque inhumatus harena:
haec precor, hanc vocem extremam cum sanguine fundo.

Ст. 102 — 108. — Рит. II. § 312; Рит. III и IV. § 311.

Aeneid. VI. 616—620:

saxum ingens volvont alii, radiisque rotarum
districti pendent; sedet aeternumque sedebit
infelix Theseus; Phlegyasque miserrimus omnis
admonet et magna testatur voce per umbras:
«discite iustitiam moniti et non temnere divos.»

Ст. 109 — 113. — Рит. II. § 118, Рит. III и IV. § 117.

Ст. 113. Что все ты заслужилъ самъ кровїю своею.
(Рит. IV.)

Aeneid. VII, 421—424.

'Turne, tot incassum fusos patiere labores
et tua Dardaniis transcribi sceptra colonis?
rex tibi coniugium et quaesitas sanguine dotes
abnegat, externusque in regnum quaeritur heres.

Ст. 114—124. — Рит. II. § 117; Рит. III и IV. § 116.

Ст. 117. Жестокой нашъ народъ отъ роскошей бѣжитъ:
(Рит. IV.)

Aeneid. IX, 598—605, 614—615, 617—620:

'non pudet obsidione iterum valloque teneri,
bis capti Phryges, et morti praetendere muros?
en qui nostra sibi bello conubia poscunt!

quis deus Italiam, quae vos dementia adegit?
non hic Atridae nec fandi fictor Ulixes:
durum a stirpe genus natos ad flumina primum
deferimus saevoque gelu duramus et undis,
venatu invigilant pueri silvasque fatigant. . . .
vobis picta croco et fulgenti murice vestis,
desidiae cordi, iuvat indulgere choreis. . . .
o vere Phrygiae (neque enim Phryges), ite per alta
Dindyma, ubi adsuetis biforem dat tibia cantum!
tympana vos buxusque vocat Berecyntia Matris
Idaeae: sinite arma viris et cedite ferro.

Ст. 125 — 127. — Рит. II, III и IV. § 216.

Ст. 127. Тебя въ началѣ дня, тебя и въ позный вечеръ
Во пѣсняхъ поминалъ. (Рит. II.)

Georg. IV. 464—466:

ipse cava solans aegrum testudine amorem
te, dulcis coniunx, te solo in litore secum,
te veniente die, te decedente canebat.

XXVII.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, 1748. § 268.

ВАРІАНТЫ.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747. § 266.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова, 1759. § 268.

Ст. 12—13. Что мнѣ незнатной родъ, въ страну
Гесперску,
Не воспятилъ ввести стихи Еольски, (Рит. II.)

Horat. Carm. Lib. III. C. XXX.

Exegi monumentum aere perennius,
Regalique situ pyramidum altius:
Quod non imber edax non aquilo impotens
Possit diruere, aut innumerabilis

Annorum series et fuga temporum.
Non omnis moriar, multaque pars mei
Vitabit Libitinam: usque ego postera
Crescam laude recens, dum Capitolium

Scandet cum tacita virgine pontifex.
Dicar, qua violens obstrepit Aufidus
Et qua pauper aquae Daunus agrestium
Regnavit populorum, ex humili potens.

Princeps Aeolium carmen ad Italos
Deduxisse modos: sume superbiam
Quaesitam meritis, et mihi Delphica
Lauro cinge volens, Melpomene, comam.

XXVIII.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, 1748.

ВАРІАНТЫ.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова, 1759.

П.—Письмо Ломоносова къ Шувалову, 16 октября 1753 года.

Ст. 1 — 5. — Рит. II, III и IV. § 156.

Metamorph. I. 264—269.

emittitque Notum. madidis Notus evolat alis,
terribilem picea tectus caligine vultum:
barba gravis nimbis, canis fluit unda capillis,
fronte sedent nebulae, rorant pennaeque sinusque.
utque manu late pendentia nubila pressit,
fit fragor; hinc densi funduntur ab aethere nimbi.

Ст. 6 — 9. — Рит. II, III и IV. § 139.

Metamorph. I. 411—415:

inque brevi spatio superorum numine saxa
missa viri manibus faciem traxere virorum,
et de femineo reparata est femina iactu.
inde genus durum sumus experiensque laborum,
et documenta damus, qua simus origine nati.

Ст. 10 — 15. — Рит. II, III и IV. § 160.

Metamorph. I. 547—553.

vix prece finita, torpor gravis occupat artus,
mollia cinguntur tenui praecordia libro,
in frondem crines, in ramos bracchia crescunt,
pes, modo tam velox, pigris radicibus haeret,
ora cacumen obit. remanet nitor unus in illa,
hanc quoque Phoebus amat, positaque in stipite dextra
sentit adhuc trepidare novo sub cortice pectus.

Ст. 16 — 22. — Рит. II, III и IV. § 57.

Ст. 21. Тамъ море начерталъ кругомъ земли Вулканъ (Рит. IV.)

Metamorph. II. 1—7.

Regia Solis erat sublimibus alta columnis,
clara micante auro flammasque imitante pyropo,
cuius ebur nitidum fastigia summa tegebat;
argenti bifores radiabant lumine valvae.
materiam superabat opus: nam Mulciber illic
aequora caelarat medias cingentia terras
terrarumque orbem caelumque, quod imminet orbi.

Ст. 23—35.—Рит. II, III и IV. § 156.

Ст. 26. Увидѣла въ нутри, какъ зависть ѣстъ змїевъ (Рит. II.)

Увидѣла внутри, какъ зависть ѣстъ змїю, (Рит. IV.)

Ст. 27. И кровїю ея свою питаетъ злобу; (Рит. IV.)

Ст. 29. Она встаетъ съ землй, оставивъ полъ змей, (Рит. IV.)

Ст. 31. И видя, что она красно вооружена, (Рит. IV.)

Ст. 34. Глядитъ исъ подъ бровей, и ржа всегда въ зубахъ, (Рит. II.)

Глядитъ изъ подъ бровей, и ржавчина въ зубахъ, (Рит. IV.)

Ст. 35. Желта отъ желчи грудь, и ядъ течетъ съ языка. (Рит. II и IV.)

Metamorph. II. 760—777.

protinus Invidiae nigro squalentia tabo
tecta petit. domus est imis in vallibus huius
abdita, sole carens, non ulli pervia vento,
tristis et ignavi plenissima frigoris, et quae
igne vacet semper, caligine semper habundet.
huc ubi pervenit bello metuenda virago,
constitit ante domum (neque enim succedere tectis
fas habet) et postes extrema cuspide pulsat.
concussae patuere fores. videt intus edentem
vipereas carnes, vitiorum alimenta suorum,
Invidiam, visaque oculos avertit. at illa
surgit humo pigre semesarumque relinquit
corpora serpentum passuque incedit inerti.
utque deam vidit formaque armisque decoram,
ingemuit multum atque animo suspiria duxit.
pallor in ore sedet, macies in corpore toto,
nusquam recta acies, livent rubigine dentes,
pectora felle virent, lingua est suffusa veneno.

Ст. 36 — 43.— Рит. II, III и IV. § 217.

Ст. 38. Но я повиненъ въ томъ, я погубилъ тебя:
(Рит. II.)

Metamorph. IV. 108—115.

repperit, «una duos» inquit «nox perdet amantes:
e quibus illa fuit longa dignissima vita,
nostra nocens anima est. ego te, miseranda, peremi,
in loca plena metus qui iussi nocte venires,
nec prior huc veni. nostrum divellite corpus
et scelerata fero consumite viscera morsu,
o quicumque sub hac habitatis rupe, leones!
sed timidi est optare necem»—velamina Thisbes.

Ст. 44 — 53.— Рит. II, III и IV. § 61.

Metamorph. VIII. 815—824.

mulcebat. petit ille dapes sub imagine somni
oraque vana movet dentemque in dente fatigat,
exercetque cibo delusum guttur inani
proque epulis tenues nequiquam devorat auras.
ut vero est expulsa quies, furit ardor edendi
perque avidas fauces immensaque viscera regnat.
nec mora: quod pontus, quod terra, quod educat aër,
poscit; et appositis queritur ieiunia mensis,
inque epulis epulas quaerit. quodque urbibus esse
quodque satis populo poterat, non sufficit uni;

Ст. 54 — 57.— Рит. II, III и IV. § 126.

Metamorph. XIII. 3—6.

utque erat impatiens irae, Sigeïa torvo
litora respexit classemque in litore vultu

intendensque manus 'agimus, pro Iuppiter!' inquit
'ante rates causam, et mecum confertur Ulixes!

Ст. 58—63.— Рит. II. § 238; Рит. III и IV. § 239.

Ст. 58. Устами движетъ Богъ; я съ нимъ вѣщать
начну. (Рит. II.)

Ст. 61—63. Я таинства хочу невѣдомыя пѣть,
На облакѣ хочу я выше звѣздъ взлетѣть;
Оставивъ низъ, пойду небесною горою,
Атланту наступлю на плечи я ногою. (II.)

Metamorph. XV. 143—149.

et quoniam deus ora movet, sequar ora moventem
rite deum, Delphosque meos ipsumque recludam
aethera et augustae reserabo oracula mentis.
magna nec ingeniis evestigata priorum,
quaeque diu latuere, canam. iuvat ire per alta
astra; iuvat, terris et inerti sede relicta,
nube vehi validique umeris insistere Atlantis:

Ст. 64—67.— Рит. II. § 233; Рит. III и IV. § 234.

Heroid. I. 5—8.

o utinam tum, cum Lacedaemona classe petebat,
obrutus insanis esset adulter aquis!
non ego deserto iacuissem frigida lecto,
non quererer tardos ire relicta dies,

Ст. 68—72.— Рит. II, III и IV. § 62.

Ст. 71. И отческимъ богамъ Симойски жгутъ добычи,
(Рит. II и IV.)

Heroid. I. 3—4, 25—27.

Troia iacet certe, Danais invisa puellis.
vix Priamus tanti totaque Troia fuit.
Argolici rediere duces, altaria fumant,
ponitur ad patrios barbara praeda deos.
grata ferunt nymphae pro salvis dona maritis:

Ст. 73 — 78.— Рит. II, III и IV. § 235.

Ст. 74. **Кои о печальну грудь свою прибила,** (Рит. II.)
Ст. 75. **И кажу остатки волосовъ издранныхъ.** (Рит. IV.)
Ст. 78. **Есть ли мертву найдешь, погреби хоть кости.** (Рит. IV.)

Heroid. X. 145—150.

has tibi plangendo lugubria pectora lassas
infelix tendo trans freta longa manus:
hos tibi, qui superant, obstendo maesta capillos:
per lacrimas oro, quas tua facta movent:
flecte ratem, Theseu, versoque relabere vento:
si prius occidero, tu tamen ossa feres.

XXIX.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.—Риторика Ломоносова, 1748.

ВАРІАНТЫ.

Рит. II.—Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова, 1759.

Ст. 1—2. — Рит. II, III и IV. § 140.

Ст. 1. Дивишься, что не дамъ стиховъ тебѣ моихъ? (Рит. II.)

Martial. Lib. V. Epigr. LXXIII.

Non donem tibi cur meos libellos
Oranti totiens et exigenti,
Miraris, Theodore? Magna causa est:
Dones tu mihi ne tuos libellos.

Ст. 3—6. — Рит. II, III и IV. § 145.

Martial. Lib. V. Epigr. LXXVI.

Profecit poto Mithridates saepe veneno,
Toxica ne possent saeva nocere sibi.
Tu quoque cavisti cenando tam male semper,
Ne posses unquam, Cinna, perire fame.

Ст. 7 — 10.— Рит. II, III и IV. § 141.

Ст. 9—10. Хотя онъ у людей былъ въ жизнь свою презрѣнъ:
По смерти въ ентарѣ у нихъ же сталъ почтенъ (Рит. IV.)

Martial. Lib. VI. Epigr. XV.

Dum Phaethontea formica vagatur in umbra,
Implicuit tenuem sucina gutta feram.
Sic modo quae fuerat vita contempta manente,
Funeribus facta est nunc pretiosa suis.

Ст. 11 — 14.— Рит. II, III и IV. § 144.

Martial. Lib. VIII. Epigr. XII.

Uxorem quare locupletem ducere nolim,
Quaeritis? Uxori nubere nolo meae.
Inferior matrona suo sit, Prisce, marito:
Non aliter fiunt femina virque pares.

Ст. 15 — 20.— Рит. II, III и IV. § 60.

Ст. 18. И какъ пресладкїй Нектаръ на Олимпѣ. (Рит. IV.)

Martial. Lib. IX. Epigr. XI.

Nomen cum violis rosisque natum,
Quo pars optima nominatur anni,
Hyblam quod sapit Atticosque flores,
Quod nidos olet alitis superbae;
Nomen nectare dulcius beato,
Quo mallet Cybeles puer vocari
Et qui pocula temperat Tonanti:

Ст. 21 — 26.— Рит. II, III и IV. § 133.

У Марціала этой эпиграммы нѣтъ.

XXX.

ТЕКСТЪ.

Б. — Рукописный Сборникъ Библіотеки Академіи наукъ, извѣстный подъ именемъ «Свиньинскаго». На корешкѣ: «Рукописи Ломоносова». Въ началѣ текста заглавіе: «Рукописи Михайла Ломоносова, по разнымъ ученымъ предметамъ, и два манускрипта профессора Шлецера». Въ настоящее время № нѣтъ, а прежде Сборникъ значился подъ № 58.

Рит. III. — Риторика Ломоносова, 1748.

ВАРІАНТЫ.

Р. Л. — Рукопись Библіотеки Академіи наукъ. № 112.

Рит. II. — Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747.

Рит. IV. — Риторика Ломоносова, 1759.

Ст. 1 — 42. — *Б.*, л. 99—99 об. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

Ст. 43 — 48. — Рит. II, III и IV. § 161.

Senec. Troades. Act. I. v. 63—133; Act. III. v. 690—693.

Lamenta cessant? turba captivae mea
ferite palmis pectora et planctus date

et iusta Troiae facite. iamdudum sonet
fatalis Ide iudicis diri domus.

Chorus Troadum. Hecuba.

Chor. Non rude vulgus lacrimisque novum
lugere iubes. hoc continuis
egimus annis ex quo tetigit
phrygius graias hospes Amyclas
secuitque fretum
pinus matri sacra Cybellae.
Deciens nivibus canuit Ide
deciens nostris nudata rogis
et sigeis trepidus campis
decumas secuit messor aristas:
ut nulla dies moerore caret,
sed nova fletus causa ministrat.
Ite ad planctum
miseramque leva regina manum.
vulgus dominam vile sequemur:
non indociles lugere sumus.

Hec. Fidae casus nostri comites
solvite crinem.
per colla fluant moesta capilli
tepido Troiae pulvere turpes.
Paret exertos turba lacertos.
veste remissa substringe sinus
uteroque tenus pateant artus.
cui coniugio pectora velas
captive pudor?
Cingat tunicas palla solutas
vacet ad crebri verbera planctus
furibunda manus. placet hic habitus
placet agnosco troada turbam.
Iterum luctus redeant veteres
solitum flendi vincite morem.

Hectora flemus.
Chor. Solvimus omnes
lacerum multo funere crinem.
coma demissa est libera nodo
sparsitque cinis fervidus ora.
Hec. complete manus: hoc ex Troia
Sumsisse licet.
Cadit ex humeris vestis apertis
imumque tegit suffulta latus
iam nuda vocant pectora dextras.
nunc nunc vires exprome tuas
furiose dolor.
Rhoetea sonent litora planctu
habitansque cavis montibus Echo
non ut solita est extrema brevis
verba remittat: saevite manus:
totos reddat Troiae gemitus.
audiat omnis pontus et aether.
Pulsu pectus tundite vasto.
non sum solito contenta sono.
Hectora flemus.
Hec. Tibi nostra ferit dextra lacertos
humerosque ferit tibi sanguineos.
tibi maternis ubera palmis
laniata iacent.
fluit et multo sanguine manat
quamcumque tuo funere feci
rupta cicatrix.
Columen patriae mora fatorum
tu praesidium Phrygibus fessis
tu murus eras humerisque tuis. . . .
repellor? heu me, rumpe fatorum moras,
molireterras Hector, ut Vlixen domes.
vel umbra satis est, arma concussit manu.

 *

iaculatur ignes. cernitis Danai Hectorem
an sola video?

Ст. 49 — 71.— Рит. II, III и IV. § 127.

Ст. 55. Не знаю что теперь злой духъ мой умышляетъ (Рит. II.)

Ст. 63. Ахъ нѣтъ они мои! ни въ чемъ они невинны! (Рит. IV.)

Medea. Act. V. v. 910—927.

incumbe in iras teque languentem excita
penitusque veteres pectore ex imo impetus
violentus hauri. quidquid admissum est adhuc,
pietas vocetur.
Hoc age et faxo sciant
quam levia fuerint quamque vulgaris notae
quae commodavi scelera. prolusit dolor
per ista noster. quid manus poterant rudes
audere magnum? quid puellaris furor?
Medea nunc sum crevit ingenium malis.
Iuvat iuvat rapuisse fraternum caput,
artus iuvat secuisse et arcano patrem
spoliasse sacro, iuvat in exitium senis
armasse natas. quaere materiam dolor:
ad omne facinus non rudem dextram adferes.
Quo te igitur ira mittis, aut quae perfido
intendis hosti tela? nescio quid ferox
decrevit animus intus et nondum sibi
audet fateri. stulta properavi nimis.

Medea. Act. V. v. 931—947.

meritoque placuit: ultimum, agnosco, scelus
anime parandum est. liberi quondam mei
vos pro paternis sceleribus poenas date.
Cor pepulit horror membra torpescunt gelu
pectusque tremuit. ira discessit loco

materque tota coniuge expulsa redit.
egone ut meorum liberum ac prolis meae
fundam cruorem? melius a demens furor.
incognitum istud facinus ac dirum nefas
a me quoque absit. quod scelus miseri luent?
Scelus est Iason genitor, est maius scelus
Medea mater.—occidant. non sunt mei.
pereant? mei sunt, crimine et culpa carent.
sunt innocentes fateor: et frater fuit.
quid anime titubas? ora quid lacrimae rigant
variamque nunc huc ira nunc illuc amor
diducit, anceps aestus incertam rapit?

Medea. Act. V. v. 953—955.

Huc cara proles, unicum adflictae domus
solamen, huc vos ferte et infusos mihi
coniungite artus. habeat incolumes pater,

Medea Act. V. v. 959—961.

periere matri. rursus increscit dolor
et fervet odium. repetit invitam manum
antiqua Erinnys. ira qua ducis sequor.

Ст. 72 — 79.— Рит. II, III и IV. § 125.

Ст. 72. Зевесъ боговъ отецъ, въ твоей десницѣ громъ (Рит. IV.)
Ст. 73. Страшитъ востокъ и югъ и позный солнцевъ домъ, (Р. Л.)
Ст. 77—78. И свѣту доказалъ, что {ты родитель мой. / я рожденъ тобой.}
Ужъ нѣкуда бросать твои разженны стрѣлы (Р. Л.)

Въ черновыхъ набросках Ломоносова, въ рукописи № 112, заключающей въ себѣ преимущественно матеріалы для грамматики, есть два стиха изъ той же трагедіи Сенеки:

Или самимъ богамъ ужасенъ Геркулесъ?
Или не можетъ съ нимъ Атлантъ здержать небесъ?

Hercules (Oetaeus). Act. I. v. 1—29.

Sator deorum cuius excussum manu
utraeque Phoebi sentiunt fulmen domus,
secure regna. protuli pacem tibi.
quacumque Nereus porrigi terras vetat
non est tonandum. perfidi reges iacent
saevi tyranni. fregimus quidquid fuit
tibi fulminandum. sed mihi caelum parens
adhuc negatur? parvi certe Iove
ubique dignus teque testata est meum
patrem noverca. quid tamen nectis moras?
numquid timemur? numquid inpositum sibi
non poterit Atlas ferre cum caelo Herculem?
quid astra genitor quid negas? mors me tibi
certe remisit, omne concessit malum
quod terra genuit pontus aer inferi.
nullus per urbes errat Arcadias leo,
Stymphalis icta est, Maenali nulla est fera,
sparsit peremptus aureum serpens nemus
et hydra vires posuit et notos Hebro
cruore pingues hospitum fudi greges
hostisque traxi spolia thermodontiae.
vidi silentum fata nec tantum redi,
sed trepidus atrum Cerberum vidit dies
et ille solem. nullus Antaeus Libys
animam resumit, cecidit ante aras suas
Busiris, una est Geryon sparsus manu
taurusque populis horridus centum pavor.
quodcumque tellus genuit infesta occidit
meaque fusum est dextera. . . .

XXXI.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, 1748. § 306.

ВАРІАНТЫ.

Рит. II.— Собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747 г. § 307.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова, 1759. § 306.

Ст. 6. И крался тихо сквось лѣсокъ, (Рит. IV.)

Ст. 8—9. Увидѣлъ тамъ, что жучко спитъ,
Обнявъ пастушку Фирсъ храпитъ, (Рит. IV.)

Ст. 21. Тутъ поздо бѣдной волкъ примѣтилъ, (Рит. IV.)

Ст. 23—24. Въ *Рит. II* этихъ стиховъ нѣтъ.

Ломоносовъ въ своей Риторикѣ: «Главныя части, которыя притчу составляютъ, суть двѣ, *повѣствованіе само* и *приложеніе,* въ повѣствованіи вымыслъ, а въ приложеніи краткое правоученіе содержится. Вымыслъ полагается обыкновенно напереди, а послѣ того слѣдуетъ правоучительное приложеніе; напримѣръ:

Лишь только дневной шумъ замолкъ,“ и т. д.
(Рит. II. §§ 306—307; Рит. III и IV. §§ 305—306.)

Ср. Лафонтена: Le loup devenu berger.

Un Loup, qui commençoit d'avoir petite part
Aux brebis de son voisinage,
Crut qu'il falloit s'aider de la peau du renard,
Et faire un nouveau personnage.
Il s'habille en berger, endosse un hoqueton,
Fait sa houlette d'un bâton,
Sans oublier la cornemuse.
Pour pousser jusqu'au bout la ruse,
Il auroit volontiers écrit sur son chapeau:
«C'est moi qui suis Guillot, berger de ce troupeau».
Sa personne étant ainsi faite,
Et ses pieds de devant posés sur sa houlette,
Guillot le sycophante approche doucement.
Guillot, le vrai Guillot, étendu sur l'herbette,
Dormoit alors profondément;
Son chien dormoit aussi, comme aussi sa musette:
La plupart des brebis dormoient pareillement.
L'hypocrite les laissa faire;
Et pour pouvoir mener vers son fort les brebis,
Il voulut ajouter la parole aux habits,
Chose qu'il croyoit nécessaire.
Mais cela gâta son affaire:
Il ne put du pasteur contrefaire la voix.
Le ton dont il parla fit retentir les bois,
Et découvrit tout le mystère.
Chacum se réveille à ce son,
Les brebis, le chien, le garçon.
Le pauvre Loup dans cet esclandre,
Empêché par son hoqueton,
Ne put ni fuire ni se défendre,
Toujours par quelque endroit fourbes se laissent prendre.
Quiconque est loup agisse en loup:
C'est le plus certain de beaucoup.

Въ примѣчаніи къ изданію этой басни сказано: La fable 94 d'Esope intitulée: Ἔριφος καὶ Λύκος, ne ressemble à celle-ci que par la morale.

(Les grands écrivains de la France. I. De la Fontaine. 1880. T. I. стр. 210—212. Livre III. Fable III.)

Содержаніе басни Эзопа: «Козелъ и Волкъ» состоитъ въ слѣдующемъ. Козелъ отсталъ отъ стада: за нимъ погнался Волкъ; Козелъ, видя неминучую бѣду, просилъ Волка поиграть на флейтѣ, а самъ сталъ плясать, чтобы умереть повеселѣе. Волкъ заигралъ, собаки бросились на него, и онъ сказалъ: по дѣломъ мнѣ; повару не слѣдуетъ быть музыкантомъ: ἔδει γάρ με, μάγειρον ὄντα, αὐλητὴν μὴ μιμεῖσθαι.

Le sujet de cette fable n'a été véritablement traité avant la Fontaine que par Verdizzotti.

(Fables inédites des XIIe, XIIIe et XIVe siécles et Fables de la Fontaine, par A. C. M. Robert. 1825. Tome premier. p. 177—178.)

У Сумарокова есть также Притча: «Волкъ, ставшій пастухомъ».

(Собраніе сочиненій Сумарокова. 1781. Ч. VII. Притчи. Книга шестая. V. стр. 290—291.)

XXXII.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, 1748. § 307.

ВАРІАНТЫ.

Рит. II.—Собственноручная Риторика Ломоносова. 1746—1747. § 308.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова. 1759. § 307.

Ст. 2. Я слова не скажу про женскїя наряды: (Рит. II.)
Ст. 15. То истинно теперь о томъ не сомнѣваюсь, (Рит. II.)

Ломоносовъ въ своей Риторикѣ. «Иногда приложенїе полагается напереди, а потóмъ слѣдуетъ вымыслъ, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ:

Жениться хорошо, да много и досады", и т. д.

Юмористическіе разсказы о злыхъ и упрямыхъ женщинахъ были въ свое время распространены въ европейской литературѣ вообще. Въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки

(XVII. Q. № 12; скорописью конца XVII вѣка) подъ заглавіемъ: «Повѣсти смѣхотворны, есть же и злыхъ обыклостей обличительны; преведены съ польскаго языка» помѣщенъ слѣдующій разсказъ:

„О упрямствѣ жены.“

«Нѣкоего мужа жена утоне; онъ же многихъ ная зъ баграми, повелѣ искати сію противу воды. Человѣцы, зрящи и, глаголютъ ему: «Что, рече, противу обычая твориши: когда повелось кому противу воды плыти»? Онъ же рече: «Вѣмъ жены моей обычай, яко жива бучи (будучи) не згодися со мною, и въ пригодъ сей о ней разумѣю, яко зѣло бѣ упряма. Того ради мню противу воды ей плыти.

XXXIII.

ТЕКСТЪ.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, 1748. § 308.

ВАРІАНТЫ.

Рит. II.—Собственноручная Риторика Ломоносова, 1746—1747. § 309.

Рит. IV.—Риторика Ломоносова, 1759. § 308.

Г.—Грамматика Ломоносова, 1755 г. § 497.

Ст. 18. То придетъ и осла взвалить къ себѣ на плечи. (Рит. II.)

То буду принужденъ осла взвалить на плечи. (Г.)

Ломоносовъ въ своей Риторикѣ: «Прилаганіе соединяется нерѣдко съ самымъ повѣствованіемъ, такъ что оное говоритъ какое нибудь лице предложенное въ притчѣ; напримѣръ:

Послушайте прошу, что старому случилось", и т. д.
(Рит. II. § 309; Рит. III и IV. § 308.)

Ломоносовъ въ своей Грамматикѣ: «Условные (союзы) совокупляютъ два разсужденія въ общую взаимность, изъ которыхъ въ каждомъ имена и глаголы свое сочиненіе имѣютъ:

Какъ стану я смотрѣть на всѣ людскія рѣчи,
То буду принужденъ осла взвалить на плечи",
(Грамматика Ломоносова. § 497.)

У Сумарокова есть «притча», сходная по содержанію; но изложеніе, форма, отдѣльныя черты — не тѣ, что въ баснѣ Ломоносова.

Старикъ со своимъ Сыномъ и Оселъ.

Одинъ то такъ, другой то инако зоветъ;
На свѣтѣ разны нравы,
На свѣтѣ разны правы;
Но все ли то ловить, рѣкою что плыветъ.
Кто хочетъ,
Пускай хлопочетъ,
Пускай хахочетъ,
Хула не ядъ,
А безъ вины ни кто не попадется въ адъ:
Хулитель ко всему найдетъ себѣ привязку.
Я къ етому скажу старинную вамъ сказку:
Ни года, мѣсяца не помню, ни числа,
Какъ велъ мужикъ дорогою осла.
Съ крестьяниномъ былъ сынъ, мальчишка лѣтъ десятка;
Но то одна догатка;
Я въ зубы не смотрѣлъ: да я жъ не коновалъ,
И отъ роду въ такой я школѣ не бывалъ.
Мужикъ былъ старъ и съ бородою:

Съ какой? съ сѣдою.
Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику,
Какъ будто дураку,
И говорилъ: идутъ пѣшками,
А есть у нихъ оселъ, ослы вы видно сами.
Не празденъ сталъ оселъ;
Крестьянинъ на нево полезъ и сѣлъ:
Безъ шпоръ крестьянинъ былъ, толкалъ осла пятами.
Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику,
Какъ будто дураку,
И говорилъ: конечно братъ ты шуменъ,
Или безуменъ;
Самъ ѣдешь ты верьхомъ,
А мальчика съ собой волочишъ ты пѣшкомъ.
Мужикъ съ осла спустился,
А мальчикъ на осла, и такъ и сякъ,
Не знаю какъ,
Вскарабкался взмостился.
Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику,
Какъ будто дураку,
И говорилъ: на глупость ето схоже,
Мальчишка помоложе;
Такъ лутче онъ бы шелъ, когда бъ ты былъ уменъ,
А ты бы ѣхалъ старой хренъ.
Мужикъ осла еще навьютилъ,
И на нево себя и съ бородою взрютилъ,
А парень таки тамъ:
Не будетъ ужъ теперь никто смѣяться намъ;
Ворчалъ мужикъ предвѣдавъ то сердечно:
Конечно,
Я мышлю такъ и самъ,
Ни кто смѣяться ужъ не станетъ;
Извѣстно то давно, что серце не обманетъ.
Прохожій встрѣтившись смѣялся мужику,

Какъ будто дураку,
И говорилъ: старикъ и въ грѣхъ не ставитъ,
Что такъ осла онъ давитъ,
А скоро сѣдока и третьява прибавитъ.
Удачи нѣтъ: ни кто не хочетъ похвалить;
Не лутче ль на себя мужикъ осла взвалить?

(Собраніе сочиненій Сумарокова. 1781. Ч. VII. стр. 66—68. Кн. II. Притча II.)

XXXIV.

ТЕКСТЪ.

Ар:— Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 115. Стихи писаны собственноручно Ломоносовымъ.

Четверостишіе Ломоносова есть переводъ нѣмецкихъ стиховъ Штелина, сдѣланный Ломоносовымъ скрѣпя сердце, по настойчивому требованію академическаго начальства.

Судьба этой «Надписи» особенно любопытна потому, что знакомитъ съ тѣми стѣснительными условіями, при которыхъ Ломоносовъ долженъ былъ писать свои литературныя произведенія.

Изъ «Канцеляріи Главной Артиллеріи и фортификаціи» прислана была въ Академію наукъ промеморія слѣдующаго содерженія: «Въ торжественный день высочайшаго Ея Императорскаго Величества коронованія, то есть будущаго апрѣля 25 числа сего 748 году, имѣетъ быть репрезентовано противъ зимняго Ея Императорскаго Величества дому на театрумѣ иллюминація, къ которой надлежитъ заблаговременно проектъ учинить. Того ради опредѣлено: въ Академію наукъ послать промеморію и требовать, чтобъ благоволено было къ означенному дню иллюминаціи учредить проектъ и чертежъ съ показаніемъ надлежащихъ эмблемъ и протчихъ по искусству украшеніевъ». Планъ иллюминаціи составленъ былъ Штелиномъ, а Ломоносову

поручено перевести стихи, служащіе изъясненіемъ (Erklärung). 20 апрѣля послано ему такого рода предписаніе:

«Благородный Господинъ Профессоръ Ломоносовъ!

Приложенные при семъ стихи изволите перевести стихами жъ на россійскій языкъ и конечно сего апрѣля 23-го числа взнесть въ Канцелярію академіи наукъ».

Приложены были стихи Штелина:

Dein Kronbau stehe lang und fest
Wie Treu und Wunsch uns hoffen läst.

Ломоносовъ пришелъ въ негодованіе отъ такого порученія и написалъ Г. Н. Теплову, заправлявшему тогда всѣми академическими дѣлами, слѣдующее письмо:

«Милостивой Государь мой Григорей Николаевичь.

Хотя должность моя и требуетъ чтобы по присланному ко мнѣ ордеру здѣлать стихи съ нѣмецково; однако я того исполнить теперь не могу, для того что въ нѣмецкихъ виршахъ нѣтъ ни складу ни ладу; и такъ такимъ переводомъ мнѣ себя пристыдить весьма не хочется и весьма досадно чтобы такую глупость перевесть на Россійской языкъ, и къ такому празднеству. И ежели бы я отъ нихъ отступить осмѣлился, то не имѣя никакого къ тому плана, не знаю чего держаться. И все сего дѣла поведеніе очень чудно. Кто бы не засмѣялся той музыкѣ, когда бы двое согласившись пѣть, одинъ бы выпускалъ голосъ безъ всякаго движенія рта, а другой бы поворачивалъ губами, языкомъ и гортанью? Но почти то же дѣлается, когда одинъ составляетъ изображенія для Иллуминацій, а другой надписи. И потому не дивно что мнѣ мало такихъ Иллуминацій видать случилось гдѣ бы кромѣ разноцвѣтныхъ огней что-нибудь удивленія достойное было. Я думаю что лутче бъ было, когда бы Артиллерійская Канцелярія чрезъ сношеніе отъ Академіи требовала изобрѣтенія къ Иллуминаціи и съ надписаніями. Что до нынѣшняго надлежитъ, то извольте требовать отъ Артиллеріи плана, и ко мнѣ

прислать, что сегодни здѣлать можно, а къ завтрешнему дню будетъ у меня готово. Въ протчемъ со всякимъ почтенiемъ пребываю

Вашего Высокоблагородiя
покорнѣйшiй слуга
Михайла Ломоносовъ».

Апрѣля 22 дня
1747 (описка, вмѣсто 1748) года.

Въ тотъ же день Тепловъ отвѣчалъ Ломоносову:

«Государь мой Михайла Васильевичь.

При семъ прилагаю изъясненiе иллюминацiи, по которому прошу сочинить такiе стихи, какiе вамъ пристойно покажутся на россiйскомъ языкѣ. А чтобъ господина совѣтника Штелина не обидѣть, то прошу и его стихи перевести стихами же, и тогда Канцелярiя Артиллерiи то употребитъ, что ей отъ высокаго мѣста апробовано будетъ. Въ прочемъ письмо ваше такихъ экспрессiй наполнено, которыя предосудительны чести господина совѣтника Штелина. Берегитесь, чтобъ вы ему не досадили. Пишетъ всякъ, кто сколько можетъ, по разсужденiи (въ рукописи: о разсужденiи), какъ кто хочетъ.

Пожалуй поспѣши къ утру.

Вашъ покорный слуга
Г. Тепловъ.»

22 апрѣля
1748 году.

(Рукопись Академической канцелярiи. № 115. л. 2—15.)

Совѣтъ ли опытнаго дѣльца или дружеская приписка подѣйствовали на Ломоносова, и онъ прислалъ въ Академiю двѣ надписи въ стихахъ. Одна изъ нихъ, переводная, въ первый разъ напечатана академикомъ Билярскимъ въ его «Матерiалахъ для бiографiи Ломоносова» (стр. 103). Другая, оригинальная, издана самимъ Ломоносовымъ въ Собранiи его сочиненiй.

XXXV.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 13. стр. 186.

ВАРІАНТЫ.

Ар.— Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 115. л. 13. Рукою Ломоносова какъ вся Надпись, такъ и ея заглавіе: «Стихи на Россійскомъ языкѣ сочиненные».

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Похвальныя надписи. Надпись 14, На иллюминацію представленную на праздникъ Коронованія Ея Величества 1748 года передъ зимнимъ домомъ, гдѣ представленъ былъ во храмѣ Олтарь изъ сердецъ сложенной, на верьху Императорской вѣнецъ, по сторонамъ галлереи къ восходящему и заходящему солнцу». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 13. стр. 163. Заглавіе то же, что въ *С. I.*

Ст. 1—2. Во храмѣ ревности, на Олтарѣ сердецъ
Подавшему Тебѣ съ высотъ своихъ вѣнецъ (Р.)
Ст. 4. Да щастïемъ Твоимъ Россïю увѣнчаетъ, (Р.)

Ломоносову былъ посланъ, вмѣстѣ съ нѣмецкими стихами Штелина, слѣдующiй планъ иллюминацiи:

А. «Трiумфальныя ворота (Arcus triumphalis), которыхъ проспектъ въ зеленую аллею противъ восходящаго солнца простирается.

ВВ. На верху обѣ стороны украшены поставленными трофеями и рогами изобилïя,

С. а имя Ея Императорскаго Величества, подъ короною,— лавровыми и пальмовыми вѣтьвьми.

ВВ и С. Оба какъ знаки благополучныхъ случаевъ въ военное и въ мирное время.

Д. Желательный храмъ (Templum votivum, Wunsch-Tempel), гдѣ на желательномъ олтарѣ (Wunsch-Altar) горящая жертва является. Надъ нимъ представлена галлерiя или переходы, изъ которыхъ въ зеленую боковую галлерiю пройти можно».

Изъясненïе.

Усердно желаемъ, чтобъ корона твоя долго твердо стояла».

На основанiи этого плана Ломоносовъ составилъ надпись на день коронованiя императрицы Елисаветы Петровны. Какъ собственные стихи Ломоносова, такъ и переведенные имъ съ нѣмецкаго, сохранились въ архивѣ академiи наукъ; и тѣ и другiе писаны Ломоносовымъ собственноручно:

Стихи на Россïйскомъ языкѣ

сочиненные.

Въ храмѣ ревности на олтарѣ сердецъ
Къ подавшему Тебѣ съ высотъ своихъ вѣнецъ

От подданных Твоих чистѣйшій огнь пылает.
Да щастїем Твоим Россїю увѣнчает.
Да солнце восходя и заходя дивится,
Что всюду красота Твоих трїумфов зрится.

ПЕРЕВОД С НѢМЕЦКАГО.

Твоей короны зданїе, Монархиня, пускай стоит
Тебѣ к веселїю и нам к блаженству твердо
Как наша вѣрность ожидать от неба нам того
велит
И ревность уповать всегда Тебѣ усердо.“

(Рукопись Академической канцеляріи. № 115. л. 7, 12—14.)

Академик Билярскій замѣчает по этому поводу, что собственные стихи Ломоносова несравненно лучше переводных и по безотносительному достоинству и по отношенію к составу иллюминаціи: «Сличив этот состав с надписью Ломоносова, нельзя не видѣть, что каждый стих ея должен был имѣть для зрителя ясный смысл в видимых им эмблемах, и что Ломоносов, по рисунку и описанію иллюминаціи, живо представил себѣ ея картину, мѣтко схватил важнѣйшія ея стихіи и счастливо совокупил их в мысль».

(Матеріалы для біографіи Ломоносова. 1865. стр. 103.)

Празднества по случаю коронаціи продолжались нѣсколько дней, как видно из слѣдующей статьи, помѣщенной в тогдашних газетах:

«В Санктпетербургѣ Апрѣля 28 дня.

Сего мѣсяца 25 числа̀ высокій день коронаціи Ея Императорскаго Величества, нашей всемилостивѣйшей Государыни торжествован при дворѣ со всяким великолѣпіем. Того дня поутру в 11 часу всѣ знатныя обоего по́ла персоны собрались ко двору Ея Императорскаго Величества, и по окончаніи в придворной церькви божественной службы, принесены Ея Императорскому Величеству при пушечной пальбѣ с обѣих крѣпостей и с стоящих на Невѣ рѣкѣ яхт, всеподданнѣйшія по-

здравленія, причемъ Ея Величество знатнѣйшихъ обоего пóла персонъ и иностранныхъ господъ Министровъ къ рукѣ допускать изволила. Потóмъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше соизволила Графиню Анну Ивановну Бестужеву Рюмину, супругу Его Сіятельства господина Канцлера, Своею Гофмейстериною объявить, и ей высочайшій Свой портретъ бриліантами пребогато украшенной пожаловать. О полудни Ея Императорское Величество кушала публично съ Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ (понеже Ея Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня, изъ своихъ покоевъ выходить не изволила) на тронѣ въ большой залѣ, въ которой знатнѣйшія обоего пóла персоны и духовенство трактованы за фигурнымъ столомъ на 200 кувертовъ, въ срединѣ котораго преизрядно украшенной бассейнъ съ однимъ большимъ и нѣсколько малыми фонтанами здѣланъ былъ. Господà Послы и прочіе чужестранные Министры званы были на обѣдъ къ Его Сіятельству господину Канцлеру, гдѣ они богатожъ отъ двора трактованы. Во время стола въ большомъ залѣ играла на балконѣ Италіанская голосная и инструментальная музыка, а при питіи за высокія здоровья производилась пушечная пальба съ Императорскихъ яхтъ. По полудни въ 7 часу начался балъ, а при наступленіи ночи противъ Императорскаго дворца за рѣкою зажжена преизрядная иллуминація, причемъ таковде Императорскія яхты, крѣпость и всѣ домы въ городѣ до полуночи иллуминованы были. На другой день на придворномъ театрѣ представлена въ присутствіи Ея Императорскаго Величества и всего двора Италіанская оперетта называемая: *Прибѣжище мира*. Сего дня будетъ при дворѣ балъ въ маскахъ и ужинъ, а завтра Французская комедія».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 35. стр. 278—279.)

XXXVI.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 14. стр. 187.

ВАРІАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Похвальныя надписи. Надпись 15, На иллуминацію представленную на день Тезоименитства Ея Величества 1748 года Сентября 5 дня передъ лѣтнимъ домомъ, на которой изображенъ былъ фонтанъ, а по сторонамъ его храмы мира и войны». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 14. стр. 163. Заглавіе то же, что и въ *С. I.*

Ст. 3. Ты мать щедротами, Ты именемъ покой: (Р.)
Ст. 6. И льетъ избытокъ свой въ окрестныя страны (Р.)

«Пятаго числа̀ сего мѣсяца (сентября) торжественнѣйшій день всевысочайшаго тезоименитства Ея Императорскаго Величества Нашей всемилостивѣйшей Самодержицы, праздновань въ лѣтнемъ домѣ. Ввечеру былъ при дворѣ балъ, и на дворѣ предъ залою представлена была великолѣпная иллуминація, состоящая въ монументѣ или великолѣпномъ Зданіи въ честь Имени

Ея Императорскаго Величества, въ двухъ крылахъ по обѣ стороны перспективы, или главнаго входу во дворецъ съ аллегорическими и на славное имя Ея Императорскаго Величества склоняющимися украшенїями. А именно на правомъ крылѣ изображены были Миръ и благополучныя времена чрезъ цвѣтущїя травы и колосы, масличныя и пальмовыя вѣтьви, математическїе, ремесленные, земледѣльные и гражданской архитектуры инструменты; а на главномъ сводѣ сего крыла находилась картина, представляющая на зеленомъ холму украшеннаго цвѣтками Генїуса имени Ея Императорскаго Величества, которой поднявъ къ верху держалъ щитъ съ вензловымъ именемъ оплетеннымъ масличными и пальмовыми вѣтвьми. Подлѣ являлись опрокинутой рогъ Изобилїя и два младенца, которые упадающїе изъ рога плоды и цвѣтки подъ покровомъ Имени Ея Императорскаго Величества радостно собирали съ подписью: *къ увеселенїю подданныхъ и друзей.*

Лѣвое крыло въ равной симетрїи съ правымъ украшено было все знаками войны, силы и побѣды, какъ напримѣръ трофеями, бомбами, перуномъ, оружїемъ и прочимъ. Въ главномъ сводѣ картина прежней величины представляла Генїуса Имени Ея Императорскаго Величества съ шлемомъ на головѣ, мечемъ опоясаннаго, въ одной рукѣ копье, а въ другой окруженной лаврами щитъ съ именемъ Ея Императорскаго Величества держащаго. Предъ нимъ лежали два низверженные Генїуса Злости и Ярости съ подписью: *къ низверженїю злости и враговъ.*

Завтра для тогожъ торжества въ оперномъ домѣ будетъ Италїанское дѣйствїе, называемое Пастораль».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 72. стр. 574—576.)

XXXVII.

ТЕКСТЪ.

Ар.— Архивъ Академической канцеляріи Рукопись № 121. л. 294. Стихи писаны собственноручно Ломоносовымъ.

ВАРІАНТЫ.

В.—Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 96. стр. 768.

Ст. 3. Прешла препятствій многихъ стѣну, (В.)

Нѣмецкіе стихи на иллюминацію 25 ноября 1748 года написаны Штелиномъ:

Zu unserm längst erwünschten Glück
Zu deines Vaterlands Vergnügen
Hat deine kluge Tapfferkeit die vorenthaltne Burg erstiegen.
Zum Denckmahl dieser That, zur Ehre dieser Nacht
Hat unsre Pflicht u. Treu diesz Freuden-Feur gemacht.

Русская надпись была въ свое время напечатана въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ при описаніи празднованія 25 ноября:

«Сего Ноября 24 дня поутру для тезоименитства Ея Императорскаго Высочества, Государыни Великія Княгини Екатерины Алексѣевны знатныя обоего пола персоны и чужестран-

ные господа̀ Министры приносили Ея Высочеству поздравленія, причемъ какъ съ крѣпости такъ и съ адмиралтейства производилась пушечная пальба. По полудни былъ балъ въ галеріи, по окончаніи котораго кушали вечернее кушанье. При столѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ кушали господа̀ чужестранные Послы и Министры и Россійскія обоего по́ла знатныя персоны, а въ другихъ комнатахъ за столами 170 персонъ.

На другой день для высокаго восшествія Ея Императорскаго Величества на Всероссійскій престолъ, поутру въ 12 часу собрались ко двору Ея Императорскаго Величества знатныя обоего по́ла персоны и чужестранные господа̀ Министры. Ея Императорское Величество изволила имѣть шествіе высочайшимъ Своимъ придворнымъ Штатомъ церемоніею чрезъ парадные покой въ придворную церьковь къ обѣднѣ. По окончаніи Божіей службы Ея Императорское Величество изволила шествовать въ парадные покои, гдѣ всѣ знатные и чужестранные господа̀ Министры приносили поздравленія, причемъ съ обѣихъ крѣпостей пушечная пальба происходила. Ввечеру Ея Императорское Величество изволила кушать въ залѣ вечернее кушанье со всею лейбкомпаніею за богато убранными столами; за первымъ Ея Императорское Величество, яко Капитанъ, въ гранадерскомъ уборѣ съ Оберъ и Унтеръ-Офицерами, а за другими столами гранадеры лейбкомпаніи.

При наступленіи ночи въ оба вышеозначенные дни весь городъ изрядно былъ иллюминованъ, а на театрѣ иллуминаціи противъ зимняго Ея Императорскаго Величества дворца зажжена была слѣдующая иллуминація.

Нынѣшнимъ днемъ обрадовавшись Россійская имперія представлена подъ видомъ укрѣпленныя двойнымъ валомъ и рвомъ крѣпости, которая столь храбро и благополучно взята, и въ знакъ всеобщія радости и совершеннѣйшаго удовольствія высокимъ именемъ и короною достойнѣйшія Побѣдительницы и законныя Владѣтельницы на штандартѣ украшена, съ слѣдующею подписью или піитическимъ изъясненіемъ:

Явивъ щастливую премѣну,
Чего желалъ Россійскій свѣтъ,
Прешла препятствій многихъ стѣну,
Восшедъ на тронъ Елисаветъ.
На память дня того и оной ночи въ честь
Мы тщимся праздничны сіи огни принесть".

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 96. стр. 767—769.)

XXXVIII.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой заглавіе, текстъ оды на шести страницахъ — съ третьей по восьмую. Передъ началомъ текста оды типографская заставка въ видѣ полоски изъ двухъ рядовъ украшеній (двуглавые орлы и надъ ними рядъ коронъ), обрамленныхъ симметрично размѣщеннымъ криволинейнымъ бордюромъ, не связаннымъ по угламъ; средину обоихъ горизонтальныхъ рядовъ бордюра занимаютъ звѣздочки. Въ концѣ оды маленькая типографская заставка (cul-de-lampe), средину которой занимаетъ криволинейный орнаментъ, симметричный по вертикальной и горизонтальной осямъ. Надъ нимъ корона, а нижнюю часть составляютъ три несвязанные завитка. Строфы не обозначены цыфрами, а отдѣлены одна отъ другой тремя звѣздочками.

Первое изданіе этой оды составляетъ большую библіографическую рѣдкость. Оно находится въ библіотекѣ академика А. Ѳ. Бычкова, и мы приносимъ искреннюю признательность нашему уважаемому сочлену за сообщеніе намъ принадлежащаго ему экземпляра.

ВАРІАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Оды похвальныя. Ода 5. На день

восшествія на престолъ Ея Императорскаго Величества Государыни Елисаветы Петровны». Ода писана чужою рукою. Строфы не обозначены цыфрами.

Рит. II.— Рукописная собственноручная Риторика Ломоносова, 1746 — 1747.

Рит. III.— Риторика Ломоносова, изданная въ 1748 г.

Рит. IV.— Риторика Ломоносова, въ Собраніи его сочиненій, 1759 г.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 5. «На день восшествія на престолъ Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1748 года». стр. 105 — 117. Строфы обозначены цыфрами.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 5. Заглавіе то же, что въ *С. I.* Стр. 83 — 92. Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 19. И земледѣлецъ безмятежно (С. II.)

Ст. 23. Покрывшаго судами мо́ря (С. II.)

Ст. 39. Да будетъ радость повседневно, (Р., С. I и II.)

Ст. 63. Блестящими шумя крылами (С. I и II.)

Ст. 69. И тѣсно въ слѣдъ ея летаетъ (С. I и II.)

Ст. 80. Чтобъ плескъ всходилъ до облаковъ. (С. II.)

Ст. 81. Тогда во всѣ предѣлы свѣта (Р. С. I и II.)

Ст. 87. И въ мысли отступали вспять. (С. I и II.)

Ст. 96. Чѣмъ путь ему пресѣченъ къ стаду. (С. I. и II.)

Ст. 106. Чѣмъ для блаженства смертныхъ рода, (С. I и II.)

Ст. 111. Европа и весь міръ свидѣтель, (С. I и II.)

Ст. 113. Колика нынѣ добродѣтель (С. I и II.)

Ст. 125. Когда воспѣть щедроты тщимся, (С. I и II.)

Ст. 128. Какъ пали Готы предъ Тобою? (С. II.)

Ст. 129–130. Но больше мирною рукою
Ты цѣлой удивила свѣтъ. (С. I и II.)

Ст. 150. Что словъ къ тому не достаетъ! (С. I и II.)
Ст. 161–162. Въ лугахъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Двина и Донъ, (Рит. II, III и IV. § 320.)
Ст. 166. На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ (С. I и II.)
Ст. 175. Се знойные Каспійски бреги, (С. I и II.)
Ст. 192. Гдѣ Готѳъ гордящійся упалъ (С. I.)
Гдѣ Готъ гордящійся упалъ (С. II.)
Ст. 196–200. Вселенну въ мысляхъ вознесенныхъ
Единой обращалъ рукой.
Но палъ, и звукъ его достигнулъ
Во всѣ страны, и страхомъ двигнулъ,
Съ Дунайской Вислу быстриной. (С. I и II.)
Ст. 203. Вѣнцемъ, порфирою блистаетъ; (С. II.)
Ст. 205–206. Тамъ равной ревностью пылаютъ
Сердцà, какъ стогны всѣ сіяютъ (С. I и II.)
Ст. 210. Подобны испустилъ лучи. (С. I и II.)
Ст. 228. Отсутствуя ты будешъ съ нами: (Р., С. I и II.)
Ст. 229–230. Покрытымъ орлими крилами
Кто смѣетъ прикоснуться намъ? (С. I и II.)
Ст. 238. Лишъ только ополчишься къ бою, (Р., С. I и II.)

Ст. 1—4. Заря багряною рукою
От̆ъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.

Сумароковъ въ третьей «вздорной одѣ»:

Трава зеленою рукою
Покрыла многія мѣста,
Заря багряною ногою
Выводитъ новыя лѣта.

Тѣмъ не менѣе Сумароковъ находитъ, что въ этой одѣ всего болѣе «прекраснѣйшихъ» строфъ; къ числу ихъ онъ относитъ: пятую, двѣнадцатую, семнадцатую, восемнадцатую, девятнадцатую и двадцать-четвертую.

Пушкинъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (гл. пятая, XXV):

Но вотъ багряною рукою
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ имeнинъ.

Князь Вяземскій также подсмѣивается надъ «багряною рукою зари»:

Аврора съ алыми перстами
Прекрасный вымыселъ пѣвца;
Но онъ опошленъ риѳмачами
И весь истерся до конца.
Хотя съ критическихъ покосовъ
Удалыхъ нашихъ косарей
Въ труху пошелъ нашъ Ломоносовъ
Съ цвѣтущей славою своей.
Я, старожилъ былаго вѣка,
Нерѣдко старца стихъ твержу,
Но каюсь, грѣшный, не безъ смѣха
Я на «зарю» его гляжу.
«Заря багряною рукою»
Напоминаетъ прачку мнѣ,
Которая бѣлье зимою
Полощетъ въ ледяной водѣ.

(Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. 1887. Т. XI. стр. 437.)

Ст. 1—10. Державинъ (VII. 536—537): «*Смѣлый приступъ,* или громкое вступленіе, бываетъ отъ накопленія мыслей,

которыя, подобно водѣ, стѣснившейся при плотинѣ или скалѣ, вдругъ прорываясь сквозь оныя, съ шумомъ начинаетъ свое стремленіе. Но находятся однако оды, которыя начинаются тихо и отчасу выше восходятъ своимъ пареніемъ. Бываютъ и такія, которыя имѣютъ ровное и прямое направленіе; а другія мѣстами порывны и извивисты, каковы всѣ г. Ломоносова, смотря по предметамъ, какіе они описываютъ. Вотъ примѣръ тихаго вступленія:

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ" и т. д.

Ст. 36—60. И вамъ, возлюбленныя Музы,
За горьки слéзы и за страхъ,
За грозно время и плачевно,
Да будетъ радость повсядневно,
При Невскихъ обновясь струяхъ. и т. д.

Относятся къ Академіи наукъ, обновленной уставомъ, даннымъ ей Елисаветою.

Ст. 61—74. Державинъ (VII, 566) приводитъ въ примѣръ оживляющихъ и украшающихъ «уподобленій».

Ст. 81—84. Державинъ (VII. 519): «Священная ода есть самое выспреннее пламенное твореніе. Она быстротою, блескомъ и силою своею, подобно молніи объемля въ единый мигъ вселенную, образуетъ величіе Творца. Вотъ примѣръ: «Освѣтиша молнія Твоя вселенную, подвижеся и трепетна бысть земля». (Псал. LXXVI, 19) или:

Тогда во всѣ предѣлы Свѣта
Какъ молнія достигнулъ слухъ,
Что царствуетъ Елисавета,
Петровъ въ себѣ имѣя духъ."

Ст. 85—96. Относится къ Швеціи, въ которой борьба партій склоняла правительство то на сторону Россіи, то противъ нея.

Ст. 101—110. Европа утомленна въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ Тебѣ свои простерла длани
Сквозь дымъ куренїе и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чемъ для блаженства смертныхъ рода,
Всевышнїй нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты,
И мечь Твой лаврами обвитый
Необнаженъ войну пресѣкъ.

Относится къ Ахенскому миру. Въ самый разгаръ войны между Англіей, Австріей, Голландіей съ одной стороны и Франціей съ другой, Россія двинула вспомогательный корпусъ подъ начальствомъ князя Репнина, и «движеніе этого корпуса способствовало только скорѣйшему заключенію мира, переговоры о которомъ уже начаты были въ Ахенѣ. Желанный миръ былъ возстановленъ и, по общему признанію, одною изъ причинъ его ускоренія было движеніе русскаго войска къ Рейну. Такимъ образомъ уже въ третій разъ движеніе русскаго войска останавливало завоевательные замыслы, сдерживало побѣдителя, вело къ миру въ Европѣ: появленіе русскаго войска на Рейнѣ повело къ Вѣнскому миру, окончившему войну за польское наслѣдство; движеніе русскаго войска въ 1745 году заставило Фридриха II ускорить Дрезденскимъ миромъ, и наконецъ послѣднее движеніе Репнинскаго корпуса заставило спѣшить Ахенскими переговорами. Новое могущество, появившееся на востокѣ съ начала вѣка, оказывало свое вліяніе на европейскія дѣла новымъ особеннымъ образомъ; политическое равновѣсіе получало для себя сильное ручательство».

(Соловьева: Исторія Россіи. 1872. Т. XXII. стр. 250, 261—262.)

Если таковъ взглядъ современнаго намъ историка, то какое сильное впечатлѣніе на современниковъ Ломоносова должно было произвести замиреніе Европы Россіею, не обна-

жавшею меча и тѣмъ не менѣе положившею конецъ европейской войнѣ.

Ст. 131–144. Весьма необычайно дѣло,
Чтобъ всѣми кто дарами цвѣлъ:
Тотъ крѣпкое имѣетъ тѣло;
Но слабъ въ немъ духъ и умъ не зрѣлъ.
Въ другомъ блистаетъ умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣетъ тѣсный,
И духу силъ не достаетъ.
Иной прославился войною;
Но жизнью миръ поровчитъ злою,
И самъ съ собой войну ведетъ.
Тебя, Богиня, возвышаютъ
Души̂ и тѣ́ла красоты,
Что въ многихъ раздѣлясь блистаютъ,
Едина всѣ имѣешь Ты.

Похвалы Ломоносова Елисаветѣ имѣютъ историческій смыслъ; онѣ объясняются и современнымъ автору положеніемъ дѣлъ въ Россіи и недавнимъ прошлымъ, которое было тогда у всѣхъ свѣжо въ памяти. «Ломоносовъ—говоритъ Бѣлинскій—далъ намъ именно такую поэзію, кромѣ которой ни ему, ни другому кому, хотя и великому генію, дать было невозможно. Ломоносовъ «пѣлъ» то́, что́ заключалось въ самой дѣйствительности. Послѣ ужасовъ Бироновской тираніи, царствованіе Елисаветы по справедливости казалось эпохою столь же счастливою, сколько и славною,—и Ломоносовъ пѣлъ «блаженство дней своихъ», пѣлъ «любезныя ему науки въ дражайшемъ отечествѣ». Больше нечего было бы пѣть въ то время и самому Шекспиру».

(Сочиненія Бѣлинскаго. 1883. Ч. VII. стр. 84—88.)

Слова стихотворца подтверждаются и свидѣтельствами историческими.

По отзыву князя Щербатова, обличавшаго «поврежденіе нравовъ въ Россіи», императрица Елисавета Петровна «въ моло-

дости своей была отмѣнной красоты, набожна, милосердна, сострадательна и щедра, отъ природы одарена довольнымъ разумомъ; веселаго нрава; чувствовала свою красоту» и т. д.

Испанскій посолъ въ Россіи при Петрѣ II, «герцогъ Лирійскій» (duc de Lihria) такъ отзывается о Елисаветѣ Петровнѣ: «Принцесса Елисавета, дочь Петра I и царицы Екатерины,— такая красавица, какихъ я никогда не видывалъ. Цвѣтъ лица ея удивителенъ, глаза пламенные, ротъ совершенный, шея бѣлѣйшая и удивительный станъ. Она высокаго роста и чрезвычайно жива. Въ обращеніи ея много ума и пріятности; но замѣтно нѣкоторое честолюбіе».

Шлецеръ говоритъ въ своей автобіографіи, что Елисавета, по мнѣнію знатоковъ, видѣвшихъ ее принцессою, была одна изъ совершеннѣйшихъ красавицъ своего времени; она дышала страстью, и въ ея обращеніи выражалась и благосклонность и прелесть. Одинъ нѣмецкій профессоръ сошелъ съ ума отъ ея красоты и т. д.

Самыя преувеличенія въ похвальныхъ одахъ были болѣе или менѣе невольною данью господствовавшему литературному обычаю. Не говоря о такихъ заурядныхъ стихотворцахъ, какъ Юнкеръ и Штелинъ, но и такіе крупные таланты, какъ Гюнтеръ—кумиръ современной Ломоносову молодежи, не знали мѣры въ восхваленіи сильныхъ земли. Вольтеръ, обращаясь къ Елисаветѣ Петровнѣ, называлъ ее сѣверной Семирамидой:

Semiramis du nord, auguste impératrice
Et digne fille de Ninus,
Le Ciel me destinait à peindre tes vertus,
Et je dois rendre grâce à sa bonté propice:
Il permet que je vive en ces temps glorieux
Qui t'ont vu commencer ta carrière immortelle
Au trône de Russie il plaça mon modèle,
C'est là que je lève mes yeux.

*

Ст. 161 — 167. Ломоносовъ въ своей Риторикѣ: «Предложенія возносительными мѣстоименіями и нарѣчіями присоединяемыя полагаются въ срединѣ главнаго предложенія или послѣ онаго.

Въ лугахъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Двина и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя стадамъ наводятъ сонъ,
Сѣдитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хиновъ отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ".

(Рит. II, III и IV. § 320)

Ст. 161 — 170. Державинъ (VII, 550) приводитъ въ примѣръ «величественныхъ картинъ».

Ст. 175. Се знойные Ирканскi бреги,

Гирканія (Hyrcania) — область на юго-восточномъ берегу Каспійскаго моря, отчего и Каспійское море называлось Гирканскимъ—Hyrcanium mare Ὑρκανία θάλασσα. Во второмъ изданіи оды вмѣсто: «Ирканскi бреги» Ломоносовъ поставилъ: «Каспійски бреги».

Ст. 213–225. Москва едина на колѣна
Упавъ передъ Тобой стоитъ,
Власы сѣдыя простираетъ,
Тебя, Богиня, ожидаетъ,
Къ Тебѣ единой вопія:
Возри на храмы опаленны
Возри на стѣны разрушенны;
Я жду щедроты Твоея.
Гряди, Краснѣйшая Денницы,
Гряди, и свѣтлостью лица
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердца̀,
И время возврати златое.

Москва въ то время сильно пострадала отъ пожаровъ. «По подлинному извѣстію, во всѣ пять пожаровъ згорѣли: три монастыря, тридцать двѣ церкви, тысяча девять сотъ двадцать четыре двора, считая въ томъ числѣ, какъ худое деревянное дворовое строеніе, конюшни и сараи, такъ и простые избы, тринадцать богадѣленъ, четырнадцать пивоваренъ, пять бань, да двѣнадцать кабаковъ». Въ тогдашней Москвѣ считалось около семидесяти тысячъ домовъ и около шестисотъ церквей; слѣдовательно во всѣ эти пожары «сгорѣло тридцатая доля по числу домовъ» и только двадцатая доля «по нометрическому исчисленію мѣста».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 49. стр. 390—391.)

Ст. 231—240. Державинъ (VII, 546—547) приводитъ въ примѣръ *Правдоподобія*, которое «состоитъ въ томъ, чтобъ собраны были всѣ приличія и принадлежности къ воспѣваемому предмету въ пособіе, дабы ему чрезъ нихъ казаться болѣе вѣроятнымъ».

Въ заключеніе извѣстія о празднованіи дня восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, 25 ноября 1748 года, говорится: «Того же числа его сіятельство господинъ президентъ Академіи наукъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій поднесъ Ея Императорскому Величеству именемъ Академіи наукъ поздравительную оду на сей торжественной день, которую Ея Императорское Величество милостиво принять соизволила, и сочинителю сего поздравленія профессору химіи господину Ломоносову всемилостивѣйше пожаловать изволила двѣ тысячи рублевъ въ награжденіе».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 96. стр. 768—769.)

XXXIX и XL.

ТЕКСТЪ.

Ар.— Архивъ Академической канцеляріи. Рукопись № 122. л. 550—550 об. Стихи писаны собственноручно Ломоносовымъ.

Ни двустишіе, ни четверостишіе Ломоносова не появились въ свое время въ печати. Въ первый разъ напечатаны они, безъ нѣмецкаго подлинника, академикомъ Пекарскимъ въ его Исторіи Академіи наукъ (II. 395).

Нѣмецкіе стихи написаны Штелиномъ:

So tritt nach unserm Wunsch disz Jahr mit Glück hervor,
Und unser Wohlseyn steigt mit deinem Ruhm empor.

* * *

Sieht dich die Treu u. Schuldigkeit
Im Tempel der beglückten Zeit
So musz dein gröster Theil der Erden
Zu dem beglücktsten Reiche werden.

Генералъ-аншефъ Апраксинъ «объявилъ Ея Императорскаго Величества именной изустный указъ быть фейерверку въ Москвѣ будущаго 749 году генваря 1 числа». Вслѣдствіе этого академикъ Штелинъ составилъ и представилъ слѣдующее

,,Описаніе и изъясненіе трехъ соединенныхъ плановъ фейерверка на новой 1749 годъ.

«Средней планъ представляетъ тріумфальныя ворота по римскому великолѣпію лавровыми и пальмовыми вѣтьвьми украшенной Щитъ подъ короною Имени Ея Императорскаго Величества, надъ которымъ знаки новаго года, а имянно двуличная Янусова голова и число 1749 года на верьху. Сквозь отверстіе оныхъ являются городъ и рѣка Москва, а надъ ними восходящее солнце въ сіяніи. При воротахъ сидитъ Москва въ видѣ женьшины въ городовой коронѣ, на щитъ своего герба оперлись, и не токмо пристальнымъ взоромъ смотритъ на являющееся ей вновь солнце, но и распростертою рукою показываетъ на оное всему городу къ оказанію своего веселія, а другою рукою, къ изъявленію сердечной своей радости, ударяетъ въ грудь, въ веселіи трепещущуюся. На воротахъ, ко изъясненію сего представленія, подписано: По Нашему Желанію, то есть съ новымъ годомъ восходитъ паки вожделѣнное солнце всерадостнѣйшаго присутствія Ея Императорскаго Величества въ Москвѣ.

Къ изъявленію самыхъ всеподданнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ желаній клонятся оба постороннїе плана, которые, какъ двѣ галлереи, соединены тріумфальными воротами. Изъ посторонняго плана правой руки выходитъ новой годъ подъ образомъ младенца, держащаго въ рукѣ астрономическую сферу и раздѣленную на двѣнадцать равныхъ частей эклиптику, опоясаннаго зодіакомъ съ числомъ 1749 года, котораго благополучїе имперіи во образѣ жены въ вѣнцѣ, изъ масличныхъ вѣтвей и класовъ сплетенномъ, держащія рогъ изобилія, ведетъ за руку, съ надписью: Ея Предводительствомъ, то есть видимъ мы съ удовольствїемъ наступающее лѣто.

На лѣвомъ крылѣ радостно выходитъ слава имени Ея Императорскаго Величества въ провожанїи благополучїя подданныхъ. Слава изображена подъ образомъ крылатаго юноши въ вѣнцѣ, изъ лавровыхъ вѣтвей сплетенномъ, держащаго въ рукѣ двѣ трубы, а на груди щитъ съ вензеловымъ именемъ Ея Императорскаго Величества, а благополучїе изображено въ видѣ жены въ штофномъ цвѣтномъ золотномъ платьѣ и въ вѣнцѣ, изъ цвѣтковъ сплетенномъ, предъ ногами которыя лежатъ опрокинутой рогъ изобилїя и сыплющїеся изъ него плоды и монеты съ надписью надъ обоими: Нераздѣлно пребываютъ, т. е. благополучїе подданныхъ и слава высочайшаго Имени Ея Императорскаго Величества.

Ещежъ на верьху обоихъ вышеобъявленныхъ посторонних строенїй является Россїйская Имперїя въ видѣ двоеглавнаго орла, которой при такомъ по нашему желанїю благополучномъ времени распростерши крылья весело къ верьху подымается.

Знаменованїе представленїя на всѣхъ трехъ соединенныхъ планахъ коротко содержится въ слѣдующихъ, къ Ея Императорскому Величеству склоняющихся словахъ:

Такъ нынѣ новый годъ къ намъ щастїе приводитъ.
Съ Твоею славою таланъ нашъ въ верьхъ восходитъ.

Описанїе иллуминацїи.

На высокомъ театрѣ, которой, склоняясь на Россїйскую имперїю, представляетъ здравую плодоносную и прїятную страну съ высѣченными аллеями на подобїе креста святаго апостола Андрея Первозваннаго и съ раздѣленными на двоеглавныхъ орловъ садовыми шпалерами, а впрочемъ какъ крѣпкими стѣнами и оборонительною крѣпостью утвержденъ, такъ и великолѣпными фонтанами, порогами и шлюзами украшенъ, стоитъ храмъ благополучнаго времени на крылѣ съ защищающимъ Благополучїемъ. А по обѣ стороны купола поставлены другїя двѣ статуи, а

именно: Слава имперіи и Изобиліе, да на верху грудной портретъ двузрачнаго Януса, представляющій остроуміе со временемъ и возобновленіе онаго (die Klugheit bey der Zeit und die Verneuerung derselben), а на немъ число 1749 года. Въ храмѣ блистаетъ вензловое имя Ея Императорскаго Величества Елисаветы Первыя подъ короною.

Впрочемъ сей высокой театръ украшенъ перилами и стоящими на нихъ золотыми сосудами и прозябающими въ нихъ плодами. Знаменованіе сего представленія содержится въ слѣдующемъ:

Взираетъ вѣрность на Тебя
Во храмѣ полнаго блаженства,
Пространная Твоя земля
Тогожь достигнетъ совершенства".

(Рукопись № 122. л. 545—550 об.)

XLI.

ТЕКСТЪ.

Ар.— Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 124. л. 539. Четверостишіе Ломоносова — переводъ латинскаго эпиграфа для Придворнаго календаря на 1749 годъ. Оно находится въ прямой связи съ Ахенскимъ миромъ, заключеніе котораго и относится къ числу «безпагубныхъ» побѣдъ, одержанныхъ Россіею. Причину, почему находили нужнымъ оставить латинскій эпиграфъ безъ перевода, объясняли такимъ образомъ:

Man hat auf Anrath aller Kenner das Motto (die Aufschrift) lateinisch gelaszen weilen es durch die Übersetzung die Curiositaet und die Forçe würde verlohren haben. Das Motto aber ziehlet hauptsächlich auf unsre Armee in Teutschland und auf den Frieden in Aachen. Herr Prof. Lomonossoff hat es auf solche Art übersetzt:

Ты войско, ты совѣтъ и т. д.

Вслѣдствіе этого Академическая Канцелярія опредѣлила: «Къ его сіятельству академіи господину президенту графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому сего числа (23 декабря 1748 года) особливымъ штафетомъ послать маленькіе русскіе и нѣмецкіе календари, и притомъ во извѣстіе его сіятельству донести: Въ маленькихъ календаряхъ, по совѣту всѣхъ знатоковъ, подпись латынская постановлена, и то для того учинено, понеже отъ переводу

на Россійской языкъ вся бъ пропала куріозность и явственная сила, а та подпись вообще клонится на Всероссійскую армію въ Нѣмецкой землѣ и на заключенной миръ въ Акенѣ. А какими рѣчьми на россійскомъ языкѣ та съ латинскаго языка подпись переведена господиномъ профессоромъ Ломоносовымъ, оная для извѣстія его сіятельству здѣсь объявлена въ слѣдующемъ содержаніи:

Ты войско, ты совѣтъ
Даешь своимъ сосѣдамъ;
Твоимъ дивится свѣтъ
Беспагубнымъ побѣдамъ".

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 517. Журналъ № 912.)

Эпиграфъ взятъ изъ Горація (Carm. Lib. IV. c. XIV. v. 32 — 34):

. . . . . . sine clade victrix (victor)
Te copias, te consilium et tuos
Praebente. . . . .

(Ср. Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ. 1865. стр. 752—753.)

Мнѣніе Шумахера было принято, и Календарь вышелъ съ однимъ латинскимъ эпиграфомъ, безъ стиховъ Ломоносова. Календарь этотъ составляетъ большую библіографическую рѣдкость и доселѣ извѣстенъ только одинъ экземпляръ его, находящійся въ библіотекѣ Д. Ѳ. Кобеко.

(Русскіе и славянскіе календари и мѣсяцословы за сто лѣтъ (1725—1825.) Описалъ Николай Собко. Берлинъ. 1880. стр. 24.)

Приносимъ искреннюю признательность Дмитрію Ѳомичу Кобеко за сообщеніе намъ принадлежащаго ему экземпляра.

Календарь заключаетъ въ себѣ шестнадцать ненумерованныхъ страницъ, въ 32 долю листа; заглавіе: «Придворной календарь на лѣто отъ Рождества Христова 1749, которое есть простое содержащее 365 дней». Латинскіе стихи изъ Горація

составляютъ подпись гравированной на мѣди виньетки (Гр. Ів. Соколовъ). Виньетка эта любопытна по отношенію не только къ надписи Ломоносова, не попавшей въ календарь, но и къ другимъ произведеніямъ Ломоносова этого времени.

Въ криволинейной продолговатой въ вышину рамкѣ, украшенной въ верхней части цвѣточными гирляндами, а въ нижней подобіемъ пальмовыхъ вѣтвей и раковиною, изображена сидящая подъ пальмовымъ деревомъ царственная женская фигура въ порфирѣ и съ малою короною въ волосахъ. Правою рукою она удерживаетъ летящаго на облакѣ Меркурія, ухватясь за конецъ его жезла, а лѣвою, въ которой держитъ масличную вѣтвь, опирается на щитъ съ изображеніемъ двуглаваго орла. Въ лѣвой рукѣ Меркурій держитъ вензель съ буквою *Е* въ лавровомъ вѣнкѣ. У ногъ женской фигуры, справа — поверженный геній раздора съ дымящимся факеломъ въ лѣвой рукѣ, а съ лѣвой стороны — сидящій ребенокъ, примѣряющій шлемъ съ перьями. Позади фигуръ — часть зданія съ колоннами; на среднемъ планѣ — Нева, а за рѣкой — зданіе Академіи наукъ съ высокой башней обсерваторіи, въ томъ видѣ, какъ она была построена первоначально. Висящія на стволѣ пальмоваго дерева мечъ и копье и подобіе щита съ лѣвой стороны, позади ребенка, дополняетъ композицію виньетки.

XLII.

ТЕКСТЪ.

Р. Л. — Рукопись Библіотеки Академіи наукъ. № 112, заключающая въ себѣ черновыя бумаги Ломоносова. Писано собственноручно Ломоносовымъ. Противъ одиннадцатой строфы сбоку:

Огонь, дымъ, звукъ взревѣлъ,
И брегъ тряхнулъ хребтомъ.

Заглавіе чужою рукою: «Преложеніе псалма 103. Благослови душе моя Господа, Господи Боже мой возвеличился еси зѣло etc.»

Псаломъ сто-третій называется «псалмомъ о мірстѣмъ бытіи», т. е. о сотвореніи міра. Приводимъ славянскій переводъ и переложеніе Симеона Полоцкаго.

Псаломъ 103.

Благослови, душе моя, Господа. Господи Боже мой, возвеличился еси зѣло; во исповѣданіе и въ велелѣпоту облеклся еси.

Одѣяйся свѣтомъ, яко ризою; простираяй небо, яко кожу.

Покрываяй водами превыспреняя своя: полагаяй облаки на восхожденіе свое; ходяй на крилу вѣтрено.

Творяй ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный.

Основаяй землю на тверди ея, не приклонится въ вѣкъ вѣка.

Бездна, яко риза, одѣяніе ея; на горахъ станутъ воды.

Отъ запрещенія Твоего побѣгнутъ, отъ гласа грома Твоего убоятся.

Восходятъ горы и нисходятъ поля, въ мѣсто, еже основалъ еси имъ.

Предѣлъ положилъ еси, егоже не прейдутъ, ниже обратятся покрыти землю.

Посылаяй источники въ дебрехъ, посредѣ горъ пройдутъ воды.

Напаяютъ вся звѣри селныя, ждутъ онагри въ жажду свою.

На тыхъ птицы небесныя привитаютъ, отъ среды каменія дадятъ гласъ.

Напаяяй горы отъ превыспреннихъ своихъ, отъ плода дѣлъ Твоихъ насытится земля.

Прозябаяй траву скотомъ и злакъ на службу человѣкомъ извести хлѣбъ отъ земли.

И вино веселитъ сердце человѣка, умастити лице елеемъ, и хлѣбъ сердце человѣка укрѣпитъ.

Насытятся древа польская, кедри ливанстіи, ихже еси насадилъ.

Сим. Полоцк.

Душе моя, Господа да благословиши,
Господи, коль великъ ты и страшенъ ся зриши;
Во славу и лѣпоту еси облеченный,
Яко ризою свѣтомъ многимъ обвіенный.
Ты небо, яко кожу, изволи пропяти,
Превыспрняя водами своя покрывати.
Ты, въ восхожденіе ти еси полагаяй
Облаки, и онѣми аеръ претекаяй.
На крилѣхъ скоротечна вѣтра ты ходиши,
Невещественны духи ангелы твориши.

И во видѣ палящя огня служатъ Тебѣ
Раби твои, иже тя пѣснословятъ въ небѣ.
Тобою на тверди си земля основанна,
И вовѣки не будетъ та поколебанна.
Ону, якоже риза, бездна одѣваше,
И на горахъ высокихъ вода вездѣ бяше.
Но запрещеніемъ ти воды низпадоша,
На гласъ грома твоего въ море низтекоша.
Горы быша велія, поля ся постлаху,
Идѣже основу си и мѣсто пріяху.
Предѣлъ водамъ изволилъ еси положити,
Егоже не возмогутъ вѣчно преступити;
Ни обратятся паки землю покрывати,
Но въ ложахъ своихъ имутъ вовѣки стояти.
Во дебрѣхъ источники, Боже, изводиши,
И посредѣ горъ воды обилны точиши,
Да вся звѣри селныя въ жаждѣ напояютъ,
И онагровъ притекшихъ жажду утоляютъ.
Къ тымъ небесныя птицы тщатся прилетати,
Въ каменехъ поющыя, жажду утоляти.
Тобою отъ превыспрнихъ горы піютъ воды,
Земля ся насыщаетъ дѣлесъ твоихъ плоды.
И сыта сущи, пажить скотомъ прозябаетъ,
Траву людемъ во службу, и хлѣбъ въ пищу даетъ.
Вино во веселіе человѣкомъ родитъ,
Елей лице мастити, хлѣбъ во крѣпость плодитъ.
Тѣми древа польная себе насыщаютъ,
И кедри ливанстіи вѣтви оживляютъ.

Сохранилось весьма любопытное свидѣтельство самого Ломоносова о переложеніи имъ сто-третьяго псалма. Отвѣчая Татищеву, Ломоносовъ пишетъ: «Совѣтъ о преложеніи псалмовъ мнѣ весьма пріятенъ, и самъ я давно къ тому охоту имѣю, однако двѣ вещи препятствуютъ: первое недосуги, ибо главное мое

дѣло есть горная наука, для которой я былъ нарочно въ Саксонію посыланъ; также химія и физика много времени требуютъ, кромѣ текущихъ дѣлъ въ академическихъ собраніяхъ. Второе—опасеніе, ибо я не смѣю дать въ преложеніи другаго разума, нежели какой псаломскіе стихи въ переводѣ имѣютъ. Такъ принявшись перелагать на стихи прекрасной псаломъ 103, для того покинулъ, что многія нашелъ въ переводѣ погрѣшности, напримѣръ: *змій сей, егоже создалъ еси ругатися ему,* вмѣсто: *се китъ, его создалъ еси презирать оное* (то есть море, его пространство)».

(Архивъ конференціи Академіи наукъ. Исходящія письма 1749—1751 годовъ. Письмо Ломоносова къ Василію Никитичу Татищеву 27 января 1749 года.

Ср. Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова. Академика П. Пекарскаго 1865. стр. 35—36.)

Псал. *CIII,* 25 — 26. Сіе море великое и пространное. . . Змій сей, егоже создалъ еси ругатися ему.—Это море великое и пространное. . . Тамъ этотъ левіаѳанъ, котораго Ты сотворилъ играть въ немъ.

На Ломоносова особенно сильное впечатлѣніе производилъ псаломъ 103 величественнымъ изображеніемъ картины мірозданія. Александръ Гумбольдтъ считаетъ 103 псаломъ однимъ изъ величайшихъ произведеній:

Man möchte sagen, dasz in dem einzigen Psalm das Bild des ganzen Kosmos dargelegt ist: «Der Herr, mit Licht umhüllet, hat den Himmel wie einen Teppich ausgespannt. Er hat den Erdball auf sich selbst gegründet, dasz er in Ewigkeit nicht wanke. Die Gewässer quellen von den Bergen herab in die Thäler, zu den Orten, die ihnen beschieden: dasz sie nie überschreiten die ihnen gesetzten Grenzen, aber tränken alles Wild des Feldes. Der Lüfte Vögel singen unter dem Laube hervor. Saftvoll stehen des Ewigen Bäume, Libanons Cedern, die der Herr selbst gepflanzt, dasz sich das Federwild dort niste, und auf Tannen sein Gehäus der Habicht baue». Es wird beschrieben «das Weltmeer, in dem es wimmelt von Leben ohne Zahl. Da wandeln die Schiffe,

und es regt sich das Ungeheuer, das Du schufest darin zu scherzen». Es wird «die Saat der Felder, durch Menschenarbeit bestellt, der fröhliche Weinbau und die Pflege der Oelgärten» geschildert. Die Himmelskörper geben diesem Naturbilde seine Vollendung. «Der Herr schuf den Mond, die Zeiten einzutheilen, die Sonne, die das Ziel kennt ihrer Bahn. Es wird Nacht, da schwärmt Gewild umher. Nach Raube brüllen junge Löwen und verlangen Speise von Gott. Erscheint die Sonne, so heben sie sich davon und lagern sich in ihre Höhlen: dann geht der Mensch zu seiner Arbeit, zu seinem Tagewerk bis Abend». Man erstaunt, in einer lyrischen Dichtung von so geringem Umfange, mit wenigen groszen Zügen, das Universum, Himmel und Erde geschildert zu sehen. Dem bewegten Elementarleben, der Natur ist hier des Menschen stilles, mühevolles Treiben vom Aufgang der Sonne bis zum Schlusz des Tagewerks am Abend entgegengestellt. Dieser Contrast, diese Allgemeinheit der Auffassung in der Wechselwirkung der Erscheinungen, dieser Rückblick auf die allgegenwärtige unsichtbare Macht, welche «die Erde verjüngen» oder in Staub zertrümmern kann, begründen das Feierliche einer minder lebenswarmen und gemüthlichen als erhaben poetischen Dichtung.

(Kosmos. Entwurf einer physischen Weltbeschreibung von Alexander von Humboldt. 1847. Zweiter Band. s. 46—47.)

Переложеніе сто-третьяго псалма напечатано въ первый разъ въ Полномъ собраніи сочиненій Ломоносова 1784 г. Часть I. стр. 43—46, но съ отступленіями отъ подлинника, какъ напримѣръ:

Ст. 51. И всѣ народы насыщаешь
Напечат: И всѣхъ живущихъ насыщаешь
Ст. 11. Крилами вѣтровъ шумъ наводишь,
Напечат: Крилами вихровъ шумъ наводишь,
Ст. 43. И ждутъ ослы, какъ въ жаждѣ таютъ,
Напечат: Онагри ждутъ, какъ въ жаждѣ таютъ.

Подобныя неточности въ изданіи сочиненій Ломоносова послужили поводомъ къ эпиграммѣ на Козодавлева, подъ редакціей котораго изданъ первый томъ сочиненій Ломоносова:

Онъ Како—другъ крамзы, но только другъ нахальный,
Кѣмъ изуродованъ какъ бабкой повивальной
Малербъ Россійскихъ странъ, пресладостный пѣвецъ.

Онъ (О), Како (К)—иниціалы имени издателя: Осипъ Козодавлевъ. Крамза—мурза, какъ называлъ себя Державинъ. Малербъ Россійскихъ странъ—Ломоносовъ, о которомъ Сумароковъ сказалъ:

Онъ нашихъ странъ Малербъ, онъ Пиндару подобенъ.

Въ изданіи 1784 года сдѣлано такое примѣчаніе:

«Сіе преложеніе никогда еще не было напечатано; оно отыскано въ оставшихся рукописаніяхъ покойнаго господина Ломоносова».

XLIII.

ТЕКСТЪ.

Рукопись Архива Академической Канцеляріи. № 125. л. 584. Стихи писаны собственноручно Ломоносовымъ и переведены имъ съ нѣмецкаго; подлинникъ принадлежитъ Штелину. Штелинъ составилъ на нѣмецкомъ языкѣ описаніе иллюминаціи и заключилъ его слѣдующими стихами:

Da manch entflamter Wunsch für dich zum Himmel steigt,
So wird die Zuversicht mit Freuden überzeugt.
Es soll dein Fest, dein Flor, dein Wohlergehen
In immer grünem Schmuck, gleich Amaranthen stehen,
Der wenn gleich Zeit und Frost der holder Schmuck vertreibt,
In unverwelcktem Flor und steter Schönheit bleibt.

Къ рукописи Штелина приложенъ и русскій переводъ:

«Описаніе иллуминаціи на высокій день рожденія Ея Императорскаго Высочества Государыни Великія Княгини Апрѣля 21 дня 1749 года.

Представляется дворъ съ зеленѣющимися, между собою нарочито сомкнутыми перилами и окруженный садовыми порталами, оплетенными амаранѳовыми листьями, по срединѣ котораго является на входѣ, изъ краснаго мрамора сдѣланномъ, пьедесталъ, украшенный амаранѳовымъ вѣнцемъ, а на пьедесталѣ, въ

золотомъ сосудѣ—цвѣтущій амараноъ, какъ изображеніе неувядаемой красоты и долголѣтнаго здравія. Внизу на помянутыхъ перилахъ поставлены многіе сосуды съ горящимъ ѳиміамомъ, а вверьху порталы уставлены молодыми амараноовыми кустами. Все сіе изъявляетъ подданнѣйшія и ревностныя желанія о неувядаемомъ высокомъ благополучіи и долголѣтномъ здравіи Ея Императорскаго Высочества дражайшія государыни и Великія Княгини.

Знаменованіе всего представленія въ слѣдующихъ стихахъ содержится:

Коль много за Тебя сердецъ пылаетъ къ Богу", и т. д.

(Рукопись Академической канцеляріи. № 125, л. 582—584.)

XLIV.

ТЕКСТЪ.

Рукопись Архива Академической Канцеляріи № 125. л. 591 об. Стихи писаны рукою Ломоносова и переведены имъ съ нѣмецкаго подлинника Штелина:

Wie glücklich ist dein Reich! wie glücklich so viel Kronen,
Die unter deiner Kron in stoltzer Ruhe wohnen!
Ihr Glück entflammt den Wunsch, für dich zu Gott zu schreyn:
Herr! lasz Elisabeth noch lang ihr Reich erfreun.

Къ описанію, составленному Штелиномъ на нѣмецкомъ языкѣ, приложенъ современный подлиннику русскій переводъ:

«Описаніе иллуминаціи, которая въ высочайшій день коронаціи Ея Императорскаго Величества Апрѣля 25 дня 1749 года въ Москвѣ представлена быть имѣетъ.

Представляется великолѣпный монументъ (строеніе съ столбами), на среднемъ котораго шатрѣ на верьху Императорская корона надъ вензловымъ именемъ Ея Императорскаго Величества, а внизу на трехъ особливыхъ пирамидахъ — короны трехъ царствъ: астраханскаго, казанскаго и сибирскаго, а на обѣихъ боковыхъ галеріяхъ между столбами поставлено столько великокняжескихъ и княжескихъ гербовъ, коронъ и герцогскихъ шляпъ, сколько главныхъ провинцій въ Россійской имперіи считается.

Позади сего строенія видна зеленѣющаяся земля съ пріятными аллеями и фонтанами, а въ срединѣ чрезъ порталъ является восшедшее ужѐ на седмь градусовъ на горизонтъ солнце, которое всю землю освѣщаетъ. На концахъ каждаго крыла представлены круглые храмы съ желательнымъ олтаремъ, на которомъ горитъ пламя.

Знаменованіе сего представленія содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Коль счастлива земля, коль счастливы вѣнцы“ и т. д.

(Рукопись Академической канцеляріи. № 125. л. 591—592.)

XLV.

ТЕКСТЪ.

С. I. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 8. стр. 181.

ВАРІАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Похвальныя надписи. Надпись 8. На спускъ корабля имянуемаго Святаго Александра Невскаго 1749». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 8. стр. 160. Заглавіе то же, что и въ *С. I.*

Ст. 1—3. Гора что горизонтъ на сушѣ покрывала,
Внезапно съ берегу на быстрину збѣжала
Между палатъ стои́тъ гдѣ былъ недавно лѣсъ; (Р.)

Ст. 5. Но мы въ лодочкѣ на сушѣ чуть сидѣли, (Р.)

Корабль «Александръ Невскій» спущенъ былъ 18 мая 1749 года, какъ видно изъ слѣдующаго извѣстія: «Сего маїя 18 числа̀ въ Адмиралтейской крѣпости при присудствіи Адмиралтейской коллегіи господъ членовъ и генералитета и прочихъ обрѣтающихся при Санктпетербургѣ знатныхъ и духовныхъ персонъ, построенные два шестидесять шести пушечные корабля спущены, а осьмидесятной корабль строеніемъ вновь заложенъ благополучно; и тѣ спущенные корабли имянованы, перьвой Іоаннъ Златоустъ, второй Александръ Невскій».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1749. № 40. стр. 218.)

XLVI.

ТЕКСТЪ.

Рукопись Архива Академической Канцеляріи № 129. л. 295. Подлинное описаніе и стихи — Штелина; переводъ *стиховъ* — Ломоносова, писанъ его рукой:

Sieh, Ruszland! die beglückte Nacht,
Die deine Wolfahrt wider bracht,
Da die Gerechtigkeit u. Vaterlandes Liebe
Nebst Klugheit, Tapfferkeit, Genad-und Groszmuths Triebe,
Die Erbin deines Throns Elisabeth
Auf ihrer Eltern Thron begleitet u. erhöht,
Und zum erwünschten Glück für alle die dich lieben
Als Wächter ihres Throns untrennlich stehen blieben.

«Описаніе иллуминаціи въ высочайшій день восшествія Ея Императорскаго Величества на всероссійскій императорскій престолъ, въ Москвѣ ноября 25 дня 1749 года представленной.

На каменной горѣ, на рѣкѣ, по которой судами ходить можно, представляется высѣченный съ перилами постаментъ, на которомъ, подъ великолѣпнымъ на столбахъ зданіемъ, поставленъ императорскій престолъ, императорскою короною и вензловымъ именемъ Ея Императорскаго Величества украшенный. На верьху является лучами озаренное око Божія Провидѣнія, а внизу изображенъ Россійскій гербъ, лавровыми и пальмовыми вѣтьми

украшенный, съ крестомъ на сердечномъ щиту святаго апостола Андрея Первозваннаго. Двойной входъ къ высокому престолу состоитъ изъ двухъ великолѣпныхъ мостовъ, гдѣ на каждомъ стоятъ золотые сосуды и шесть статуй, а именно: Правосудіе, Мудрость, Храбрость, Любовь къ отечеству, Великодушіе и Милость. Самое зданіе съ обѣихъ сторонъ украшено простирающеюся въ полукружіи аллеею изъ кедровыхъ деревъ, которая отъ полукружія къ обоимъ постороннимъ крыльямъ вдаль перспективнымъ видомъ распространяетъ, гдѣ средняя точка на правомъ крылѣ показуетъ монументъ съ литерою П., то есть Петръ, а на лѣвомъ крылѣ написана литера Е., то есть Екатерина.

Изъясненіе сего представленія состоитъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Россія посмотри на ту щастливу ночь“ и т. д.

(Рукопись архива Академической канцеляріи. № 129. л. 293—295.)

XLVII.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 7. стр. 180.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Похвальныя надписи. Надпись 7. На прибытїе Ея Величества Гдни И. Е. П. изъ Москвы въ Санктъ Петербургъ 1749 года, декабря дня». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 7. стр. 160. Заглавіе то же, что и въ *С. I.*

Ст. 1. Поднявшись Солнце въ верьхъ возводитъ взоръ по свѣту, (Р.)
Ст. 4. И что онъ по земли толь быстрой видитъ бѣгъ; (Р.)
Ст. 6. И огненнымъ бичемъ зардѣвшись наказуетъ. (Р.)
Ст. 10. Какъ видѣть Оную обратно здѣсь желаемъ. (Р.)

---

*

Императрица Елисавета Петровна выѣхала изъ Петербурга въ Москву 15 декабря 1748 года и возвратилась въ Петербургъ 20 декабря 1749 года:

«Въ прошедшей четвертокъ, то есть 15 числа̀ сего мѣсяца (декабря 1748 г.), въ почи по́слѣ ужина Ея Императорское Величество при обыкновенной пальбѣ изъ пушекъ съ здѣшней крѣпости и адмиралитейства, въ Москву при самоножеланномъ здравіи шествовать изволила; а по утру тогожъ дня ихъ Императорскія Высочества туда отправились».

«Здѣсь (въ С.-Петербургѣ) получена пріятная вѣдомость, что Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня, не смотря на бывшую талую погоду, въ прошедшее Воскресеніе (18 декабря 1748 года) поутру въ 8 часу въ желаемомъ здравіи въ Москву прибыть соизволила, бывши на дорогѣ меньше полутретьихъ сутокъ».

«Въ Санктпетербургѣ декабря 22 дня (1749 г.). Третьяго дня по полудни въ 3 часу Ея Императорское Величество наша всемилостивѣйшая Государыня съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ великимъ Княземъ и Государынею великою Княгинею, въ вожделѣнномъ здравіи благополучно прибыла въ здѣшней столичной городъ, о которой всеобщей радости немедленно объявлено было народу пушечною пальбою съ крѣпости и адмиралитейства».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 101. стр. 808 и № 103. стр. 824;—1749. № 102. стр. 814.)

XLVIII.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой заглавіе; вторая и восьмая—пустыя; на остальныхъ пяти—идиллія. Передъ началомъ текста—гравированная заглавная виньетка въ продолговатомъ по горизонтальнымъ сторонамъ прямоугольникѣ; средину занимаетъ лира, сверху которой отъ рамки изъ завитковъ спускаются гирлянды, поддерживаемыя по сторонамъ двумя крылатыми амурами. Въ концѣ—гравированная на мѣди виньетка въ рамкѣ изъ лиственнаго орнамента, съ изображеніемъ дымящагося жертвенника, а по сторонамъ его двухъ вазъ.

Первое изданіе «Полидора» составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость. Приносимъ искреннюю благодарность почтенному библіофилу Геннадію Васильевичу Юдину за доставленіе намъ принадлежащаго ему, рѣдчайшаго экземпляра.

Подъ именемъ «Полидора» въ Идилліи говорится о графѣ Кириллѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ, избранномъ въ томъ году въ гетманы Малороссіи.

Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій родился 18 марта 1728 года и въ дѣтствѣ былъ пастухомъ. Пятнадцати лѣтъ отъ роду посланъ былъ за границу для образованія и пробылъ тамъ два года. 21 мая 1746 года восемнадцатилѣтній Разумовскій назначенъ былъ президентомъ Академіи наукъ «въ разсужденіе усмотрѣнной въ немъ особливой способности и пріобрѣтеннаго въ наукахъ искусства». Двадцати двухъ лѣтъ отъ роду онъ избранъ былъ малороссійскимъ гетманомъ.

Избраніе въ гетманы происходило въ Глуховѣ, съ особою, небывалою дотолѣ, торжественностью, 22 февраля 1750 года. 24 апрѣля малороссійскіе депутаты приносили Государынѣ благодарность за дозволеніе избрать гетмана, а 5 іюня новый гетманъ утвержденъ въ своемъ званіи. Графъ Кириллъ Григорьевичъ былъ братомъ перваго любимца и самъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ, а потому ему оказывали исключительный почетъ. Въ оффиціальныхъ бумагахъ обязаны были называть его «высоко и благоурожденнымъ», хотя всѣмъ извѣстно было его происхожденіе. Много затрудненій вызвало поминаніе его въ церквахъ; сперва поминали такъ: «благороднаго Кирила гетмана»; потомъ болѣе пространно: «высоко и благоурожденнаго сіятельнаго графа Кирила Григорьевича, гетмана Малыя Россіи»; но не всѣ священнослужители могли справиться съ этимъ длиннѣйшимъ титуломъ, и во вниманіе къ его трудности, форма нѣсколько упрощена, стали поминать: «сіятельнаго графа, гетмана Кирила Григорьевича».

(Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. 1880. Т. I. стр. 3—142.)

Разумовскій былъ гетманомъ «обоихъ сторонъ Днѣпра», и въ идилліи Ломоносова дѣйствіе происходитъ на берегу Днѣпра; въ числѣ дѣйствующихъ лицъ—«Днѣпрская Нимфа»; припѣвъ: «красуйтесь Днѣпрскія струи».

Ст. 6—9. Муза Калліопа говоритъ:

Единъ у насъ теперь предстатель Полидоръ.
Богиня, что поля пространны управляетъ
И щедрою Парнассъ рукою украшаетъ,
Ему вручила жезлъ, чтобъ въ сихъ лугахъ пасти.

Богинею называется здѣсь императрица Елисавета, оказывающая свое благоволеніе Парнассу и музамъ, то есть Академіи наукъ и художествъ. Какъ президентъ академіи и гетманъ,

Полидоръ-Разумовскій названъ предстателемъ музъ, которому врученъ пастырскій жезлъ.

Ст. 97—100. Каковъ, скажи намъ, Полидоръ?
Я далъ отвѣтъ: онъ превышаетъ
Собой всѣхъ здѣшнихъ пастуховъ;

А. А. Васильчиковъ говоритъ: «Пастораль эта какъ то сквозитъ ироніею, которая, впрочемъ, можетъ быть не приходила на мысль Ломоносову. Полидоръ, «превышающій собой всѣхъ здѣшнихъ пастуховъ», слишкомъ живо напоминалъ бывшаго пастуха Лемёшевскаго общественнаго стада».

Ст. 104—106, Скажи, скажи о Нимфѣ намъ,
111—114. Которой Полидоръ красою
Плѣнившись торжествуетъ самъ.
Лозѣ подобно плодовитой
Она возлюбленнымъ плодомъ
Благословеніемъ покрытой
Наполнитъ Полидоровъ домъ.

Подъ именемъ Нимфы, которою плѣнился Полидоръ, авторъ разумѣетъ жену графа Кириллы Григорьевича. К. Г. Разумовскій былъ женатъ на внучатной сестрѣ императрицы Елисаветы, Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной. Въ запискахъ Екатерины II говорится о графѣ Кириллѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ: Il était marié à une riche héritière de la maison Narichkine, que l'impératrice lui avait fait épouser, un peu malgré lui à la vérité, mais avec laquelle il paraissait bien vivre; d'ailleurs il était connu que toutes les plus jolies femmes de la cour et de la ville se l'arrachaient; et réellement il était bel homme, d'une humeur originale, très agréable et il avait sans comparaison plus d'esprit que son frère, qui d'un autre côté l'égalait en beauté, mais le surpassait en générosité et bienfaisance. Ces deux frères-là étaient la famille de favoris la plus aimée que j'aie jamais vue.

XLIX.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надписи 1 — 5. стр. 175 — 178.

ВАРІАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Похвальныя надписи. Надпись 1. Къ статуи блаженныя памяти Гдр̃я Императора Петра Великаго. Надпись 2, къ той же. Надпись 3, къ ней же. Надпись 4, къ той же. Надпись 5». Писаны собственноручно Ломоносовымъ.

А.— Рукопись Государственнаго Архива, № 135. л. 175—176 об. «Надписи къ Конной статуи Петра великаго». Писаны собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надписи 1 — 5. стр. 157 — 159. Заглавія тѣ же, что въ *С. I.*

Надпись 1.

Ст. 2. Которой ради насъ лишилъ себя покоя (Р.)
Который ради насъ лишивъ себя покоя, (А.)
Ст. 5. Онъ скипетръ отложивъ простеръ къ работѣ руки, (А.)
Ст. 6. И власть свою скрывалъ чтобъ намъ открыть науки. (Р.)
Ст. 12. Домашне божество Россія почитаетъ, (Р.)
Ст. 14. Сколь много есть ему обязанныхъ сердецъ. (А.)

Надпись 2.

Надпись 5 (А).

Ст. 2. Къ утѣхѣ Россовъ всѣхъ. А кто Онъ былъ таковъ, (Р.)
Къ веселью Россовъ всѣхъ. А кто онъ былъ таковъ; (А.)

Надпись 3.

Надпись 5 (Р.); Надпись 4 (А.).

Ст. 2. Въ Петровѣ градѣ се Россіянъ утѣшаетъ, (А.)

Надпись 4.

«Надпись 3, (Р.); Надпись 3 (А.).

Ст. 3. Была отъ Еллиновъ честь божеска дана, (А.)
Ст. 8. Поставите олтарь предъ сей зваянный видъ; (Р.)
Поставите олтарь предъ сей зваянный видъ: (А.)

Надпись 5.

Надпись 4 (Р.); Надпись 2 (А.).

Ст. 8. И долѣ въ свѣтѣ семъ Маѳусаила жилъ. (Р.)
Ст. 9. Сїе несытою гортанью возгласила, (Р. и А.)
Ст. 12. Взирая на него Персъ, Турокъ, Готъ, Сарматъ, (С. П.)

Пять надписей къ статуѣ Петра Великаго напечатаны въ первый разъ въ Собраніи сочиненій Ломоносова, 1751 г. Въ собственноручной рукописи Ломоносова, находящейся въ Государственномъ Архивѣ, вслѣдъ за этими надписями помѣщена надпись Ломоносова къ ракѣ св. Александра Невскаго. Судя по находящейся при послѣдней надписи помѣткѣ, надо полагать, что надписи къ статуѣ Петра Великаго писаны не позже іюля 1750 года.

L.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 6. стр. 179.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. Похвальныя надписи. Надпись 6. Писана собственноручно Ломоносовымъ. Заглавіе то же, что въ *С. I;* нѣтъ только союза *и* въ словахъ: «благовѣрному и великому Князю».

А.— Рукопись Государственнаго Архива, № 135, л. 177. «Надпись на серебряную раку святаго и благовѣрнаго Князя Александра Невскаго». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 6. стр. 159. Заглавіе буквально то же, что въ *С. I.*

Ст. 7. Отъ перьваго сребра, что нѣдро Ей земное (Р.)

Въ рукописи Библіотеки Александро-Невской лавры № $^{18}/_{17}$, подъ заглавіемъ «Лѣтопись Александро-Невск. лавры», на л. 7—8: «Въ 1750 году въ честь святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, блаженныя памяти Ея Императорское Величество Елисаветъ Петровна раку изъ первообрѣтеннаго при ея благословенной державѣ сребра соорудить благоволила. Оная ра́ка дѣлана была чрезъ многіе годы и во-первыхъ на праздникъ поставлена была одна ракà, потомъ послѣ пирамида, а въ 1753 году и совсѣмъ во окончаніе приведена. Всея же сея раки начала и окончанія, на серебреныхъ двухъ щитахъ, держимыхъ двумя ангелами, находятся надписи, сочинены г. Ломоносовымъ.

Надпись а҃

изображена на пирамидѣ, стоящей при гробѣ св. Александра Невскаго:

Богу всемогущему и Его угоднику благовѣрному и великому князю Александру Невскому, Россовъ усердному защитнику, презрѣвшему прещеніе мучителя, тварь боготворить повелѣвшаго, укротившему ва́рварство на востокѣ, низложившему зависть на западѣ, по земномъ княженіи въ вѣчное царство преселенному въ лѣто 1263, усердіемъ Петра Великаго на мѣсто древнихъ и новыхъ побѣдъ пренесенному 1724 года.

Державнѣйшая Елисавета, отеческаго ко святымъ почитанія подражательница, къ нему благочестіемъ усердствуя, сію мужества и святости Его дѣлами украшенную раку изъ первообрѣтеннаго при Ея благословенной державѣ сребра соорудить благоволила въ лѣто 1750 (въ *С. П.* Надп. 38: «въ лѣто 1752»).

Надпись в҃

на самой серебряной ракѣ:

Святый и храбрый князь здѣсь тѣломъ почиваетъ, и т. д. (сходна съ *С. П.*). Лѣта Господне 1750, государствованія своего 9. Августа 30 дня въ Санктпетербургѣ».

Сверхъ надписи Ломоносова представлены были еще четыре, но Елисавета Петровна выбрала надпись Ломоносова, при которой въ рукописи Государственнаго Архива помѣтка: «Отъ ЕѢ Императорскаго Величества апробована и послана к совѣтнику въ Шлатеру іюля въ 16 день 1750». Шлаттеръ былъ совѣтникомъ монетной канцеляріи; подъ его наблюденіемъ производились работы по сооруженію раки.

Надпись Ломоносова находилась «въ такомъ мѣстѣ, откуда она весьма невидна, чего ради Ея Императорское Величество указать соизволила къ большей, позади раки стоящей пирамидѣ придѣлать два ангела со щитами, на которыхъ надпись вновь назначить, дабы она отъ всякаго видна была, и чтобъ разными искуснѣйшими профессорами на оныхъ щитахъ пристойныя надписи для предложенія и апробаціи Ея Императорскому Величеству сочинены были. Опредѣлено оныя надписи сочинить господамъ профессорамъ: Ломоносову, Штелину, Тредіаковскому и Фишеру». 24 ноября 1751 года надписи были представлены въ Кабинетъ, и баронъ Черкасовъ «приказалъ взнести, какъ святый благовѣрный князь Александръ Невскій былъ у царя Батыя и какъ онъ его заставлялъ кланятися солнцу и огню и идоломъ, но онъ того не учинилъ, и оной Батый отпустилъ святаго съ честію». О такомъ требованіи сообщено было Ломоносову, Тредьяковскому, Штелину и Фишеру.

(Ср. Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Билярскимъ. стр. 159—162.

Пекарскаго: Исторія Академіи наукъ. II. стр. 460—461, 479—480, 907—908.)

LI.

ТЕКСТЪ.

С. I. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 15. стр. 188.

ВАРІАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Похвальныя надписи. Надпись 16. На иллуминацію представленную Ея Императорскому Величеству отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ Ораніенъ-Баумѣ 1750 года Мая дня; гдѣ изображены были два соединенныя сердца пылающія на олтарѣ къ сіяющему надъ ними Солнцу, по сторонамъ сіялъ младой мѣсяцъ и всходящая денница». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 15. стр. 164. Заглавіе тоже, что и въ *С. I.*

Ст. 7. Тобою нашъ восходъ наономъ озаренъ. (Р.)

Празднество въ Ораніенбаумѣ происходило 25 іюля 1750 года, какъ видно изъ слѣдующихъ извѣстій:

«Въ Санктпетербургѣ іюля 31 дня. Минувшей среды, а именно 25 числа̀ сего мѣсяца, Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня, высочайше соблаговолила навѣстить въ Ораніенбомѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго Князя и Государыню Великую Княгиню. Ихъ Императорскія Высочества къ воспріятію Ея Императорскаго Величества не токмо чрезъ нѣсколько времени напередъ учинили торжественнѣйшія приготовленія, но и по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію звали тогоже дня на балъ и ужину знатныхъ господъ: здѣшнихъ министровъ, римскаго императорскаго господина посла и прочихъ иностранныхъ господъ министровъ, также всѣхъ господъ сенаторовъ и придворныхъ кавалеровъ съ придворными дамами. Столъ съ изрядными кушаньями приготовленъ былъ весьма добропорядочно, по̀слѣ чего представленъ дессертъ, изъ изрядныхъ и великолѣпныхъ фигуръ состоящей. Во время стола играла италіанская вокальная и инструментальная камерная музыка, при чемъ пѣли и нововыписанные италіанцы, а при питіи за высокія здравія пушечная пальба производилась. При наступленіи ночи, противъ залы на построенномъ надъ каналомъ тамошней приморской гавани великомъ театрѣ представлена была слѣдующая великолѣпная иллуминація:

Во входѣ въ амфитеатръ, которой къ морю перспективнымъ порядкомъ простирался, стоялъ по одну сторону храмъ *Благоговѣйной любви*, а по другую храмъ *Благодарности*. Между обоими храмами на общемъ ихъ среднемъ мѣстѣ въ честь высокихъ свойствъ Ея Императорскаго Величества стоялъ олтарь, на которой отъ Солнца, лучи свои ниспущающаго возженныя, и отъ радости для вожделѣннаго присутствія Ея Императорскаго Величества воспламенившіяся Ихъ Императорскихъ Высочествъ сердца̀ отъ благоговѣйной любви и благодарности въ жертву приносились, съ подписью:

Огнемъ твоимъ
Къ Тебѣ горимъ.

По обѣ стороны вышеобъявленныхъ храмовъ флигели на столбахъ, какъ переднія галереи съ представленными напротивъ аллеами изъ гранатовыхъ деревъ въ пріятнѣйшемъ видѣ двухъ далеко распространяющихся першпективъ до оризонта простирались. Тамъ на одной сторонѣ являлась восходящая и отъ Солнца освѣщенная Луна, съ подписью:

Тобой свѣтясь бѣжу.

На другой сторонѣ представлена была восходящая на оризонтѣ планета Венера, которая свѣтъ свой отъ Солнца жъ получала, съ подписью:

Тобой ясна всхожу.

Впрочемъ какое Ея Императорское Величество по высочайшей своей щедротѣ за изрядныя приготовленія и за неусыпное стараніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ благоволеніе милостивѣйше изъявить изволила, оное между прочимъ и изъ сего заключать можно, что Ея Величество при отъѣздѣ своемъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ шестьдесятъ тысячъ рублевъ пожаловала».

По другому извѣстію, первая подпись:

Тудажъ пламя испускаютъ,
Откуду его получаютъ.

Вторая подпись:

Свѣтомъ его осіяваюсь.

Третья подпись:

Отъ негожъ озаряюсь.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1750. № 62. стр. 493—495;—№ 63. стр. 501—502.)

LII.

ТЕКСТЪ.

Полное собраніе сочиненій Михайла Васильевича Ломоносова, съ пріобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ твореній. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ Императорской Академіи наукъ. 1784. стр. 311—312.

Напечатано въ первый разъ въ изданіи сочиненій Ломоносова 1784 года подъ такимъ заглавіемъ и съ такимъ поясненіемъ:

«Письмо къ Его Высокородію Ивану Ивановичу Шувалову. Сіе письмо написано августа 18 дня 1750 года. Тогда Его Высокопревосходительство нынѣшній Оберъ-Камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ Камеръ-Юнкеромъ».

Академикъ Пекарскій считаетъ также, что стихотворное Письмо къ Шувалову написано 18 августа 1750 года, и видитъ въ этомъ доказательство того, что «Шуваловъ, съ самаго перваго времени какъ сдѣлался любимцемъ императрицы Елисаветы, вступилъ въ сношенія съ Ломоносовымъ и сталъ оказывать ему покровительство».

(Исторія Академіи наукъ. II. 452—453.)

Но по мнѣнію г. Будиловича, стихотвореніе это написано Ломоносовымъ не раньше 1752 года: «Въ 1750 году отношенія Ломоносова къ Шувалову еще не были такъ близки. Потомъ

здѣсь сказано: хитрость (искусство) въ Царскомъ Селѣ *принуждаетъ вверхъ скакать высоко воду,* а въ одѣ 27 августа 1750 года сказано: *однако ежель оной воля, я воды обращу къ вершинѣ: речетъ и въ небо устремлю,* т. е. фонтанъ въ 1750 году есть и его нѣтъ?»

(Ломоносовъ какъ писатель. 1871. стр. 23.)

Въ стихотвореніи своемъ Ломоносовъ говоритъ о Царскомъ Селѣ:

Ст. 17—20. Гдѣ хитрость мастерства преодолѣвъ природу,
Осеннимъ днямъ даетъ весны прекрасной видъ,
И принуждаетъ въ верьхъ скакать высоко воду,
Хотя ей тягость въ низъ и жидкость течь велитъ.

Императрица Елисавета Петровна, съ самаго вступленія своего на престолъ, заботилась объ исполненіи своей давней мысли—о проведеніи въ Царское Село проточной воды. Въ 1743 году отправленъ былъ въ Царское Село «фонтанный мастеръ» для отысканія мѣста въ саду, гдѣ всего удобнѣе сдѣлать фонтанъ. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ производились измѣренія и изслѣдованія, откуда провести воду въ Царское Село. Въ концѣ концовъ оказалось, что рѣшительнымъ препятствіемъ для достиженія цѣли служитъ сравнительно высокое положеніе Царскаго Села и сравнительно низкій уровень воды въ рѣкахъ: Невѣ, Ижорѣ, Славянкѣ и т. д. Единственно пригодными найдены *Виттелевскіе ключи*, т. е. ключи, находящіеся при деревнѣ *Виттелевой*, въ шести верстахъ отъ Царскаго Села. Въ ноябрѣ 1748 года императрица Елисавета повелѣла немедленно приступить «къ приведенію Виттелевской воды въ Царское», а 15 ноября 1749 года, Виттелевская вода пущена была въ большой прудъ,

и Царское Село получило возможность пользоваться проточною и обильною ключевою водою.

(Исторія Села Царскаго, составленная Ил. Яковкинымъ. 1829. Ч. II. стр. 12, 20, 26—28.)

Ст. 29—31. Межъ стѣнъ и при огнѣ лишь только обращаюсь;
Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,

Ломоносовъ говоритъ здѣсь о своихъ работахъ въ химической лабораторіи, о занятіяхъ мозаикою, и т. п.

LIII.

ТЕКСТЪ.

Ар.— Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 142. л. 184 об. Писано Ломоносовымъ собственноручно.

По требованію Канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи, проектъ иллюминаціи 5 сентября 1750 года составленъ академикомъ Штелиномъ; ему же принадлежатъ и пояснительные нѣмецкіе стихи:

Mit den frischen Friedens-Palmen
Steigt dein Nahme mehr empor!
Ruszland, und mit ihm Europa flicht
Den Ehren-Krantz davor.

Русскій переводъ составленнаго Штелиномъ «описанія иллуминаціи» сохранился въ рукописи, съ поправками Ломоносова:

«Описаніе иллуминаціи на высочайшій день тезоименитства Ея Императорскаго Величества сентября 5 дня 1750 года.

Представляются два, симметрическимъ порядкомъ одинъ противъ другого расположенные, марморные монумента, и притомъ перспективнымъ образомъ простирающаяся изъ шпалеръ линія съ разными подъ коронами и другими украшеніями.

Въ срединѣ надъ каждымъ монументомъ представлено вензловое Ея Императорскаго Величества имя подъ короною въ лав-

ровомъ вѣнцѣ съ являющимися (mit hervorragenden) оружїемъ и побѣдоносными знаками. По обѣ стороны строенїя заключаютъ молодыя пальмовыя деревья, какъ знаки возобновленныхъ мирныхъ временъ, а средина сего зданїя Чести украшена аллегорическими картинами съ пальмами, и представляетъ слѣдующее:

По правую сторону Россїя, яко побѣдоносная и храбрая имперїя, въ амазонскомъ платьѣ возноситъ къ верьху имя Ея Императорскаго Величества между молодыми пальмовыми деревьями, на марморномъ пьедесталѣ стоящими.

По лѣвую сторону сегожъ монумента сидитъ участїе принимающая въ славѣ и добродѣтеляхъ Ея Императорскаго Величества Европа, съ радостїю смотритъ на лежащее предъ стопами Ея Величества оружїе и военные снаряды, и для изъявленїя благодарности украшаетъ имя Ея Императорскаго Величества цвѣтами и вѣнцами.

Знаменованїе обоихъ аллегорическихъ представленїй содержится въ слѣдующихъ къ Ея Императорскому Величеству склоняющихся стихахъ:

Съ младыми пальмами спокойныхъ нашихъ дней
Возвышено Твое преславно имя въ свѣтѣ.
Россїя, и прїявъ покой Европа съ ней,
Похвалъ вѣнцы за то плетутъ Елисаветѣ".

(Рукопись Академической Канцелярїи № 142. л. 179—186.)

LIV.

ТЕКСТЪ.

Первое изданіе (editio princeps). Въ листъ, восемь страницъ; на первой — заглавіе, текстъ оды на шести страницахъ — съ третьей по восьмую. Передъ началомъ текста оды типографская заставка, состоящая изъ ряда двуглавыхъ орловъ съ коронами надъ ними; сверху и снизу орнаментальныя полоски. Въ концѣ оды заставка (cul-de-lampe): императорская корона; справа, слѣва и снизу орнаментъ изъ завитковъ, точекъ и подобія стрѣлки; по сторонамъ нижняго орнамента два симметричные завитка. Строфы не обозначены цыфрами, а отдѣлены одна отъ другой тремя звѣздочками.

ВАРІАНТЫ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Оды похвальныя. «Ода 6, въ которой Ея Величеству благодареніе отъ сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость въ Сарскомъ селѣ Августа 27 дня, 1750 года». стр. 118—129. Строфы обозначены цыфрами.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Оды похвальныя. Ода 6. Заглавіе то же, что въ *С. I.* стр. 93—102. Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 79—80. Цвѣты, межъ коихъ Индъ крутится.
Увидѣвъ при моихъ ключахъ. (С. I и II.)
Ст. 116. Раченьемъ древность и безмѣрнымъ (С. I и II.)
Ст. 124. Чѣмъ Нильскій брегъ отягощенъ. (С. I и II.)
Ст. 130. Здѣсь созидаетъ Божество. (С. I и II.)
Ст. 133. Изъ нихъ пресвѣтлыми очами (С. I и II.)
Ст. 137. Врученный свѣтъ подъ скипетръ свой. (С. I и II.)
Ст. 144. То нынѣ чувствовалъ Парнассъ, (С. I и II.)
Ст. 145. Какъ Ты отъ мѣстъ преиспещренныхъ (С. II.)
Ст. 155. Зевесовымъ пронзенъ ударомъ, (С. I и II.)
Ст. 157. Не можетъ тяготу поднять, (С. II.)
Ст. 215. Чтобъ земледѣлецъ выбралъ время, (С. II.)

Въ заглавіи оды, во второмъ изданіи ея — въ Собраніи сочиненій Ломоносова 1751 года, сказано, что высочайшая милость была дарована автору 27 августа 1750 года. Академикъ Билярскій спрашиваетъ: «Въ чемъ состояла эта милость? Вѣроятно, въ пожалованіи дачи Короволдай? Говорю: вѣроятно, потому что въ академическихъ бумагахъ нѣтъ документа объ этомъ пожалованіи».

(Матеріалы для біографіи Ломоносова. стр. 151.)

«По смыслу стихотворенія трудно теперь угадать въ чемъ заключалась эта милость; только положительно можно сказать, что она не состояла въ пожалованіи дачи Короволдай, о чемъ въ одѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Правда, что въ старческихъ воспоминаніяхъ И. И. Шувалова, записанныхъ Тимковскимъ, есть извѣстіе, что Ломоносовъ, приступивъ къ русской исторіи, писалъ ее медленно, причемъ ссылался на свою нужду и бѣдность. «Чтобъ ободрить его, — разсказывалъ Шуваловъ — я взялъ его съ собою въ Царское Село. Онъ описалъ въ стихахъ Славянку. Я выпросилъ ему деревушку въ сорокъ душъ за Ораніенбаумомъ». Шуваловъ точно выпросилъ у Елисаветы

крестьянъ Ломоносову, но только гораздо послѣ, именно въ мартѣ 1753 года въ Москвѣ и притомъ не сорокъ, а двѣсти слишкомъ душъ» и т. д.

(Пекарскій: Исторія Академіи наукъ. II. 454.)

Ст. 11 — 14. Державинъ (VII. 560 — 561) приводитъ въ примѣръ «сомнѣній» восторженнаго поэта, разрѣшеніе которыхъ чрезвычайно поражаетъ слушателей.

Ст. 31 — 60.

Императрица Елисавета Петровна повелѣла обер-архитектору графу Растрелли осмотрѣть, гдѣ можно изъ Невы къ Царскому Селу «сдѣлать водяную коммуникацію, а особливо тѣми мѣстами, гдѣ Ея Величество сама на шлюпкѣ изъ Невы шествіе имѣла». И впослѣдствіи нѣсколько разъ производимы были изслѣдованія о томъ, какимъ образомъ можно было бы «ѣздить изъ Петербурга въ Царское Село водою».

(Яковкина: Исторія Села Царскаго. II. 15, 136—137 и др.)

Ст. 71—77. Когда заря багрянымъ окомъ
Румянецъ умножаетъ розъ,
Тогда на вѣтьвіи высокомъ
И посредѣ зеленыхъ лозъ
Со свистомъ птицы воспѣваютъ
Отъ сна къ веселью возбуждаютъ,
Что царствуетъ въ моихъ лугахъ.

Ломоносовъ въ своей Риторикѣ приводитъ въ примѣръ «уподобленія, раждающаго пространныя и притомъ прекрасныя идеи»:

Сходящей съ поль златыхъ Авроры
Рука багряна сыплетъ къ намъ
Брильянтовъ, искръ, цвѣтовъ узоры,
Даетъ румянный видъ полямъ.
Свѣтящей ризой мракъ скрываетъ,
И къ сладкимъ пѣснямъ птицъ взбуждаетъ.

Ст. 101—110. Елисавета Петровна очень любила охоту и Ломоносовъ, изображая Всадницу, бралъ черты изъ дѣйствительности:

Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда Богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ!
Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ,
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтьвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ броздами,
И топчетъ бурными ногами
Прекрасной Всадницей гордясь!

Въ тогдашнихъ Вѣдомостяхъ и въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ находятся подобнаго рода извѣстія: «Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня, съ нѣкотораго времени изволила забавляться охотою въ находящихся около Петергофа лѣсахъ: при чемъ побиты были разные дикіе звѣри, и между ими одинъ медвѣдь чрезвычайной величины, потому что его кожа была безъ четверти четырехъ аршинъ. Также и одинъ лось вышиною отъ копытъ до спины въ два аршина и шесть вершковъ».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1748. № 68. стр. 544.)

Выдающимся событіемъ въ лѣтописяхъ придворной жизни временъ Елисаветы была охота 30 сентября 1751 года:

«Великолѣпіе, соединенное съ искусныМъ распоряженіемъ, которымъ россійскій императорскій дворъ предъ другими столь превосходно сіяетъ, никогда въ прекраснѣйшемъ видѣ не оказывалось, какъ 30 числа прошедшаго мѣсяца при учрежденной въ Красномъ селѣ охотѣ.

Ея Императорское Величество, Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь, и нѣсколько Дамскихъ особъ, которыя купно съ знатнѣйшими придворными Кавалерами,

числомъ до 30 персонъ, на оную приглашены были, прибыли туда всѣ въ одинакомъ платьѣ; а именно въ суконныхъ бирюзоваго цвѣту Черкасскихъ кафтанахъ, и въ алыхъ камзолахъ вездѣ золотымъ газомъ пребогато выкладенныхъ, причемъ не было ни одного, ктобъ не имѣлъ на себѣ такого платья, кромѣ Его Превосходительства Римско-Императорскаго Генерала и полномочнаго Посла, барона Претлаха, и Графа Коллоредо, которыхъ Ея Императорское Величество такожде къ сей охотѣ звать повелѣла.

Оная началась въ 12 часу передъ полуднемъ, а въ исходѣ 6 часа ввечеру окончалась.

При прибытіи Ея Императорскаго Величества на зборное мѣсто, стояли тамъ, кромѣ свиты Ея Величества, въ два ряда больше 70 егеровъ въ Черкасскомъ же одинакомъ платьѣ, а именно въ алыхъ суконныхъ кафтанахъ и въ зеленыхъ камзолахъ съ золотымъ позументомъ.

Какъ скоро данъ былъ сигналъ трубленіемъ въ роги, то началась охота, и съ совершеннѣйшимъ успѣхомъ продолжалась, причемъ было больше 300 гончихъ и борзыхъ собакъ.

Вышепомянутое одинакое платье высокихъ особъ, также и егерское, было столь великолѣпно и богато, что оно сто́яло больше 20000 рублей, не считая того, что каждый Кавалеръ имѣлъ при себѣ еще нѣсколько собственныхъ егеровъ и другихъ служителей, которые не меньше богато одѣты были; также и немалаго числа̀ заводныхъ лошадей съ богатымъ наборомъ. А понеже притомъ и самое положеніе мѣста, гдѣ охота происходила, для множества холмиковъ чрезвычайно способно было, чтобъ такое съ наилучшимъ порядкомъ соединенное великолѣпіе зрѣнію совершенно представить: то по справедливости сказать можно, что все сіе удивленія достойной видъ производило.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 81. стр. 677—678.
Журналы Камеръ-фурьерскіе. 1751 года. стр. 92—95.)

Ст. 111—113. Относится къ великолѣпнымъ зданіямъ, сооруженнымъ при Елисаветѣ Петровнѣ въ Царскомъ Селѣ. Нѣ-

сколько тысячъ рабочихъ трудились ежегодно надъ «строеніемъ Царскаго Села». Главнымъ руководителемъ работъ былъ знаменитый Растрелли.

Ст. 143 — 220. Здѣсь авторъ развиваетъ свою любимую мысль о водвореніи наукъ въ Россіи и о побѣдѣ знанія надъ невѣжествомъ. Объ этой побѣдѣ онъ говоритъ всегда съ особеннымъ увлеченіемъ; въ словахъ его слышится глубокое убѣжденіе и искреннее чувство. Въ настоящей одѣ онъ выражаетъ надежду, что наукамъ открытъ свободный путь въ Россію и что невѣжество, враждебное просвѣщенію поражено навсегда подобно страшному великану Энцеладу, дерзнувшему возстать противъ Зевеса и за это пораженному громомъ. Земля тяготѣетъ надъ погибшимъ и Этна стоитъ прямо надъ его головой.

LV.

ТЕКСТЪ.

Тамира и Селимъ Трагедія, Михайла Ломоносова. 1750. Въ 8°; семьдесятъ пять нумерованныхъ страницъ; на первой странице—заглавіе, вторая—пустая, на третьей—«Краткое изъясненіе», на четвертой—«Дѣйствующія лица»; на остальныхъ страницахъ, отъ пятой до семьдесятъ пятой—трагедія. Въ началѣ книги—гравированная на мѣди картинка, безъ подписи, изображающая часть стѣнъ города Каффы, изъ за которыхъ видны вершины башенъ и минаретовъ, увѣнчанныя полумѣсяцемъ; вдали море и корабли. Багдадскій царевичъ Селимъ, верхомъ на бѣломъ конѣ, заглядывается на стоящую на башнѣ Тамиру, окруженную дѣвицами. Тамира любуется Селимомъ. Скачущій всадникъ съ правой стороны и конное войско Селима съ лѣвой дополняютъ картину.

ВАРІАНТЫ.

Собственноручная рукопись Ломоносова, находящаяся въ Библіотекѣ Академіи наукъ. Въ листъ; двадцать восемь страницъ; на внутренней сторонѣ верхней обложки помѣтки—внизу, стариннымъ почеркомъ: «Изъ типографіи 1756 декабря 3»; вверху, новѣйшимъ почеркомъ: «Рукоп. труды Ломоносова. № 3. 28 стр.». Рукопись заключаетъ въ себѣ не всю трагедію, а только нѣкоторыя ея части, а именно: четыре, и притомъ неполныя,

явленія втораго дѣйствія и почти все третье дѣйствіе. Въ рукописи находятся: всѣ явленія третьяго дѣйствія, за исключеніемъ явленія седьмаго, и изъ втораго дѣйствія: все пятое явленіе, четвертое явленіе до ст. 573, шестое явленіе до ст. 647, и изъ втораго явленія ст. 512—519. Въ рукописи, въ третьемъ дѣйствіи, вовсе нѣтъ явленія, соотвѣтствующаго седьмому явленію по печатной редакціи. Оно прибавлено Ломоносовымъ впослѣдствіи, какъ видно изъ того, что въ рукописи оно непосредственно слѣдуетъ за шестымъ и обозначено: «Явленïе 7», такъ что все третье дѣйствіе состоитъ, по рукописному тексту, изъ семи явленій; въ печатной же редакціи, въ третьемъ дѣйствіи—восемь явленій.

Всѣ отличія печатнаго текста отъ рукописнаго указаны нами въ отдѣлѣ варіантовъ; всѣ варіанты заимствованы изъ названной нами собственноручной рукописи Ломоносова, хранящейся въ академической библіотекѣ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Явленïе второе.

Ст. 512. Но я твоею нынь любовïю увѣренъ,

Явленïе четвертое.

Ст. 536–537. Отмстивъ своихъ купцовъ грабежъ, я миръ далъ граду,
Имѣя громъ въ рукахъ ударить не хотѣлъ,
Ст. 539. Которой я свои трофеи предпочелъ.

Надъ: *свои трофеи* рукою Ломоносова: *свою побѣду*

Ст. 546. И кто угодитъ тѣмъ, что бутто рушить ссоры
Ст. 552–554. Тебѣ удовлетворить Селимъ я уповаю,
Когда за дерзость я повинныхъ накажу.
Спокойство утвердивъ я больше не желаю,

Ст. 565. За тое надлежитъ воздать моей любви;
Ст. 567. То друга ты ево себѣ усынови.
Ст. 572—573. Но прежде не могу Нарсимова приходу
Толь важнаго съ тобой союза утвердить.

Явленїе пятое.

Ст. 593. Вооруженнаго Мамая прогнѣвить;
Ст. 609. Кто гонитъ одново, тотъ всякому грозитъ,
Ст. 611. Изъ многихъ областей въ одну соединитъ.
Ст. 623. Ордынскїе цари и областїю гнѣвъ.

Явленїе шестое.

Ст. 638. Лежитъ и поля часть велику покрываетъ;
Ст. 647. Но обще щастье ихъ въ любовь соединитъ.

За этою строкою въ рукописи рукою Ломоносова: «Конецъ второму дѣйствїю».

Въ рукописи, на стр. 25, также рукою Ломоносова: «*Заисанъ.* Кого царь ненавидитъ на воїну посылаетъ чтобы буянствомъ своимъ погибъ».

ДѢЙСТВЇЕ ТРЕТЇЕ.

Явленїе первое.

Ст. 659. И въ горести кажи на мнѣ геройской видъ.

Въ рукописи въ словѣ: *геройской* буква ї переправлена въ *о.*

Ст. 670. Искуство покажу коварствомъ симъ Геройско,
Ст. 674. Вконецъ отчаятся Мамая недостойно,

Явленїе второе.

Ст. 690. Но я славнѣе быть Тамирою желаю,
Ст. 702—703. Какъ даннымъ отъ меня онъ краемъ завладѣетъ,

Лугами тучными..... межъ Дономъ и
Днѣпромъ

Ст. 706. Но *серца* моего съ симъ чувства несогласны!
Ст. 708. Любезный Государь! Селима оставляя
Ст. 710. Что въ *сердцѣ* ненависть искоренилась
злая
Ст. 715. Чемъ ты Димитрїя и гнѣвъ свой побѣдилъ.
Ст. 719. И презираетъ ту спокойна съ высоты.
Ст. 725. Тобой возвышены прославленны тобой!
Ст. 732. Величество свое и неищетны о́рды

Явленїе третїе.

Ст. 736—738. Ужéль возлюбленный Нарсимъ къ намъ
возвратился,
Дражайшїй мой отецъ.
Ты видишь здѣсь ево,
Ст. 741. Тамира. *Испугавшись Мамая.*
О строги небеса!
Ст. 760. О томъ, чрезъ что бы имъ ко щастїю
дойти:
Ст. 764. И будешь строгости моей благодарить.

Явленїе четвертое.

Ст. 772. И младости твое волненье припишу.
Ст. 776. Всякъ ищетъ чтобъ была ево дочь мнѣ жена.
Ст. 790. Когда бы оное щитала ты своимъ.

Ст. 795—798. Непосредственно за этимъ въ рукописи ст. 803—806:

Какая польза въ томъ что рокъ свой проклиная,
Не бракомъ буду бракъ но плѣномъ называть
И на оковы толь несносныя взирая,
Тебѣ послѣдовать, а о иномъ вздыхать!

Этимъ стихомъ и оканчивается въ рукописи четвертое явленіе.

Явленіе пятое.

Обращеніе: *Клеонъ* находится въ рукописи не въ началѣ явленія, а между стихами 810 и 811.

Ст. 814. Кого бы мнѣ она хотѣла предпочесть?

Ст. 815—822 въ рукописи были въ такомъ порядкѣ:

Ты знаешь власть мою и отческую волю:
Старайся обязать великихъ двухъ царей.
Я царску честь тебѣ давать своимъ позволю
И матери равно тебя почту своей;
Когда открытїемъ смущенїе прогонишь
Дабы соперника узнать и отвратить;
Когда Тамиринъ духъ ко мнѣ въ любовь преклонишь,
Какую мзду за то ты можешь получить!

Но Ломоносовъ переставилъ стихи въ рукописи, и такою перестановкою объясняется, что стихъ 822 (послѣдній) оканчивается точкой съ запятой.

Ст. 824. И коль должна царю послушна быть раба,
Ст. 827. Не можетъ воинство съ концевъ всея вселенны
Ст. 831. Чемъ больше ты къ любви Тамиру принуждаешь
Ст. 835. Оковы, муки, гладъ и вѣчная темница

Явленіе шестое.

Ст. 840. Селимъ! О щастливъ недостойно!
Ст. 845. И въ городъ сей вошедъ Мамаю предлагалъ,
Ст. 854–855. Но можетъ возвратясь сказать въ странѣ Евфратской,
Что онъ тогоже могъ чего и я желать.

Ст. 860. Но ахъ что мышлю я! и что я здѣсь коснѣю!
Ст. 862. Любезный Заисанъ спѣши отмстить злодѣю:
Ст. 880—881. Могу ль минуту дать Селиму живу быть.
Сїя рука моя умывшись кровью мерской,
Ст. 888. Доколѣ мнѣ терпѣть?
Ст. 890. Чтобъ мерску кровь его Тамирѣ скоро зрѣть!

Явленїе седьмое.

Въ рукописи явленіе *седьмое* соотвѣтствуетъ явленію *восьмому* въ печатномъ.

Ст. 904. Бѣги отсель бѣги, Тамира и спасайся,
Ст. 909. И плаватели всѣ направились гренуть;
Ст. 911. Уже намъ и Борей способной началъ дуть.
Ст. 915. Ахъ! что продерская, ахъ что начать хочу!
Ст. 926. Несчастная, кому себя ты поручаешь?
Ст. 929. Оставившу отца и честь на семъ брегу!
Ст. 939. И бури хишныя ревутъ передо мной.
Ст. 944. Не тотъ въ немъ блещетъ духъ не та ево порода,
Ст. 950. И какъ ужъ будешь ты въ странахъ толь удаленныхъ,
Ст. 956—958. А вы нещастныя покройтесь мракомъ стѣны,
Дабы родителю на память привести
Что строгостью ево Тамиры вы лишенны.

NB. Ст. 952—955 въ рукописи нѣтъ; но между ст. 951 и слѣдующимъ проведена черта, означающая въ этомъ мѣстѣ вставку.

Трагедія Ломоносова «Тамира и Селимъ» обязана своимъ появленіемъ желанію императрицы Елисаветы Петровны увели-

чить репертуаръ русской сцены, который въ тѣ времена былъ крайне скуденъ. Желаніе это стало особенно сильно съ тѣхъ поръ, какъ начались спектакли, заведенные княземъ Борисомъ Григорьевичемъ Юсуповымъ, о которыхъ сохранился разсказъ Екатерины II, въ ея запискахъ, относимый къ 1749 году:

Pendant le séjour de la cour en dernier lieu à Moscou, le prince Youssoupoff, sénateur et chef du corps des cadets, avait eu le comandement en chef de la ville de St.-Pétersbourg, où il était resté dans l'absence de la cour. Pour son amusement et celui des principales personnes qui s'y trouvaient avec lui, il avait fait jouer par les cadets, alternativement, les meilleures tragédies, tant russes, que composait alors Soumarokoff, que françaises, de Voltaire: celles-ci étaient défigurées. A son retour de Moscou l'Impératrice ordonna que les pièces de Soumarokoff fussent jouées à la cour par cette troupe de jeunes gens. L'Impératrice prit plaisir à voir ces représentations, et bientôt on crut remarquer qu'elle les voyait jouer avec un plus grand intérêt qu'on ne s'y serait attendu. Le théâtre, qui était dressé dans une salle du palais, fut transporté dans l'intérieur de son appartement; elle prit plaisir à parer les acteurs; elle leurs fit faire des habits superbes, et ils étaient tous couvert de pierreries de Sa Majesté Impériale. On remarqua surtout que le premier amoureux, qui était un assez beau garçon de dix-huit à dix-neuf ans, comme de raison, était le plus paré; aussi on lui vit hors du théâtre des boucles de diamants, des bagues, des montres, des dentelles et du linge fort recherché. Enfin il sortit du corps des cadets, et le grand-veneur comte Razoumowsky, ancien favori de l'Impératrice, tout de suite le prit pour son adjudant, ce qui donna à l'autre le rang de capitaine. Alors les courtisans firent des conclusions à leur manière et se figurèrent que puisque le comte Razoumowsky avait prit le cadet Békétoff pour son adjudant, ceci ne pouvait avoir d'autre cause que celle de balancer la faveur de M. Schouvaloff, le gentilhomme de la chambre, qu'on savait n'être ni bien, ni bien lié avec la famille Razoumowsky; et de là enfin fut tirée

la conjecture comme quoi ce jeune homme commençait à jouir d'une très grande faveur chez l'Impératrice.

При дворѣ часто давались французскія комедіи и итальянскія интермедіи; но число русскихъ пьесъ было весьма ограничено. Въ 1750 году давали нѣсколько разъ трагедію Сумарокова: «Хоревъ», его же трагедію: «Синавъ и Труворъ» и нѣсколько пробныхъ представленій «русской тражедіи», названіе которой не сохранилось въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ. 26 сентября была первая проба, 28 сентября — генеральная проба «тражедіи русской», а 29 сентября того же 1750 года въ журналѣ Академической канцеляріи записано: «Сего числа академіи наукъ господинъ президентъ объявилъ именной Ея Императорскаго Величества изустный указъ, коимъ ему, господину президенту, повелѣно: профессорамъ Тредіаковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи и о томъ имъ объявить въ канцеляріи, и какія къ тому потребны имъ будутъ книги, изъ библіотеки оныя выдать съ роспискою, и по окончаніи того возвратить въ библіотеку попрежнему».

29 сентября Ломоносовъ получилъ приказаніе сочинить трагедію, и немедленно принялся за перо; на рукописномъ экземплярѣ трагедіи написано рукою Ломоносова: «Начатъ 29 сент. послѣ обѣда». Въ октябрѣ Ломоносовъ представилъ корректурные листы, стр. 1 — 16; президентъ написалъ на заглавномъ листѣ: «Печатать. Президентъ графъ К. Разумовскій», и въ академической канцеляріи состоялось, 1 ноября 1750 года, слѣдующее опредѣленіе: «Оной трагедіи немедленно напечатать шесть сотъ экземпляровъ на заморской коментарной бумагѣ, да двадцать пять на заморской же александрійской средней руки бумагѣ».

Велѣно было также «виніетъ вырѣзать на мѣди по препорціи оной трагедіи»; виньетка была одобрена: approb. Acad. artium. d. 14. 9bre 1750. I. Sthln (Штелинъ).

Трагедія была написана по высочайшему повелѣнію, а потому ее надобно было поднести императрицѣ и «знатнымъ персонамъ». На переплетъ экземпляровъ, назначаемыхъ для этой цѣли, потребовалось: «полторы четверти аршина золотаго гласу, полторы

съ четвертью аршина серебрянаго гласу, аршинъ съ четвертью зеленой тафты, аршинъ съ четвертью красной тафты, три четверти аршина бѣлаго гродитуру» и т. д.

(Архивъ Академической канцеляріи. Рукопись № 145. л. 484—510.)

Но трагедія Ломоносова была поднесена Государынѣ не ранѣе весны или лѣта 1751 года, какъ видно изъ слѣдующаго письма Ломоносова Шувалову:

«Поздравляю васъ съ пріѣздомъ въ прекрасное Сарское Село, въ которое я отсюда какъ въ рай мыслію и взираю, и завидую Тамирѣ, что она щастливѣе своего сочинителя, за тѣмъ, что предстанетъ безъ него предъ очи великія Монархини, въ томъ пріятнѣйшемъ мѣстѣ, которое отъ него усердными похвалами возвышено*). Я чаю, что когда Тамира въ концѣ третьяго дѣйствія отъ отца своего бѣжать намѣрится; то Заисаномъ будетъ поимана не въ самомъ бѣгствѣ, но когда засмотрится на красоту великолѣпнаго зданія и въ изумленіи остановится, забывъ о Селимѣ; и Мамай отъ Нарсима тогда будетъ проколотъ, когда онъ въ полѣ на позлащенные верхи оглянется. О томъ я думаю такъ, а въ протчемъ, что бы она безъ меня также поступила, какъ недавно у меня въ домѣ, того равно такъ сильно желаю, какъ съ искреннимъ почитаніемъ пребываю» и т. д.

Ст. 1—3. Насталъ ужасной день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропустивъ сквозь паръ густой лучи;
Даетъ печальной знакъ къ военной непогодѣ

Ср. Жуковскаго: «Орлеанская Дѣва». Дѣйствіе IV. Явленіе 1:

Молчитъ гроза военной непогоды;
Спокойствіе на полѣ боевомъ.

Ст. 21—24 и ст. 392—397. Тамира говоритъ о Селимѣ:

Какъ въ перемирны дни скакалъ передъ стѣнами,
Искусствомъ всѣхъ другихъ и взоромъ превышалъ,

*) Ср. Ода LIV. ст. 111—130. стр. 216—217.

И стрѣлы пущенны ужѐ подъ облаками
Направленными въ слѣдъ стрѣлами рассѣкалъ.

Селимъ такъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное на него Тамирою:

Я въ перемирны дни на градъ сей утѣсненный,
Приблизившись ко рву едва успѣлъ взглянуть,
Прекрасны очи грудь пронзили изъ бойницы.
Смущенъ и изумленъ спросилъ, какъ ѣхалъ прочь:
Мнѣ плѣнникъ объявилъ, что смотрятъ тутъ дѣвицы,
И что Муметова въ срединѣ оныхъ дочь.

Стихи эти дали содержаніе виньеткѣ, которая приложена къ трагедіи: «Тамира и Селимъ».

Ст. 49—59. Тамира, «оставшись одна, старается себя увѣрить, что противникъ ихъ не Селимъ, а отецъ его, и невольно увлекается въ другую сторону, все думая о Селимѣ. Это мѣсто истинно поэтическое:

Что онъ противу насъ вооружился въ полѣ,
Сыновняя любовь и должности велятъ.
И какъ родительской не согласиться волѣ?
Отецъ его, отецъ, не онъ намъ сопостатъ. и т. д.

(Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка. К. Аксакова. 1846. стр. 502—503.)

Ст. 340—417. Въ стихахъ этихъ, составляющихъ первое явленіе втораго дѣйствія, указывается — говоритъ Аксаковъ — «на другую внѣ настоящаго дѣйствія лежащую жизнь Селима; это прекрасное мѣсто; это совершенно поэтическое явленіе, когда бросается свѣтъ на другую жизнь человѣка, на другіе его дни, и невольно поднимается рядъ возможныхъ картинъ и возможныхъ явленій жизни. Прекрасно, когда какое нибудь слово, какой нибудь намекъ, напоминаетъ, указываетъ на это. Такой отчасти намекъ встрѣчается еще, когда упоминается о Димитріѣ Донскомъ, о Куликовской битвѣ, о Русскихъ вообще» и т. д. (стр. 505.)

Ст. 371—381. Бывалаль красота очамъ моимъ прелестна?
Бывалъ ли нарушенъ любовью мой покой? . . . .
Напасти презирать, безъ страху ждать кончины,
Имѣть недвижимъ духъ и бѣгать отъ любви;
Я больше какъ рабовъ имѣлъ себя во власти,
Мой нравъ былъ завсегда уму порабощенъ,
Преодолѣнны я имѣлъ подъ игомъ страсти,
И мраку ихъ не зналъ наукой просвѣщенъ. . . . . .

Стихамъ этимъ придаютъ автобіографическое значеніе. В. И. Ламанскій говоритъ: «Только благодаря горячей любви къ наукѣ и вѣрѣ въ свое призваніе, 20—25-ти лѣтній Ломоносовъ могъ устоять противъ разнообразныхъ представлявшихся ему искушеній. Въ замѣчательной своей трагедіи: «Тамира и Селимъ» (именно въ приведенныхъ стихахъ), Ломоносовъ, кажется, сохранилъ намъ идеальное изображеніе своей жизни въ Москвѣ».

(Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Біографическій очеркъ. Сочиненіе Владиміра Ламанскаго. 1864. стр. 63.)

Ст. 404—405. Чтобъ око нѣжное на кровь гражданъ взирало,
Которое меня въ *пріятной* взяло *плѣнъ,*

Ср. «Борисъ Годуновъ» Пушкина (разговоръ на балѣ у воеводы Мнишка):

К.: Готовы мы, но видно, панна Мнишекъ
Съ Димитріемъ задержитъ насъ въ плѣну.

Д.: *Пріятный плѣнъ.* . .

Ст. 1004—1021. Несытая алчба имѣнія и власти,
Къ какой ты крайности родъ смертныхъ привела?

Которой ты въ сердцахъ не возбудила
страсти?
И коего на насъ не устремила зла?
Съ тобою возрасли и зависть и коварство;
Твое исчадїе кровавая война!
Которое отъ ней не стонетъ государство?
Которая отъ ней не потряслась страна?
Гдѣ были созданы всходящи къ небу храмы,
И стѣны трудъ вѣковъ, и многихъ тысячь
потъ,
Тамъ видны лишь однѣ развалины и я́мы,
При коихъ тучную имѣетъ пасству скотъ.
О коль мучительна родителямъ разлука,
Когда даютъ дѣтей, чтобы пролить ихъ кровь!
О коль разительна и нестерпима мука,
Когда военный шумъ смущаетъ двухъ любовь!
Лишь только зазвучитъ ужасна брань трубою,
Мятутся городы и се́ла и лѣса̀,

Въ этихъ стихахъ, по мнѣнію В. И. Ламанскаго, съ большимъ талантомъ выражена мысль, къ которой часто обращался Ломоносовъ. Сверхъ того въ нихъ есть черты, взятыя изъ русской жизни. «Знакомая, родная картина рекрутскихъ наборовъ носилась въ этотъ разъ предъ глазами Ломоносова; въ поэзіи (его) есть довольно чисто русскихъ мотивовъ, запрятанныхъ только подъ тяжелыми академическими формами».

(Мих. Вас. Ломоносовъ, В. Ламанскаго. 1864. стр. 45.)

Ст. 1212— Владѣетъ нашихъ дней Всевышнїй самъ
1219. предѣломъ;
Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власть.
Коль блиско ходитъ рокъ при робномъ и
при смѣломъ;
То лутче мнѣ избрать себѣ похвальну часть?
Какая польза тѣмъ, что въ старости глубокой

И въ тмѣ бесславія кончаютъ долгой вѣкъ!
Добротами всходить на верьхъ хвалы высокой
И славно умереть родился человѣкъ.

Эти стихи заслуживаютъ вниманія особенно потому, что въ нихъ выражается любимая мысль, задушевное убѣжденіе автора.

Ст. 1490 — 1498. Батюшковъ сближаетъ эти стихи съ изображеніемъ поля битвы въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» Тасса (пѣснь XX; строфы: L, LI и LII:)

Così si combatteva; e 'n dubbia lance
Col timor le speranze eran sospese.
Pien tutto il campo è di spezzate lance,
Di rotti scudi et di troncato arnese:
Di spade ai petti, a le squarciate pance
Altre confitte, altre per terre stese:
Di corpi altri supini, altri co' volti,
Quasi mordendo il suolo, al suol rivolti.

Giace il cavallo al suo signore appresso:
Giace il compagno appo il compagno estinto:
Giace il nemico appo il nemico; e spesso
Sul morto il vivo, il vincitor sul vinto.
Non v'è silenzio, e non v'è grido espresso:
Ma odi un non so che roco e indistinto:
Fremiti di furor, mormori d'ira:
Gemiti di chi langue e di chi spira.

L'arme, che già sì liete in vista foro,
Faceano or mostra spaventosa e mesta.
Perduti ha i lampi il ferro, e i raggi l'oro,
Nulla vaghezza ai bei color' più resta.
Quanto apparia d'adorno e di decoro
Ne cimieri e ne' fregi, or si calpesta.
La polve ingombra ciò ch'al sangue avanza:
Tanto i campi mutata avean sembianza.

«Такъ ратовало воинство съ равнымъ страхомъ и надеждою. Все поле завалено преломленными копьями, разбитыми щитами и доспѣхами. Мечи вонзилися въ грудь, въ прободенные панцыри; иные по землѣ разметаны. Здѣсь трупы, ницъ поверженные въ прахѣ, тамъ трупы, лицомъ обращенные къ солнцу.

«Лежитъ конь близъ всадника, лежитъ товарищъ близъ бездыханнаго товарища, лежитъ врагъ близъ врага своего, и часто мертвый на живомъ, побѣдитель на побѣжденномъ. Нѣтъ молчанія, нѣтъ криковъ явственныхъ, но слышится нѣчто мрачное, глухое — клики отчаянія, гласы гнѣва, воздыханія страждущихъ, вопли умирающихъ.

«Оружіе, дотолѣ пріятное взорамъ, являетъ зрѣлище ужасное и плачевное. Утратила блескъ и лучи свои гладкая сталь. Утратили красоту свою разноцвѣтные доспѣхи. Богатые шлемы, прекрасныя латы въ прахѣ ногами попраны. Все покрыто пылью и кровью: столь ужасно премѣнилось воинство!

«Сія картина поля сраженія напоминаетъ намъ прекрасные стихи Ломоносова:

Различнымъ образомъ поверженны тѣла̀.
Иной съ размаху мечь занесъ на супостата;
Но прежде прободенъ, удара не скончалъ,
Иной забывъ врага, прельщался блескомъ злата;
Но мертвый на корысть желанную упалъ.
Иной отъ сильнаго удара убѣгая,
Стремглавъ на низъ слетѣлъ и *стоитъ* подъ конемъ.
Иной пронзенъ *угасъ*, противника пронзая,
Иной врага повергъ, и *умеръ* самъ на немъ.

Замѣтимъ мимоходомъ для стихотворцевъ, какую силу получаютъ самыя обыкновенныя слова, когда они поставлены на своемъ мѣстѣ».

(Сочиненія К. Н. Батюшкова. 1885. Т. II. стр. 154—156.)

Трагедія *Тамира и Селимъ* отпечатана въ ноябрѣ 1750 года, а въ началѣ января 1751 года она появилась на сценѣ. Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, 9 января 1751 года, записано: «При Дворѣ, на маломъ театрѣ, представлена была кадетами русская новая тражедія, сочиненная профессоромъ Ломоносовымъ: *Тамира и Селимъ*».

Первое изданіе трагедіи Ломоносова разошлось очень скоро. 17 января 1751 года представлено было въ Академическую канцелярію, что изъ шестисотъ тридцати одного экземпляра трагедіи Ломоносова «за отпускомъ въ Москву и за продажею понынѣ въ наличности ничего не остается». На этомъ основаніи Академическая канцелярія опредѣлила: «Объявленной трагедіи напечатать на такой же бумагѣ, на какой прежде печаталось, шестьсотъ экземпляровъ»; но прежде послать профессору Ломоносову «ордеръ въ такой силѣ, нѣтъ ли чего въ ней убавить или что прибавить и перемѣнить, а буде что перемѣнить надобно, то въ такомъ случаѣ включить въ заглавномъ листѣ, что оная печатана вторымъ изданіемъ».

(Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 149. л. 229—232 об.)

По свидѣтельству самого Ломоносова, Елагинъ (Иванъ Перфильевичъ) написалъ пародію на трагедію: «Тамира и Селимъ». Въ письмѣ къ И. И. Шувалову, 16 октября 1753 года, Ломоносовъ говоритъ: «Увѣряю, что я съ Перфильевичемъ переписываться никогда намѣренъ не былъ; и нынѣ, равно какъ прежде сего Пародію его на Тамиру, всѣ противъ меня намѣренія и движенія пропустилъ бы я беспристрастнымъ молчаніемъ безъ огорченія» и т. д.

(Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову. Я. К. Грота. 1862. стр. 24.)

Въ рукописяхъ Московскаго Главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ сохранилась юмористическая афиша слѣдующаго содержанія:

„ОТЪ РОССІЙСКАГО ТЕАТРА.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

758: года февр: 29 дня будетъ представленіе трагедіи Тамиры. Начало представленія будетъ въ тринатцать часовъ по полуночи. Актриса, изображающая Тамиру, будетъ убрана драгоцѣннымъ бисеромъ и мусіею. Въ сей бисеръ и въ сію мусію чрезъ химію превращены Пиндаровы лирическія стихи собственными руками сего великаго стихотворца.

Малая комéдія:
Racine malgré lui.
Потóмъ баллетъ:
Бунтованіе гигантовъ.
Украшеніе баллета.

1: Трясеніе краевъ и смятеніе дорогъ небесныхъ,
2: На стóронахъ театра Осса и на ней Пиндъ.
Кавказъ и на немъ Етна, которая давитъ только одинъ верьхъ ево.
Въ срединѣ подъ трясеніемъ дорогъ небесныхъ Гигантъ, который хочетъ солнце снять ногою, будетъ танцовать соло; потомъ все представленіе окончаютъ обще танцовальщики и пѣвцы, пѣвцы поя слѣдующее:

Сéреди прекрасныхъ розъ
Пестра бабочка летаетъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Въ трехъ перьвыхъ тонахъ ошибся или капельмейстеръ или стихотворецъ, однако въ оной пѣсни для красоты мыслей ето отпустительно».

(Портфели Миллера. № 414.)

Въ любопытномъ Извѣстіи о русскихъ писателяхъ, появившемся въ 1768 году въ журналѣ: Neue Bibliothek der schönen

Wissenschaften und der freien Künste, встрѣчаемъ слѣдующій отзывъ о драматическихъ произведеніяхъ Ломоносова: Weniger Beyfall haben seine beyden Tragödien erhalten, davon die erste *Tamira und Selim* und die andere *Demophont* heiszt. Vielleicht finden auch Kenner hier noch viele Spuren eines schönen Geistes, aber den Tragikus selten; welches er zu seiner Ehre selbst bey Gelegenheit zugestanden hat.

(Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 147.)

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія предпринято было изданіе русскихъ драматическихъ сочиненій, которыя «остротою мыслей, пріятностью и важностію слога, а наипаче насѣяннымъ въ оныхъ правоученіемъ способствуетъ къ искорененію предразсужденій и пороковъ» и т. д. Изданіе началось трагедіею «Тамира и Селимъ»: она помѣщена первою въ первомъ томѣ «Россійскаго Ѳеатра».

(Россійскій Ѳеатръ. 1786. Часть I.)

По мнѣнію К. С. Аксакова, въ трагедіи Ломоносова *Тамира и Селимъ* «есть истинныя поэтическія мѣста не только относительно языка; въ ней въ самыхъ характерахъ лицъ, въ положеніяхъ, есть много изящнаго». Приведя болѣе шестой части общаго числа стиховъ (247 изъ 1595), Аксаковъ заключаетъ: «Мы выписали всѣ или почти всѣ поэтическія мѣста. Изъ нашихъ выписокъ видно, какъ прекрасны, какъ совершенны часто стихи Ломоносова, и какъ далеко выше эта трагедія трагедіи Озерова».

(Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и русскаго языка. 1846. стр. 501—516.)

LVI.

ТЕКСТЪ.

Ар. — Архивъ Академической Канцеляріи. № 139. л. 30.

Стихи эти написаны по поводу иллюминаціи 25 апрѣля. Проектъ иллюминаціи составленъ академикомъ Штелиномъ, которому принадлежитъ и нѣмецкій подлинникъ Надписи. Въ современныхъ подлиннику рукописяхъ сохранилось описаніе иллюминаціи въ русскомъ переводѣ. Оно оканчивается стихами, также переведенными съ нѣмецкаго языка на русскій; но они отличаются отъ тѣхъ, которые писаны рукою Ломоносова.

«Описанїе иллуминацїи на торжественный праздникъ коронацїи Ея Императорскаго Величества Елисаветы Первыя и проч. и проч. и проч. Апрѣля 25 дня 1750 года, въ Санктпетербургѣ.

Въ рассужденїи какъ всемилостивѣйшаго, такъ спокойнаго и благополучнаго владѣнїя Ея Императорскаго Величества нашей щедротнѣйшей Государыни, которая нынѣ чрезъ восемь лѣтъ Императорскую и притомъ три Царскїя короны, а именно: Казанскую, Астраханскую и Сибирскую съ умножающеюся на всякой годъ славою носитъ, въ воспоминовенїе сего радостнаго праздника высочайшей коронацїи Ея Императорскаго Величества на обыкновенномъ театрѣ представлена слѣдующая иллуминацїя.

Въ благодаренїе и честь Ея Императорскому Величеству представленъ былъ публичной амфитеатръ, гдѣ въ срединѣ на марморномъ и золотомъ украшенномъ зданїи Чести поставлены были пальмовыя вѣтьви, которыя Императорскою короною украшенное вензловое имя Ея Императорскаго Величества окружали и подъ нимъ еще три царскїя короны тѣнїю покрывали. Объявленное зданїе Чести имѣло восемь проходовъ, изъ которыхъ каждой отверзался тройными трїумфальными воротами.

Изъясненїе сего представленїя въ слѣдующихъ стихахъ содержится:

Когда четыреми украшенна вѣнцами
Сїяетъ царствуя, какъ день, Елисаветъ,
По правдѣ пятымъ Ту вѣнчалъ лавровымъ свѣтъ.
И имя славное пальмовыми листами
Побѣда, щастїе и Росская страна
Усердствуетъ обвить, что Ею спасенà.
И каждый годъ свое довольство объявляетъ,
Что Ей торжественны врата изображаетъ".

Соотвѣтствующїе стихи въ нѣмецкомъ подлинникѣ:

Seitdem Elisabeth vier Reiches-Kronen trägt
Hat Ihr die Welt mit recht den Lorber beygelegt
Wo mit Ihr Sieg und Glück des Namens Ruhm umzogen,
Die Sanftmuth Ihrer Huld und Ihr beglücktes Reich
Umwindt Ihr Ehren-Mahl mit Palmen-Reisz zugleich
Und jedes Jahr von Ihr zeigt seinen Ehrenbogen.

Вслѣдъ за этимъ стихи рукою Ломоносова: «Четыре родъ вѣнца Елисаветъ далъ» и т. д.

(Рукопись Академическаго Архива № 139 л. 30—31 об.)

Ст. 1—2. Четыре родъ вѣнца Елисаветъ далъ
И пятымъ Тую свѣтъ лавровымъ увѣнчалъ,

Ср. Ода на 25 ноября 1752 года:

Ст. 211—212. Что должно Оной по наслѣдству
Геройствомъ возмогла дойти.

Въ тогдашнихъ Вѣдомостяхъ помѣщено описаніе илюминаціи, начиная отъ словъ: «Въ благодареніе и въ честь Ея Императорскому Величеству представленъ былъ публичной амфитеатръ» и т. д. Описаніе оканчивается тѣми же стихами:

Когда четырими украшенна вѣнцами, и т. д.
(Санктпетербургскія Вѣдомости 1750. № 34. стр. 268—269.)

LVII.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 16. стр. 189.

ВАРІАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Похвальныя Надписи. Надпись 17». Заглавіе то же, что и въ *С. I.* Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 16. стр. 164. Заглавіе то же, что и въ *С. I.*

Ар.— Архивъ Академической Канцеляріи; рукопись № 145. л. 212. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

В.— Санктпетербургскія Вѣдомости. 1750. № 96. стр. 765.

Ст. 5—6. Изъ Лабиринта бѣдъ изведены Тобою,
Вошли въ прекрасные спокойствія сады,
(Ар., В.)

Ст. 8. Вкушаемъ радости сладчайшіе плоды. (Ар., В.)

Академикомъ Штелиномъ составлено «Описаніе иллуминаціи на всерадостнѣйшій день благополучнаго на императорскій престолъ восшествія Ея Императорскаго Величества, ноября 25 дня 1750 года»; описаніе заключается стихами:

Du, die du täglich noch durch Weisheit, Huld und Macht
Auf deiner Länder Wohl und Anseln bist beflieszen,
Hast ehemals dein Reich in der beglückten Nacht
Aus düsterm Labyrinth auf Gottes Winck geriszen.
Was Wunder, dasz die Treu, die sich daran ergötzt
Dir alle Jahr dafür noch Ehren Säulen setzt
Und zu dem Himmel fleht: Er wolle deinem Leben
Den längsten Auffenthalt in Ruszlands Lustfeld geben.

Описаніе, составленное Штелиномъ, вошло въ статью о празднествѣ 25 ноября, помѣщенную въ тогдашнихъ Вѣдомостяхъ:

«Въ прошлую субботу, то есть 24 числа̀ сего мѣсяца высокій день Тезоименитства Ея Императорскаго Высочества Государыни Великія Княгини празднованъ съ обыкновенными церемоніями. На другой день поутру въ 12 часу, то есть въ высочайшій день возшествія на Всероссійскій престолъ Ея Императорскаго Величества, нашей всемилостивѣйшей Государыни, въ галеріи было многочисленное собраніе въ богатомъ убранствѣ. Послѣ того Ея Императорское Величество въ провожаніи придворнаго Своего штата изволила шествовать въ придворную церьковь для слушанія божественной службы, по окончаніи которой слѣдовать назадъ въ парадные покои причемъ производилась пушечная пальба съ крѣпости и Адмиралитейства. Ввечеру въ 7 часу былъ паки пріѣздъ ко двору Ея Императорскаго Величества, причемъ вся Лейбкомпанія поставлена была въ галеріи въ парадъ. Ея Императорское Величество, яко Капитанъ той компаніи, имѣя на Себѣ строевое платье, изволила допускать къ рукѣ всѣхъ

господъ Оберъ и Унтеръ-Офицеровъ и рядовыхъ, послѣ чего шествовать въ большую залу и тамъ кушать. Господа Оберъ и Унтеръ-Офицеры кушали съ Ея Императорскимъ Величествомъ за однимъ столомъ, а рядовые по обѣ стороны за другими столами изрядно иллуминованными. Во время стола производилась вокальная и инструментальная музыка, а при питіи за высочайшія здравія происходила пушечная пальба. Ихъ Императорскія Высочества Государь Великій Князь и Государыня Великая Княгиня съ господами иностранными Министрами, также съ Штатсъ-Дамами и съ нѣкоторыми Генералами кушали въ особливой камерѣ подлѣ трону.

При наступленіи ночи всѣ домы въ городѣ изрядно были иллуминованы, а на театрѣ иллуминаціи противъ зимняго Императорскаго дворца зажжена была слѣдующая иллуминація:

Представлено было Око Божія Провидѣнія, лучами своими темной и къ выходу неудобной Лабиринтъ осіявающее, чтобъ вошедшую въ оной Россію по Божію изволенію мужественною храбростію Ея Императорскаго Величества Дщери Государя Императора Петра Великаго, въ пріятную съ свободными увеселительными выходами и съ изрядными цвѣтниками страну вывесть. Въ воспоминовеніе сего великаго случая по обѣ стороны Лабиринта по срединѣ увеселительнаго поля поставлены были два торжественные столба, на которыхъ повѣшенъ былъ гербовной щитъ свободившіяся изъ Лабиринта Россійскія имперіи съ слѣдующимъ къ Ея Императорскому Величеству склоняющимся въ стихахъ знаменованіемъ.

Во время Твоея, Монархиня, державы,“ и т. д.
(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1750. № 96. стр. 764—765.)

Вошедшее въ статью описаніе Штелина начинается со словъ: «Представлено око Божія Провидѣнія» и т. д. до заключительныхъ стиховъ.

Въ рукописи рукою Ломоносова:

Во время Твоея, Монархиня, державы
Сугубой щастливы мы лѣта красотой;
Одну даетъ намъ Богъ округъ вѣковъ создавый,
Другую дарствуетъ приходъ, Богиня, Твой.
Изъ Лабиринта бѣдъ изведены Тобою,
Вошли въ прекрасныя спокойствїя сады,
И ставя нынь столпы съ Твоею похвалою,
Вкушаемъ радости сладчайшїе плоды.
Nostra damus.

(Рукопись № 145. л. 209—212.)

---

*

LVIII.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 17. стр. 190.

ВАРІАНТЫ.

Р.—Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. Похвальныя надписи. Надпись 18. Заглавіе то же, что въ *С. I*, только вмѣсто: «надъ олтаремъ»—«на олтарь». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

Ар.—Архивъ Академической канцеляріи; рукопись № 146. л. 228. Писано собственноручно Ломоносовымъ; заглавіе: «Къ 18 числу».

В. — Санктпетербургскія Вѣдомости. 1750. № 102. стр. 903 — 904.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 17. стр. 165. Заглавіе то же, что въ *С. I*.

Ст. 1. Щастливая звѣзда на горизонтѣ блистала, (Ар.)
Щастливая звѣзда на Горизонтѣ сіяла (Р.)
Щастливая звѣзда на оризонтѣ блистала, (В.)

Ст. 2. Когда Елисаветъ Россіи возсіяла. (Р.)
Ст. 3. Монархиня, Твой къ намъ сверкнулъ
пресвѣтлый лучь, (Р.)
Монархиня, Твой къ намъ сверкнувъ
пресвѣтлый лучь (Ар., В.)
Ст. 5—7. Единымъ сердцемъ всѣ къ тебѣ равно пылаемъ,
И тое на олтарь усердія взлагаемъ.
Изъ храмовъ ревности усердія гласятъ; (Ар., В.)

Описаніе иллюминаціи 18 декабря, составленное Штелиномъ, заключается такимъ поясненіемъ въ стихахъ (poetische Erklärung):

Dein Strahl, beglückter Stern, der du dein Licht verliehen
Als Ruszlands Schutz und Lust, Elisabeth, erschien,
Dein Strahl entflamt das Hertz der Ihr getreuen Lande,
Deckt Wunsch und Eiffer auf, halt Tempel in dem Stande
Und zündt auf dem Altar das Opffer für sie an.
Mit dessen Glut der Wunsch zum Himmel steigen kan:
O lasz, Elisabeth, die uns zum Glück gegeben,
Disz Fest in höchstem Wol noch hundertmal erleben.

«Сего мѣсяца 18 числа̀ въ день высочайшаго рожденія Ея Императорскаго Величества, при наступленіи ночи весь городъ изрядно былъ иллуминованъ, а на обыкновенномъ иллуминацій театрѣ противъ зимняго Ея Императорскаго Величества дворца зажжена была слѣдующая иллуминація:

Представленъ былъ постановленной отъ всеподданнѣйшей и вѣрной Россійской имперіи жертвенникъ, надъ которымъ являлась паки возшедшая звѣзда рожденія Ея Императорскаго Величества въ великолѣпнѣйшемъ сіяніи, и лучами своими возжигала принесенное на жертву сердце съ радостію и ревностію вѣрно соединенныхъ подданныхъ. Какъ въ срединѣ, такъ и по обѣ сто-

роны въ простирающихся перспективнымъ порядкомъ рощахъ поставлены были разные отверстые храмы, чрезъ что знаменовалось, что какъ въ отдаленнѣйшихъ провинціяхъ сея имперіи, такъ и въ близости чувствуютъ радость о нынѣшнемъ высокомъ праздникѣ, и вѣрнѣйшія желанія о высочайшемъ благополучіи и долгоденствіи Ея Императорскаго Величества во всѣхъ храмахъ приносятся.

Знаменованіе сего представленія въ слѣдующихъ стихахъ содержится:

Щастливая звѣзда на оризонтъ блистала“ и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1750. № 102. стр. 902—904.)

LIX.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 18. стр. 191.

ВАРІАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Похвальныя надписи. Надпись 19, На Иллуминацію изображенную въ новый 1751 годъ представленную передъ зимнимъ Домомъ, гдѣ изображенъ былъ земной глобусъ, на которомъ стояло вензловое имя Ея Величества и число новаго года, по сторонамъ отверстые храмы и съ возженнымъ пламенемъ олтари». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

Ар.—Архивъ Академической канцеляріи; рукопись № 146. л. 228. Писано собственноручно Ломоносовымъ; заглавіе: «Къ новому году».

В.— Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 2. стр. 14.

C. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 18. стр. 165. Заглавіе то же, что и въ *C. I.*

Ст. 2. Желанїя къ Тебѣ, Монархиня, стремятся, (Ар., В.)
Ст. 8. И слухъ Твой и другу полсвѣта усладитъ. (Ар., В.)

Описаніе иллюминаціи и стихи принадлежатъ Штелину:

Die Tempel stehen noch. Es rauchen die Altäre
Die unsre Glut entflammt. Der Wunsch erneuert sich
Mit der verneuten Zeit, und zielt allein auf dich,
Huldreichste Kayserin, auf dein Wol, deine Ehre.
Die Treue wünscht und rufft: Es sey das neue Jahr
Voll Ruhm und Glück für dich, wie das vergangne war:
Musz der Seegens-Strahl wird er nur dich beglücken
Auch jenen Erdkreis-Theil, der dir gehört, erquicken.

(Рукопись Академическаго Архива. № 146. л. 226—228.)

Краткое описаніе иллюминаціи и стихи Ломоносова помѣщены въ извѣстіи о праздновании дня новаго года:

«Сего Генваря 1 числа̀ при дворѣ Ея Императорскаго Величества были дамы въ робахъ, кавалеры въ богатомъ платьѣ, а ливрейные двора Ея Императорскаго Величества служители, яко то Камерпажи, Пажи и Камерлакеи, лакеи, гайдуки и скороходы, всего до двухъ сотъ человѣкъ, въ богатой штатсъ ливреѣ.

При наступленїи ночи весь городъ былъ иллуминованъ, а на обыкновенномъ театрѣ иллуминацїи зажжена была слѣдующая иллуминацїя.

На срединѣ поставленъ былъ на твердомъ педесталѣ земной шаръ въ такомъ положенїи, что сѣверо-восточная часть онаго видна, а вверьху надъ тѣмъ, вензловое имя Ея Император-

скаго Величества подъ короною, яко высочайшее онаго украшенїе являлось. Надъ тѣмъ вверьху видно было число новаго года, украшенное лавровыми и пальмовыми вѣтвями, подъ которыми испускались солнечные лучи, яко знаки плодоносїя и побѣды. Въ простирающихся какъ по обѣ стороны, такъ и къ срединѣ перспективныхъ линїяхъ поставлены были между храмами горящїе жертвенники, что слѣдующими стихами истолковано:

Отверсты храмы всѣ и олтари дымятся" и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 2. стр. 13—14.)

LX.

ТЕКСТЪ.

С. I.—Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. Книга первая. Оды духовныя. Ода I. Преложеніе псалма I. стр. 5—6. Строфы обозначены цыфрами.

ВАРІАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 года. «*Оды духовныя. Ода I. Преложеніе* псалма I». Напечатанное курсивомъ писано рукою Ломоносова. Заглавіе это дано Ломоносовымъ вмѣсто зачеркнутаго имъ: «Разныя лирическія поемы. Парафразисъ псалма I». Псаломъ писанъ чужою рукою.

С. II.—Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. стр. 5 — 6. Заглавіе тоже, что и въ *С. I.* Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 4. Въ судѣ единомъ засѣдать. (Р.)
Въ согласныхъ мысляхъ засѣдать. (С. II).
Ст. 5. Но волю токмо подвергаетъ (С. II.)

Ст. 7. И сердцемъ оный наблюдаетъ (С. П.)
Ст. 14. Въ беззлобственныхъ своихъ дѣлахъ. (Р.)
Ст. 16. Какъ вихремъ возмущенный прахъ. (Р.)

Ст. 21—22. Господь на праведныхъ взираетъ,
И ихъ въ пути своемъ хранитъ:

Въ текстѣ (Псал. I, ст. 6) только: «Вѣсть Господь путь праведныхъ»; но у Симеона Полоцкаго:

Вѣсть бо Господь путь правыхъ, тыя защищаетъ.

Псаломъ I.

Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде.

Но въ законѣ Господни воля его, и въ законѣ его поучится день и нощь.

И будетъ яко древо, насажденое при исходищихъ водъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не отпадетъ, и вся, елика аще творитъ, успѣетъ.

Не тако нечестивіи, не тако, но яко прахъ, егоже возметаетъ вѣтръ отъ лица земли.

Сего ради не воскреснутъ нечестивіи на судъ, ниже грѣшницы въ совѣтъ праведныхъ.

Яко вѣсть Господь путь праведныхъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ.

Псалтиръ, риѳмы преложенная, Симеона Полоцкаго.

Блаженъ мужъ, иже во злыхъ совѣтъ не вхождаше,
Ниже на пути грѣшныхъ человѣкъ стояше:
Ниже на сѣдалищѣхъ восхотѣ сѣдѣти
Тѣхъ, иже не желаютъ блага разумѣти.

Но въ законѣ господни волю полагаетъ,
Тому днемъ и нощію себе поучаетъ.
Будетъ бо яко древо при водахъ сажденно,
Еже дастъ во время си плодъ свой неизмѣнно.
Листъ его не отпадетъ, и все еже дѣетъ,
По желанію сердца онаго успѣетъ.
Не тако нечестивый, ибо исчезаетъ
Яко прахъ, егоже вѣтръ съ земли развѣваетъ.
Тѣмже нечестивіи не имутъ востати
На судъ, ниже грѣшницы въ совѣтъ правыхъ стати.
Вѣсть бо Господь путь правыхъ, тыя защищаетъ,
Путь паки нечестивыхъ въ конецъ погубляетъ.

LXI.

ТЕКСТЪ.

С. I. — Собранiе сочиненiй Ломоносова, 1751 г. Книга первая. Оды духовныя. Ода 3. Преложенїе псалма 26. стр. 9 — 12. Строфы обозначены цыфрами.

ВАРIАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось Собранiе сочиненiй Ломоносова, 1751 г. «Оды духовныя. Ода 3 (зачеркнуто: 7). Преложенїе Псалма 26». И заглавiе и вся ода писаны рукою Ломоносова. Строфы, за исключенiемъ первой, не обозначены цыфрами, а отдѣлены одна отъ другой звѣздочкой. Строфа 14 соотвѣтствуетъ строфѣ 13 печатнаго текста и наоборотъ.

С. II. — Собранiе сочиненiй Ломоносова, 1757 г. Книга первая. Оды духовныя. стр. 8 — 10. Заглавiе то же, что въ *С. I.* Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 2. Кого я устрашуся? (Р.)

Ст. 5—6. Во злобѣ плоть мою пожрать,

Противны устремились; (С. П.)
Ст. 7. Но злой совѣтъ хотя начать, (Р.; С. П.)
Ст. 9—11. Хоть полкъ противъ меня востань;
Но я не устрашаюсь.
Хотя враги воздвигнутъ брань; (Р.)
Ст. 14—15. Чтобъ въ храмъ его въ его вселиться.
И больше въ свѣтѣ не ищу; (Р.)
Ст. 21. И нынь вознесъ мою главу (Р.)
Ст. 28. Когда подъ кровъ Твой прибѣгаю. (Р.)
Ст. 53. Ты серце духомъ укрѣпись, (С. П.)

Псаломъ 26.

Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой: кого убоюся? Господь защититель живота моего: отъ кого устрашуся?

Внегда приближатися на мя злобующимъ, еже снѣсти плоти моя: оскорбляющіи мя и врази мои, тіи изнемогоша и падоша.

Аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое; аще востанетъ на мя брань, на него азъ уповаю.

Единою просихъ отъ Господа, тò взыщу — еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню, и посѣщати храмъ святый Его.

Яко скры мя въ селеніи своемъ въ день золъ моихъ; покры мя въ тайнѣ селенія своего; на камень вознесе мя.

И нынѣ се вознесе главу мою на враги моя; обыдохъ и пожрохъ въ селеніи Его жертву хваленія и воскликновенія; пою и воспою Господеви.

Услыши, Господи, гласъ мой, имже воззвахъ; помилуй мя и услыши мя.

Тебѣ рече сердце мое: «Господа взыщу»; взыска Тебе лице мое; лица Твоего, Господи, взыщу.

Не отврати лица Твоего отъ мене, и не уклонися гнѣвомъ отъ раба Твоего: помощникъ мой буди, не отрини мене, и не остави мене, Боже, Спасителю мой.

Яко отецъ мой и мати моя остависта мя: Господь же восприятъ мя.

Законоположи ми, Господи, въ пути Твоемъ, и настави мя на стезю правую врагъ моихъ ради.

Не предаждь мене въ души стужающихъ ми, яко восташа на мя свидѣтеле неправедніи, и солга неправда себѣ.

Вѣрую видѣти благая Господня на земли живыхъ.

Потерпи Господа, мужайся, и да крѣпится сердце твое, и потерпи Господа.

Псалтыр. Симеона Полоцк.

Господь просвѣщеніе мое и спаситель,
Никогоже боюся, онъ бо защититель
Есть животу моему: ниже устрашуся,
На всесилную помощь его надѣюся.
Егда злотворящіи ко мнѣ приближатся,
Да снѣдятъ плоти моя: тогда посрамятся.
Оскорбляющіи мя преизнемогоша,
И враждующіи мнѣ со срамомъ падоша.
Аще же на мене полкъ вражій ополчится,
И брань востанетъ на мя, сердце не боится;
Ибо азъ на Господа Бога уповаю,
Едино же отъ Него просихъ и желаю:
Еже ми въ дому Его весь животъ мой жити,
И красоты Господня очима ми зрѣти;
Церковь святую Его выну посѣщати,
И обѣты оному моя воздаяти.
Яко въ день зла моего далъ ми въ храмъ свой внити,
Въ тайнѣ крова своего отъ враговъ покрыти.
На камень вознесе мя, и нынѣ се главу

Надъ враги вознесъ мою, облече мя въ славу.
Церковь его съ хвалами радостно обыдохъ,
Съ восклицаніемъ Ему жертвы моя пожрохъ.
И въ грядущая лѣта имамъ воспѣвати
Пѣніе псалмовъ Богу, и честь возсылати.
Ты же услыши гласъ мой, Боже милостивый,
Помилуй мя, якоже невинныхъ любивый.
«Господа взыщу» сердце мое глаголаше,
И лице мое Тебе, Боже мой, искаше.
И впредъ лица Твоего потщуся искати,
Ты отъ мене не изволь того отвращати.
Ни отъ раба Твоего гнѣвомъ уклонися,
Не отрѣй мя, но скорый помощникъ явися.
Не остави мя, Боже, Ты бо мой спаситель,
Мати мя оставила, съ нею и родитель.
Ты же пріялъ мя еси, и изволи дати
Законъ ми, и да могу тощно соблюдати.
Врагъ моихъ ради, на путь правый мя настави,
Отъ стужающихъ души враговъ ю избави,
Яко свидѣтеліе лживіи восташа,
Солга неправда себѣ, въ срамѣ вси осташа.
Вѣрую, яко узрю Господня благая
Тамо, гдѣ есть живущихъ земля пресвятая:
Токмо душе мужайся, и сердце крѣпися,
Терпи Господа, къ Нему бѣжати всетщися.

Ст. 37—40. Слова псалма (XXVI, 10): «Отецъ мой и мать моя оставили меня; но Господь приметъ меня» переданы Ломоносовымъ такъ:

Меня оставилъ мой отецъ
И мать еще въ младенствѣ;
Но воспріялъ меня Творецъ
И далъ жить въ благоденствѣ.

«Понудихомъ ити къ вамъ Іону епископа рязанскаго, мужа суща духовна, и въ добродѣтельномъ житіи отъ младеньства многа лѣта поживша».

(Акты историческіе. I, 73.)

«И московское бъ государство имъ великимъ государемъ приняло покой и тишину и благоденство».

(Акты историческіе. II, 378.)

Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Петру Великому: «Видите исполненіе обѣтованнаго вамъ предзнаменованіями благоденства».

LXII.

ТЕКСТЪ.

С. I. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. Книга первая. Оды духовныя. Ода 4. Преложеніе псалма 34. стр. 13—20. Строфы обозначены цыфрами.

ВАРІАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Оды духовныя. Ода 4. Преложеніе Псалма 34». Строфы отдѣлены одна отъ другой #. Вся ода писана рукою Ломоносова.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757. Книга первая. Заглавіе то же, что въ *С. I.* стр. 11—16. Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 3. Всегдашный буди Покровитель, (Р.)
Ст. 17. Да сильный гнѣвъ твой злыхъ восхитить, (С. II.)
Ст. 27. Что зляся на меня напрасно, (С. II.)

Ст. 28. Скрывали ковъ сѣтей своихъ. (Р.)
Ст. 41. Уже свидѣтели возстали (Р.)
Ст. 51. Смирялъ себя, дабы возстали (Р.)
Ст. 60. Готовя ровъ гдѣ бъ мнѣ упасть. (Р.)
Ст. 84. Коль сладко намъ на то взирать! (Р.)
Ст. 89. Возстани, Господи Зиждитель, (Р.)
Ст. 91. И буди при моей рѣшитель (Р.)

Псаломъ 34.

Суди, Господи, обидящія мя, побори борющія мя.

Пріими оружіе и щитъ, и востани въ помощь мою.

Изсуни мечь, и заключи сопротивъ гонящихъ мя; рцы души моей: спасеніе твое есмь Азъ.

Да постыдятся и посрамятся ищущіи душу мою; да возвратятся вспять, и постыдятся мыслящіи ми злая.

Да будутъ яко прахъ предъ лицемъ вѣтра, и ангелъ Господень оскорбляя ихъ.

Да будетъ путь ихъ тма и ползокъ, и ангелъ Господень погоняяй ихъ.

Яко туне скрыша ми пагубу сѣти своея, всуе поносиша души моей.

Да пріидетъ ему сѣть, юже не вѣсть, и ловитва, юже скры, да обиметъ и, и въ сѣть да впадетъ въ ню.

Душа же моя возрадуется о Господѣ, возвеселится о спасеніи Его.

Вся кости моя рекутъ: Господи, Господи, кто подобенъ Тебѣ, избавляяй нища изъ руки крѣпльшихъ его, и нища и убога отъ расхищающихъ его.

Воставше на мя свидѣтеле неправедніи; яже не вѣдяхъ, вопрошаху мя.

Воздаша ми лукавая воз благая, и безчадіе души моей.

Азъ же, внегда они стужаху ми, облачахся во вретище, и смиряхъ постомъ душу мою, и молитва моя въ нѣдро мое возвратится.

Яко ближнему, яко брату нашему, тако угождахъ; яко плачя и сѣтуя, тако смиряхся.

И на мя возвеселишася и собрашася; собрашася на мя раны, и не познахъ; раздѣлишася и не умилишася.

Искусиша мя, подражниша мя подражненіемъ; поскрежеташа на мя зубы своими.

Господи, когда узриши? Устрой душу мою отъ злодѣйства ихъ, отъ левъ единородную мою.

Исповѣмся Тебѣ въ церкви мнозѣ; въ людехъ тяжцѣхъ восхвалю Тя.

Да не возрадуются о мнѣ враждующіи ми неправедно, ненавидящіи мя туне, и помизающіи очима.

Яко мнѣ убо мирная глаголаху, и на гнѣвъ лести помышляху.

Разшириша на мя уста своя, рѣша: благоже, благоже, видѣша очи наши.

Видѣлъ еси, Господи, да не премолчиши; Господи, не отступи отъ мене.

Востани, Господи, и вонми суду моему, Боже мой и Господи мой, на прю мою.

Суди ми, Господи, по правдѣ Твоей, Господи Боже мой, и да не возрадуются о мнѣ.

Да не рекутъ въ сердцахъ своихъ: благоже, благоже души нашей; ниже да рекутъ: пожрохомъ его.

Да постыдятся и посрамятся вкупѣ радующіися зломъ моимъ; да облекутся въ студъ и срамъ велерѣчующіи на мя.

Да возрадуются и возвеселятся хотящіи правды моея, и да рекутъ выну: да возвеселится Господь, хотящій мира рабу Его.

И языкъ мой поучится правдѣ Твоей, весь день хвалѣ Твоей.

Псалтыр. Симеон. Полоцк.

Суди Господи мя обидящія,
Возбрани Боже мене борющія,
Невинна суща.
Возми мечь и щитъ, стани въ помощь мою,
Вземъ оружіе яви милость Твою,
Запни гонящихъ.
Рцы души моей: Азъ есмь твой спаситель,
Сотвори, да всякъ оныя гонитель
Посрамленъ будетъ.
Злаго ми любцы вспять да возвратятся,
Яко предъ вѣтромъ прахъ, да расточатся
Въ разныя страны.
Ангелъ Господень ихъ да оскорбляетъ,
Ангелъ Господень ихъ да погоняетъ
Въ тмѣ путемъ ползкимъ.
Яко ми сѣти пагубы сокрыша,
И души моей всуе поносиша
Зѣло досадно.
Еяже не вѣсть, въ сѣть врагъ да впадется,
Въ ловитву, юже сокры, да вплетется
За свою прелесть.
Душа же моя да возвеселится
О Бозѣ Спасѣ, яко свободится
Отъ сѣти ловчи.
Вся моя кости рекутъ: живый въ небѣ
Боже, кто и гдѣ есть подобенъ Тебѣ
Въ милосердіи;
Ты нища изъ рукъ крѣплшихъ избавляяй,
Отъ хищныхъ враговъ мене свобождаяй,
Самъ единъ еси.

Лжесвидѣтели на мя клеветаху,
Ихже не вѣдѣхъ, мене вопрошаху,
Да мя погубятъ.
За мою благость воздаша ми злая,
Душу загнаша въ мѣста неплодная,
Да гладомъ таю.
А внегда они стужаху ми зѣло,
Смиряхъ духъ постомъ, а вретищемъ тѣло,
Да Господь призритъ.
Молитва моя въ нѣдра ми вратися,
Господь всещедрый милостивъ явися
За смиреніе.
Яко ближнему тщахся угождати,
Яко о братнихъ случаехъ рыдати,
Тако смиряхся.
Они же на мя соборъ сотвориша,
Со веселіемъ раны ми мыслиша,
Азъ аки не чухъ.
Отъ любве должны вси раздѣлишася,
Оней же злобѣ не умилишася,
Братія суще.
Подражненіемъ лютѣ мя дражниша,
Искусиша мя, и скрежетъ твориша
Зубы своими.
О Господи мой, когда то узриши,
И душу мою благоустроиши
Отъ ихъ злодѣйства,
Иже яко льви гладніи рыкаютъ,
Единородну мою умышляютъ
Зубы терзати.
Азъ въ церкви многѣ Тя исповѣдати
Имамъ, и въ людехъ тяжцѣхъ восхваляти
За милость Твою.
Врагомъ безъ правды ненависть имущимъ

На мя, очима си помизающимъ
Не даждь радости.
Яко мнѣ убо мирно глаголаху,
А въ сердцѣхъ лести на гнѣвъ помышляху,
Да мя погубятъ.
Уста си на мя лютѣ разширяху,
Благоже, благо видятъ, глаголаху,
Очеса наши.
Ты сія видѣвъ, да не премолчиши,
Боже, отъ мене да не отступиши,
Во скорби суща.
Востани, Боже, сотвори судъ правый,
Господи, зри прю, даждь судъ, да лукавый
Не веселится.
Да въ сердцѣхъ своихъ о мнѣ не вѣщаютъ:
Благо намъ, благо; ни да обѣщаютъ:
Уже пожремъ и.
Срамъ да обыметъ, и да постыдятся
Вси врази вкупѣ, иже веселятся
О злыхъ ми сущихъ.
Въ студъ и срамоту да суть облечени,
Иже великимъ хуламъ изучени
Мнѣ глаголати.
Иже по моей правдѣ побораютъ,
Веселіе и радость да познаютъ
Во сердцѣхъ своихъ.
Иже ми мира желаютъ отъ Бога,
Выну да поютъ: буди слава многа
Господу Богу.
Азъ же языкомъ правду Ти хвалити
Моимъ и славу имамъ возносити
Въ мирѣ на всякъ день.

LXIII.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. Книга первая. Оды духовныя. Ода 5. Преложеніе псалма 70. стр. 21—27. Строфы обозначены цыфрами.

ВАРІАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Оды духовныя. Ода 5. Преложеніе псалма 70». Вся ода писана рукою Ломоносова. Строфы отдѣлены одна отъ другой #.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757 г. Книга первая. Заглавіе такое же, какъ въ *С. I.* стр. 17—21. Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 27—28. Однако мысли не мятутся,
Что ты Господь Заступникъ мой (Р.)
Ст. 44. Се нынѣ часъ его губить. (Р.)
Ст. 79. Но паки обратясь избавилъ (Р.)
Ст. 82—83. И утѣшить восхотѣлъ

И (о)братясь меня избавилъ (Р.)
Ст. 95—96. Коварныхъ постыдится
Которой ищетъ мнѣ бѣды. (Р.)

Псал. 70.

На тя, Господи, уповахъ, да не постыжуся въ вѣкъ.

Правдою Твоею избави мя и изми мя; приклони ко мнѣ ухо Твое, и спаси мя.

Буди ми въ Бога защитителя и въ мѣсто крѣпко спасти мя, яко утвержденіе мое и прибѣжище мое еси Ты.

Боже мой, избави мя изъ руки грѣшнаго, изъ руки законопреступнаго и обидящаго.

Яко ты еси терпѣніе мое, Господи, Господи упованіе мое отъ юности моея.

Въ Тебѣ утвердихся отъ утробы, отъ чрева матере моея Ты еси мой покровитель; о Тебѣ пѣніе мое выну.

Яко чудо быхъ многимъ, и Ты помощникъ мой крѣпокъ.

Да исполнятся уста моя хваленія, яко да воспою славу Твою, весь день великолѣпіе Твое.

Не отвержи мене во время старости, внегда оскудѣвати крѣпости моей, не остави мене.

Яко рѣша врази мои мнѣ, и стрегущіи душу мою совѣщаша вкупѣ,

Глаголюще: Богъ оставилъ есть его, поженитѣ и имитѣ его, яко нѣсть избавляяй.

Боже мой, не удалися отъ мене; Боже мой, въ помощь мою вонми.

Да постыдятся и исчезнутъ оклеветающіи душу мою; да облекутся въ студъ и срамъ ищущіи злая мнѣ.

Азъ же всегда возуповаю на Тя, и приложу на всяку похвалу Твою.

Уста моя возвѣстятъ правду Твою, весь день спасеніе Твое, яко не познахъ книжная. (Уста мои будутъ возвѣщать правду Твою, всякій день благодѣянія Твои; ибо я не знаю имъ числа).

Вниду въ силѣ Господни; Господи, помяну правду Тебе единаго.

Боже мой, имже научилъ мя еси отъ юности моея, и донынѣ возвѣщу чудеса Твоя.

И даже до старости и престарѣнія, Боже мой, не остави мене, дондеже возвѣщу мышцу Твою роду всему грядущему.

Силу Твою и правду Твою, Боже, даже до вышнихъ, яже сотворилъ ми еси величія, Боже, кто подобенъ Тебѣ.

Елики явилъ ми еси скорби многи и злы, и обращся оживотворилъ мя еси, и отъ безднъ земли возвелъ мя еси.

Умножилъ еси на мнѣ величествіе Твое, и обращся утѣшилъ мя еси, и отъ безднъ земли паки возвелъ мя еси.

Ибо азъ исповѣмся Тебѣ въ людехъ, Господи, въ сосудѣхъ псаломскихъ истину Твою, Боже, воспою Тебѣ въ гуслѣхъ, Святый Израилевъ.

Возрадуетѣся устнѣ мои, егда воспою Тебѣ, и душа моя, юже еси избавилъ.

Еще же и языкъ мой весь день поучится правдѣ Твоей, егда постыдятся и посрамятся ищущіи злая мнѣ.

Псалтыр. Симеон. Полоцк.

На тя, Боже, уповахъ, и не постыжуся:
Правдою Ты изми мя, и возвеселюся.
Изволи ко мнѣ ухо Твое приклонити,
И отъ належащихъ бѣдъ спаситель ми быти.
Въ Бога защитителя, въ градъ ми крѣпокъ буди,

Да спасуся Тобою, егда гонятъ люди,
Яко утверженіе, Боже, еси мое
Ты, и прибѣжище мнѣ единъ извѣстное.
Боже, изъ рукъ грѣшнаго мужа мя избави,
Отъ законопреступна свободна мя яви,
И отъ обидящаго, яко Ты ми еси
Терпѣніе, Господи, царствуяй въ небеси.
Ты ми упованіе съ юности моея,
Въ Тебѣ утверженіе есть ми жизни всея.
Отъ чрева матере ми Ты мой покровитель,
Отъ утробы былъ еси души ми хранитель.
О Тебѣ мое выну устрою пѣніе,
Яко чюдо быхъ многимъ, воздамъ хваленіе.
Ты бо помощникъ крѣпкій изволилъ ми быти,
На звѣри и на щуды сильна сотворити.
Да исполнятся уста моя хваленія,
Яко да славѣ Твоей дамъ сладкопѣнія,
И велелѣпіе Ти весь день воспѣваю,
Тако благодарствіе сердца проявляю.
Не отвержи мя, Боже, во время старости,
Не остави мя, внегда лишуся крѣпости,
Ибо стрегшіи мене въ лесть ся уклониша,
Со враги купно о мнѣ совѣтъ сотвориша,
Глаголюще: жените, Богъ остави его,
Имите, пособія не подастъ своего.
Но Ты, Боже, отъ мене днесь не удалися,
Боже мой, въ помощь мою пріити потщися.
Да клеветницы мои съ срамомъ исчезаютъ,
Ищущіи злая мнѣ въ студъ ся облекаютъ.
Азъ же всегда на Тебе имамъ уповати,
Къ похваламъ Твоимъ новы хвалы прилагати.
Уста моя возвѣстятъ правду Ти святую
И весь день спасенія милость великую,
Яко книжныхъ не познахъ, потщуся азъ внити

Въ силы Господня, и тѣхъ знаніе нажити.
Помяну правду Тебе единаго Бога,
И благодѣянія Твоя повѣмъ многа.
Боже, чудеса Твоя азъ буду вѣщати,
Яже ми отъ юности изволилъ сказати
Даже и до старости и престарѣнія
Боже мой, не лиши мя, ради служенія,
Дондеже силу Твою возвѣщу грядущимъ
Родомъ и правду Твою вѣкомъ въ предъ будущимъ.
Величія Ти, яже сотворилъ ми еси,
Прикасаются даже вышнему небеси,
Боже, кто Ти подобенъ; коль многи явленны
Злы скорби мнѣ Тобою, и есмь искушенны:
Ты же, обращся ко мнѣ, жива мя постави,
И отъ глубокихъ земныхъ безднъ мене избави.
Умножилъ еси на мнѣ величіе Твое,
И обращся, утѣшилъ еси сердце мое.
И паки отъ безднъ земли изволилъ мя взяти,
Что азъ возмогу за то Тебѣ воздаяти.
Се исповѣмся Тебѣ азъ предъ человѣки,
Въ сосудѣхъ Ти псаломскихъ воспою во вѣки,
Истину Твою, Боже, имамъ возвѣщати,
О святый израилевъ, и гуслми брящати.
Егда же воспою Ти, радостенъ явлюся
Устнама, и душею превозвеселюся,
Юже еси избавилъ; ктому глаголати
Языкъ мой правду Твою не имать престати.
Егда иже злая мнѣ ищутъ, постыдятся
Тобою, щедрый Боже, и злѣ посрамятся.

LXIV.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. Книга первая. Оды духовныя. Ода 8. стр. 35 — 40. Строфы обозначены цыфрами.

ВАРІАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751 г. «Оды духовныя. Ода 8. Избранная изъ Іова Глава 38, и прочая». Строфы обозначены цыфрами. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова. 1757 г. Книга первая. стр. 27 — 31. Заглавіе то же, что въ Собр. *I.* Строфы обозначены цыфрами.

Ст. 2. На Бога ропчешь, человѣкъ, (Р.)
Ст. 18–19. Бесчисленны тмы новыхъ звѣздъ
Моей возженныхъ въ другъ рукою (Р.)

Ст. 35. Было написано Ломоносовымъ:

И землю въ знойной день отъ жажды

Но Ломоносовъ измѣнилъ этотъ стихъ:

И нивы въ день томящей жажды (Р.)
Ст. 39. И основанія земли тряхнуть,

Стихъ этотъ написанъ Ломоносовымъ вмѣсто зачеркнутаго:

И землю можешь ли тряхнуть,
Ст. 44. По мрачному ходящихъ дну?
Ст. 46. Всегдашнею покрыты мглою (С. II.)
Ст. 54—55. И горъ сердца трясущимъ трѣскомъ
Концы вселенной устрашать (Р.)
Ст. 57. Твоей ли хитростью взлѣтаетъ (Р.)
Ст. 59. Крила по вѣтру простираетъ
Ст. 63—64. Что въ пищу я ему послалъ.
Толь быстро око ты ли далъ? (С. II.)
Ст. 65. Возри въ луга на Бегемота (Р.)
Ст. 68. Безвредной попирать ногой (Р.)
Ст. 73. Ты можешь ли Левіафана (С. II.)
Ст. 94. Какъ угль въ горнилѣ раскаленный. (Р. и С. II.)
Ст. 109. Онъ знаетъ что, съ тобою строитъ

Ломоносовъ зачеркнулъ этотъ стихъ, и написалъ:

Онъ все на пользу нашу строитъ (Р.)

Ст. 91—92. О левіаѳанѣ:

Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;

Ср. Ода на взятіе Хотина, ст. 25—26, о кораблѣ:

Сѣдая пѣна вкругъ шумитъ;
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;

Псал. XLI, 24: «Оставляетъ за собою свѣтящуюся стезю; бездна кажется сѣдиною».

Заимствованія Ломоносова изъ книги Іова въ такомъ родѣ:

XXXVIII, 8—11: Заградихъ же море враты, егда изливашеся изъ чрева матери своея исходящее. Положихъ же ему облакъ во одѣяніе, мглою же повихъ е. И положихъ ему предѣлы, обложивъ затворы и врата. Рѣхъ же ему: до сего дойдеши и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя.

Ст. 25—32. Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши здвигнулъ Океанъ?

XXXVIII, 17: Отверзаются же ли тебѣ страхомъ врата смертная; вратницы же адовы видѣвши тя убояшася ли.

Ст. 45—48. Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты сперъ ли адовы уста?

XXXIX, 26—27: И твоею ли хитростью стоитъ ястребъ, распростеръ крилѣ недвижимъ зря на югъ; твоимъ же ли повелѣніемъ возносится орелъ, неясыть же на гнѣздѣ своемъ сѣдя вселяется.

Ст. 57—60. Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря,
По вѣтру крúла простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?

XLI, 17—18: Аще срящутъ его копія, ничтоже сотворятъ ему, копіе вонзено и броня; вмѣняетъ бо желѣзо аки плевы, мѣдь же аки древо гнило.

Ст. 79—80. Копье и мечь и молотъ твой
Щитаетъ за тростникъ гнилой.

Чтобы составить вѣрное понятіе о способѣ, какимъ Ломоносовъ пользовался своимъ библейскимъ источникомъ, надо имѣть въ виду содержаніе всѣхъ главъ, указанныхъ Ломоносовымъ. Мы приводимъ ихъ въ русскомъ переводѣ, потому что Ломоносовъ, по его собственному свидѣтельству, находилъ многія неточности въ славянскомъ переводѣ библейскихъ книгъ вообще; въ настоящемъ случаѣ русскій переводъ оказывается болѣе соотвѣтствующимъ цѣли.

Глава XXXVIII.

Когда Еліуй пересталъ говорить, Господь отвѣчалъ Іову изъ бури и сказалъ:

Кто сей, омрачающій Провидѣніе словами безъ смысла?

Препояшь нынѣ чресла твои, какъ мужъ: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мнѣ:

Гдѣ былъ ты, когда Я полагалъ основанія земли? Скажи если знаешь.

Кто положилъ мѣру ей, если знаешь? Или кто протягивалъ по ней вервь?

На чемъ утверждены основанія ея или кто положилъ краеугольный камень ея,

При общемъ ликованіи утреннихъ звѣздъ, когда всѣ сыны Божіи восклицали отъ радости?

Кто затворилъ море воротами, когда оно исторглось, вышло какъ бы изъ чрева,

Когда Я облака сдѣлалъ одеждою его и мглу пеленами его,

И утвердилъ ему Мое опредѣленіе, и поставилъ запоры и ворота,

И сказалъ: доселѣ дойдешь, и не перейдешь, и здѣсь предѣлъ надменнымъ волнамъ твоимъ?

Давалъ ли ты когда въ жизни своей приказаніе утру, и указывалъ ли зарѣ мѣсто ея,

Чтобы она охватила края земли и стряхнула съ нея нечестивыхъ;

Чтобы земля измѣнилась, какъ глина подъ печатью, и стала, какъ разноцвѣтная одежда;

И чтобы отнялся у нечестивыхъ свѣтъ ихъ, и дерзкая рука ихъ сокрушилась?

Нисходилъ ли ты во глубину моря, и входилъ ли въ изслѣдованіе бездны?

Отворялись ли для тебя врата смерти, и видѣлъ ли ты врата тѣни смертной?

Обозрѣлъ ли ты широту земли? Объясни, если знаешь все это.

Гдѣ путь къ жилищу свѣта, и гдѣ мѣсто тьмы?

Ты конечно доходилъ до границъ ея, и знаешь стези къ дому ея.

Ты знаешь это, потому что ты былъ уже тогда рожденъ, и число дней твоихъ очень велико.

Входилъ ли ты въ хранилища снѣга, и видѣлъ ли сокровищницы града,

Которыя берегу Я на время смутное, на день битвы и войны?

По какому пути разливается свѣтъ, и разносится восточный вѣтеръ по землѣ?

Кто проводитъ протоки для изліянія воды и путь для громоносной молніи,

Чтобы шелъ дождь на землю безлюдную, на пустыню, гдѣ нѣтъ человѣка,

Чтобы насыщать пустыню и степь, и возбуждать травные зародыши къ возрастанію?

Есть ли у дождя отецъ? или кто раждаетъ капли росы?

Изъ чьего чрева выходитъ ледъ, и иней небесный, — кто раждаетъ его?

Воды, какъ камень, крѣпнутъ, и поверхность бездны замерзаетъ.

Можешь ли ты связать узелъ Хима, и разрѣшить узы Кесиль?

Можешь ли выводить созвѣздія въ свое время, и вести Асъ съ ея дѣтьми.

Знаешь ли ты уставы неба; можешь ли установить господство его на землѣ?

Можешь ли возвысить голосъ твой къ облакамъ, чтобы вода въ обиліи покрыла тебя?

Можешь ли посылать молніи, и пойдутъ ли онѣ, и скажутъ ли тебѣ: вотъ мы?

Кто вложилъ мудрость въ сердце или кто далъ смыслъ разуму?

Кто можетъ разчислить облака своею мудростію и удержать сосуды неба,

Когда пыль обращается въ грязь, и глыбы слипаются?

Ты ли ловишь добычу львицѣ, и насыщаешь молодыхъ львовъ,

Когда они лежатъ въ берлогахъ или покоятся подъ тѣнью въ засадѣ?

Кто приготовляетъ во̀рону кормъ его, когда птенцы его кричатъ къ Богу, бродя безъ пищи.

Глава XXXIX.

Знаешь ли ты время, когда рождаютъ дикія козы на скалахъ, и замѣчалъ ли роды ланей?

Можешь ли разчислить мѣсяцы беременности ихъ? И знаешь ли время родовъ ихъ?

Онѣ изгибаются, раждая дѣтей своихъ, выбрасывая свои ноши.

Дѣти ихъ приходятъ въ силу, растутъ на полѣ, уходятъ и не возвращаются къ нимъ.

Кто пустилъ дикаго осла на свободу, и кто разрѣшилъ узы онагру,

Которому степь Я назначилъ домомъ и солончаки жилищемъ?

Онъ посмѣвается городскому многолюдству, и не слышитъ криковъ погонщика.

По горамъ ищетъ себѣ пищи, и гоняется за всякою зеленью.

Захочетъ ли единорогъ служить тебѣ, и переночуетъ ли у яслей твоихъ?

Можешь ли веревкою привязать единорога къ бороздѣ, и станетъ ли онъ боронить за тобою поле?

Понадѣешься ли на него, потому что у него сила велика, и предоставишь ли ему работу твою?

Повѣришь ли ему, что онъ сѣмена твои возвратитъ и сложитъ на гумно твое?

Ты ли далъ красивыя крылья павлину и перья и пухъ строусу?

Онъ оставляетъ яйца свои на землѣ, и на пескѣ согрѣваетъ ихъ,

И забываетъ, что нога можетъ раздавить ихъ, и полевой звѣрь можетъ растоптать ихъ.

Онъ жестокъ къ дѣтямъ своимъ, какъ бы не своимъ, и не опасается, что трудъ его будетъ напрасенъ;

Потому что Богъ не далъ ему мудрости, и не удѣлилъ ему смысла.

А когда поднимется на высоту, посмѣвается коню и всаднику его.

Ты ли далъ коню силу, и облекъ шею его гривою?

Можешь ли ты испугать его, какъ саранчу? Храпѣніе ноздрей его — ужасъ!

Роетъ ногою землю, и восхищается силою; идетъ на встрѣчу оружію.

Онъ смѣется надъ опасностію, и не робѣетъ, и не отворачивается отъ меча.

Колчанъ звучитъ надъ нимъ, сверкаетъ копье и дротикъ.

Въ порывѣ и ярости онъ глотаетъ землю, и не можетъ стоять при звукѣ трубы.

При трубномъ звукѣ онъ издаетъ голосъ: гу! гу! И издалека чуетъ битву, громкіе голоса вождей и крикъ.

Твоею ли мудростію летаетъ ястребъ, и направляетъ крылья свои на полдень?

По твоему ли слову возносится орелъ, и устрояетъ на высотѣ гнѣздо свое?

Онъ живетъ на скалѣ, и ночуетъ на зубцѣ утесовъ и на мѣстахъ неприступныхъ.

Оттуда высматриваетъ себѣ пищу; глаза его смотрятъ далеко.

Птенцы его пьютъ кровь, и гдѣ трупъ, тамъ и онъ.

И продолжалъ Господь, и сказалъ Іову:

Будетъ ли состязующійся съ Вседержителемъ еще учить? Обличающій Бога пусть отвѣчаетъ Ему.

И отвѣчалъ Іовъ Господу, и сказалъ:

Вотъ я ничтоженъ; что̀ буду я отвѣчать Тебѣ? Руку мою полагаю на уста мои.

Однажды я говорилъ, — теперь отвѣчать не буду, даже дважды, но болѣе не буду.

Глава XL.

И отвѣчалъ Господь Іову изъ бури, и сказалъ:

Препояшь, какъ мужъ, чресла твои; Я буду спрашивать тебя, а ты объясняй Мнѣ.

Ты хочешь нисировергнуть судъ Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?

Такая ли у тебя мышца, какъ у Бога? И можешь ли возгремѣть голосомъ, какъ Онъ?

Укрась же себя величіемъ и славою, облекись въ блескъ и великолѣпіе.

Излей ярость гнѣва твоего, посмотри на все гордое, и смири его.

Взгляни на всѣхъ высокомѣрныхъ, и унизь ихъ, и сокруши нечестивыхъ на мѣстахъ ихъ.

Зарой всѣхъ ихъ въ землю, и лица ихъ покрой тьмою.

Тогда и Я признаю, что десница твоя можетъ спасать тебя.

Вотъ бегемотъ, котораго Я создалъ, какъ и тебя; онъ ѣстъ траву, какъ волъ.

Вотъ его сила въ чреслахъ его и крѣпость его въ мускулахъ чрева его.

Поворачиваетъ хвостомъ своимъ, какъ кедромъ; жилы же на бедрахъ его переплетены.

Ноги у него, какъ мѣдныя трубы; кости у него, какъ желѣзные прутья.

Это верхъ путей Божіихъ; только сотворившій его можетъ приблизить къ нему мечъ Свой.

Горы приносятъ ему пищу, и тамъ всѣ звѣри полевые играютъ.

Онъ ложится подъ тѣнистыми деревьями, подъ кровомъ тростника и въ болотахъ.

Тѣнистыя дерева покрываютъ его своею тѣнью; ивы при ручьяхъ окружаютъ его.

Вотъ, онъ пьетъ изъ рѣки, и не торопится; остается спокоенъ, хотя бы Іорданъ устремился ко рту его.

Возьметъ ли кто его въ глазахъ его, и проколетъ ли ему носъ багромъ.

Можешь ли ты удою вытащить левіаѳана, и веревкою схватить за языкъ его?

Вдѣнешь ли кольцо въ ноздри его? Проколешь ли иглою челюсть его?

Будетъ ли онъ много умолять тебя, и будетъ ли говорить съ тобою кротко?

Сдѣлаетъ ли онъ договоръ съ тобою, и возьмешь ли его навсегда себѣ въ рабы?

Станешь ли забавляться имъ, какъ птичкою, и свяжешь ли его для дѣвочекъ твоихъ?

Будутъ ли продавать его товарищи ловли; раздѣлятъ ли его между Хананейскими купцами?

Можешь ли пронзить кожу его копьемъ и голову его рыбачьею острогою?

Клади на него руку твою, и помни о борьбѣ; впередъ не будешь.

Глава XLI.

Надежда тщетна; не упадешь ли отъ одного взгляда его?

Нѣтъ столь отважнаго, который осмѣлился бы потревожить его; кто же можетъ устоять передъ Моимъ лицемъ?

Кто предварилъ Меня, чтобы Мнѣ воздавать ему? подъ всѣмъ небомъ все Мое.

Не умолчу о членахъ его, о силѣ и красивой соразмѣрности ихъ.

Кто можетъ открыть верхъ одежды его; кто подойдетъ къ двойнымъ челюстямъ его?

Кто можетъ отворить двери лица его? кругъ зубовъ его — ужасъ.

Крѣпкіе щиты его — великолѣпіе; они скрѣплены какъ бы твердою печатью.

Одинъ къ другому прикасается близко, такъ что и воздухъ не проходитъ между ними.

Одинъ съ другимъ лежатъ плотно, сцѣпились и не раздвигаются.

Отъ его чиханія показывается свѣтъ; глаза у него, какъ рѣсницы зари.

Изъ пасти его выходятъ пламенники, выскакиваютъ огненныя искры.

Изъ ноздрей его выходитъ дымъ, какъ изъ кипящаго горшка, или котла.

Дыханіе его раскаляетъ угли, и изъ пасти его выходитъ пламя.

На шеѣ его обитаетъ сила, и передъ нимъ бѣжитъ ужасъ.

Мясистыя части тѣла его сплочены между собою твердо, не дрогнутъ.

Сердце его твердо, какъ камень, и жестко, какъ нижній жерновъ.

Когда онъ поднимается, силачи въ страхѣ совсѣмъ теряются отъ ужаса.

Мечъ, коснувшійся его, не устоитъ, ни копье, ни дротикъ, ни латы.

Желѣзо онъ считаетъ за солому, мѣдь за гнилое дерево.

Дочь лука не обратитъ его въ бѣгство, пращные камни обращаются для него въ плеву.

Булава считается у него за соломину; свисту дротика онъ смѣется.

Подъ нимъ острые камни, и онъ на острыхъ камняхъ лежитъ въ грязи.

Онъ кипятитъ пучину, какъ котелъ, и море претворяетъ въ кипящую мазь.

Оставляетъ за собою свѣтящуюся стезю; бездна кажется сѣдиною.

Нѣтъ на землѣ подобнаго ему; онъ сотворенъ безстрашнымъ.

На все высокое смотритъ смѣло; онъ царь надъ всѣми сынами гордости.

Въ выборѣ Ломоносовымъ книги Іова обнаруживается чутье натуралиста, умѣющаго понимать поэтическое достоинство изображеній природы и ея явленій. Ал. Гумбольдтъ называетъ книгу Іова однимъ изъ величайшихъ произведеній литературы. Указавши основную идею и высокое значеніе 103 псалма, Гумбольдтъ продолжаетъ:

Aehnliche Ansichten des Kosmos kehren mehrmals wieder, am vollendetsten vielleicht in dem 37 sten Capitel des alten, wenn auch nicht vormosaischen Buches Hiob. Die meteorologischen Processe, welche in der Wolkendecke vorgehen, die Formbildung und Auflösung der Dünste bei verschiedener Windrichtung, ihr Farbenspiel, die Erzeugung des Hagels und des rollenden Donners werden mit individueller Anschaulichkeit beschrieben; auch viele Fragen vorgelegt, die unsre heutige Physik in wissenschaftlicheren Ausdrücken zu formuliren, aber nicht befriedigend zu lösen vermag. Das Buch Hiob wird allgemein für die vollendetste Dichtung gehalten, welche die hebräische Poesie hervorgebracht hat. Es ist so malerisch in der Darstellung einzelner Erscheinungen als kunstreich in der Anlage der ganzen didactischen Composition. In allen modernen Sprachen, in welche das Buch Hiob übertragen worden ist, lassen seine Naturbilder des Orients einen tiefen Eindruck. «Der Herr wandelt auf des Meeres Höhen, auf dem Rücken der vom Sturm aufgethürmten Wellen.—Die Morgenröthe erfaszt der Erde Saumen und gestaltet mannigfach die Wolkenhülle, wie des Menschen Hand den bildsamen Thon». Es werden die Sitten der Thiere geschildert, des Waldesels und der Rosse, des Büffels, des Nilpferds und der Crocodile, des Adlers und des Strauszen.—Wir sehen «den reinen Aether in der Schwüle des Südwindes wie einen gegossenen Spiegel über die dürstende Wüste hingedehnt».

(Kosmos. 1847. B. II. 47—48.)

Державинъ (VII, 524, 533) приводитъ нѣсколько строфъ изъ «Подражанія Іову» какъ превосходные образцы поэтическаго вдохновенія: первую и вторую строфы—въ примѣръ «гнѣвнаго», четырнадцатую—въ примѣръ «утѣшительнаго вдохновенія». Начало знаменитой оды Державина: «*О Ты*, пространствомъ безконечный» напоминаетъ начало оды Ломоносова: «*О ты*, что въ горести напрасно».

Отзывы позднѣйшихъ писателей и критиковъ въ такомъ родѣ: Ода, выбранная изъ Іова—«одна изъ лучшихъ одъ Ломо-

носова: въ ней много высокихъ мыслей, поразительныхъ картинъ и неподдѣльныхъ глубокихъ чувствъ, а слѣдовательно много истинной поэзіи».

(Филологическія Записки. 1868. Выпускъ I. стр. 15—26.)

Въ нашей рукописной литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка большою извѣстностью пользовалась пародія на «Подражаніе Іову». Она вызвана разными нововведеніями по арміи, перемѣною формы, и т. п., а также многими другими распоряженіями, возбуждавшими сильные толки въ тогдашнемъ обществѣ. Въ пародіи призывается къ отвѣту, подобно многострадальному Іову, потерпѣвшій отъ нововведеній офицеръ.

1.

О ты, что въ горести напрасно
На службу ропщешь, офицеръ,
Шумишь и сердишься ужасно,
Что ты давно не кавалеръ.
Внимай, что . . . . тебѣ вѣщаетъ,
Онъ гласомъ сборы прерываетъ,
Рукою держитъ эспантонъ,
Смотри, каковъ въ щиблетахъ онъ.

2.

Речетъ: сбери всѣ силы нынѣ,
И стой такъ прямо, какъ солдатъ.
Гдѣ былъ, какъ въ унтерскомъ я чинѣ
Завелъ въ Россіи вахтпарадъ,
Когда шержировать заставилъ,
Явилъ въ маневрахъ и прославилъ
Величество и власть мою.
Подай-ка тактику свою.

3.

Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
Возросъ изъ алебардовъ лѣсъ,
Моей обдѣланный рукою?
А ты не видѣлъ сихъ чудесъ!
Когда солдаты всѣ одѣты
Какъ бы винновые валеты
Тянули фрунтъ передо мной?
А ты тогда вкушалъ покой.

4.

Кто деревянными кремнями
Солдатъ здѣсь выучилъ стрѣлять,
Къ спинѣ бѣлеными ремнями
Лопатки вздумалъ привязать?
Мундиры съ битью золотою
Не я ли сильною рукою
На плечи офицеръ надѣлъ
И въ праздникъ ихъ носить велѣлъ?

5.

Въ болотахъ глинистыхъ и грязныхъ
Когда ты прежде увязалъ,
И офицеровъ безобразныхъ
Въ худыхъ мундирахъ гдѣ видалъ?
Не зря враговъ передъ собою,
Приготовлялся ли ты къ бою,
Никто на коемъ не погибъ,
И взялъ ли приступомъ ты бибъ?

6.

Главы обстриженны солдатски
Ты могъ ли пуклями снабдить,
И ихъ одѣвши подурацки,
Въ казармы кучами набить,

И вдругъ, ударивши тревогу,
Подобясь звѣрю, а не Богу,
Отъ трусости какъ листъ дрожать. . .
И двухъ въ солдаты написать?

7.

Изъ бѣглыхъ могъ ли ты капраловъ,
Кои не могутъ говорить,
Подѣлать кучу генераловъ
И имъ полки препоручить?
Ты могъ ли эспантонъ направить
И подъ арестъ за то отправить;
За вздоръ изъ службы исключить
И навѣкъ въ крѣпость посадить?

8.

Твоей ли хитростью Кутайцовъ
Играетъ роль большихъ вельможъ?
Мѣщанъ онъ душитъ такъ, какъ зайцовъ,
Дворянство все не ставитъ въ грошъ.
Въ моихъ палатахъ обитая,
Россіянъ вѣрныхъ разоряя,
Въ немъ виденъ точный басурманъ:
Такой талантъ тобой ли данъ?

9.

Не зрится ль въ томъ моя щедрота,
Велѣлъ что головы рубить?
Пришла ль когда къ тебѣ охота
Кадиломъ миру покадить?
Священной ризою одѣту
Въ себѣ представить шута свѣту,
Служить обѣдню за попа:
Неужли мысль сія глупа?

10.

Ума тваво предѣлы узки
Могли ли тайну ту понять,
Что Анна греческа порусски
Святую значитъ благодать?
Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски,
Знамена, флаги кораблей
Любезной именемъ твоей?

11.

Скажи ты мнѣ, въ странахъ россійскихъ
Кто славный акціонъ завелъ,
Чтобъ кто хотѣлъ крестовъ мальтійскихъ
За деньги въ ономъ ихъ нашелъ;
Съ французомъ кто два года дрался,
Чтобъ островъ Мальты намъ достался,
На коемъ нѣтъ почти людей?
Дѣла то мудрости моей!

12.

Возмогъ ли ты хотя однажды
Гоненье шляпамъ объявить,
Велѣть, россіянинъ чтобъ каждый
Престалъ бы круглую носить?
Пучки и сапоги съ ушами
Указомъ истребя межъ вами,
Изгналъ потомъ съ заносомъ фракъ,
А все кричатъ, что . . . .

13.

Ко удивленью всего свѣта
Когда мундиры я кроилъ,
Зачѣмъ не подалъ ты совѣта,
Чтобы покрой я премѣнилъ?

Когда я выдумалъ щиблеты
Ботфорты, латы и колеты,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной всему я далъ?

14.

Сіе, служивый, разсуждая,
Представь мою ты сильну власть,
И мерзостный мундиръ таская,
Имѣй свою въ терпѣньи часть!
Я все на пользу вашу строю—
Казню кого или покою:
Аресты, каторги сноси,
И безъ роптанія труси.

(Рукопись Императорской Публичной Библіотеки. F. XVII. № 2. л. 401—403. Бумаги Дѣйств. Тайн. Сов. А. А. Саблукова; скорописью XVIII и XIX в.)

Авторъ пародіи—Сергѣй Никифоровичъ Маринъ (1775—1813), пріобрѣвшій извѣстность своими пародіями на оды Ломоносова и Державина; одна изъ нихъ—пародія на оду: «На рожденіе порфиророднаго отрока» очень нравилась Кутузову, которому читали ее послѣ Бородинской битвы.

(Сочиненія Державина. Т. VI. стр. 289.)

Нѣсколько строфъ пародіи напечатаны, по списку, сообщенному Н. Н. Селифонтовымъ, въ Русской Старинѣ, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Писано, какъ кажется, къ генералу Канибаху—учителю тактики и военному штукмейстеру въ царствованіе императора Павла I».

(Русская старина. 1882. Декабрь. стр. 499—502.)

LXV.

ТЕКСТЪ.

С. I. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 19. стр. 192.

ВАРІАНТЫ.

Р. — Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. «Похвальныя надписи. Надпись 20, На Иллуминацію представленную на торжественный День коронованія Ея Величества Апрѣля 25 числа 1751 года, передъ зимнимъ домомъ, гдѣ изображена была въ Амфитеатрѣ окруженная сіяніемъ Императорская корона и скипетръ на украшенномъ постаментѣ съ вензловымъ именемъ Ея Величества. По обѣимъ сторонамъ два портала далече простирающихся аллей, при которыхъ поставлены грудныя изображенія четырехъ частей свѣта». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

Ар. — Архивъ Академической канцеляріи; рукопись № 150. л. 213. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

В. — Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 35. стр. 288.

С. II. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 19. стр. 166. Заглавіе то же, что и въ *С. I.*

Ст. 3. Европа, Африка, Америка, Асія (Ар. В.)
Ст. 7. Взведи свои умныи свѣтъ къ Божественному свѣту. (Р.)
Взведи твой умный взоръ къ божественному свѣту. (Ар., В.)

Описаніе иллюминаціи въ день коронованія императрицы Елисаветы Петровны 25 апрѣля 1751 года и стихи Ломоносова помѣщены въ тогдашнихъ Вѣдомостяхъ:

«Сего мѣсяца 25 числа при наступленіи ночи весь городъ былъ иллуминованъ, и особливо за Невою рѣкою предъ дворомъ Ея Императорскаго Величества представлена была на обыкновенномъ театрѣ слѣдующая иллуминація, а именно:

На среднемъ возвышенномъ мѣстѣ здѣланнаго изъ садовыхъ шпалеръ и отверстыхъ аллей амфитеатра видны были лежащія на украшенномъ вензловымъ Ея Императорскаго Величества именемъ и лавровыми и пальмовыми вѣтьвями обвитомъ постаментѣ Императорская корона и скипетръ, которыя, подобно Солнцу, сіяніемъ своимъ не токмо весь амфитеатръ освящали, но и лучи свои чрезъ отверстыя аллеи яко границы имперіи на далекое расстояніе испущали. По обѣ стороны сего представленія соединялися впереди два портала весьма далеко простираю-щихся покрытыхъ аллей, при которыхъ въ особливыхъ мѣстахъ стояли четыре грудныя статуи въ различныхъ видахъ и убранствахъ, а именно Европа, Азїа, Африка и Америка, обращающія съ удивленіемъ взоръ свой къ срединѣ амфитеатра.

Знаменованіе сего аллегорическаго представленія содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Лучи отъ Твоего, Монархиня, вѣнца" и т. д.
(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 35. стр. 287—288.)

Въ академической рукописи сохранились стихи Ломоносова, писанные имъ собственноручно, а также и нѣмецкіе стихи Штелина:

Seit dem du Kron und Zepter trägst, o Ruszlands Schmuck Elisabeth,
Hat dein stets wirkendes Verdienst auf Palm und Lorbern sie erhöht,
Und ihren Glantz so ausgebreitet, dasz er dein groszes Reich erhellt,
Und durch die aufgeklärten Gräntzen in die entferntsten Länder fällt.
Erstaunt sieht nun ein jeder Theil von den vier Gegenden der Erden,
Wie deines Kayserthumes Macht, und Ruhm, und Glück erhöhter werden.
Auch disz macht, dasz ausz unsrer Brust der Wunsch in vollem Eiffer bricht:
Erleb dein Krönungs-Fest so offt, als die Bewundrung von dir spricht.

(Рукопись Академическаго Архива. № 150. л. 211—213.)

LXVI.

ТЕКСТЪ.

С. I.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1751. Книга первая. Похвальныя надписи. Надписи 9 и 10. стр. 182 — 183.

ВАРІАНТЫ.

Р.— Рукопись, съ которой печаталось первое Собраніе сочиненій Ломоносова 1751 г. «Похвальныя надписи. Надпись 9. На Маскарады 1751 года. Надпись 10. На тѣ же». Писано собственноручно Ломоносовымъ.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надписи 9 и 10. стр. 161. Заглавія тѣ же, что и въ *С. I.*

Надпись А.

Ст. 3. Чтобы ни одного таланта не отнять. (Р.)
Ст. 9—10. И тѣмъ самимъ, когда лице свое скрываешь,
Къ народу своему веселіемъ сіяешь. (Р.)

Надпись Б.

Ст. 5—7. От кроткихъ всточныхъ водъ до шумныхъ
волнъ Балтійскихъ,
От самыхъ вѣчныхъ льдовъ до знойныхъ
странъ Каспійскихъ
Коль много въ платьѣ тамъ и въ лицахъ
перемѣнъ! (Р.)

Ст. 10—11. Тамъ отъ согласнаго народовъ разныхъ
клику
Чрезъ воды чрезъ поля веселый гласъ
течетъ, (Р.)

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны особенно часто бывали придворные маскарады. Въ 1751 году, къ которому относятся надписи Ломоносова:

2 января. «При Дворѣ Ея Императорскаго Величества отправлялся маскарадъ; на тотъ маскарадъ дозволено было пріѣздъ имѣть какъ знатнымъ обоего пола персонамъ и иностраннымъ министрамъ, такъ и всему знатному дворянству съ фамиліями, кромѣ малолѣтнихъ, въ пристойныхъ маскахъ, не имѣя арлекинскаго, пилигримскаго и деревенскаго платья. Всего во ономъ маскарадѣ находилось 665 персонъ».

8 января. «При Дворѣ былъ придворный обыкновенный маскарадъ, противъ прежняго».

15 января. «При Дворѣ Ея Величества былъ обыкновенный придворный маскарадъ и продолжался до четвертаго часа по полуночи».

18 января. «При Дворѣ Ея Величества былъ публичный маскарадъ, который начался въ 8-мъ по полудни, а кончился въ 7-мъ часу въ послѣдней четверти по полуночи».

22 января. «При Дворѣ былъ обыкновенный придворный маскарадъ, который начался въ 7-мъ, окончался въ 3-емъ часу въ началѣ за полночь», и т. д.

На публичный маскарадъ при Дворѣ Ея Величества, 22 декабря, указано «пріѣздъ имѣть въ однихъ только доминахъ, какъ мужеска такъ и женска пола: и притомъ, чтобъ всѣ были въ баутахъ (въ наличникахъ изъ легкой матеріи, которыми завѣшивалась часть лица изъ подъ маски и шея), которые бъ были до самой маски, чтобъ щекъ и шеи не было видно. И для того отнюдь оныхъ баутовъ не было (бы) изъ сдѣланныхъ флеровъ и женскому полу быть въ малыхъ фижбенахъ, а кромѣ онаго сорта маскараднаго платья никакого другого одѣянія не употреблять. И чтобъ на ономъ маскарадномъ платьѣ мишурнаго убранства и въ тѣхъ убранствахъ хрусталей нигдѣ не было, да и не имѣть же при себѣ никакихъ оружій» и т. д.

На придворномъ балѣ 23 февраля 1750 года «дамы были въ кавалерскомъ платьѣ, а кавалеры въ дамскомъ — въ самарахъ».

(Журналы Камеръ-Фурьерскіе. 1751 и др.)

Придворные маскарады посѣщалъ и Ломоносовъ. Въ Академію наукъ прислано было приглашеніе на придворный маскарадъ 8 февраля 1752 года, на которомъ надо было быть также «въ доминахъ съ баутами». На вопросъ Академической канцеляріи, кто предполагаетъ быть на придворномъ маскарадѣ, Ломоносовъ отвѣчалъ: «Быть намѣренъ и съ женою».

Другіе академики написали на пригласительной повѣсткѣ: Штелинъ — «быть намѣренъ»; Тредьяковскій, Крашенинниковъ, Поповъ — «быть не намѣренъ»; Миллеръ — «не намѣренъ»; Гришовъ — Ich bitte dieszmahl meine Abwesenheit zu excusiren; Рихманъ — absentiam excusatam rogo; Бургаве — gratias ago pro oblato, и т. д.

(Рукопись Академическаго Архива № 162. л. 229—230.)

LXVII.

ТЕКСТЪ.

Ар.— Архивъ Академической канцеляріи; рукопись № 155. л. 172. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

ВАРІАНТЫ.

В.— Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 72. стр. 547.

С. II.— Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757. Книга первая. Похвальныя надписи. Надпись 20. стр. 166—167. «На иллуминацію представленную въ день тезоименитства Ея Величества Сентября 5 дня 1751 года».

Ст. 1—2. По всюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣтетъ.
Лежитъ оружїе и съ кровью слезъ не льетъ;
(С. II.)

Ст. 5. По правдѣ Божїй миръ. Монархиня, слывешь.
(С. II.)

Ст. 8. И славы храмъ тебѣ безсмертный возвышаетъ.
(С. II.)

Въ академической рукописи находятся собственноручные стихи Ломоносова, а равно и стихи Штелина:

Europa stund in Furcht und sah der Noth entgegen
Die mit der Krieges-Fluth ausz Nord im Anbruch war.
Dein Nahme zeigte sich, die Welle musz sich legen
Zur Ruh und sicherm Wohl wird Sturmwind und Gefahr.
Die Wolfahrt deines Reichs sieht also mit Vergnügen
Den Pflug in Furchen gehn, das Schwerdt darnider liegen.
Und alles rufft dir zu: dein Nahme sey gepriesen
Und dir sein Fest von Gott noch hundertmal gewiesen.

(Рукопись Академическаго Архива № 155. л. 167—172.)

Переводъ описанія иллюминаціи 5 сентября 1751 года, исправленный Ломоносовымъ, помѣщенъ въ Вѣдомостяхъ:

«5 числа сего мѣсяца торжествовано при дворѣ всевысочайшее тезоименитство Ея Императорскаго Величества. Ввечеру въ 8 часу былъ ко двору Ея Императорскаго Величества паки съѣздъ и балъ, по окончаніи котораго вечернее кушанье происходило. Въ оноежъ время и весь городъ былъ иллуминованъ, а предъ дворомъ Ея Императорскаго Величества на великомъ театрѣ представлена была слѣдующая иллуминація:

Между двумя пріятно простирающимися аллеями изъ молодыхъ пальмовыхъ деревъ по срединѣ въ театрально изображенномъ мѣстѣ представленъ былъ въ честь высочайшаго имени Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской монументъ или зданіе чести, предъ которымъ стояла Россія съ своимъ щитомъ, и стоящей предъ нею съ почтеніемъ Европѣ подавала пальмовую вѣтвь въ знакъ спокойныхъ и благополучныхъ временъ.

Надъ симъ изображеніемъ являлся позади фронтонъ или верьхъ зданія чести, и подлѣ его украшенной щитъ съ вензловымъ именемъ Ея Императорскаго Величества подъ короною.

На переди онаго флигеля или аллей видѣнъ былъ Геніусъ съ плугомъ на отверстомъ полѣ, а на переди другаго крыла видѣнъ былъ Геніусъ на оружіи сидящій и лежащія предъ нимъ на землѝ нѣсколько мечей и копьевъ.

Знаменованіе сего аллегорическаго представленія содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

Повсюду нынѣ миръ возлюбленный цвѣтетъ;" и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 72. стр. 545—547.)

LXVIII.

ТЕКСТЪ.

С. П. — Собраніе сочиненій Ломоносова, 1757 года. Книга первая. Надпись 39. стр. 182.

Ср. Полное собраніе сочиненій Михаила Васильевича Ломоносова, съ пріобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ твореній. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ. 1784. стр. 321. Въ письмѣ къ Шувалову, которое никогда не было еще напечатано.

---

10 сентября 1751 года Ломоносовъ писалъ Шувалову: «Не могу преминуть, чтобы Вашему Превосходительству не сообщить сочиненныхъ мною послѣ спуску корабля за обѣдомъ краткихъ стиховъ, вѣдая Вашу къ наукамъ, а особливо къ словеснымъ охоту.

Сойди къ намъ Златоустъ, оставивъ небеса", и т. д.

«Въ Санктпетербургѣ сентября 10 дня (вторникъ). Въ минувшее воскресенье, новопостроенной въ адмиралтействѣ корабельнымъ мастеромъ Сютерландомъ осмидесятъ пушечной корабль

благополучно спущенъ на воду по полудни во 2 часу, при высочайшемъ присутствіи Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, также при иностранныхъ господахъ министрахъ и при знатныхъ обоего пола персонахъ, и именованъ *Іоаннъ Златоустъ;* а по спускѣ того корабля всемилостивѣйше отъ Ея Императорскаго Величества пожалованъ помянутой корабельной мастеръ изъ маэорскаго полковничьимъ рангомъ и награжденъ нѣкоторою денежною суммою».

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 73. стр. 553—554.)

LXIX.

ТЕКСТЪ.

Ар. — Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 158, л. 21 об. Писано собственноручно Ломоносовымъ.

ВАРІАНТЫ.

В. — Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 96. стр. 797—798.

Надпись Ломоносова на 25 ноября 1751 года напечатана въ первый разъ въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, при описаніи иллюминаціи.

Ст. 1—3. Желая къ храму насъ блаженства возвести,
Ты трудной путь сама должна была пройти,
Тамъ горы, хляби, тамъ бугры, стремнины, рѣки,

Ст. 7. Внезапно возсіялъ Твой лучъ всѣхъ бѣдствій выше,

Ст. 9. Надежда, Вѣрность намъ и Радость и Любовь.

Ст. 11. Коль щастлива Твоимъ возшествіемъ Россія, (В.)

«25 числа (ноября) Ихъ Императорскія Высочества съ чужестранными министрами и знатнѣйшими перваго и втораго классовъ обоего пола персонами изволили кушать вечернее кушанье противъ новаго залу въ парадныхъ новыхъ покояхъ. Притомъ всѣ домы въ городѣ иллюминованы были, а на театрѣ иллуминацій противъ Императорскаго зимняго дому зажжена слѣдующая иллуминація: Представленъ былъ храмъ Великолѣпія Россійскія имперіи на высокой каменной горѣ, къ которому отъ низу уская, каменистая, ямистая и почти не проходимая стезя между голыми надвислыми камнями и каменными облаками простиралась. Надъ входомъ во храмъ видѣнъ былъ гербъ Россійской имперіи. Надъ главнымъ гзымзомъ надъ столбами представлены были четыре статуи въ бодромъ видѣ, а именно: Любовь, Надежда, Вѣрность и Радость, а на верьху куполы Императорская корона въ полномъ сіяніи. Притомъ видна была по обѣимъ сторонамъ вокругъ внизу далеко простирающаяся и зеленѣющаяся земля, свыше на подобіе лучей осіянная въ видѣ перспективно простирающіяся звѣзды. Знаменованіе сего представленія въ слѣдующихъ стихахъ содержится:

Желая къ храму насъ блаженства возвести", и т. д.
(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1751. № 96. стр. 796—798.)

Описаніе это — исправленный Ломоносовымъ переводъ нѣмецкаго подлинника Штелина. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Ломоносовъ представилъ въ Академическую Канцелярію слѣдующій собственноручный «Репортъ»:

«Описанія иллуминаціи, на 25 число будущаго ноября мѣсяца, исправленой мною переводъ и съ сочиненными мною стихами на онуюже иллуминацію въ Канцелярію Академіи наукъ при семъ присылаю 1751 года Октября 11 дня. Совѣтникъ Михайло Ломоносовъ».

Стихи Штелина на иллюминацію 25 ноября 1751 года:

Hier sieht die Danckbarkeit den Tempel aufgebaut
Den auch die spätste Zeit noch mit Bewundrung schaut,

Den Tempel, den dein Muth zu deines Reichs Vergnügen,
Trotz der Unmöglichkeit, in einer Nacht erstiegen.
Da Liebe, Hoffnung, Treu und Freude Theil annahm,
Und mit erfülltem Wunsch dir froh entgegen kam.
Dadurch erscheint dein Reich in Sternen gleicher Pracht
Und rufft: Elisabeth hat alles widerbracht.

(Рукопись Академическаго Архива, № 158, л. 16–22.)

LXX.

ТЕКСТЪ.

Ар.—Архивъ Академической Канцеляріи. Рукопись № 158. л. 31 об. Писано собственноручно Ломоносовымъ. Подъ стихами подпись его рукою: «Стихи сочинилъ М. Ломоносовъ».

Стихи написаны Ломоносовымъ на иллюминацію 18 декабря 1751 года.

«Описаніе иллуминаціи на высокій день рожденія Ея Императорскаго Величества декабря 18 дня 1751 года.

Представляется простирающійся по обѣ стороны въ прямыхъ линѣяхъ, а въ срединѣ въ великой амфитеатръ соединяющееся веселое мѣсто (Lustplatz), состоящее изъ нѣсколькихъ рядовъ партеровъ, одинъ на другомъ лежащихъ, которые въ надлежащемъ расстояніи дерновыми лѣсницами разсѣчены, сосудами и таксовыми деревьями (Tax-Bäumen) уставлены; позади, на верьху перспективами изъ кедровыхъ деревъ, а напереди изрядными перилами окружены.

Въ срединѣ, на вышепомянутомъ веселомъ мѣстѣ представленъ партеръ о нѣсколькихъ въ округъ къ верьху подымающихся ступеняхъ и канапеяхъ (Ruhebäncken), на которомъ въ марморномъ и золотомъ украшенномъ великомъ сосудѣ видѣнъ великой алой, высоко поднявшійся, а изъ средины онаго видно

золотое вензловое имя Ея Императорскаго Величества подъ короною. Надъ нимъ носится по воздуху небесный ангелъ-хранитель (genius tutelaris), который покрываетъ оное своимъ щитомъ, на которомъ изображенïе солнца усматривается.

Знаменованïе сего аллегорическаго представленïя въ слѣдующихъ стихахъ содержится:

Среди прекраснаго Россïйскаго Раяˮ, и т. д.

Нѣмецкïй подлинникъ оканчивается стихами составителя описанія, академика Штелина:

Der du für die theuren Jahre unserer Monarchin wachst,
Schutzgeist, der du ihre Tage frisch, gesund und fröhlich machst,
Halte ferner deinen Schild über sie und ihre Reiche,
Dasz ihr Wohl und Lebens-Krafft hundertjährgen Pflantzen gleiche,
Da mit jedem Jahre schöner, stärcker und erhöhter gehe
Und zur Wolfahrt gantzer Länder, wie zur Pracht im Lustplatz stehe.

(Рукопись Академическаго Архива. № 158. л. 26—28 об.)

LXXI.

ТЕКСТЪ.

Ар. — Архивъ Академической Канцеляріи. № 158. л. 32. Писано собственноручно Ломоносовымъ; подъ стихами его подпись: «Стихи сочинилъ М. Ломоносовъ».

Надпись Ломоносова напечатана, безъ всякихъ уклоненій отъ его автографа, въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ 1751 г. (№ 4. стр. 30.)

Тамъ же помѣщенъ переводъ замѣтки Штелина объ иллюминаціи:

«Сего генваря 1 числа̀ при наступленіи ночи всѣ домы въ городѣ иллуминованы были, и на обыкновенномъ театрѣ фейэрверковъ видна была слѣдующая иллуминація, а именно: Представлено было Благополучіе на великолѣпномъ педесталѣ, держащее въ одной рукѣ рогъ Изобилія и притомъ жезлъ Эскулапіевъ съ обвившеюся змїею, яко изобрѣтеніе непрерывнаго здравія, и съ каждымъ новымъ годомъ возобновленной крѣпости, а другою возносящее къ верьху щитъ имени Ея Императорскаго Величества, и исходящіе оттуда свѣтлые лучи на около лежащее веселое мѣсто, яко на всю Россійскую Имперію испускающее. Знаменованіе сего представленія въ слѣдующихъ стихахъ содержится:

Веселїемъ сердца̀ годъ новый оживляетъ" и т. д.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. 1752. № 1. стр. 29—30.)

Стихи Штелина на иллюминацію 1 января 1752 года:

Hier setzt des Landes Treu, huldreichste Kayserin,
Für dein erwünschtes Wohl der Wünsche Rauchfasz hin,
Und fleht den Himmel an: er wolte deinem Leben
Mit jedem neuen Jahr verneute Kräffte geben!
Denn hebt die Wolfahrt dich und deinen Ruhm empor
So geht nichts unserm Wohl, nichts unserm Glücke vor:
Dadurch alleine kan dein fünffter Theil der Erden
Auch bey dem rauhsten Nord zum schönsten Lustplatz werden.

(Рукопись Академическаго Архива. № 158. л. 26 об.—27. 32.)